

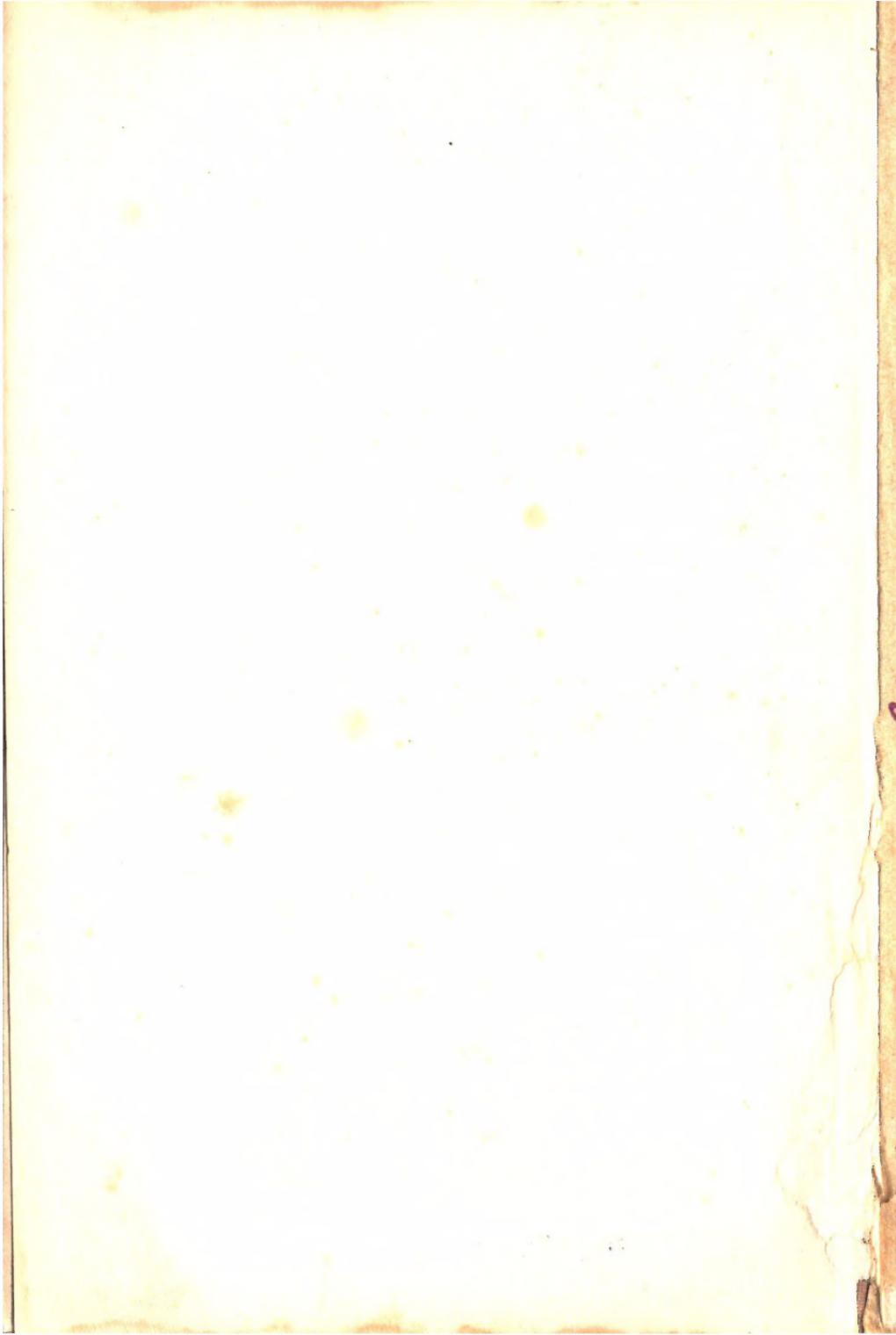
КАРЛ МАРКС

ГОСПОДИН ФОГТ

29475

29473

200

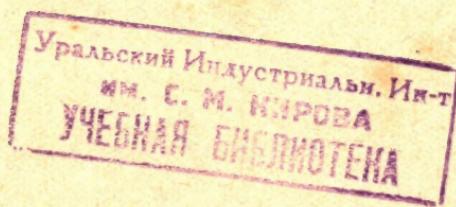


ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

КАРЛ МАРКС

ГОСПОДИН ФОГТ

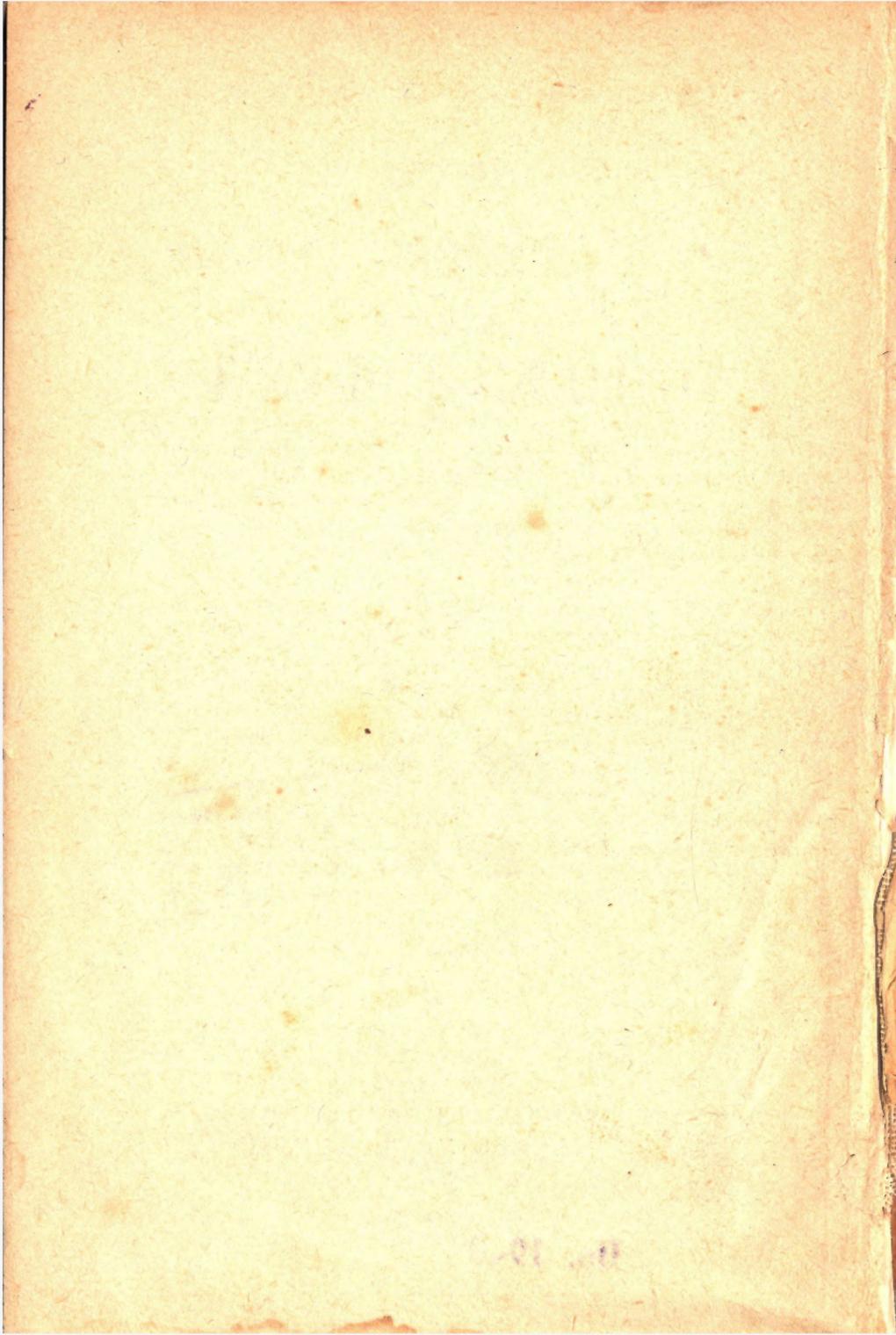
29473



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1938

Пр. 1940



ПРЕДИСЛОВИЕ
ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—
ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП(б)

«Господин Фогт» — объемистый памфлет, написанный и выпущенный Марксом в 1860 г., — наименее известное из крупных произведений Маркса. На немецком языке оно было переиздано в 1917 г. всего лишь в нескольких сотнях экземпляров. Русский перевод его был впервые опубликован в 1933 г. в «Сочинениях» (т. XII, ч. 1). Между тем это произведение, кроме того, что оно представляет огромный исторический интерес, заслуживает сугубого внимания всякого, кто хочет изучить деятельность Маркса — революционера, политического вождя. «Господин Фогт» — блестящий памфлет, образец остроумной полемики; Маркс выступает в нем как вождь пролетарской партии — коммунист, во всеоружии глубоких познаний во всех областях науки и литературы, как знаток текущей политики (внешней и внутренней) всех стран до мельчайших деталей. Энгельс, прочитав книгу, пишет о ней Марксу (3 декабря 1860 г.): «Беци эта превосходна. Особенно превосходны [главы] Исследования и Агентура; это скрупульично». И далее: «Чем больше я читаю книгу, тем больше нравится она мне» (5 декабря 1860 г.). «Это — лучшее полемическое произведение, которое ты когда-либо написал: его стиль проще, чем в Бонапарте [«18 брюмера»], и все же там, где это нужно, оно так же эффектно» (19 декабря 1860 г.). «Господин Фогт» — одна из ярких страниц в истории борьбы Маркса за освобождение пролетариата из пут буржуазного и мелкобуржуазного влияния, за создание самостоятельной пролетарской партии, ведущей рабочий класс на борьбу за диктатуру пролетариата.

Памфлет «Господин Фогт» возник в борьбе Маркса за революционное разрешение вопроса об объединении Германии, этого центрального вопроса революции 1848 года; оставаясь неразрешенным до 1870—1871 гг., этот вопрос до этого момента таил в себе перспективы развертывания могучего народного движения за единую германскую республику, возможности буржуазно-демократической революции, руководимой пролетариатом и создающей предпосылки для перерастания демократической революции в социалистическую. В 1859 г., в связи с франко-итальянско-австрийской войной, наступил критический момент в истории этого вопроса. Вслед за кризисом 1857 г. возникло сильное брожение в бонапартистской Франции, подымалось национальное движение в Италии и Германии. Наполеон III, с согласия России и Англии, выступил в роли «освободителя» угнетенных национальностей, в частности «освободителя» Италии. Он заключил союз с Сардинией против Австрии. Австрия должна была быть изгнана из Ломбардии и Венеции, а Франция получить Савойю и Ниццу как премию за «освобождение» Италии.

Несмотря на то, что успех Наполеона III явно укрепил бы его позицию — позицию главного, наряду с царской Россией, врага национального объединения Германии и врага демократического преобразования всей Европы, — решающее большинство немецких мелкобуржуазных демократов пошло на буксире у Наполеона. Таково же было поведение и венгерских националистов во главе с Кошутом. Одним из представителей немецких мелкобуржуазных демократов, превозносивших Наполеона III как героя, освободителя угнетенных народов, был Карл Фогт, в 1848—1849 гг. бывший одним из вождей левого крыла Франкфуртского парламента.

Маркс и Энгельс как в 1848—1849 гг., так и в 1859 г. решительно выступили за разрешение немецкого национального вопроса революционным путем снизу. Они поощряли, развивали «самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национал-либеральной трусости и мелкобуржуазным обманам и иллюзиям политику», требовали войны Пруссии против Наполеона III,

войны, которая «подтолкнула бы народное движение в Германии» и могла бы превратиться в революционную войну.¹ Литературно-публицистическими документами этой борьбы Маркса и Энгельса является множество их работ: ряд статей в лондонской газете «Das Volk», в «Нью-Йоркской Трибуне», брошюры «По и Рейн», «Савойя, Ницца и Рейн»² и наконец — памфлет «Господин Фогт», который был написан уже после окончания итальянской войны.

Блестящий памфlet Маркса разоблачает сложный переплет интриг Наполеона III на арене международной и внутренней политики и разоблачает вождя немецких мелкобуржуазных демократов — Карла Фогта как агента бонапартизма.

**

Борьба Маркса за разрешение вопроса о национальном объединении Германии революционным путем, «снизу», борьба за расширение и обострение буржуазно-демократических, национально-революционных движений путем участия более широких, «плебейских» масс была борьбой за завоевание гегемонии пролетариата в движении народных масс. «Это соображение Маркса о расширении социальной базы движения, о развитии его,— пишет Ленин,— и отличало коренным образом последовательно-демократическую (т. е. пролетарскую.— ИМЭЛ.) тактику Маркса от непоследовательной, склоняющейся к союзу с национал-либералами, тактики Лассала».³

Памфlet Маркса, направленный против бонапартизма и его агента Фогта, бьет также и по Лассалю. Между тем как Маркс и Энгельс свое отношение к итальянской войне определяли с точки зрения развития пролетарского движения, Лассаль рассматривал войну с точки зрения немецкого националиста, стремящегося к объединению Германии под главенством Пруссии. В своей брошюре «Итальянская война и задачи Пруссии. Голос из лагеря демократии» (Берлин, 1859) и в своих письмах к Марксу Лассаль требовал вмешательства Пруссии про-

¹ Ср. Ленин, Под чужим флагом, Соч., т. XVIII, стр. 104.

² Ср. Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. 2 и т. XII, ч. 1.

³ Ленин, Под чужим флагом, Соч., т. XVIII, стр. 110.

тив Австрии, поддержки Наполеона III, ссылаясь на то, что «австрийский деспотизм опаснее бонапартистского» и что Наполеон как личность, хотя и деспот, но в Италии он служит делу национального освобождения.¹ Позиция Лассалля была своеобразным сочетанием прусского национализма и бонапартизма. Он выступал как «специфический прусский вульгарный демократ с сильными бонапартистскими наклонностями» (Энгельс).² Маркс резко осудил позицию, занятую Лассаллем. В письме к нему он заявил, что он (Маркс) считает несовместимым с интересами пролетарской партии «отвратительное сочетание бонапартизма с декламацией о национальностях», и протестовал против того, что Лассаль «диалектически» поощряет внушающие отвращение контрреволюционные иллюзии либералов-бывателей.³

Лассаль, стоявший на вульгарно-демократических и бонапартистских позициях, не только не поддерживал Маркса, когда Фогт выступил с грязными клеветами против Маркса, но прямо препятствовал тому, чтобы Маркс выступил на страницах германской прессы. Маркс писал Энгельсу 26 ноября 1859 г. о Лассале, что этот последний «дует в одну дудку с Фогтом и ни за что не хочет, чтобы берлинская публика узнала о моей позиции враждебной Фогту и его пропаганде».

* * *

Борьба Маркса против бонапартизма вообще, против Фогта в частности, была борьбой за партию, за прошлое и будущее партии коммунистов. Отразив бешеную и дикую атаку Фогта и буржуазной печати, Маркс защищал не только самого себя, но прежде всего ту партию, признанным вождем которой он являлся, — пролетарскую, коммунистическую партию. В то время эта партия не была еще оформленной партией; она состояла из небольшого круга лиц, связанных в большинстве непосредственно с Марксом. Но это обстоятельство не умаляло, а, наоборот, увеличивало чувство ответственности Маркса за дело партии. Именно интересы партии заста-

¹ F. Lassalle's, Reden und Schriften, Bd. I, Berlin 1892, p. 316.

² Письмо Энгельса к Каутскому от 23 февраля 1891 г. См. Маркс, Критика Готской программы, стр. 72, ИМЭЛ, 1932.

³ Маркс — Лассаллю 22/XI 1859 г.

вили Маркса вести энергичную борьбу против клеветнической кампании Фогта и ему подобных. Свое решение «ответить «Nationalzeitung» в судебном порядке, а Фогту в печати» Маркс объясняет: «Теперь брошюра и заявлением в газетах ничего не поделаешь. Брошюра будет убита той самой печатью, которая теперь провозглашает величие Фогта. Атака его (Фогта) против меня — он, очевидно, старается изобразить меня ничтожной буржуазно-негодайской мразью — должна означать сильный удар буржуазной вульгарной демократии и одновременно русско-бонапартистской сволочи — против всей партии. Поэтому и ответить следует сильным ударом... Только этого еще недоставало, чтобы теперь, когда предстоит кризис, когда должен скоро умереть прусский король и т. д., дать себя таким образом изничтожить какому-то имперскому Фогту и К° или даже auctore Lassallo [при помощи Лассала] самим себе перерезать собственное горло». ¹ В письме к Фрейлиграту (23 февраля 1860 г.), а также и к Шапперу (27 февраля 1860 г.) Маркс со всей силой подчеркивает, что его борьба против Фогта имеет «решающее значение для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии». ²

**

Маркс с исключительной тщательностью разработал свое полемическое выступление против Фогта, он сделал из него блестящий политический памфлет как по содержанию, так и по форме. Огромное впечатление книга произвела не только на друзей Маркса, но и на людей, прямо враждебных Марксу — на друзей Фогта.

Так, по словам Маркса (письмо к Энгельсу от 19 декабря 1860 г.), «Циммерман из Шпандау (теперь адвокат в Лондоне), экс-депутат, закадычный друг Фогта, прежде большой ненавистник... моей особы... заявил...: что же касается Фогта, то он не хотел верить в его продажность, хотя легкомыслие и тщеславие этого господина ему известны. Но теперь моя книга убедила его, что Фогт самый заурядный «mouchard» (шпион),

¹ Маркс — Энгельсу от 3 февраля 1860 г.

² См. «Приложения Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)» № 9.

только размерами жалованья отличающейся от *tourchardus vulgaris* [обычного шпиона] и т. д. Он [Циммерман] написал и своим знакомым в Швейцарии, чтобы Фогт не сомневался насчет его мнения о нем. Бухер написал Боркгейму, что доказательства против Фогта вполне основательны. Кроме того моя книга уничтожила все «предрассудки, которые он питал насчет агитационной деятельности Маркса».

Этого результата Маркс добился, правда, несколько задержав выход брошюры. «Главной причиной задержки всегда является твоя собственная скрупулезность», — пишет Энгельс (письмо от 31 января 1860 г.). — «Это дело [с брошюрой против Фогта] слишком затягивается, — пишет Женни Маркс Энгельсу, 14 августа 1860 г., — и мне представляется, что Карл делает эту вещь чересчур основательно».

И действительно, Маркс отнесся к делу со всей свойственной ему тщательностью. «Мне пришлось — не считая беготни... чорт знает к кому — разослать во все стороны, по меньшей мере, пятьдесят писем», — пишет он Энгельсу уже 9 февраля 1860 г., т. е. в начале работы.

Все, к кому только можно было обратиться — непосредственно или посредственно, — были привлечены Марксом к даче тех или иных показаний о Фогте и его связях, о лицах и событиях, о которых Фогт писал. Вся продажная бонапартовская литература была внимательно изучена, пересмотрены собственные архивы, опрошены многочисленные лица разных положений и обследована историческая обстановка, в которой они себя проявляли. Маркс обрабатывал «свою приятную тему» «до известной степени артистически».

Огромная и разносторонняя научная эрудиция и великолепное знакомство с литературой всех времен и народов дают Марксу неисчислимые ресурсы, чтобы придать своей работе необычайный блеск крупного литературного произведения. «Господин Фогт» — образец polemического памфлета, в котором стиль Маркса достигает поразительного совершенства. В «Господине Фогте» находит яркое отражение значительный кусок действительной истории, которая в живой панораме проходит перед читателем. Наиболее яркие страницы, естественно, отведены самому Фогту. Но в своем качестве подкуплен-

ного глашатая внешней политики героя 10 декабря лживый и своекорыстный Фогт не одинок: он представлен вместе с целой плеядой творцов европейского общественного мнения, заправил крупных газет, издателей политических памфлетов, построчных писак, шпионов и провокаторов. Характеристики этих лиц блещут необычайным остроумием и убийственны своим сокрушительным сарказмом. Дополнительно получает яркую характеристику бонапартовский режим и сам герой 10 декабря Наполеон III. Ничтожество, жадность, пошлость, убожество буржуазного общества, для которого Фогт был большим политиком, ученым, героем дня, отражены в этих представителях буржуазной культуры, которую Маркс умеет так ненавидеть и умеет так уничтожить своим гениальным пером. С такой же уничтожающей насмешкой снимает Маркс покровы мишурной славы с политических знаменитостей, божков буржуазно-демократической улицы, разоблачая их уголовные преступления, низость, предательство и пошлость в их поведении на общественном поприще, в их отношениях к единомышленникам, к громко провозглашаемым принципам. Такие фигуры буржуазных героев, как Кошут, Фази, Клапка, которых Маркс называет «патронами» Фогта, только под пером Маркса находят свою неподкупную оценку, беспощадно правдивую политическую биографию, в которой смыта вся их наносная слава, случайно приобретенная на гребне революционной волны и превозносимая мелкобуржуазной толпой под впечатлением их звонких и безответственных фраз. Ничтожными и жалкими предстают эти мнимые герои перед читателем после того, как Маркс показывает их в истинном их виде. «Господин Фогт» — блестящее историческое произведение, которое дает яркую картину буржуазного общества в период победы контрреволюции 50-х годов прошлого века.

Маркс в конце сводит счеты также и с прусскими судами. Порядки и нравы прусской юстиции нашли также резкую отповедь в памфлете.

Германская социал-демократия относилась к «Господину Фогту» отрицательно и не переиздавала это произведение. Она давала ему оценку как устаревшему и потерявшему всякий интерес, потому что Маркс вынужден был будто бы в этой работе разменивать на ме-

лочи свой талант, занимаясь различными грязными эмигрантскими историями. Историческое значение этого произведения как образца борьбы за пролетарскую партию против клеветы, которой буржуазная свора пыталась партию погубить, — это значение оставалось недоступным пониманию социал-демократических филистеров.

**
**

Настоящее издание представляет в основном перепечатку из тома XII, части 1 Сочинений Маркса и Энгельса. В этой работе Маркс так часто прибегает к игре слов, к выражениям из одинаково звучавших слов и вообще виртуозно пользуется изгибами немецкого языка, в том числе и старонемецкого, а также другими европейскими языками, в том числе и древними, — что перевод ее представляет большие трудности, в некоторых местах почти непреодолимые. В таких случаях наряду с переводом приводятся подлинные выражения оригинала. Иностранные выражения, употребляемые Марксом, сопровождаются в тексте переводом их, заключенным в квадратные скобки. Приводимые французские и английские документы точно так же снабжены переводами.

Настоящее отдельное издание дополнено рядом открытых писем, полемических заявлений Маркса, написанных им в связи с фогтowsким делом еще до выхода книги. Некоторые из этих документов Маркса остались неопубликованными (№ 6 и 8 «Приложений Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)»), другие же, напечатанные Марксом в свое время в различных органах печати, со времени их первого появления никогда не перепечатывались (см. «Приложения Института» № 2, 4, 5, 7, 12, 13). Особый интерес из них представляет заявление Маркса от 7 ноября 1859 г. против аугсбургской «Allgemeine Zeitung»; в этом заявлении Маркс дает сжатый обзор своей публицистической деятельности за период от конца 1856 г. до 1859 г. В «Приложениях» мы печатаем также статью Энгельса из «Volksstaat» от 10 мая 1871 г., которую он написал после свержения Наполеона III, когда в ведомостях по расходованию секретных фондов Наполеона III оказа-

лась отметка о выплаченных Фогту 40 000 франков. Далее в наши «Приложения» включены выдержки из важнейших писем Маркса Лассалю и Фрейлиграту, бросающие свет как на колебания, шатания и малодушие этих сомнительных друзей, так и на главнейшую политическую цель, которую преследовал Маркс во всей этой сложной полемике, — на создание пролетарской, коммунистической партии.

**

Кроме указанных выше дополнений приложены:
1) Указатель имен; 2) Указатель мифологических и литературных имен; 3) Указатель цитированных произведений Маркса и Энгельса (римскими цифрами обозначены тома Сочинений, арабскими — страницы); 4) Предметный указатель.

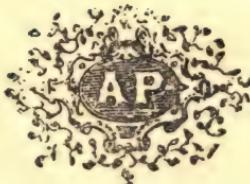
*Институт Маркса — Энгельса —
Ленина при ЦК ВКП(б).*

100

Herr Vogt.

Bei

Karl Marx.

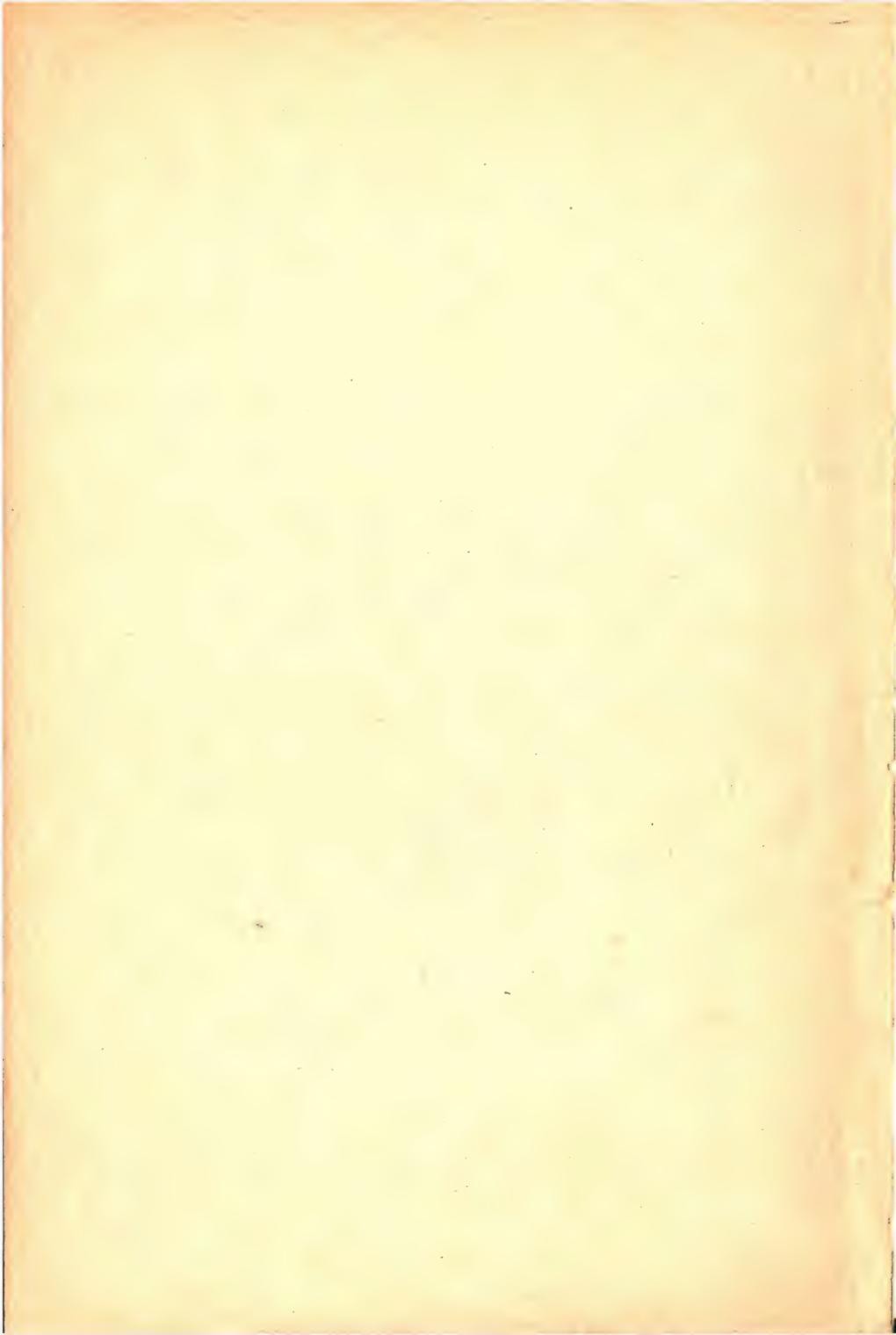


London,

A. Wetsch & Co., deutsche Buchhandlung,
78. FENCHURCH STREET, E.C.

1860.

Обложка первого издания книги «Господин Фогт»
«HERR VOGT» — 1860 г.



ПРЕДИСЛОВИЕ

Под датой «Лондон, 6 февраля 1860 г.» я опубликовал в берлинской «Volkszeitung», гамбургской «Reform» и других немецких газетах заявление, начинавшееся следующими словами:

«Настоящим заявляю, что мной сделаны подготовительные шаги для привлечения к суду берлинской «Nationalzeitung» по обвинению ее в клевете за передовые статьи в №№ 37 и 41 по поводу памфлета Фогта: «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung». Фогту я отвечу в печати позднее».

Почему я решил ответить Карлу Фогту в печати, а «Nationalzeitung» в судебном порядке, будет видно из предлагаемой работы.

В феврале 1860 г. я подал жалобу в суд на «Nationalzeitung» по обвинению ее в клевете. После того как дело прошло уже четыре предварительных инстанции, я получил 23 октября текущего года постановление королевского прусского верховного суда, которым я был лишен права на иск в последней инстанции, и процесс таким образом был прекращен до публичного разбирательства. Если бы публичное разбирательство действительно состоялось — на что я имел право рассчитывать, — то я мог бы обойтись без первой трети предлагаемого произведения. Достаточно было бы перепечатать стенографический отчет судебного разбирательства, и я был бы избавлен от крайне неприятного труда отвечать на обвинения, выдвинутые лично против меня, и, следовательно, говорить о самом себе. Я всегда усиленно старался избегать этого, и Фогт мог поэтому ожидать, что его лживые измышления будут иметь некоторый успех. Однако sunt certi denique fines [всему есть предел]. Фогт в своей книжонке, — содержание которой «National-

zeitung» изложила на свойственный ей манер, — приписал мне ряд позорящих поступков, которые теперь, когда у меня окончательно отнята возможность *публичного* опровержения их в судебном порядке, требуют опровержения в печати. Но независимо от этих соображений, которые не оставляли никакого выбора, у меня были еще и другие мотивы подробнее разобрать «охотничьи рассказы» Фогта обо мне и моих партийных товарищах, раз уже я должен был заняться этим делом: с одной стороны, почти единодушные клики торжества, которыми так называемая «либеральная» немецкая печать приветствовала его мнимые разоблачения; с другой стороны — возможность, которую предоставлял анализ фогтовской стряпни для характеристики этого индивидуума, представляющего целое направление.

Ответ Фогта заставил меня кое-где приоткрыть partie honteuse [срамоту] в истории эмиграции. Я пользуюсь при этом только правом «самообороны». Впрочем, эмиграции, за исключением нескольких человек, можно поставить в упрек только иллюзии, которые более или менее оправдывались текущими обстоятельствами, и глупости, неизбежно возникавшие в исключительной обстановке, в которой она неожиданно очутилась. Я говорю здесь, конечно, только о первых годах эмиграции. Сравнение истории правительства и буржуазного общества за период, примерно, с 1849 по 1859 г. с историей эмиграции за тот же период было бы самой блестящей защитой, какую только можно было бы для нее написать.

Я заранее знаю, что те самые мудрецы, которые при появлении фогтовской книжонки озабоченно качали головами по поводу серьезности его «разоблачений», теперь совсем не в состоянии будут понять, как могу я тратить время на опровержение подобного вздора; в то же время «либеральные» писаки, с таким злопыхательством распространявшие пошлие глупости Фогта и его бесцельную ложь в немецкой, швейцарской, французской и американской печати, будут находить мой способ разделываться с ними и их героям злобным и непристойным. But never mind! [Что поделаешь!]

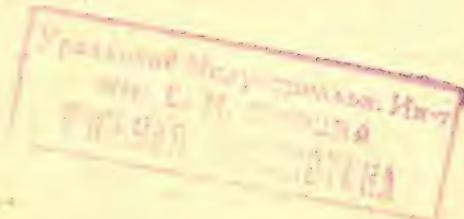
Политическая и юридическая часть этой работы не нуждается ни в каком особом предисловии. Во избежание возможных недоразумений, я замечу лишь следую-

щее: люди, которые уже до 1848 г. сходились в том, что независимость Польши, Венгрии и Италии надлежит отстаивать не только как *право* этих стран, но и как *интерес* Германии и Европы, высказывали диаметрально противоположные взгляды о тактике, которой должна была придерживаться Германия по отношению к Луи Бонапарту в связи с итальянской войной 1859 года. Эта противоположность взглядов вытекала из противоположной оценки *фактических предпосылок*, о которых окончательное суждение должно быть предоставлено будущему. Я в этом произведении занимаюсь только взглядами Фогта и его клики. Даже те взгляды, которые он *обещал* отстаивать и — в *воображении* некритической группы лиц — отстаивал, фактически остаются за пределами моей критики. Я разбираю лишь те взгляды, которые он в *действительности* отстаивал.

В заключение я выражают сердечную благодарность за любезную помощь, оказанную мне в этой работе не только старыми партийными товарищами, но и многими, ранее мне неизвестными, а отчасти и теперь еще лично незнакомыми членами эмиграции в Швейцарии, Франции и Англии.

Карл Маркс.

Лондон, 17 ноября 1860 г.



I. СЕРНАЯ БАНДА

Clarín: Malas pastillas gasta;
...hase untado
Con ungüento de azufre.

(Calderon.)

[Кларин: Он мелет вздор;
... он натерся
серною мазью.
(Кальдерон.)]

«Округленная натура», как деликатно называл адвокат Герман перед окружным судом в Аугсбурге своего шарообразного клиента, наследственного Фогта из Нихильбурга¹, — «округленная натура» начинает свою вздорную историографическую стряпню следующим образом:

«Под именем *серной банды* (Schwefelbande)², или также под не менее характерным названием *бюргстенгеймеров*³ (Bürstenheimer), была известна среди эмиграции 1849 г. группа лиц, которые сначала жили в различных местах Швейцарии, Франции и Англии, постепенно собирались в Лондоне и в качестве своего видимого вождя почитали *Маркса*. Политическим принципом этой компании была диктатура пролетариата и т. д.». (Карл Фогт, «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung», Женева, декабрь 1859 г., стр. 136.) «Главная

¹ Игра слов: Vogt по-немецки означает — наместник, регент. Erb-Vogt буквально значит — наследственный регент; Фогт был имперским регентом. Ред.

² «Серной бандой» («Schwefelbande») первоначально была в шутку названа студенческая организация Иенского университета *Sulphuria*; за отказ от сatisфакции организация была объявлена под бойкотом; кличка «серная банда» становится оскорбительной и получает распространение как название всякой шайки преступных элементов, особенно шайки или банды поджигателей. Ред.

³ Происхождение названия объяснено дальше. Ред.

книга»¹, в которой находится это важное сообщение, появилась в декабре 1859 года. Но за восемь месяцев до того, в мае 1859 г., «округленная натура» поместила в бильском «Handelscourier» статью, которую следует рассматривать как эскиз более пространной историографической стряпни. Послушаем первоначальный текст: «С поворотного момента в ходе революции 1849 г.— сочиняет бильский *Коммивояжер* — в Лондоне постепенно собралась шайка изгнанников, члены которой были известны в свое (!) время в швейцарской эмиграции под названием «бюргенгеймеров» или «серной банды». Их вождь — *Маркс*, бывший редактор «Rheinische Zeitung» в Кёльне, их лозунг — социальная республика, диктатура рабочих, их занятие — организация союзов и заговоров». (Перепечатано в «Главной книге». Третий отдел. Документы, № 1, стр. 31, 32.)

Шайка изгнанников, которая была известна «в швейцарской эмиграции» под названием «серной банды», превращается восемь месяцев спустя перед более многочисленной публикой в «рассеянную по Швейцарии, Франции и Англии» массу, которая «среди эмигрантщины» вообще была известна под названием «серной банды». Это старая история о лошади из зеленого кендалльского сукна², так забавно рассказанная прототипом Карла Фогта, бессмертным сэром Джоном Фальстафом, который нисколько не убавился в *веществе* в своем новом зоологическом перевоплощении. Из первоначального текста бильского *Коммивояжера* видно, что «серная банда» и «бюргенгеймеры» были местной швейцарской флоры. Ознакомимся с их естественной историей.

Узнав от друзей, что в 1849—1850 гг. в Женеве действительно процветало общество эмигрантов под именем «серной банды» и что видный купец лондонского Сити, С. Л. Боркгейм, может дать более точные сведения о происхождении, росте и распаде этого гениального общества, я в феврале 1860 г. обратился письменно к этому

¹ Так Маркс вслед за Фогтом называет его книгу, в отличие от других, более мелких его выступлений в печати по тому же поводу, которые все были перепечатаны вновь в этой «Главной книге». Ред.

² См. *Шекспир*, Генрих IV, ч. 1, акт II, сцена IV. Ред.

господину, тогда мне неизвестному, и после личной встречи действительно получил от него нижеследующий набросок, который я перепечатываю без изменений:

«Лондон. 12 февраля 1860 г.
18, Union Grove, Wandsworth Road.

Милостивый государь!

Хотя мы, — несмотря на девятилетнее пребывание в одной и той же стране и большую частью в одном городе, — три дня тому назад еще не были лично знакомы друг с другом, Вы совершенно правильно предположили, что я не откажу Вам, как товарищу по эмиграции, в разъяснениях, которые Вам угодно было запросить.

Итак, о «серной банде».

В 1849 г., вскоре после того, как мы, повстанцы, выкатились из Бадена, несколько молодых людей оказались в Женеве, — одни, высленные туда по распоряжению швейцарских властей, другие по собственному выбору. Все они — студенты, солдаты или купцы — были приятелями еще в Германии до 1848 г. или перезнакомились друг с другом во время революции.

Настроение у эмигрантов было совсем не радужное. Так называемые политические вожаки взваливали друг на друга вину за неудачу. Военные руководители критиковали друг друга за отступательные наступления, фланговые передвижения и наступательные отступления. Стали обзывать друг друга буржуазными республиканцами, социалистами и коммунистами. Посыпались памфлеты, отнюдь не способствовавшие успокоению. Повсюду мерещились шпионы, а, в довершение всего, одежда у большинства превращалась в лохмотья, и на многие лица легла печать голода. При таких-то стесненных обстоятельствах и подружились указанные молодые люди. Это были: Эдуард Розенблом, уроженец Одессы, немецкого происхождения; он изучал медицину в Лейпциге, Берлине и Париже; Макс Конгейм из Фрауэнштадта, торговый служащий, а в начале революции одногодичный вольноопределяющийся в гвардейской артиллерии; Корн, химик и аптекарь из Берлина; Беккер, инженер из Рейнской области, и я сам, сдав в 1844 г. экзамен на аттестат зрелости в Вердеровской гимназии в Берлине, учился затем в университетах в Бреславле, Грайфс-

вальде и Берлине; в революцию 48 года — канонир в моем родном городе (Глогау).

Ни одному из нас, думается мне, не было больше 24 лет. Мы жили все в близком соседстве, а одно время даже в одном доме, в районе Grand Pré. Нашей главной задачей в этой маленькой стране с ее ничтожными перспективами заработка было не поддаваться гнетущему и деморализующему влиянию общей эмигрантской нищеты и упадочного политического настроения. Климат, природа были великолепны, — мы не забыли своего бранденбургского прошлого и находили *местность божественной* (*die Jegend jottvoll*)¹. То, что было у одного из нас, было у всех, а если ни у кого ничего не было, то мы находили добродушных трактирщиков или других добрых людей, которым доставляло удовольствие давать нам кое-что в долг под наши молодые жизнерадостные лица. Мы все, вероятно, имели очень честный и сумасбродный вид. С благодарностью следует вспомнить владельца *Café de l'Europe*, Бертена, который в буквальном смысле слова *неустанно* «кредитовал» не только нас, но и многих других немецких и французских изгнанников. В 1856 г., после шести летнего отсутствия, я, возвращаясь из Крыма, посетил Женеву только для того, чтобы с благодарностью благомыслящего «гуляки» уплатить свои долги. Добрый, круглый, толстый Бертен был поражен и уверял меня, что я первый доставил ему такое удовольствие, что тем не менее он нисколько не жалеет, что у него от 10 до 20 тысяч франков осталось за эмигрантами, которых уже давно повысали во все концы света. Не думая о долгах, он с особенной сердечностью осведомлялся о моих ближайших друзьях. К сожалению, я мало мог ему рассказать.

После этого отступления возвращаюсь к 1849 году.

Мы весело бражничали и распевали. Помню, за нашим столом перебывали эмигранты всевозможных политических оттенков, в том числе французские и итальянские. Веселые вечера, проведенные в таком *dulci jubilo* [милом веселье], казались всем какими-то оазисами в печальной в общем пустыне эмигрантской жизни. И друзья, бывшие тогда членами Большого женевского со-

¹ Конец фразы на местном (берлинском) наречии. Ред.

бета или ставшие ими впоследствии, принимали иногда участие в наших пиршках.

Либкнехт, который находится теперь здесь и которого за девять лет я три или четыре раза случайно встретил на улице, нередко бывал в нашем обществе. Студенты, доктора, бывшие гимназические и университетские товарищи, во время каникулярных прогулок осушали с нами не мало стаканов пива и бутылок доброго и дешевого маконского вина. Иногда мы целые дни, а то и недели проводили на Женевском озере, не вылезая на берег, и с гитарами в руках распевали любовные романсы в честь дам под окнами вилл на савойской или швейцарской стороне.

Должен сознаться, что кровь буршой нередко сказывалась у нас в непозволительных выходках. В этих случаях славный, ныне покойный *Альберт Галеер*, небезызвестный политический противник Фази в рядах женевской буржуазии, в дружеском тоне отчитывал нас. «Вы сумасбранные бурши, — говорил он; — следует, впрочем, признать, что если хочешь сохранить такую жизнерадостность в невеселой эмигрантской жизни, то нельзя слабеть телом и падать духом, а для этого нужна изрядная упругость». Этому добруму человеку трудно было сильнее бранить нас. Он был членом Большого совета женевского кантона.

Дуэль состоялась, насколько мне известно, только одна, на пистолетах, между мной и неким господином Р....н. Повод был, однако, вовсе не политического характера. Моим секундантом был один женевский артиллерист, говоривший только по-французски, а арбитром молодой *Оскар Галеер*, брат члена Большого совета, впоследствии в Мюнхене, где он был студентом, преждевременно унесенный в могилу нервной лихорадкой. Должна была состояться еще другая дуэль — тоже не политического характера — между Розенблюном и одним баденским эмигрантом, лейтенантом фон Ф....г, который вскоре после этого вернулся на родину и, кажется, снова вступил в восстановленную баденскую армию. Недоразумение было улажено утром в день поединка благодаря посредничеству г. Энгельса, — кажется, того самого, который, говорят, живет теперь в Манчестере и которого я не видел с тех пор. Этот г. Эн-

гельс был в Женеве проездом, и в его веселом обществе мы распили не мало бутылок вина. Встреча с ним, если память мне не изменяет, была нам особенно приятна потому, что его кошельку мы могли предоставить руководящую роль.

Мы не примкнули ни к так называемым «синим», ни к «красным» республиканским, ни к социалистическим, ни к коммунистическим партийным вожакам. Мы позволяли себе судить свободно и независимо, — не скажу, чтобы всегда правильно, — о политике имперских регентов, членов Франкфуртского парламента и других говорилен, революционных генералов и капралов или далайлам коммунизма и основали даже для этой, а также для других забавлявших нас целей еженедельную газету под названием:

Rummeltpuff

Орган бродягократии (*Lausbubokratie*)¹

Вышло только два номера этой газеты. Когда меня позднее арестовали во Франции, чтобы выслать сюда, французская полиция забрала у меня все мои бумаги и дневники, и теперь я не припоминаю в точности, прекратила ли газета свое существование за отсутствием средств или же была запрещена властями.

«Филистыры» — они принадлежали к так называемым буржуазным республиканцам, были такие и из рядов так называемых коммунистических рабочих — прозвали нас «серной бандой». Иногда мне кажется, что мы сами так окрестили себя. Во всяком случае, применялось это прозвище к нашему обществу исключительно в добродушном немецком смысле этого слова. Я дружески встречаюсь с товарищами по изгнанию, друзьями г. Фогта, и с другими изгнанниками, бывшими и нынешними еще, вероятно, Вашими друзьями. Но мне никогда,

¹ Такое прозвище, если память мне не изменяет, было дано всем либеральным партиям в одной из мелких германских законодательных палат или во Франкфуртском парламенте. Мы хотели увековечить его (*Боркгейм*).

Как более точно вспоминает в «Neue Zeit» (1890, стр. 235) другой участник «серной банды» Р. Рюэгг (R. Rüegg «Erinnerungen eines deutschen Achtundvierzigers»), название дано было ультраконсервативным членом баварской палаты профессором Лассо (Lasseaux) радикалам и либералам. Ред.

к счастью, не пришлось слышать, чтобы презрительно отзывались о членах «серной банды» как по поводу политической, так и личной их жизни.

Это единственная «серная банда», которую я знаю. Она существовала в Женеве в 1849—1850 годах. В середине 1850 г. немногочисленные члены этого опасного общества, за исключением Корна, должны были покинуть Швейцарию, так как принадлежали к подлежавшим высылке категориям эмигрантов. Так прекратила свое существование наша «серная банда». Были ли в других местностях другие «серные банды», где именно и с какими целями, — мне ничего неизвестно.

Корн, кажется, остался в Швейцарии и обосновался там в качестве аптекаря. Конгейм и Розенблум уехали перед битвой при Идштедте в Гольштинию. Они оба, кажется, принимали в ней участие. Позже, в 1851 г., они отправились в Америку. Розенблум в конце того же года вернулся в Англию и в 1852 г. уехал в Австралию; с 1855 г. я о нем не имел оттуда никаких сведений. Конгейм, говорят, состоит уже в течение некоторого времени редактором «Newyorker Humorist». Беккер тогда же, в 1850 г., уехал в Америку. Что с ним стало, я, к сожалению, не могу точно сказать.

Я лично провел зиму 1850—1851 гг. в Париже и Страсбурге. В феврале 1851 г. я, как уже упомянуто, был арестован французской полицией, подвергся насилию и был выслан в Англию, причем в течение трех месяцев меня протащили через 25 тюрем и на протяжении большей части пути везли закованным в тяжелые железные кандалы. Потратив первый год своего пребывания в Англии на ознакомление с языком, я занялся торговой деятельностью, не переставая живо интересоваться политическими событиями на родине, но держась всегда в стороне от всяких затей политических эмигрантских кружков. Живется мне сносно, или, как говорят англичане, «very well, sir, thank you!» [«очень хорошо, сэр, благодарю вас!»]. Вините себя самого в том, что Вам пришлось выслушать длинную и отнюдь не очень поучительную историю.

Остаюсь с уважением преданный Вам

Сигизмунд Л. Боркейм».

Таково письмо *Боркгейма*. В предчувствии своей исторической важности «серная банда» предусмотрительно позаботилась вклинить в книгу истории акт своего гражданского состояния гравюрами на дереве. Именно, первый номер «Rummeltpuff» украшен портретами его основателей.

Гениальные господа из «серной банды» принимали участие в республиканском путче Струве в сентябре 1848 г., затем сидели в тюрьме в Брухзалье до мая 1849 г., наконец, сражались в качестве солдат в кампанию за имперскую конституцию; эта кампания и перебросила их через швейцарскую границу. В 1850 г. два матадора из банды, Конгейм и Розенблум, прибыли в Лондон, где они «собрались» вокруг *Густава Струве*. Я не имел чести лично с ними познакомиться. Политически они установили со мною отношения, попытавшись в противовес Лондонскому эмигрантскому комитету, руководимому тогда мной, Энгельсом, Виллихом и другими, основать под руководством Струве свой собственный комитет. Направленное против нас «Proonciamento» этого комитета, подписанное Струве, Розенблумом, Конгеймом, Бобцином, Грунихом и Освальдом, появилось, между прочим, и в «*Berliner Abendpost*».

В эпоху расцвета Священного союза угольная банда (карбонарии) представляла для полицейской разработки и аристократической фантазии совершенно неистощимый пласт. Не думал ли наш имперский *Gorgellantua* [Горгеллянтюа]¹ для вящшей пользы тевтонской буржуазии эксплуатировать «серную банду» по способу «угольной банды»? Селитряная банда восполнила бы полицейское триединство. Может быть, *Карл Фогт* не расположен к сере, потому что не выносит запаха пороха. Или, подобно иным больным, он не терпит своего специфического лекарства? Как известно, специалист по секретным болезням доктор *Радемахер* классифицирует болезни по их лекарствам. В таком случае в число серных болезней попало бы то, что адвокат Герман назвал

¹ Германализированное имя героя романа *Рабле* — *Gargantua* (*Гаргантюа*); вместо романского корня *garg*, который встречается во всех романских словах, обозначающих горло, глотку, у Маркса поставлено немецкое слово *Gurgel* (или *Gorgel*), имеющее то же значение. *Ped.*

в окружном суде в Аугсбурге «округленной натурой» своего клиента, что Радемахер называет «натянутым, как барабан, животом», а еще более крупный врач Фишарт — «выпуклым французским пузом». Все фальсташовские натуры страдали, таким образом, более чем в одном отношении от серной болезни. Или, может быть, *Фогту* его зоологическая совесть напомнила, что сера — смерть для чесоточных клещей и что особенно не выносят серы клещи, неоднократно менявшие свою кожу? Как показали новейшие исследования, только перенесший линьку клещ способен к оплодотворению и поэтому, доразвился до самосознания. Замечательное противоречие! На одной стороне *сера*, на другой — *чесоточный клещ* в сознании собственного достоинства. Но во всяком случае на г. Фогте лежала обязанность доказать своему «императору» и либеральному тевтонскому буржуа, что все беды «с поворотного момента революции 1849 г.» произошли от женевской *серной банды*, а не от парижской *декабрьской банды*. Лично меня он должен был взвести в главари столь опорочиваемой им и мне, до появления его «Главной книги», совершенно неизвестной серной банды в наказание за мои продолжавшиеся много лет преступления против главы и членов «банды 10 декабря». Чтобы сделать понятным справедливый гнев «приятного собеседника», я приведу здесь некоторые касающиеся «декабрьской банды» отрывки из моего сочинения: «*Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte*» [«18 Брюмера Луи Бонапарта»], Нью-Йорк 1852 (см. стр. 31, 32 и 61, 62).

«Эта банда¹ возникла еще в 1849 году. Под предлогом организации благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой секцией руководили бонапартовские агенты, во главе всей организации — бонапартовский генерал. Наряду с разорившимися распутниками из аристократии, с сомнительными средствами существования и сомнительного происхождения, наряду с упадочными

¹ Речь идет об «Обществе 10 декабря» (10 декабря 1848 г. Луи Наполеон был избран президентом Французской республики). Под видом благотворительной деятельности общество это подготовляло осуществление реставрационных планов Бонапарта. Ред.

и авантюристскими отпрысками буржуазии — бродяги, отставные солдаты, освобожденные арестанты, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманники, воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, грузчики, поденщики, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие — словом, вся неопределенная, распутная, бродяжническая масса, которую французы называют *la bohème* [богема]; из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро банды 10 декабря. «Благотворительное общество» — поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность ублаготворять себя за счет трудающейся нации.

Бонапарт, который конституируется как шеф люмпен-пролетариата, который только в этой массе находит интересы, преследуемые им лично, который в этих подонках, отбросах, в этом отребье всех классов видит единственный класс, на который он безусловно может опираться, — таков настоящий Бонапарт, Бонапарт *sans phrases* [без прикрас], безошибочно узнаваемый даже тогда, когда он, впоследствии всемогущий, расплачивается с частью своих старых товарищей по заговору, ссылая их в Кайенну вместе с революционерами. Стальный продувной прожигатель жизни, он смотрит на историческую жизнь народов и на их важнейшие государственные акты как на комедию в самом пошлом смысле этого слова, как на маскарад, где все величие в костюмах, словах и позах служит лишь маской для мелкой подлости. Так, в его походе на Страсбург дрессированный швейцарский коршун исполняет роль наполеоновского орла. Для нападения на Булонь он на нескольких лондонских лакеев напяливает французские мундиры. Они представляют армию. В своей банде 10 декабря он набирает десять тысяч оборванцев, которые должны представлять народ, как Клаус Цеттель — льва...

Чем для социалистических рабочих были Национальные мастерские, а для буржуазных республиканцев ле-лучая гвардия, тем была для Бонапарта банда 10 декабря — характерной для него партийной боевой силой. В его поездках сопутствующие отряды этой банды должны были импровизировать ему публику, выражать

народный энтузиазм, реветь «vive l'Empereur!» [«да здравствует император!»], оскорблять и избивать республиканцев, — разумеется, под охраной полиции. На его обратном пути в Париж они должны были служить авангардом, предупреждать или разгонять враждебные демонстрации. Банда 10 декабря принадлежала ему, была им создана, им самим изобретена. То, что он сверх того присваивает себе, дается ему силой обстоятельств; то, что он сверх того вершит, вершат события за него или он довольствуется копированием деяний других. Он — публично перед бюргерами с официальными фразами о порядке, религии, семье, собственности, а за его спиной — тайное общество Шуфтерле и Шпигельбергов, общество беспорядка, проституции и воровства, — таков сам Бонапарт как оригинальный творец, и история банды 10 декабря — его собственная история...

Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать одному, не отнимая у другого. Подобно герцогу Гизу, слышавшему во времена Фронды самым обязательным человеком во Франции, потому что он превратил все свои имения в долговые обязательства своих сторонников на себя, и Бонапарт хотел бы быть самым обязательным человеком во Франции и всю собственность, весь труд Франции превратить в долговое обязательство на себя лично. Ему хотелось бы *украсть* всю Францию, чтобы *подарить* ее Франции же, или, вернее, чтобы *купить* потом Францию на французские же деньги; в качестве шефа банды 10 декабря он вынужден покупать то, что ему должно бы принадлежать. Институтами купли становятся все государственные учреждения: сенат, государственный совет, законодательный корпус, судебные учреждения, орден Почетного легиона, солдатская медаль, прачечные, казенные постройки, железные дороги, état major [генеральный штаб] национальной гвардии без рядовых, конфискованные имения Орлеанов. Покупательным средством становится всякое место в армии и в правительственнонном аппарате.

Но самое важное в этом процессе обмена, когда Францию берут, чтобы ей отдать, это — проценты, перепадающие на долю главы и членов банды 10 декабря. Острое словцо графини Л., метрессы г. де-Морни, по по-

воду конфискации орлеанских имений: «C'est le premier vol de l'aigle» [«Это — первый полет орла»]¹, применимо к каждому полету этого *орла*, похожего больше на *ворону*. Он сам и его приверженцы ежедневно повторяют себе слова, обращенные одним итальянским картезианским монахом к скряге, хвастливо перечислявшему свои богатства, которых ему должно было хватить еще на долгие годы: «Tu fai conto sopra i beni. Bisogna prima far il conto sopra gli anni» [«Ты считаешь свои богатства. Тебе следовало бы раньше сосчитать свои годы»]. Чтобы не просчитаться в годах, они считают минуты.

Ко двору, к министерским портфелям, к верхушке администрации и армии протискивается толпа молодцов, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился, — шумная, подозрительная, хищническая богема, напяливающая на себя обшитые галунами сюртуки со смешной важностью сановников Сулуга. Можно получить наглядное представление об этом высшем слое банды 10 декабря, если принять во внимание, что Верон-Кревель — его моралист, а Гранье де-Кассаньяк — его мыслитель. «C'est le roi des drôles» [«Это король шутов»], — лестно отзывался о нем Гизо; он пользовался этим Гранье во времена своего премьерства в одной темной газетке как орудием против династической оппозиции. Было бы несправедливо сопоставлять двор и клику Луи Бонапарта с регентством или Людовиком XV. «Франция уже не раз переживала правление метресс, но никогда еще не переживала правления hommes entretenus» [суетенеров]...

Преследуемый противоречивыми требованиями своего положения и, как фокусник, вынуждаемый все новыми трюками приковывать внимание публики к себе, как к заместителю Наполеона, другими словами — совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, — Бонапарт вносит сумятицу во все буржуазное хозяйство, протягивает руки ко всему, что казалось не-прикосновенным для революции 1848 г., одних делает равнодушными к революции, других привлекает к ней,

¹ Игра слов: *vol* означает — полет и воровство. Ред.

создает анархию во имя порядка и, в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует ее, делает ее отвратительной и в то же время смешной. Культ трирского священного хитона он пародирует в Париже культом наполеоновской императорской мантии. Но когда императорская мантия упадет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона упадет с высоты Вандомской колонны».

II. БЮРСТЕНГЕЙМЕРЫ

«But, sirrah, there's no room for faith,
truth nor honesty, in this bosom of thine,
it is all filled up with guts and midriff».

(Shakespeare.)

[«У тебя, брат, внутри нет места ни для веры, ни для правды, ни для чести, все заполнено кишками и диафрагмой».

(Шекспир.)

«Бюрстенгеймеры» или «серная банда», читаем мы в бильском первоевангелии («Главная книга». Документы, стр. 31). «Серная банда», или также «бюрстенгеймеры», читаем мы в «Главной книге» (стр. 37).

Согласно обоим этим разнотчтениям «серная банда» и «бюрстенгеймеры» — одна и та же банда. Но «серная банда», как мы видели, умерла, погибла в середине 1850 года. Значит, погибли и «бюрстенгеймеры»? «Округленная натура» состоит штатным цивилизатором при декабрьской банде, а цивилизация, как говорит Фурье, отличается от варварства тем, что простую ложь заменяет сложной.

«Сложный» имперский Фальстаф рассказывает нам («Главная книга», стр. 198) о некоем *Абте*, называя его «подлеcшим из подлых». Изумительная скромность! Для самого себя Фогт употребляет положительную степень, а для своего Абта превосходную, возводя его некоторым образом в своего маршала Нея. Когда первоевангелие Фогта появилось в бильском «Коммивояжере», я попросил редакцию «Volk» перепечатать этот первопасквиль без всяких комментариев. Редакция все же снабдила его следующим примечанием: «Напечатанный выше пасквиль исходит от некоего тунеядца, по имени *Абт*, который восемь лет тому назад судом чести немецких эмигрантов в Женеве был единодушно признан виновным в совершении различных бесчестных поступков» («Volk» № 6 от 11 июня 1859 г.).

Редакция «Volk» сочла Абта автором фогтовского перевопаскиля. Она забыла, что Швейцария имела двух Ричмондов на поле брани, одного Фогта при одном Абте¹.

Итак, «подлецкий из подлых» весной 1851 г. изобрел своих «бюргенгеймеров», которых осенью 1859 г. Фогт стащил у своего маршала. Милая привычка к плагиату инстинктивно следует за ним из области естественноисторического в область полицейского книгопечатания. Во главе женевского рабочего общества стоял щеточник (*Bürstenmacher*) Зауэрнгеймер. Абт отсек половинки от профессии и фамилии Зауэрнгеймера, — одну спереди, другую сзади, — и из обеих половинок скомпоновал целое «бюргенгеймер». Этим прозвищем он называл сперва, кроме Зауэрнгеймера, его близайших приятелей: Камма из Бонна, по профессии щеточника, и переплетного подмастерья Раникеля из Бингена. Зауэрнгеймера он возвел в чин генерала бюргенгеймеров, Раникеля — в адъютанта, а Камма в бюргенгеймеры *просто* (*sans phrases*). Впоследствии, когда два эмигранта, принадлежавшие к женевскому рабочему обществу, Имандрт (ныне профессор семинария в Денди) и Шили (прежде трирский, ныне парижский адвокат), добились от суда части исключения Абта из общества, Абт выпустил полный ругани памфlet, в котором возвел в сан «бюргенгеймеров» уже все женевское рабочее общество. Мы видим, следовательно, что были бюргенгеймеры вообще и бюргенгеймеры в частности. К «бюргенгеймерам» вообще относились женевское рабочее общество, то самое общество, от которого попавший в затруднительное положение Фогт выклянчил свое *testimonium paupertatis* [свидетельство о несостоятельности], помещенное в «Allgemeine Zeitung», и перед которым он ползал на четвереньках во время празднеств в честь Шиллера и Роберта Блюма (1859). К «бюргенгеймерам» в частности относились, как сказано, совершенно мне неизвестный Зауэрнгеймер, никогда не бывавший в Лондоне, Камм, высланный из Женевы и уехавший затем в Соединенные Штаты через Лондон, где, однако, он посетил не меня, а Кинкеля; наконец, тот или та Раникель, что в ка-

¹ Игра слов: Фогт значит наместник, Абт — аббат. Ред.

29473

честве адъютанта бюрстенгеймеров остался в Женеве, где он «собрался» вокруг «округленной натуры». Действительно, своей особой он представляет у Фогта пролетариат. Так как в последующем мне еще придется вернуться к этой *Ranikeli* (das Ranikel), то здесь пока некоторые предварительные сведения об этом чудище. *Ranikель*, после неудачного похода Геккера, принадлежал к эмигрантской казарме в Безансоне, которой командовал Виллих. Под его командой он участвовал в кампании за имперскую конституцию, а затем вместе с ним бежал в Швейцарию. Виллих был его коммунистическим Магометом, который должен был огнем и мечом основать тысячелетнее царство. Тщеславный болтун и франтоватый фигляр *Ranikель* (das Ranikel) превзошел тирана. В Женеве он в красной ярости неистовствовал против «парламентариев» вообще и в частности грозил, в качестве нового Телля, задушить ланд-Фогта. Но когда Валло, эмигрант 30-х годов и друг юности Фогта, ввел его в дом последнего, кровожадные чувства *Ranikеля* свернулись *in the milk of human kindness* [в простоте человеческого благодушия]. «Малый был *фогтеси*», как говорит Шиллер.

Адъютант бюрстенгеймеров сделался адъютантом генерала Фогта, которого только не увенчала военная слава, так как Плон-Плон считал неаполитанского капитана (даже генерала *by courtesy*) [при изысканном обращении] *Уллоа* слишком плохим исполнителем задачи, возложенной в итальянском походе на его *«Corps de Touristes»* [корпус туристов], а своего *Parolles* [Пароля] держал в резерве для великой авантюры с «пропавшим барабаном»¹, авантюры, которая будет разыгрываться на Рейне. В 1859 г. Фогт пересадил своего *Ranikеля* из пролетарского составия в буржуазное, помог ему завести предприятие (художественные вещи, переплетная, письменные принадлежности) и вдобавок обеспечил ему заказы от женевского правительства. Адъютант бюрстенгеймеров стал для Фогта *maid of all work* [готовым на

¹ Здесь, очевидно, имеется в виду эпизод из драмы Шекспира «Конец всему делу венец» с Паролем, трусливым хвастунишкой, отправляющимся на поиски потерянного барабана, но служащим при этом объектом шуток его соратников, разоблачающих его ничтожество и продажность. Ред.

все], его *cicisbeo* [чичибеем], другом дома, Лепорелло, поверенным, корреспондентом, сплетником, доносчиком, а после грехопадения жирного Jack [Джека] также его соглядатаем и бонапартовским вербовщиком среди рабочих. В одной швейцарской газете сообщалось недавно об открытии третьего вида ежей, ранского или рейнского ежа¹, соединяющего в себе свойства собачьего и свиного ежа и найденного в гнезде у Ары, в имении Гумбольдта-Фогта. Не имел ли этот ранский еж (*Ran-Igel*) отношения к нашему *Ranickelю* (*Ranickel*)?

Notabene: единственный эмигрант в Женеве, с которым я был связан, д-р Эрист Дронке, бывший член редакции «Новой Рейнской Газеты», а ныне купец в Ливерпуле, относился отрицательно к «бюргенгеймерам».

По поводу нижеследующих писем *Имандта* и *Шили* я хочу лишь заметить, что Имандт в начале революции покинул университет и принял участие в качестве добровольца в шлезвиг-гольштинской кампании. В 1849 г. Шили и Имандт руководили штурмом цейхгауза в Прюме; оттуда они, со своим отрядом и добытым оружием, пробились в Пфальц, где и вступили в ряды армии, сражавшейся за имперскую конституцию. Высланные весной 1852 г. из Швейцарии, они переехали в Лондон.

Денди, 5 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Не понимаю, каким образом Фогт мог поставить тебя в связь с женевскими историями. Среди тамошней эмиграции было известно, что из всех нас был связан с тобой только Дронке. Серная банда существовала до меня, и единственное относящееся сюда имя, которое я помню, это Боркгейм.

Бюргенгеймерами назывались участники женевского рабочего общества. Название обязано своим происхождением *Абту*. Общество было тогда питомником виллиховского тайного союза, в котором я был председателем. Когда рабочее общество, к которому принадле-

¹ Здесь непереводимая игра слов, основанная, с одной стороны, на зозвучии слова *Ran-Igel* (ранский еж) с именем *Ranickel*, а с другой — на двояком значении слов *Hundsgigel* — собачий еж и распутник — и *Schweinigel* — свиной еж и гнусное существо.

Ред.

жали многие эмигранты, признало по моему предложению Абта бесчестным и объявило его недостойным общения с эмигрантами и рабочими, он вскоре после того выпустил пасквильную брошюру, в которой обвинил меня и Шили в самых нелепых преступлениях. После этого мы организовали новое рассмотрение дела в другом помещении, при другом составе судей. На наше требование доказать возведенные им на нас обвинения Абт ответил отказом, и, не требуя, чтобы я или Шили сказали что-нибудь в свою защиту, Денцер внес предложение объявить Абта бесчестным клеветником. Предложение было вторично единогласно принято, на этот раз в собрании эмигрантов, состоявшем почти исключительно из бывших парламентариев. Сожалею, что мое сообщение до чрезвычайности кратко, но мне впервые за восемь лет приходится вспоминать *об этой грязи*. Я не хотел бы, чтобы в наказание меня заставили писать об этом, и буду *крайне удивлен, если ты найдешь возможным копаться в подобной гадости.*

Прощай!

Твой Имандр.

Известный русский писатель¹, бывший во время своего проживания в Женеве в очень дружеских отношениях с Фогтом, писал мне в духе заключительных строк предыдущего письма.

Paris, 10 mai 1860.

Mon cher Marx!

J'ai appris avec la plus vive indignation les calomnies qui ont été répandues sur votre compte et dont j'ai eu connaissance par un article de *La Revue Contemporaine*, signé *Edouard Simon*. Ce qui m'a particulièrement étonné c'est que Vogt, que je ne croyais ni bête ni méchant, ait pu tomber dans l'abaissement moral, que sa brochure révèle. Je n'avais besoin d'aucun témoignage pour être assuré, que vous étiez incapable de basses et sales intrigues, et il m'a été d'autant plus pénible de lire ces diffamations, que dans le moment même où on les imprimait, vous donniez au monde savant la première partie du beau travail, qui doit renouveler la science économique

¹ Н. П. Сазонов. Ред.

et la fonder sur des nouvelles et plus solides bases... Mon cher Marx, ne vous occupez plus de toutes ces misères; tous les hommes sérieux, tous les hommes consciencieux sont pour vous, mais ils attendent de vous autre chose que des polémiques stériles; ils voudraient pouvoir étudier le plus tôt possible la continuation de votre belle oeuvre.— Votre succès est immense parmi les hommes pensants et s'il vous peut être agréable d'apprendre le retentissement que vos doctrines trouvent en Russie, je vous dirai qu'au commencement de cette année le professeur... a fait à Moscou un cours public d'économie politique dont la première leçon n'a pas été autre chose que la paraphrase de votre récente publication. Je vous adresse un numéro de la *Gazette du Nord*, où vous verrez combien votre nom est estimé dans mon pays. Adieu, mon cher Marx, conservez-vous en bonne santé et travaillez comme par le passé, à éclairer le monde, sans vous préoccuper des petites bêtises et des petites lâchetés. Croyez à l'amitié de votre dévoué...

[Париж, 10 мая 1860 г.]

Дорогой Маркс!

С глубочайшим негодованием я узнал о клеветнических вымыслах, которые распространяются на Ваш счет и о которых я прочитал в напечатанной в «*Revue Contemporaine*» статье Эдуарда Симона. Что меня особенно удивило, это то, что Фогт, которого я не считал ни глупым, ни злым, мог так низко морально пасть, как это обнаруживает его брошюра. Мне не нужно было никаких доказательств, чтобы быть уверенным, что Вы не способны на низкие и грязные интриги, и мне было тем более тягостно читать эти клеветнические измышления, что как раз в то время, как они печатались, Вы дали ученыму миру первую часть прекрасного труда, который призван преобразовать экономическую науку и построить ее на новых, более солидных основах... Дорогой Маркс, не обращайте внимания на все эти низости. Все серьезные люди, все добросовестные люди на Вашей стороне, и они ждут от Вас не бесплодной полемики, а совсем другого, — они хотели бы иметь возможность поскорее приступить к изучению продолжения Вашего прекрасного произведения. Вы пользуетесь огромным

успехом среди мыслящих людей, и если Вам может доставить удовольствие узнать, какое распространение Ваше учение находит в России, я могу Вам сообщить, что в начале этого года профессор... прочел в Москве публичный курс политической экономии, первая лекция которого представляла не что иное, как изложение Вашего последнего произведения. Постыдаю Вам номер «Gazette du Nord», который Вам покажет, каким уважением окружено Ваше имя в нашей стране. Прощайте, дорогой Маркс, берегите свое здоровье и работайте по-прежнему, просвещая мир и не обращая внимания на мелкие глупости и мелкие подлости. Верьте дружбе преданного Вам...】

Бывший венгерский министр *Семере* также писал мне: «Vaut-il la peine que *vous* vous occupiez de toutes ces bavardises?» [«Стоит ли Вам заниматься подобными сплетнями?»] Почему я, несмотря на эти и подобные им советы — пользуясь сильным выражением Иманда — копался в фогтовской гадости, было коротко указано мной в предисловии.

Теперь вернемся к *бюргстенгеймерам*. Нижеследующее письмо *Шили* я перепечатываю дословно, включая и все, не относящееся к нашему «грязному делу». Впрочем, я сократил кое-где письмо в части, касающейся «серной банды», о которой мы уже знаем из сообщений Боркгейма, и оставил некоторые места для дальнейшего изложения, так как я должен обработать «свою приятную тему» до известной степени артистически и поэтому не хочу выболтать сразу все секреты.

Париж, 8 февраля 1860 г.
46, Rue Lafayette.

Дорогой Маркс!

Мне было очень приятно получить непосредственную весть о тебе в твоем письме от 31 января, и я тем охотнее готов дать необходимые сведения об интересующей тебя женевщине, что proprio motu [по собственному почину] собирался написать тебе о ней. Что Фогт, как ты пишешь, смешивает тебя с совершенно неизвестными тебе лицами, было первой мыслью не только у меня, но и у всех здешних женевских знакомых, когда мы случайно заговорили об этом, и я в интересах истины

взялся сообщить тебе надлежащие сведения о «бюрстенгеймерах», «серной банде» и т. д. Поэтому ты поймешь, что оба твои вопроса: «1) кто были бюрстенгеймеры, что они делали? 2) что собой представляла серная банда, из каких элементов состояла, что делала?» пришли весьма кстати. Прежде всего я должен упрекнуть тебя в нарушении хронологического порядка; в этом отношении приоритет принадлежит *серной банде*. Если Фогт хотел пугнуть чортом немецкого филистера или опалить его горящей серой и себя «позабавить», — то он, право, мог бы выбрать лучших чертей для своих персонажей, чем эти безобидные, веселые завсегдатаи кабачков, которых мы, старики женевской эмиграции, шутя и без всякого злого умысла называли серной бандой и которые столь же добродушно принимали это прозвище. Это были веселые питомцы муз, которые сдали свои *examina* [экзамены] и *exercitia practica* [практические занятия] в различных южно-германских путчах, а потом в кампанию за имперскую конституцию и после провала вместе со своими экзаменаторами и преподавателями красной науки собирались в Женеве с силами для новых битв... К банде, само собой разумеется, совсем нельзя причислять тех, которые не жили в Женеве или появились там после распада банды. Она была чисто местным и эфемерным цветком (серым цветом следовало бы, собственно, назвать этот сублимат), но все же, вероятно вследствие революционного аромата ее «Rummeltipuff», с чересчур сильным запахом для нервов Швейцарского союза, потому что — Дрюэ подул, и цветок разлетелся во все стороны. Лишь долгое время спустя появился в Женеве *Абт*, а несколькими годами позже и *Шерваль*; они благоухали здесь «каждый молодец на свой образец», но вовсе не в том давно увядшем, давно рассыпавшемся и забытом букете, как это утверждает Фогт.

Деятельность банды можно резюмировать в немногих словах: *трудиться в винограднике господнем*. Кроме того, они редактировали свой «Rummeltipuff» с эпиграфом: «Оставайся в стране и кормись честно»¹. Здесь умно и не без юмора издевались над богом и людьми,

¹ Игра слов: вместо «redlich» (честно) «röhlich» (красновато).
Ред.

разоблачали лжепророков, бичевали парламентариев (*inde irae*) [отсюда и гнев], не щадя при этом ни себя, ни нас, их сторонних слушателей, и сочиняя с бесспорной добросовестностью и беспристрастием карикатуры на всех и вся, на друзей и на врагов.

Мне нечего говорить тебе, что они не находились ни в каких сношениях с тобой и твоего «башмака» [союзного значка] не носили. Но не могу также скрыть от тебя, что эта обувь не пришлась бы им по вкусу. Ландскнехты революции, они пока шлепали в туфлях военного затишья в ожидании, когда она снова их призовет и снабдит их собственным котурном (семимильными сапогами решительного прогресса). И здорово досталось бы тому, кто решился бы потревожить их *siesta* [послебеденный сон] марковой политической экономией, диктатурой рабочих и пр. О, господи! Работа, которую делали они, требовала, самое большее, председателя для попоек, а их экономические занятия вертелись вокруг кружки и ее красноватого (*röthlich*) содержимого. «Право на труд, конечно, хорошая вещь, — сказал однажды вольнослушатель Бакфиш, честный кузнец из Оденвальда, — но с обязанностью трудиться пусть убираются к черту!»...

Положим поэтому снова на его место столь кощунственно потревоженный надгробный камень серной банды. Какой-нибудь Гафиз должен был бы пропеть «*Requiescat in pace*» [«Со святыми упокоей»], чтобы предупредить дальнейшее осквернение гробницы банды. Но, за отсутствием такового, да будут им *pro viatico et epitaphio* [напутствием и эпитафией] слова: «все они понюхали пороху», между тем как их святотатственный историограф понюхал разве только серы.

Бюргенгеймеры появились на сцену уже тогда, когда члены серной банды продолжали жить лишь в преданиях и легендах, в записях женевских филистеров и в сердцах женевских красоток. Щеточники и переплетчики Зауэрнгеймер, Камм, Раникель и др. поссорились с Абтом; так как я, Имандр и другие горячо вступились за них, то и мы вызвали его гнев. В связи с этим Абт был приглашен на одно общее собрание, в котором эмигранты и рабочее общество выступили в качестве *cour des pairs* [суда пэров] или даже как *haute cour de justice*

[верховный суд]. Он явился на это собрание и не только не стал поддерживать брошенных им по адресу разных лиц обвинений, но непринужденно заявил, что выдумал их в отместку за почерпнутые из того же источника обвинения его противников: «*Долг платежом красен, мир держится возмездием!*» [Wurst wider Wurst, Repressalien halten die Welt zusammen] — заключил он. После мужественной защиты этой системы «расплаты» и старательной его попытки убедить в ее практическом значении высоких судей были заслушаны доказательства направленных против него обвинений, и он был признан виновным в злостной клевете, уличен в приписанных ему проступках и в силу этого приговорен к изгнанию. En revanche [в отместку] он окрестил высоких пэров, — до того, как выше было указано, простых ремесленников, — «бюрстенгеймерами». Как видишь, удачная комбинация из профессии и фамилии Зауэрнгеймера¹, которого, следовательно, ты должен почитать как предка бюрстенгеймеров, не имея, однако, права числить себя лично ни членом, ни даже примыкающим к этому роду (будь то цех или пэрство). Ты должен знать, что те из них, которые занимались «организацией революции», были не приверженцами, а противниками твоими: почтая Виллиха как бога-отца или, по крайней мере, как святейшего папу, они в тебе видели антихриста или антипапу, так что Дронке, бывший твоим единственным сторонником и *legatus a latere* [посол со специальным поручением] в женевской епархии, не был допускаем ни на какие соборы, за исключением винологических, где он был *primus inter pares* [первым среди равных]. Но и бюрстенгеймеры, подобно серной банде, оказались эфемерными и также были развеяны могучим дыханием Дрюэ.

Что ученик Агассиса мог так запутаться в этих женевских эмигрантских ископаемых и извлечь оттуда такие естественно-исторические басни, какие преподносятся в его брошюре, — должно казаться тем более странным по отношению к species Bürstenheimera [виду бюрстенгеймеров], что в лице пра-бюрстенгеймера

¹ Bürste — щетка, heimer — окончание фамилии. Bürstenheimer значит также пьяничка. Ред.

Раннекеля он имеет именно оттуда в своем собственном зоологическом кабинете великолепный образчик мастодонта порядка жвачных. Очевидно, жвачка происходила неправильно или же не была правильно исследована вышеназванным учеником.

Вот тебе все, что ты хотел, et au-delà [и даже больше того]. А теперь и я хочу спросить тебя кое о чем. Я хотел бы знать твоё мнение насчет введения налога на наследства pro patria [в пользу отечества], vulgo [в присторечии] — для государства, в качестве главного источника его доходов, разумеется, только на крупные наследства, с отменой всех налогов, падающих теперь на неимущие классы. Наряду с этим вопросом о налоге на наследство я занимаюсь еще двумя немецкими институтами: «объединением земельных участков» и «ипотечным страхованием». Я хотел бы ознакомить с этими институтами французов, которые вообще, за немногими исключениями, видят по ту сторону Рейна лишь туманности и кислую капусту. Исключение составила недавно газета «Univers», изливалась в жалобах по поводу дробления земельной собственности, она правильно заметила: «Il serait désirable qu'on appliquât immédiatement les remèdes énergiques, dont une partie de l'Allemagne s'est servie avec avantage: le rémanement obligatoire des propriétés partout où les $\frac{7}{10}$ des propriétaires d'une commune réclament cette mesure. La nouvelle repartition facilitera le drainage, l'irrigation, la culture rationnelle et la voirie des propriétés» [«Было бы желательно, чтобы немедленно были приняты энергичные меры, которые с пользою были применены в одной части Германии, — именно принудительные земельные переделы во всех общинах, в которых $\frac{7}{10}$ владельцев земли требуют передела. Новое распределение земель способствовало бы улучшению дренажа, ирригации, рациональной обработки и дорог между хозяйствами»]. Затем следует «Siècle», газета вообще несколько близорукая, особенно в немецких делах, но исключительно болтливая вследствие своего самодовольного шовинизма, которым она щеголяет, как Диоген своим дырявым плащом; это блюдо она изо дня в день подогревает для своих читателей под видом патриотизма. И вот эта шовинистическая газета, принеся своему bête noire [ярому врагу] «Univers»

обязательное утреннее приветствие, восклицает: «*Propriétaires ruraux, suivez ce conseil! Empressez-vous de réclamer le remaniement obligatoire des propriétés; dépouillez les petits au profit des grands!* O fortunatos nimium agricolas — trop heureux habitants des campagnes — Sua si bona — s'ils connaissaient l'avantage à remanier obligatoirement la propriété!» [«Землевладельцы, следуйте этому совету! Спешите требовать принудительного передела земли; обираите мелких собственников в пользу крупных! O fortunatos nimium agricolas, — о счастливые обитатели деревень, — sua si bona, — если бы они знали выгоду принудительного передела земли!】 Словно при поголовном голосовании собственников крупные одержали бы победу над мелкими.

В остальном я предоставляю событиям итти своим чередом, воздаю кесарево кесареви и божие богови, не забывая и «доли дьявола». Остаюсь твоим старым другом.

Твой Шили.

Из вышеизложенных сообщений следует, что если в Женеве в 1849—1850 гг. существовала «серная банда», а в 1851—1852 гг. были «бюрстенгеймеры», два общества, не имевшие ничего общего ни одно с другим, ни со мной, то обнаруженное нашим парламентским клоуном существование «серной банды» или «бюрстенгеймеров» — плоть от его плоти, ложь в четвертой степени, «такая же гора, как и тот, который ее выдумал». Представьте себе историка, у которого хватило бы бесстыдства утверждать, что во время первой французской революции существовала группа лиц, которая была известна под именем «Cercle social»¹ или также под менее характерным названием «якобинцев».

Что же касается жизни и деяний измыщленных им «серной банды» или «бюрстенгеймеров», то наш забавник не понес здесь никаких издержек производства. Приведу лишь один единственный пример:

¹ Cercle social — социальный клуб, общество эпохи Великой французской революции (расцвет деятельности в 1790—1792 годах), близкое по составу к жирондистам, отличалось некоторыми близкими к социализму эгалитаристскими взглядами (аббат Фоше и др.). Расцвет деятельности якобинского клуба относится к более позднему времени. Ред.

«Одно из главных занятий серной банды, — рассказывает округленный человечек своей изумленной филистерской публике, — состояло в таком компрометировании проживающих на родине лиц, что они должны были не противиться более попыткам их эксплуатировать и давать деньги (недурно сказано: «они должны были не противиться более попыткам их эксплуатировать»), чтобы банда хранила в тайне компрометирующие их факты. *Не одно, сотни* писем посыпалось в Германию этими людьми (т. е. фогтовскими homunculis¹) с открытой угрозой разоблачить причастность к тому или иному акту революции, если к известному сроку по указанному адресу не будет доставлена определенная сумма денег» («Главная книга», стр. 139).

Почему же Фогт ни «одного» из этих писем не напечатал? Потому, что «серная банда» писала «сотни». Если бы угрожающие письма были столь же дешевы, как ежевика, Фогт все же поклялся бы, что мы не увидим ни одного письма. Если бы его завтра призвали к суду чести союза «Грютли» и потребовали разъяснений по поводу «сотен» «угрожающих писем», то он вынул бы из-за пояса, вместо письма, бутылку вина, прищелкнул бы пальцами и языком и, с колыхающимся от силеновского хохота животом, воскликнул бы вместе со своим Абтом: «Долг платежом красен, — мир держится возмездием!»

¹ Изобретенными Фогтом человечками. Ред.

III. ПОЛИЦЕЙЩИНА

«Welches Neues Unerhörtes hat
der Vogt Sich ausgesonnen!»

(Schiller.)

[«Что еще за новое злодейство Фогт
опять гадумал!»

(Шиллер.)]

«Я открыто заявляю, — говорит Фогт, серьезнейшим образом принимая свою позу гаера, — я открыто заявляю: всякий, кто ввязывается с Марксом и его товарищами в какие бы то ни было политические интриги, рано или поздно попадает в руки полиции; интриги эти заранее известны тайной полиции, которая в надлежащее время выводит их на свет (интриги — это, очевидно, яйца, а полиция — наседка, которая их выводит). Зачинщики Маркс и К° сидят, конечно, за пределами досягаемости в Лондоне (в то время как полиция сидит на яйцах). Не затрудняюсь привести доказательства» («Главная книга», стр. 166, 167). Фогт «не затрудняется». Фальстаф никогда не «затруднялся». «Изолгаться» (verlogen) — сколько хотите, но «затрудняться» (verlegen)? Итак, твои «доказательства», Джек, твои «доказательства»!

1. Собственное признание

«Маркс сам говорит в своей вышедшей в 1853 г. брошюре «Разоблачения о процессе коммунистов в Кёльне», стр. 77: «Перед пролетарской партией после 1849 г., как и до 1848 г., был открыт только один путь — путь тайной организации. Отсюда на континенте с 1849 г. целый ряд тайных пролетарских организаций; полиция их раскрывает, суды осуждают, тюрьмы разбивают, обстоятельства неизменно восстанавливают». Иносказательно

(говорит Фогт) Маркс себя здесь называет «обстоятельством» (*Главная книга*, стр. 167).

Итак, Маркс говорит, что «полиция с 1849 г. открыла целый ряд тайных организаций», не «обстоятельства», а *Маркс* восстановил тайные организации. Так Фогт доказал, что всякий раз, когда полиция Баденге¹ накрывала Марианну², Маркс, по соглашению с Пьетри, ее вновь восстанавливал.

«*Маркс сам* говорит!» Процитирую в контексте, что говорит сам Маркс:

«Со времени поражения революции 1848—1849 гг. пролетарская партия на континенте лишилась всего, чем она в виде исключения обладала в течение этой короткой эпохи: *печати, свободы слова и права союзов, т. е. легальных средств* партийной организации. Несмотря на реакцию, буржуазно-либеральная и мелкобуржуазно-демократическая партии находили в социальном положении представляемых ими классов условия для поддержания в той или иной форме связей и для более или менее успешного отстаивания своих общих интересов. *Перед пролетарской партией* после 1849 г., как и до 1848 г., был открыт только один путь — путь *тайной организации*. На континенте *поэтому* с 1849 г. целый ряд тайных пролетарских организаций; полиция их раскрывает, суды осуждают, тюрьмы разбивают, обстоятельства неизменно восстанавливают. Часть этих тайных обществ ставила своей непосредственной целью ниспревержение существующей государственной власти. Во *Франции* это имело свое оправдание... Другая часть тайных обществ ставила себе целью образование партии пролетариата, совершенно не принимая в расчет существующих правительств. Это было необходимо в таких странах, как *Германия*... Нет сомнения, что и там члены пролетарской партии снова приняли бы участие в революции, направленной против *status quo* [существующего строя], но не в их задачу входило подготовлять эту революцию, агитировать за нее, конспирировать, устраивать заговоры... *Поэтому Союз коммунистов вовсе не был заговорической организацией*» (*Разоблачения и т. д.*», бостонское издание, стр. 62, 63).

¹ Одно из прозвищ Наполеона III. Ред.

² Тайное республиканско общество во Франции. Ред.

Но и одну «пропаганду» жестокий ланд-Фогт клеймит как преступление, за исключением, разумеется, пропаганды с соизволения Пьетри и Лети. Ланд-Фогт дозволяет даже «агитировать, конспирировать, устраивать заговоры», но только если центр в Пале-Рояле, у милого его сердцу Гелиогабала Плон-Плона. Но «пропаганда» среди пролетариев! Тьфу, мерзость!

В «Разоблачениях» после вышеприведенного и так ловко искаженного судебным следователем Фогтом абзаца я продолжаю:

«Разумеется, такое тайное общество (как *Союз коммунистов*) могло представить мало привлекательного для индивидуумов, которые, с одной стороны, под театральной мантней заговоров скрывали свое собственное ничтожество, а с другой — могли удовлетворить свое мелкое тщеславие в день ближайшей революции, но прежде всего жаждали играть роль немедленно, участвовать в выгодах демагогии и пользоваться успехом у демократических шарлатанов. Поэтому от *Союза коммунистов* отделилась — или, если угодно, была отделена — фракция, которая жаждала, если не действительных заговоров, то хоть *видимости* их, а потому и прямого союза с демократическими героями дня, — фракция Виллиха-Шаппера. Характерно для нее, что Виллих вместе и наряду с *Кинкелем* фигурирует в качестве антрепренера в афере с немецко-американским революционным зайлом» (стр. 67, 68). Как же переводит Фогт это место на свой «иноскказательный» полицейско-тарабарский жаргон? А вот послушайте:

«Пока *обе* (партии) еще действовали совместно, они, как говорит сам Маркс, занимались организацией тайных обществ и комрометированием обществ и отдельных лиц на континенте» (стр. 171). Жирный негодяй забывает только привести страницу «Разоблачений», где Маркс это «сам говорит». «Egli è bugiardo e padre di menzogna» [«Он — обманщик и отец лжи»].

2. Революционный съезд в Муртене

«Карл Смелый», «смелый Карл», vulgo [в просторечии] Карл Фогт рассказывает нам теперь о поражении при Муртене.

«Рабочие и эмигранты в большом числе были так агитацией обработаны» — именно *Либкнхтом*, — «что, наконец, назначен был революционный съезд в Муртене. Туда должны были отправиться делегаты местных организаций, там хотели обсудить окончательную организацию союза и окончательную дату выступления. Вся подготовительная работа держалась в строгой тайне, приглашения рассыпались только через доверенных людей Либкнхта и через его корреспондентов. Со всех сторон собирались делегаты в Муртен *пешком, на лошадях и на пароходах* и тотчас же арестовывались жандармами, которые заранее знали, что, откуда и каким образом. Вся захваченная таким образом компания некоторое время содержалась в заключении в Августинском монастыре во Фрейбурге, а потом вывезена была в Англию и Америку. Господину Либкнхту было уделено сугубое внимание» («Главная книга», стр. 168).

«Господин Либкнхт» принимал участие в организованном Струве сентябрьском путче 1848 г., затем сидел в баденских тюрьмах до середины мая 1849 г., был освобожден вооруженным восстанием в Бадене, поступил рядовым в баденскую народную артиллерию, затем в качестве повстанца был снова брошен приятелем Фогта, Брентано, в раштатский каземат, после вторичного освобождения, во время кампании за имперскую конституцию, присоединился к дивизии Иоганна Филиппа Беккера и, наконец, вместе со Струве, Конгеймом, Корном и Розенблумом перешел французскую границу, откуда они перебрались в Швейцарию.

Б те времена Либкнхт и его швейцарские «революционные съезды» были мне еще менее известны, чем кабацкие съезды у трактирщика Бенца на Kesslerstrasse [Кесслеровской улице] в Берне, где парламентские рыцари круглого стола снова с большим удовольствием мурлыкали произнесенные ими когда-то в церкви св. Павла речи, распределяли между собой пронумерованные будущие имперские посты и коротали долгую ночь изгнания, слушая лживые выдумки и непристойные анекдоты Карла Смелого, который не без некоторого юмора, подражая старо-германским сказаниям, собствен-поручно изготовил тогда патент «имперского пропойцы».

«Сказ» начинается так:

Swaz ich trinken's hân gesêhen,
daz ist gar von kinden geschêhen:
ich hân einen swêlch gesêhen,
dem will ich meisterscheffe jêhen.

Den dûhten becher gar entviht
 r wolde n pf noch kophe niht.
 r tranc  z gr zen kannen,
 r ist vor allen mannen
ein vorlauf allen sw lhen;

von  ren und von  lhen
wart solchor sl nd nie niht get n.

[Мы выпить все не прочь, — но
право, Все это детская забава;
Такого мастера я знал,
Который прямо поражал.
Пренебрегая кубком, чашей,
Глубокой миской из-под каши,
Всегда лишь из ведра он пил
И образцом высоким был
Для каждого по этой части;
Оленыи, буйволовы пасти
Таких не делали глотков.]

Вернемся, однако, к «резолюционному съезду» в Муртене. «Революционный съезд!» «Окончательная организация Союза!» «Дата выступления!» «Приготовления в строжайшей тайне!» «Совершенно секретный съезд со всех сторон — пешком, на лошадях и на пароходах». «Смелый Карл», повидимому, не напрасно изучал вскрытый мною в «Разоблачениях» метод Штибера.

Дело было собственно так: В начале 1850 г. председателем женевского рабочего общества был Либкнехт. Он предложил объединить тогда совершенно не связанные между собой немецкие рабочие общества в Швейцарии. Предложение было принято. Было решено разослать 24 различным рабочим обществам циркулярное приглашение собраться в Муртене и там обсудить вопрос о предполагаемой организации и об основании общего печатного органа. Дебаты в женевском рабочем обществе, рассылка циркуляра, связанные с ним прения в 24 других рабочих обществах — все это происходило *публично*, съезд в Муртене был назначен *открыто*. Если бы швейцарские власти захотели запретить его, они могли бы это сделать за четыре недели до его открытия. Но полицейский театральный трюк входил в планы либерального господства Дрюэ, который должен был кого-нибудь проглотить для ублаготворения угрожавшего тогда Священного союза. Либкнехт, подписавший в качестве председателя рабочего союза приглашение на съезд, удостоился чести быть главным зачищником. Изолирован-

ный от других делегатов, он получил на вышке фрейбургской башни даровую квартиру с широким видом на свободу и даже с привилегией ежедневной часовой прогулки на площадке башни. Единственное оригинальное в обращении с ним заключалось в его изоляции. Его повторные требования перевести его к остальным заключенным повторно отклонялись. Но Фогт ведь знает, что полиция не изолирует своих «moutons»¹, а, наоборот, любит втискивать этих «приятных компаний» в gros [гущу] арестантов.

Два месяца спустя Либкнхт вместе с неким Гебертом был отправлен фрейбургским начальником полиции в Безансон, где он, как и его товарищи по союзу получили французское проходное свидетельство в Лондон с предупреждением, что если они уклонятся от указанного им маршрута, то их сошлют в Алжир. Из-за этого непредвиденного путешествия Либкнхт потерял большую часть своих вещей, находившихся в Женеве. Нужно, впрочем, признать, что гг. Кастелла, Шаллер и остальные члены тогдашнего фрейбургского правительства обошлись вполне гуманно с Либкнхтом, как и со всеми муртенскими узниками. Эти господа помнили, что только несколько лет тому назад сами были в тюрьмах или в изгнании, и открыто выражали свое отвращение к навязанной им великим кофтом² Дрюэ полицейской обязанности. С заключенными эмигрантами обходились не так, как этого ожидали эмигранты-«парламентарии». Поэтому один находящийся еще в Швейцарии парень, некий Г..., из среды парламентариев, счел своей обязанностью выпустить памфлет, в котором поносил всех заключенных и в особенности Либкнхта за революционные идеи, переходящие за границы парламентского разума. А «Карл Смелый», повидимому, все еще не может притти в себя от «исключительной предупредительности», с которой обошлись с Либкнхтом.

Печатью пластиата отмечено все сочинительство нашего «Смелого». То же и в данном случае. Грубость своих распоряжений о высылке швейцарские либералы, как известно, неизменно «либерализировали» клеветой, обви-

¹ Своих «баранов», т. е. агентов. Ред.

² Масонский титул. Ред.

ния свои жертвы в *moucharderie* [шпионстве]. Выслав *Струве*, *Фази* публично объявил его «русским шпионом». Точно так же *Дрюэ-Буаш* французским шпионом. То же и *Турт contra* [против] *Шили*, внезапно арестовав его на улице в Женеве, чтобы отправить в *Tour des prisons* [тюремную башню] в Берн. «Le commissaire maire fédéral Monsieur Kern exige votre expulsion» [«Федеральный комиссар мэр Керн требует вашей высылки»] — заявил всесильный *Турт* в ответ на вопрос *Шили* о причине такой грубости. *Шили*: «Alors mettez moi en présence de Monsieur Kern» [«Тогда дайте мне возможность видеть господина Керна»]. *Турт*: «Non, nous ne voulons pas que M. le commissaire fédéral fasse la police à Genève» [«Нет, мы не желаем, чтобы федеральный комиссар занимался полицейскими делами в Женеве»]. Логика этого ответа вполне достойна той проприательности, с какой тот же *Турт*, в бытность свою швейцарским посланником в Турине, когда уступка Савойи и Ниццы была уже fait accompli [совершившимся фактом], писал своему правительству, что Каувур изо всех сил противится этой уступке. Но возможно, что дипломатические затруднения, созданные железными дорогами, притупили в то время нормальную проприательность *Турта*. Лишь только *Шили* очутился в самом строгом одиночном заключении в Берне, как *Турт* принялся «либерализировать» свою полицейскую грубость и стал шептать на ухо немецким эмигрантам, например д-ру Финку: «Шили находился в тайных сношениях с Керном, доносил ему на женевских эмигрантов» и т. д. Женевский *Indépendant* причислял тогда ко всем известным грехам женевского правительства «воздвигание систематической клеветы на эмигрантов в государственный принцип» (см. приложение 1).

По первому же требованию германской полиции швейцарский либерализм нарушал право убежища, — право, обещанное под условием, чтобы остатки революционной армии отказались от последнего сражения на баденской земле, — высыпая так называемых «войжаков». Затем пришел черед и «совращенных». Тысячам баденских солдат путем всяческого обмана всучивали паспорта для отправки на родину, где они прямо попадали в руки жандармов, заранее знавших, «что, откуда и каким об-

разом». Затем пошли угрозы Священного союза, а с ними муртенский полицейский фарс. Тем не менее «либеральный» Союзный совет не осмелился зайти так далеко, как «смелый Карл». Ни слова ни о «революционном съезде», ни об «окончательной организации союза», ни об «окончательной дате выступления». Следствие, которое из приличия надо было начать, кончилось ничем.

«Угрозы войной» со стороны иностранных держав и «политически-пропагандистские тенденции» — вот все, что лепетал в свое оправдание «затруднявшийся» Союзный совет в одном официальном документе (см. приложение 2). Полицейские подвиги «швейцарского либерализма» отнюдь не закончились «революционным съездом в Муртене». 25 января 1851 г. мой друг Вильгельм Вольф («парламентский волк», как окрестили его «парламентские бараны») писал мне из Цюриха: «Союзный совет своими мероприятиями свел число эмигрантов с 11 000 до 500, но он не успокоится, пока не выбросит всех, у кого нет приличного состояния или особых связей». Эмигранты, боровшиеся за революцию, разумеется, находились в противоречии с героями церкви св. Павла, убившими революцию своей бесконечной болтовней. Последние несколько не стеснялись предавать своих противников в руки швейцарской полиции.

Доверенный Фогта, чудище Раникель, сам писал Шили после приезда последнего в Лондон: «Попытайтесь получить в свое распоряжение несколько столбцов в какой-нибудь белгийской газете и не упустите случая отравить пребывание в Америке подлым немецким собакам (парламентариям), которые *п родали съ зобастому дипломату* (Дрюэ) и *стали его орудием*».

Теперь понятно, что означает фраза «Карла Смелого»: «Я старался *изо всех сил* ограничить революционные скитания эмигрантов и найти им *убежище* либо на континенте, либо *за океаном*». Уже в № 297 «Neue Rheinische Zeitung» можно прочесть следующее:

«Гейдельберг, 13 марта 1849 года. Наш приятель Фогт, передовой борец левых, имперский юморист современности, имперский адвокат (Reichsbarrat) будущего, «верный сигнальщик» революции, объединяется — с единомышленниками? Нет! — с реакционерами чистейшей воды. И для какой цели? Чтобы «фигуры», задерживаю-

щиеся в Страсбурге, Безансоне и в других местах на немецкой границе, отправлять или даже *ссылатъ* в Америку. Чтò сабельный режим Кавенъяка налагает как наказание, того эти господа хотят во имя христианской любви... Амнистия умерла, — да здравствует *ссылка!* Разумеется, дело не обходится и без *pia fraus* [благочестивого обмана], будто сами эмигранты выразили желание переселиться и т. д. Но вот в «*Seeblätter*» сообщают из Страсбурга, что эти планы о ссылке вызвали среди *всех* эмигрантов настоящую бурю негодования и т. д. Они все надеются вернуться вскоре в Германию, если бы пришлось, даже с риском, как трогательно замечает Фогт, примкнуть к какой-нибудь «безумной затее».

Однако довольно о муртенском революционном съезде «Карла Смелого»...

3. Шерваль

«The virtue of this jest will be
the incomprehensible lies that this
same fat rogue will tell us».

[«Прелесть этой шутки в нево-
образимой лжи, которую расска-
жет нам этот самый жирный
плут».]

В моих «Разоблачениях о кёльнском процессе коммунистов» особая глава посвящена заговору Шервала. Я показываю там, как Штибер с Шервалем (псевдоним Кремера) в качестве инструмента, с Карлье, Грейфом и Флери в качестве акушеров, произвел на свет так называемый немецко-французский сентябрьский заговор в Париже¹ с целью восполнить пробелы в «*объективном составе преступления*», так как эти пробелы в предъявленном кёльнским узникам обвинении вызвали порицание кёльнской обвинительной камеры.

Доказательства, представленные мною защите во время кёльнского процесса об отсутствии какой бы то ни было связи между Шервalem, с одной стороны, и

¹ Уже после того, как мои «Разоблачения» были отпечатаны, я узнал, что Де-ля-Одд (под именем Дюпре), а также прусские агенты Бекман (тогда корреспондент «*Kölnische Zeitung*») и Зоммер участвовали в этом деле.

мною и кёльнскими обвиняемыми — с другой, были так убедительны, что тот самый Штибер, который еще 18 октября 1852 г. клялся за своего Шервала, 23 октября 1852 г. («Разоблачения», стр. 29) уже отрекался от него. Припертый к стене, он отказался от попытки связать с нами Шервала и его заговор. Штибер был Штибера, но Штибер все же не был Фогтом.

Я считаю совершенно бесполезным повторять здесь приведенные мной в «Разоблачениях» разъяснения о так называемом сентябрьском заговоре. В начале мая 1852 г. Шерваль вернулся в Лондон, откуда он весной 1850 г. по деловым соображениям переселился в Париж. Парижская полиция дала ему возможность скрыться несколько месяцев спустя после его осуждения в феврале 1852 года. В Лондоне он на первых порах был, как политический мученик, принят членами Немецкого рабочего просветительского общества, из которого я и мои друзья вышли еще в середине сентября 1850 года. Но обман этот длился недолго. Парижские подвиги Шервала вскоре раскрылись, и уже в том же мае 1852 г. на публичном заседании его изгнали из общества как бесчестного человека. Кёльнские обвиняемые, арестованные в начале мая 1851 г., все еще находились в тюрьме под следствием. Из заметки, посланной шпионом Бекманом из Парижа в свою газету «Kölnische Zeitung», я понял, что прусская полиция пытается задним числом сфабриковать связь между Шервalem, его заговором и кёльнскими обвиняемыми. Я поэтому стал искать сведений о Шервалье. Оказалось, что последний в июле 1852 г. предлагал свои услуги в качестве агента орлеанистов бывшему министру при Луи-Филиппе и известному философи-экклектику господину де-Р...¹. Связи господина Р... с парижской префектурой полиции помогли ему достать оттуда выдержки из досье Шервала. Во французском полицейском отчете Шерваль значился как Cherval, nomm^e Frank, dont le véritable nom est Kremet [Шерваль, имеющий Франком, коего настоящая фамилия Кремер]. Довольно долгое время он служил агентом у прусского посланника в Париже князя Гацфельда; он предатель

¹ Маркс, очевидно, имеет здесь в виду графа де-Ремюза, который был министром внутренних дел в кабинете Тьера. Ред.

в complot franco-allemard [немецко-французском заговоре], а в настоящее время и французский шпион и т. д. На кёльнском процессе я сообщил эти сведения одному из защитников, адвокату Шнейдеру II, уполномочив его, в случае необходимости, назвать мой источник. Когда Штибер в заседании 18 октября заявил под присягой, что ирландец Шерваль, — который, по его же собственным словам, в 1845 г. сидел в Аахене в тюрьме за подделку векселей, — все еще находится в Париже в заключении, я тотчас же сообщил Шнейдеру II, что рейнский пруссак Кремер «все еще» живет под псевдонимом Шервала в Лондоне, ежедневно встречается с лейтенантом прусской полиции Грейфом и, как осужденный прусский преступник, тотчас же был бы выдан Англией по требованию прусского правительства. Доставка его в Кёльн в качестве свидетеля совершенно опрокинула бы всю систему Штибера.

Под сильным натиском Шнейдера II Штибер 23 октября заявил, наконец, что слышал, будто Шерваль скрылся из Парижа, но торжественно поклялся, что он не имеет никаких сведений о местопребывании ирландца и его сношениях с прусской полицией. На самом же деле Шерваль был прикомандирован в это время к Грейфу в Лондоне с определенным еженедельным жалованьем. Вызванные моими сведениями прения в кёльнском суде присяжных о «тайне Шервала» заставили последнего бежать из Лондона. Я слышал, что он поехал в полицейскую командировку на остров Джерси. Я надолго потерял его из виду и случайно из Женевской корреспонденции в выходящей в Нью-Йорке «Republik der Arbeiter» узнал, что в марте 1853 г. Шерваль под именем Ньюджент (Nugent) прискакал в Женеву, а летом 1854 г. ускакал оттуда. В Женеве у Фогта он очутился таким образом через несколько недель после того, как в Базеле у Шабелица появились мои компрометирующие его «Разоблачения».

Но вернемся к фальстафовской историографической стряпне.

У Фогта «за несколько месяцев» до открытия сен-тибрьского заговора коммунистический тайный союз (цит. книга, стр. 172) «посыпает» Шервала из Лондона в Париж, откуда Шерваль, после своего мнимого побега,

отправляется тотчас же в Женеву. Если при этом про-
межуток времени между маеm 1852 г. и мартаm 1853 г.
совершенно исчезает, то время между июнем 1850 г. и
сентябрем 1851 г. сокращается до «нескольких месяцев». Чего бы только ни дал Штибер за какого-нибудь Фогта, который присягнул бы на суде в Кёльне, что «лондонский тайный коммунистический союз» послал Шервалья в июне 1850 г. в Париж, и чего бы ни дал я, чтобы полюбоваться Фогтом, потешающим вместе со своим Штибериом на скамье свидетелей. И милая же компания! Присягающий Штибер со своей птицей Грейфом¹, со своим Вермутом, Гольдгеймхеном и — *Беттель-Фогтом* (*Bettelvogt*)². Фогтовский Шерваль привез в Женеву «рекомендации ко всем знакомым Маркса и Ко, и Ньюджент скоро стал их неразлучным товарищем» (стр. 173). Он «поселился в семье одного корреспондента *Allgemeine Zeitung*» и получил вскоре — вероятно, благодаря моим рекомендациям («Разоблачениям») — доступ к Фогту, который дал ему литографскую работу (стр. 173) и связал с ним, как прежде с эрцгерцогом Иоганном, а позже с Плон-Плоном, своего рода «научные сношения». «Ньюджент» работал в «кабинете» бывшего имперского регента, когда однажды один «знакомый» Фогта опознал в нем Шервалья и разоблачил его как «agent-provocateur» [агента-провокатора]. В действительности Ньюджент в Женеве занимался не только Фогтом, но и «основанием тайного общества». «Шерваль-Ньюджент председательствовал, вел протоколы и переписку с Лондоном» (там же, стр. 173). «Он втерся в доверие к некоторым мало проницательным, но в общем славным рабочим» (там же), но «среди членов общества находился еще один приспешник марксовой клики, которого все считали подозрительным агентом германской полиции» (там же).

«Все знакомые» Маркса, с которыми «был неразлучен» Шерваль-Ньюджент, превращаются вдруг в «одного

¹ Игра слов: Greif — имя полицейского лейтенанта — означает гриф. Ред.

² Продолжается трудно переводимая игра слов. При Штибере состояли агентами Вермут (означает полынь) и Гольдгейм (Гольдгеймхен — золотистый сверчок); Bettelvogt — падзиратель за нищими. Ред.

приспешника», а этот один приспешник, в свою очередь, распадается на «оставшихся в Женеве приспешников Маркса» (стр. 176), с которыми Ньюджент не только позже «переписывается из Парижа», но которых он, подобно магниту, обратно «привлек к себе» в Париж (там же).

Опять излюбленная «смена формы» холщевой «материи» из зеленого кендалльского сукна!

Цель, которую ставил Шерваль-Ньюджент вместе со своим обществом, была «массовая фабрикация фальшивых банкнот и казначейских знаков, чтобы путем их распространения подорвать кредит деспотов и разрушить их финансовую систему» (там же, стр. 175).

Шерваль, повидимому, подражал знаменитому Питту, который, как известно, во время войны с якобинцами основал недалеко от Лондона фабрику для изготовления фальшивых французских ассигнаций. «Сам Ньюджент уже приготовил для этой цели каменные и медные клише, уже были намечены легкомысленные члены тайного союза, которые должны были отправиться с пакетами этих — каменных и медных клише? — нет, «этих фальшивых банкнот (бумаги, естественно, были упакованы до того, как они были отпечатаны) во Францию, Швейцарию и Германию» (стр. 175), но Цицерон-Фогт уже стоял с обнаженным мечом позади Шервала-Катилины. Для фальстафовских натур характерно то, что они не только сами раздутые (*dick sind*), но и все раздувают (*dick thun*). Посмотрите, как наш Gurgelgrosslinger [Гургельгросслингер]¹, который уже ограничил «революционные скитания» по Швейцарии и целым кораблям с эмигрантами обеспечил *переезд по океану*, посмотрите, как он появляется на сцене, какую мелодраму разыгрывает, как бесконечно растягивает авантюрную парижскую рукопашную между Штибером и Шервalem (см. «Разоблачения»)! В такой стоял он позитуре, так он фехтовал.

¹ Раньше мы видели уже, как Маркс германизировал первую половину имени героя Раблэ, заменив романский корень *garg* немецким словом *Gurgel*. Здесь Маркс германизировал и вторую половину. Таким образом получилось слово, которое по-русски можно бы передать словами: пьяный или выпивающий хвастун.

Ped.

«План всего этого заговора (там же, стр. 176) был чрезвычайно плохо задуман». «На все рабочие общества должна была пасть ответственность за проект Шервалья». Уже «появились секретные запросы со стороны иностранных посольств», уже собирались «скомпрометировать Швейцарию, в особенности Женевский кантон». Но ланд-Фогт бодрствовал. Он провел свое первое спасение Швейцарии, — эксперимент, который впоследствии он повторял неоднократно и со все возрастающим успехом. «Я не отрицаю, — восклицает человек с весом, — не отрицаю, что я сделал *все не обходило*, чтобы расстроить эти *дьявольские планы*; я не отрицаю, что обратился для этого к полиции Женевской республики, я и теперь еще сожалею (безутешный Цицерон!), что рвение некоторых из обманутых лиц послужило предупреждением хитрому засланнику, и он успел уйти от ареста». Но, во всяком случае, Цицерон-Фогт «разрушил» катилиновский заговор, спас Швейцарию и *все не обходило* «привнес» туда, куда только донести может. Несколько недель спустя, — как он рассказывает дальше, — Шерваль снова вынырнул в Париже, «где он нисколько не скрывался, а жил *открыто*, как любой *гражданин*» (там же, стр. 176). Известно, какова *открытая жизнь* парижских граждан (*citoyens*) поддельной *empire* [империи].

В то время как Шерваль так «открыто» слоняется по Парижу, роог [бедный] Фогт должен во время своих посещений Парижа скрываться в Пале-Рояле под столом Плон-Плона.

К сожалению, я вынужден в противовес бурной захариаде Фогта привести ниже следующее письмо *Иоганна Филиппа Беккера*. Революционная деятельность ветерана немецкой эмиграции Иоганна Филиппа Беккера, от гамбахского празднества до кампании за имперскую конституцию, где он сражался в качестве начальника V армейской дивизии (такой несомненно беспристрастный голос, как *«Berliner Militär-Wochenschrift»*, свидетельствует о его военных заслугах), — его деятельность слишком хорошо известна, чтобы мне нужно было сказать что-нибудь об авторе письма. Поэтому я замечу только, что письмо его адресовано моему хорошему знакомому, немецкому купцу Р... в Лондоне, что с И. Ф. Беккером

я лично не знаком и никогда не состоял с ним в политических сношениях, наконец, что я опускаю деловое начало письма, а также большую часть касающегося «серой банды» и «бюрстенгеймеров», что уже известно из прежних сообщений. (Оригинал письма находится среди документов моего процесса в Берлине.)

«Париж, 20 марта 1860 г.

...На днях мне попала в руки брошюра Фогта *contra* [против] Маркса. Это произведение меня тем более огорчило, что история так называемой серой банды и пресловутого Шервалья, которую я, благодаря своему тогдашнему пребыванию в Женеве, доподлинно знаю, полностью извращена и совершенно неправильно связана с политической деятельностью экономиста *Маркса*. С этим Марксом я лично не знаком и никогда никакого касательства к нему не имел; наоборот, Фогт и его семью знаю уже более 20 лет, и у меня поэтому с ним гораздо более простые и близкие отношения; могу только выразить глубочайшее сожаление и самым решительным образом осудить легкомыслие и бессовестность, с какими Фогт ведет эту борьбу. Недостойно пользоваться в борьбе извращенными или даже вымыщенными фактами. Если даже несостоительно обвинение, что Фогт состоит на службе у Наполеона, и тогда легкомыслие, с которым он, словно самоубийца, губит прекрасную карьеру, подрывает и компрометирует свое положение и репутацию, производит удручающее впечатление. От души желал бы ему всеми честными путями защититься от такого тяжкого обвинения. Ввиду всего того, что он натворил в этом безотрадном деле, я чувствую настоятельную потребность рассказать вам историю о так называемой серой банде и о безупречном Шервале, чтобы вы могли судить, насколько Маркс может нести какую-либо ответственность за их существование и деятельность.

Итак, несколько слов о возникновении и прекращении существования серой банды, о которой вряд ли кто-нибудь может дать более точные сведения, нежели я. Во время своего тогдашнего пребывания в Женеве я благодаря своему положению не только мог наблюдать за всем, что творилось в среде эмиграции; в интересах общего дела я, в качестве старшего по возрасту эми-

гранта, считал своей обязанностью внимательно следить за всем, что предпринималось в этой среде, чтобы, при случае, по возможности предостеречь и удержать от вздорных затей, столь простительных при возбужденных несчастным положением и часто доведенных до отчаяния настроениях. На основании тридцатилетнего опыта я отлично знал, как богата всякая эмиграция иллюзиями».

(Последующее в значительной части было уже раньше сообщено в письмах Боркгейма и Шили.)

«...Эта большую частью бездельничавшая группа была в шутку названа серной бандой. То был кружок из случайно заброшенных в одно место парней, возникший без всякой подготовки, без председателя и программы, без устава и догматов. О тайных союзах или о каких-нибудь политических или иных целях у них и мысли не было; только открыто, чересчур даже открыто и откровенно они добивались эффектов, доходя до экз-цессов. Еще менее находились они в какой-либо связи с Марксом, который, в свою очередь, наверное ничего не мог знать о их существовании и с которым они сильно расходились в своих социально-политических воззрениях. Кроме того, эти молодцы обнаружили в то время граничившее с высокомерием стремление к самостоятельности и едва ли подчинились бы чьему-либо авторитету как в теории, так и в практике; они осмелияли бы отеческие уверещания Фогта, равно как и тенденциозные указания Маркса. Обо всем происходившем в их кругу я был тем лучше осведомлен, что мой старший сын ежедневно встречался с их коноводами. И вся затея этой разнузданной банды не просуществовала дольше зимы 1849—1850 гг.; сила обстоятельств разбросала наших героев во все стороны.

Кто мог бы подумать, что давно преданная забвению серная банда через десять лет будет снова зажжена профессором Фогтом, чтобы направить удущливый запах против мнимых врагов, и что угодливые газетные писаки, как электро-магнитно-симпатические проводники, будут сладострастно распространять его дальше. Ведь даже рег excellenze [по преимуществу] либеральный фон-Финке воспользовался в своей речи по итальянскому вопросу серной бандой в качестве иллюстраций

для скромной прусской палаты. А бреславльская буржуазия, — всегда, как будто, пользующаяся хорошей репутацией¹, — в наивной простоте (*sancta simplicitas*) устроила карнавал в честь серной банды и в знак своей благонамеренности окурила город серой.

Бедная, невинная серная банда! Тебе *volens nolens* [волей-неволей] пришлось после твоей мирной кончины разрастись в настоящий вулкан, подобно нечистой силе гнать пугливых обывателей на полицейский рожон, вулканизировать слабоголовых всего мира, до крайности разжигать горячие головы, и сам Фогт, как мне кажется, навсегда обжег себе рот тобою.

Теперь о *Кремере*, *vulgo* [в просторечии] *Шервале*. Этот политический, социальный и обыкновенный мошенник появился в 1853 г. в Женеве под именем англичанина Ньюджента. Это было девичье имя сопровождавшей его мнимой жены, настоящей англичанки. Он свободно изъяснялся по-английски и по-французски, но долго избегал говорить по-немецки, так как был, повидимому, очень заинтересован, чтобы его принимали за настоящего англичанина. Будучи искусственным литографом и хромографом, он вводил, по его словам, это искусство в Женеве. Развязный в обращении, он умел себя поставить и показать с выгодной стороны. Он скоро получил много заказов у профессоров университета на рисунки по природоведению и античному искусству. Первое время он жил очень замкнуто, а затем стал вращаться почти исключительно среди французской и итальянской эмиграции. Я основал тогда *office de renseignements* [справочное бюро] и ежедневную газету «*Le Messager du Léman*». В качестве сотрудника у меня работал баденский эмигрант по имени *Штехер*, бывший директор реального училища. У него был большой талант к рисованию, и он хотел поправить свои дела, усовершенствовавшись в хромографии; в лице англичанина Ньюджента он нашел себе учителя. Штехер очень часто рассказывал мне много хорошего о ловком, любезном, тароватом англичанине и о милой грациозной англичанке. Штехер был также учителем пения в Рабочем просветительном

¹ Игра слов: *in so gutem Geruch stehende* обозначает также: пребывающая в благоухающей атмосфере. Ред.

обществе и привел как-то своего учителя Ньюджента туда; там я имел тогда удовольствие впервые познакомиться с ним, и он снизошел заговорить по-немецки, и притом так бегло на пижнерейнском диалекте, что я сказал ему: «Вы ведь родом не англичанин». Однако он настаивал на своем и объяснил, что родители отдали его в детстве в одно учебное заведение в Бонне, где он оставался до 18-летнего возраста и усвоил местный диалект. Штхехер, который до последнего времени был в восхищении от этого «милого» человека, помогал англичанину вселять в нас доверие к нему. Мне же, напротив, этот инцидент внушил большое недоверие к мнимому сыну Альбиона, и я членам общества советовал быть осторожными с ним. Через некоторое время я встретил англичанина в обществе французских эмигрантов, причем пришел как раз в тот момент, когда он хвастал своими геройскими подвигами во время парижских восстаний. Впервые тогда я увидел, что он занимается и политикой. Это вызвало у меня еще большие подозрения на его счет; я стал подтрунивать над «льви-ной храбростью», с которой он, по его словам, сражался, чтобы вызвать его возражения против меня в присутствии французов; но так как он принял мои едкие на-смешки с собачьей покорностью, то я проникся презре-нием к нему.

С тех пор он старательно избегал меня, где только мог. Между тем, он устраивал при содействии Штхехера танцевальные вечера в Немецком рабочем обществе, привлекши бесплатно некоторые музыкальные силы — итальянца, швейцарца и француза. На этих вечерах англичанин предстал предо мною в качестве настоящего *maître de plaisir* [распорядителя], вполне в своей стихии; безумное веселье и ухаживание за дамами больше было ему по плечу, чем львиная храбрость. Но в Рабочем обществе он и не занимался политикой; здесь он только скакал и прыгал, смеялся, пил и распевал.

Между тем, я узнал от золотых дел мастера Фрица из Вюртемберга, что «глубоко-революционный англичанин» основал союз, который состоит из него (Фрица), еще одного немца, нескольких итальянцев и французов, — всего из семи членов. Я заклинал Фрица не ввязываться с этим политическим шарлатаном ни в какие серьезные

дела, немедленно выступить из союза самому и уговорить товарищев сделать это. Через некоторое время я получил от своего книгопродавца брошюру *Маркса* о процессе коммунистов в Кёльне, где Шерваль был изобличен как Кремер и третировался к тому же как жулик и предатель. У меня тотчас же возникло подозрение, что Ньюджент и есть Шерваль, тем более, что, согласно брошюре, он был родом с Рейна — это соответствовало его диалекту — и жил с англичанкой, и это совпадало. Я тотчас же высказал свою догадку Штхехеру, Фрицу и другим и дал им прочесть брошюру. Недоверие к Ньюдженту быстро распространилось, — брошюра *Маркса* сделала свое дело. Фриц вскоре пришел мне сказать, что выступил из этого союзика и что его примеру последуют и остальные. Он открыл мне при этом и его тайную цель. «Англичанин» намеревался печатанием фальшивых государственных ценных бумаг подорвать кредит европейских государств и на вырученные на этом деньги вызвать европейскую революцию и т. д. В это самое время французский изгнаник, бывший парижский адвокат, некий Лайа, читал лекции о социализме. Ньюджент посещал эти лекции; Лайа, бывший его защитником в его процессе в Париже, опознал в нем Шервала, о чем тут же и заявил ему. Ньюджент стал умолять не выдавать его. Я узнал об этом от одного французского эмигранта, приятеля Лайа, и всем тотчас же сообщил об этом. У Ньюджента хватило наглости появиться еще раз в Рабочем обществе, но его там разоблачили как француза Шервала и немца Кремера и выгнали. Особенно яростно громил его по этому поводу Раниель из Бингена. Женевская полиция хотела еще привлечь его и за организацию упомянутого союзика, но фабрикант фальшивых денег бесследно исчез.

В Париже он занялся разрисовкой фаянса, а так как я здесь тоже работал в этой области, то мне пришлось встретиться с ним на деловой почве. Он все еще был таким же легкомысленным, неисправимым шарлатаном.

Как мог Фогт осмелиться связать похождения этого бродяги в Женеве с деятельностью такого человека, как *Маркс*, и назвать его товарищем или орудием *Маркса*, я никак в толк не возьму, тем более, что это относится к моменту, когда *Маркс* в указанной брошюре так отделал

этого плута. Ведь именно Маркс своей брошюрою разоблачил его и выгнал из Женевы, где, по Фогту, он якобы работал для Маркса.

Когда я думаю о том, как естествоиспытатель Фогт мог вступить на такой ложный путь, я перестаю понимать что бы то ни было. Разве не жаль видеть, как легкомысленно, как расточительно, как бесполезно уничтожает Фогт то прекрасное влияние, которое он приобрел благодаря случайному стечению обстоятельств! Неудивительно было бы, если бы после этого все стали относиться с недоверием и подозрением к естественно-научным работам Фогта, как к научным выводам, столь же легковесно и недобросовестно опирающимся на ложные представления, а не на положительные и тщательно исследованные факты!

Для государственного деятеля и ученого не достаточно одного тщеславия, — в противном случае даже Кремер мог бы быть и тем и другим. *К сожалению, Фогт из-за своей серной банды и Шервала сам опустился до уровня своего рода Шервала. И, действительно, между ними есть внутреннее сходство в резко выраженном стремлении к житейскому благополучию, к обеспеченному существованию, компанейским развлечениям и легкомысленным шуткам в серьезных вопросах...*

В ожидании вашего скорого дружеского ответа примите сердечный привет от преданного вам

И. Ф. Беккера.

P. S. Я только что снова заглянул в брошюру Фогта и, к моему дальнейшему изумлению, увидел, что честь оказана и «бюрстенгеймерам». Вкратце Вы должны знать, как обстояло дело и с этой бандой...

... Далее я увидел в этом произведении, что Фогт утверждает, будто Ньюджент-Шерваль-Кремер *приехал в Женеву по поручению Маркса*. Я считаю поэтому нужным добавить, что Ньюджент, который до последней минуты своего пребывания в Женеве разыгрывал роль англичанина, ничем ни разу не дал заметить, что он когда-либо находился в отношениях с каким-нибудь немецким эмигрантом; да это вообще совершенно не годилось бы для его инкогнито. Даже в настоящее время здесь, хотя это уже не имеет того значения для него,

какое имело там, он не хочет этого признать и отрицает всякое знакомство с немцами в прошлом.

До сих пор я все еще думал, что Фогт легкомысленно поддался мистификации, но теперь его выступление мне все более кажется проявлением злого умысла. Он меня мало занимает, но мне жаль его доброго, славного, старого отца, которому эта история доставит много неприятных минут.

Не только разрешаю вам, но даже прошу вас в интересах истины и доброго дела распространить все сообщенное мной среди ваших знакомых.

Сердечно ваш

П. Филипп Б.»

(См. приложение 3.)

4. Кёльнский процесс коммунистов

Из регентского «кабинета» в Женеве в прусский королевский суд присяжных в Кёльне.

«В кёльнском процессе *Маркс* играл выдающуюся роль». Несомненно.

«В Кёльне судили его товарищей по союзу». Совершенно верно.

Подследственное заключение кёльнских подсудимых длилось 1½ года.

Прусская полиция и посольство, Гинкельдей со всей своей сворой, почта и магистратура, министерства внутренних дел и юстиции — все в течение этих 1½ лет делали огромнейшие усилия, чтобы создать какой-нибудь *corpus delicti* [состав преступления].

Таким образом, Фогт имеет в своем распоряжении для расследования моих «действий», можно сказать, ресурсы прусского государства, а равно и подлинный материал из моих «Разоблачений о Кёльнском процессе коммунистов, Базель 1853», экземпляр которых он нашел в женевском Рабочем обществе, взял его на время и «штудировал». Теперь-то уж Карлуша не упустит случая нагнать на меня страху. Но нет! На этот раз Фогт «затрудняется», выпускает несколько своих натураль-

ных удушающих и зловонных снарядов* и лепечет в торопливом отступлении:

«Кёльнский процесс особенного значения для нас не имеет» («Главная книга», стр. 172).

В «Разоблачениях» я не мог не задеть и *A. Виллиха*. Виллих начинает в «New Yorker Criminal-Zeitung» от 28 октября 1853 г.** свою самозашиту, характеризуя мое произведение как «мастерскую критику ужасных действий немецкой центральной союзной полиции». Издатель моей работы *И. Шабелиц-сын* писал мне по получении моей рукописи из Базеля 11 декабря 1852 г.: «Ваше разоблачение политических безобразий превосходно. Вы воздвигли прочный памятник нынешнему прусскому режиму». Он прибавлял к этому, что его мнение разделяется компетентными людьми и что во главе этих «компетентных людей» находится один теперешний женевский приятель Карла Фогта.

Через семь лет после выхода моя брошюра дала повод совершенно неизвестному мне Эйхгофу в Берлине, — Эйхгоф, как известно, был привлечен к суду по обвинению в клевете на Штибера, — сделать на своем процессе следующее заявление: «Я тщательно изучил кёльнский процесс коммунистов и вынужден поэтому не только полностью поддержать свое первоначальное обвинение Штибера в клятвопреступлении, но и расширить его в том смысле, что все показания Штибера на этом процессе были лживыми... Приговор над кёльнскими подсудимыми был произнесен лишь на основании показаний Штибера... Все показания Штибера — последовательно совершенное клятвопреступление». (1-е приложение к берлинской «Vossische Zeitung» от 10 мая 1860 года.)

* «Удушающими или зловонными снарядами пользуются преимущественно в минной войне. Для этого берут обычный горючий состав, содержащий, однако, несколько больше серы и сколько возможно перьев, рога, волос и прочей дряни, вкладывают в ядро, снабжают запалом и выпускают снаряд» (Z. C. Plüttmiche, Handbuch für die Königl. pr. Artillerie-Offiziere. Erster Theil. Berlin 1820). [З. К. Плюмике, Руководство для офицеров королевско-прусской артиллерии. 1-ая часть. Берлин 1820.]

** Ответ я опубликовал в памфлете «Der Ritter vom edelmüti gen Bewusstsein. New York 1853» [Рыцарь благородного сознания].

Сам Фогт признает: «Он (Маркс) употребил *все возможные усилия*, чтобы доставить защитникам подсудимых материалы и инструкции для ведения процесса...

«Как известно, там (в Кёльне) агенты Штибер, Флери и т. д. представили фальшивые, ими сфабрикованные документы в качестве «доказательств», и вообще *была обнаружена* целая пропасть отвратительной полицейской мерзости» («Главная книга», стр. 169, 170).

Если Фогт доказывает свою ненависть к государственному перевороту пропагандой в пользу бонапартизма, то почему я не могу доказывать «своих сношений» с тайной полицией *изобличением* ее беспредельной мерзости? Если бы полиция обладала подлинными доказательствами, то зачем было фабриковать фальшивые?

Но, — поучает профессор Фогт, — «удар в Кёльне поразил, тем не менее, только единомышленников Маркса, только партию Маркса».

В самом деле, Полоний! Разве удар не поразил сперва другую партию в Париже, потом третью в Берлине (процесс Ладендорфа), затем четвертую в Бремене (Todtentbund — Союз мертвых) и т. д., и т. д.?

Что касается *осуждения* кёльнских подсудимых, то я приведу относящееся к этому место из моих «Разоблачений»:

«Сначала понадобилось чудодейственное вмешательство полиции, чтобы прикрыть чисто *тенденциозный характер* процесса. Предстоящие разоблачения, — заявил (прокурор) Зедт, открывая судебные прения, — покажут вам, господа присяжные заседатели, что настоящий процесс отнюдь не тенденциозный процесс. Теперь (в конце судопроизводства) он подчеркивает тенденциозный характер процесса, чтобы заставить забыть полицейские разоблачения. После 1½-годичного предварительного следствия присяжным потребовался объективный состав преступления, чтобы оправдаться перед общественным мнением».

«После пятинедельной полицейской комедии им потребовалась «чистая тенденция», чтобы выбраться из действительной грязи. Зедт поэтому не ограничивается только материалом, который заставил обвинительную камеру заявить, что «нет состава преступления». Он идет дальше. Он пытается доказать, что закон против

заговоров вообще не требует состава преступления, что это чисто тенденциозный закон и что, следовательно, категория заговора только предлог для сжигания политических еретиков в формально-правовой обстановке. Попытка его могла иметь большой успех благодаря применению изданного после ареста обвиняемых нового уголовного кодекса. Раболепный суд мог, ссылаясь на менее строгие санкции нового кодекса, придать ему обратную силу. Но если процесс был чисто тенденциозным процессом, то зачем нужно было $1\frac{1}{2}$ -годичное предварительное следствие? Ради тенденции» (там же, стр. 71, 72). «После разоблачения сфабрикованной самой прусской полицией книги протоколов процесс вступил в новую стадию. Присяжные заседатели уже не были вольны признать виновными или оправдать подсудимых — они должны были теперь признать виновными подсудимых или... правительство».

«*Оправдать подсудимых — означало осудить правительство*» (там же, стр. 70).

Что тогдашнее прусское правительство точно таким же образом оценивало создавшееся положение, показывало отправленное Гинкельдеем во время кёльнского процесса прусскому посольству в Лондоне письмо, в котором он писал, что «от исхода этого процесса зависит вся судьба политической полиции». Он поэтому требовал человека, который представлял бы перед судом скрывшегося свидетеля Г. за вознаграждение в 1 000 талеров. Такой человек уже был найден, когда получилось новое письмо от Гинкельдея: «Государственный прокурор надеется, что при благоприятном составе присяжных будет вынесен обвинительный приговор и без экстренных мер, и поэтому он (Гинкельдей) просит пока ничего не предпринимать» (см. приложение 4).

И, действительно, этот *благоприятный состав присяжных в Кёльне* был началом режима Гинкельдея — Штибера в Пруссии. «В Берлине разразится гром, если кёльнцы будут осуждены», — это знала прикомандированная к прусскому посольству в Лондоне полицейская сволочь уже в октябре 1852 г., хотя полицейская мина взорвалась в Берлине (заговор Ладендорфа) лишь в конце марта 1853 года (см. приложение 4).

Запоздалый либеральный вой о реакционной эпохе

всегда бывает тем громче, чем безграничнее была либеральная трусость, дававшая в течение ряда лет безраздельно царить реакции. Так, все мои попытки во время кёльнского процесса разоблачить в либеральной прусской печати лживую систему Штибера потерпели неудачу. Печать эта начертала на своем знамени большими буквами: безопасность — вот первый долг гражданина, и под этим знаком ты будешь жив.

5. Центральное празднество немецких рабочих просветительных обществ в Лозанне (26 и 27 июня 1859 г.)

Наш герой всякий раз с новым удовольствием спасается в... Аркадию. Мы находим его теперь в «отдаленном уголке Швейцарии», в Лозанне, на «центральном празднестве» немецких рабочих просветительных обществ, происходившем в конце июня. Здесь Карл Фогт совершил вторичное спасение Швейцарии. В то время как Катилина сидит в Лондоне, Цицерон в пестрой куртке гремит в Лозанне:

«*Jam, jam intellegis me acrius vigilare ad salutem, quam te ad regniciem reipublicae*» [«Ты уже понимаешь, что я больше бдительности уделяю спасению республики, чем ты — ее гибели»]. Случайно существует подлинный отчет о названном «центральном празднестве» и о совершенном на нем «округленной натурой» геройском подвиге. Титульный лист составленного Г. Ломмелем при содействии Фогта отчета гласит: «*Das Zentralfest der deutschen Arbeiterbildungs-Vereine in der Westschweiz (Lausanne 1859), Genf 1859, Markus Vaney, rue de la Croix d'Or*» [«Центральное празднество немецких рабочих просветительных обществ западной Швейцарии (в Лозанне в 1859 г.), Женева 1859, Марк Ваней, улица де ля Круа д'Ор»]. Сравним этот подлинный отчет с появившейся пять месяцев спустя «Главной книгой». В отчете имеется «*произнесенная самим* Цицероном-Фогтом речь, во вступительной части которой он объясняет тайну своего явления при этой оказии. Он является к рабочим, он вещает им потому, что «в последнее время против него были выдвинуты тяжкие

обвинения, и если бы они были верны, то совершенно пошатнули бы доверие к нему и полностью подорвали бы его политическую деятельность». «Я явился сюда, — продолжает он, — для того, чтобы открыто выступить здесь против (указанных) тайных происков» (отчет, стр. 67). Его обвиняют в бонапартистских махинациях, он должен спасти свою политическую деятельность и по своему обыкновению защищает свою шкуру своим языком. После полуторачасового толчения воды в ступе он вспоминает о совете Демосфена, что «душа красноречия, это — действие, действие и действие».

Но что такое действие? В Америке существует маленький зверек *скунс*, обладающий в моменты грозящей ему опасности только одним средством нападения — своим наступательным запахом. В случае нападения на него он брызгает из известных частей своего тела жидким веществом, неминуемо осуждающим вашу одежду на сжигание; если же оно попадает на ваше тело, то вы на некоторое время вынуждены лишиться всякого общения с людьми. Запах так отвратительно едок, что охотники, если их собаки случайно поднимают скунса, в испуге удирают с большей поспешностью, чем если бы за ними гнался волк или тигр. Против волка и тигра защищают свинец и порох, а от *a posteriori* [зада] скунса нет никаких средств.

Вот это действие! — сказал себе натурализованный в «царстве животных» оратор и, сообразно с этим, испускает на своих мнимых преследователей аромат скунса.

«Но от одного я настойчиво предостерегаю вас — от происков маленькой кучки подлых людей, все помыслы которых направлены к тому, чтобы ствлесть рабочего от его ремесла, впутать его во всякого рода заговоры и коммунистические козни и чтобы затем, поживши его потом, холодно (после того, конечно, как он пропотел!) обречь его на гибель. И теперь снова эта кучка пытается всеми возможными средствами (насколько только возможно) завлечь рабочие союзы в свои коварные сети. Что бы они ни говорили (о бонапартистских происках Фогта), знайте, что их цель эксплоатировать рабочего только в своих личных интересах и после всего представить его собственной участии» (отчет, стр. 18). Бесстыдство «скунса», изображающего меня и моих друзей,

всегда защищавших интересы рабочего класса **бескорыстно**, жертвуя своими личными интересами, — «живущими потом рабочих», даже не оригинально. Не только декабристские *mouchards* [шпионы] распространяли подобные гнусности о Луи Блане, Бланки, Распайле и др., — во все времена и повсюду сикофанты правящего класса так подло клеветали на литературных и политических борцов угнетенных классов (см. приложение 5).

Впрочем, после этого действия наша «округленная натура» не в силах выдержать свой *sérieux* [серезный тон]. Этот скоморох сравнивает своих находящихся на свободе «преследователей» с «захваченными в плен при Цорндорфе русскими», а себя самого — угадайте, с кем? — с *Фридрихом Великим*. Фальстаф-Фогт вспомнил, что Фридрих Великий бежал с первого сражения, в котором он принимал участие. Насколько же более велик *он*, бежавший, не принимая участия ни в каком сражении! *

Такова эта авантюра на центральном празднестве в Лозанне, согласно подлинному отчету. И после этого «полюбуйтесь» (говоря языком Фишарта) на «мелкого блюдоиза, неуклюжего и грязного стряпчuna», — посмотрите, какую эйленшпигелевскую полицейскую кашу он заварил, пять месяцев спустя для немецкого филистера.

«Во что бы то ни стало хотели вызвать осложнения в Швейцарии, — нужно было нанести решительный удар... политике пейтралитета.

* В выпущенном Якобом Венедеем памфлете «*Pro domo et pro patria gegen Karl Vogt*» [«В защиту себя и отечества против Карла Фогта»], Ганновер, 1860 г., Кобес I рассказывает, что он «был свидетелем того, как имперский регент *Карл Фогт не присутствовал*, когда мы все, вместе с четырьмя остальными имперскими регентами, заставили вюртембергское правительство прибегнуть к силе оружия и дать, таким образом, возможность парламенту умереть почетной смертью. Это очень забавная история. Когда остальные четыре регента сели в экипаж, чтобы, как было условлено, отправиться в залу заседания и там вместе с охвостью парламента (*Rumpfparlament*) грудью (как известно, охвостье парламента не имело головы) защищать народные права, — Карл Фогт, закрывая дверцу кареты, крикнул кучеру: «Ну, поезжай, экипаж уж полон, я приду следом!» Карл Фогт пришел, когда всякая опасность миновала» (там же, стр. 23, 24).

Меня уведомили, что объединенное празднество рабочих союзов имелось в виду использовать, чтобы направить рабочих на путь, по которому они ранее решительно отказывались идти. Рассчитывали использовать прекрасное празднество для образования *тайного комитета*, связать его с единомышленными организациями в Германии и принять боевые меры (Фогт, хотя и *уведомленный*, этого не ведает). Передавали смутные слухи и таинственные сообщения об активном вмешательстве рабочих в политику германского отечества. Я немедленно решил выступить против этих козней и снова предупредить рабочих, чтобы они не дали себя увлечь подобного рода планами. В конце вышеназванной своей речи я открыто предостерегал и т. д.» («Главная книга», стр. 180).

Цицерон-Фогт забывает, что в начале своей речи он выболтал публично, что именно привело его на объединенное празднество, — не нейтралитет Швейцарии, а спасение собственной шкуры. Ни одного звука в его речи не было о подготовлявшемся покушении на Швейцарию, о заговорщических планах на объединенном празднестве, о тайном комитете, об активном вмешательстве рабочих в немецкую политику, о планах «этого» или какого-либо иного «рода». Ни слова обо всех этих штибериадах. Его заключительное предостережение было только предостережением честного Сайкса, который в суде Old Bailey убеждал присяжных заседателей не придавать веры словам «подых» сыщиков, раскрывших совершенное им воровство.

«Последовавшие непосредственно за этим события, — говорит Фальстаф-Фогт, — подтвердили мои *предчувствия*. Как, *предчувствия*? Но Фальстаф снова забывает, что несколькими строками раньше он вовсе не «предчувствовал», а был «осведомлен», осведомлен о планах заговорщиков, и притом осведомлен подробно! И каковы же были, — о вещий ангел! — непосредственно последовавшие *события*? «В одной своей статье «Allgemeine Zeitung» подсовывала празднству и жизни рабочих тенденции, о которых они (т. е. празднество и жизнь рабочих) не думали ни в малейшей мере». (Совсем, как Фогт подсовывает их муртенскому съезду и рабочим организациям вообще.) «На основании этой

статьи и ее перепечатки в «*Frankfurter Journal*» последовал от послаинника одного южно-немецкого государства секретный запрос, придававший празднеству значение», — которое ему «подсовывали» статья из «Allgemeine Zeitung» и перепечатка в «*Frankfurter Journal*»? — ничуть не бывало, — «которое оно по неосуществившимся планам серной банды должно было быть и имеет». Вот именно! Должно было бы иметь!

Хотя достаточно самого поверхностного сопоставления «Главной книги» с подлинным отчетом об объединенном торжестве, чтобы вскрыть секрет вторичного спасения Швейцарии Цицероном-Фогтом, я все же хотел удостовериться, не было ли хотя бы какого-нибудь извращенного факта, который послужил бы материей для развития фогтовской энергии. Я обратился поэтому с письмом к составителю подлинного отчета Г. Ломмелю в Женеву. Ломмель, повидимому, был в дружеских отношениях с Фогтом; он не только воспользовался его содействием при составлении отчета о лозаннском центральном празднестве, но и в появившейся позже брошюре о празднестве в честь Шиллера и Роберта Блюма в Женеве старался затушевать фиаско, которое Фогт и здесь потерпел. В своем ответе от 13 апреля 1860 г. Ломмель, лично мне неизвестный, пишет: «Рассказ Фогта, будто он расстроил в Лозанне опасный заговор, — чистейшая фантазия или ложь. В Лозанне он искал только помещения, чтобы произнести речь, которую потом можно было бы напечатать. В этой 1½-часовой речи он защищался от обвинения, будто он — подкупленный бонапартист. Рукопись находится у меня в полной сохранности». Один живущий в Женеве француз, на вопрос о том же фогтовском заговоре, коротко ответил: «Il faut connaître cet individu, surtout le faisait et l'homme important, toujours hors de la nature et de la vérité» [«Нужно знать этого субъекта (т. е. Фогта); это прежде всего и нтриган и фигляр, извращающий природу и истину»].

Фогт сам говорит на стр. 99 своих так называемых «Исследований», что он «никогда не приписывал себе качеств пророка». Но из Ветхого завета известно, что осел видел то, чего не видел пророк. И тогда становится

ясным, почему Фогт *увидел заговор*, о котором у него было предчувствие в ноябре 1859 г., что он его «расстроил» в июне 1859 года.

6. Разное

«Если память мне не изменяет, — говорит парламентский клоун, — то циркуляр (именно мнимый лондонский циркуляр к пролетарию от 1850 г.) во всяком случае составлен был сторонником Маркса, так называемым «парламентским Вольфом»¹, и ловко вручен ганноверской полиции. И вот теперь этот канал снова выступает наружу в истории циркуляра «друзей отечества к гостям» [партия конституционалистов с центром в г. Готе] («Главная книга», стр. 144).

Канал выступает наружу! Prolapsus ani [геморой] естественно-научных балагуров?

Что касается «парламентского Вольфа», — почему парламентский волк, точно кошмар, гнетет память парламентского клоуна, мы узнаем ниже, — то он опубликовал в «Berliner Volkszeitung», «Allgemeine Zeitung» и «Hamburger Reform» следующее заявление:

Заявление. Манчестер, 6 февраля 1860 г.

Из письма одного приятеля я узнаю, что в «Nationalzeitung» (№ 41 за текущий год) в передовой статье, на основании брошюры Фогта, опубликовано следующее:

«В 1850 г. была (если память не изменяет Фогту) отправлена из Лондона другая составленная парламентским Вольфом, alias [иначе] казематным Вольфом, циркулярная депеша к пролетарию Германии, одновременно попавшая в руки ганноверской полиции». Я не видел ни этого номера «Nationalzeitung», ни брошюры Фогта и поэтому отвечаю лишь на вышеприведенное место:

1) В 1850 г. я жил в Цюрихе, а не в Лондоне, куда переехал лишь летом 1851 года.

¹ Parlaments-Wolf, парламентский волк, — кличка, данная Вильгельму Вольфу во Франкфуртском национальном собрании. Ред.

2) Я за всю свою жизнь не составил ни одной циркулярной депеши ни к «пролетариям», ни к другим лицам.

3) Что касается инсинации о ганноверской полиции, то я с презрением возвращаю эту бесстыдную выдумку по адресу ее автора. Если остальная часть фогтова памфлета столь же отвратительна и лжива, как то, что касается меня, то он достоин занять место рядом с творениями таких господ, как Шеню, Де-ля-Одд и К^о.

B. Вольф.

Как *Кювье* всю структуру животного восстанавливал по одной кости, так *Вольф* правильно воссоздал все литературное детище Фогта по одной выхваченной цитате. Действительно, *Карл Фогт* наряду с *Шеню* и *Де-ля-Оддом* — *primus inter pares* [первый среди равных].

Последним «доказательством» «не затрудняющегося» Фогта о моем *entente cordiale* [сердечном согласии] с тайной полицией вообще и о «моих отношениях к партии «Kreuzzeitung» в частности» служит то, что моя жена — сестра бывшего прусского министра фон-Вестфалена («Главная книга», стр. 194). Как парировать этот жалкий выпад жирного Фальстафа? Быть может, клоун простит моей жене ее родственника прусского министра, когда узнает, что один из ее шотландских собственников [Кэмпбелл] был обезглавлен на рыночной площади в Эдинбурге как мятежник, участвовавший в освободительной борьбе против Якова II? Как известно, сам Фогт лишь благодаря случаю еще носит свою голову на плечах. Именно на чествовании памяти Роберта Блюма, устроенным немецким Рабочим просветительным обществом в Женеве (13 ноября 1859 г.), он рассказывал, «как левая франкфуртского парламента долго не могла решить, кого послать в Вену — Блюма или его. Наконец, жребий — вытащенный стебелек — решил за Блюма, или, вернее, против него» (S. 28, 29 *Die Schillersfeier zu Genf u. s. w. Genf 1859*) [Шиллеровское празднество в Женеве и т. д. Женева 1859, стр. 28, 29]. 13 октября Роберт Блюм уехал из Франкфурта в Вену, 23 или 24 октября в Кёльн прибыла депутация крайней франкфуртской левой проездом в Берлин на

конгресс демократов. Я виделся с делегатами. Некоторые из них были тесно связаны с «*Neue Rheinische Zeitung*». Эти делегаты, — из которых один был во время кампании за имперскую конституцию расстрелян по приговору военно-полевого суда, другой умер в изгнании, а третий еще жив, — сообщили мне жутко странные сведения о махинациях Фогта в связи с миссией Роберта Блюма в Вене. Но

Heiss mich nicht reden, heiss mich schweigen,
Denn das Geheimniss ist mir Pflicht!

[Слов не проси, вели мне молчать,
Тайну ведь я обязался блюсти!]

Вышеупомянутое чествование памяти Роберта Блюма в Женеве (ноябрь 1859 г.) не было любезно сердцу «округленной натуры». Когда он входил в помещение, где происходило чествование, угодливым Силеном вертаясь около своего патрона Джемса Фази, один рабочий воскликнул: вот идет Генрих, а за ним Фальстаф! Когда же Фогт в своем милом анекдоте выставил себя как *alter ego* [второе «я»] Роберта Блюма, то лишь с трудом удалось удержать нескольких вспыльчивых рабочих от штурма трибуны. А когда он, наконец, — забыв о том, как еще в июне предупредил революцию, — теперь сам «еще раз звал рабочих на баррикады» (*Schillersfeier* — Шиллеровское празднество, — стр. 29), раздалось насмешливое эхо: «*Barricaden! — Fladen!*» [*Баррикады! — Кучи!*]. Но за границей так хорошо знают цену революционному пустозвонству Фогта, что на этот раз даже не последовало обычного «секретного запроса одного южно-германского посланника» и в *Allgemeine Zeitung* не появилось никакой статьи.

Вся фогтова «штибериада», начиная с «серной банды» и кончая «отставным министром», напоминает род мейстерзингеров, о котором у Данте сказано:

Ed egli avea fatto del cul trompetta.

(И зад в трубу он превратил.)

IV. ПИСЬМО ТЕХОВА

Что еще извлекает «округленная натура» из

tristo sacco
Che merde fa di quel, che si trangugia.

(Dante.)

[жалкого мешка,
Что превращает пищу в испражнения.
(Данте.)]

Письмо Техова от 26 августа 1850 г. из Лондона.

«Для характеристики этих козней (именно «серной банды») я не могу сделать ничего лучшего, как привести здесь письмо гражданина, которого всякий, *кто* (!) его когда-либо знал, назовет честным человеком; я позволю себе опубликовать его (честного человека или письмо?) потому, что оно было специально предназначено для сообщения (кому?) и что уже нет больше тех соображений (чьих?), которые мешали раньше его *опубликованию*» («Главная книга», стр. 141).

Техов переехал из Швейцарии в Лондон в конце августа 1850 года. Его письмо было адресовано бывшему прусскому лейтенанту *Шиммельфенигу* (жившему тогда в Берне) «для сообщения друзьям», именно — членам Централизации, тайного, лет десять тому назад закрывшегося общества, которое было основано немецкими эмигрантами в Швейцарии, было очень пестрое по своему составу и насчитывало в своей среде большое число парламентских элементов. Техов принадлежал к этому обществу, но Фогт и его друзья его членами не были. Каким же образом у Фогта оказалось письмо Техова, и кто дал ему право его опубликовать?

Сам Техов пишет мне из Австралии 7 апреля 1860 г.: «Во всяком случае у меня никогда не было повода предоставить Карлу Фогту какие-либо полномочия в этом деле».

Из «друзей» Техова, которым должно было быть сообщено это письмо, только двое еще живут в Швейцарии. Пусть оба говорят сами:

От Э. к Шили, 29 апреля 1860 г. Верхний Энгадин, кантон Граубюнден.

При появлении брошюры Фогта «Mein Prozess gegen die «Allgemeine Zeitung», в которой напечатано письмо Техова от 26 августа 1850 г. к его швейцарским друзьям, мы, находящиеся еще в Швейцарии друзья Техова, решили письменно выразить свое неудовольствие по поводу опубликования этого письма *без разрешения*. Письмо Техова было адресовано Шиммельфеннигу в Берн и должно было быть сообщено друзьям в копиях... Я рад, что мы не ошиблись, предполагая, что ни один из друзей Техова, ни один из имеющих право на его письмо от 26 августа не использовал его таким образом, как его случайный обладатель. 22 января Фогту было написано, выражено неудовольствие по поводу опубликования теховского письма *без разрешения*, заявлен протест против *всякого дальнейшего злоупотребления* им и затребовано возвращение письма. 27 января Фогт ответил: «Письмо Техова было предназначено для сообщения друзьям; друг, имевший его в своих руках, передал его специально для опубликования... и он вернет письмо лишь тому, от кого он получил его».

От Б. к Шили. Цюрих, 1 мая 1860 г.

Письмо к Фогту было написано мною по соглашению с Э... К «друзьям», для сообщения которым предназначалось письмо Техова, Р. не принадлежал, но из содержания письма *Фогт знал*, что оно мне адресовано, однако уклонился спросить моего разрешения на его опубликование.

Для разрешения загадки я оставил про запас одно место из приведенного выше письма Шили. Оно гласит:

Об этом *Ранике* мне приходится говорить здесь потому, что *письмо Техова, повидимому, через него попало в руки Фогта*, — этот пункт твоего запроса я совсем упустил из виду. Письмо это было послано Теховым его цюрихским друзьям Шиммельфеннигу, Б., Е. В качестве друга этих друзей и самого Техова я его тоже позже получил. Когда меня внезапно и грубо вы-

шибли из Швейцарии (меня без всяких предупреждений схватили на улице в Женеве и тотчас же выпроводили), я не имел возможности вернуться к себе на квартиру и привести в порядок свои вещи. Поэтому я написал из бернской тюрьмы в Женеву одному надежному человеку, сапожнику Туму, прося его поручить комунибудь из тамошних моих друзей (я не знал даже, кто из них выслан был вместе со мною) собрать мои вещи, наиболее ценные из них переслать мне в Берн, а остальные оставить пока на хранении у себя, произвести тщательный отбор моих бумаг, чтобы не прислать мне ничего такого, что не могло бы выдержать перевозку через Францию. Так и сделали, и письмо Техова мне не переслали. В моем архиве были некоторые документы, имевшие отношение к «мятежу» парламентариев против местного женевского комитета по распределению денег среди эмигрантов (комитет состоял из трех женевских граждан, в том числе Тума и двух эмигрантов: Беккера и меня), и Раникелью, как стороннику комитета в борьбе против парламентариев, они были хорошо известны. Поэтому я просил Тума, как кассира и хранителя архива комитета, разыскать при помощи Раникеля указанные документы среди моих бумаг. Возможно, что последний, формально, таким образом, приглашенный присутствовать при просмотре моих бумаг, тем или иным путем письмо Техова получил, может быть, от кого-нибудь из просматривавших мои бумаги. Я не оспариваю *перехода владения*, но от него следует отличать переход *собственности* от меня к нему; на своем праве собственности я самым решительным образом настаиваю. Я вскоре затем написал Раникелью из Лондона, чтобы он приспал мне письмо. Но он этого не сделал. С этого момента и начинается его culpa manifesta [явная вина], первоначально лишь levis [легкая], но затем все возрастающая соразмерно степени его соучастия в неразрешенном опубликовании письма, до culpa magna, или maxima, или даже до dolus [до большой, или величайшей вины, или даже до обмана]. Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что опубликование не было разрешено никем из адресатов; впрочем, я еще напишу об этом Е. Что Раникель приложил руку к опубликованию письма, не может вызывать сомнения при известной его близости к Фогту. Не

имея никакого намерения критиковать эту близость, я, тем не менее, вынужден указать на контраст с прошлым. *Раникель* не только был одним из злейших «парламентоедов» вообще, но, в частности, обнаруживал самые кровожадные чувства по отношению к имперскому регенту. «Я должен задушить этого негодяя, — кричал он, — даже если бы мне пришлось для этого ехать в Берн». Чуть ли не смирительную рубашку нужно было надевать на него, чтобы удержать от этих террористических, кровожадных замыслов. Но теперь, когда пелена, повидимому, спала с его глаз и из Савла он стал Павлом, мне любопытно посмотреть, как он выпутается в другом отношении, т. е. в качестве мстителя Европы. Я выдержал тяжелую борьбу, — говорил он тогда, колеблясь в выборе между Европой и Америкой, — но это счастливо кончилось, я остаюсь — и буду мстить!! Дрожи, Византия!

Так писал Шили.

Таким образом, *Раникель* «стибрил»¹ письмо Техова из эмигрантского архива Шили. Несмотря на требование Шили из Лондона, он не возвращает письма. *При-своеенное*, таким образом, письмо «друг» *Раникель* передает «другу» Фогту, а «друг» Фогт, со свойственной ему моральной деликатностью, объявляет себя правомочным опубликовать это письмо, — ведь Фогт и *Раникель* — «друзья». Итак, кто пишет письмо для «сообщения друзьям», пишет его *eo ipso* [тем самым] для «друзей» Фогта и *Раникеля* — *arcades ambo*².

Я сожалею, что эта своеобразная юриспруденция приводит меня к полузабытым и давно забытым историям. Но *Раникель* начал, — и я должен следовать за ним.

Союз коммунистов был основан — первоначально под другим названием — в Париже в 1836 году. Организация, как она постепенно сложилась, была такова: известное число членов составляли «общину» (*Gemeinde*), различные общины в одном и том же городе составляли округ (*Kreis*), большее или меньшее число округов группировалось вокруг «руководящего округа»; во главе

¹ Глагол *stiebern* — значит искать, шарить и однозвучен с именем полицейского агента Штибера. Ред.

² Оба из Аркадии, или — по-русски — два сапога пары. Ред.

всей организации стоял «центральный комитет», выби-
равшийся на съезде делегатов всех округов, но имевший
право кооптации и назначения, в крайних случаях,
своего временного преемника. Центральный комитет
находился сперва в Париже, а с 1840 г. до начала
1848 г. в Лондоне. Руководители общин и округов
и члены центрального комитета все были выборными.
Этой демократической конституции, совершенно нецеле-
сообразной для заговорщических тайных обществ, не
противоречили, по крайней мере, задачи пропаган-
дистского общества. Деятельность Союза заключалась
прежде всего в основании открытых немецких рабочих
просветительных обществ, и большинство этого рода
организаций, существующих еще и поныне в Швей-
царии, Англии, Бельгии и Соединенных Штатах, было
основано непосредственно самим Союзом или бывшими
его членами. Поэтому конституция этих рабочих орга-
низаций повсюду одна и та же. Один день в неделю
назначался для дискуссий, другой — для обществен-
ных развлечений (пение, декламация и т. д.). По-
всюду при кружках основывались библиотеки и, где
только было возможно, курсы для преподавания рабо-
чим элементарных знаний. Стоявший за открытыми ра-
бочими организациями и руководивший ими Союз
находил среди них ближайшее поле для открытой про-
паганды, а с другой стороны, за счет более способ-
ных их членов он пополнялся и расширялся. При коче-
вом образе жизни немецких ремесленников Центральный
комитет лишь в редких случаях прибегал к посылке
особых эмиссаров.

Что касается тайного учения Союза, то оно прошло
через все превращения французского и английского со-
циализма и коммунизма, а также и их немецких разно-
видностей (фантазии Бейтлинга, например). Начиная
с 1839 г., — как видно уже из доклада Блюнчли, — на-
ряду с социальным вопросом важнейшую роль играет
религиозный вопрос. За различными фазами, через ко-
торые проходила немецкая философия в период с 1839 г.
по 1846 г., члены этих рабочих обществ следили с огром-
ным вниманием. Тайная форма общества обязана своим
происхождением Парижу. Главная цель Союза — пропа-
ганда среди рабочих в Германии — требовала сохране-

ния этой формы и впоследствии. Во время своего первого пребывания в Париже я поддерживал личные отношения с тамошними руководителями Союза, а также с вождями большинства тайных французских рабочих обществ, не входя, однако, ни в одно из этих обществ. В Брюсселе, куда меня выслал Гизо, я основал вместе с Энгельсом, В. Вольфом и другими существующее и поныне Немецкое рабочее просветительное общество. В то же время мы выпускали ряд частью печатных, частью литографированных памфлетов, в которых подвергали беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение Союза; вместо этого мы выдвигали изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно твердую теоретическую основу и, наконец, в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проповеди в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества. Под влиянием этой нашей деятельности лондонский Центральный комитет вступил с нами в переписку и делегировал в конце 1846 г. одного из своих членов, часовщика *Иосифа Молля*, — который позднее, в качестве солдата революции, пал на поле битвы в Бадене, — к нам в Брюссель, чтобы пригласить нас вступить в Союз. Сомнения, высказанные нами по поводу этого предложения, Молль рассеял сообщением, что Центральный комитет собирается созвать в Лондоне съезд Союза, где отстаиваемые нами критические взгляды будут опубликованы в официальном манифесте в качестве доктрины Союза, но что для борьбы с установленными и противодействующими элементами необходимо наше личное участие, последнее же связано с нашим вступлением в Союз. Мы и вступили. Съезд, на котором были представлены члены Союза, из Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии и Англии, состоялся, и после бурных, длившихся несколько недель прений был принят составленный Энгельсом и мной «Манифест коммунистической партии», который вышел в свет в начале 1848 г. и позднее появился в английском, французском, датском и итальянском переводах. Когда всых-

нула февральская революция, лондонский Центральный комитет поручил мне руководство Союзом. Во время революции в Германии деятельность его прекратилась сама собой, так как открылись более действенные пути для осуществления его целей. Приехав в конце лета 1849 г., после своей вторичной высылки из Франции, в Лондон, я нашел обломки тамошнего Центрального комитета вновь собранными, сношения с восстановленными в Германии округами «Союза» возобновленными. Виллих приехал в Лондон несколько месяцев спустя и, по моему предложению, был принят в Центральный комитет. Он был рекомендован мне Энгельсом, который участвовал в кампании за имперскую конституцию в качестве его адъютанта. Для полноты истории Союза отмечу еще, что 15 сентября 1850 г. произошел раскол в недрах Центрального комитета. Большинство его, вместе с Энгельсом и мною, решило перенести местопребывание Центрального комитета в Кёльн, где уже давно находился «руководящий округ» для средней и южной Германии и после Лондона был важнейшим центром интеллектуальных сил Союза.

В то же время мы вышли из Лондонского *рабочего просветительного общества*. Меньшинство Центрального комитета, с Виллихом и Шаппером во главе, основало свой особый союз, поддерживавший сношения с рабочим просветительным обществом и возобновивший также прервавшиеся в 1848 г. связи с Швейцарией и Францией. 12 ноября 1852 г. были осуждены кёльнские подсудимые. Несколько дней спустя, по моему предложению, Союз был объявлен распущенными. Рукописный документ о роспуске Союза, помеченный ноябрем 1852 г., я приложил к документам по моему делу против «Nationalzeitung». В качестве мотива к роспуску Союза в этом документе указывается, что со времени арестов в Германии, т. е. уже с весны 1851 г., прекратилась всякая связь с континентом; к тому же подобное пропагандистское общество вообще стало несвоевременным. Несколько месяцев спустя, в начале 1852 г., прекратил свое существование и виллих-шапперовский союз.

Принципиальные причины указанного выше раскола изложены в моих «Разоблачениях о процессе коммунистов», где перепечатано извлечение из протокола заседа-

ния Центрального комитета от 15 сентября 1850 года. Ближайшим же практическим поводом послужило стремление *Виллиха* впутать Союз в революционные затеи немецкой демократической эмиграции. Диаметрально противоположные оценки политической ситуации еще более обострили разногласия. Я приведу лишь один пример. Виллих воображал, например, что спор между Пруссией и Австрией по вопросу о Кургессене и германском союзе приведет к серьезным конфликтам и предоставит революционной партии возможность практического вмешательства. 10 ноября 1850 г., вскоре после раскола «Союза», он выпустил составленную в этом духе прокламацию: «Aux démocrates de toutes les nations» [«К демократам всех стран»], подписанную Центральным комитетом «зондербунда», а также французскими, венгерскими и польскими эмигрантами. Энгельс же и я, — как это можно прочесть на стр. 174, 175 «Revue der Neuen Rhein. Zeitung» (двойной номер за май-октябрь 1850 г., Гамбург), — наоборот, утверждали: «Весь этот шум ни к чему не приведет... Не пролив и одной капли крови, обе стороны, Австрия и Пруссия, воссядут во Франкфурте на креслах Союзного сейма, и от этого нисколько не уменьшатся ни их спирничество между собой, ни их распри с собственными подданными, ни их недовольство *русской* гегемонией».

Был ли способен *Виллих*, в силу особенностей своей индивидуальности, — деловитость Виллиха, впрочем, не может быть оспариваема, — и под влиянием своих, тогда (1850 г.) еще свежих безансонских воспоминаний, «беспристрастно» судить о конфликтах, которые в силу противоположности взглядов стали неизбежными и ежедневно повторялись, — об этом можно заключить на основании нижеследующего документа.

*Немецкая колонна в Нанси
гражданину Иог. Филиппу Беккеру
в Биле*

Председателю немецкого военного союза «Hilf Dir!»
[«Помогай себе!»]

Гражданин!

Сим сообщаем тебе как выборному представителю всех немецких эмигрантов-республиканцев, что в Нанси об-

разовалась колонна немецких эмигрантов под названием «Немецкая колонна в Нанси».

Эмигранты, составляющие здешнюю колонну, прежде входили частью в везульскую колонну, частью — в беzanсонскую. Они покинули Безансон по чисто демократическим основаниям.

Дело в том, что Виллих во всех своих действиях очень редко советовался с колонной. Основные правила безансонской колонны ею не обсуждались и не решались, а были Виллихом даны a priori [заранее] и приведены в исполнение без соглашения с колонной.

Затем Виллих дал нам также и a posteriori [в последующем порядке] доказательства своего деспотического характера в ряде приказов, достойных какого-нибудь Еллачика или Виндишгреца, но отнюдь не республиканца.

Виллих отдал приказ стащить с ног у одного оставлявшего колонну ее члена, по имени Шен, купленные ему на сбережения колонны новые башмаки, не считаясь с тем, что и Шен принимал участие в этих сбережениях, так как они составлялись главным образом из получавшейся от Франции субсидии в 10 су на человека... Он хотел взять свои башмаки. Виллих же приказал у него их отнять.

Виллих выслал из Безансона, не спрашивая колонны, нескольких дальних ее членов из-за мелочей вроде отсутствия на перекличке или на упражнениях, опоздания (вечером), мелких ссор, — выслал, заявив им, что они могут отправиться в Африку, так как во Франции им нельзя оставаться; если же они не уедут в Африку, то он распорядится, чтобы их выдали Германии, на что он имеет полномочие французского правительства. Запрошеннная по этому поводу безансонская префектура ответила, что это неправда. Виллих почти каждый день заявлял на перекличке: кому не нравится, тот может, если хочет, уходить, и чем скорее, тем лучше, — может уехать в Африку и т. д. Однажды он даже пригрозил в общей форме: кто не будет слушаться его приказов, пусть либо уезжает в Африку, либо будет выдан Германии; по этому поводу и был сделан указанный выше запрос в префектуре. Из-за этих ежедневных угроз многим опротивела жизнь в Безансоне, где, как они за-

являли, их ежедневно попрекали. Если бы мы хотели быть рабами, — говорили они, — мы могли бы поехать в Россию или вообще не должны были бы трогаться из Германии. Они заявляли, что ни в каком случае не могут оставаться более в Безансоне, не вступая в резкое столкновение с Виллихом, и поэтому ушли. Но так как тогда нигде не было другой колонны, которая могла бы их принять, и так как, с другой стороны, они не могли жить на десять су, то им ничего другого не оставалось, — как записаться добровольцами в Африку, что они и сделали. Так Виллих довел до отчаяния 30 честных граждан и повинен в том, что эти силы навсегда потеряны для родины.

Далее, Виллих был настолько неблагоразумен, что на перекличках постоянно хвалил своих стариков и унижал новичков, что всегда возбуждало споры. Виллих заявил даже как-то на перекличке, что пруссаки значительно превосходят южно-германцев головой, сердцем и телом, или же, как он выразился, физическими, и давственными и умственными силами. Южно-германцы не отличаются добродушием, — он хотел сказать глупостью, но у него нехватило мужества. Этим Виллих страшно озлобил всех южно-германцев, составляющих большинство. Наконец, вот самый грубый его поступок.

Две недели назад 7-я рота дала пристанище на ночь одному высланному из казармы по личному распоряжению Виллиха члену колонны, по имени Барроджо, оставила его, несмотря на запрещение Виллиха, в своем помещении и защищала свое поведение против сторонников Виллиха, фанатиков-портных. Виллих приказал принести веревки и связать бунтовщиков. Веревки действительно были принесены. Но заставить выполнить приказание до конца было не во власти Виллиха, хотя он этого хотел... Таковы причины их ухода.

Мы написали все это не для того, чтобы пожаловаться на Виллиха. Характер и воля у Виллиха хороши, и многие из нас уважают его, но пути, которыми он идет к своим целям, и средства, которые он для этого применяет, не все нам нравятся. У Виллиха благие намерения. Но он считает себя олицетворенной мудростью и *ultima ratio* [высшим законом], а всякого противоречащего ему — даже в мелочах — дураком или измен-

ником. Одним словом, Виллих не признает никакого другого мнения, кроме своего собственного. Он аристократ по уму и деспот и, если задумает что-нибудь, то не побрезгует никакими средствами. Но довольно об этом! Мы теперь знаем Виллиха. Мы знаем его сильные и слабые стороны и поэтому покинули Безансон. Впрочем, все, оставляя Безансон, заявили, что они уходят от Виллиха, но не выходят из немецкого военного союза «Помогай себе».

Точно так же везульские...

Заканчивая уверением в глубоком уважении, шлем братский привет и рукопожатие от колонны в Нанси.

Принято общим собранием 13 ноября 1848 года.

Нанси, 4 ноября 1848 г.

От имени и по поручению колонны,

Секретарь Б.

Теперь вернемся к письму Техова. Яд его письма, как и других пресмыкающихся, заключен в хвосте, именно в приписке от 3 сентября (1850 г.). В ней речь идет о дуэли моего преждевременно умершего друга Конрада Шрамма с Виллихом. В этой дуэли, происходившей в начале сентября 1850 г. в Антверпене, фигурировали Техов и француз Бартелеми в качестве секундантов Виллиха. Техов пишет Шиммельфеннигу «для сообщения друзьям»: «Они (т. е. Маркс и его сторонники) ~~ели~~ пустили своего чемпиона Шрамма против Виллиха, который его (Техов хочет сказать: которого он) осыпал грубейшей бранью и в заключение вызвал на дуэль» («Главная книга», стр. 156, 157).

Мое опровержение этой целепой сплетни напечатано семь лет тому назад в выше цитированном памфлете *«Der Ritter vom edelmüthigen Bewusstsein»*. New York 1853 [«Рыцарь благородного сознания». Нью-Йорк].

Тогда Шрамм еще был жив. Он, как и Виллих, находился в Соединенных Штатах.

Секундант Виллиха, Бартелеми, не был еще повешен; секундант Шрамма, славный польский офицер Мисковский, еще не был сожжен, и Техов еще не мог забыть своего циркуляра для «сообщения друзьям».

В названном памфлете находится письмо моего друга Фридриха Энгельса от 23 ноября 1853 г. из Манчестера, в конце которого сказано:

В заседании Центрального комитета, на котором между Шраммом и Виллихом дело дошло до вызова, я (Энгельс), уверяет Виллих, якобы вместе с Шраммом преступно «покинул комнату» непосредственно перед этой сценой и, следовательно, подготовил всю сцену. Прежде «натравлял» Шрамма (по словам Виллиха) Маркс, — теперь для разнообразия в этой роли являюсь я. Конечно, дуэль между старым прусским лейтенантом, опытным стрелком из пистолета, и коммерсантом, который, может быть, никогда и не держал пистолёта в руках, была поистине великолепным приемом «убрать со своего пути» лейтенанта. Несмотря на это, друг Виллих повсюду рассказывал устно и письменно, будто мы хотели, чтобы его застрелили... Шрамм просто был взбешен наглым поведением Виллиха и, к величайшему изумлению всех нас, вызвал его на дуэль. Сам Шрамм за несколько минут до того не подозревал, что дело примет такой оборот. Трудно представить себе более непосредственный поступок... Шрамм ушел (из зала заседания) только что личному настоянию Маркса, желавшего потушить скандал.

Ф. Энгельс.

(См. «Der Ritter etc.», стр. 9.)

Как я, со своей стороны, далёк был от того, чтобы считать Техова орудием этой глупой сплетни, видно из следующего места того же самого памфлета:

«Сперва, — как сам Техов рассказывал мне и Энгельсу, по своем возвращении в Лондон, — Виллих был твердо убежден, что я намеревался, при посредстве Шрамма, избавить мир от его благородной особы и письменно протрубил об этом на весь мир.

Но, по более зрелом размышлении, он решил, что такой дьявольский тактик, как я, не мог додуматься до мысли избавиться от него при помощи дуэли со Шраммом» (там же, стр. 9).

То, что Техов сплетничает Шиммельфеннигу «для сообщения друзьям», он сплетничает с чужих слов.

Карл Шаппер, который в последовавшем позже расколе Союза был на стороне Виллиха и был свидетелем сцены вызова, пишет мне об этом следующее:

5, Persy Street, Bedford Square
27 сентября 1860 г.

Дорогой Маркс!

Относительно скандала между Шраммом и Виллихом следующее:

Скандал разыгрался в заседании Центрального комитета после жаркого спора, случившегося между ними во время прений. Я отлично помню еще, что ты, со своей стороны, делал *все*, чтобы успокоить и уладить дело, и был, повидимому, столь же поражен этим внезапным взрывом, как я сам и остальные присутствовавшие члены.

Привет.

Твой *Карл Шаппер*.

В заключение напомню еще, что сам *Шрамм* через несколько недель *после* дуэли обвинял меня в письме от 31 декабря 1850 г. в *пристрастии к Виллиху*. Недобродорение, которое Энгельс и я открыто ему выразили до дуэли и после нее по ее поводу, вызвало у него раздражение. Это его письмо и другие полученные мною от него и Мисковского бумаги, касающиеся дуэли, могут быть осмотрены его родными. Вниманию публики они не подлежат.

Когда Конрад Шрамм после своего возвращения из Соединенных Штатов в середине июля 1857 г. снова посетил меня в Лондоне, его смелая, стройная юношеская фигура уже была подкошена неизлечимой чахоткой, которая в то же время, словно сиянием, окружила его характерную красивую голову. Со свойственным ему и никогда не покидавшим его юмором он прежде всего, смеясь, показал мне объявление о своей собственной смерти, напечатанное на основании слухов одним болтливым другом в нью-йоркской немецкой газете. По совету врачей, Шрамм отправился в Сент-Элье, на остров Джерси, где мы с Энгельсом видели его в последний раз. Шрамм умер 16 января 1858 года. На его похоронах, собравших всю либеральную буржуазию из Сент-Элье и всю проживавшую там эмиграцию, надгробную

речь произнес Дж. Джулиан Гарни, один из лучших английских ораторов, известный прежде как вождь чартистов и бывший в дружеских отношениях со Шраммом во время его пребывания в Лондоне. Пылкая, смелая, пламенная натура, никогда не поддававшаяся заботам повседневности, сочеталась у Шрамма с критическим умом, оригинальной мыслью, ироническим юмором и наивным добросердечием. Он был Перси Хотспер¹ нашей партии.

Вернемся к письму Техова. Несколько дней спустя после своего приезда в Лондон, поздно вечером, он имел продолжительное свидание с Энгельсом, Шраммом и мной в одном кабачке, где мы угощали его. Это свидание он и описывает в своем письме к Шиммельпфеннигу от 26 августа 1850 г. «для сообщения друзьям». Я никогда его раньше не видел, да и после мельком видел его, может быть, раза два. Однако он разглядел у меня и моих друзей голову, сердце и внутренности и поспешил за нашей спиной послать в Швейцарию психологическое описание наших примет, заботливо рекомендую «друзьям» тайно размножить его и распространить.

Техов много занимается моим «сердцем». Я велико-душно не последую за ним в эту область. «Ne parlons pas morale» [«Не будем говорить о морали»], — как заявляет парижская гризетка, когда ее друг начинает говорить о политике.

Остановимся на один момент на адресате письма от 26 августа, бывшем прусском лейтенанте Шиммельпфенниге. Я не знаю лично этого господина и никогда его не видел. Я характеризую его на основании двух писем. Первое письмо от 23 ноября 1853 г., приводимое мной только в выдержках, было прислано мне из Честера моим другом В. Стеффеном, бывшим прусским лейтенантом и преподавателем дивизионной школы. В нем говорится:

Виллих прислал однажды (в Кёльн) своего адъютанта по имени Шиммельпфенниг. Последний оказал мне

¹ Действующее лицо исторических драм Шекспира (сын графа Нортумберленд, конец XIV в.). Hotspur — по-английски — пылкий, горячая голова, упрямый. Ред.

честь, пригласив меня к себе, и был твердо убежден, что он без всяких околичностей может лучше оценить положение, чем кто-либо другой, кто изо дня в день непосредственно следит за фактами. Он составил себе поэтому очень невысокое мнение обо мне, когда я сообщил ему, что офицеры прусской армии не считут за счастье сражаться под его и Виллиха знаменем и вовсе не склонны провозгласить *citissime* [весьма спешно] виллиховскую республику. Но еще больше рассердился он, когда не нашлось ни одного такого дурака, который взялся бы размножить привезенное им обращение к офицерам с требованием высказаться немедленно за «то», что он называл демократией.

В бешенстве покинул он «*порабощенный Марксом Кельн*», как он писал мне, но добился размножения этой ерунды в другом месте и разослал ее многим офицерам, предоставив возможность «Наблюдателю» в «*Kreuzzeitung*» проституировать комическую тайну этого хитрого способа превращать прусских офицеров в республиканцев.

Во время этой авантюры я еще совсем не знал Стеффена, который приехал в Англию лишь в 1853 году. Еще ярче характеризует себя сам Шиммельпфенниг в письме к тому самому *Гербелю*, который позже был разоблачен как французский полицейский агент, был душой революционного комитета, основанного в Париже в конце 1850 г. Шиммельпфеннигом, Шурцем, Гефнером и другими тогдашними друзьями Кинкеля, и был закадычным приятелем обоих матадоров, Шурца и Шиммельпфеннига.

Шиммельпфенниг Гербелю (Париж 1851 г.):

Здесь (в Лондоне) произошло следующее... Мы писали туда (в Америку) всем нашим влиятельным знакомым, чтобы они подготовили почву для займа (кинкелевского займа), в течение известного времени выступая лично и помещая статьи в печати о мои заговорщических организациях и указывая на значительные силы как немецкие и французские, так и итальянские, которые никогда не покинут поля битвы. (История не имеет никакой даты)... *Наша работа идет теперь хо-*

рошо. Когда покидаешь слишком упрямых людей, то они потом возвращаются и принимают поставленные им условия. Завтра, после того, как работа будет налажена и прочно поставлена, я свяжусь с Руге и Гаугом... *Мое общественное положение, как и твое, очень тяжелое... Крайне необходимо скорее дать ход нашему делу.* (т. е. делу с кинкелевским революционным займом.)

Твой Шиммельфенниг.

Это письмо Шиммельфеннига находится в опубликованных *A. Ruge* в «*Herold des Westens*» (Луисвиль, 11 сентября 1853 г.) «Разоблачениях». Шиммельфенниг, который ко времени опубликования этих разоблачений уже находился в Соединенных Штатах, никогда не отрицал подлинности этого письма. «Разоблачения» Руге составляют перепечатку документа: «*Aus den Acten des Berliner Polizeipräsidiums*» [«Из архива берлинского полицейского управления»]. Документ состоит из гинкельдеевских заметок на полях и бумаг, которые французская полиция или захватила у Шиммельфеннига и Герфеля в Париже, или «стибрила» у бременского пастора Дюлона, или, наконец, во время войны мышей и лягушек между Агитационным обществом Руге и Эмиграционным обществом Кинкеля была опубликована самими враждующими братьями в немецко-американской прессе. Характерна ирония, с которой Гинкельдей рассказывает, как скоропалительно Шиммельфенниг обрвал свою поездку по Пруссии для пропаганды идеи кинкелевского революционного займа, «вообразив, что его преследует полиция». В тех же «Разоблачениях» имеется письмо Карла Шурца, «представителя парижского комитета (т. е. Герфеля, Гефнера, Шиммельфеннига и т. д.) в Лондоне», где сказано:

«Вчера находящимся здесь эмигрантами решено было пригласить на совещание Бухера, д-ра Франка, Редза из Вены и Техова, который скоро будет здесь. Notabene. Техову об этом решении нельзя пока сообщать ни в устной, ни в письменной форме до его приезда сюда» (К. Шурц «Милым людям» в Париж, Лондон, 16 апреля 1851 года).

Одному из этих «милых людей», именно Шиммель-

пфеннигу, Техов адресует свое письмо от 26 августа 1850 г. для «сообщения друзьям». Прежде всего он сообщает «милому человеку» тщательно скрываемые мною теории, которые он вывел все же у меня во время нашей единственной встречи, воспользовавшись обстановкой по пословице: «*in vino veritas*» [«в вине истина»].

«Я, — рассказывает Техов Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям», — я... заявил под конец, что я их (Маркса, Энгельса и др.) всегда представлял себе стоящими выше абсурдной идеи о благодатном коммунистическом стойле à la Cabet» и т. д. («Главная книга», стр. 150).

Представляя! Таким образом, Техов не знал даже азбуки нашего мировоззрения, но великодушно и снисходительно представляя себе его не как «абсурд».

Не говоря уже о научных работах, если бы он только прочел «Манифест коммунистической партии», который он ниже называет моим «пролетарским катехизисом», то он нашел бы там подробный раздел, озаглавленный: «Социалистическая и коммунистическая литература», и в конце его параграф: «Критически-утопический социализм и коммунизм», где сказано:

«Собственно социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д., возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией, изображенный нами выше. Изобретатели этих систем, правда, видели классовые противоречия и действие разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видели у пролетариата никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движения. Так как развитие классовых противоречий идет рука об руку с развитием промышленности, то они также не находят еще материальных условий для освобождения пролетариата и изыскивают социальную науку, социальные законы, чтобы создать эти условия. Место общественной деятельности должна занять их личная изобретательская деятельность, место исторических условий освобождения — фантастические, место постепенно развивающейся организации пролетариата в класс — организация общества их собственного изобрете-

тения. Грядущая мировая история сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их планов общества... Значение критически-утопического социализма и коммунизма находится в обратном отношении к историческому развитию. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики образуют всегда реакционные секты и все еще мечтают об осуществлении в порядке опыта своих общественных утопий, учреждении отдельных фаланстеров, основании коммунистических колоний, устройстве *маленькой Икарии* — карманного издания нового Иерусалима» («Манифест коммунистической партии», 1848 г., стр. 21, 22).

В последних словах «Икария Кабэ, — или, как ее называет Техов, «благодатное стойло», — прямо названа «карманным изданием нового Иерусалима».

Признанного, таким образом, Теховым полного незнания со взглядами, высказанными Энгельсом и мной, в печати за много лет до нашей встречи с ним, совершенно достаточно для объяснения его недоразумения. Для его же характеристики приведем некоторые примеры.

«Он (Маркс) насмеялся над дураками, которые повторяют за ним его пролетарский катехизис, и над коммунистами à la Виллих, как и над буржуа. Единственно кого он уважает, — это аристократов, но настоящих, знающих себе цену. Чтобы лишить их господства, ему нужна сила, которую он находит только в пролетариате; поэтому он выкроил свою систему по этой силе» («Главная книга», стр. 152).

Итак, Техов «представляет» себе, что я сочинил «пролетарский катехизис». Он имеет в виду «Манифест», в котором подвергнут критике и — если угодно Техову — «высмеян» социалистический и критический утопизм всех сортов. Но это «высмеивание» было не так уж просто, как он это себе «представляет», и потребовало порядочной затраты труда, что он мог бы увидеть из моей книги против Прудона «Misère de la philosophie» 1847 г. [«Нищета философии»]. Техов «представляет» себе далее, что я «выкроил» «систему», между тем как я, наоборот, даже в предназначенному непосредственно для рабочих «Манифесте» отверг *все* системы и поставил

на их место «критическое изучение условий, хода и общих результатов общественного движения». Но подобного «изучения» нельзя ни машинально «повторять» за кем-нибудь, ни «выкроить», как какой-нибудь патронтаж. Необычайно наивен взгляд на взаимоотношения между аристократией, буржуазией и пролетариатом, который Техов себе «представляет» и мне подставляет.

Аристократию я «уважаю», над буржуазией «насмехаюсь», а для пролетариев «выкраиваю систему», чтобы с их помощью «лишить господства» аристократию. В первом разделе «Манифеста», озаглавленном «Буржуа и пролетарии» (см. «Манифест», стр. 11), подробно объясняется, что экономическое, а, значит, в той или иной форме, и политическое господство *буржуазии* — основное условие как существования современного пролетариата, так и создания «материальных условий его освобождения». «Развитие современного пролетариата (см. «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Oekonomische Revue», январь 1850 г., стр. 13) вообще обусловлено развитием промышленной буржуазии. Лишь при *ее господстве* он начинает широкую национальную жизнь, которая может поднять его революцию на уровень национальной, создает современные орудия производства, которые доставляют вместе с тем столько же средств для его революционного освобождения. Лишь *ее господство* вырывает материальные корни феодального общества и выравнивает почву, на которой только и возможна пролетарская революция». Поэтому я в той же самой «Revue» объявляю всякое пролетарское движение, в котором не участвует Англия, «бурей в стакане воды». Энгельс развил те же самые взгляды уже в 1846 г. в своей работе «Die Lage der arbeitenden Klassen in England» [«Положение рабочего класса в Англии»]. Следовательно, в странах, где аристократия в континентальном смысле слова, — а так именно и понимал Техов «аристократию», — еще только должна быть лишена господства, нет еще, согласно моим взглядам, первой предпосылки пролетарской революции, именно *промышленного пролетариата* на национальной ступени развития.

В частности, мой взгляд на отношения немецких ра-

бочих к буржуазному движению Техов нашел в очень определенной форме в «Манифесте». «В Германии, где буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется совместно с ней против абсолютной монархии, феодального землевладения и мелкого мещанства. Но она ни на минуту не перестает развивать в среде рабочих возможно более ясное сознание гражданской противоположности между буржуазией и пролетариатом и т. д.» («Манифест», стр. 23). Привлеченный к буржуазному суду присяжных в Кёльне по обвинению в «мятеже», я сделал заявление в том же духе: «В современном буржуазном обществе существуют еще *классы*, но нет больше *сословий*. Его развитие заключается в борьбе этих классов, но последние объединяются между собою против сословий и их божьей милостью королевской власти» (*Zwei politische Prozesse. Verhandelt vor den Februar-Assisen zu Köln*, 1849, p. 59. — «Два политических процесса. Речь перед судом присяжных в Кёльне в феврале», 1849 г., стр. 59).

Чем другим были призывы либеральной буржуазии к пролетариату от 1688 до 1848 г., как не «выкраиванием систем и фраз», чтобы *его* силами лишить господства аристократию. Самое существенное, что извлекает Техов из моей тайной теории, было бы таким образом *самым заурядным буржуазным либерализмом!* Tant de bruit pour une omelette! [Столько шума из-за такой мелочи!] Но так как Техов, с другой стороны, все же знал, что «Маркс» не буржуазный либерал, то ему ничего не оставалось, как «удовольствоваться впечатлением, что *его* личное господство — цель всей его деятельности». «Вся моя деятельность», — какое скромное выражение для моей единственной беседы с Теховым!

Техов поверяет далее своему Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям», что я высказал следующий чудовищный взгляд: «Наконец, совсем даже не важно, если погибнет жалкая Европа, что в скором времени должно произойти и без социальной революции, и если тогда Америка будет эксплуатировать старую систему за счет Европы» («Главная книга», стр. 148). Моя беседа с Теховым происходила в конце августа 1850 года. В февральском выпуске *«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung»*, — следовательно, за восемь месяцев *до того*,

как Техов вывел у меня этот секрет, — я открыл немецкой читающей публике следующее:

«Переходим теперь к Америке. Важнейшее событие, имевшее там место, — событие более важное, чем февральская революция, — это — открытие золотых россыпей в Калифорнии. Уже теперь, всего через восемнадцать месяцев, можно предвидеть, что это открытие будет иметь гораздо более грандиозные результаты, чем открытие самой Америки... Второй раз мировая торговля получает новое направление. Тогда Тихий океан будет играть такую же роль, какую в настоящее время играет Атлантический, а в древности и средние века играло Средиземное море, — роль великого водного пути для мировой торговли; Атлантический же океан будет низведен до роли внутреннего моря, которую теперь играет Средиземное море. Единственный способ для цивилизованных стран Европы не впасть тогда в такую же промышленную, торговую и политическую зависимость, в какой находятся в настоящее время Италия, Испания и Португалия, это — социальная революция» и т. д. (*«Revue»*, второй выпуск, февраль 1850, стр. 77).

Техову принадлежат только «гибель в скором времени» старой Европы и восшествие на следующий же день Америки на трон. Насколько ясно я представлял себе тогда ближайшее будущее Америки, видно из следующего места той же *«Revue»*: «Очень скоро развернется сверхспекуляция, и даже при массовом притоке английского капитала все же *Нью-Йорк* на этот раз останется центром ажиотажа и, как в 1836 г., первый потерпит крушение» (Двойной выпуск *«Revue»*, май—октябрь 1850 г.). Этот прогноз для Америки, сделанный мною в 1850 г., целиком нашел свое осуществление в большом торговом кризисе 1857 года. О «старой Европе», после описания ее экономического подъема, я, наоборот, сказал: «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества так бурно развиваются, не может быть и речи о подлинной революции... Раздоры между представителями отдельных фракций континентальной партии порядка, которыми они компрометируют друг друга, не только ни в какой мере не могут служить поводом к революции, а даже, наоборот, лишь потому и возможны, что основа

их отношений в данный момент так прочна и, чего не понимает реакция, так буржуазна. Все попытки реакции задержать буржуазное развитие с такой же силой будут разбиваться об это развитие, как и все нравственное негодование и все восторженные прокламации демократов. Новая революция возможна лишь в результате кризиса» (там же, стр. 153).

Действительно, европейская история только после кризиса 1857—1858 гг. снова приняла острый и, если угодно, революционный характер. Действительно, в период реакции 1849—1859 гг. промышленность и торговля развивались на континенте в размерах, превзошедших всякие ожидания, а вместе с ними росла материальная основа для политического господства буржуазии. Действительно, в течение этого периода «все нравственное негодование и все восторженные прокламации демократов» разбивались об экономические отношения.

Техов, понявший, как шутку, серьезную часть нашей беседы, тем серьезнее отнесся к шутке. С торжественнейшим видом человека, приглашающего на похороны, просвещает он своего Шиммельфеннига «для сообщения друзьям».

«Далее Маркс сказал: В революциях офицеры — самый опасный элемент. От Лафайета до Наполеона — цепь изменников и предательств. Кинжал и яд надо всегда держать для них наготове» («Главная книга», стр. 153).

Избитую истину о предательстве «господ военных» даже сам Техов не будет считать моей оригинальной мыслью. Оригинальность заключалась, очевидно, в требовании всегда держать «кинжал и яд» наготове. Нежели же Техов не знал уже тогда, что истинно революционные правительства, как, например, Комитет общественного спасения, держали наготове весьма сильно действующие, хотя и менее мелодраматические средства для «господ военных»? Кинжал и яд могли в лучшем случае годиться для какой-нибудь венецианской олигархии. Если бы Техов перечитал внимательно собственное письмо, то он вычитал бы в нем иронию «кинжала и яда». Соратник Фогта, известный бонапартистский *шпион Эдуард Симон*, переводит в «Revue Contemporaine» (XII, Париж 1860 г., стр. 528, в своей

статье «Le procès de M. Vogt etc.») последний абзац из письма Техова и сопровождает его примечанием: «Marx n'aime pas beaucoup voir des officiers dans sa bande. Les officiers sont trop dangereux dans les révolutions.

Il faut toujours tenir prêts pour eux le poignard et le poison!

Techow, qui est officier, se le tient pour dit: il se rembarque et retourne en Suisse».

[«Маркс не очень любит, чтобы в *его* банде были офицеры. В революциях офицеры — весьма опасный элемент.

Против них нужно всегда держать наготове кинжал и яд!

Техов, сам офицер, намотал себе это на ус: он сел на пароход и вернулся в Швейцарию].

Бедный Техов, в изложении Эдуарда Симона, так сильно пугается находящегося у меня наготове «кинжала и яда», что тут же немедленно срывается, садится на пароход и возвращается в Швейцарию. А имперский Фогт перепечатывает место о «кинжале и яде» жирным шрифтом, чтобы нагнать страху на немецкое филистерство. Этот потешный человек все же пишет в своих так называемых «Исследованиях»: «*Нож и яд испанца сверкают теперь просветленным блеском* — ведь дело шло о независимости нации» (там же, стр. 79).

Межу прочим: испанские и английские источники по истории периода 1807—1814 гг. давно уже опровергли выдуманные французами сказки про яды. Но для трактирных политиков они, естественно, остаются во всей неприкосновенности.

Перехожу, наконец, к «сплетням» письма Техова и покажу на некоторых примерах его историческое беспристрастие.

«Сперва речь шла о конкуренции между ними и нами, между Швейцарией и Лондоном. *Они должны были охранять права старого Союза*, который ввиду своей определенной партийности, разумеется, не мог дружелюбно выносить другой союз в *той же* сфере (пролетариат)» («Главная книга», стр. 143).

Конкурирующая организация в Швейцарии, о которой говорит здесь Техов и в качестве представителя которой он, до некоторой степени, выступал против нас, это — уже вышеупомянутая *Революционная централи-*

зация. Ее центральный комитет находился в Цюрихе; председателем был один адвокат [Чирнер], бывший товарищ председателя одного из крохотных парламентов 1848 г. и бывший член одного из немецких временных правительств 1849 года. В июле 1850 г. Дронке приехал в Цюрих, где названный адвокат предложил ему, как члену лондонского «Союза», «для сообщения» мне своего рода нотариальный договор. В нем буквально сказано:

«Принимая во внимание необходимость объединения всех подлинно революционных элементов и признание всеми членами Революционного центрального комитета пролетарского характера ближайшей революции, хотя не все они могли безусловно присоединиться к выставленной в Лондоне программе («Манифест» 1848 г.), — Союз коммунистов и Революционная централизация согласились между собой в следующем:

1) Обе стороны соглашаются работать совместно: Революционная централизация — подготовляя ближайшую революцию путем объединения *всех* революционных элементов, лондонское общество — подготовляя господство пролетариата путем организации *преимущественно пролетарских элементов*;

2) Революционная централизация инструктирует своих агентов и эмиссаров, чтобы они, при образовании секций в Германии, обращали внимание членов, которые представляются им склонными вступить в Союз коммунистов, на наличие организации, учрежденной главным образом в пролетарских интересах;

3) и 4) Руководство швейцарской организацией будет предоставляться только *действительным сторонникам* лондонского Манифеста в Революционном центральном комитете. Обе стороны взаимно представляют одна другой отчеты».

Из этого находящегося еще в моих руках документа видно, что речь шла не о двух тайных обществах «*в одной и той же сфере*» (пролетариат), а об альянсе между двумя обществами в разных сферах и с *различными тенденциями*. Из этого же документа явствует, что Революционная централизация, преследуя свои собственные цели, изъявляла готовность образовать своего рода вспомогательный филиал для Союза коммунистов.

Предложение это было отклонено, так как принятие его было несовместимо с «принципиальным» характером Союза. «Затем дошла очередь до Кинкеля... На это они ответили... За дешевой популярностью они никогда не гнались, — наоборот! Что касается Кинкеля, то они от всей души оставили бы ему его дешевую популярность, если бы он только сидел смирино. Но после того, как он напечатал в «Berliner Abendpost» свою рапортскую речь, мир с ним стал невозможен. Что со всех сторон поднимутся вопли, они заранее знали; что ставили на карту существование своего теперешнего органа («Revue der Rheinischen Zeitung»), они ясно представляли себе. Их опасения оправдались, они из-за этой истории разорились, потеряли всех своих подписчиков в Рейнской провинции и должны были дать погибнуть своему органу. Но это для них не важно» (там же, стр. 146—148).

Во-первых, фактическая поправка: «Revue» тогда еще не погибла, и три месяца спустя появился еще двойной выпуск журнала; мы не потеряли ни одного подписчика из Рейнской провинции, как это может засвидетельствовать мой старый друг *И. Вейдемайер*, бывший прусский артиллерийский лейтенант, тогда редактор «Neue Deutsche Zeitung» во Франкфурте, любезно собиравший для нас подписные деньги. Впрочем, Техов, лишь по наслышке знавший мою и Энгельса литературную деятельность, должен был, по меньшей мере, прочитать критикуемую им самим нашу критику речи Кинкеля. Зачем же это доверительное сообщение «дорогим друзьям» в Швейцарию? Зачем «разоблачать» перед ними то, что мы за пять месяцев до того уже разоблачили перед читающей публикой? В упомянутой критике буквально сказано:

«Мы заранее знаем, что вызовем всеобщее негодование сентиментальных аферистов и демократических демаголов, разоблачая перед нашей партией эту речь «узника» Кинкеля. Но нам это совершенно безразлично. Наша задача состоит в беспощадной критике..., и, заняв эту позицию, мы с удовольствием отказываемся от дешевой демократической популярности. Своими нападками мы нисколько не ухудшаем положения Кинкеля: мы разоблачаем его для амнистии, подтверждая его признание, что он не тот человек, за которого его прини-

мают, и заявляя, что он достоин не только быть амнистированным, но и быть принятим на прусскую государственную службу. К тому же его речь опубликована» (*Revue d. N. Rh. Ztg.*, апрель 1850 г., стр. 70, 71).

Техов говорит, что мы «компрометируем» les petits grands hommes [маленьких великих людей] революции. Однако он понимает это «компрометирование» не в по-лицейском смысле Фогта. Он, наоборот, имеет в виду операцию, при помощи которой мы совлекали неподобающий покров с овец, рядившихся в волчьи шкуры; мы предохраняли их, таким образом, от участи знаменитого провансальского трубадура, растерзанного собаками, поверившими в волчью шкуру, в которой он отправился на охоту.

Как на пример предосудительного характера наших нападок Техов указывает на случайное замечание о генерале Зигеле в статье Энгельса «Darstellung der Rheichsverfassungscampagne» [«Обзор кампании за имперскую конституцию»] (см. «Revue», март 1850 г., стр. 70—78).

Но пусть сравнят документально обоснованную критику Энгельса со злостной и низкой сплетней, которую напечатало почти год спустя после нашей встречи с Теховым против того же самого генерала Зигеля руководимое Теховым, Кинкелем, Виллихом, Шиммельфеннигом, Шурцем, Г. Б. Оппенгеймом, Эдуардом Мейеном и др. лондонское Эмиграционное общество и напечатало только потому, что Зигель примыкал к Агитационному обществу Руге, а не к Эмиграционному обществу Кинкеля.

В «Baltimore Correspondent», бывшем в то время своего рода «Moniteur» Кинкеля, от 3 декабря 1851 г. в статье под заглавием «Der Agitationsverein in London» [«Агитационное общество в Лондоне»] мы находим следующую характеристику Зигеля:

«Посмотрим теперь, кто эти солидные мужи, которым все остальные представляются «незрелыми политиками». Вот главнокомандующий Зигель. Если бы спросить Музу истории, каким образом это ничтожество добралось до верховного командования, она пришла бы еще в большее замешательство, нежели в случае с недоносчиком Наполеоном. Последний, по крайней мере, «племянник

своего дяди», Зигель же только «брат своего брата». Брат его стал популярным офицером благодаря своим противоправительственным заявлениям, которые вызывались частыми арестами за *обыкновенный разгул*. Молодой Зигель счел это достаточным основанием для того, чтобы при первом замешательстве во время революционного подъема провозгласить себя главнокомандующим и военным министром. В баденской артиллерии, часто обнаруживавшей свои превосходные качества, было достаточно пожилых и солидных офицеров, перед которыми *молодой лейтенант Зигель, недавний школьник*, должен был стушеваться и которые были не мало возмущены, когда им пришлось подчиняться *молодому, незначительному, столь же неопытному, сколь и бездарному* человеку. Но нашелся Брентано, у которого оказалось столько слабоумия и предательства, чтобы допустить все, что должно было погубить революцию. Да, как это ни смешно, но факт тот, что *Зигель сам себя назначил главнокомандующим*, а Брентано утвердил его задним числом... Во всяком случае замечательно и характерно, что Зигель оставил на произвол судьбы храбрейших солдат республиканской армии в безнадежной битве при Раштате и в Шварцвальде, не прислав им обещанной помощи, а сам разъезжал по Цюриху, как на параде, в эполетах и в кабриолете князя Фюрстенберга в роли интересного и неудачливого полководца. Таково известное всем величие зрелого политического деятеля, который с «законным сознанием» своих былых геройских подвигов второй раз сам себя назначил главнокомандующим в Агитационном обществе. Таков этот великий человек, *«брат своего брата»*.

В интересах беспристрастия послушаем также то, что говорит Агитационное общество Руге устами его представителя *Таузенау*. В открытом письме «Гражданину Зейденштикеру» от 14 ноября 1851 г. из Лондона Таузенау замечает по поводу руководимого Кинкелем, Теховым и др. Эмиграционного общества:

«... они выражают убеждение, что единение всех в интересах революции — патриотический долг и необходимость. Немецкое «Агитационное общество» разделяет это убеждение, и члены его подтвердили это повторными

попытками к единению с Кинкелем и его приверженцами. Но всякое основание для политического сотрудничества исчезало, едва только оно устанавливалось, и одни разочарования следовали за другими. Самовольное нарушение прежних соглашений, сепаратные интересы под личиной примирения, систематическое создавание искусственного большинства, выступление неизвестных личностей в качестве организаторов и вождей партии, попытки создать тайную финансовую комиссию и вообще всякого рода уловки и шахматные ходы, с помощью которых незрелые политики всех времен мнили руководить в изгнании судьбами своей родины, между тем как уже первое пламенное дыхание революции рассеивает, как дым, такие тщеславные стремления... Сторонники Кинкеля публично и официально клеветали на нас; *реакционная немецкая печать*, которая для нас была недоступна, полна неблагоприятных для нас и благоприятных для Кинкеля корреспонденций, и, наконец, Кинкель поехал в Соединенные Штаты, чтобы, при помощи так называемого немецкого займа, который он там подготовлял, продиктовать нам объединение или, вернее, подчинение и зависимость, которые имеет в виду *всякий инициатор финансовых партийных слияний*. Отъезд Кинкеля держался в столь строгой тайне, что мы узнали о нем лишь тогда, когда прочитали в американских газетах о его прибытии в Нью-Йорк... Для серьезных революционеров, которые не преувеличивают своего значения, но в *сознании своих прежних заслуг* могут с достоинством сказать, что за ними стоят, *по крайней мере, определенные слои народа*, эти факты и многое другое служили повелительным мотивом для вступления в общество, по-своему стремящееся служить интересам революции». Далее Кинкель обвиняется в том, что собранные им суммы он намеревался отдать «какой-то клике», как «это доказывает все его поведение здесь (в Лондоне) и в Америке», а также «большинство лиц, которых сам Кинкель выставил как своих поручителей».

А в заключение сказано:

Мы не обещаем своим друзьям ни процентов, ни возврата их патриотических пожертвований, но мы знаем, что оправдаем их доверие положительными действиями!

(реальным обслуживанием?) и добросовестной отчетностью и что впоследствии, когда мы опубликуем их имена, их ждет благодарность отечества («Baltimore Wecker» от 29 ноября 1851 года).

Такова была «литературная деятельность», которую развивали в течение трех лет в немецко-американской печати демократические герои Агитационного общества и Эмиграционного общества, к которым впоследствии присоединился также основанный Гегом Революционный союз Старого и Нового света (см. приложение 6).

Впрочем, эмигрантской склоке в американской печати положил начало бумажный турнир между бывшими членами парламента Цицом и Реслером фон-Эльс.

Отмечу еще один характерный для «дорогих друзей» Техова факт.

Шиммельфенниг, адресат письма Техова «для сообщения друзьям», основал (как уже выше упомянуто) в конце 1850 г. вместе с Герфелем, Геффнером, Гегом и другими (К. Шурц присоединился впоследствии) так называемый Революционный комитет в Париже.

Несколько лет тому назад один проживающий здесь политический эмигрант передал мне, с правом распоряжения по усмотрению, письмо одного бывшего члена этого комитета. Оно находится еще в моих руках.

В нем, между прочим, сказано:

Шурц и Шиммельфенниг составляли весь комитет. Привлеченные ими как бы в качестве заседателей служили только статистами. Эти два господина надеялись тогда вскоре поставить во главе дела в Германии Кинкеля, которого они форменным образом присвоили себе. Особенно ненавистны также были им насмешки Руге и критика и демоническая деятельность Маркса. На одном собрании с их заседателями эти господа дали нам поистине интересное изображение Маркса, внушив нам преувеличенное представление о его пандемической опасности... Шурц и Шиммельфенниг внесли предложение уничтожить Маркса. Заподозрения и интриги, самая наглая клевета были рекомендованы в качестве средств. Состоялось голосование, и было вынесено постановление, если позволительно так называть эту детскую игру. Ближайшим шагом к вы-

полнению этого постановления была напечатанная в фельетоне «*Hamburger Anzeiger*» характеристика Маркса, составленная Л. Гефнером на основании упомянутого выше описания Шурца и Шиммельпфеннига.

Во всяком случае, существует поразительное избирательное средство между фельетоном Гефнера и письмом Техова, хотя ни одна из этих вещей не может сравниться с фогтской *Лаузиадой* (*Lausiade*)¹. Не следует смешивать «Лаузиаду» с «Лузиадами» Камоэнса. Первоначальная *«Lousiad»* — скорее героически-комический эпос Питера Пиндара².

¹ *Laus* (англ. *louse*) — вошь, *«Lausiad, Lousiad»* можно перевести — вшивая эпопея, вшивиада. *Ped.*

² Peter Pindar — псевдоним английского поэта Джона Уолкота (John Wolcot) (1738—1819), автора сатирической поэмы *«The Lousiad»*. *Ped.*

V. ИМПЕРСКИЙ РЕГЕНТ И ПФАЛЬЦГРАФ

Vidi un col capo si di merda lordo,
Che non parea, s'era laico, o cherco.
Quei misgridò: Perchè se'tu si'n-
Di riguardar più me, che gli altri
gordo
brutti.
(Dante.)

[Он испражненьями был с головой
Покрыт; не видно, поп он иль мириянин.
«Что, — крикнул он,— любуешься ты мной?
Чем хуже я другой такой же дряни?»

(Данте.)]

Получив головомойку, *Фогт* ощущает сильную потребность доказать, почему именно он, как *bête noire* [предмет ненависти], привлек к себе взоры «Серной банды». Поэтому история с *Шервалем* и с «расстроенным заговором» на лозаннском центральном празднестве дополняется столь же правдоподобным приключением с «беглым имперским регентом». Не надо забывать, что *Фогт* в свое время был наместником парламентского острова Баратарии. Он рассказывает:

«В начале 1850 г. появилось «Deutsche Monatsschrift» Колачека. Тотчас же после появления первого выпуска серная банда выпустила памфлет одного из своих членов, немедленно после того уехавшего в Америку, памфлет под названием «Der flüchtige Reichsregent Vogt mit seinem Anhange und die Deutsche Monatsschrift von Adolph Kolatschek» [«Беглый имперский регент Фогт с его кликой и Немецкий Ежемесячник Адольфа Колачека»]. Памфлет был отмечен и в «Allgemeine Zeitung»... Вся система серной банды снова проявляется в этом памфлете» (там же, стр. 163). Следует пространный и нудный рассказ о том, как в названном памфлете беглому имперскому регенту Фогту «приписывается» анонимная статья о *Гагерне*, написанная профессором *Гагеном*, именно потому, что Гаген, как знала «серная банда», «жил в то время в Германии, терпел преследо-

вания от баденской полиции, и всякое упоминание о нем должно было его подвергнуть величайшим неприятностям» (стр. 163).

Шили в письме из Парижа от 6 февраля пишет мне:

Если Грейнер, — никогда, насколько мне известно, не бывший в Женеве, — оказался зачисленным в серную банду, то это произошло из-за некролога, посвященного им беглому имперскому регенту; автором парламентарии считали Д'Эстера и осуждали его, пока я в письме к одному другу и коллеге Фогта не вывел их из заблуждения.

Грейнер был членом временного правительства Пфальца. Правление Грейнера было «сплошным ужасом» (см. «Исследования» Фогта, стр. 28), в частности для моего друга Энгельса, которого он под вымышленным предлогом приказал арестовать в Кирхгейме. Сам Энгельс подробно рассказал весь этот трагикомический эпизод в «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» (февральский выпуск за 1850 г., стр. 53—55). И это все, что мне известно о господине Грейнере. Беглый имперский регент облыжно впутывает меня в свой конфликт с «пфальцграфом», что обнаруживает «снова» «всю систему», по которой этот даровитый изобретатель скомпаниовал жизнь и деятельность «серной банды».

Что меня все же примиряет с ним, так это поистине фальстафовский юмор, с которым он заставляет пфальцграфа «немедленно» уехать в Америку. После того как пфальцграф выпустил, точно парфянскую стрелу, памфлет против «беглого имперского регента», Грейнера охватил ужас (*umgrieselte den Greiner ein Grauen*). Что-то гнало его из Швейцарии во Францию, потом из Франции в Англию. Он не почувствовал себя в безопасности и за каналом, и его гнало дальше, в Ливерпуль, на пароход Канарской линии, где он, задыхаясь, стал кричать капитану: «Скорее через Атлантику!» А «stern matriner» [«суровый моряк»] ответил ему:

«Wohl aus des *Vogts* Gewalt erret ich Euch!
Aus Sturmes-Nöthen muss ein anderer helfen».
[«От Фогта я насилий вас спасу!
Другой пусть вырвет из объятий бури»¹.]

¹ Из «Вильгельма Телля» Шиллера. Ред.

VI. ФОГТ И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

«Sin kumber was maneovalt».

[Его тоска была многообразна.]

Фогт сам заявляет, что в «Главной книге» он «должен» (там же, стр. 162) «установить развитие своего личного отношения к этой клике» (Марксу и компании). Но странно! — он рассказывает лишь о конфликтах, которых никогда не переживал, а переживает только конфликты, о которых никогда не рассказывал. Поэтому я вынужден противопоставить его охотничим рассказам немного подлинной истории. Если просмотреть комплект «*Neue Rheinische Zeitung*» (с 1 июня 1848 до 19 мая 1849 г.), то можно убедиться, что за весь 1848 г. имя Фогта — за одним единственным исключением — не встречается ни в передовых статьях, ни в корреспонденциях газеты. Оно встречается только в ежедневных отчетах о парламентских дебатах, и наш франкфуртский парламентский корреспондент никогда не забывал, к великому удовольствию Фогта, добросовестно упоминать об «аплодисментах», вызванных «произнесенными им речами». Мы видели, что в то время как правая сторона Франкфуртского парламента имела в своем распоряжении объединенные силы такого арлекина, как Лихновский, и такого клоуна, как фон-Финке, левая сторона должна была довольствоваться изолированными фарсами одного Фогта. Мы понимали, что он нуждается в одобрении —

that *important fellow*
the children's wonder — *Sigñor Punchinello*.

[важный сей пострел,
Потешник детский — синьор Пунчинелло.]

и поэтому не мешали нашему франкфуртскому корреспонденту продолжать свое дело. Перемена в тоне отчетов наступает после середины сентября 1848 года.

Фогт, который во время прений о перемирии в Мальме в своем пустозвонном революционном выступлении провокационно призывал к восстанию, в решительный момент мешал, насколько это было в его силах, принять резолюции, вынесенные народным собранием в Пфингствейде и одобренные частью крайней левой. Когда же баррикадное сражение было проиграно, Франкфурт превращен в военный лагерь и 19 сентября объявлено осадное положение, тот же Фогт высказался за *спешиность* предложения Захариэ об одобрении принятых имперским министерством мер и о выражении благодарности имперским войскам. До того, как Фогт поднялся на трибуну, даже *Венедей* высказался против «спешиности» этих предложений, заявив, что подобные прения в такой момент недостойны собрания. Но Фогт стоял *ниже* Венедея. В наказание за это я прибавил в парламентском отчете к имени Фогта слово «болтун», лаконическое указание для нашего франкфуртского корреспондента.

В октябре Фогт не только перестал размахивать погремушкой — что было его делом — над головами тогдашнего наглого и бешено-реакционного большинства. Он даже не решился подписать протест, внесенный 10 октября Циммерманом (из Шпандау) от имени почти 40 депутатов против закона об охране Национального собрания. Закон этот был, как правильно указывал Циммерман, самым бесстыдным нарушением народных прав, завоеванных мартовской революцией, — свободы собраний, слова и печати. Даже Эйзенман внес аналогичный протест. Но Фогт оказался *ниже* Эйзенмана. Когда же он позднее, при основании Центрального мартовского общества, снова стал важничать, имя его, наконец, появилось в одной статье «*Neue Rheinische Zeitung*» (номер от 29 декабря 1848 г.), в которой Мартовское общество изображено как «бессознательное орудие контрреволюции», его программа изничтожена критикой, а Фогт представлен в виде одной половины двуликий фигуры, другую половину которой составляет Финке. Десять с лишним лет спустя оба «министра будущего»

осознали свое родство и сделали *расчленение Германии* девизом своего единения.

Что мы Мартовское общество поняли правильно, показало не только его дальнейшее «развитие». Гейдельбергский Народный союз, бреславльское Демократическое общество, иенское Демократическое общество и т. д. с презрением отвергли его навязчивое сватовство, а те члены крайней левой, которые вступили в Мартовское общество, подтвердили в своем заявлении о выходе из него 20 апреля 1849 г. нашу критику от 29 декабря 1848 года. Но Фогт, преисполненный спокойного великолюбия, решил сразить нас своим благородством, как это видно из следующей цитаты:

«*Neue Rheinische Zeitung* № 243, Кёльн, 1 марта 1849 года. Так называемое «Франкфуртское мартовское общество» так называемого «Национального собрания» имело бесстыдство прислать нам следующее литографированное письмо:

«Мартовское общество постановило составить список *всех газет, предоставивших нам свои столбцы*, и сообщить его всем обществам, с которыми мы связаны, чтобы при содействии общества названные газеты преимущественно были снабжены соответствующими *объявлениями*. Сообщая Вам при сем этот список, мы считаем излишним обращать Ваше внимание на значение для газеты оплачиваемых объявлений как главного источника доходов всего предприятия. Франкфурт, в конце февраля 1849 г.

Правление Центрального мартовского общества».

«В приложенном списке газет, которые предоставили свои столбцы Мартовскому обществу и должны были в преимущественном порядке спабжаться единомышленниками этого общества «соответствующими объявлениями», значится и *«Neue Rheinische Zeitung»*, к тому же еще отмеченная почетной звездочкой. Сим заявляем, что столбцы нашей газеты никогда не были предоставлены так называемому Мартовскому обществу... Поэтому, если Мартовское общество называет нашу газету в своем литографированном сообщении и в газетах, действительно предоставлявших ему свои столбцы, одним

из своих органов, то это просто клевета на «*Neue Rheinische Zeitung*» и пошлое рекламирование Мартовского общества...

«На грязное замечание жадных до барышей и подстрекаемых конкуренцией патриотов о значении для газеты оплачиваемых объявлений как *источника доходов всего предприятия* нам отвечать, конечно, нечего. «*Neue Rheinische Zeitung*» всегда отличалась от патриотов, между прочим, и в том отношении, что она никогда не смотрела на политическое движение как на аферу или как на источник дохода».

Вскоре после этого резкого отказа от предложенного Фогтом и компанией источника доходов на одном собрании «Центрального коммерческого общества»¹ была слезливо упомянута «*Neue Rheinische Zeitung*» как образец «чисто немецкой розни». В конце нашего ответа на эту иеремиаду («N. Rhein. Ztg.» № 248) Фогт назван «трактирным горланом мелкого университетского городка и неудачным имперским Барро». Правда, тогда (15 марта) он еще не дошел до точки² в вопросе об императоре. Но мы раз навсегда уже составили себе представление о Фогте и могли поэтому рассматривать как свершившийся факт его будущую измену, которая пока еще и для него самого не была ясна.

Впрочем, с тех пор мы представили Фогта и его компанию молодому, столь же остроумному, как и смелому, Шлеффелю, который приехал в начале марта из Венгрии во Франкфурт и присыпал нам отчеты о бурях в имперском лягушечьем болоте.

Между тем, Фогт пал до того низко, — он сам, конечно, сделал для этого больше, чем «*Neue Rheinische Zeitung*», — что даже Бассерман мог осмелиться назвать его в заседании 26 апреля 1849 г. «отщепенцем и изменником».

В результате своего участия в эльберфельдском восстании один из редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*»,

¹ Игра слов: «Central-märz-verein» (Центральное мартовское общество) превращается в «Centralcommerzverein» (Центральное коммерческое общество). Ред.

² У Маркса: не съел чеснока. Чесноком кормили петухов для петушиных боев. Ред.

Ф. Энгельс, должен был бежать, а сам я был изгнан из Пруссии после того, как неоднократные попытки в судебном порядке принудить меня к молчанию терпели неудачу в суде присяжных, а орган министерства государственного переворота, «*Neue Preussische Zeitung*», неоднократно обличала «чимборасовскую¹ наглость» «*Neue Rheinische Zeitung*», перед которой бледнеет «*Moniiteur*» 1793 г. («*Neue Rheinische Zeitung*» № 299). Подобная «чимборасовская наглость» была уместна в каком-нибудь прусском крепостном городе и в такое время, когда победоносная контрреволюция пытаясь импонировать бесстыдной жестокостью.

19 мая 1849 г. вышел последний номер «*Neue Rheinische Zeitung*» (красный номер). Пока газета еще выходила, Фогт терпел и молчал. Когда какой-нибудь парламентарий делал возражения, то всегда в приличных выражениях, — примерно так: «Милостивый государь, я из-за этого не меньше ценю *резкую критику* вашей газеты, потому что она одинаково строго следит за всеми партиями и всеми лицами» (см. № 219 от 11 февраля 1849 г. Заявление *Везенденка*). Неделю спустя после закрытия «*Neue Rheinische Zeitung*» Фогт решил, наконец, прикрываясь щитом парламентской неприкосновенности, воспользоваться столь долго ожидаемым случаем и превратить накопившуюся в глубине души его «материю» в «силу»². Один из членов редакции «*Neue Rheinische Zeitung*», Вильгельм Вольф, вступил в качестве заместителя одного скончавшегося силезского депутата во Франкфуртское собрание, уже «находившееся в процессе прогрессивного разложения».

Чтобы понять следующую сцену в заседании парламента от 26 мая 1849 г., нужно вспомнить, что в то время восстание в Дрездене и отдельные движения в Рейнской провинции уже были подавлены, предстояла имперская интервенция в Бадене и Пфальце, главная русская армия шла на Венгрию и, наконец, имперское

¹ Чимборасо (Chimborazo) — одна из высочайших вершин южноамериканских Кордильер. Ред.

² «Сила и материя» — так называлось произведение Бюхнера, подобно Фогту, вульгарного механистического материалиста. Ред.

министерство просто кассировало все постановления Национального собрания. В порядке дня стояли два «воззвания к немецкому народу»: одно было составлено Уландом и исходило от большинства, а другое — от принадлежавших к центру членов комиссии тридцати. Председательствовал в заседании дармштадтец Рэ (Reh), превратившийся потом в зайца (Hase)¹ и тоже «отложившийся» от находившегося в процессе «полного разложения» собрания. Цитирую по официальному стенографическому отчету (№ 228, 229) заседания в церкви св. Павла.

Вольф (от Бреславля): «Милостивые государи! Я просял записать меня, чтобы выступить против воззвания, составленного большинством и оглашенного здесь, потому что считаю его совершенно несоответствующим настоящему положению, потому что нахожу его слишком слабым, пригодным разве в качестве газетной статьи для ежедневных газет партии, составившей это воззвание, но не как обращение к немецкому народу. Так как здесь оглашено было еще и другое воззвание, то я мимоходом замечу, что против него я еще разче высказываюсь по причинам, на которых я останавливаюсь здесь не считаю нужным. (Голос из центра: Почему же нет?) Я говорю только о воззвании большинства; оно составлено так умеренно, что даже господин Бусс не много мог сказать против него, а это, конечно, худшая рекомендация для воззвания. Нет, милостивые государи, если вы хотите вообще иметь еще хоть какое-нибудь влияние на народ, вы должны говорить с ним не так, как вы говорите в воззвании; не о законности должны вы говорить, не о законной почве и т. п., а о незаконности, — так, как говорят правительства, как говорят *русские*, а под русскими я разумею пруссаков, австрийцев, баварцев, ганноверцев. (Волнение и смех.) Всех их я объединяю под одним общим именем *русских*. (Продолжительный смех.) Да, милостивые государи, и в этом собрании представлены *русские*. Вы должны им сказать: «Точно так же, как вы становитесь на законную точку зрения, становимся на нее и мы». Это — точка зрения

¹ Игра слов: «Reh, der nachher Hase ward» — косуля, превратившаяся потом в зайца. *Ped.*

сили, и разъясните кстати, что для вас законность состоит в том, чтобы пушкам русских противопоставить силу, противопоставить хорошо организованные боевые колонны. Если вообще нужно выпустить взвывание, то выпустите такое, в котором вы *объявите вне закона главного предателя народа — правителя империи.* (Крики: к порядку!) (Оживленные аллюдисменты на галлереях.) *A также и всех министров.* (Волнение возобновляется.) О, вы не остановите меня; он *главный предатель народа*.

Председатель: «Я считаю, что г. Вольф преступил и нарушил все грани дозволенного. Он не может называть перед *этим собранием* эрцгерцога — *правителя империи* *предателем народа*, и я должен поэтому призвать его к порядку. Публику на галлереях я одновременно в последний раз призываю не вмешиваться в такой форме в наши прения».

Вольф: «Я, со своей стороны, принимаю призыв к порядку и заявляю, что я *хотел* нарушить порядок, что *он и его министры — предатели*. (Крики со всех сторон залы: к порядку, это грубость!)

Председатель: «Я должен лишить вас слова».

Вольф: «Хорошо, я *протестую*; я хотел говорить здесь от *имени народа* и сказать то, что *думают в народе*. Я протестую против всякого взвывания, которое будет составлено в этом духе». (Сильное возбуждение.)

Председатель: «Милостивые государи, позвольте мне на минуту взять слово. Милостивые государи, только что произошедший *случай*, могу сказать, — *первый с того времени, как здесь заседает парламент*. (Действительно, то был первый и *единственный случай* в этом дискуссионном клубе.) Еще ни один оратор не заявлял, что он умышленно хотел нарушить *порядок, основу* этого Собрания. (*Шлеффель* при подобном же призывае к порядку, в заседании 25 апреля, сказал: «Я принимаю этот призыв к порядку и делаю это тем охотнее, что, как я надеюсь, скоро настанет время, когда это *Собрание из другого места будет призвано к порядку*»).

Милостивые государи, я глубоко сожалею, что господин Вольф, едва только ставший членом парламента, *дебютировал* таким образом (Рэ рассматривает дело с театральной точки зрения). Милостивые государи,

я призвал его к порядку за то, что он позволил себе тяжко нарушить обязательное для нас уважение и внимание к особе правителя империи».

Заседание продолжается. Гаген и Захарий произносят длинные речи, один за возвзвание большинства, другой против него. Наконец, поднимается

Фогт (от Гиссена): «Милостивые государи! Разрешите мне несколько слов, — я не стану вас утомлять. Что парламент теперь не тот, каким он собрался в прошлом году, это совершенно верно, милостивые государи, — и мы благодарим небеса (Фогт с его «слепой верою» (köhlergläubige) благодарит небеса!) за то, что парламент стал таким (о да, стал!) и что те, что сомневались в своем народе и в решительный момент предали дело его, отделились от Собрания! Милостивые государи, я взял слово (значит, до сих пор благодарственные молитвы были только пустым кривлянием), чтобы защитить кристаллически-чистый поток (защита потока), который вылился из души поэта (Фогт воодушевляется) в это возвзвание, против недостойной грязи, которую бросили в него или швырнули против него (но ведь поток был поглощен возвзванием), — чтобы защитить эти слова (поток превращается здесь, как и все прочее у Фогта, в слова) против нечисти, скопившейся в этом последнем движении и грозящей там все затопить и загрязнить. Да, милостивые государи! Это (именно нечисть) — нечисть и грязь (нечисть — грязь!), которую таким образом (каким образом?) бросают на все, что можно только считать чистым, и я выражают свое глубочайшее негодование (Фогт в глубочайшем негодовании, quel tableau! [что за картина!]) по поводу того, что нечто подобное (что?) могло случиться». Но то, что он говорит, — нечисть.

Вольф не произнес ни звука о том, как Уланд *проредактировал* возвзвание. Он, как повторно объяснил это председатель, был призван к порядку, он вызвал всю эту бурю тем, что *объявил правителя империи и всех его министров предателями народа* и призывал парламент объявить их *предателями народа*. Но «эрцгерцог — правитель империи», «истасканный Габсбург» (*«Иследования» Фогта, стр. 28*) и «все его министры» для

Фогта «все, что только можно считать чистым». Он пел вместе с Вальтером фон дер Фогельвейде:

des fürsten milte üz österriche
fröt dem züezen rēgen geliche
beidiu liute und ouch daz lant.

[Австрии державный вождь,
Словно теплый вешний дождь,
Край и подданных ласкает.]

Не находился ли Фогт уже тогда в «научных споншениях» с эрцгерцогом Иоганном, как он признался в этом позже? (См. «Главную книгу», документы, стр. 25.)

Десять лет спустя тот же Фогт заявил в своих «Исследованиях» (стр. 27): «Факт, во всяком случае, тот, что Национальное собрание во Франции и его вожди так же недооценили в свое время способностей Луи-Наполеона, как вожди франкфуртского Национального собрания недооценили способностей эрцгерцога Иоганна, и что каждый из этих продувных бестий в своей сфере заставил дорого поплатиться за допущенную ошибку. Но мы, конечно, далеки от того, чтобы поставить рядом обоих этих людей. Поразительная беззастенчивость и т. д. (Луи Бонапарта) — все это поднимает его высоко над уже старым и истасканным Габсбургом».

Еще в том же заседании *Вольф* передал *Фогту* через депутата *Вюрта* из *Зигмарингена* вызов на дуэль на пистолетах, а когда сказанный Фогт решил сберечь свою шкуру для блага государства *, пригрозил ему физической расправой. Но когда *Вольф*, выходя из церкви св. Павла, увидел Карла Смелого с двумя дамами по бокам, он громко рассмеялся и предоставил его своей судьбе. Хотя *Вольф* и с волчьими зубами и сердцем, но он ягненок перед прекрасным полом. Единственной — и совершенно безобидной — местью с его стороны была

* Кобес I рассказывает в упомянутом уже памфлете Якова Венедея: «Когда в заседании, в котором Гагерн обнял Габриэля Риссера после его речи об императоре, Карл Фогт с громкими восклицаниями и издевательским пафосом обнял депутата Циммермана в церкви св. Павла, я крикнул ему: «Оставь эти уличные выходки». Фогт тогда счел нужным нанести мне вызывающее оскорбление; когда же я потребовал от него удовлетворения, то он, после продолжительных хлопот одного друга, имел мужество взять оскорбление обратно» (там же, стр. 21, 22).

статья в «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» (апрельский номер 1850 г., стр. 73) под названием «Дополнительные сведения из империи», где об экс-имперском регенте говорится следующее:

«В эти критические дни центральномартовцы зашевелились. До ухода из Франкфурта они уже обратились к мартовским обществам и к немецкому народу с призывом: «Сограждане! Уже пробил одиннадцатый час!» Из Штутгарта они обратились с новым воззванием «к немецкому народу» о создании народной армии, — но стрелка центральномартовских часов стояла на прежнем месте или же цифра XII была в них выломана, как в часах на Фрейбургском соборе. Факт тот, что в воззвании опять говорилось: «Сограждане! Пробил одиннадцатый час!» О, если бы он пробил раньше, по крайней мере тогда, когда центральномартовский герой *Карл Фогт*, к своему собственному удовлетворению и удовлетворению честовавших его крикунов, прикончил в Нюренберге * франконскую революцию; о, если бы он был тогда по вас и пробил вам головы!.. Регентство открыло свою канцелярию во фрейбургском правительственном здании. Регент *Карл Фогт*, бывший в то же время министром иностранных дел и заведывавший рядом других министерств, принял и здесь очень близко к сердцу благо немецкого народа. После продолжительных занятий днем и ночью он разрешился вполне своевременным изобретением: «паспорта имперского регентства». Паспорта эти были красиво литографированы, и получать их можно было даром, сколько душе угодно. У них был только один маленький недостаток: они имели силу только в канцелярии Фогта. Может быть, впоследствии тот или иной экземпляр найдет себе место в коллекции курьезных вещей какого-нибудь англичанина».

Вольф не последовал примеру Грейнера. Вместо того, чтобы «после появления» «Revue» «уехать немедленно в Америку», он еще в течение года ожидал в Швейцарии мести ланд-Фогта.

* Фогт оправдывал впоследствии свой нюренбергский подвиг тем, что «у него не было гарантии в его личной безопасности».

VII. АУГСБУРГСКАЯ КАМПАНИЯ

Вскоре после того, как гражданин кантона Тургау закончил свою итальянскую войну, гражданин кантона Берн начал свою аугсбургскую кампанию.

«Там (в Лондоне) уже с давних пор находилась марксова клика, которая поставляла наибольшую часть корреспонденций в «Allgemeine Zeitung», а с 1849 г. непрерывно состояла в сношениях с «Allgemeine Zeitung» («Главная книга», стр. 194).»

Хотя сам Маркс живет в Лондоне лишь с конца 1849 г., со времени своей второй высылки из Франции, но «марксова клика», повидимому, с давних пор пребывает в Лондоне, и хотя марксова клика с давних пор поставляла наибольшую часть корреспонденций в «Allgemeine Zeitung», но только «с 1849 г. она состояла в непрерывных сношениях» с ней. Во всяком случае, хронология Фогта распадается на два крупных периода, — именно, период «с давних пор» до 1849 г. и период от 1849 г. до «этого» года, и этому нечего удивляться, так как сей муж до 1848 г. «не думал еще о политической деятельности» (стр. 225, там же).

С 1842—1843 г. я редактировал старую «Rheinische Zeitung», которая вела войну не на живот, а на смерть с «Allgemeine Zeitung». В 1848—1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung» возобновила полемику. Что же остается для периода «с давних пор до 1849 г.», кроме того факта, что Маркс «с давних пор» боролся с «Allgemeine Zeitung», в то время как Фогт в 1844—1847 гг. был ее «постоянным сотрудником»? (См. стр. 225 «Главной книги».)

Перейдем теперь ко второму периоду фогтовской всемирной истории:

Я состоял «непрерывно в сношениях с «Allgemeine Zeitung» из Лондона, «непрерывно с 1849 г.», так как

«с 1852 г.» некий Оли (Ohli) был ее главным лондонским корреспондентом. Правда, Оли ни в каких отношениях не был со мной ни до, ни после 1852 года. Я его никогда в своей жизни не видел. Поскольку он вообще вращался среди лондонских эмигрантов, он был членом кинкелевского Эмиграционного общества. Но это никакого не меняет дела:

«Прежним оракулом научившегося английскому языку старобаварца Альтфера был мой (Фогта) близкий земляк, белокурый Оли, который на коммунистической основе пытался достичнуть возвышенных поэтических точек зрения в политике и литературе. Сперва в Цюрихе, а с 1852 г. в Лондоне он был главным корреспондентом «Allgemeine Zeitung» до тех пор, пока, наконец, не окончил жизнь в сумасшедшем доме» (стр. 195 «Главной книги»).

Mouchard [полицейский шпион] Эдуард Симон романтизирует эту фогтиаду следующим образом: «En voici d'abord un qui de son point de départ communiste avait cherché à s'élever aux plus hautes conceptions de la politique [Вот человек, который со своей исходной коммунистической точки зрения старался подняться к высшим концепциям в политике]. («Высшие поэтические точки зрения в политике» превышают силы даже Эдуарда Симона.) A en croire M. Vogt, cet adepte fut l'oracle de la Gazette d'Augsbourg jusqu'en 1852, époque, où il mourut dans une maison de fous [Если верить Фогту, этот адепт был оракулом «Аугсбургской Газеты» до 1852 г., когда он умер в сумасшедшем доме]» (*Revue Contemporaine*, т. XIII, стр. 529, Париж 1860 г.).

«Oregam et oleum perdidī»¹ — может сказать Фогт о своей «Главной книге» и своем Оли. В то время как он сам заставляет своего «близкого земляка» корреспондировать в «Allgemeine Zeitung» из Лондона с 1852 г., пока он, «наконец, не кончает сумасшедшем домом», Эдуард Симон говорит, что «если верить Фогту, то Оли был оракулом «Augsburger Zeitung» до 1852 г., когда он (кстати, еще здравствует) умер в сумасшедшем доме». Но Эдуард Симон знает своего Карла Фогта. Эдуард

¹ Oleum — Ohly — игра слов. Буквально: я потерял труд и масло (осветительное, необходимое для работы). Ред.

знает, что, если уж решиться «проверить» своему Карлу, то совершенно безразлично, в *чем* поверить ему, в том ли, что он говорит, или же в обратном тому, что он говорит.

«Господин Либкнехт», говорит Карл Фогт, «заменил его», именно *Оли*, «в качестве корреспондента *Allgemeine Zeitung*». «Только с тех пор, как Либкнехт был *публично провозглашен членом марксовой партии*, он был принят в корреспонденты этой газеты» (стр. 169, там же).

Это провозглашение имело место во время кёльнского процесса коммунистов, т. е. в *конце* 1852 года.

В действительности Либкнехт сделался весной 1851 г. сотрудником *Morgenblatt* и писал туда о лондонской промышленной выставке. Через посредство *Morgenblatt* он в *сентябре 1855 г.* начал корреспондировать в *Allgemeine Zeitung*.

«Его (Маркса) товарищи не пишут ни строчки, о которой он не был бы заранее поставлен в известность» (стр. 194, там же). Доказательство — простое: «он (Маркс) безоговорочно властвует над своими людьми» (стр. 195), в то время как Фогт безоговорочно повинуется своему Фази и К^о. Мы здесь наталкиваемся на особенность фогтовского мифотворчества. Во всем у него гиссенский или женевский карликовый масштаб, горизонт маленькою городка и аромат швейцарского кабачка. Наивно перенося уютно-провинциальный быт Женевы на мировой город Лондон, он не разрешает Либкнехту написать в Вест-энде «ни строчки», о которой я, в своем Гэмпстеде, за четыре мили оттуда, «не был бы заранее поставлен в известность». И такие же лягерроньевские услуги я оказываю ежедневно ряду других товарищней, разбросанных по всему Лондону и пишущих во все концы мира. Какое утешительное жизненное призвание и какое доходное!!

Ментор Фогта, Эдуард Симон, знакомый, если не с лондонскими, то, по крайней мере, с парижскими условиями, с неоспоримым художественным тактом придает столичный размах картине, нарисованной его неловким «деревенским другом».

«*Marx, comme chef de la société, ne tient pas lui-même la plume, mais ses fidèles n'écrivent pas une ligne sans*

l'avoir consulté: *La Gazette d'Augsbourg sera d'autant mieux servie*» (там же, стр. 529).

Итак: «Маркс, в качестве главаря общества, *сам не пишет*, а друзья его не пишут ни строчки, предварительно не посоветовавшись с ним. Тем лучше обслуживается «Augsburger Zeitung». Чувствует ли Фогт все изящество этой поправки?

Я имел такое же отношение к либкнхтовским корреспонденциям из Лондона в «Allgemeine Zeitung», как к фогтовским корреспонденциям в нее из Парижа. Вообще же корреспонденции Либкнхта заслуживают только похвалы; это — критическое изображение *английской политики*, которую он давал для «Allgemeine Zeitung» в таком же виде, как и в одновременных корреспонденциях для радикальных немецко-американских газет. Сам Фогт, старательно перерывший ряд годовых комплектов «Allgemeine Zeitung» в поисках щекотливого материала в либкнхтовских письмах, вынужден в своей критике их содержания ограничиться замечанием, что корреспондентская подпись Либкнхта состоит из «*двух тонких, косо поставленных черточек*» (стр. 196 «Главной книги»).

Косое положение черточек доказывало, разумеется, что с корреспонденциями дело обстояло неблагополучно. К тому же «тонина»! Пусть бы Либкнхт вместо двух тонких черточек изобразил в своем корреспондентском гербе два круглых жирных пятна! Если же в корреспонденциях нет никаких пороков, кроме «*двух тонких, косо поставленных черточек*», то вообще возникает сомнение по поводу их появления в «Allgemeine Zeitung». Но почему бы и не в «Allgemeine Zeitung»? Как известно, «Allgemeine Zeitung» печатает статьи самых различных точек зрения, по крайней мере, по таким нейтральным вопросам, как английская политика, и, кроме того, известна за границей как единственный немецкий орган более чем местного значения. Либкнхт мог спокойно писать лондонские письма в ту самую газету, в которую Гейне писал свои «Парижские», а Фальмерайер свои «Восточные письма». Фогт сообщает, что в «Allgemeine Zeitung» сотрудничали и нечистоплотные личности. Сам он, как известно, сотрудничал в ней в 1844—1847 годах.

Что касается меня самого и Фридриха Энгельса, — я

упоминаю Энгельса потому, что мы оба работаем по предварительному соглашению и общему плану, — то в 1859 г. мы действительно вступили в некоторые «отношения» с этой газетой. Именно, в январе, феврале и марте 1859 г. я поместил в «New York Tribune» ряд руководящих статей, где, между прочим, подверг подробной критике развивающуюся «Allgemeine Zeitung» теорию «средне-европейской великой державы» и ее утверждение, будто продолжение австрийского господства в Италии — в интересах Германии. Энгельс незадолго до начала войны и с моего согласия выпустил памфлет «По и Рейн» (Берлин 1859), который был направлен специально против «Allgemeine Zeitung» и, выражаясь словами Энгельса (стр. 4 его брошюры «Савойя, Ницца и Рейн», Берлин 1860), доказывал доводами военной науки, что «Германия не нуждается для своей защиты ни в кусочке Италии и что, исходя из одних лишь военных соображений, Франция имеет, разумеется, более основательные притязания на Рейн, чем Германия на Минчио». Но эта полемика против «Allgemeine Zeitung» и ее теории необходимости австрийского насильственного господства в Италии шла у нас рука об руку с полемикой против бонапартистской пропаганды. Я доказывал, например, подробно в «Tribune» (см., например, февраль 1859 г.), что финансовое и внутреннее политическое положение «bas empire» [поздней империи] достигло критического пункта и что только внешняя война может продлить господство правительства государственного переворота во Франции и контрреволюции в Европе. Я показывал, что бонапартистское освобождение Италии только предлог, чтобы держать Францию в угнетении, подчинить Италию правительству государственного переворота, расширить «естественные границы» Франции в сторону Германии, превратить Австрию в орудие России и вовлечь народы в войну легитимной и нелегитимной контрреволюции. Все это произошло еще до того, как экс-имперский Форт затрубыл из Женевы.

После статьи Вольфа в «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» (1850 г.) я вообще совершенно забыл о существовании «округленной натуры». Снова вспомнил я об этом веселом малом весной 1859 г., когда в один апрель-

ский вечер Фрейлиграт дал мне прочесть письмо Фогта с приложенной к нему политической «программой». Это не было нескромностью, — послание Фогта было предназначено «для сообщения» друзьям... не Фогта, а адресата.

На вопрос, что я нахожу в программе, я ответил: «бэлтовню политикана». Я тотчас же узнал старого путника по его просьбе к Фрейлиграту привлечь Бухера в качестве политического корреспондента для намечавшейся женевской пропагандистской газеты. Письмо Фогта было от 1 апреля 1859 года. Бухер, как известно, с января 1859 г. высказывал в своих корреспонденциях из Лондона в берлинскую «Nationalzeitung» взгляды, абсолютно противоречившие программе Фогта; но мужу «критической непосредственности» все кошки кажутся серыми.

После этого происшествия, которое я считал слишком мелким, чтобы кому-нибудь сообщать о нем, я получил фогтовские «*Studien zur gegenwärtigen Lage Europas*», Женева [«Исследования о современном положении Европы»], жалкую книгу, не оставившую во мне никакого сомнения о связи его с бонапартистской пропагандой.

Вечером 9 мая 1859 г., на публичном митинге, устроенном Давидом Уркартом по поводу итальянской войны, я находился на трибуне. Еще до начала митинга ко мне важно подошла какая-то мрачная фигура. По гамлетовскому выражению ее лица я тотчас же понял, что «что-то гнило в датском королевстве». Это был *homme d'état* [государственный муж] Карл Блинд. После нескольких вступительных фраз он заговорил об «интригах» Фогта и, выразительно тряся головой, стал уверять меня, что Фогт получает от бонапартовского правительства средства на свою пропаганду, что одному южно-германскому писателю, которого он, «к сожалению», не может назвать мне, был предложен Фогтом подкуп в 30 000 гульденов, — я не представлял себе ясно, какой южно-германский писатель стоит 30 000 гульденов, — что в Лондоне были уже попытки подкупа, что уже в 1858 г. в Женеве, во время свидания между Плон-Плоном, Фази и К° обсуждалась итальянская война и что великий князь Константин был намечен в будущие короли Венгрии, что Фогт предлагал и ему

(Блинду) принять участие в его пропаганде, что он имеет доказательства изменнической деятельности Фогта. Блинд вернулся потом на свое место в другом конце трибуны к своему другу Ю. Фребелю; митинг начался, и Д. Уркарт в подробной речи пытался изобразить итальянскую войну как результат русско-французских интриг *.

* Нападки марксовой клики на лорда Пальмерстона Фогт объясняет, разумеется, моей враждой к его самодовольной особе и его «друзьям» («Главная книга», стр. 212). Поэтому уместно будет коснуться здесь вкратце моих отношений к Д. Уркарту и его партии. Сочинения Уркарта о России и против Пальмерстона заинтересовали меня, но не убедили. Чтобы притти к определенным взглядам по этому вопросу, я подверг тщательному анализу «Parliamentary Debates» («Парламентские дебаты») Гансарда и дипломатические Blue Books [Синие книги] за 1807—1850 годы. Первым плодом этого изучения был ряд руководящих статей в «New York Tribune» (в конце 1853 г.), в которых я доказывал связь Пальмерстона с петербургским кабинетом на основании его переговоров с Польшей, Турцией, Черкесией и т. д. Вскоре после того я перепечатал эти статьи в редактировавшемся Эрнестом Джонсом чартистском органе «The people's Paper», прибавив к ним новые главы о деятельности Пальмерстона. Между тем, и «Glasgow Sentinel» перепечатала одну из этих статей («Palmerston and Poland» [«Пальмерстон и Польша»]), обратившую на себя внимание Д. Уркарта. В результате нашей встречи с ним он склонил господина Туккера в Лондоне к мысли выпустить часть этих статей в виде памфлетов. Эти памфлеты против Пальмерстона разошлись потом в различных изданиях по 15—20 тыс. экземпляров. Под впечатлением моего анализа Blue Book [Синей книги] о падении Карса — он появился в лондонской чартистской газете (апрель 1856 г.) — шеффильдский Foreign Affairs Committee [Комитет по иностранным делам] прислал мне благодарственное письмо (см. приложение 7). При просмотре находящихся в Британском музее дипломатических рукописей я открыл ряд английских документов, которые от конца XVIII столетия восходят до времени Петра Великого и обнаруживают постоянное тайное сотрудничество лондонского и петербургского кабинетов, причем эпоха Петра Великого представляется начальным моментом этих отношений. Из подробной работы на эту тему я опубликовал пока лишь введение под названием: «Revelations of the diplomatic history of the 18th century» [«Разоблачения дипломатической истории XVIII столетия»]. Введение появилось в двух уркартовских органах — сперва в шеффильдской, а потом в лондонской, «Free Press». В лондонской «Free Press», я, со времени ее основания, помещал случайные статьи. Таким образом, Пальмерстоном и англо-русской дипломатией я занимался, нисколько не догадываясь, что за лордом Пальмерстоном стоит Карл Фогт.

К концу митинга ко мне подошел д-р Фаухер, редактор иностранного отдела «Morning Star», органа манчестерцев, и рассказал мне, что недавно появился новый немецко-лондонский еженедельник «Das Volk». Издававшаяся А. Шерцером и редактировавшаяся Эдгаром Бауэром рабочая газета «Die Neue Zeit» погибла в результате интриг Кинкеля, издателя «Hermann». Узнав об этом, Бискамп, бывший до сих пор корреспондентом «Neue Zeit», оставил свое учительское место на юге Англии, чтобы кинкелевскому «Hermann» противопоставить в Лондоне «Volk». Немецкое рабочее просветительное общество и некоторые другие лондонские общества поддерживают газету, которая, как и все подобные ей рабочие газеты, редактируется и составляется безвозмездно. Сам Фаухер, хотя и чужд, как freetrader [фритредер], тенденций «Volk», не желает терпеть никакой монополии в немецкой лондонской печати и поэтому основал вместе с несколькими лондонскими знакомыми финансовый комитет для поддержки газеты. Бискамп обратился уже письменно с просьбой о литературном сотрудничестве к лично незнакомому ему до сих пор Либкнехту и т. д. В заключение Фаухер предложил мне принять участие в газете «Volk».

Хотя Бискамп жил в Англии с 1852 г., но до сих пор мы не были знакомы с ним. Через день после уркартовского митинга Либкнехт привел его ко мне. Предложение писать в «Volk» я пока отклонил из-за недостатка времени, но обещал попросить своих немецких друзей в Англии помочь газете подпиской на нее, денежной помощью и литературным участием. В ходе беседы мы заговорили об уркартовском митинге, а затем перешли к Фогту, с «Исследованиями» которого Бискамп был уже знаком и оценивал их по достоинству. Я сообщил ему и Либкнехту содержание фогтовской «Программы» и блиндовских разоблачений, заметив, однако, относительно последних, что южно-германцы любят сгущать краски. К своему изумлению, я во втором номере «Volk» (14 мая) увидел статью под заглавием: «Имперский регент в качестве имперского предателя» (см. «Главную книгу», документы, стр. 17, 18), где Бискамп упоминает о двух указанных Блиндом фактах — о 30 000 гульденов, которые он, однако, уменьшает до

4 000, и о бонапартистском происхождении денег в фогтовских операциях. В остальном статья состояла из острот в духе «Hornisse»¹, которую он издавал в 1848—1849 гг. вместе с Гейзе в Касселе. Между тем, Лондонское просветительное общество поручило — я узнал об этом значительно позже появления «Главной книги» Фогта (см. приложение 8) — одному из своих руководителей, Шерцеру, призвать рабочие просветительные общества в Швейцарии, Бельгии и Соединенных Штатах к поддержке «Volk» и к борьбе с бонапартистской пропагандой. Упомянутую статью «Volk» (от 14 мая 1859 г.) Бискамп сам послал по почте Фогту, который в то же время получил циркулярное послание Шерцера через своего собственного Раликеля.

Фогт со своей известной «критической непосредственностью» тотчас же вплел меня в качестве демиурга во враждебную ему сеть. Поэтому он, не раздумывая долго, опубликовал «краткий очерк» своей позднейшей исторической болтовни в часто цитированном уже «Экстренном приложении к № 150 швейцарского «Handelscourier»». Это первоевангелие, в котором впервые открыты тайны о серной банде, бюрстенгеймерах, Шервале и т. д. — в Берне, 25 мая 1859 г. (следовательно, позднее, чем евангелие Мормонов), было озаглавлено «Предостережение» (*Zur Warnung*) и по существу служило добавлением к отрывку, переведенному из брошюры пресловутого Э. Абу*.

Фогтовское анонимное первоевангелие «Предостережение» было по моей просьбе, как я уже раньше заметил, перепечатано в «Volk».

В начале июня я поехал к Энгельсу в Манчестер, где подписка на «Volk» собрала около 25 фунтов стерлингов. Сумма эта, источники которой дают повод «любо-

¹ Hornisse — оса. Ред.

* Несколько слов о бильском «Коммивояжере», этом захолустном «Moniteur» «беглого имперского регента». Издатель и редактор «Bieler Handelscourier» — некий Эрист Шюлер, политический эмигрант с 1838 г., содержатель почты, виноторговец, банкрот, а теперь снова при деньгах, и его газета, которую субсирировало во время Крымской кампании британско-французско-швейцарское рекрутское агентство, насчитывает теперь 1 200 подписчиков.

знательному» Фогту устремить свои «вздры через канал» в Аугсбург и Вену («Главная книга», стр. 21), была доставлена Фр. Энгельсом, В. Вольфом, мной и, наконец, тремя живущими в Манчестере немецкими врачами, имена которых значатся в судебном документе, отправленном мною в Берлин. О собранных в Лондоне первоначальным финансовым комитетом деньгах Фогт может справиться у д-ра Фаухера.

Фогт поучает нас («Главная книга», стр. 225): «С давних пор было ловким маневром реакции требовать от демократов, чтобы они делали все даром, в то время как они сами (не демократы, а реакция) требуют для себя привилегии распоряжаться оплатой других и самих себя». Насколько же *реакционен* ловкий маневр «Volk», который не только редактировался и составлялся даром, но, сверх того, заставлял еще своих сотрудников *платить ему!* Если это не доказательство связи между «Volk» и реакцией, то Карл Фогт перестает понимать что бы то ни было.

Во время моего пребывания в Манчестере в Лондоне произошло чрезвычайно важное событие. Именно, Либкнект нашел в наборной Холлингера (*типограф «Volk»*) корректурные листы анонимного и направленного против Фогта памфлета «Предостережение», бегло прочел его, тотчас увидел разоблачения Блinda и, кроме того, услышал еще от наборщика *A. Фегеле*, что *Блind* передал эту рукопись, им собственноручно написанную, Холлингеру для печатания. Корректурные поправки на оттиске были сделаны также рукой *Блinda*. Два дня спустя Либкнект получил от Холлингера корректурный оттиск и переслал его в «Allgemeine Zeitung». Набор памфлета сохранился и послужил впоследствии для перепечатки его в № 6 «Volk» (от 11 июня 1859 г.).

С опубликованием в «Allgemeine Zeitung» «Предостережения» начинается аугсбургская кампания экс-имперского Фогта. Он привлек к суду «Allgemeine Zeitung» за перепечатку памфлета.

В «Главной книге» (стр. 227—228) Фогт пародирует мюльнеровское «Я разбойник, я разбойник, я разбойник Яромир». «Я подал жалобу (ich habe geklagt), так как заранее знал, что должна была обнаружиться вся пустота, ничтожество и убожество редакции, которая

мнит себя «представительницей верхне-немецкой культуры», я подал жалобу, так как заранее знал, что должна была сделаться достоянием гласности связь этой достопочтенной редакции и превозносимой ею до небес австрийской политики с серной бандой и отбросами революции»; за этим следует еще четыре «я подал жалобу». Подавший жалобу (*geklaghabende*) Фогт подается вверх (*wird erhaben*), но все же прав Лонгин, говоря, что нет ничего более сухого, чем больной водянкой. «Личные интересы, — восклицает «округленная натура», — в наименьшей степени служили поводом для моей жалобы».

В действительности дело происходило иначе. Теленок не мог так упираться перед скамьей на бойне, как Карл Фогт перед скамьей подсудимых. В то время как его «ближайшие» друзья Раниель, Рейнах (прежде ходячая *chronique scandaleuse* [скандальная хроника] о Фогте) и болтливый член парламентского охвостья Майер из Эслингена поддерживали в нем его страх перед судом, из Цюриха настойчиво требовали от него поторопиться с «жалобой». На лозаннском рабочем празднестве меховщик Роос заявил ему перед свидетелями, что потеряет к нему уважение, если он не поднимет процесса. Но Фогт упирался: он плюет на аугсбургскую и лондонскую серную банду и будет молчать. И все-таки вдруг заговорил. В различных газетах появились заметки о его процессе, и Раниель заявил: «Штутгартцы не давали ему (Фогту) покоя. Но его (Раниеля) на это согласия нет».

Но так как «округленный» находился в тисках, то наиболее выгодным маневром представлялась, бесспорно, жалоба на «*Allgem. Zeitung*». Самозашита Фогта против нападок Я. Венедея, обвинявшего его в бонапартистских интригах, появилась в «*Bieler Handelscourier* от 16 июня 1859 г. и попала, следовательно, в Лондон лишь после выхода анонимного памфлета, который заканчивался угрозой: «Но если Фогт захочет отрицать это, — на что он вряд ли решится, — то за этим разоблачением последует № 2». Фогт выступил с опровержением, а разоблачения № 2 не последовало. Обеспеченному с этой стороны, неприятности могли ему грозить лишь со стороны милых знакомых, но он их достаточно

знал и мог рассчитывать на их трусость. Чем больше гласности приобретало дело благодаря жалобе, тем больше он мог рассчитывать на их осторожность, так как в лице «беглого экс-регента» у позорного столба до известной степени стояло все парламентское охвостье.

Член парламента Яков Бенедикт в своей брошюре «Pro domo et pro patria gegen Karl Vogt», Hannover 1860 [«В защиту себя и отечества против Карла Фогта», Ганновер 1860 г.], на стр. 27—28 выталкивает следующее:

«Кроме писем Фогта, помещенных им в описании своего процесса, я прочитал еще другое письмо Фогта, обнаруживавшее гораздо яснее, чем письмо к д-ру Ленингу, позицию Фогта как помощника тех, кто хотел во что бы то ни стало локализовать войну в Италии. Для себя лично я спасал из этого письма несколько мест, которых, к сожалению, не могу здесь привести, так как адресат письма сообщил их мне под условием не опубликовывать их. Из соображений личного и партийного характера старались защищать поведение Фогта таким способом, который, на мой взгляд, не может быть оправдан ни интересами партии, ни гражданским долгом перед отечеством. Эта осторожность по отношению к Фогту со стороны многих дает ему возможность с наглым видом и теперь еще выступать в качестве главы немецкой партии. Именно поэтому, кажется мне, партия, к которой принадлежит Фогт, несет известную ответственность за его поведение»*.

Таким образом, если, с одной стороны, риск процесса против «Allgemeine Zeitung» вообще не был слишком велик, то, с другой стороны, переход в наступление в этом направлении представлял генералу Фогту благоприятнейшую операционную базу. Это Австрия клеветала на имперского Фогта через «Allgemeine Zeitung».

* См. также стр. 4 цитируемого памфлета, где сказано: «Эти «расчеты» из партийных соображений, эта моральная неустойчивость, в силу которой в тесном кругу сознаются, что Фогт сыграл гнусную игру с родиной, а затем позволяют тому же самому Фогту открыто обвинять в клевете тех, кто сказал лишь то, что все они знают и думают, имея в своем распоряжении все доказательства, — все это вызывает во мне отвращение» и т. д.

Австрия в союзе с коммунистами! Благодаря этому имперский Фогт оказывался интересной жертвой чудовищной коалиции врагов буржуазного либерализма. А малогерманская печать, и без того благосклонная к имперскому Фогту как стороннику малой империи, с ликованиеем должна была бы поднять его на щит!

В начале июля 1859 г., вскоре после моего возвращения из Манчестера, ко мне обратился Блинд по делу, не имевшему отношения к данному случаю. Он пришел ко мне в сопровождении Фиделио Холлингера и Либкнхекта. Во время свидания я высказал свое убеждение, что он автор памфлета «Предостережение». Он решительно отрицал это. Я повторил по пунктам сделанное им 9 мая сообщение, составлявшее, в сущности, все содержание памфлета. Он соглашался с этим, но, несмотря на это, продолжал отрицать свое авторство.

Приблизительно месяц спустя, в августе 1859 г., Либкнхект показал мне полученное им от редакции «Allgemeine Zeitung» письмо, в котором его настоятельно просяли сообщить доказательства обвинений, содержащихся в памфлете «Предостережение». По его просьбе я отправился с ним в St. John's Wood, на квартиру к Блинду, который, если и не был автором памфлета, то все-таки в начале мая уже знал то, о чем поведал миру памфлет лишь в начале июня, и который к тому же мог «доказать» то, что знал. Блинда не оказалось дома: он был на каком-то морском курорте. Поэтому Либкнхект написал ему о цели нашего визита. Ответа от Блинда не последовало. Либкнхект написал второе письмо. Наконец, был получен следующий достойный государственного мужа документ:

Любезный господин Либкнхект!

Оба Ваших письма, направленные по ошибочному адресу, я получил почти одновременно. Вы сами понимаете, что я вовсе не желаю вмешиваться в дела совершенно чуждой мне газеты и менее всего в данном случае, потому что, как я уже раньше указывал, я не имел никакого отношения к указанному делу. Что касается упоминаемых Вами замечаний, высказанных в частной беседе, то, очевидно, они были совершенно неверно поняты; здесь произошла какая-то

ошибка, о которой я собираюсь поговорить при случае устно. Выражая сожаление, что Вам напрасно пришлось пройтись ко мне с Марксом, остаюсь с полным уважением

Ваш К. Блинд.

St. Leonard's 8 сеят.

Эта дипломатически-холодная нота, согласно которой Блинд «не имел никакого отношения» к выдвинутым против Фогта обвинениям, напомнила мне об одной анонимной статье в лондонской «Free Press» от 27 мая 1859 г. следующего содержания (в переводе):

Великий князь Константин — будущий король Венгрии.

Один корреспондент, прилагающий свою визитную карточку, пишет нам:

«Милостивый государь! На последнем митинге в Мюзик-холле* я слышал замечание по поводу великого князя Константина. Я в состоянии сообщить Вам другой факт. Не далее, как летом прошлого года, принц Жером Наполеон разывал в Женеве перед некоторыми близкими ему лицами план нападения на Австрию и предстоящего изменения карты Европы. Я знаю имя одного швейцарского сенатора, которому он разывал эту тему. Принц Жером заявил тогда, что, согласно намеченному плану, великий князь Константин должен стать королем Венгрии.

Я знаю также о предпринятых в начале текущего года попытках склонить в пользу русско-наполеоновского плана нескольких находящихся в изгнании немецких демократов, а также влиятельных либералов в самой Германии. В целях подкупа им были предложены крупные денежные суммы (large pecuniary advantages were held out to them as a bribe). Я счастлив сказать, что предложения эти были отвергнуты с негодованием» (см. приложение 9).

Эта статья, в которой Фогт не назван, но для немецкой эмиграции в Лондоне ясно обозначен, дает в сущ-

* Это был упомянутый выше митинг от 9 мая, устроенный Д. Уркартом.

ности основное содержание появившегося впоследствии памфлета «Предостережение». Автор статьи о «будущем короле Венгрии», которого патриотическое рвение заставило предъявить анонимное обвинение против Фогта, естественно, должен был с жадностью ухватиться за предоставляемый ему аугсбургским процессом превосходный случай разоблачить на суде измену перед лицом всей Европы. Но кто же был автором «будущего короля Венгрии»? Гражданин Карл Блинд. Это мне разоблачили уже в мае содержание и форма статьи, и это официально подтвердил мне теперь редактор «Free Press» Колет, когда я ему объяснил значение спорного вопроса и сообщил дипломатическую ноту Блинда.

17 сентября 1859 г. наборщик А. Фегеле передал мне письменное заявление (перепечатано в «Главной книге», документы № 30, 31), в котором он свидетельствует отнюдь не то, что Блинд — автор памфлета «Предостережение», однако что сам он (А. Фегеле) и его хозяин Фиделио Холлингер набрали памфлет в типографии Холлингера, что рукопись написана почерком Блинда и что Холлингер как-то назвал ему Блинда автором этого памфлета.

Опираясь на заявление Фегеле и на «Будущего короля Венгрии», Либкнхт написал еще раз Блинду о «доказательствах» для оглашенных в «Free Press» этим государственным мужем фактов и указывал в то же время, что теперь имеется доказательство *его* причастности к изданию памфлета «Предостережение». Вместо ответа Либкнхту, Блинд прислал Колета ко мне. Колет имел поручение просить меня от имени Блинда не делать никакого публичного употребления из моей осведомленности об авторстве вышеизданной статьи в «Free Press». Я ответил, что не могу взять на себя никаких обязательств: *моя скромность* будет итти ногу в ногу с мужеством *Блинда*.

Между тем, приближался срок аугсбургского процесса. Блинд молчал. Фогт в различных публичных заявлениях пытался памфлет и доказательство сделанных в памфлете заявлений взвалить на меня как на тайного автора. Чтобы отбить этот маневр, выручить Либкнхта и помочь «Allgemeine Zeitung», которая, по моему мнению, сделала хорошее дело, выступив с обличением

Фогта, я сообщил ее редакции через Либкнекта, что готов предоставить в ее распоряжение документ, касающийся происхождения памфлета «Предостережение», если она меня запросит об этом письменно. Так на-чался «живой обмен письмами, который как раз теперь происходит между Марксом и Кольбом», как рассказывает Фогт на стр. 194 своей «Главной книги»*.

Этот мой «живой обмен письмами с Кольбом» состоял из двух писем (от одного и того же числа) ко мне Оргеса, в которых он просил меня о присыпке обещанного документа, посланного мной затем ему вместе с коротенькой запиской в несколько строк **.

Оба письма господина Оргеса — или, вернее, двойное издание одного и того же письма — получились в Лондоне 18 октября 1859 г., меж тем как разбирательство дела должно было начаться в Аугсбурге уже 24 октября. Я поэтому написал немедленно Фегеле, назначив ему rendez vous [свидание] на следующий день в помещении мальборовского полицейского управления, где он должен был придать своему заявлению о памфлете «Предостережение» судебную форму affidavit ***. Мое письмо не застало его во время. Поэтому я должен был 19 октября ****, вопреки своему первоначальному намерению, послать в «Allgemeine Zeitung» вместо affidavit

* Кольб упоминает действительно в № 319 «Allgemeine Zeitung» об «одном очень подробном письме Маркса, которого он не печатает». Но это подробное письмо напечатано в «Hamburger Reform» № 139, приложение от 19 ноября 1859 года. «Подробным письмом» было предназначавшееся мной для публики заявление, которое я послал также в берлинскую «Volkszeitung».

** Мою препроводительную записку и заявление Фегеле можно найти в «Главной книге» (документы, стр. 30, 31), а письма господина Оргеса ко мне — в приложении 10.

*** Affidavit — судебное заявление, заменяющее присягу и включающее за собой в случае ложности все законные последствия лжеприсяги.

**** Так как я пишу неразборчиво, то на суде в Аугсбурге моему письму от 19 октября приписали дату 29 октября. Ни адвокат Фогта д-р Герман, ни сам Фогт, ни достопочтенная берлинская «Nationalzeitung» et hoc genus omne [и весь этот род] «критической непосредственности» ни на минуту не задумались, как письмо, написанное в Лондоне 29 октября, могло попасть в Аугсбург уже 24 октября.

vit вышеупомянутое письменное заявление Фегеле от 17 сентября*.

Как известно, судебный процесс в Аугсбурге превратился в настоящую комедию ошибок. *Corpus delicti* [вещественным доказательством] был посланный Либкнхтом в «Allgemeine Zeitung» и перепечатанный ею памфлет «Предостережение». Но автор и издатель памфлета играли в жмурки; Либкнхт не мог препроводить своих находившихся в Лондоне свидетелей в зал заседания суда; будучи в затруднительном юридическом положении, редактора «Allgemeine Zeitung» несли какую-то высокопарную пошлую политическую тарабарщину, д-р Герман угождал охотничими рассказами «округленной натуры» о серной банде, о лозаннском празднестве и т. д., и, наконец, суд отказал Фогту в его жалобе потому, что истец *ошибся* в подлежащей инстанции. Путаница достигла кульминационного пункта, когда аугсбургский процесс закончился и отчет о нем вместе с «Allgemeine Zeitung» получился в Лондоне. Блинд, хранивший до сих пор молчание мудрого государственного мужа, был перепуган раздобытым мной свидетельством наборщика Фегеле и выскочил вдруг на публичную арену. Фегеле не заявлял, что Блинд — автор памфлета, а заявлял только, что он назван ему Холлингером как автор памфлета. Зато Фегеле категорически заявил, что *рукопись памфлета написана знакомым ему почерком Блинда и была набрана и напечатана в типографии Холлингера*; Блинд мог быть автором памфлета, хотя бы он не был написан рукой Блинда и не был набран в типографии Холлингера. И, наоборот, памфлет мог быть *написан рукой Блинда* и напечатан Холлингером, хотя бы Блинд и не был его автором.

В № 313 «Allgemeine Zeitung», под датой Лондон 3 ноября (см. «Главную книгу», документы, стр. 37, 38), гражданин и государственный муж Блинд заявляет, что он *не автор* памфлета и в качестве *доказательства опубликовывает* «следующий документ»:

* Что это *qui pro quo* [недоразумение] произошло по чистой случайности — именно потому, что Фегеле получил слишком поздно мое письмо,— видно из его позднейшего *affidavit* от 11 февраля 1860 г.

а) Настоящим заявляю, что помещенное в № 300 «Allgemeine Zeitung» утверждение наборщика Фегеле, будто упомянутый в нем памфлет «Предостережение» был напечатан в моей типографии или будто Карл Блинд автор его, представляет злостное измышление.

Фиделио Холлингер.

3, Litchfield Street, Soho.
Лондон, 2 ноября 1859 г.

б) Нижеподписавшийся, живущий и работающий 11 месяцев в № 3, Litchfield Street, со своей стороны свидетельствует о правильности заявления г. Холлингера.

И. Ф. Вие, наборщик.

Лондон, 2 ноября 1859 г.

Фегеле нигде не утверждал, что Блинд — автор памфлета. Таким образом, Фиделио Холлингер сперва сочиняет утверждение Фегеле, чтобы потом назвать его «злостным измышлением». С другой стороны, если памфлет не был напечатан в типографии Холлингера, то откуда этот самый Фиделио Холлингер знал, что Карл Блинд не автор его?

И каким образом то обстоятельство, что наборщик Вие «живет и работает 11 месяцев» (считая назад от 2 ноября 1859) у Холлингера, может уполномочить его свидетельствовать о «правильности заявления господина Холлингера»?

Свой ответ на это заявление Блинда (№ 325 «Allgemeine Zeitung», см. также «Главную книгу», документы, стр. 39, 40) я закончил словами: «Всю тайну Блинд-Фогт можно было бы открыть перенесением процесса из Аугсбурга в Лондон».

Блинд, со всем нравственным негодованием оскорбленной прекрасной души, переходит снова в наступление в «Приложении к «Allgemeine Zeitung» от 11 декабря 1859 г.».

«Ссылаясь повторно (запомним это) на документы, подписанные владельцем типографии Холлингером и наборщиком Вие, я заявляю в последний раз, что носящее теперь уже характер инсинуации утверждение, будто я автор часто упоминавшегося памфлета — явная неправда. В других утверждениях на мой счет содержатся грубейшие извращения».

В приписке к этому заявлению редакция «Allgemeine Zeitung» замечает, что «спор не интересует больше широкой публики», и просит поэтому «лиц, которых это касается, отказаться от дальнейших взаимных возражений»; «округленная натура» комментирует это в заключении «Главной книги» следующим образом:

«Иными словами: редакция «Allgemeine Zeitung» просит гг. *Маркса*, *Бискампа**, *Либкнехта*, изобличенных в грубой лжи, не срамить больше ни самих себя, ни газеты».

Так закончилась пока аугсбургская кампания.

Бладая обратно в топ своей Лаузиады, Фогт заставляет «наборщика Фегеле» дать мне и Либкнехту «ложное показание» (стр. 195 «Главной книги»). Происхождение же памфлета он объясняет тем, что «Блинд выдумал какие-то подозрения и протрещал о них всем. Из этого материала серная банда состряпала памфлет, а затем и статьи, которые она приписала попавшему впросак Блинду» (стр. 218, там же).

Если же имперский Фогт не возобновил своей неоконченной кампанией в Лондоне, как его вызывали на это, то произошло это отчасти потому, что Лондон «захолустье» (стр. 229 «Главной книги»), отчасти же потому, что «рассматриваемые партии взаимно обвиняют одну другую в неправде» (там же).

В своей «критической непосредственности» этот муж считает уместным вмешательство суда лишь в том случае, когда партии спорят между собой *не* о правде.

* Бискамп послал из Лондона 20 октября о деле Фогта в редакцию «Allgemeine Zeitung» письмо, в котором в заключение предлагал газете свои услуги в качестве корреспондента. Письмо это стало мне известно только из самой газеты. Фогт изобретает моральную теорию, согласно которой поддержка погибшего печатного органа делает меня ответственным за позднейшие частные письма его редактора. Во сколько же раз был бы более ответственен Фогт за «Stimmen der Zeit» Колачека, в органе которого «Monatsschrift» он был оплачиваемым сотрудником! Пока Бискамп издавал «Volk», он обнаруживал величайшее самопожертвование: чтобы редактировать газету, он покинул старое, насиженное место, безвозмездно и при очень тяжелых обстоятельствах редактировал ее, наконец рисковал потерять работу корреспондента в немецкие газеты, как, например, в «Kölnische Zeitung», чтобы быть в состоянии действовать согласно своим убеждениям. Все остальное меня не касалось и не касается.

Я перескаиваю через три месяца и продолжаю свой рассказ с начала февраля 1860 года. «Главная книга» Фогта еще не попала в Лондон, но зато здесь уже был избранный букет берлинской «Nationalzeitung», где, между прочим, сказано:

«Партия Маркса могла легко взвалить авторство памфлета на Блinda в силу того и после того, как последний в беседе с Марксом и в статье в «Free Press» высказал аналогичные взгляды; воспользовавшись содержанием и формой заявления Блinda, можно было так сфабриковать памфлет, чтобы он выглядел как *его* изделие».

Блind, который все искусство дипломатии сводит к молчанию, как Фальстаф лучшей частью мужества считал скромность, — Блind снова умолк. Чтобы развязать ему язык, я опубликовал в Лондоне 4 февраля 1860 г. за своей подписью циркуляр на английском языке (см. приложение 11).

В этом циркуляре, обращенном к редактору «Free Press», говорится, между прочим, следующее:

«Прежде, чем я предприму дальнейшие шаги, я должен разоблачить господ, сыгравших очевидным образом наруку Фогту. Поэтому я публично заявляю, что заявление Блinda, Вие и Холлингера, будто анонимный памфлет *не* печатался в типографии Холлингера 3, Litchfield Street, Soho, — *гнусная ложь**.

Приведя свои доказательства, я заканчиваю следующими словами:

«Итак, я вторично называю вышесказанного Карла Блinda *гнусным лжецом* (*deliberate liar*). Если я не прав, то он легко может опровергнуть меня, обратившись с жалобой в английский суд».

6 февраля 1860 г. одна лондонская газета (*«Daily Telegraph»*) воспроизвела — я к этому еще вернусь — букет «Nationalzeitung» под заглавием «The journalistic Auxiliaries of Austria» [«Газетные пособники Австрии»]. Я, со своей стороны, начал дело по обвинению «Nationalzeitung» в клевете, известил «Telegraph» о

* По-английски у меня сказано: «*deliberate lie*». «Kölnische Zeitung» перевела «гнусная ложь». Я принимаю этот перевод, хотя ближе к оригиналу «предумышленная ложь».

поданной мной на него подобной же жалобе и стал собирать необходимый судебный материал.

11 февраля 1860 г. наборщик Фегеле дал affidavit перед полицейским управлением на Bow Street. В этом документе повторяется в существенном его заявление от 17 сентября 1859 г., — именно, что рукопись памфлета написана почерком Блинда и набрана в типографии Холлингера отчасти им самим (Фегеле), отчасти Ф. Холлингером (см. приложение 12).

Несравненно важнее был affidavit наборщика Вие, на свидетельство которого Блинд повторно и с возрастающей уверенностью ссылался в «Allgemeine Zeitung».

Поэтому, помимо оригинала (см. приложение 13), здесь приводится его дословный перевод:

В первых числах ноября истекшего года — я не помню точно даты — между 9 и 10 часами вечера я был поднят с постели г. Ф. Холлингером, в доме которого я жил тогда и у которого я работал в качестве наборщика. Он протянул мне написанное заявление, в котором говорилось, что в течение предыдущих 11 месяцев я непрерывно работал у него и что в течение этого времени в типографии г. Холлингера 3, Litchfield, Soho, не был набран и напечатан какой-то немецкий памфлет «Предостережение». Растерявшись и не сознавая значения того, что я делаю, я исполнил его желание и переписал и подписал этот документ. Г-н Холлингер пообещал мне денег, но я ничего не получил от него. Во время этой сделки г. Карл Блинд, как сообщила мне потом моя жена, ожидал в комнате г. Холлингера. Несколько дней спустя г-жа Холлингер оторвала меня от обеда и повела в комнату своего мужа, где я застал одного только г. Блinda. Он предъявил мне тот же документ, который предъявил мне раньше г. Холлингер, и настойчиво просил меня (entreated me) написать и подписать вторую копию, так как он нуждается в двух копиях — одной для себя самого, а другой для опубликования в печати. Он прибавил, что отблагодарит меня. Я снова переписал и подписал документ.

Сим я заявляю правдивость вышеизложенного и даюее:

1) что из упомянутых в документе 11 месяцев я в течение 6 недель работал *не* у г. Холлингера, а у некоего г. Эрмани;

2) я *не* работал у г. Холлингера как раз в то время, когда был издан памфлет «*Предостережение*»;

3) я слышал тогда от г. Фегеле, который работал в то время у г. Холлингера, что он, г. Фегеле, *вместе с самим г. Холлингером, набирал* указанный памфлет и что рукопись была написана *почерком г. Блinda*;

4) набор памфлета стоял еще, когда я снова стал работать у г. Холлингера. Я *сам переверстал* его для перепечатки памфлета «*Предостережение*» в немецкой газете «*Volk*», печатавшейся у г. Холлингера, 3, Litchfield Street, Soho. Памфлет появился в № 7 «*Volk*» 18 июня 1859 г.;

5) я видел, как г. Холлингер дал г. Вильгельму Либкнхту, живущему 14, Church Street, Soho, корректурный лист памфлета «*Предостережение*», на котором *г. Карл Блind собственноручно исправил 4 или 5 опечаток*. Г-н Холлингер колебался, дать ли ему корректурный лист г. Либкнхту, и лишь только г. Либкнхт удалился, он выразил мне и работавшему вместе со мной г. Фегеле сожаление, что выпустил из рук корректурный лист.

Иоганн Фридрих Вие.

Заявлено и подписано вышеозначенным г. Фридрихом Вие в полицейском управлении Bow Street февраля 8 дня 1850 г. в моем присутствии.

Судья указанного управления Дж. Генри.

(Полицейское Управление Bow Street.)

Обоими *affidavit* наборщиков Фегеле и Вие было доказано, что рукопись памфлета была написана рукой Блinda и набрана в типографии Холлингера и что Блind сам держал одну корректуру.

А этот *homme d'état* [государственный муж] писал Юлию Фребелю из Лондона 4 июля 1859 г.: «Здесь появилось — *не знаю, кем составленное*, — резкое обвинение Фогта в продажности. В нем имеется несколько мнимых фактов, о которых мы раньше ничего не слыхали». И тот же *homme d'état* писал Либкнхту 8 сен-

тября 1859 г., что он «не имел никакого отношения к указанному делу».

Не довольствуясь этими подвигами, гражданин и государственный муж Блинд сфабриковал еще ложное заявление, для которого Фиделио Холлингер обещанием денег и он сам обещанием отблагодарить в будущем выманили подпись наборщика Вие.

Он не только послал в «Allgemeine Zeitung» это свое изделие с подписью, полученной путем обмана, вместе с ложным показанием Фиделио Холлингера, но «посторно» «ссылается» на эти «документы» в своем втором заявлении и в связи с этими «документами» бросает мне с моральным негодованием обвинение в «явной неправде».

Копии affidavit Фегеле и Вие я пустил в обращение в разных кругах общества. Это повлекло за собой свидание на квартире у Блинда между Блиндом, Фиделио Холлингером и другом дома Блинда, д-ром мед. Карлом Шайбле, славным, тихим человеком, играющим в политических операциях Блинда до некоторой степени роль ручного слона.

И вот в «Daily Telegraph», в номере от 15 февраля 1860 г., появилась перепечатанная потом в немецких газетах заметка, гласящая в переводе следующее:

Памфлет против Фогта.

Издателю «Daily Telegraph».

Милостивый государь! Считаясь с циркулирующими в обществе ложными слухами, я чувствую себя обязанным по отношению к г. Блинду, а так же и г. Марксу формально заявить, что ни один из них не был автором недавно выпущенного против профессора Фогта из Женевы памфлета. Памфлет этот исходит от меня и ответственность за него лежит на мне. Изуважения к г. Марксу, как и к г. Блинду, я выражают сожаление, что независящие от меня обстоятельства помешали мне сделать это заявление раньше.

Лондон, 14 февраля 1860 г.

Карл Шайбле, д-р мед.

Шайбле приспал мне это заявление. Я же, обойдя правила вежливости, ответил ему посылкой affidavit на-

берщиков Фегеле и Вие и написал в то же время, что его (Шайбле) заявление ничего не меняет ни в ложных показаниях, посланных Блиндом в «Allgemeine Zeitung», ни в *conspiracy* [тайном сговоре] Блinda с Холлингером с целью выманить подпись Вие для *сфабрикования фальшивого документа*.

Блинд чувствовал, что он находится теперь не на надежной почве «Allgemeine Zeitung», а перед серьезным английским судом. Если он хотел ослабить силу *affidavit* и основанных на них «грубых оскорблений» моего циркуляра, то он и Холлингер должны были противопоставить свои *контр-affidavit*, но с *уголовщиной* не шутят.

Эйзеле-Блинд не автор памфлета, так как Бейзеле-Шайбле публично объявил себя автором его¹. Блинд только *написал* рукопись памфлета, только *отдал ее в печать* Холлингеру, только *собственноручно держал корректуру* пробного листа, только *сфабриковал* вместе с Холлингером *ложные показания* для опровержения этих фактов и отправил их в «Allgemeine Zeitung». Но он все-таки непризнанная невинность; он не *автор и не инициатор* памфлета. Он действовал только в качестве *писца Бейзеле-Шайбле*. Именно поэтому он и 4 июля 1859 г. не знал, «кто» выпустил в свет памфlet, а 8 сентября 1859 г. «не имел никакого отношения к упомянутому делу». Итак, успокоим его: *Бейзеле-Шайбле — автор* памфleta в литературном смысле, но *Эйзеле-Блинд — автор* его в техническом смысле английского законодательства и *ответственный издатель* в смысле законодательства всякого цивилизованного народа. *Habeat sibi!* [Пусть и отвечает!]

На прощание несколько слов д-ру Бейзеле-Шайбле.

Опубликованный *Foegtom* в бильском «Handelscourier» под датой: Берн, 25 мая 1859 г., пасквиль против меня был озаглавлен: «*Предостережение*». Составленный в начале июня 1859 г. *Шайбле* и переписанный и изданный его секретарем *Блиндом* памфlet, в котором — с указа-

¹ Эйзеле и Бейзеле — комические фигуры из основанного в 1844 г. немецкого сатирического журнала «*Fliegende Blätter*». Молодой барон Бейзеле в сопровождении своего гофмейстера д-ра Эйзеле предпринимает путешествие по Германии с целью разыскать и показать публике все комическое, редкостное и глупое. Ред.

пием вполне определенных деталей — Фогт обвиняется как «подкупавший» и «подкупленный» агент Луи Бонапарта, также озаглавлен: «Предостережение». Он подписан буквой X. Хотя в алгебре X означает неизвестную величину, это случайно и последняя буква моей фамилии. Не имели ли, быть может, заглавие и подпись памфлета Шайбле своей целью создать впечатление, что «Предостережение» представляет мой ответ на фогтовское «Предостережение»? Шайбле обещал разоблачение № 2, если Фогт осмелится отрицать разоблачение № 1. Фогт не только отрицал, но и начал дело о клевете в ответ на «Предостережение» Шайбле. А № 2 Шайбле и до сих пор еще не появился. Шайбле снабдил заглавный лист своего памфлета приглашением: «Просят распространять». А когда Либкнехт, удовлетворяя эту «просьбу», попытался «распространить» памфлет через посредство «Allgemeine Zeitung», то «непредвиденные обстоятельства» зажимали Шайбле рот от июня 1859 г. до февраля 1860 г., и только affidavit в полицейском управлении Bow Street развязали ему язык.

Как бы то ни было, Шайбле, первоначальный обвинитель Фогта, взял теперь публично на себя ответственность за приведенные в памфлете факты. Поэтому аугсбургская кампания кончается не победой защитников Фогта, а появлением, наконец, на арене борьбы атакующего Шайбле.

VIII. ДА-ДА ФОГТ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ (*Studien*)

«*Sine Studio*»¹

Приблизительно за месяц до начала итальянской войны появились фогтовские так называемые «*Studien zur gegenwärtigen Lage Europas*» [«Исследования о современном положении Европы»]. Женева, 1859 г. *Cui bono?* [В чьих интересах?]

Фогт знал, что «Англия в предстоящей войне останется нейтральной» («Исследования», стр. 5). Он знал, что Россия, «в согласии с Францией, примет все меры, чтобы вредить Австрии, не переходя за пределы открытой враждебности» («Исследования», стр. 13). Он знал, что Пруссия — но пусть он сам скажет, что он знает про Пруссию. «Самые близорукие люди должны теперь понять, что существует соглашение между прусским правительством и императорским правительством Франции; что Пруссия не обнажит меча для защиты вненемецких областей Австрии; что она согласится на все мероприятия, необходимые для защиты территории Союза, но во всем прочем будет препятствовать Союзу или отдельным его членам принять какое-либо участие на стороне Австрии, — чтобы затем, во время мирных переговоров, получить за эти старания свое вознаграждение в северно-германской низменности» (там же, стр. 19).

Итак, *facit* [итог]: В предстоящем крестовом походе Бонапарта против Австрии Англия останется нейтраль-

¹ *Sine Studio* означает: «без пристрастия»; в противовес фогтовским «*Studien*» подчеркивает их пристрастие, — игра слов. Ред.

ной, Россия будет действовать враждебно против Австрии, Пруссия будет сдерживать задорных членов Союза, и Европа постарается локализовать войну. Луи Бонапарт будет вести теперь итальянскую войну, как прежде русскую кампанию, с верховного соизволения, в качестве тайного, так сказать, генерала европейской коалиции. К чему же тогда фогтовский памфлет? Раз Фогт знает, что Англия, Россия и Пруссия будут действовать против Австрии, то что заставляет его писать *в пользу Бонапарта?* Но, повидимому, помимо старого французоедства с «впавшим в детство отцом Арндтом и тенью ничтожного Яна во главе» (там же, стр. 121), «немецкий народ» был охвачен своего рода национальным движением, которое эхом откликнулось в разных «палатах и газетах», «меж тем как правительства только медленно и не без сопротивления включались в господствующее течение» (там же, стр. 114). Повидимому, «уверенность в грозящей опасности» исторгла у немецкого «народа» «клич к совместным мероприятиям» (там же). Французский *«Moniteur»* (см., между прочим, номер от 15 марта 1859 г.) смотрел на это немецкое движение с «изумлением и огорчением».

«В палатах и в печати некоторых государств немецкого Союза проповедуется, — восклицает он, — нечто вроде крестового похода против Франции. Ее обвиняют в честолюбивых планах, которые она отвергла, в подготовке к завоеваниям, в которых она не нуждается» и т. д. В ответ на эти «клеветнические обвинения» *«Moniteur»* показывает, что выступление «императора» в итальянском вопросе должно, «наоборот, внушить немецкой нации самую глубокую уверенность» в том, что немецкое единство и национальность — в известной мере заветная мысль декабристской Франции и т. д. Однако *«Moniteur»* сознается (см. 10 апреля 1859 г.), что известные немецкие опасения, повидимому, могли быть «произошлины» некоторыми парижскими памфлетами, в которых Луи Бонапарт предъявляет к самому себе требование предоставить своему народу «долгожданный случай» *«pour s'étendre majestueusement des Alpes au Rhin»* [«величественно раскинуться от Альп до Рейна»]. «Но, — говорит *«Moniteur»*, — Германия забывает, что Франция находится под эгидой законодательства, не раз-

решающего никакого предварительного контроля по отношению к правительству». Однако эти и подобные заявления «Moniteur», как было доложено графу Мальсбери [Malmesbury] (см. Blue Book: On the Affairs of Italy. January to March 1859) [Синяя книга, Итальянские дела, январь — март 1859 г.], вызвали действие, как раз противоположное тому, которое имелось в виду. Но того, чего не добился «Moniteur», добился, может быть, *Карл Фогт*. Его «Исследования» — не что иное, как переведенная на немецкий язык компиляция статей «Moniteur», памфлетов, изданных Дантю, и декабристских карт будущего.

* * *

Болтовня *Фогта* насчет Англии представляет лишь тот интерес, что наглядно обнаруживает характер его «Исследований». В согласии со своими французскими оригинальными источниками он превращает английского адмирала сэра Чарлза Нэшира в «lorda» Нэпира («Исследования», стр. 4). Литературные зуавы декабризма знают из театра Porte St. Martin, что каждый знатный англичанин по меньшей мере лорд.

«С Австрией, — рассказывает *Фогт*, — Англия никогда не могла быть более или менее продолжительное время в ладу. Если минутная общность интересов на некоторое время и связывала их, то непосредственно за этим политическая необходимость всегда вновь разделяла. С Пруссией же, наоборот, Англия постоянно вступала в очень тесную связь» и т. д. (там же, стр. 2).

На самом деле! Совместная борьба Англии и Австрии против Людовика XIV продолжается, с незначительными перерывами, от 1689 до 1713 г., т. е. почти четверть столетия. В войне за австрийское наследство Англия борется почти шесть лет вместе с Австрией против Пруссии и Франции. Лишь в семилетней войне Англия вступает в союз с Пруссией против Австрии и Франции, но уже в 1760 г. лорд Бьют изменяет Фридриху Великому, предлагая сначала русскому министру Голицыну, а затем австрийскому министру Кауницу произвести «раздел Пруссии». В 1790 г. Англия заключает с Пруссией союз против России и Австрии, но он распадается в том же году. Во время антиякобинской войны Пруссия, несмо-

тря на субсидии Питта, заключает Базельский договор и выходит из европейской коалиции. Наоборот, Австрия, подстрекаемая Англией, с небольшими перерывами продолжает борьбу от 1793 до 1809 г. Едва был устранен Наполеон, как Англия, еще во время Венского конгресса, заключает тотчас же с Австрией и Францией тайный договор (9 февраля 1815 г.) против России и Пруссии. В 1821 г. Меттерних и Кастильи заключили в Ганновере новое соглашение против России. Поэтому, в то время как сами британцы — историки и парламентские ораторы — говорят об Австрии преимущественно как об «ancient ally» [«старом союзнике»], Фогт открывает в своих вышедших у Данту французских оригиналных памфлетах, что Австрия и Англия, если не считать «минутной общности», всегда расходились, Англия же и Пруссия, напротив, всегда объединялись, поэтому-то лорд Линдхорст во время Крымской кампании и воскликнул в палате лордов по адресу Пруссии: «Quem tu, Romane, caveto!» [«Берегись ее, Римлянин!»]. Протестантская Англия питает антипатии к католической Австрии, либеральная Англия — к консервативной Австрии, фритредерская Англия — к протекционистской Австрии, платежеспособная Англия — к обанкротившейся Австрии. Но патетический элемент всегда оставался чуждым английской истории. Лорд Пальмерстон во время своего 30-летнего управления Англией всегда при случае прикрашивал свое вассальное положение по отношению к России проявлением антипатий по отношению к Австрии. Из «антипатии» к Австрии он в 1848 г. отказался, например, от предложенного Австрией и одобренного Францией и Пьемонтом посредничества Англии в итальянских делах на условиях, согласно которым Австрия отходила до линии Эча и Вероны, Ломбардия, если бы она этого захотела, присоединилась бы к Пьемонту, Парма и Модена достались бы Ломбардии, а Венеция образовала бы, под управлением австрийского эрцгерцога, независимое итальянское государство со своей собственной конституцией (см. Blue Book: On the Affairs on Italy. Part II. July 1849, № 377, 478 [Синяя книга по итальянским делам, часть II, июль 1849 г., № 377, 478]). Условия эти, во всяком случае, были благоприятнее условий Виллафранкского мира. После того

как Радецкий наголову разбил итальянцев, Пальмерстон сам предложил отвергнутые им ранее условия. Когда же интересы России потребовали противоположного поведения во время венгерской войны за независимость, Пальмерстон, несмотря на свою «анттипацию» к Австрии, отказал венгерцам в помощи, о которой они просили его, опираясь на договор 1811 г.; он отказался даже от всякого протеста против русской интервенции, потому что «политическая независимость и свобода Европы связаны с сохранением и целостью Австрии как европейской великой державы» (Заседание Палаты общин, 21 июля 1849 г.).

Фогт далее рассказывает:

«Интересы Соединенного королевства... повсюду *враждебно* противостоят им (интересам Австрии)» (там же, стр. 2).

Это «повсюду» немедленно превращается в Средиземное море.

«Англия хочет во что бы то ни стало утвердить свое влияние в Средиземном море и в его прибрежных странах. Неаполь и Сицилия, Мальта и Ионические острова, Сирия и Египет — опорные пункты политики, направленной в сторону *Ост-Индии*; повсюду в этих пунктах Австрия ставила ей *сильнейшие* препятствия» (там же).

Чему только не верит Фогт в изданных у Данту в Париже декабристских оригинальных памфлетах! Англичане до сих пор воображали, что они боролись за Мальту и Ионические острова то с русскими, то с французами, но с австрийцами никогда. Франция, а не Австрия, отправляла в свое время экспедицию в Египет и в настоящее время укрепляется на Суэцком перешейке; Франция, а не Австрия, сделала завоевания на северном берегу Африки и, в союзе с Испанией, пыталась отобрать у бриттов Гибралтар; июльский договор 1840 г., касавшийся Египта и Сирии, Англия заключила против Франции, но с Австрией; в «направленной в сторону *Ост-Индии* политике» Англия натыкается повсюду на «сильнейшие препятствия» со стороны России, а не Австрии; в единственном серьезном спорном вопросе между Англией и Неаполем, в вопросе о сере в 1840 г., монополия *французского*, а не австрийского общества на торговлю сицилийской серой послужила поводом для трений; наконец,

по ту сторону канала говорят при случае о превращении Средиземного моря в «*lac français*» [«французскоезеро»], но никогда не говорят о превращении его в «*lac autrichien*» [«австрийское озеро»]. Но здесь нужно принять во внимание важное обстоятельство.

В 1858 г. в Лондоне появилась карта Европы под названием «*l'Europe en 1860*» [«Европа в 1860 г.»]. Карта эта, изданная французским посольством и содержавшая некоторые для 1858 г. пророческие указания (например, Ломбардо-Венеция присоединена к Пьемонту, а Марокко — к Испании), по-новому изображает политическую географию всей Европы, за единственным исключением Франции, видимо остающейся в своих старых границах. Территории, предназначавшиеся для нее, раздаются со скрытой иронией невероятным владельцам. Так, например, Египет достается Австрии, а в примечаниях на полях карты указывается: «*François-Joseph I, l'Empereur d'Autriche et d'Egypte*» [«Франц-Иосиф I, император австрийский и египетский»].

У Фогта перед глазами, в качестве декабристского компаса, лежала карта «*L'Europe en 1860*». Отсюда его конфликт между Англией и Австрией из-за Египта и Сирии. Фогт пророчествует, что этот конфликт «закончился бы уничтожением одной из враждующих держав», если бы, как он еще во-время спохватывается, «если бы Австрия обладала военным флотом» (там же, стр. 2). Но кульминационного пункта своей своеобразной исторической учености «Исследования» достигают в следующем месте:

«Когда Наполеон I в свое время пытался вызвать банкротство Английского банка, последний в течение одного дня вышел из затруднения тем, что стал отсчитывать деньги, а не взвешивать их, как до того делал обычно; австрийская государственная касса 365 дней в году находится в подобном, даже еще в гораздо худшем, положении» (там же, стр. 43).

Как известно, Банк Англии («Английский банк» — это тоже фогтовский фантом) приостановил платежи наличными деньгами с февраля 1797 г. до 1821 г.; за все эти 24 года английские банкноты вообще не подлежали размену на металлические деньги, будь то на вес или на счет. Когда размен на металлические деньги был прекращен, во Франции никакого Наполеона I еще не было

(хотя генерал Бонапарт проводил тогда свою первую итальянскую кампанию); а когда на Threadneedle Street возобновился размен банкнот, то Наполеона уже не было в Европе. Такого рода «Исследования» побивают даже *ля-герроньевское* завоевание Тироля «императором» Австрии.

* * *

Госпожа Крюденер, мать Священного союза, проводила различие между добрым началом, «белым ангелом Севера» (Александром I), и злым началом, «черным ангелом Юга» (Наполеоном I). Фогт, нареченный отец нового Священного союза, превращает обоих — царя и цезаря — Александра II и Наполеона III — в «белых ангелов». Оба — предназначенные судьбой освободители Европы.

Пьемонт, говорит Фогт, «заслужил да же уважение России» (там же, стр. 11).

Даже заслужил уважение России. Что же больше можно сказать о государстве? Особенно после того, как Пьемонт уступил России военную гавань Виллафранка и как тот же Фогт предостерегал по поводу покупки Пруссией залива Яде: «Военная гавань в чужой стране, без органической связи с владеющим государством, это такая смешная нелепость, что она приобретает смысл лишь в том случае, если в ней видят целевой пункт дальнейших устремлений, поднятый флагок, по которому визируется направляющая линия» («Исследования», стр. 15). Как известно, уже Екатерина II старалась приобрести для России военные гавани в Средиземном море.

Нежная предупредительность к «белому ангелу» Севера приводит Фогта к чрезмерно грубому нарушению «природной скромности», поскольку она еще имеется в его первоисточниках от Дантю. В «La vraie question, France — Italie — Autriche», Paris 1859 [«Сущность вопроса, Франция — Италия — Австрия», Париж 1859] (у Дантю) он прочел на стр. 20:

«Впрочем, на каком основании австрийское правительство станет ссылаться на ненарушенность договоров 1815 г., когда оно само нарушило их захватом Кракова,

независимость которого была гарантирована этими договорами?» *

Фогт переводит свой французский оригинал на немецкий язык следующим образом:

«Странно слышать подобные речи из уст единственного правительства, которое до сих пор нагло нарушило договоры; в мирное время, без всякого повода, оно простило свои кощунственные руки к гарантированной договорами Краковской республике и без долгих пресловочек включило ее в состав империи» (там же, стр. 58).

Разумеется, Николай уничтожил конституцию и независимость королевства Польского, гарантированные договорами 1815 г., из «уважения» к договорам 1815 г. Не меньшее уважение к неприкосновенности Кракова проявила Россия, заняв в 1831 г. этот вольный город московскими войсками. В 1836 г. Краков был снова занят русскими, австрийцами и пруссаками; с ним обошлись как с завоеванной страной, и еще в 1840 г. он, ссылаясь на договоры 1815 г., тщетно апеллировал к Англии и Франции. Наконец, 22 февраля 1846 г. русские, австрийцы и пруссаки снова заняли Краков, чтобы присоединить его к Австрии. Нарушение договоров было совершено тремя северными державами, и австрийский захват 1846 г. был только заключительным словом русского вторжения 1831 года. Из деликатности к «белому ангелу Севера» Фогт забывает о захвате Польши и извращает историю захвата Кракова **.

То обстоятельство, что Россия «неизменно враждебна Австрии и симпатизирует Франции», не оставляет у Фогта никаких сомнений насчет народно-освободительных тенденций Луи Бонапарта, равно как и то обстоятельство, что «его» (Луи Бонапарта) «политика в настоящее время теснейшим образом связана с политикой России» (стр. 30), не оставляет у него никаких сомнений.

* «De quel droit d'ailleurs, le gouvernement autrichien viendrait-il invoquer l'inviolabilité de ceux (traités) de 1815, lui qui les a violés en confisquant Cracovie, dont ces traités garantissaient l'indépendance?»

** Пальмерстон, одурачивший Европу своим смехотворным протестом, с 1831 г. принимал деятельнейшее участие в интриге против Кракова. (См. мой памфлет «Palmerston and Poland, London 1853» [Пальмерстон и Польша, Лондон 1853 г.].)

ший насчет освободительных тенденций Александра II.

Поэтому на святую Русь на Востоке следует смотреть, как на такого же «друга освободительных стремлений» и «народного и национального развития», как на демокристскую Францию на Западе. Этот лозунг был дан всем агентам переворота, 2 декабря. «Россия, — читал Фогт в вышедшей у Дантю книге «La Foi des Traités, les Puissances Signataires et l'Empereur Napoléon III», Paris 1859 [«Обязательность договоров, державы, их подписавшие, и император Наполеон III», Париж 1859], — «Россия принадлежит к семье славян, одной из избранных рас... Удивлялись рыцарскому согласию, внезапно возникшему между Францией и Россией. Нет ничего естественнее: единство принципов, согласованность цели, подчинение закону Священного союза правительства и народов не для того, чтобы действовать обманом и принуждением, а для того, чтобы направлять движение наций по божественному пути. От искреннейшей сердечности (между Луи-Филиппом и Англией была только entente cordiale [сердечное согласие], но между Луи Бонапартом и Россией царит la cordialité la plus parfaite [самая искренняя сердечность]) получились благотворнейшие результаты: железные дороги, освобождение крепостных, торговые станции в Средиземном море» и т. д.*.

Фогт подхватывает «освобождение крепостных» и намекает, что «данный теперь толчок... должен превратить Россию скорее в друга, чем во врага освободительных стремлений» (там же, стр. 10).

У него, как и у его источника от Дантю, толчок для так называемого освобождения крепостных исходит от Луи Бонапарта; с этой целью он превращает послужившую таким толчком англо-турецко-франко-русскую войну во «французскую войну» (там же, стр. 10).

* La Russie est de la famille des Slaves, race d'élite... On s'est étonné de l'accord chevaleresque survenu soudainement entre la France et la Russie. Rien de plus naturel: accord des principes, unanimité du but... soumission à la loi de l'alliance sainte des gouvernements et des peuples, non pour leurrer et contraindre, mais pour guider et aider la marche divine des nations. De la cordialité la plus parfaite sont sorties les plus heureux effets: chemins de fer, affranchissement des serfs, stations commerciales dans la Méditerranée» etc. (p. 33).

Как известно, призыв к освобождению крепостных впервые громко и настойчиво прозвучал при Александре I. Царь Николай всю свою жизнь занимался вопросом об освобождении крепостных; с этой целью он в 1838 г. учредил министерство государственных имуществ, в 1843 г. предписал ему предпринять подготовительные шаги, а в 1847 г. издал даже благоприятные для крестьян законы об отчуждении дворянских земель, и только в 1848 г. страх перед революцией заставил его снова отменить их. Поэтому, если вопрос об освобождении крепостных при «благожелательном царе», как Фогт любезно называет Александра II, очень сильно продвинулся вперед, то ясно, что он этим обязан экономическому развитию, над которым даже царь не властен. Кроме того, освобождение крепостных, по проектам русского правительства, в сотни раз увеличило бы агрессивность России. Освобождение имеет целью завершение самодержавия уничтожением преград, которые до сих пор перед большим самодержцем стояли в лице многочисленных, опиравшихся на крепостничество малых самодержцев из русского дворянства и в лице самоуправляющихся крестьянских общин, материальная основа которых, общая собственность на землю, должна быть уничтожена так называемым освобождением.

Однако русские крепостные понимают освобождение иначе, чем правительство, а русское дворянство также по-иному. Поэтому «благожелательный царь» открыл, что подлинное освобождение крепостных несовместимо с его самодержавием, подобно тому как благодателейный папа Пий IX открыл в свое время, что освобождение Италии несовместимо с условиями существования папства. «Благожелательный царь» видит в завоевательной войне и в проведении традиционной внешней политики России, которая, по замечанию русского историка Карамзина, «неизменна», единственное средство отсрочить наступление революции внутри. Князь Долгоруков в своей книге *«La vérité sur la Russie»* [«Правда о России», 1860 г.] критически разобрал и уничтожил усердно распространявшиеся наемными русскими перьями с 1856 г. по всей Европе, громко провозглашенные в 1859 г. героями декабря и благоговейно повторенные Фогтом в его

«Исследованиях» лживые рассказы о наступившем при Александре II тысячелетнем царстве.

Еще до начала итальянской войны союз, заключенный — согласно *Fogtu*, только в целях освобождения народностей — между «белым царем» и «рыцарем декабря», осуществил свою миссию в Дунайских княжествах, где единство и независимость румынской национальности были закреплены избранием полковника Кузы в господари Молдавии и Валахии. «Австрия протестует руками и ногами, Франция и Россия выражают одобрение» (там же, стр. 65).

В докладной записке (перепечатана в «Preussisches Wochenblatt», 1855 г.), составленной в 1837 г. русским кабинетом для теперешнего царя, читаем: «Россия не любит немедленно присоединять к себе государства с чужеродными элементами... Во всяком случае, представляется более удобным государства, которые решено приобрести, оставлять на некоторое время под управлением особых, но совершенно зависимых правителей, как мы это сделали в Молдавии и Валахии и т. д.». Прежде чем Россия присоединила Крым, она провозгласила его *независимость*.

В русском манифесте от 11 декабря 1814 г. мы читаем, между прочим, следующее: «Император Александр, ваш защитник, обращается к вам, поляки. Вооружитесь сами для защиты своего отечества и для сохранения своей политической независимости».

А Дунайские княжества! Со времени вступления армии Петра Великого в Дунайские княжества Россия заботилась о их «независимости». На конгрессе (1737 г.) в Немирове императрица Анна потребовала от султана независимости Дунайских княжеств под русским протекторатом. Екатерина II на Фокшанском конгрессе (1772 г.) настаивала на независимости княжеств *под европейским протекторатом*. Эти домогательства продолжались и при Александре I, который реализовал их, превратив Бессарабию в русскую провинцию (Бухарестский мир в 1812 г.). Николай даже осчастливили румын через Киселева действующим еще поныне *Réglement Organique* [«Органическим статутом»], установившим отвратительнейшее крепостничество при ликвидации всей Европы по поводу этого «кодекса свободы». Александр II

только на шаг продвинул полуторавековую политику своих предшественников quasi-объединением Дунайских княжеств под управлением Кузы. Фогт же открыл, что, благодаря этому объединению под главенством русского вассала, «княжества станут оплотом против движения России на юг» (там же, стр. 64).

Так как Россия приветствовала избрание Кузы, то ясно, как день, что благожелательный царь не пожалел сил, чтобы закрыть себе «путь на Юг», хотя «Константинополь остается всегдашней целью русской политики» (там же, стр. 91).

Мысль выставить Россию защитницей либерализма и национальных стремлений не нова. Целая толпа французских и немецких просветителей прославляла Екатерину II как знаменосца прогресса. «Благородный» Александр I (*Le grec du Bas Empire* [византийский журналист], как неблагородно называл его Наполеон) разыгрывал в свое время роль героя либерализма во всей Европе. Разве он не осчастливили Финляндию благами русской цивилизации? Разве он не наделил, в своем великолушини, Францию, наряду с конституцией и русским премьер-министром, герцогом Ришелье? Разве не был он тайным вождем «Гетерии»¹, хотя одновременно с этим на Веронском конгрессе, через предсажного Шатобриана, заставил Людовика XVIII выступить в поход против испанских мятежников? Разве он не втравил Фердинанда VII, через его духовника, в экспедицию против восставших испано-американских колоний, пообещав в то же время президенту Северо-Американских Соединенных Штатов свою поддержку против всякой интервенции европейских держав на американском материке? Разве он не послал в Валахию Ипсиланти в качестве «вождя священной дружины эллинов» и через того же Ипсиланти не предал эту дружину и коварно не убил Владимиреско, вождя валахских мятежников? Николая также прославляли до 1830 г. на всех языках, в стихах и прозе, в качестве героя-освободителя национальностей. Когда он в 1828—1829 гг. начал войну против Махмуда II для освобождения греков — как раз после того,

¹ Тайное греческое общество для борьбы против турецкого господства в Греции. Ред.

как Махмуд отказался пропустить русскую армию для подавления греческого восстания, — Пальмерston заявил в английском парламенте, что враги России-освободительницы — неизбежные «друзья» величайших всемирных чудовищ, Дон Мигеля, Австрии и султана. Разве Николай, в своей отеческой заботливости о греках, не дал им в президенты русского генерала, графа Калодистрию? Но греки не были французами и убили благородного Калодистрию. Хотя Николай, со временем взрыва июльской революции 1830 г., играл главным образом роль покровителя легитимистов, но он ни на минуту не переставал оказывать содействие «освобождению национальностей». Достаточно нескольких примеров. Конституционной революцией в Греции в сентябре 1843 г. руководил Катакази, русский посланник в Афинах, прежде ответственный главный инспектор над адмиралом Гейденом во время наваринской катастрофы. Центром болгарского восстания 1848 г. было русское консульство в Бухаресте. Там русский генерал Дюгамель принял весной 1842 г. болгарскую депутатию, которой изложил план всеобщего восстания. Сербия должна была служить резервом восстания, а генерал Киселев стать господарем Валахии. Во время сербского восстания (1843 г.) Россия через посольство в Константино-поле побуждала Турцию к насильственным мероприятиям против сербов, чтобы потом под этим предлогом апеллировать к симпатиям и фанатизму Европы против турок. Отнюдь не была исключена также и Италия из освободительных планов. «La jeune Italie», бывшая некоторое время парижским органом мадзинистов, рассказывает в одном из ноябрьских номеров 1843 г.: «Недавние беспорядки в Романье и движение в Греции были в большей или меньшей степени связаны между собой... Итальянское движение потерпело неудачу, потому что подлинно демократическая партия отказалась примкнуть к нему. Республиканцы не хотели поддерживать движение, созданное Россией. Все было подготовлено для всеобщего восстания в Италии. Движение должно было начаться в Неаполе, где ожидали, что часть армии встанет во главе его или же непосредственно присоединится к патриотам. Вслед за начавшейся в Неаполе революцией должны были подняться

Ломбардия, Пьемонт и Романья; должно было быть основано итальянское государство под управлением герцога Лейхтенбергского, сына Евгения Богарне и зятя царя. «Молодая Италия» *расстроила этот план*. «Times» от 20 ноября 1843 г. замечает по поводу этого сообщения «Jeune Italie»: «Если бы эта великая цель — основание итальянского государства с русским принцем во главе — могла быть осуществлена, тем лучше; но любой взрыв в Италии должен был дать другие, более непосредственные, хотя и не столь крупные, выгоды, вызывая тревогу у Австрии и отвлекая ее внимание от грозных (fearful) планов России на Дунае».

После безуспешного обращения в 1843 г. к «Молодой Италии» Николай в марте 1844 г. послал Бутенева в Рим. Бутенев предложил папе от имени царя уступить Австрии русскую Польшу в обмен на Ломбардию, которая должна была образовать северно-итальянское королевство с герцогом Лейхтенбергским во главе. «Tablet» от апреля 1844 г., бывший тогда английским органом при римской курии, замечает по поводу этого предложения: «Приманка для римского двора в этом прекрасном плане заключалась в том, что Польша попадала в католические руки, в то время как Ломбардия попрежнему оставалась под управлением католической династии. Но ветераны римской дипломатии понимали, что в то время, когда Австрия с трудом может сохранять свои собственные владения и, по всем вероятиям, рано или поздно должна будет уступить свои славянские провинции, передача Польши Австрии — если бы даже это предлагалось серьезно — была бы только ссудой, подлежащей последующему возврату, между тем как Северная Италия с герцогом Лейхтенбергским действительно подпадала бы под протекторат России, а вскоре неизбежно и под русское владычество. И горячо рекомендованный план был пока отложен».

Так писал «Tablet» в 1844 году.

Единственный момент, оправдывавший государственное существование Австрии с середины XVIII столетия, ее противодействие успехам России в восточной Европе — противодействие беспомощное, непоследовательное, трусливое, но упорное — дает повод *Fogту* сделать открытие, что «Австрия — очаг всяких раздоров на

Бостоке» (там же, стр. 561). С «какой-то детской наивностью», которая так мило идет к его жирной наружности, он объясняет союз России с Францией против Австрии — помимо освободительных тенденций «благожелательного царя» — *неблагодарностью* Австрии, получившей во время венгерской революции услуги от Николая. «Даже во время Крымской войны Австрия дошла до последней границы вооруженного, враждебного нейтралитета. Само собой разумеется, что это поведение, к тому же отмеченное печатью *фальши и коварства*, должно было страшно озлобить русское правительство против Австрии итолкнуть его в сторону Франции» (там же, стр. 10, 11). Россия, по *Фогту*, ведет сентиментальную политику. *Благодарность*, выказанная Австрией царю за счет Германии во время Варшавского конгресса 1850 г. и в походе против Шлезвиг-Гольштинии, еще не удовлетворяет благодарного *Фогта*.

Русский дипломат *Поццо ди Борго* в своей знаменитой депеше из Парижа в декабре 1825 г., перечислив интриги Австрии против русских планов интервенции на Востоке, говорит: «Поэтому наша политика повелевает нам в грозном виде предстать перед этим государством (Австрией) и своими приготовлениями показать ему, что если оно осмелится сделать какое-нибудь движение против нас, то над его головой разразится самая страшная буря, которую оно когда-либо переживало». Пригрозив Австрии войной извне и революцией изнутри и предложив в качестве возможного мирного исхода захват выгодных провинций Турции, а Пруссии изобразив просто в виде подчиненного союзника России, *Поццо* продолжает: «Если бы венский кабинет признал наши благие цели и намерения, то давно был бы выполнен план императорского кабинета, — план, имеющий в виду не только завладение Дунайскими княжествами и Константинополем, но и изгнание турок из Европы». Как известно, в 1830 г. между Николаем и Карлом X был заключен тайный договор на следующих условиях: Франция разрешает России завладеть Константинополем и в качестве компенсации получает рейнские провинции и Бельгию; Пруссия вознаграждается Ганновером и Саксонией; Австрия получает часть турецких владений на Дунае. Тот же план, по инициативе Рос-

ции, был при Луи-Филиппе снова предложен Моле петербургскому кабинету. Вскоре после этого Бруннов отправился с этим документом в Лондон, где он был показан английскому правительству как доказательство предательства Франции и был использован для образования антифранцузской коалиции 1840 года.

Посмотрим теперь, как должна была Россия, в согласии с Францией, использовать итальянскую войну, по мысли инспирированного парижскими первоисточниками Фогта. «Национальный» состав России, в частности «польская национальность», казалось, должны были представить некоторые затруднения человеку, «путеводной звездой» которого служит «принцип национальности», однако: «принцип национальности мы ставим высоко, но еще выше для нас принцип свободного самоопределения» (там же, стр. 12).

Захватив по договорам 1815 г. очень большую часть Польши, Россия настолько продвинулась на запад, вклинившись не только между Австрией и Пруссией, но и между восточной Пруссией и Силезией, что уже тогда прусские офицеры (например, Гнейзенау) указывали на недопустимость подобных пограничных отношений с чрезвычайно могущественным соседом. Но только тогда, когда усмирение поляков в 1831 г. отдало эту область всецело в распоряжение русских, обнаружилось настоящее значение этого клина. Необходимость держать в покорности Польшу служила только предлогом для возведения мощных укреплений у Варшавы, Модлина, Ивангорода. Действительной их целью было полное стратегическое господство над областью Вислы, создание базы для наступления на север, юг и запад. Даже Гакстаузен, при всех своих симпатиях к православному царю и всему русскому, увидел здесь вполне реальную опасность и угрозу для Германии. Укрепленная позиция русских на Висле представляет большую угрозу для Германии, чем все французские крепости, вместе взятые, особенно с того момента, когда прекратится национальное сопротивление Польши и Россия сумеет распоряжаться военной силой Польши как своей собственной агрессивной силой. Фогт поэтому успокаивает Германию тем, что Польша — русская по свободному самоопределению.

«Несомненно, — говорит он, — несомненно в результате напряженных усилий русской народной партии пропасть, зиявшая между Польшей и Россией, стала значительно меньше, и, может быть, достаточно небольшого толчка, чтобы совсем засыпать ее» (там же, стр. 12). Этот небольшой толчок должна была дать итальянская война. (Но во время этой войны Александр II убедился, что Польша еще не стоит на высоте Фогта.) Растворившаяся на основе «свободного самоопределения» в России Польша в качестве центрального тела притянет по закону тяготения томящиеся под чужеземным господством отторгнутые части бывшего польского государства. Чтобы этот процесс притяжения совершился легче, Фогт советует Пруссии воспользоваться удобным моментом и избавиться от «славянского придатка» (там же, стр. 17), т. е. от Познани (стр. 97) и, вероятно, также и от Западной Пруссии, так как только Восточную Пруссию считают «чисто немецкой землей». Отторгнутые от Пруссии части, разумеется, сейчас же сольются с поглощенным Россией центральным телом, а «чисто немецкая земля» — Восточная Пруссия — превратится в русское «enclave»¹. Что касается, с другой стороны, Галиции, которая на карте «L'Europe en 1860» [«Европа в 1860 г.»] также включена в Россию, то ведь отторжение ее от Австрии составляло непосредственную цель войны, преследовавшей освобождение Германии от негерманских владений Австрии. Фогт вспоминает, что «до 1848 г. в Галиции чаще встречался портрет русского царя, чем австрийского императора» (там же, стр. 12) и что «при необыкновенном искусстве России в ведении такого рода политики у Австрии могут быть серьезные основания к тревоге» (там же).

Но само собою разумеется, что для избавления от «внутреннего врага» Германия должна спокойно дозволить русским «продвинуть к границе войска» (стр. 13), которые поддержали бы эту политику. В то время как Пруссия сама отделяет свои польские провинции, Россия, воспользовавшись итальянской войной, должна отторгнуть от Австрии Галицию, как уже в 1809 г. Александр I получил часть ее в качестве платы только за свою теа-

¹ Enclave — область, окруженная чужими владениями. Гед.

тральной поддержку Наполеона I. Известно, что Россия отчасти от Наполеона I, отчасти от Венского конгресса с успехом добилась части польских земель, первоначально доставшихся Пруссии и Австрии. В 1859 г. наступили, по мнению Фогта, момент объединить всю Польшу с Россией. Вместо освобождения польской народности от русских, австрийцев и пруссаков Фогт требует растворения и уничтожения всего прежнего польского государства в недрах России. *Finis Poloniae!* [Конец Польши!]. Эта «русская» идея о «восстановлении Польши», циркулировавшая после смерти царя Николая по всей Европе, была разоблачена уже в марте 1855 г. Давидом Уркартом в памфлете «The new hope of Poland» [«Новая надежда Польши»].

Но Фогт еще недостаточно старался для России.

«Необычайная предупредительность, — рассказывает этот любезный собеседник, — чуть ли не братское обхождение русских с венгерскими революционерами слишком резко выделялось на фоне поведения австрийцев, чтобы не оказаться своего действия. Разгромив партию (*nota bene*: Россия, по Фогту, разгромила не Венгрию, а партию), но, обращаясь с ней мягко и вежливо, Россия создала почву для общественного мнения, которое можно примерно выразить так: из двух зол приходится выбирать меньшее, и в данном случае Россия не большее зло» (там же, стр. 12, 13).

С какой «необыкновенной предупредительностью, мягкостью и вежливостью», даже «братскими чувствами», плон-плоновский Фальстаф вводит русских в Венгрию, становясь «каналом» иллюзии, о которую разбилась венгерская революция 1849 года! Это была партия Гергел, которая распространяла тогда веру в русского князя как в будущего короля Венгрии и этой верой сломила силу сопротивления венгерской революции*.

* «Несчастьем венгров, — говорит польский полковник Лапинский, дравшийся против русских сперва, до сдачи Коморна, в венгерской революционной армии, а затем в Черкесии, — несчастьем венгров было то, что они не знали русских» (*Theophil Lapinski, Feldzug der ungarischen Hauptarmee im Jahr 1849. Hamburg. 1859, S. 216. [Т. Лапинский, Поход венгерской главной армии в 1849 г., Гамбург, 1859 г.]*). «Венский кабинет был всецело в руках русских... по их совету были убиты главари... всяческими способами

Не имея особенной опоры ни в одной национальности, Габсбурги до 1848 г., естественно, основывали свое господство над Венгрией на господствующей национальности — на мадьярах. Между прочим, Меттерних был вообще величайшим охранителем национальностей. Он пользовался одной национальностью во зло другой, но он ими для этой цели пользовался. Он их поэтому сохранял. Достаточно сравнить Познань и Галицию. После революции 1848—1849 гг. габсбургская династия, при помощи славян разбившая мадьяр и немцев, пытаясь, подражая Иосифу II, насильственно придать немецкому элементу господствующее значение в Венгрии. Из страха перед Россией Габсбурги не осмеливались броситься в объятия своим спасителям, славянам. Вся их государственная реакция в Венгрии была направлена больше против их спасителей, славян, чем против их побежденных врагов, мадьяр. В борьбе со своими собственными спасителями австрийская реакция, как это показал Семерэ в своем памфлете «Hungary 1848—1860», London [«Венгрия в 1848—1860 г.», Лондон], гнала славян обратно под мадьярские знамена. Австрийское господство над Венгрией и господство мадьяр в Венгрии совпадали между собой как до, так и *после* 1848 года. Совсем другое дело Россия, независимо от того, господствует ли она в Венгрии непосредственно или посредственно. Если считать все родственные ей по происхождению и по религии элементы, то Россия имеет за собой *немадьярское большинство населения*. Мадьярская раса уступает численно родственным России по происхождению славянам и родственным ей по религии валахам. Поэтому русское господство в Венгрии равносильно *гибели венгерской национальности*, т. е. исторически связанный с господством мадьяр в Венгрии*.

снискивая себе симпатии, русские руководили с таким расчетом *Австрией*, чтобы сделать ее более ненавистной, чем она когда-либо была» (там же, стр. 188, 189).

* Генерал Мориц Перцель, прославившийся в венгерской революционной войне, еще во время итальянской кампании отделился от группировавшихся вокруг Кошута в Турине венгерских офицеров, разъяснив в публичном заявлении мотивы своего ухода: с одной стороны, Кошут, ставший каким-то бонапартистским пугалом, а с другой — перспектива *русского будущего Венгрии*. В ответе (датированном Сент-Элье, 19 апреля 1860 г.) на-

Фогт предоставляет полякам в порядке «свободного самоопределения» раствориться в России, а венгерцам, в порядке подчинения русскому господству, погибнуть в славянстве*.

Но Фогт все еще мало постарался для России.

Среди «вненемецких провинций» Австрии, за которые немецкий Союз не «обнажит меча» против Франции и России, «стоящей всеми на стороне Франции», находились не только Галиция, Венгрия, Италия, но и Богемия с Моравией. «Россия, — говорит Фогт, — представляет тот опорный пункт, вокруг которого все более и более стремятся сосредоточиваться славянские народности» (там же, стр. 91). Богемия и Моравия принадле-

одно из моих писем, где я просил уточнить его заявления, он между прочим пишет: «Я никогда не стану помогать вырывать Венгрию из когтей двухглавого орла только для того, чтобы передать ее потом в смертоносные объятия северного медведя».

* Кошут никогда не заблуждался насчет правильности развитых выше соображений. Он знал, что Австрия может жестоко обращаться с Венгрией, но не способна уничтожить ее. «Император Иосиф II, — пишет он великому визирю Решид-паше из Кутайса 15 февраля 1851 г., — единственный гениальный человек из дома Габсбургов, истощил все исключительные ресурсы своего редкого ума и популярных тогда еще представлений о помощи его династии, чтобы германизировать Венгрию и растворить ее в объединенном государстве, но Венгрия вышла из борьбы с обновленными жизненными силами... В последнюю революцию Австрия поднялась из праха лишь для того, чтобы упасть на колени перед царем, своим господином, который никогда не оказывает помощи, а всегда эту помощь *продает*. И дорого Австрия должна была заплатить за эту помощь» (*«Correspondence of Kossuth»*, p. 23 [*Переписка Кошута*]>. В том же письме он, с другой стороны, пишет, что, только объединившись, Турция и Венгрия могут разрушить панславистские козни России. Он писал Давиду Уркарту из Кутайса 17 января 1851 г.: «*We must crush Russia, my dear Sir, and, headed by you, we will! I have not only the resolution of will, but also that of hope! and this is no vain word, my dear Sir, no sanguine fascination; it is the word of a man, who is wont duly to calculate every chance: of a man though very weak in faculties, not to be shaken in perseverance and resolution etc.*» (I. c., стр. 39). [*Мы должны сокрушить Россию, дорогой друг, и под Вашим руководством мы ее сокрушим. Я не только исполнен решимости, но и надежды, — и это не пустая фраза, дорогой друг, не фантазия сангвиника; это — слово человека, привыкшего тщательно взвешивать все шансы; человека, хотя и очень слабых способностей, но непоколебимого, выдержанного и решительного*» и т. д.].

жат к «славянским народностям». Подобно тому как Московия развернулась в Россию, так Россия должна развернуться в Панславонию. «Имея чехов под боком, мы не устоим ни перед каким врагом» (там же, стр. 134). Мы, т. е. Германия, должны стараться избавиться от чехов, т. е. Богемии и Моравии. «Никакой гарантии для вненемецких владений государей!» (там же, стр. 133). «*Никаких вненемецких провинций больше в Союзе*» (там же), а только немецкие провинции во Франции! Поэтому нужно «предоставить свободу действий не только теперешней французской империи, пока она не посягает на территорию Германского Союза» (стр. 9, предисловие), но и *России*, пока она посягает только на «*вненемецкие провинции в Союзе*». Россия будет содействовать развитию «единства» и «национальности» Германии, посылая войска в «славянские придатки» Австрии, составляющие объект ее «интриг». В то время как Австрия будет занята в Италии Луи Бонапартом, а Пруссия будет держать в ножнах союзный немецкий меч, «благожелательный царь» будет тайно поддерживать деньгами, оружием и амуницией революции в *Моравии и Богемии* (там же, стр. 11).

А с «чехами под боком мы ни перед каким врагом не устоим»!

Как великодушно со стороны «благожелательного царя», что он освобождает нас от Богемии и Моравии с их чехами, которые, разумеется, «в качестве славянских народностей, должны группироваться вокруг России».

Но посмотрим, как наш имперский Фогт, включая Богемию и Моравию в Россию, защищает немецкую восточную границу. Богемия становится русской! Но Богемия лежит посреди Германии, отделенная от русской Польши Силезией, а от русифицированной Фогтом Галиции и Венгрии — русифицированной Фогтом Моравией. Таким образом, Россия получает часть территории Германского Союза длиной в 50, а шириной в 25—35 немецких миль. Она продвинет свою западную границу на целых 65 немецких миль к западу. Но так как от Эгера до Лаутербурга в Эльзасе по прямой линии только 45 немецких миль, то французским клином, с одной стороны, а еще более русским клином Северная Германия была бы совершенно отрезана от Южной, и раздел Германии был

бы готов. Прямая дорога из Вены в Берлин — и даже из Мюнхена в Берлин — проходила бы через Россию. Дрезден, Нюрнберг, Регенсбург, Линц были бы нашими пограничными с Россией городами; наше положение на юге относительно славян было бы по меньшей мере таким, как до Карла Великого (в то время как на западе Фогт не позволяет нам отступить до Людовика XV), и мы могли бы вычеркнуть тысячу лет из нашей истории.

Для чего послужила Польша, еще больше может послужить Богемия. Достаточно превратить Прагу в укрепленный лагерь и взвести вспомогательные укрепления у впадения Молдавы и Эгера в Эльбу, — и русская армия в Богемии может спокойно ожидать уже порознь приближающиеся немецкие армии из Баварии, Австрии, Бранденбурга, чтобы более сильные встретить крепостями, а более слабые разбить поодиночке.

Посмотрим на лингвистическую карту центральной Европы — возьмем, например, славянский авторитет, slovansky zeměvid Шафарика. Здесь граница славянских языков тянется от поморанского побережья у Штолпна через Цастров к югу от Ходцины у Нетцы и затем идет к западу до Мезерица. Отсюда она круто поворачивает к юго-западу. Здесь массивный немецкий силезский клин врезается глубоко между Польшей и Богемией. В Моравии и Богемии снова славянский язык продвигается далеко на запад; правда, в него врезаются со всех сторон немецкие элементы, и он усажен немецкими городами и островками немецкого языка, да и на севере вся нижняя Висла и лучшая часть восточной и западной Пруссии — немецкие и выдвигаются вперед неблагоприятно для Польши. Между самым западным пунктом польского языка и самым северным пунктом чешского языка тянется вендско-лужицкий остров посреди немецкой (языковой) области и при этом почти отрезает Силезию.

Для русского панслависта Фогта, имеющего в своем распоряжении Богемию, не может быть даже вопроса, где проходит естественная граница славянского государства. От Мезерица она идет прямо на Либерозе и Люббе, затем к югу от пересечения Эльбой богемских пограничных гор и следует далее к западной и южной границе

Богемии и Моравии. Далее к востоку идет славянский элемент; несколько немецких и иных земель, вкрапленных в славянскую область, не могут более препятствовать развитию великого славянского целого; они и без того не имеют права существовать там, где они находятся. Раз взята такая «панславистская установка», то само собой разумеется, что и на юге необходимо аналогичное исправление границ. Здесь также незваный немецкий клин въехал между северными и южными славянами и занял дунайскую долину и штирийские Альпы. Фогт не может допустить этого клина и вполне последовательно присоединяет к России Австрию, Зальцбург, Штирию и немецкие части Каринтии. Что при этом устанавливается славяно-русского государства на испытанных началах «принципа национальностей» России передадут еще несколько мадьяр и румын вместе с различными турками (ведь «благожелательный царь», покоряющий Черкесию и истребляющий крымских татар, также работает во славу «принципа национальностей»!) в наказание за то, что они вклинились между северными и южными славянами, это Фогт разъяснил уже в пике Австрии.

Мы, немцы, при этой операции ничего не теряем, кроме восточной и западной Пруссии, Силезии, части Бранденбурга и Саксонии, всей Богемии, Моравии и остальной Австрии, исключая Тироль (часть которого, по «принципу национальностей», достается Италии), — ничего, кроме этого, и нашего национального существования в придачу!

Но остановимся пока на вопросе, почему Галиции, Богемии и Моравии быть *русскими*!

При таком положении вещей Немецкая Австрия, Юго-западная Германия и Северная Германия никогда не могли бы действовать совместно, разве только — и это было бы неизбежно — под *русской гегемонией*.

Фогт заставляет нас, немцев, петь то, что распевали в 1815 г. его парижане:

*Vive Alexandre,
Vive le roi des rois,
Sans rien prétendre,
Il nous donne des lois.*

[Александр царь — ура!
Он король над королями
И, законы нам даря.
Не грозит цепями.]

Итак, фогтовский «принцип национальностей», который он в 1859 г. хотел осуществить путем союза между «белым ангелом Севера» и «белым ангелом Юга», должен был, по его *собственному* мнению, выразиться прежде всего в растворении польской национальности, гибели мадьярской и исчезновении немецкой — в *недрах русской национальности*.

Я на этот раз не упоминал его первоисточников, памфлетов *Дантю*, я приберегал одну *единственную* убедительную цитату в доказательство того, как во всем, на что он здесь наполовину намекает и что наполовину выбалтывает, выполняется лозунг, данный из Тюильри. В номере «*Pensiero ed Azione*» от 2—16 мая 1859 г., в котором *Мадзини* предсказывает происшедшие потом события, он замечает, между прочим, что первый пункт заключенного между Александром II и Луи Бонапартом союза гласил: «*abbandono assoluto della Polonia*» (полный отказ от Польши со стороны Франции, что *Фогт* переводит через «окончательное заполнение пропасти, зияющей между Польшей и Россией»). «*Che la guerra si prolunghi e assuma... proporzioni europee l'insurrezione delle provincie oggi turche preparata di lunga mano e quelle dell'*U n g h e r i a*, daranno campo all'Allianza di rivelarsi... Principi russi guvernerebbo le provincie che surgerebbero sulle rovine dell'Impero Turco e dell'Austria... Constantino di Russia è già proposto ai malcontenti ungareschi.*» (См. «*Pensiero ed Azione*» от 2—16 мая 1859 г.) [«Если же война затянется и примет европейские размеры, то подготовляемое уже издавна восстание теперешних турецких провинций и Венгрии даст союзу повод снять с себя маску... Во главе государств, которые образуются на развалинах Турции и Австрии, встанут русские князья... Великий князь Константин уже был предложен венгерским оппозиционерам.】

* * *

Но *руссофильство Фогта* — только второстепенного порядка. В этом пункте он только следует данному из

Тюильри лозунгу, старается подготовить Германию к маневрам, о которых столковались между собой Александр II и Луи Бонапарт на случай известного оборота войны с Австрией, и на деле только рабски повторяет панславистские фразы своего парижского первоисточника. Собственно его дело — петь «Песнь о Людвиге»:

*Einan kùning wèiz ih, hèizit hér Hludowig
ther gérno Gôde (i. e. den Nationalitäten) dionôt.*

[Короля я знаю, Хлудовиком зовется;
богу (т. е. национальностям) очень ревностно он служит.]

Мы слышали раньше, как Фогт восхвалял Сардинию за то, что она «заслужила даже уважение России». Теперь параллель. «Об Австрии, — говорит он, — в заявлениях (Пруссии) нет речи... Такой же характер имели бы заявления в случае перспективы войны между Северной Америкой и Кохинхиной. Но преимущественно подчеркиваются немецкое призвание Пруссии, немецкие обязанности, старая Пруссия. Поэтому Франция (а по данному им на стр. 27 разъяснению о Франции: «Франция резюмируется теперь только в особе своего владельца») *расточает похвалы через «Moniteur» и другие органы печати*. Австрия неистовствует» («Исследования», стр. 18).

«Что Пруссия правильно понимает свое «немецкое призвание», следует из *расточаемых* по ее адресу Луи Бонапартом через «Moniteur» и остальную декабристскую печать *похвал*. Какая спокойная наглость! Вспомним, как у Фогта из деликатности к «белому ангелу Севера» одна Австрия нарушает договоры 1815 г. и одна захватывает Краков. Такую же дружескую услугу он оказывает теперь «белому ангелу Юга».

«Это церковное государство, в отношении республики которого (республика церковного государства!) *Кавенъяк*, представитель доктринерской республиканской партии и военное подобие Гагерна (тоже параллель!), совершил гнусное *народоубийство* (совершить народоубийство в отношении республики государства!), которое, однако, не помогло ему на выборах в президенты» (там же, стр. 63).

Итак, *Кавенъяк*, а не Луи Бонапарт совершил «гнусное народоубийство» в отношении *римской республики Ка-*

венъяк действительно послал в ноябре 1848 г. военную эскадру в Чивита-Беккию для личной охраны папы. Но лишь в следующем году, лишь через много месяцев после того, как Кавенъяк уже покинул пост президента, лишь 9 февраля 1849 г. была отменена светская власть папы и *была провозглашена республика в Риме*, и Кавенъяк не мог уничтожить республику, не существовавшую в его правление. Луи Бонапарт послал 22 апреля 1849 г. генерала Удино с 14 000 человек в Чивита-Беккию, выманив у Национального собрания необходимые для экспедиции против Рима деньги после неоднократных торжественных заверений, что он имеет в виду лишь помешать предполагаемому Австрией вторжению в римскую область. Как известно, началом парижской катастрофы 13 июля 1849 г. послужило решение Ледрю Роллена и Горы отомстить за «гнусное народоубийство в римской республике» и в то же время «гнусное нарушение французской конституции» и «гнусное нарушение постановления Национального собрания» путем привлечения к законной ответственности виновника всех этих гнусных деяний *Луи Бонапарта*. Мы видим, как «гнусно», как нагло фальсифицирует историю презренный сикофант государственного переворота *Карл Фогт*, чтобы поставить вне всяких подозрений призвание «Хлудовика» быть освободителем национальностей вообще и Италии в частности.

Фогт вспоминает из «*Neue Rheinische Zeitung*», что во Франции класс мелких крестьян вместе с классом люмпен-пролетариата образует единственную основу *bas empire* [поздней империи]. Он это преподносит в следующем виде:

«У теперешней империи нет сторонников среди интеллигенции, нет единомышленников среди французской буржуазии; за ней стоят только две массы, армия и сельский пролетариат, *не умеющий ни читать, ни писать*. Но они составляют $\frac{9}{10}$ населения, заключая в себе мощно организованное орудие, которым можно сокрушить сопротивление, и *толпу иловов ипотечной задолженности*, ничего не имеющих, кроме *избирательного бюллетеня*» (стр. 25).

Внегородское население Франции, включая и армию, едва составляет $\frac{2}{3}$ всего населения. Фогт превращает

неполные $\frac{2}{3}$ в $\frac{9}{10}$. Все внегородское французское население, из которого примерно $\frac{1}{5}$ состоит из зажиточных собственников и еще $\frac{1}{5}$ из безземельных, он превращает вместе и в отдельности в мелких крестьян, «илотов ипотечной задолженности». Наконец, он упраздняет во Франции, вне городов, всякое умение читать и писать. Как прежде историю, он фальсифицирует теперь статистику, чтобы расширить пьедестал для своего героя. Теперь на этот пьедестал ставится сам герой.

«Франция фактически резюмируется теперь исключительно только в особе своего властелина, о котором Массон (тоже авторитет) сказал, что «он обладает в крупном масштабе способностями государственного деятеля и нарха, непоколебимой волей, верным тактом, твердой решимостью, сильным сердцем, возвышенным, смелым умом и исключительной смелостью» (там же, стр. 27).

Wie saelecliche stât im an
allez daz, daz êr begât!
wie gâr sin lîp ze wunsche stât!
wie gênt im so gelîche inein
die finen keiserlichen bein?

(*Tristan.*)

[Во всех движениях его
Найдется ли какой изъян?
Его изящныѣ, тонкий стан
И стройность августейших ног?
Кто б описать словами мог?]

(*Тристан.*)

Фогт вырывает у своего Массона кадило, чтобы самому размахивать им. К массоновскому каталогу добродетелей он присоединяет: «холодную расчетливость», «мощную способность комбинировать», «мудрость змия», «упорное терпение» (стр. 28) и затем лепечет, как Тацит передней: «Происхождение этой власти — ужас», что, во всяком случае, — бессмыслица. Он должен шутовскую фигуру своего героя мелодраматически представить великим человеком, и вот «Napoléon le Petit» [«Маленький Наполеон»] превращается в этого «рокового человека» (там же, стр. 38).

«Если текущие обстоятельства, — восклицает Фогт, — и ведут к перемене (как скромно, к *перемене!*) в его (рокового человека) правлении, то мы, со своей стороны, не преминем выразить горячие пожелания успеха, хотя

в настоящий момент перед нами *нет такой перспективы*» (там же, стр. 29). Насколько серьезны виды этого теплого малого с его затаенным пожеланием успеха, видно из следующего:

«Но *внутреннее положение при продолжаемом мире* будет поэтому *с каждым днем становиться все более неустойчивым*, так как французская армия гораздо теснее связана с партиями интеллигенции, чем, например, в немецких государствах, в Пруссии и Австрии; именно эти партии находят отклик среди офицерства, и, таким образом, в один прекрасный день *единственная опора власти может ускользнуть из рук императора*» (стр. 27).

Итак, «внутреннее положение» становилось *при продолжаемом мире с каждым днем все более шатким*. Поэтому Фогт должен был постараться облегчить Луи Бонапарту *нарушение мира*. Армия, «единственная активная опора» его «власти», угрожала «ускользнуть» у него из рук. Поэтому Фогт доказывал, что задача Европы заключается в том, чтобы снова привязать «французскую армию» к Луи Бонапарту при помощи «локализованной» итальянской войны. Действительно, в конце 1858 г. роль Баденге, как непочтительно называют парижане «племянника своего дяди», казалось, должна была притти к ужасному концу. Всеобщий торговый кризис 1857—1858 гг. парализовал французскую промышленность*. Маневры правительства помешать обострению кризиса придали ему хроническую форму, так что застой во французской торговле затянулся до начала итальянской войны. С другой стороны, хлебные цены в 1857—1859 гг. упали так низко, что на различных congrès agricoles [сельскохозяйственных съездах] стали громко раздаваться жалобы, что французское земледелие при низких ценах на хлеб и при высоких налогах становится невозможным. Смехотворная попытка Луи Бонапарта искусственно поднять хлебные

* На самом деле именно промышленное процветание и поддерживало так долго режим Луи Бонапарта. Вследствие новых открытых золота в Австралии и Калифорнии и их влияния на мировой рынок французский экспорт более чем удвоился и достиг неслыханного размаха. Вообще февральская революция в последнем счете разбилась о Калифорнию и Австралию.

цены путем указа, предписывающего пекарям во всей Франции завести хлебные амбары, выдавала только беспомощное замешательство его правительства.

Внешняя политика режима государственного переворота показала только ряд неудачных попыток разыгрывать Наполеона — одни только насоки, постоянно оканчивавшиеся официальным отступлением. Такова его интрига против Американских Соединенных Штатов, маневр с целью возобновить торговлю невольниками, мелодраматические угрозы по адресу Англии. Наглые выходки, которые позволял себе тогда Луи Бонапарт по отношению к Швейцарии, Сардинии, Португалии и Бельгии — хотя в Бельгии он не мог даже помешать укреплению Антверпена, — еще ярче подчеркивали его фиаско перед великими державами. В английском парламенте «Napoléon le Petit» [«Маленький Наполеон»] стало ходячим словечком, а «Times» в заключительных статьях за 1858 г. в насмешку переименовал «железного человека» в «гуттаперчевого человека». Между тем, гранаты Орсии, точно молнией, осветили внутреннее положение Франции. Оказалось, что режим Луи Бонапарта все так же еще не прочен, как и в первые дни государственного переворота. «Lois de sûreté publique» [«законы общественной безопасности»] изобличали всю его изолированность. Ему пришлось переуступить власть своим собственным генералам. Неслыханное дело — Франция была разделена, по испанской традиции на пять генерал-губернаторств. С учреждением регентства Пелисье был фактически признан высшей властью Франции. Между тем возобновленный *terreur* [террор] не внушал страха. Не страшным, а только смешным казался голландский племянник Аустерлицкой битвы. Монталамбер мог разыгрывать в Париже Хемдена [Hampden], Беррье и Дюфор выбалтывать в своих судебных речах надежды буржуазии, Прудон в Брюсселе прокламировать луи-филиппизм с *acte additionnel* [дополнительным актом], между тем как сам Луи Бонапарт разбалтывал перед всей Европой о растущей мощи Марианны. Во время шалонского восстания офицеры, услыхав о провозглашении республики в Париже, вместо того, чтобы броситься на мятежников, сперва предупредительно спрашивались в префектуре, действительно ли провозглашена

в Париже республика, — убедительное доказательство, что даже армия рассматривала реставрированную империю как пантомиму, заключительная сцена которой приближается. Скандалные дуэли заносчивых офицеров в Париже одновременно со скандалными биржевыми крахами, которыми были скомпрометированы главари банды 10 декабря! Падение в Англии кабинета Пальмерстона из-за союза с Луи Бонапартом! Наконец, государственная казна, которую можно было восполнить только в порядке экстраординарных мер! — Таково было положение *bas empîre* [поздней империи] в конце 1858 года. Падала поддельно-мишурная империя, смехотворный фарс наполеоновской империи должен был кончиться *внутри* границ, установленных договорами 1815 г. Но для этого требовалась *локализованная война*. Одной перспективы войны с Европой было бы тогда достаточно, чтобы вызвать взрыв во Франции. Всякий ребенок понимал, что сказал Хорсман в английском парламенте: «Мы знаем, что Франция будет поддерживать своего императора, пока наши колебания обес печивают успех его внешней политике, но мы имеем основания думать, что она его покинет, как только мы окажем ему решительное противодействие». Все склонялось к тому, чтобы *локализовать* войну, т. е. вести ее с верховного разрешения Европы. Самое Францию нужно было рядом лицемерных мирных переговоров и их повторных неудач постепенно подготовить к войне. Но и здесь Луи Бонапарт попал впросак. Английский посол в Париже лорд Каули отправился в Вену с предложениями, составленными Луи Бонапартом и одобренными английским кабинетом (Дерби). Там (см. цитированную выше Blue Book [Синюю книгу]) эти предложения, под давлением Англии, были неожиданно приняты. Не успел Каули вернуться в Лондон с сообщением о мирном разрешении, как тут же неожиданно пришло известие, что Луи Бонапарт отказался от своих собственных предложений и согласился на предложенный Российской конгресс для принятия мер против Австрии. Только благодаря вмешательству России война стала возможна. Если бы Россия не нуждалась больше в Луи Бонапарте для выполнения своих планов — для того ли, чтобы провести их совместно с Францией, или для того, чтобы с помощью французских

ударов превратить Австрию и Пруссию в свои безвольные орудия, — Луи Бонапарт был бы низложен уже тогда. Но, несмотря на тайную поддержку России, несмотря на обещания Пальмерстона, который одобрил в Компьене пломбьерский заговор, все зависело от поведения Германии, так как, с одной стороны, в Англии у власти еще было министерство ториев, с другой же стороны, в перспективе европейской войны тогдашнее глухое недовольство Франции бонапартистским режимом могло быть доведено до взрыва.

Сам Фогт выбалтывает, что он запел свою «Песнь о Людвиге» не из сочувствия к Италии и не из страха перед трусливым, консервативным, столь же беспомощным, как и грубым деспотизмом Австрии. Более того, если бы, по его мнению, Австрия — которая, кстати сказать, была вынуждена начать военные действия — даже немедленно победила в Италии, то «*во всяком случае со Францией вспыхнула бы революция, рухнула бы империя, и новое будущее предстало бы перед страной*» (там же, стр. 131). Он думал, что, «в конце концов, австрийские войска не устояли бы перед освобожденными силами французского народа» (там же), что «победоносное австрийское оружие в революции Франции, Италии и Бельгии само создало бы себе противника, которым оно, наверное, было бы уничтожено». Но Фогту было важно не Италию освободить от Австрии, а Францию подчинить Луи Бонапарту.

Нужно ли еще больше доказывать, что Фогт был лишь одним из бесчисленных рупоров, которыми шутовской чревовещатель из Тюильри пользовался для вещания на чужих языках?

Надо вспомнить, что в тот момент, когда Луи Бонапарт впервые открыл свое призвание к освобождению национальностей вообще и Италии в частности, во Франции разыгрывалась небывалая в ее истории драма. Вся Европа поражалась упорной настойчивости, с которой она отвергала *«les idées napoléoniennes* [«наполеоновские идеи»]. Энтузиазм, с которым приветствовали заверения Морни о мире даже *«chiens savants* [«ученые собаки»] Законодательного корпуса; недовольный тон *«Moniteur»*, каким он школил нацию то по поводу того, что она погрязла в материальных интересах, то за недостаток

патриотической энергии и за сомнения в политической мудрости и талантах Баденге как полководца; успокоительные официальные messages [послания] ко всем торговым палатам Франции; императорское заверение, что «étudier une question n'est pas la créer» [«изучать вопрос не значит его создавать»], — все это еще свежо в памяти всех. Английская печать, пораженная этой необычной драмой, была полна благомыслящим вздором о нацифистском перерождении характера французов, биржа трактовала вопрос, быть или не быть войне, как дуэли между Луи Бонапартом, желавшим войны, и народом, не желавшим ее, и держали pari о том, кто победит, нация или «племянник своего дяди». Для изображения тогдашнего положения я приведу лишь несколько мест из «London Economist», который, в качестве органа Сити, провозвестника итальянской войны и детища Вильсона (недавно умершего канцлера казначейства Индии и орудия Пальмерстона), пользовался большим весом: «Встревоженное вызванным им колоссальным возбуждением, французское правительство прибегло теперь к системе успокоения» («Economist», 15 января 1859 года). В номере от 22 января 1859 г., в статье, озаглавленной: «Практические границы императорской власти во Франции», «Economist» говорит:

«Будут ли выполнены планы императора насчет войны в Италии или нет, по одно, по крайней мере, бесспорно — его планы натолкнулись на сильное и, повидимому, неожиданное сопротивление в настроениях французского народа, который оказал им ледяной прием, не проявил к ним какой бы то ни было симпатии... Он предлагает войну, а французский народ проявляет лишь тревогу и недовольство, государственные бумаги падают, страх перед сборщиком податей гасит всякую искру единственного и политического энтузиазма, коммерческая часть нации охвачена паникой, сельские округа недовольны и безмолвствуют в страхе перед новыми наборами и новыми поборами; политические круги, которые оказывали самую сильную поддержку императорскому режиму, как pis aller [крайнее средство] против анархии, по тем же самым основаниям высказываются против войны; словом, ясно, что Луи Бонапарт неожиданно для себя обнаружил во всех классах населения

широкую и глубокую оппозицию против войны, даже войны за Италию, оппозицию, о которой он не подозревал»*.

В противовес этим народным настроениям была выпущена та часть памфлетов Дантю, которая «именем народа» требовала от «императора» «помочь, наконец, Франции величественно расширить ее границы от Альп до Рейна» и не ставить больше препятствий «воинственному духу» и «стремлению народа к освобождению национальностей». Фогт в одну дудку играет с проститутками декабря. В тот самый момент, когда в Европе вызывает удивление настойчивое стремление к миру со стороны Франции, Фогт делает открытие, что «теперь подвижной народ (французы), повидимому, обуреваем воинственными настроениями» (стр. 29, 30) и что Хлудовик только следует «господствующим течениям», стремящимся именно к «независимости национальностей» (стр. 31). Разумеется, он *ни слову* не верил из того, что писал. В своей «Программе», призывавшей демократов к сотрудничеству в его бонапартистской пропаганде, он подробно рассказывает, что итальянская война *непопулярна* во Франции. «На первое время я не вижу никакой опасности для Рейна; но она может наступить впоследствии, война там или в Англии может сделать Наполеона очень популярным, война же в Италии не обладает этой популярностью» (стр. 34 «Главной книги», документы)**.

* Лорд Челси, заменивший в Париже лорда Каули в его отсутствие, пишет: «The official disavowal (в «Moniteur» от 4 марта 1859 г.) of all warlike intentions on the part of the Emperor, this Imperial message of peace, has been received by all classes of Paris with feelings of what may be called exultation» (№ 88 Синей книги об итальянских делах, январь — май 1859 г.) [Официальный отказ от каких бы то ни было воинственных намерений со стороны императора, это мирное послание императора было воспринято всеми классами Парижа с необычайным энтузиазмом].

** *Nota Bene.* В своих «Исследованиях» он, вместе с «Moniteur» и своими первоисточниками, памфлетами Дантю, повторяет, что «своеобразный каприз судьбы заставляет этого человека (Луи Бонапарта) выступить в первых рядах в качестве *освободителя национальностей*» (стр. 35), что «следует оказывать *содействие* этой политике, пока она держится в рамках освобождения национальностей», и «ждать, пока это освобождение *воспоследует*

Если одна часть издававшихся у Дантю оригинальных памфлетов старалась вывести французский народ из его «мирно-лётаргического состояния» традиционными завоевательными фантомами и вложить в уста нации частные желания Луи Бонапарта, то задачей другой части, с «Moniteur» во главе, было убедить прежде всего Германию, что император питает отвращение к приобретению земель и что его идеальное призвание — быть мессией — освободителем национальностей. Доказательства бескорыстия его политики, с одной стороны, и его стремления к освобождению национальностей — с другой, легко запомнить, так как они постоянно повторяются и всегда вертятся вокруг двух основных пунктов. Доказательство бескорыстия декабристской политики — *Крымская война*; доказательство стремления к освобождению национальностей — *полковник Кузя и румынская национальность*. Тон здесь непосредственно задавал «Moniteur» (см. «Moniteur» от 15 марта 1859 г. о *Крымской войне*). «Moniteur» от 10 апреля 1859 г. пишет о *румынской национальности* следующее: «Она (Франция) желает, чтобы в Германии, как и в Италии, признанные договорами национальности сохранились и даже усилились. Что же касается *Дунайских княжеств*, то он (император) взял на себя труд содействовать торжеству законных желаний этих провинций, чтобы и в этой части Европы обеспечить порядок, основанный на национальных интересах» (см. также появившийся в начале 1859 г. у Дантю памфлет: «Napoléon III et la Question Roumaine») [«Наполеон III и румынский вопрос»]. Относительно *Крымской войны*: «Наконец, каких компенсаций потребовала Франция за пролитую ею кровь и за потраченные ею исключительно в европейских интересах миллионы на Востоке?» (стр. 13 «La vraie question» [«Сущность вопроса»], Париж, Дантю, 1859 г.). Эту разработанную на бесконечные лады в Париже тему Фогт изложил на немецком языке так удачно, что Э. Абу, болтливая сорока бонапартизма, повидимому, перевел на французский язык немецкий перевод Фогта (см. «La

через этого рокового человека» (стр. 36). В Программе же к господам демократам мы, наоборот, читаем: «Мы можем и должны предотвратить от помощи такого человека» (стр. 34 «Главной книги», документы).

Prusse en 1860») [«Пруссия в 1860 году»]. И здесь нас снова преследует Крымская кампания и румынская национальность под управлением полковника Кузы.

«Но одно, во всяком случае, мы знаем, — повторяет Фогт за «Moniteur» и памфлетами Дантю, — что Франция не завоевала и пяди земли (в Крыму) и что *дядя* после победоносного похода не удовольствовался бы таким результатом установленного превосходства в военном искусстве» («Исследования», стр. 33). «Здесь обнаруживается существенное отличие от старой наполеоновской политики» * (там же).

* Даже фразеологию освобождения национальностей «Napoléon le Petit» [«Маленький Наполеон»] скопировал у настоящего Наполеона. Например в мае 1809 г. Наполеон выпустил из Шенбрунна прокламацию к венгерцам, в которой между прочим сказано: «Венгерцы! Настал момент для восстановления вашей независимости... Я ничего не требую от вас. Я желаю только видеть вас свободным и независимым народом. Ваша связь с Австрией была вашим проклятием и т. д.». 16 мая 1797 г. Бонапарт заключил с Венецианской республикой договор, первый пункт которого гласил: «Впредь между Францией и Венецианской республикой должны царить мир и добре согласие». Цели, которые он преследовал этим миром, он раскрыл французской Директории три дня спустя тайной депешей, начинавшейся словами: «Вместе с этим вы получите договор, заключенный мной с республикой Венеции, в силу которого генерал Барагэ д'Илье, во главе 16 000 солдат, занял город. Этим миром я преследовал разные цели». В качестве последней цели он приводит: «заглушить все разговоры, какие могут возникнуть в Европе, так как теперь может казаться, что занятие нами Венеции — временная операция, которой усердно добивались сами венецианцы». Еще два дня спустя, 26 мая, Бонапарт писал муниципалитету Венеции: «Заключенный в Милане договор может быть пока подписан муниципалитетом, тайные пункты — тремя его членами. Я всегда буду делать все, что будет в моих силах, чтобы дать вам доказательство моего желания укрепить ваши свободы и увидеть, наконец, как несчастная Италия, свободная и независимая от всех чужестранцев, займет на мировой арене подобающее ей место». Несколько дней спустя он пишет генералу Барагэ д'Илье: «По получении сего заявитесь к временному правительству Венеции и объясните ему, что в согласии с принципами, соединяющими теперь республики Францию и Венецию, и в интересах защиты, которую Французская республика оказывает Венецианской, необходимо, чтобы флот республики был поставлен на внушающую уважение высоту. Под этим предлогом вы завладеете всем, не забывая в то же время жить в добром согласии с венецианцами и завербовать на нашу службу всех матросов республики, неизменно, однако, выступая от имени Венеции. Короче, вы должны устроить так,

Как будто Фогт обязан нам доказывать, что «Napoléon le Petit» не настоящий Наполеон! Фогт мог бы с тем же правом предсказать в 1851 г., что племянник, которому нечего было противопоставить первой итальянской кампании и египетской экспедиции, кроме своей страсбургской авантюры, экспедиции в Булонь и шутовского парада в Сатори, никогда не станет подражать 18 брюмера и тем менее когда-либо наденет на себя императорскую корону. Тут было, однако, «существенное отличие от старой наполеоновской политики». Вести войну против европейской коалиции и вести ее с разрешения европейской коалиции — таково было другое отличие.

«Славная Крымская кампания», в которой объединенные силы Франции, Англии, Турции и Сардинии после двух лет «завоевали» половину русской крепости, потеряв взамен ее в пользу России целую турецкую крепость (Карс), и после которой при заключении мира на Парижском конгрессе пришлось скромно «просить» у неприятеля «разрешения» беспрепятственно переправить свои войска домой, — эта кампания действительно была всем, чем угодно, но только не «наполеоновской». Славной она была вообще только в романе *Базанкура*. Но Крымская война многое показала. Луи Бонапарт *предал* мнимого союзника (Турцию), чтобы добиться союза с мнимым врагом. В качестве первого результата Парижского мира была принесена в жертву «черкесская национальность» и истреблены русскими крымские татары, а также убиты национальные надежды, которые Польша и Швеция возлагали на крестовый поход Западной

чтобы перевести из гавани Венеции в Тулон весь флот и его запасы. По тайному пункту договора венецианцы обязаны доставить Французской республике для тулонского флота снаряжения на сумму в 3 миллиона, но я имею намерение завладеть в интересах Французской республики *всеми* венецианскими судами и *всем* их морским снаряжением для нужд Тулона» (см. «Correspondance secrète et confidentielle de Napoléon», 7 томов, Париж 1817. [«Тайная и конфиденциальная корреспонденция Наполеона»]). Эти приказы были в точности выполнены; а когда Венеция была ограблена и лишена *всех* своих военных и морских средств, Наполеон без малейших колебаний предал своего нового союзника, *освобожденную* Венецианскую республику, которую он торжественно поклялся защищать при всякой опасности, под *деспотическое иго Австрии*.

Европы против России. И другая мораль вытекала из Крымской войны: Луи Бонапарту не нужно было вести *второй Крымской войны*, не нужно было терять старую армию и входить в новые государственные долги в обмен на сознание, что Франция достаточно богата «pour rayer sa propre gloire» [«чтобы оплачивать свою собственную славу»], что имя Луи-Наполеона фигурирует в европейском договоре, что «консервативная и династическая печать Европы» единодушно признает «августейшие доблести, мудрость и умеренность императора», как громко оценивает его заслуги *Фогт* (там же, стр. 32), и что вся Европа воздавала ему тогда все honneurs [почести] подлинного Наполеона под определенным условием, чтобы Луи Бонапарт по примеру Луи-Филиппа надлежащим образом держался в «границах практического разума», т. е. в границах договоров 1815 г., не забывая ни на минуту тонкой черты, отделяющей арлекина от изображаемого им героя. Политические комбинации, государи и состояние общества, вообще давшие возможность шефу декабрьской банды разыгрывать роль Наполеона сперва во Франции, а затем и за ее пределами, действительно свойственны *его* эпохе, но неуместны в летописях Великой французской революции.

«Но факт, во всяком случае, тот, что теперешняя французская политика на Востоке отвечала стремлениям одной национальности (*румынской*) к объединению» («Исследования», стр. 34—35).

Куза, как уже упомянуто, держит место вакантным для русского губернатора или для русского вассала. На карте «Европа в 1860 г.» в качестве вассала фигурирует великий герцог Мекленбургский. Россия, разумеется, предоставила Луи Бонапарту всю честь (honneur) этого румынского освобождения, сама же получила все его выгоды. На пути благожелательных намерений стояла Австрия. Поэтому итальянская война должна была превратить Австрию из препятствия в орудие.

Уже в 1858 г. тюильрийский чревовещатель наигрывал «румынскую национальность» на своих бесчисленных свистульках. *Фоготовский* авторитет, Кошут, мог поэтому уже 20 ноября 1858 г. ответить на лекции в Глазго: «Валахия и Молдавия получают конституцию, создан-

ную в дебрях тайной дипломатии... В действительности же она не больше, не меньше, как хартия для России, предоставляющая ей свободно распоряжаться Дунайскими княжествами». (*It is in reality no more nor less than a charter granted to Russia for the purpose of disposing of the Principalities.*)

Таким образом, Луи Бонарпарт злоупотреблял «принципом национальностей» в Дунайских княжествах, чтобы замаскировать их передачу России, как злоупотребляло принципом национальностей в 1848—1849 гг. австрийское правительство, чтобы с помощью сербов, словаков, кроатов, валахов и т. д. задушить мадьярскую и немецкую революцию.

Румынский народ, — а о нем заботятся одновременно русский консул в Бухаресте и, в своих интересах, молдаво-валахская боярская сволочь, большинство которой вовсе не румыны, а пестрая мозаика из слетевшихся из чужих стран авантюристов, своего рода восточная декабристская банда, — румынский народ попрежнему томится под игом ужаснейшего крепостного права, какое только русские могли при помощи *«Règlement organique»* [«Органического статута»] организовать и только восточный demi-monde [полусвет] мог поддерживать.

Чтобы украсить мудрость, заимствованную из первоисточников Данту, собственным красноречием, Фогт говорит:

«У Австрии было уже более чем достаточно забот с одним Пьемонтом на юге, второго на востоке ей не нужно» (там же, стр. 64).

Пьемонт захватывает итальянские земли. Следовательно, Дунайские княжества — наименее воинственная область Турции — будут захватывать румынские земли, т. е. отнимут у России Бессарабию, а Семиградье, Темешварский банат и Буковину — у Австрии? Фогт забывает не только о «благожелательном царе». Он забывает, что в 1848—1849 гг. Венгрия, повидимому, вовсе не склонна была позволить отобрать у нее эти более или менее румынские земли, обнаженным мечом ответив на их «страдальческий вопль», и что, наоборот, Австрия пустила в ход против Венгрии эту «пропаганду принципа национальностей».

Но в полном блеске историческая ученость фогтов-

ских «Исследований» вновь раскрывается, когда он на-
половину по памяти из бегло прочитанного злободнев-
ного памфлета с большим хладнокровием выводит «го-
рестное состояние княжеств... из разлагающего яда
греков и фанариотов» (там же, стр. 63).

Он даже не подозревает, что *фанариоты* (от названия
одной части города Константино́поля) — те же греки,
которые с начала XVIII века под охраной русских на-
селяли дунайские княжества. Это частью — эпигоны
тех константино́польских *лимонджи* (продавцов лимо-
вада), которые теперь по русскому заказу играют «ру-
мынскую национальность».

* * *

В то время как белый ангел Севера продвигается с
Востока и уничтожает национальности во славу славян-
ской расы, белый ангел Юга, в качестве знаменосца
принципа национальностей, наступает с противополож-
ной стороны, и «нужно обождать, пока свершится осво-
бождение национальностей этим роковым человеком»
(*«Исследования»*, стр. 36). Какую же роль отводит *Гер-
мании* имперский Фогт, отнюдь не «собиратель импер-
ской земли», во время этих «в теснейшем союзе» ком-
бинированных операций обоих ангелов и «обоих вели-
чайших внешних врагов германского единства»? (*«Иссле-
дования»*, 2-е изд., послесловие, стр. 154).

«Самому близорукому человеку, — говорит Фогт, —
должно было теперь стать ясным, что существует согла-
шение между прусским правительством и император-
ским правительством Франции; что Пруссия не обнажит
мечи для защиты вненемецких областей Австрии (вклю-
чая, конечно, Богемию и Моравию); что она согласится
на все мероприятия, необходимые для защиты территории
Союза (за исключением «вненемецких» областей),
но во всем прочем будет препятствовать всякому уча-
стию Союза или отдельных его членов на стороне
Австрии, чтобы затем, во время мирных переговоров,
получить за эти труды вознаграждение в северо-герман-
ской низменности» (там же, 1-е изд., стр. 18, 19).

Раззвонив во все колокола еще до фактического на-
чала войны с Австрией доверенный ему из Тюильри
секрет, что Пруссия действует в «тайном согласии» с

«внешним врагом Германии», от которого получит за это «вознаграждение в северо-германской низменности», Фогт, разумеется, оказал Пруссии огромную услугу в достижении ее мнимых целей. Он вызвал подозрения у прочих немецких правительств как против нейтралистских стремлений Пруссии в начале войны, так и против ее приготовлений и притязаний на гегемонию в самом ходе военных действий. «Каков бы ни был путь, — говорит Фогт, — который должна выбрать в теперешний кризис Германия, но нет никакого сомнения, что, рассматриваемая как целое, она должна энергично итии определенным путем, между тем как теперь злополучный сейм и т. д.» (там же, стр. 96). Распространение взгляда, будто Пруссия идет рука об руку с «внешним врагом» и этот шутъ ведет к поглощению северной низменности, должно восстановить недостающее сейму единство. В частности, обращается внимание *Саксонии* на то, что Пруссия однажды уже «лишила ее некоторых лучших провинций» (там же, стр. 92). Разоблачается «покупка залива Яде» (там же, стр. 15). «Ценой содействия Пруссии (в турецкую войну) должна была служить Гольштиния, когда пресловутая кража депеши придала совсем другой оборот переговорам» (там же, стр. 15). «Мекленбург, Ганновер, Ольденбург, Гольштиния и другие к ним примыкающие... братские немецкие государства представляют приманку, на которую» — да еще «при всяком случае» — «Пруссия жадно набрасывается» (там же, стр. 14, 15); на эту приманку, как выдает Фогт, она была в данном случае Луи Бонарпартом поймана на удочку. С одной стороны, Пруссия, втайном «согласии» с Луи Бонарпартом, «получит» и должна «получить за счет своих немецких братьев побережья Северного и Балтийского морей» (там же, стр. 14). С другой же стороны, Пруссия получит «лишь тогда естественную границу, когда водораздел Рудных и горного массива Фихтельгор будет продолжен по Белому Майну и линии Майна до Майнца» (там же, стр. 93). Естественные границы посреди Германии! И притом образованные водоразделом, проходящим по реке! Подобного рода открытия в области физической географии — к которым надо отнести еще «выступающий наружу» канал (см. «Главную книгу») — ставят «округ-

ленную натуру» на одну высоту с А. фон-Гумбольдтом. Проповедуя, таким образом, Германскому Союзу доверие к гегемонии Пруссии, Фогт, неудовлетворенный «старым соперничеством Пруссии и Австрии в немецкой и т. д. области», открыл еще между обеими соперничество, которое «так часто имело место во *внешней европейской области*» (там же, стр. 20). Эта *внешняя европейская область* находится, очевидно, на луне.

В действительности Фогт просто излагает своими словами изданную *французским* правительством в 1858 г. карту «*L'Europe en 1860*» [«Европа в 1860 году»]. На этой карте Ганновер, Мекленбург, Брауншвейг, Гольштиния, Кургессен, вместе с различными Вальдеками, Ангальтами, Липпе и т. д., присоединены к Пруссии, между тем как «*l'Empereur des français conserve ses (!) limites actuelles*», император французов сохраняет свои (!) старые границы. «Пруссия до Майна» — в то же время лозунг русской дипломатии (см., например, упомянутую уже докладную записку от 1837 года). Прусской Северной Германии противостояла бы австрийская Южная Германия, отделенная от нее границами, традицией, вероисповеданием, наречиями и племенными различиями; упрощением германских противоречий был бы завершен ее *разрыв на две части*, и была бы провозглашена, таким образом, перманентная Тридцатилетняя война.

Итак, согласно первому изданию «*Исследований*», Пруссия должна была получить такое «*вознаграждение*» за «усилия» удержать во время войны в ножнах немецкий союзный меч. В фогтовских «*Исследованиях*», как и на французской карте «*L'Europe en 1860*» [«Европа в 1860 г.»] не *Луи Бонапарт*, а *Пруссия* предъявляет претензии и добивается расширения своей области и естественных границ французской войны с Австрией.

Но лишь в послесловии ко второму изданию своих «*Исследований*», вышедшему во время австро-французской войны, Фогт раскрывает настоящую миссию Пруссии. Она должна начать «*гражданскую войну*» (см. 2-е издание, стр. 152) для создания «единой центральной власти» (стр. 158), для включения Германии в прусскую монархию. В то время как Россия будет надвигаться с востока и Австрия будет связана Луи Бонапартом в Италии, Пруссия должна начать *династическую*

скую «гражданскую войну в Германии. Фогт гарантирует принцу-регенту, что «разгоревшаяся теперь» в Италии «война займет, по крайней мере, 1859 год», «между тем как объединение Германии, если проводить его быстро и решительно, потребует меньше недель, чем итальянская кампания месяцев» (там же, стр. 155). Гражнская война в Германии продлится лишь недели! Не говоря об австрийских войсках, которые, продолжая войну в Италии или прекратив ее, немедленно двинулись бы против Пруссии, последняя, как рассказывает сам Фогт, встретила бы сопротивление со стороны «Баварии...», находящейся всецело под австрийским влиянием» («Исследования», стр. 90, 1-е изд.), со стороны Саксонии, которой угрожала бы опасность в первую голову и у которой не было бы уже никаких оснований насиливать свои «симпатии к Австрии» (там же, стр. 93), со стороны «Вюртемберга, Гессен-Дармштадта и Ганновера» (там же, стр. 94), короче говоря — со стороны «девяти десятых» (там же, стр. 16) «германских правительств». И эти правительства, как доказывает далее Фогт, не оказались бы без поддержки в такой династической «гражданской войне», к тому же затяянной Пруссией в момент, когда Германии угрожают «оба величайших внешних ее врага». «Двор (в Бадене), — говорит Фогт, — пойдет за Пруссией, но народ — в этом не может быть никаких сомнений — наверное не разделяет этих симпатий царствующего дома. Брайзгау, как и Верхняя Швабия, узами симпатии и вероисповедания и старыми воспоминаниями все еще привязан к ближней Австрии, к которой некогда принадлежал, к императору и империи, и гораздо крепче, чем этого можно было ожидать после столь длительной самостоятельности» (там же, стр. 93, 94). «За исключением Мекленбурга» и, «может быть», Кургессена, в Северной Германии царит недоверие к теории растворения, и уступки Пруссии делаются крайне неохотно. Инстинктивное чувство антипатии, даже ненависти, которую питает Южная Германия к Пруссии... даже это чувство не могли подавить или заглушить все шумные крики императорской партии. Оно живо в народе, и ни одно правительство, даже баденское, не может долго противостоять ему. Истинными симпатиями Пруссия, таким образом, нигде

не пользуется, ни у немецкого народа, ни у правительства Германского союза» (там же, стр. 21). Так говорит Фогт. И именно поэтому, согласно тому же Фогту, династическая «гражданская война», затеянная Пруссией в «тайном согласии» с «обоими величайшими внешними врагами Германии», продолжалась бы только «недели». Но это еще не все. «Старо-Пруссия идет рука об руку с правительством, а Рейнская провинция и Вестфалия — с католической Австрией. Если там народному движению не удастся заставить правительство перейти на сторону Австрии, то ближайшим следствием будет новое углубление пропасти между обеими частями монархии» (там же, стр. 20). Если, по Фогту, простой нейтралитет Пруссии по отношению к Австрии уже углублял пропасть между Рейнской областью, Вестфалией и Старо-Пруссиеи, то, по тому же Фогту, «гражданская война», которую Пруссия начала бы с целью исключить Австрию из Германии, естественно, должна была бы совсем оторвать Рейнскую область и Вестфалию от Пруссии. «Но что же этим ультрамонтанам до Германии?» (там же, стр. 119) или, как он собственно думает, что Германии до этих ультрамонтанов? *Рейнская провинция, Вестфалия*, это — ультрамонтанские, «римско-католические», а не «истинно немецкие» земли. Они поэтому не в меньшей степени, чем Богемия и Моравия, подлежат исключению из союзной области. И этот процесс исключения должна ускорить рекомендованная Фогтом Пруссии династическая «гражданская война». В действительности французское правительство в изданной им в 1858 г. карте «L'Europe en 1860» [«Европа в 1860 г.»], служившей компасом Фогту в его «Исследованиях», присоединило Египет к Австрии, а рейнские провинции, как земли «католической национальности», к Бельгии — ироническая формула для аннексии Бельгии вместе с Рейнской провинцией к Франции. То обстоятельство, что Фогт идет дальше, чем французская правительственная карта, и в придачу отдает и католическую Вестфалию, объясняется «научными отношениями» беглого имперского регента к Плон-Плону, сыну вестфальского экс-короля.

Резюмируем: с одной стороны. Луи Бонапарт позволит России протянуть руки через Познань в Богемию и че-

рез Бенгрию к Турции, а с другой стороны, он сам силой оружия создаст на границе Франции единую независимую Италию и все — pour le roi de Prusse [даром, за чьи-то прекрасные глаза]; все только для того, чтобы предоставить Пруссии возможность гражданской войны подчинить себе Германию, а «рейнские провинции на всегда обезопасить от Франции» (там же, стр. 121).

«Но вот говорят, что территории Союза угрожает опасность со стороны наследственного врага, что собственно цель его — Рейн. Так пусть же защищают Рейн, пусть защищают территорию Союза» (там же, стр. 105) и пусть именно защищают территорию Союза, уступая Богемию и Моравию России, а Рейн пусть защищают, начиная германскую «гражданскую войну», имеющую, между прочим, целью оторвать рейнские провинции и Вестфалию от Пруссии. «Но вот говорят, что Луи-Наполеон... желает утолить наполеоновскую жажду завоеваний каким-то образом! Мы этому не верим, перед нами пример Крымской кампании!» (там же, стр. 129). Кроме своего неверия в наполеоновскую жажду завоеваний и своей веры в Крымскую кампанию, у *Фогта* *in petto* [на уме] еще другой аргумент. Австрийцы и французы в Италии, как кошки в Килькенни, будут так долго между собой драться, что от них останутся одни хвосты. «Это будет война страшно кровавая, упорная, может быть, даже с сомнительным исходом» (там же, стр. 127, 128). «Только напрягая до последней крайности свои силы, Франция вместе с Пьемонтом одержит победу, но пройдут десятилетия, прежде чем она восстановит затраченные силы» (там же, стр. 129). Эта перспектива продолжительности итальянской войны бьет его противников. Но метод, каким *Фогт* умеет продлить сопротивление Австрии французскому оружию в Италии и парализовать агрессивную силу Франции, действительно довольно оригинален. С одной стороны, французы получают *carte blanche* [свободу действий] в Италии; с другой стороны, «благожелательному царю» дозволяется маневрами в Венгрии, Германии, Моравии и Богемии, революционными интригами внутри стран и военными демонстрациями на ее границах «приковать значительную часть австрийских военных сил к тем частям монархии, которые подвержены нападению русской армии

или доступны русским интригам» (там же, стр. 111). И, наконец, одновременно начатой со стороны Пруссии династической «гражданской войной» в Германии Австрия будет вынуждена оттянуть из Италии свои главные силы для сохранения своих немецких владений. При таких условиях Франц-Иосиф и Луи Бонапарт не заключат, разумеется, мира в Кампо-Формио, а... «оба истекут кровью в Италии».

Австрия не сделает уступок «благожелательному царю» на Востоке и не примет давно предлагаемого возмещения в Сербии и Боснии, не гарантирует Франции рейнских провинций и не нападет на Пруссию в союзе с Россией и Францией. Ни за что! Она упорно будет «истекать кровью в Италии». Но во всяком случае фогтовский «роковой человек» отвергнет с нравственным негодованием подобное возмещение на Рейне. Фогт знает, что «внешняя политика теперешней империи руководствуется только одним принципом, принципом самосохранения» (там же, стр. 31). Он знает, что Луи Бонапарт «преследует только одну единственную идею — именно сохранить за собой эту власть над Францией» (там же, стр. 29). Он знает, что «итальянская война не создаст ему популярности во Франции», между тем как приобретение рейнских провинций сделает «популярными» и его и его династию. Он говорит: «рейнские провинции — действительно, любимая мечта французского шовиниста, и, может быть, если вникнуть поглубже, то найдется только небольшое меньшинство населения, которое не питает в душе этого желания» (там же, стр. 121). С другой стороны, «проницательные люди во Франции», а потому, конечно, и фогтовский «мудрый, аки змий, роковой человек» знают, «что только до тех пор есть надежда на осуществление этого (именно приобретения Францией естественной рейнской границы), пока в Германии 34 разных правительства. Пусть только возникнет подлинная Германия с едиными интересами и прочной организацией,— и рейнская граница будет обеспечена навсегда» (там же, стр. 121). Именно поэтому Луи Бонапарт, предложивший в Виллафранке австрийскому императору Ломбардию взамен гарантии рейнских провинций (см. заявление Кинглэйка в палате общин от 12 июля 1860 г.), должен был бы с негодова-

пнем отвергнуть рейнские провинции, предложенные ему Австрией за французскую помощь против Пруссии.

И фогтвские первоисточники в изданиях *Данто* не только были исполнены восторженных чувств по поводу объединения Германии под руководством Пруссии*, — они в напыщенно-добродетельном тоне отвергали даже намеки, выражавшие какие-либо притязания на рейнские провинции: «Рейн! Что такое Рейн? Граница. Но границы скоро станут анахронизмами» (стр. 36, «La Foi des Traités etc.», Paris, 1859) [«Обязательность договоров и т. д.»] **. В тысячелетнем царстве, которое предстоит создать Баденге на основе принципа национальностей, кто же станет говорить о рейнской границе, вообще о границах? «Обусловливает ли Франция вознаграждение за жертвы, которые она готова принести в интересах справедливости, законного европейского равновесия? Разве она требует левого берега Рейна? Разве она предъявляет хотя бы даже претензии на Савойю и Ниццу?» «La vraie Question.etc.», Paris, 1859, p. 13 *** [«Сущность

* «La Prusse est l'espoir d'Allemagne... l'esprit allemand a son centre à Berlin... l'esprit allemand cherche l'unité de son corps, la vérité de la Confédération. C'est par cet entraînement que s'élève la Prusse... D'où vient-il que lorsque l'Italie réclame l'intégrité, l'unité nationale, ce que l'Allemagne désire, celle-ci favorise l'Autriche, négation vivante de toute nationalité?.. C'est que la Prusse n'est pas encore la tête; c'est que la tête est l'Autriche qui, pesant avec ses forces hétérogènes sur l'Allemagne politique, l'entraîne à des contradictions avec l'Allemagne véritable» («La Foi des Traités etc.», p. 34). [«Пруссия — надежда Германии... немецкий дух имеет свой центр в Берлине... немецкий дух стремится к единству своего тела, к истинной конфедерации. Воодушевленная этим стремлением, поднимается Пруссия... Почему же, когда Италия провозглашает неделимость, национальное единство, к которому стремится и Германия, последняя стоит на стороне Австрии, воплощенного отрицания всякой национальности?.. Потому, что во главе не Пруссия; потому, что во главе Австрия, которая, тяготея своими разнородными силами над политической Германией, вовлекает ее в противоречия с истинной Германией» («Обязательность договоров и т. д.», стр. 34)].

** «Le Rhin!. Qu'est-ce que le Rhin? Une frontière. Les frontières seront bientôt des anachronismes» (там же, стр. 36).

*** «La France stipule-t-elle des dédommages pour les sacrifices qu'elle est prête à faire dans un but d'équité, de juste influence et dans l'intérêt de l'équilibre européen? Demande-t-elle la rive gauche du Rhin? Elève-t-elle même des prétentions sur la Savoie et sur le Comté de Nice?» («La vraie Question etc.» p. 13. [«Сущность вопроса и пр.»]).

вопроса и пр.». Отказ Франции от Савойи и Ниццы, как доказательство ее отказа от Рейна! Этого Фогт не перевел на немецкий язык.

Если до начала войны Луи Бонапарт не мог заманить Пруссию на соглашение, то для него имело решающее значение заставить немецкий союз, по крайней мере, поверить, что он ее заманил. Веру эту Фогт старается распространить в первом издании своих «Исследований». Во время войны Луи Бонапарту было еще важнее склонить Пруссию сделать шаги, которые дали бы Австрии действительное или мнимое доказательство такого соглашения. Поэтому во втором издании «Исследований», появившемся во время войны, Фогт в особом послесловии призывает Пруссию завоевать Германию и начать династическую «гражданскую войну»; при этом в тексте книги он доказывает, что война будет «кровавой, упорной, может быть сомнительным исходом» и будет стоить, по меньшей мере, Рейнской области и Вестфалии, а в послесловии к этой же самой книге он торжественно заявляет, что она отнимет «всего несколько недель». Но голос Фогта — не голос сирены. Поэтому Луи Бонапарт, поддерживаемый в своей мошеннической проделке bottleholder'ом [секундантом в боксе] Пальмерстоном, должен был в Виллафранке изложить Францу-Иосифу *сфабрикованные им самим прусские предложения*; скромные претензии Пруссии на военное руководство Германией должны были служить Австрии предлогом для заключения мира*, за который Луи Бонапарт должен был оправдываться перед Францией тем, что итальянская война грозила превратиться во всеобщую, способную «создать германское единство, тогда как всегдашней целью французской политики, начиная

* Через несколько дней после заключения виллафранкского мира в «Prager Zeitung» появилось следующее официальное разъяснение: «Этот протест (протест Пруссии, желающей взять на себя верховное командование союзной армией под солозным контролем) ясно доказывает, что Пруссия стремится к гегемонии в Германии и, следовательно, к исключению Австрии из Германии. Так как вероломная Ломбардия представляет бесконечно меньшую ценность, чем сохранение *нашего положения в Германии*, то мы отказались от нее, чтобы заключить мир, ставший для нас, *виду позиции Пруссии*, настоятельной необходимостью».

с Франциска I, было всячески препятствовать осуществлению этого единства» *.

После того как Франция итальянской войной приобрела Савойю и Ниццу, а вместе с ними и позицию, которая в случае войны на Рейне имеет большее значение, чем целая армия, «германское единство под прусской гегемонией» и «уступка Франции левого берега Рейна» стали обратимыми величинами в исчислении вероятностей героев 2 декабря. Изданная в 1858 г. карта «L'Europe en 1860» [«Европа в 1860 г.】 была разъяснена изданной в 1860 г. картой «L'Europe pacifiée» [«Умиротворенная Европа»], где Египет уже не достается Австрии, а Рейнская провинция и Бельгия присоединены к Франции в возмещение за переданную Пруссии «северную низменность» **.

Наконец, в Этьенне Персины официально заявил, что в «интересах европейского равновесия» всякая дальнейшая централизация Германии неизбежно вызывает движение французов к Рейну ***. Но никогда еще — ни

* Парижский «Galignani's Messenger», который лишь в исключительных случаях и только по особому официальному поручению дает руководящие статьи, говорит в номере от 21 июля 1859 г.: «To give another province to the King of Piedmont, it would not only have been necessary to support a war against two-thirds of Europe, but German unity would have been realised and a work thus accomplished, which ever since the time of Francis it has been the object of French policy to prevent».

** Специальный листок Плон-Плона, «Opinion Nationale», говорит в статье от 5 июля 1860 г.: «Время предъявления требований, опирающихся на силу, прошло. Для этого император обладает слишком тонким тактом, слишком правильным чутьем общественного мнения... Но разве Пруссия обязалась никогда не думать о германском единстве? Может ли она ручаться, что никогда не взглянет сожелением на Ганновер, Саксонию, Брауншвейг, Гессен, Ольденбург и Мекленбург? Сегодня государи заключают друг друга в объятия и, наверно, искренно. Но кто знает, чего потребует от них народ через несколько лет? И если Германия, под давлением общественного мнения, объединится, то будет ли справедливо, будет ли разумно не разрешить Франции расширить свои владения за счет своих соседей?.. Если немцы сочтут необходимым изменить свою старую политическую конституцию и поставить на место беспомощного Союза сильное централизованное правительство, то мы не можем не признать права Франции требовать от Германии возмещений и гарантий».

*** Императорский Pecksnif [лицемер] превзошел самого себя в памфлете Дантю: «La Politique anglaise», Paris 1860 [«Англий-

до итальянской войны, ни после нее — шутовской чрево-вещатель из Тюильри не говорил более бесстыдно, чем в рупор беглого имперского регента.

* * *

Форт, «новошвейцарец, гражданин кантона Берна и женевский советник» (там же, предисловие), начинает *швейцарскую* часть своих «Исследований» прологом (там же, стр. 37—39), в котором предлагает Швейцарии *выразить свой восторг* по поводу замены Луи-Филиппа Луи Бонапартом. Правда, Луи Бонапарт потребовал от Союзного совета «мер против печати», но «в этом отношении у всех Наполеонидов, повидимому, очень чувствительная кожа» (там же, стр. 36). Накожная болезнь, не более, и так прилипла к фамилии, что передается не только с фамильной кровью, но и — teste Louis Bonaparte [тому свидетель Луи Бонапарт] — с одним фамильным именем. Конечно, «преследование невинных людей в Женеве, которое производил Союзный совет по императорскому приказу против бедняг, вся вина которых заключалась в том, что они были итальянцы; учреждение консульств, притеснение печати, всякого рода бессмысличные полицейские мероприятия и, наконец, переговоры об уступке Далпентала в значительной мере стерли в Швейцарии воспоминание об услугах, действительно оказанных императором в невшательском деле, и при том оказанных той партии, которая теперь наиболее ожесточенно выступает против него» (там же, стр. 37, 38). Великодушный император, неблагодарная партия!

ская политика», Париж 1860]. Именно, по мысли автора, надо украсть несколько миллионов немцев и бельгийцев, чтобы улучшить моральный облик Франции, южные элементы которой нуждаются в большей примеси солидности северян. После рассуждений о том, что Франция из политических и военных соображений нуждается в границах, дарованных ей самою природой, говорится далее: «Эта аннексия (рейнских провинций и Бельгии) необходима еще и в силу другого соображения. Франция любит и требует разумной свободы (*une sage liberté*), а южный элемент занимает большое место в ее общественных учреждениях. У этого элемента чудесные качества..., но ему не хватает выдержки и твердости. Он нуждается в терпеливой настойчивости, в холодной и непреклонной решимости наших северных братьев. Поэтому предизначенные нам провидением границы столь же необходимы для нашей свободы, как и для нашей независимости».

Невшательское выступление императора отнюдь не было прецедентом к нарушению договоров 1815 г., к унижению Пруссии, к протекторату над Швейцарией. Ему, в качестве «новошвейцарца, гражданина кантона Тургау и оберштрасского артиллерийского капитана», полагалось «оказать действительные услуги» Швейцарии. Неблагодарность, за которую Фогт в марте 1859 г. упрекал антибонапартистскую партию в Швейцарии, была брошена как обвинение всей Швейцарии другим прислужником императора, Тувенелем, в июне 1860 года. В «Times» от 30 июня 1860 г. мы читаем: «Несколько дней назад в министерстве иностранных дел в Париже произошла встреча между д-ром Керном и Тувенелем в присутствии лорда Каули. Тувенель заявил почтенному представителю Швейцарии, что колебания и протесты союзного правительства оскорбительны, поскольку в них, повидимому, содержится недоверие к правительству его императорского величества. Такое поведение есть грубая неблагодарность, если принять во внимание услуги (*services*), оказанные (*rendered*) Союзу императором Наполеоном во многих случаях и особенно при заключении невшательского договора. Но как бы то ни было, раз Швейцария была настолько *слепа*, чтобы не доверять своему благодетелю, то она сама должна и отвечать за последствия». А ведь Фогт уже в марте 1859 г. пытался снять бельмо у *слепой* антибонапартистской партии в Швейцарии. С одной стороны, он указывает на «действительные услуги», «оказанные императором». С другой же стороны, «огорчения, причиняемые императором», теряются и совершенно бледнеют перед неприятностями, пережитыми при Луи-Филиппе (там же, стр. 39). Например: в 1858 г. Союзный совет изгоняет «по императорскому приказу бедняг, вся вина которых заключалась в том, что они итальянцы» (стр. 37); в 1838 г., несмотря на угрозы Луи-Филиппа, он отказывается изгнать Луи Бонапарта, вся вина которого заключалась только в том, что он конспирировал в Швейцарии против короля Луи-Филиппа. В 1846 г. Швейцария, несмотря на «брязгание» Луи-Филиппа «оружием», решается на войну с Зондербундом; по адресу мирного короля это означало, что его угрозы не страшны; в 1858 г. она только чуть-чуть жеманится, когда Луи Бонапарт щупает Даппен-

таль. «Луи-Филипп, — говорит сам Фогт, — влачил в Европе жалкое существование; его третировали все, даже мелкие легитимные правители, за то, что он не осмеливался вести сильную внешнюю политику» (там же, стр. 31). Но «императорская политика по отношению к Швейцарии, без сомнения, — политика могущественного соседа, который знает, что в конце концов может добиться всего, чего захочет» (там же, стр. 37). Итак, — заключает Фогт с логикой Granguillot [Грангилью], — «с чисто швейцарской точки зрения можно только испытывать величайшую радость» (стр. 39) по поводу перемены, давшей Швейцарии вместо всеми третируемого Луи-Филиппа «могущественного соседа», «который знает, что по отношению к ней он может все, чего захочет».

За этим прологом, подготовляющим необходимое настроение, следует немецкий перевод ноты Союзного совета от 14 марта 1859 г., и, что удивительно, Фогт хватит эту ноту, хотя Союзный совет ссылается в ней на договоры 1815 г. и хотя ссылку на них тот же Фогт считает «лицемерием». «Убрайтесь со своим лицемерием!» (там же, стр. 112)*.

Фогт далее исследует, «с какой стороны произойдет первое нападение на нейтралитет Швейцарии?» (там же, стр. 84), и приводит лишнее доказательство, что французская армия, которой на этот раз нет нужды завоевывать Пьемонт, не пойдет ни через Симплон, ни через большой Бернар. Одновременно он открывает несуществующую дорогу «через Мон-Сени, через Фенестреллу, по долине Стуры» (там же, стр. 84). Она зовется, собственно, долиной Доры. Итак, со стороны Франции опасность Швейцарии не угрожает. «Не столь спокойно можно ждать бережного отношения к швейцарскому нейтралитету со стороны Австрии, и различные факты даже

* В действительности не «договоры» охраняли нейтралитет Швейцарии, а взаимно парализуемые интересы различных пограничных держав. «Швейцарцы, — пишет английский поверенный в делах в Берне капитан Гаррис лорду Джону Росселю после беседы с президентом Союза Фрей-Эрозе, — швейцарцы понимают, что... события последнего времени существенно изменили относительный удельный вес пограничных держав, так как после невинательского договора Пруссия равнодушна, Австрия парализована, а Франция несравненно сильнее, чем раньше».

показывают, что последняя имеет в виду нарушить этот нейтралитет, если представится для этого удобный случай» (там же, стр. 85). «Многозначительным в этом отношении представляется сосредоточение армейского корпуса в Брегенце и Фельдкирхе» (там же, стр. 86). Здесь красная нить, которая проходит через «Исследования», выступает наружу и приводит прямым путем из Женевы в Париж.

Именно, опубликованная кабинетом Дерби Синяя книга об итальянских делах (январь — май 1859 г.) рассказывает, что слух о «сосредоточении австрийского армейского корпуса у Брегенца и Фельдкирха» умышленно распространялся бонапартистскими агентами в Швейцарии, но был лишен всякого фактического основания (№ 74 цитированной Синей книги, письмо капитана Гарриса лорду Мальсбери (Malmesbury) из Берна от 24 марта 1859 года). Гумбольдт-Фогт и в данном случае делает открытие, что в Брегенце и Фельдкирхе «находишься в непосредственной близости рейнской долины, в которую ведут три больших альпийских прохода с проезжими дорогами, именно Via mala, Шплюген и Бернар; последний — к Тессину, а оба первых — к озеру Комо» (там же, стр. 86). В действительности Via mala ведет, во-первых, через Шплюген, во-вторых, через Бернар и, в-третьих, никуда больше.

После всей этой полониевской болтовни, которая должна была отвлечь подозрение Швейцарии с западной границы на восточную, «округленная нагура» подкатывается, наконец, к своей настоящей задаче.

«Швейцария, — говорит Фогт, — имеет полное право решительно отвергнуть обязательство не разрешать пользоваться этой железнодорожной линией (из Кюло на Экс и Шамбери) для воинских поездов, ограничиваясь при случае использованием нейтральной области, лишь когда этого потребует защита собственной территории» (там же, стр. 89). И он уверяет Союзный совет, что «вся Швейцария, как один человек, будет стоять за эту политику, намеченную в его [Совета] ноте от 14 марта».

Фогт опубликовывает свои «Исследования» в конце марта. Но только 24 апреля Луи Бонапарт использовал названную железнодорожную линию для воинских поездов, войну же объявил еще позже. Посвященный в

подробности бонапартистского военного плана, Фогт поэтому знал точно, «с какой стороны последует покушение на нейтралитет Швейцарии». Он имел определенное поручение убедить ее стерпеть первое нарушение нейтралитета, логическое следствие которого — аннексия нейтрализованной савойской области декабристской монархией. Похлопывая Союзный совет по плечу, он приписывает ноте от 14 марта смысл, который она должна была иметь с бонапартистской точки зрения. Союзный совет говорит в своей ноте, что Швейцария исполнит «одинаково и лояльно по отношению ко всем» свою вытекающую из договоров «миссию» нейтралитета. Он цитирует, далее, договорный пункт, по которому «никакие войска какой-либо другой державы не могут оставаться или проходить там» (в нейтрализованной савойской области). Он ни одним словом не упоминает о том, что французам разрешается использовать железную дорогу, проходящую через нейтрализованную область. Условно, г. качестве «меры для охраны и защиты своей территории», он оставляет за федерацией право «занять войсками» нейтрализованную область. Что Фогт здесь умышленно и по высокому поручению извращает содержание ноты Совета, доказывает не только текст ее, но и заявление лорда Мальсбери (Maltesbury) — тогдашнего английского министра иностранных дел — в заседании палаты лордов от 23 апреля 1860 года. «Когда французские войска, — сказал Мальсбери, — собирались (месяц с лишком спустя после ноты Совета от 14 марта) пройти в Сардинию через Савою, швейцарское правительство, верное нейтралитету, на котором основывается независимость Швейцарии, прежде всего заявило, что эти войска не имеют права проходить через нейтрализованную область»*. Какими соображениями Наполеон и связанная с ним швейцарская партия пытались рассеять сомнения Союзного совета? Фогт, знаяший уже в конце марта 1859 г., что французские воинские поезда в конце апреля 1859 г. нарушают нейтралитет нейтрализованной

* «When the French troops were about to march through Savoy into Sardinia, the Swiss Government, true to the neutrality upon which depends its independence, at first objected that these troops had no right to pass through the neutralised territory».

области, естественно, предвосхищает уже в конце марта ту фразу, которой Луи Бонапарт в конце апреля скрасит свое насилие. Он выражает сомнение в принадлежности «нейтрализованной области головного участка железнодорожной линии из Кюло на Экс и Шамбери» (там же, стр. 89) и доказывает, что «установление нейтрализованной области отнюдь не имело целью прекратить сношения между Францией и Шамбери» и что, следовательно, названная железнодорожная линия морально минует нейтрализованную область*.

Послушаем, с другой стороны, лорда *Мальсбери* [Malmesbury]. «Позже, в связи с высказанным соображением, что рассматриваемая железнодорожная линия не затрагивает нейтрализованной части Савойи, швейцарское правительство отказалось от своих возражений и разрешило французским войскам передвижение по ней. Я думаю, что, поступая так, оно совершило ошибку (I think that they were wrong in doing so). Мы считали соблюдение нейтралитета этой области столь важным с точки зрения интересов Европы..., что 28 апреля 1859 г. послали французскому двору протест против передвижения этих войск в Сардинию». Этот протест послужил Пальмерстону предлогом обвинить Мальсбери в «австрийских» симпатиях, так как он «без всякой нужды оскорбил французское правительство» (had uselessly offenden the French government), совсем как Фогт в «Главной книге» (стр. 183) обвиняет газету «Volk» в том, что она «всячески старалась» — разумеется, в угоду Австрии, — «создавать затруднения для Швейцарии... Достаточно прочесть статью «Volk» о нейтралитете и прохождении французскими войсками Савойи, чтобы

* Что железнодорожная линия входит в нейтрализованную область, определено признано в ноте, отправленной союзным президентом Штёмфли и канцлером Шиссом 18 ноября 1859 г. капитану Гаррису. Там говорится: «Il pourrait être aussi question d'un autre point qui concerne la neutralité de la Savoie... nous voulons parler du chemin de fer derrière construit de Culoz à Chambéry à l'égard duquel on peut se demander s'il devait continuer à faire partie du territoire neutralisé» [«Может возникнуть вопрос о другом пункте, касающемся нейтралитета Савойи... мы имеем в виду недавно построенную железную дорогу из Кюло на Шамбери, о которой может быть поставлен вопрос, продолжает ли она составлять часть нейтрализованной территории»].

бросились в глаза эти тенденции, общие этой газете с «Allgemeine Zeitung» *.

«Бросается в глаза», что весь отдел фогтовских «Иследований», касающийся Швейцарии, имеет своей исключительной задачей оправдание *первого нарушения швейцарской нейтральной области* его «роковым человеком». Это был первый шаг к аннексии Савойи, а затем и французской Швейцарии. Судьба Швейцарии зависела от энергии, с которой она выступила против этого первого шага и защищала свои права, пытаясь в решительный момент сделать из них общеевропейский вопрос; в это время симпатии английского правительства были обеспечены Швейцарией, и Луи Бонапарт, только начавший свою локализованную войну, не осмелился бы бросить ей вызов. Официально взяв на себя обязательства, английское правительство не могло уже отступиться **. Отсюда необычайные старания «новошвейцарца, гражданина кантона Берна и женевского советника» затуманить дело, а разрешение французским войскам пройти через нейтрализованную область представить как *право*, подлежащее реализации, как мужественную демонстрацию против Австрии. Ведь спас же он Швейцарию от Катилины-Шервала!

Повторяя и подкрепляя возражения своих первоисточников, памфлетов *Дантю*, против вожделений, устремленных на рейнскую границу, Фогт избегает *всякого* намека на содержащийся в тех же памфлетах отказ от Савойи и Ниццы. Даже название Савойи и

* Фогт упрекает в частности газету «Volk» в том, что она старалась «втянуть федерацию в конфликт с могущественными соседними державами». Когда аннексия Савойи была фактически произведена, бонапартистский листок «Eidgenössische Zeitung» обвинил официальный «Bund» в том, что «его взгляды на Савойю и Францию — слабый отголосок той политики, которая уже с 1848 г. хотела впутать Швейцарию в европейскую борьбу» (см. «Bund», Берн, 12 марта 1860 г., № 71). У бонапартистских перьев, как мы видим, фразы уже заранее подготовлены.

** Had those provinces (Chablais and Faucigny) been occupied by the Federal troops... there can be little doubt they would have remained in them up to this moment (p. 20. L. Oliphant, Universal Suffrage and Napoleon III. London 1860) [Если бы эти провинции (Шаблэ и Фосини) заняли федеральные войска, то они, без сомнения, остались бы там до сих пор. См. Л. Олифант, Всеобщее голосование и Наполеон III. Лондон 1860].

Ниццы нет в его «Исследованиях». Между тем уже в феврале 1859 г. савойские депутаты протестовали в Турине против итальянской войны, так как аннексия Савоией декабристской монархией была ценой заключения союза с Францией. Этот протест не дошел до ушей Фогта. Точно так же не дошли до него отлично известные всей остальной эмиграции условия договора, заключенного в *августе* 1858 г. в Пломбье между Луи Бонапартом и Кавуром (опубликованы в одном из первых номеров «*Volk*»). Мадзини в упомянутом уже номере «*Pensiero ed Azione*» (2—16 мая 1859 г.) буквально предсказал: «Но если Австрия будет разбита в самом начале войны и повторит условия, которые она предлагала в 1848 г. английскому правительству, — именно отказ от Ломбардии при условии сохранения за ней Венеции, — то мир будет заключен. Будут, вероятно, выполнены условия только по расширению владений сардинской монархии и *уступке Франции Савои и Ниццы*»*.

Мадзини опубликовал свое предсказание в середине мая 1859 г., Фогт выпустил второе издание своих «Исследований» в середине июня 1859 г., но ни звука о Савои и Ницце. Еще до Мадзини и до савойских депутатов, уже в *октябре* 1858 г., полтора месяца спустя после пломбьера заговора, президент Швейцарского союза сообщал в специальной депеше английскому кабинету, что «он имеет основания думать, что между Луи Бонапартом и Кавуром заключено условное соглашение об *уступке Савои*»**. В начале июня 1859 г. президент Союза сообщил снова английскому поверенному в делах в Берне свои опасения о предстоящей

* «Ma dove l'Austria, disfatta in sulle prime, affacciisse proposte equali a quelle ch'essa affacciò per breve tempo nel 1848 al Governo Inglese, abbandono della Lombardia a pattò di serbare il Veneto, la pace... sarebbe accettato: le sole condizioni dell'ingrandimento della Monarchia Sarda e della cessione della Savoia e di Nizza alla Francia, riceverebbero esecuzione».

** В своей упомянутой выше речи лорд *Мальсбери* говорит: «There is a despatch now in the Foreign Office, dated as long back as October 1858... from the President of the Swiss Republic, stating that he had reason to believe that some additional agreement had been come to between the Emperor of the French and Count Cavour with respect to Savoy».

аннексии Савои и Ниццы*. До Фогта, этого спасителя швейцарцев по специальности, не дошло ни одной весточки ни о протесте савойских депутатов, ни о разоблачениях Мадзини, ни о продолжавшихся с декабря 1858 до июня 1859 г. опасениях швейцарского союзного правительства. Как мы увидим впоследствии, даже в марте 1860 г., когда пломбьёрский секрет обошел все улицы Европы, он как-то миновал Фогта. Эпиграф: «Молчание — добродетель рабов» украшает «Исследования», вероятно в связи с их умолчанием об угрожающей аннексии. Один намек все же в них содержится: «Но допустим, — говорит Фогт, — что совершилось бы невероятное и что цена победы была бы оплачена итальянскими землями, на юге или на севере... Право, с узкой, чисто немецкой точки зрения... можно искренно пожелать, чтобы французский волк поживился итальянской костью» (там же, стр. 129—130). Итальянская область к северу, это, естественно, — Ницца и Савойя. После того, как новошвейцарец, гражданин кантона Берна и Женевский советник призывал Швейцарию «с чисто швейцарской точки зрения» (там же, стр. 39) «испытывать величайшую радость» по поводу соседства Луи Бонапарта, беглому имперскому регенту внезапно приходит в голову, что «с узкой, чисто немецкой точки зрения он может искренно пожелать», чтобы французский волк «поживился костью из Ниццы и Савои», а следовательно, и французской Швейцарии**.

* См. № 1 первой Синей книги, «On the proposed annexation of Savoy etc.».

** Фогтовское пожелание «с узкой, чисто немецкой точки зрения» загнать «французскому волку» в глотку итальянскую «кость», чтобы волк страдал от несварения желудка, будет, несомненно, осуществляться во все растущем масштабе. В официозной «Revue Contemporaine» от 15 октября 1860 г.—заметим мимоходом, специально покровительствующей Фогту,— помещена корреспонденция из Турина от 8 октября, где, между прочим, говорится: «Генуя и Сардиния были бы законной ценой новой (французской) войны за единство Италии. Я прибавлю, что обладание Генуей было бы необходимым орудием нашего влияния на полуостров и единственным действительным средством помешать морской державе, образованию которой мы содействовали, в один прекрасный день уйти от нас и заключить какой-нибудь новый союз. Лишь наступив коленом Италии на грудь, мы

* * *

Несколько времени тому назад в Париже вышел памфлет «Napoléon III» [«Наполеон III»], не «Napoléon III et Italie» [«Наполеон III и Италия»] или «Napoléon III et question Roumaine» [«Наполеон III и румынский вопрос»], или «Napoléon III et la Prusse» [«Наполеон III и Пруссия»], а «Napoléon III» просто, простой Наполеон III. Это — шолный гипербол панетирик Наполеона III по адресу Наполеона III. Этот памфлет был переведен одним арабом, по имени Да-Да, на его родной язык. В послесловии к шамфлету опьяненный Да-Да не может больше сдержать своего энтузиазма и изливается потоками пламенных стихов. Но в предисловии Да-Да еще достаточно трезв, чтобы сознаться, что его работа составлена по приказу местных алжирских властей и предназначена для распространения среди арабских племен по ту сторону алжирской границы для того, чтобы «идея единства и национальности под руководством общего вождя овладела их фантазией». Этот общий вождь, который должен создать «единство арабской национальности», как выдает Да-Да, — не кто иной, как «благодетельное солнце, слава небосвода — император Наполеон III». Хотя Фогт и не пишет стихами¹, он не кто иной, как немецкий Да-Да.

Назвав «Исследованиями» свое переложение на немецкий язык излучаемых благодетельным солнцем и славой небосвода статей «Moniteur», памфлетов Дантию и карт вновь переделанной Европы, Да-Да Фогт сострил удачнее, чем когда-либо за всю свою веселую жизнь. Это даже лучше, чем имперское регентство, имперские пирушки и им самим сочиненные имперские заграничные паспорта. Тот факт, что «образованный» немецкий бюргер считает добросовестными (*bona fide*) «Исследования», в которых Австрия борется с Англией за Египет, Австрия и Пруссия препираются из-за *европейских* земель, Наполеон I заставляет Английский банк взвешивать свое золото вместо того, чтобы считать его,

сможем обеспечить себе ее верность. Австрия, хороший судья в этом деле, отлично это знает. Наш нацизм будет менее груб, но лучшие, чем австро-итальянский, — в этом единственное отличие.

¹ Ungerleimt — значит также вздор, чепуха. Ред.

греки и фанариоты оказываются различными народами, из Мон-Сени идет дорога через Фенестреллу по долине Стуры и т. д., — этот факт показывает только, под каким высоким давлением находился в течение десяти лет реакции его либеральный череп.

Но, странным образом, тот же самый толстокожий либеральный немец, который приветствовал фогтовский грубо утрированный *перевод оригинальных декабристских памфлетов на немецкий язык*, в бешенстве вскочил со своего покойного кресла, когда Эдмон Абу, в своем памфлете «*La Prusse en 1860*» [«Пруссия в 1860 г.»], первоначально «*Napoléon III et la Prusse*» [«Наполеон III и Пруссия»] с мудрой осторожностью *перевел* комиляцию Да-Да *снови* на французский язык. Заметим мимоходом, что эта болтливая сорока бонапартизма не лишена лукавства. Так, например, чтобы доказать симпатии Бонапарта к Германии, *Абу* указывает, что декабристская монархия сваливает в одну кучу Да-Да *Фогта* с *Гумбольдтом*, как и *Лазарильо Гаклендера* с *Гёте*. Во всяком случае, эта комбинация *Фогт-Гаклендер* показывает со стороны Абу более глубокое изучение своего предмета, чем это можно найти в «Исследованиях» немецкого Да-Да.

IX. АГЕНТУРА

So muosens alle strîten,
in vil angstlichen zîten
wart gescheiden doch her dan
... der *Vogt* da von Bérne.

(*Klage.*)

[В лихсе это время
Борьба велася всеми,
И вот в борьбу вмешался
... из Берна Фогт.] *

(*Плач.*) *

В одной программе, датированной Да-Да Фогтом с крайней безмятежностью *первым апреля*, именно 1 апреля 1859 г., он обратился к демократам различной окраски с предложением сотрудничать в газете, которая должна была выходить в Женеве и пропагандировать декабристско-русские взгляды его «Исследований». При всей подобающей осторожности, с какой программа, естественно, была составлена, на попоне из пропускной бумаги остались следы лошадиных копыт. Однако не будем на этом останавливаться.

В конце программы Фогт просит своих адресатов указать «единомышленников», которые «были бы готовы работать в этом духе в открытых для них газетах и журналах». На центральном празднестве в Лозанне он заявил, что составил программу и приглашает «тех, которые захотели бы ей следовать, за соответственный гонорар работать в органах печати, предоставленных в их распоряжение» (стр. 17, «Центральное празднество и т. д.»). Наконец, в одном письме к доктору *Ленингу*

* Гартман, наоборот, заставляет в *Ивейне Фогта* сказать, намекая, очевидно, на его разногласие с бернскими колпаками:

von Bêrn mac wol heizen ich,
wand ich dâ nîht ze schaffen hân.

[Мне, хоть прозван бернцем,
До Берна дела нет.]

Не следует смешивать этого Гартмана с другом Фогта, лирическим парламентским слизняком того же имени.

мы читаем: «Можешь ли ты связать меня с людьми, которые могли бы из Франкфурта обрабатывать газеты и журналы в этом духе? Я готов прилично оплачивать их за работы, оттиски которых будут мне присыпаться» («Главная книга», документы, стр. 36).

Единомышленники программы становятся на центральном празднестве в Лозанне «теми, которые», а «те, которые» превращаются в письме к доктору Ленингу в «людей», людей «sans phrases» [просто людей]. Фогту, генеральному казначею и генеральному ревизору немецкой печати, «предоставлены в распоряжение фонды» (там же, стр. 36) для оплаты не только статей в «газетах и журналах», но и «брюшор» (там же). Ясно, что поставленная на такую ногу агентура требует значительных «фондов».

Er sante nach allen den hērren
die in diusken rīchen wāren;
ēr elagete in allen sīn nōt;
undē bōt in och sīn golt rōt.

(Kaiserchronik.)

[Отправил он гонцов ко всем
Князьям земель немецких,
Всем о беде своей сказал,
А также золото предлагал.

(Имперская хроника.)]

Для какой же цели газеты, журналы, брошюры должны «теми, которые» «обрабатываться», Фогту «посыпаться» и им «прилично» оплачиваться? «Речь идет об Италии», не более; ведь, чтобы отвратить опасность на Рейне, Фогту «представляется выгодным дать Луи Бонапарту истекать кровью в Италии» (там же, стр. 34, Программа). Нет, «речь идет не об Италии» (письмо доктору Ленингу, там же, стр. 36). «Речь идет о Венгрии» (письмо г. Г. в Н., там же). Нет, речь идет не о Венгрии. «Речь идет... о вещах, о которых я не могу сообщить» (там же документы, стр. 36).

Столь же, как и вещь, о которой идет речь, противоречивы и источники, откуда текут приличные «фонды». Это «отдаленный уголок французской Швейцарии» («Главная книга», стр. 210). Нет, «это венгерские женщины с Запада» (письмо к Карлу Блинду, приложение к № 44 «Allgemeine Zeitung» от 13 февраля 1860 г.).

Наоборот, это *masculini* [мужчины] «из кругов немецкой и особенно австрийской полиции» (стр. 17, «Центральное пра́днество и т. д.»). Столь же, как «источники» и «цели», хамелеонообразны и размеры его фондов. Это «несколько франков» («Главная книга», стр. 110). Это «мелкие фонды» (стр. 17, «Центральное пра́днество и т. д.»). Это суммы, достаточные дляличной оплаты людей, которые по-фоготовски станут работать в немецкой печати и писать брошюры. Наконец, двусмысленный характер носит, кроме того, и способ образования этих фондов. Фогт «сколотил их с больши́м трудом» («Главная книга», стр. 210). Нет, они «предоставлены в его распоряжение» (там же, документы, стр. 36).

«Если я не ошибаюсь, — говорит «округленная на́тура», — то «подкупа́ть» значит склонять кого-либо деньгами или предоставлением иных выгод к поступкам или высказываниям, противоречащим его убеждениям» (там же, стр. 217). Но человек, убеждениям которого соответствует *продаваться*, не может быть подкуплён, и тот, убеждениям которого это противоречит, также не может быть подкуплен. Если отдел иностранной печати Французского министерства предлагает, например, швейцарским газетам за полцены, за четверть цены и даже даром выходящую ежедневно и стоящую 250 фр. «Парижскую литографированную корреспонденцию», обращая внимание «благомыслящих редакций» на то, что они могут рассчитывать на ежемесячную дополнительную и все возрастающую сумму в 50, 100 и 150 фр. «в зависимости от успеха», то это ни в коем случае не подкуп. Редакции, убеждениям которых противоречит ежедневная «корреспонденция» и месячное приложение к ней, никто не принуждает принимать ни того, ни другого. И разве «подкуплены» Гранье де-Кассаньяк, или Ля-Геррюньер, или Абу, или Грантильо, или Бюлье, или Журдан из «*Siècle*», или Мартен и Бонифас из «*Constitutionnel*», или Рошэ Да-Да-Альбер? Разве им приходилось когда-нибудь в жизни столкнуться с подлежащим оплате постушком или высказыванием, которые противоречили бы убеждениям этих господ? Или разве, например, Фогт подкупил агента раньше враждебного ему швейцарского листка, безвоз-

мездно предоставив в его распоряжение несколько сот экземпляров своих «Исследований»? Во всяком случае странно это фогтovское предложение публицистам работать в духе их убеждений в предоставленных в их распоряжение органах печати и получать гонорар за эту работу через орган Фогта в Женеве. Что Фогт смешил гонорар, выплачиваемый известной газетой своим сотрудникам, с тайными субсидиями, предлагаемыми из анонимной кассы каким-то третьим субъектом корреспондентам совершенно чуждых ему газет и даже печати целой страны, — это «qui pro quo» [путаница] показывает, как глубоко «вработался» немецкий Да-Да в мораль 2 декабря.

«У источника сидел мальчик...» Но у какого источника?

Вместо намеченного Фогтом еженедельника «Die Neue Schweiz» впоследствии в Женеве стала выходить «Neue Schweizer Zeitung», основанная старым приятелем Да-Да, А. Брассом. И вот в одно прохладное ноябрьское утро Брасс заявил, к изумлению всей Женевы, что «в письме к Фогту он отверг французское кормовое корыто, которое хотел подставить ему Фогт». В то же время он заявил о своей готовности ответить на суде за это заявление («Neue Schweizer Zeitung» от 12 ноября 1859 года). А петух или, вернее, каплун, до сих пор так весело кукарекавший, замолк, после того как его потребили на его собственной навозной куче. В самой Женеве одним из «известных» своих друзей «новошвейцарец, гражданин кантона Берна и женевский советник» был публично обвинен в попытке подкупа французскими деньгами. И женевский советник молчал.

Пусть не думают, что Фогт мог игнорировать «Neue Schweizer Zeitung». Обвинение против него появилось, как я сказал, в номере от 12 ноября 1859 года. Вскоре после того в этой же самой газете появилась пикантная характеристика Плон-Плона, и «Revue de Genève», орган женевского диктатора Джемса Фази, тотчас же отклинулась на это протестующей передовицей в четыре столбца («Revue de Genève» от 6 декабря 1859 года). Она протестовала «au nom du radicalisme genèvois», во имя женевского радикализма. Такое значение придавал сам Джемс Фази «Neue Schweizer Zeitung». В передо-

лице из четырех столбцов «Revue de Genève» нельзя было не распознать руки Фогта. Брасса в ней до известной степени оправдывают; не он виноват в посягательстве на Плон-Плона, его ввели в заблуждение. По чисто фогтовскому способу, *corpus delicti* [улника] взвалывается на того самого Л. Геффнера, которого Фогт и в «Главной книге» (стр. 188) подозревает в писании «скандальных сплетен об императоре и принце Наполеоне»; имеется и неизбежный у Фогта намек на «пресловутого баденского экс-лейтенанта Клюсмала» как бернского корреспондента «Allgemeine Zeitung» (ср. «Главную книгу», стр. 198). Остановимся коротко на протесте, опубликованном «во имя женевского радикализма» и для спасения чести Плон-Плона господином и слугой, *Джемсом Фази и Карлом Фогтом*, 6 декабря 1859 г. в «Revue de Genève».

Брасса обвиняют в том, что он пытается «подкрепить свое немецкое мнение о Франции оскорблением принца из дома Бонапартов». Плон-Плон, как уже давно знают в Женеве, либерал чистейшей воды, который в период своего изгнания великодушно отказался «играть роль при штутгартском и даже петербургском дворах». Просто смешно приписывать ему мысль об образовании где-то маленького государства, какого-то этрусского королевства, как это делает оскорбительная статья из «Neue Schweizer Zeitung». «Принц Наполеон, в твердом сознании своего *genie* и своих талантов, ставит себя гораздо выше этих жалких маленьких тронов». Он скорее предпочитает *ю* Франции, «этом центре высокой цивилизации и всеобщей инициативы», играть роль маркиза Позы при дворе своего светлейшего кузена «в качестве принца-гражданина» (*prince-citoyen*). «Кузен уважает и любит его, что бы там ни говорили». Но принц не только бонапартовский маркиз Поза, он — «бескорыстный друг» Италии, Швейцарии, — словом, национальностей. «Принц Наполеон, как и император, — крупный экономист... Нет сомнения, что если во Франции восторжествуют когда-нибудь принципы здравой политической экономии, то при большом участии принца Наполеона». Он был и остался «сторонником совершенно неограниченной свободы печати», противником всяких предупредительных полицейских мер,

косителем «идей свободы в широчайшем смысле слова как в теории, так и на практике». Если уши императора бывают под дурным влиянием глухи к советам этой Эгерии, то принц удаляется с достоинством, но «без ропота». Не что иное, как «его заслуги, вызвали клеветнические нападки на него в Европе». «Враги Франции боятся его потому, что он опирается на революционную поддержку народов Европы, стремясь вернуть им их национальность и их свободу. Итак, не-признанный гений, маркиз Пое, Эгерия, экономист, защитник угнетенных национальностей, демократ чистейшей воды и — мыслимо ли считать это возможным? — Плон-Плон *«est habile comme général et brave comme tout officier français»* [«искусен, как генерал, и храбр, как всякий французский офицер»]. «Он доказал это в Крымскую кампанию во время битвы при Альме и после нее». А в итальянскую кампанию он «отлично организовал свой 50-тысячный корпус» (известный *corps de touristes* [корпус туристов], я чуть было не сказал *corps de ballet* [кордебалет]) «и в короткое время совершил тяжелый переход через гористую местность, причем войска его не терпели ни в чем недостатка». Как известно, французские солдаты в Крыму называли боязнь пушечных выстрелов *la maladie Plon-Ploniennne* [болезнью Плон-Плона], и, вероятно, Плон-Плон покинул полуостров лишь из-за возраставшего недостатка жизненных притасов. «Мы показали его» — именно Плон-Плона, — торжествуя заканчивает *«Revue de Genève»*, — «таким, каков он есть». Ура генералу Плон-Плону!

Ничего поэтому нет удивительного, если Фогт говорит, что получил свою походную кассу из «демократических рук». Плон-Плон, этот *prince rouge* [красный принц] — идеал Фогта и Фази, так сказать, заколдованный принц европейской демократии. Фогт не мог получить своих денег из более чистых демократических рук, чем из рук Плон-Плона. Если даже часть прямо переданных августейшим кузеном Плон-Плона Кошуту денег попала через венгерские руки в руки Фогта, то их «происхождение ужасно». Но из рук Плон-Плона! Даже те деньги, которые Фогт получил во время невшательского дела от графини К..., подруги Клапки, могли притти из более

нежных рук, но не из более чистых и более демократических. Plon Plon est voluptueux comme Héliogabale, lâche comme Ivan III et faux comme un vrai Bonaparte [Плон-Плон сластолюбив, как Гелиогабал, труслив, как Иван III, и лжив, как настоящий Бонапарт], — говорит известный французский писатель. Худшее из того, что содеял Плон-Плон, было то, что он произвел своего кузена в *homme sérieux* [серъезного человека]. Виктор Гюго мог сказать о Луи Бонапарте: *n'est pas monstre qui veut* [мало одного желания быть чудовищем], но с тех пор, как Луи Бонапарт открыл Плон-Плона, на господине из Тюильри сосредоточилась деловая, а на субъекте из Пале-Рояля шутовская сторона имперской головы Януса. Фальшивый Бонапарт, племянник своего дяди, но не сын своего отца, казался настоящим по сравнению с этим настоящим Бонапартом, так что французы все еще говорят *l'autre est plus sûr* [скорее другой настоящий]. Плон-Плон одновременно и Дон-Кихот и Гудибрас *Bas Empire* [поздней империи]. Гамлет находил странным, что, может быть, праху Александра предопределено служить затычкой пивной бочки. Что сказал бы Гамлет, увидев ставшую голову Наполеона на плечах Плон-Плона! *.

Получив основной фонд своей походной кассы «из французского кормового корыта», Фогт, чтобы замаскировать корыто, для вида попутно устраивал сборы «нескольких франков» среди более или менее демократических друзей. Так просто разрешаются противоречия, связанные с источником, количеством и способом образования его фондов.

Фогтовская агентура не ограничивалась «Исследованиями», «Программой» и вербовочным бюро. На лозаннском «центральном празднике» он возвестил немецким рабочим в Швейцарии миссию Луи Бонапарта по освобождению национальностей, — разумеется, с более радикальной точки зрения, чем в «Исследованиях»,

* Фогт, как он рассказывает, должен был уже в 1852 г. предпринять научное путешествие (шествие Бахуса?) с Плон-Плоном, которому один «прудонист» с энтузиазмом рекомендовал его за его «mais do que promettia a força humana» [«более изумительные, чем можно ожидать от человеческих сил»] «естественно-научные изыскания» («Главная книга», документы, стр. 24).

предназначенных для либерального немецкого филистера. В то время как здесь («Исследования») он, путем глубокого проникновения в отношения между «материей и силой», пришел к убеждению, что нельзя и думать о «потрясении и уничтожении существующих правительств в Германии» («Исследования», предисловие, стр. VII), и убеждал «немецкого буржуа» (там же, стр. 128) «принять близко к сердцу», что бонапартистское «освобождение» Италии защищает «от революции» в Германии, он немецким рабочим, наоборот, разъясняет, что «Австрия — единственный опорный пункт для дальнейшего их (немецких государей) существования» («Центральное празднество и т. д.», стр. 11). «Я только что сказал вам, — говорит он, — что по отношению к загранице Германии не существует, что ее нужно только создать, и, по моему убеждению, она может быть создана только в виде союза республик, наподобие швейцарской федерации» (там же, стр. 10). Он это сказал 26 июня 1859 г., между тем как еще 5 июня, в послесловии ко 2-му изданию «Исследований», он умоляет принца-регента Пруссии силой оружия и династической гражданской войной подчинить Германию дому Гогенцоллернов. Монархическая централизация силой оружия, разумеется, кратчайший путь к федеративной республике «наподобие швейцарской федерации». Он развивает далее теорию о «внешнем враге» — Франции, — к которому должна примкнуть Германия против «внутреннего врага» — Австрии. «Если бы я, — воскликнул он, — должен был выбирать между чортом (Габсбургом) и его бабушкой (Луи Бонапартом), то я выбрал бы последнюю: она старая женщина и умрет». Этот прямой призыв к Германии из ненависти к Австрии броситься в объятия декабристской Франции показался ему, однако, слишком компрометирующим для читающей публики, и поэтому в напечатанной речи он изменен уже следующим образом: «И если речь идет о том, чтобы в борьбе между чортом и его бабушкой встать на чью-либо сторону, то мы предпочитаем, чтобы оба перебили и пожрали друг друга, избавив нас от этого труда» («Центральное празднество», стр. 13). Наконец, в то время как в «Исследованиях» он поднимает на щит Луи Бонапарта как крестьянского и солдатского

императора, он на этот раз, перед рабочей аудиторией, заявляет, что «именно парижские рабочие в своем подавляющем большинстве перешли теперь на сторону Луи Бонапарта». Французские рабочие якобы думают, что Луи Бонапарт делает «все, что должна была бы делать республика, предоставляемую пролетариюм, разоряя буржуазию и т. д.» («Центральное празднество», стр. 9). Итак, Луи Бонапарт — рабочий диктатор, и в качестве рабочего диктатора его прославляет пред немецкими рабочими в Швейцарии тот самый Фогт, который в «Главной книге» вскипает от буржуазного негодования при одном только слове «рабочая диктатура»!

Парижская программа, предписывавшая декабристским агентам в Швейцарии план действий по вопросу об аннексии Савойи, состояла из трех пунктов: 1) во возможности дольше игнорировать слухи об угрожающей опасности, а в случае необходимости объявлять их австрийской выдумкой; 2) в дальнейшей стадии распространять мнение, что Луи Бонапарт собирается захватить нейтраллизованную область в Швейцарии, и, наконец, 3) после аннексии Савойи указывать на нее как на предлог для союза Швейцарии с Францией, т. е. для осуществления ее добровольного подчинения бонапартистскому протекторату. Мы увидим, как верно следовали этой программе господин и слуга, Джемс Фази и Карл Фогт, женевский диктатор и его креатура — женевский советник.

Мы уже знаем, что Фогт в «Исследованиях» избегал малейшего намека на идею, ради которой его роковой человек пошел на войну. То же молчание на центральном празднестве в Лозанне, в Национальном совете, на празднестве в честь Шиллера и Роберта Блюма, в бильском «Коммивояжере», наконец, в «Главной книге». И, тем не менее, «идея» — более раннего происхождения, чем пломбьенский заговор. Уже в декабре 1851 г., несколько дней спустя после государственного переворота, можно было прочесть в «Patriote Savoisien»: «В передних Елисейского дворца уже распределяют между собой чиновничьи посты в Савою. Бонапартистские газеты

весьма мило подшучивают по этому поводу»*. 6 декабря 1851 г. Фази уже видел, что Женева достается декабристской монархии**.

1 июля 1859 г. Штемпфли, тогда президент Союза, имел беседу с английским поверенным в делах в Берне, капитаном Гаррисом. Он повторил свое опасение, что в случае расширения сардинского господства в Италии неизбежна аннексия Савойи Францией, и подчеркивал, что аннексия, в частности северной Савойи, совершенно обнажает один из флангов Швейцарии и вскоре повлечет за собою потерю Женевы (см. первую Blue Book: «On the proposed annexation of Savoy and Nice», № I [Синяя книга: «О предполагаемой аннексии Савойи и Ниццы», № I]). Гаррис сообщил об этом Мальсбери [Malmesbury], который, со своей стороны, поручил лорду Каули в Париже потребовать у Валевского разъяснений о намерениях императора. Валевский нисколько не отрицал, что «вопрос об аннексии не раз обсуждался между Францией и Сардинией и что император придерживается того мнения, что если Сардиния расширится до размеров итальянского королевства, то есть основания ожидать, что она, со своей стороны, сделает территориальные уступки Франции» (№ IV, там же). Ответ Валевского датирован 4 июля 1859 г. и предшествовал, таким образом, Вильяфранкскому миру. В августе 1859 г. в Париже появился памфлет Пететэна, в котором Европа подготовлялась к аннексии Савойи. В августе же, после летней сессии швейцарского Национального собрания, Фогт пополз в Париж за инструкциями к Плон-Плону. Чтобы замести следы, он поручил своим собутыльникам, Рапикелю и К^о, распространить в Женеве слух, будто он уехал на курорт на Фирвальдштетское озеро.

* «On se partage déjà les places... de la Savoie dans les antichambres de l'Élysée. Ses journaux plaisantent même assez agréablement là-dessus».

** «Peut-être le citoyen Thurgovien que nous avons si bien défendu contre les menaces de Louis-Philippe, nous fera-t-il la grâce de vouloir bien se constituer comme médiateur et reprendre de nous Genève» («Revue de Genève» от 6 декабря 1851 г.) [*Быть может, гражданин из Тургау, которого мы так хорошо защищали от угроз Луи-Филиппа, будет так любезен и выступит посредником, чтобы принять от нас Женеву»].

Zê Pâris läbt et mangen tac,
vil kleiner wiſheit er enpflac,
ſin zerung was unmäzen grôz;...
ist èr ein esel und ein guoch
daz sëlß ist èr zuo Pâris ouch.

[В Париже долго прожил он,
Но даже там не стал умен,
А только ел за семерых.
Как был обжорой и ослом,
Так и остался он при том.]

В сентябре 1859 г. швейцарский Союзный совет увидел, что опасность аннексий все приближается (там же, № VI); 12 ноября он решил послать великим державам составленный в этом духе меморандум, а 18 ноября президент Штемпфли и канцлер Швейцарии вручили официальную ноту английскому поверенному в делах в Берне (там же, № IX). Вернувшись в октябре из своей неудачной поездки в Тоскану, где он напрасно агитировал в пользу этрусского королевства Плон-Плона, Джемс Фази выступил теперь против слухов об аннексии по своему обыкновению с гневной аффектацией и шумной бранью: ни во Франции, ни в Сардинии никто якобы и не думает об аннексии. По мере того как приближалась опасность, росло доверие «Revue de Genève», у которой в ноябре и декабре 1859 г. культивировалась (см., например, цитированную выше статью о Плон-Плоне) дошел до корибантовского неистовства¹.

С 1860 г. мы вступаем во вторую аннексионистскую фазу.

Не в декабристских интересах уже было игнорировать и отрицать. Дело шло теперь, наоборот, о том, чтобы соблазнить Швейцарию в пользу аннексии и поставить ее в ложное положение. Надо было исполнить второй пункт тюильрийской программы и, следовательно, как можно громче возвестить о предполагаемой передаче нейтральной области Швейцарии. Швейцарские декабристы в этом деле, разумеется, были поддержаны одновременными маневрами в Париже. Так, в начале января 1860 г.

¹ Корибанты — мифические жрецы богини Кибелы или фригийской Рей, в диком воодушевлении, с музыкой и танцами, отправлявшие служение. Ред.

министр внутренних дел Барош заявил швейцарскому посланнику доктору Керну, что «если произойдет перемена владельцев Савойи, то Швейцария одновременно, в согласии с договорами 1815 г., должна будет получить хорошую линию обороны» (см. цитированную Синюю книгу, № XIII). Еще 2 февраля 1860 г., в тот самый день, когда Тувенель заявил английскому послу, лорду Каули, о «возможности» аннексии Савойи и Ниццы, он одновременно сказал ему, что «французское правительство считает само собою разумеющимся, что при таких обстоятельствах округа Шабле и Фосины должны навсегда отойти к Швейцарии» (там же, № XXVII).

Распространение этой иллюзии должно было не только склонить Швейцарию к аннексии Савойи декабристской империей, но и ослабить силу ее позднейшего протеста против аннексии и скомпрометировать ее в глазах Европы как соучастницу героев декабря, хотя и обманутую. Президент союза с 1860 г. Фрей-Эрозе не попал в эту ловушку, а, наоборот, заявил капитану Гаррису свои сомнения насчет проблематических выгод включения в Швейцарию нейтрализованной области. Со своей стороны, Гаррис предостерег союзное правительство против бонапартистской интриги, чтобы «Швейцария не казалась державой, также питающей аннексионистские вожделения и стремящейся к расширению своей территории» (там же, № XV). Наоборот, английский посол в Турине сэр Джемс Гудсон писал после продолжительной беседы с Кавуром лорду Джону Росселю: «У меня есть серьезные основания думать, что Швейцария также жаждет аннексировать часть Савойской области. Следовательно, не нужно себе строить никаких иллюзий, и если Франция порицается за аннексионистские вожделения, то и Швейцария не менее винна в том же... Так как, ввиду такого двойного написка, этот вопрос осложняется, то позицию Сардинии можно скорее извинить» (там же, № XXXIV). Наконец, когда Луи Бонапарт сбросил маску, Тувенель без всякого стеснения раскрыл секрет лозунга об аннексии Швейцарией нейтральной области. В депеше к французскому посланнику в Берне он открыто издевается над протестом Швейцарии против аннексии Савойи

Францией — и на каком основании? На основании павзанного Швейцарии из Парижа «плана раздела Савойи» (см. депешу Тувенеля от 13 марта 1860 года).

Какое же участие приняли в этих интригах швейцарские агенты декабря? Джемс Фази первый изображает в январе 1860 г. английскому поверенному в делах в Берне аннексию Швейцарией Шабле и Фосинь не как обещание Луи Бонапарта, а как собственное желание Швейцарии и жителей нейтрализованных округов (там же, № XXIII). Фогт, до того никогда не подозревавший даже о возможности аннексии Савойи Францией, вдруг оказывается исполненным пророческим духом, и «Times», со дня своего основания никогда не упоминавший имени Фогта, вдруг сообщает в корреспонденции от 30 января: «Швейцарский профессор Фогт утверждает, что он осведомлен, будто Франция готова закрепить за Швейцарией нейтральные области Савойи — Фосинь, Шабле и Женевское графство, если Союзный совет республики предоставит Франции свободное пользование Симплоном» («Times», 3 февраля 1860 г.). Мало того! В конце января 1860 г. Джемс Фази уверяет английского поверенного в делах в Берне, что Кавур, с которым он месяца два назад имел продолжительную беседу в Женеве, с беспечностью говорит о территориальной уступке Франции (см. цитированную Синью книгу, № XXXIII). В то время как Фази в беседе с англичанами, таким образом, ссылается на Кавура, Кавур оправдывается перед Англией ссылками на аннексионистские вожделения этого самого Фази (там же, № XXXIII). И, наконец, швейцарский посол в Турине Турт еще 9 февраля 1860 г. прибежал самолично к английскому послу Гудсону, чтобы уверить его, что «между Сардинией и Францией не существует никакого соглашения насчет уступки Савойи и что Сардиния совершенно не склонна обменять ее или уступить Франции» (там же).

Но решительная минута приближалась. Парижская «Patrie» от 25 января 1860 г. подготовляла к аннексии Савойи в статье «Les voeux de la Savoie» [«Требования Савойи»]. В другой ее статье от 27 января «Le comté de Nice» [«Графство Ницца»] в декабристской стилизации уже показалась тень грядущей аннексии Ниццы. 2 февраля 1860 г. Тувенель сообщил английскому по-

сланнику Каули, что еще до войны между Францией и Сардинией произошло соглашение о «возможности» аннексии Савойи и Ниццы. Но официальнаяnota о действительном решении Франции аннексировать Савойю и Ниццу была сообщена лорду Каули лишь 5 февраля (см. речь лорда Каули в палате лордов от 25 апреля 1860 г.), а доктору Керну лишь 6 февраля, причем обоим, английскому и швейцарскому посланникам, определено было заявлено, что нейтрализованная область должна быть уступлена Швейцарии. До этих официальных заявлений *Джемсу Фази* сообщили из Тюильри, что по тайному договору Сардиния уже уступила Савойю и Ниццу Франции и что в договоре не содержится никакой оговорки в пользу Швейцарии. До официальных заявлений Тувенеля лорду Каули и доктору Керну *Фази* должен был подсахарить императорскую пиллюлю и преподнести ее своим женевским подданным. Поэтому 3 февраля по его поручению слепо преданный ему *Джон Перье* устроил в помещении Народного клуба в Женеве митинг, на котором он якобы случайно очутился, под предлогом, будто «он только что услыхал (*je viens d'entendre*), что говорят о договоре, заключенном между Францией и Сардинией об уступке Савойи. К сожалению, такой договор был подписан 27 января сардинским правительством; но из этого положительного факта еще не следует заключать, что наша безопасность действительно находится под угрозой... Правда, в договоре нет никакой оговорки о наших правах на нейтрализованную сардинскую область; но мы не знаем, не имеют ли в виду такую оговорку договаривающиеся стороны?.. Возможно, что она считается сама собою разумеющейся (*sousentendu comme allant de soi*)... Мы не должны только преждевременно проявлять недоверие... Мы должны руководствоваться своими симпатиями (к империи государственного переворота)... и воздерживаться от всяких враждебных заявлений» (см. «полную доверия» речь Фази, своего рода шедевр демагогии, в *«Revue de Genève»* от 3 февраля 1860 года). Английский поверенный в делах в Берне нашел пророческие сведения Фази слишком важными, чтобы депешей не поставить о них в известность лорда Росселя.

Официальный договор о передаче Франции Савойи и

Ниццы должен был быть заключен 24 марта 1860 года. Нельзя было поэтому терять ни минуты. Надо было еще до официального оповещения об аннексии Савойи официально констатировать швейцарский патриотизм женевских декабристов. Поэтому в начале марта синьор Фогт, сопровождаемый генералом Клапкой, — который может быть, действовал *de bonne foi* [вполне добросовестно], — поехал в Париж, чтобы оказать *своё влияние* на Эгерию Пале-Рояля, непризнанного гения Плон-Плона, и на глазах всей Швейцарии бросить *свой личный вес* на чашу весов в пользу присоединения нейтрализованной области к Швейцарии. Из-за лукулловского стола Плон-Плона, — в гастрономии, как известно, Плон-Плон может соперничать с Лукуллом и Камбасересом, и если бы восстал из мертвых сам Брилья-Саварен, он должен был бы только удивляться *гению, политической экономии, либеральным идеям, таланту полководца и личной храбрости* Плон-Плона в этой области, — из-за лукулловского стола Плон-Плона, в который он храбро врезался в качестве «приятного собеседника», Фальстаф-Фогт взывал к храбрости Швейцарии (см. его парижское послание в бильском «Коммивояжере» от 8 марта 1860 г., Приложение). Швейцария должна показать, что «ее милиция служит не только для парадов и для игры в солдатики». «Уступка нейтрализованной области в пользу Швейцарии» — иллюзия. «Передача Франции Шабле и Фосини, это лишь — *первый шаг*, за которым последуют другие». «На двух ходулях, национальности и естественных границах, можно добраться с Женевского озера до Аара и, под конец, до Боденского озера и Рейна, — если только ноги достаточно крепки». Но Фальстаф-Фогт — и в этом вся соль — *все еще не верит тому*, что сам французский министр Тувенель поведал официально уже месяц назад и что знает вся Европа, — именно, что уступка Савойи и Ниццы была обусловлена *еще в августе 1858 г. в Пломбье* как цена французского вмешательства против Австрии. Его «роковой человек» только теперь, под влиянием попов и против собственной воли, попал в объятия шовинизма и насильственно был вынужден захватить нейтрализованную область. «Очевидно, — лепечет в замешательстве наш апологет, — очевидно в руководящих кругах *искали*

противовеса против все растущего клерикального движения и решили, что нашли его в так называемом шовинизме, — в глупейшем национализме, который ничего не знает, кроме захвата *клочков* (!) земли».

После того как Фогт, опьяненный испарениями плон-плоновской кухни, обнаружил такое мужество в бильском «Коммивояжере», он, вскоре по возвращении из Парижа, стал в том же органе рассказывать басни об абсолютных симпатиях жителей Ниццы к французам, и у него из-за этого произошло неприятное столкновение с *Вецци Рускалла*, одним из главных представителей итальянского национального общества и автором брошюры «La Nazionalità di Nizza» [«Национальность Ниццы»]. А когда этот же герой, разыгравший из-за стола Плон-Плона роль Бинкельрида, заговорил в берлинском Национальном совете, то воистину трубные звуки превратились в дипломатическое насвистывание на флейте, рекомендовавшее спокойное продолжение переговоров со всегда симпатизировавшим Швейцарии императором и особенно настоятельно предостерегавшее от союза с Востоком. Союзный президент *Фрей-Эрозе* сделал в своей речи какие-то странные намеки по адресу Фогта, получившего, с другой стороны, удовлетворение в похвальном отзыве о его речи со стороны «Nouvelliste Vaudois». «Nouvelliste Vaudois» — орган гг. Бланшиэ, Делараага и других ваадтских магнатов, одним словом — орган Западной швейцарской железной дороги, подобно тому как «Neue Zürcher Zeitung» — орган цюрихского бонапартизма и Северо-восточной железной дороги. Для характеристики патронов «Nouvelliste Vaudois» достаточно указать, что в связи с известным спором об Оронской железной дороге пятеро ваадтских правительственный советников были неоднократно и безнаказанно обвинямы печатью противной стороны в том, что каждый из них получил в подарок от парижского *Crédit Mobilier* — главного акционера Швейцарской западной железной дороги — по 10 000 франков (по 20 акций).

Через несколько дней после того, как Фогт, в сопровождении Клапки, поехал к Эгерии Пале-Рояля, *Джемс Фази*, в сопровождении *Джона Перье*, поехал к сфинксу из Тюильри. Как известно, Луи Бонапарту нравится роль сфинкса, и он оплачивает своих собственных Эди-

пов, подобно тому как прежние короли Франции оплачивали своих придворных шутов. *Фази* в Тюильри встал между Швейцарией и сфинксом. *Джон Перье*, как сказано, был его спутником. Этот Джон — тень Джемса; он делает все, чего тот хочет, и ничего не делает, чего тот не хочет; он живет им и для него; он стал благодаря ему членом Женевского большого совета; он устраивает все празднества, приготавляет все тосты, он его Лепорелло и его Фиален. Оба вернулись в Женеву ни с чем, поскольку дело шло об интересах Швейцарии, и с огромным успехом, поскольку дело шло об угрожавшей положению Фази опасности. Фази гремел на публичных выступлениях, что теперь у него повязка упала с глаз, что впредь он будет так же неизвестен Луи Бонапарта, как до сих пор любил его. Странная любовь, девяностолетняя любовь республиканца Фази к убийце двух республик! Фази разыгрывал роль обманутого патриота с такой выразительностью, что вся Женева утопала в фазиевском энтузиазме, и потеря фазиевых иллюзий стала ощущаться чуть ли не более болезненно, чем потеря нейтралитированной области. Даже Теодор де-Соссюр, многолетний противник Фази, глава оппозиционной аристократической партии, признал, что невозможно больше сомневаться в швейцарском патриотизме Фази.

Сопровождаемый столь заслуженными народными овациями, женевский тиран поспешил отправиться в бернский Национальный совет. Вскоре после его отъезда его наперсник, его парижский спутник, словом — его собственный *Джон Перье*, предпринял особого рода поход аргонавтов. Банда женевских пьяниц (так, по крайней мере, называл их лондонский «Times»), набранных из общества «Fruitiers» [зеленщиков], демократической лейб-гвардии Фази, отплыла, под начальством *Перье*, без оружия в Тонон, чтобы в этом пункте нейтралитированной области произвести антифранцузскую демонстрацию. В чем состояла или должна была состоять эта демонстрация, должны ли были аргонавты добыть золотую шкуру или расстаться с собственной шкурой, — этого не может и до сих пор сказать никто, так как никакой Орфей не сопровождал похода аргонавтов Перье и никакой Аполлоний не воспел его. Дело шло, повидимому, о своего рода символическом завладении нейтралито-

ванной областью со стороны Швейцарии, представленной Джоном Перье и его бандой. Действительной же Швейцарии достались только бесконечные хлопоты с дипломатическими извинениями, заверениями в лояльности, изъявлениями негодования по поводу символического захвата Джоном Перье Тонона, так что Луи Бонапарт показался даже великодушным, когда ограничился только фактическим захватом Тонона и прочей нейтрализованной области.

Джон Перье, в карманах которого оказалось несколько тысяч франков, был арестован в Женеве. По оговору Перье был арестован также государственный вице-канцлер и редактор «Revue de Genève» Дюкоммен, молодой человек без собственных средств, зависящий в занимаемых им обоих вышеназванных местах от президента государственного совета и хозяина «Revue», Джемса Фази. Он сознался, что дал Перье деньги, позаимствовав их из кассы, предназначавшейся для создания одного добровольческого корпуса, — кассы, существование которой оставалось до того неизвестным жевским радикалам. Судебное следствие закончилось освобождением сперва Дюкоммена, потом Перье.

24 марта Ницца и Савойя вместе с нейтрализованной областью были официально уступлены Виктором-Эммануилом Бонапарту. 29—30 марта Джон Перье, вернувшись вместе с Фази из Парижа в Женеву, предпринял свой поход аргонавтов, эту щотовскую демонстрацию, которая как раз в решительный момент испортила возможность всякой серьезной демонстрации. Джемс Фази уверял в Берне, что «он ровно ничего не знает о проишествии»*. В экс-нейтральной области Лети хва-

* Сознание, что после аннексии северной Савойи Женева оказалась включенной в французскую территорию, а также укрепление французами тононской гавани, как известно, сильно подняло в последнее время антидекабристские настроения старой республики. Но подлинные выражения этого народного настроения часто сопровождаются фальшивыми, которые проявляются по заказу из Парижа и отчасти даже французскими полицейскими агентами. Так, например, в «Saturday Review» от 22 сентября 1860 г. читаем: «Одна компания «швейцарцев» позволила себе в Тононе грубые оскорблении против империи, когда какой-то неловкий жандарм, в пылу официального рвения, арестовал их и потребовал предъявления паспортов». Швейцарцы оказались французами, бумаги которых были в полном порядке... Но больше всего в связи

лился, что если бы швейцарцы действительно произвели нападение, то его император тотчас же двинул бы против Женевы три дивизии. Наконец, Фогт совсем не был посвящен в тайну экспедиции аргонавтов, так как за несколько дней до нее он профилактически донес *женевской полиции* — но по ложному следу — на затеваемое из Женевы столкновение, которое должно было произойти на границе Савойи. По этому поводу передо мной лежит письмо живущего в Женеве эмигранта (бывшего прежде приятелем Фогта) к живущему в Лондоне эмигранту. Там, между прочим, сказано:

Фогт распространял слухи, будто я беспрестанно катаюсь между западной Швейцарией и Савойей с целью вызвать революцию во вред Швейцарии и к выгоде враждебных Швейцарии держав. Это было за несколько дней до истории *Перье*, о которой Фогт, наверное, знал, я же — так же мало, как Вы. Он, очевидно, пытался навести следы на меня, чтобы меня погубить. По счастью, он донес на меня также и директору полиции *Дюи*, который приказал меня позвать и был не мало поражен, когда я, при первом же вопросе, со смехом прервал его: «Ага! известно, фогтовская интрига!» Он попросил более подробных сведений о моих отношениях к *Фогту*. Мои заявления были одновременно поддержаны одним правительственным секретарем, членом «Гельвеции», который на следующий день поехал в Берн на центральное собрание и здесь выразил брату Фогта свое неудовольствие по поводу поведения Карла. На это Густав лаконически ответил, что он давно уже заметил из писем, как обстоит дело с его политикой.

Если сперва молчание, отрицание и проповедь доверия к Луи Бонапарту должны были отвлечь внимание Швейцарии от опасности, если затем крики о предполагаемом включении Фессиньи, Шабле и Жепевского граф-

с этими искусственными столкновениями вызывает на размышление тот факт, что в одном из наиболее ранних и сомнительных из них оказался сильно замешанным один близкий приверженец Фази (друг *Перье*). («The gravest fact relating to these artificial collisions is, that in one the earliest and the worst of them a close adherent of Mr. Fazy was prominently implicated»).

ства в Швейцарию должны были популяризировать мысль об аннексии Савойи Францией, если, наконец, тононский фарс должен был сломить всякое серьезное сопротивление, то теперь, согласно парижской программе, последовавшая в действительности аннексия и ставшая очевидной самая опасность должны были в конечном счете служить мотивами для добровольного разоружения Швейцарии, т. е. для ее союза с декабристской монархией.

Задача была настолько деликатна, что только сам Джемс Фази мог взяться за ее решение. Его слуга Фогт мог предупреждать против союза с Востоком, но только сам Фази был в состоянии защищать союз с Западом. На его необходимость он впервые намекнул в «Revue de Genève». 18 апреля 1860 г. В Женеве циркулировали выдержки из одного лондонского письма, в котором, между прочим, говорилось:

«Рекомендуйте вашим влиятельным согражданам остегаться советов Джемса Фази, который может предложить Швейцарии отказаться от своего нейтралитета. Вероятно, что этот совет исходит от самого французского правительства, услугливым агентом которого до сих пор состоит Джемс Фази... Теперь он занимает позицию доброго швейцарца, борющегося с планами Франции, но одно, всегда хорошо осведомленное лицо уверяет меня, что это — уловка. Лишь только Швейцария заявит, что она не хочет и не может оставаться нейтральной, французское правительство примет это к сведению и павяжет ей союз, как во времена первой империи».

В ответ на это Фази напечатал в «Revue de Genève»:

«В тот день, когда Савойя будет присоединена к Франции, нейтралитет Швейцарии падет сам собой, и такой совет со стороны Фази был бы, таким образом, излишним».

Три месяца спустя, 10 июля, Джемс Фази произнес в швейцарском Национальном совете речь «с неистовыми проклятиями, сжимая кулаки против бонапартистских денежных тузов и баронов Союза — он обвинял их как le gouvernement souterrain [подпольное пра-

вительство] — он шел в бонапартистский лагерь». И хотя он как будто резче всего обрушился на юрих-ваадтскую, официально французскую партию, она тем не менее не мешала ему бушевать. «Европа, в особенности Германия, покинула Швейцарию. В силу этого нейтралитет стал невозможен; Швейцария должна искать с о ю-з о в, но где?» Затем этот старый демагог бормочет что-то о «близкой родственной Франции, которая когда-нибудь поймет и исправит свою несправедливость и, может быть, станет еще республикой и т. д. Но новую политику должны начать не изжившие себя денежные тузы и бароны Союза, ее должна проводить Гельвеция, народ. Подождите, ближайшие выборы научат вас. Присутствие федеральных войск в Женеве можно только приветствовать. Но если их присутствие должно выражать хоть малейшее сомнение в теперешнем строе Женевы, то не нужно их. Женева сама найдет в себе помочь и защиту».

Таким образом, 10 июля Джемс Фази проводил в Национальном совете то, на что он намекал в «*Revue de Genève*» от 18 апреля, — «новую политику», союз Швейцарии с Францией, т. е. аннексию Швейцарии Францией. Хорошо осведомленные швейцарцы считали преждевременным это приподытание антибонапартистской маски, которую Фази носил со временем своего возвращения из Тюильри. Однако именно Фази обладает исключительной, напоминающей почти Пальмерстона, виртуозностью в искусстве преднамеренной нескромности.

Пользующиеся наиболее дурной репутацией представители «gouvernement souterrain» [«подпольного правительства»] внесли, как известно, в Национальный совет вотум порицания *Штемпфли*, который, как президент Союза, верно понял положение и одно время принял правильное решение занять нейтрализованную область федеральными войсками и обезопасить ее от французских посягательств. Вотум порицания был отвергнут подавляющим большинством голосов, но среди них не было голоса Фогта. «Для Карла Фогта, — писали мне тогда из Швейцарии, — весьма характерно, что его не было при обсуждении в Национальном совете вотума порицания през. *Штемпфли*. В качестве представителя капитана Женевы, над которым нависла угроза со стороны

Бонапарта, Фогт должен был бы голосовать за Штемпфли, энергичного защитника интересов этого кантона. Кроме того, он лично с ним в приятельских отношениях и обязан ему благодарностью. Отец Фогта и два его брата служат чиновниками в Бернском кантоне; третьему брату Штемпфли помог недавно занять хорошо оплачиваемое место старшего федерального статистика. При таких отношениях нельзя было во время поименного голосования выступить против друга, благодетеля и популярного человека. Но, с другой стороны, еще менее способен был плон-плонист приветствовать политику, не на жизнь, а на смерть борющуюся с агрессивными панами бонапартизма. Отсюда необходимость убежать и спрятать голову, но широкий зад все же виден и получает удары: такова обычная стратегема и земная судьба современного Фальстафа».

Данный из Тюильри и повторенный так громогласно Джемсом Фази в «Revue de Genève», а его лакеем Фогтом в бильском «Коммивояжере», в «Исследованиях», в «Главной книге» и т. д. пароль «австрофильства» обрушился, наконец, обратно на голову самой Швейцарии. Приблизительно в середине апреля на всех стенах Милана появился плакат: «Спор между Наполеоном и Швейцарией». В нем говорилось:

«Савойя представляла, повидимому, лакомый кусок для Швейцарии, и, подстрекаемая Австрией, она поспешила встать на пути Наполеону III в деле, которое касалось только Италии и Франции... Англия и северные великие державы, за исключением Австрии, не делают ни малейших возражений против аннексии Савойи; только Швейцария, подстрекаемая Австрией, стремящейся разжигать беспокойство и волнения во всех объединенных владениях Сардинии, наложила свое veto... Швейцария — аномальное государство, которое не может долго сопротивляться натиску великого принципа национальностей. Немцы, французы, итальянцы не способны подчиняться одним и тем же законам. Если Швейцария это знает, то пусть она вспомнит, что в кантоне Тессина говорят на языке Фосколо и Джусти, пусть она не забывает, что значительная часть ее причисляет себя к великой и великолепной, так называемой фран-

цузской нации. Швейцария вообще, повидимому, австрийская выдумка.

В то время как сам *Фогт* так усердно занимался спасением *Швейцарии* от когтей *Австрии*, он поручил одному из своих любезнейших сообщников, болтливому швабу и хвастливому члену парламентского охвостья, *Карлу Майеру из Эслингена*, в настоящее время владельцу ювелирной фабрики, заботу о спасении *Германии*. При освящении знамени певшательского немецкого рабочего общества, которое праздновалось в кабачке «Короны» в Сен-Блезе, оратор — член парламентского охвостья и ювелир *Карл Майер из Эслингена* — приглашал Германию «пропустить французов только через Рейн, так как иначе в Германии никогда не станет лучше». Два депутата от женевского рабочего общества, вернувшись после нового года (1860 г.) с этого празднества освящения, рассказали об этом инциденте. После того как сообщение их было подтверждено депутатами различных других западно-швейцарских обществ, женевское общество обратилось ко всем другим с циркулярным письмом, предупредив против бонапартистских интриг, ведущихся среди немецких рабочих в Швейцарии.

«Согласно воспоминанию о первой империи», — я цитирую по лежащим передо мной мемуарам, — «когда даже некоторые немцы старались содействовать мировому владычеству Наполеона, в надежде, что империя-колосс не переживет падения своего повелителя и что из распадающихся провинций французской империи, по крайней мере, образуется единая Германия, которая тогда легче сумеет завоевать себе свободу, — в то время называли политическим шарлатанством, когда из живого организма высасывали всю кровь, в надежде на чудесное появление у него новой здоровой крови, и встречало осуждение, когда у великого народа отрицали силу для самопомощи, право на самоопределение; наконец, указывали, что ожидаемый мессия Германии уже показал в Италии, что он понимает под освобождением национальностей, и т. д. и т. д. Циркулярное письмо, как в нем было указано, обращалось лишь к тем немцам, которые для хорошей цели выбирали неправильные средства; однако отказывалось иметь дело с *продаж-*

ными публицистами и тщеславными быс-
шиими людьми».

В то же время в «Aargauer Nachrichten», органе «Гельвеции», бичевали «логику, согласно которой надо впустить ежа в кротовью нору, чтобы его можно было скорее поймать и вновь выбросить; по этой безукоризненной логике, следует предоставить полную свободу Эфиальтам, чтобы могли появиться Леониды. *Известный профессор* действует, как поставленный на голову герцог Ульрих Бюргембергский: тот пытался вернуться из изгнания на родину при помощи крестьянского башмака после того, как дворянский сапог его знать больше не хотел; а *этот профессор* испортил отношения с башмаком и поэтому завязывает их с сапогом и т. д.».

Это обвинение против профессора Фогта важно тем, что появилось в органе «Гельвеции». Зато более радушный прием встретил он в «Espérance» — газете, основанной в 1859 г. в Женеве в большом формате и на большие деньги из французской государственной кассы. Задачей «Espérance» была, в частности, проповедь аннексии Савойи и Рейнской области, а вообще — прославление мессианского призыва Луи Бонапарта как освободителя национальностей. Всей Женеве известно, что Фогт был одним из завсегдатаев (*habitue*) редакции «Espérance» и одним из деятельнейших ее сотрудников. До меня дошли подробности, не оставляющие в этом никакого сомнения. То, на что Фогт намекает в своих «Исследованиях», именно, что он поручил публично возвестить в Невшателье своему сообщнику, болтливому швабу, члену парламентского охвостя и ювелиру Карлу Майеру из Эслингена, развито более подробно в «Espérance». Так, например, в номере ее от 25 марта 1860 г. сказано:

«Если единственная надежда немецких патриотов основана на войне с Францией, то какое основание у них ослаблять правительство этой страны и мешать ему добиваться своих естественных границ? Немецкий народ, может быть, не склонен разделять эту ненависть к Франции? Как бы то ни было, существуют очень искренние немецкие патриоты и даже среди прогрес-
сивнейших немецких демократов (именно

имперский Фогт, Раникель, Карл Майер из Эслингена и tutti quanti [прочие]), которые не видят большой беды в потере левого берега Рейна и которые, наоборот, убеждены, что только после утраты его начнется политическая жизнь Германии, возрожденной Германии, опирающейся на союз с европейским Западом и растворяющейся в его цивилизации*. Столь точно осведомленная Фогтом о взглядах прогрессивнейшей немецкой демократии «Espérance» заявляет в передовице от 30 мая: «Плебисцит на левом берегу Рейна скоро покажет, что все там настроены в пользу Франции».

Швейцарский сатирический листок «Postheiri» стал теперь осыпать злыми остротами «Espérance», эту «чахлую клячу», которая под легкими лаврами Бахуса Плон-Плона должна таскать на себе еще «тяжелое брюхо» его Силены.

С какою точностью проводились декабристские маневры в печати, видно из следующего случая. 30 мая «Espérance» в Женеве путем плебисцита отдавала левый берег Рейна декабристской Франции; 31 мая Луи Журдан в Париже в «Siècle» начал свою окопную борьбу за аннексию Рейна, а в начале июня «Propagateur du Nord et du Pas-de-Calais» направил свою тяжелую артиллерию на Бельгию. Несколько ранее женевского рупора Эдмон Абу заявил в «Opinion Nationale», что укрупнение Сардинии заставило императора «de prendre la Savoie... c. à d. nous fermons notre porte» [«взять Савойю, другими словами, мы закрываем свои ворота»], и если, продолжал он, в Германии объединительные стремления приведут к подобному же увеличению Пруссии, то «alors nous aurions à veiller à notre sûreté, à prendre la rive

* «Si la seule espérance des patriotes allemands est fondée sur une guerre avec la France, quelle raison peuvent-ils avoir de chercher à affaiblir le gouvernement de ce pays et l'empêcher de former ses frontières naturelles? Serait-il que le peuple en Allemagne est loin de partager cette haine de la France? Quoi qu'il en soit, il y a des patriotes allemands très sincères, et notamment parmi les démocrates les plus avancés qui ne voient pas grand malheur dans la perte de la rive gauche du Rhin, qui sont, au contraire, convaincus que c'est après cette perte seulement que commencera la vie politique d'une Allemagne régénérée, apuyée sur l'alliance et se confondant avec la civilisation de l'Occident européen» (*L'Espérance*, 25 Mars 1860).

gauche du Rhin, c. à d. nous fermerions notre porte [«тогда мы должны будем позаботиться о нашей безопасности, взять левый берег Рейна, другими словами — мы запрем наши ворота»]. По пятам за этим легкомысленным привратником следовал неуклюжий буйвол А. А. — корреспондент газеты «*Indépendance Belge*» — своего рода Жозеф Прюдом и специальная пифия поселившегося в Тюильри «*Providence*» [пророчества]. Между тем «*Espérance*», в своеобразном одушевлении *немецким единством* и в своих негодующих обличениях против продавшихся *Австрии* немецких антидекабристов, поднялась до такой головокружительной высоты, что *Джемс Фази*, из некоторых дипломатических видов и к тому же собираясь превратить свою «*Revue de Genève*» в «*Nation Suisse*», соизволил с великодушной снисходительностью заявить в «*Revue*», что можно выступать против бонапартизма и не будучи австрийцем.

Карлу Фогту — немецкому Да-Да, владельцу декабристского вербовочного бюро для немецкой печати, подручному агенту Фази, «приятному собеседнику» в Пале-Рояле, Фальстафу Плон-Плона, другу Раникеля, суфлеру бильского «Коммивояжера», сотруднику «*Espérance*», протеже Эдмона Абу, певцу Лаудиады — предстояло, однако, опуститься еще на одну ступень ниже. Ему предстояло появиться в Париже, перед лицом всего совета, в «*Revue Contemporaine*», рука об руку с *Monsieur Edouard Simon*. Посмотрим же, что такое «*Revue Contemporaine*» и кто такой *Monsieur Edouard Simon*. «*Revue Contemporaine*» была вначале официальной декабристской «*Revue*», в полную противоположность «*Revue des deux Mondes*», в которой писали изящные перья, люди из «*Journal des Débats*», орлеанисты, фузионисты [объединенцы], именно профессора из Collège de France и члены Академии. Так как эту последнюю официальную публику нельзя было прямо прикомандировать к «*Revue Contemporaine*», то их пытались откомандировать от «*Revue des deux Mondes*», чтобы таким обходным путем оттеснить к декабристской «*Revue*». Но этот ход не имел надлежащего успеха. Собственники «*Revue Contemporaine*» нашли даже невозможным иметь дело с редакционным комитетом, навязанным им Ля-Герроньером. Так как чревовещатель из

Тюильри нуждался в разнообразии настроенных группах, то «Revue Contemporaine» превратилась в официозную «Revue», а «Revue Européenne» с навязанным Ля-Герроньером редакционным комитетом стала официальной «Revue».

Теперь о *Monsieur Edouard Simon*. По происхождению это — рейнско-прусский еврей, по имени Эдуард Симон, который вечно строит комичнейшие гримасы, чтобы сойти за француза по специальности; но на беду его стиль каждую минуту выдает переведенного на французский язык рейнско-пруссского еврея.

Вскоре после шиллеровских торжеств (ноябрь 1859 г.) я встретил у одного лондонского знакомого, давно живущего в Париже, весьма почтенного купца, который подробно рассказывал о парижских шиллеровских торжествах, шиллеровских обществах и т. д. Я прервал его вопросом, как немецкие общества и собрания в Париже устраиваются с декабристской полицией?

«Разумеется, — ответил он мне с иронической улыбкой, — ни одного собрания и ни одного общества без шпиона. Во избежание всяких околичностей мы придерживаемся раз навсегда установленной простой тактики — *probatum est* [проверено на опыте]: — мы привлекаем известного нам шпиона и выбираем его в комитет. В подобных случаях для нас был всегда как находка наш *Edouard Simon*. Вы знаете, что Ля-Герронье, бывший лакей Ламартини и заготовитель бутербродов у Эмиля де-Жирардена, теперь — фаворит императора, его тайный стилист и в то же время старший цензор французской печати. А *Edouard Simon* — комнатная собачка Ля-Герронье и, — прибавил он, особенным образом сморщив нос, — довольно зловонная шавка. *Edouard Simon* — и вы это ему не вмените, конечно, в вину — не хотел работать pour le roi de Prusse [даром]. Он находил, что, примкнув к декабристской системе, он оказывает неисчислимые услуги себе самому и цивилизации. Это парень небольшого ума и нечистоплотного характера, но не без способностей в некоторых областях второстепенной интриги. Ля-Герронье прикомандировал своего *Edouard Simon* к «*Patrie*» в качестве одного из авторов руководящих статей. Это подтверждало такт тайного стилиста. Владелец «*Patrie*», банкир Деля-

мэр — надменный упрямый бульдог-ратуен [выскочка], который в своей конторе не терпит около себя никого, кроме низкопоклонных креатур. Тут наш *Edouard Simon*, который, несмотря на свой крысиный яд, может быть мягким, как ангурская кошка, как раз и пришелся к месту. Во времена республики «Patrie», как вы знаете, была одним из бесстыднейших органов «улицы Poitiers»¹. Со времени декабряского переворота она препирается с «Pays» и с «Constitutionnel» за честь быть полуофициальным органом Тюильри и особенно усердствует с тех пор, как подан сигнал в вопросе об аннексии. Вы, конечно, знаете нищих, разыгрывающих на улице эпилептиков, чтобы выманить у прохожего несколько су. «Patrie» действительно досталась честь первой возвестить о предстоящей аннексии Савойи и Ниццы. Едва последовала аннексия, как она увеличила свой формат, так как, по наивному заявлению господина Делямарра, «La Savoie et le Comté de Nice ayant été annexés à la France, la conséquence naturelle est *l'agrandissement de la Patrie*» [«Естественное следствие присоединения Савойи и Ниццы — увеличение отечества»]. Кто не вспомнит при этом остроты парижского циника, который на вопрос «Qu'est-ce que la Patrie?» [«Что такое отчество?»] — сразу ответил: «Journal du soir» [«Вечерняя газета»]. Какое же предстоит увеличение формата «Patrie» и заработка господина *Edouard Simon* в случае присоединения Рейнских провинций! В политико-экономическом отношении «Patrie» видит спасение Франции в уничтожении *Tourniquet de la Bourse* [рогатки для биржи], отчего снова должны подняться до желанной высоты дела на бирже, а значит, и во всей стране. И *Edouard Simon* мечтаает об уничтожении *Tourniquet de la Bourse*. Но наш *Edouard Simon* не только передовик «Patrie» и комнатная собачка Ля-Герроньера. Он преданный друг и доноситель нового *Иерусалима*, alias [то же] префектуры полиции, в частности г. Палестины. Словом, господа, — закончил рассказчик, — от комитета, имеющего в своей среде *Edouard Simon*, уже по одному этому отдает самым густым полицейским аро-

¹ Улица Poitiers была центром бонапартистской пропаганды. Ред.

матом». И г... засмеялся при этом каким-то особенным резким смехом, как будто *odeur de mauvais lieu* [запах дурного места] и *monsieur Edouard Simon* имели еще какую-то совершенно невыразимую связь.

Кинглэйк обратил внимание палаты общин на милое смешение иностранной политики, полиции и прессы, характерное для агентов декабризма. (Заседание палаты общин от 12 июля 1860 г.) *Monsieur Edouard Simon* — фогтовского Эдуарда с ароматом (*ruchbar*)¹ — не следует, разумеется, смешивать с фогтовской нежной *Кунигундой*, alias [иначе] *Людвигом Симоном из Тира**. *Monsieur Edouard Simon*, комнатная собачка Ля-Герроньера, пудель Делямарра, шпик Палестрины и дворовая собака для всех, принадлежит, очевидно, если не к сливкам, то, во всяком случае, к лимбургскому сыру 10 декабря, ко второму кругу, где

s'annida
Ipocrisia, lusinghe, e chi affatura,
Falsità, ladroncissò, e simonia,
Ruffian, baratti, e simile lordura.

[пребывают
Лжецы, ханжи и те, что чары ткут
Разбоя, сводничества, симонии
И всякой прочей мерзости приют.]

За много недель до появления «Главной книги» Карл Фогт поручил *Edouard Simon* дать отзыв о ней во французской печати. *Edouard Simon* годился для *double emploi* [двойственного амплуа]: во-первых, он частным образом изложил содержание «Главной книги» Ля-Герроньера и в связи с этим был прикомандирован своим патроном к «*Revue Contemporaine*». Тщетно редакция «*Revue Contemporaine*» смиреннейше просила, чтобы *Edouard Simon*, по крайней мере, появлялся на ее столбцах анонимно. Ля-Герроньер был неумолим. *Edouard Simon* дебютировал в «*Revue Contemporaine*» от 15 февраля 1860 г. за подписью *Edouard Simon* со статьей о

¹ *Ruchbar* — значит известный и пахнущий (*Ruchgeruch*). Ред.

* Через посредство нежной Кунигунды кое-что фогтовское против меня появилось в газетке моего родного города Тира. Между прочим, там говорилось о моей «плотской близости» ко «Всеобщей» (*Allgemeine*). Какая ассоциация идей для целомудренной Кунигунды! Very shocking indeed! [Крайне шокирующее заявление!]

своем друге *Fogte* под заглавием: «Un Tableau de Moeurs Politiques de l'Allemagne. Le Procès de M. Vogt avec la Gazette d'Augsburg» [«Картина политических нравов в Германии. Процесс г. Фогта с «Аугсбургской Газетой»].

«Романец» *Edouard Simon* не думает, что для того, «чтобы быть добрым французом, он обязан поносить благородную германскую расу» (*«Revue Contemporaine»*, стр. 536), но в качестве «доброго француза» и «прирожденного романца» он должен, по меньшей мере, обнаруживать природное небежество в немецких делах. Так, между прочим, он говорит о своем *Карле Фогте*: «Он был одним из трех регентов эфемерной империи»*. *Monsieur Edouard Simon*, разумеется, не догадывается, что империя *in partibus* [за границей] стонала под управлением *пентархии*, и «в качестве француза» воображает, что трем святым королям в Кёльне соответствовали — хотя бы ради симметрии — три парламентских имперских регента в Штутгарте. Остроты «друга» Фогта в его «Главной книге» «на французский вкус часто заходят слишком далеко»**. Француз *Edouard* это исправит и «постарается выбрать»***. «Друг» Фогт от рождения любит «яркие цвета» и «в отношении языка не особенно-то уж斯顿ок»****. Ну, конечно! Ведь «друг» Фогт только аннектированный немец, как Да-Да аннектированный араб, между тем как *Edouard Simon* от природы «добрый француз» и коренной «романец». Заходили ли когда-нибудь Оргес и Дицель так далеко в своей клевете на «романскую расу»?

Monsieur Edouard Simon развлекает свое начальство, изображая перед парижской публикой одного из «трех» немецких святых королей охвостья — и притом с согласия и по поручению этого немецкого святого короля охвостья — в виде добровольного пленика, идущего за триумфальной колесницей империалистического Квазимodo. «Мы видим, — говорит *Edouard Simon* после цитаты из «Главной книги», — что *Фогт* мало интересовался вопросом, откуда приходила для объединения

* «Il fut un des trois régents de l'empire éphémère» (l. c., p. 548).

** «Il dépasserait le but au goût des français» (l. c., p. 519).

*** «Nous nous efforcerons de choisir» (l. c.).

**** «M. Vogt aime beaucoup les couleurs tranchantes, et il n'est pas précisément un gourmet en matière de langage» (l. c., p. 530).

Германии помочь, лишь бы она вообще приходила; французская империя представлялась ему даже особенно пригодной для ускорения желанного решения вопроса. Может быть, Фогт в этом случае дешево (?) расценил свою прежнюю деятельность, и его старым коллегам, заседавшим вместе с ним на крайней левой Франкфуртского парламента, должно казаться странным, что этот яростный противник всякой единой власти, этот пламенный сторонник анархии, выражает столь живое сочувствие государству, который победил анархию во Франции»*.

С не-«решительной» левой *Edouard* пересаживает «беглого имперского регента» на крайнюю левую Франкфуртского парламента. Человек, голосовавший за «наследственного германского императора», превращается в «яростного противника всякой единой власти», а центрально-маргованец, проповедывавший среди пестрых кацацких партий во Франкфурте необходимость «порядка» во что бы то ни стало, становится «пламенным сторонником анархии». Все это для того, чтобы должным образом выпукло подчеркнуть улов, доставшийся режиму 10 декабря в лице «беглого имперского регента». Тем более ценные «столь живые симпатии» Фогта к человеку, «который победил анархию во Франции», тем дороже его теперешнее понимание, что «французская империя особенно пригодна для создания германского единства», и тем понятнее сделанный с ловкостью медведя «другом» *Simon* намек, что «друг» Фогт «может быть слишком дешево [de bon marché] расценил свою прежнюю деятельность» и что, значит, герой декабрьского переворота, во всяком случае, заплатил за нее не «слишком дорого». И чтобы в высоком месте не оставить никакого сомнения, что «друг» Фогт теперь столь же благонадежен, как и «друг» *Simon*, Monsieur *Edouard Simon*, ухмыляясь,

* On le voit, M. Vogt se souciait peu d'où vint le secours en faveur de l'unité allemande, pourvu qu'il vint; l'empire français lui semblait même singulièrement propre à hâter le dénouement qu'il désire. Peut-être en cela M. Vogt faisait-il bon marché de ses antécédents, et il dut paraître étrange, à ses anciens collègues qui siégeaient avec lui à l'extrême gauche dans le Parlement de Francfort de voir ce foudreux antagoniste de tout pouvoir unique, ce fervent zélateur de l'anarchie manifester de si vives sympathies envers le suzerain qui l'a vaincue en France» (I. c., p. 518).

потирая руки и подмигивая левым глазом, рассказывает, что Фогт в своем стремлении к порядку, «если он пра-
вильно понимает Фогта, даже осведомлял женевские
 власти об интригах революционеров», совсем как Monsieur Edouard Simon «осведомлял» Палестрину и
Ля-Герроньера.

Всем известно, что Абу и Журдан, и Гранье де-Кас-
саньяк, и Бонифас, и д-р Гофман, что монахи из «Espé-
rancе», рыцари из «Nationalité», раздувательные мехи из
«Opinion National», построчные писаки из «Indépen-
dance», «Morning Chronicle», «Nouvelliste Vaudois»
и т. д., что Ля-Герроньеры и Симоны, стилисты, циви-
лизационисты, декабристы, плон-плонисты, дантисты и
дантисты, — что все они вместе и порознь черпают свое
вдохновение из одной и той же августейшей *кассы*.
Таким образом, Да-Да-Фогт не одинокий, борющийся на
свой страх партизан, а субсидирован, доктринирован,
сбригадирован, сканальирован, с Эдуардом Симоном
сложен, к Плон-Плону приложен, вместе пойман и вме-
сте повешен. Спрашивается: *оплачивают ли Карла Фогта*
за его агентурную деятельность?

«Если я не ошибаюсь, то подкупать значит склонять
кого-нибудь деньгами или предоставлением иных выгод
к поступкам или высказываниям, противоречащим его
убеждениям» («Главная книга», стр. 217). А плон-пло-
низм — убеждение Фогта. Таким образом, если его даже
оплачивают наличными, то он ни в коем случае не *под-
куплен*. Но чеканка монеты не может быть разнообраз-
нее, чем способ оплаты.

Кто знает, не обещал ли Плон-Плон своему Фальстафу
комендатуру мышкой башни у Бингенской щели или
же назначение в члены-корреспонденты Академии, после
того как Абу уже в своем памфлете «La Prusse en 1860»
[«Пруссия в 1860 г.»] заставляет французских натура-
листов спорить о чести одновременно переписываться
с живым Фогтом и с мертвым Дифенбахом? Или имеется
в виду восстановление его в качестве имперского ре-
гента?

Я знаю, во всяком случае, что мольва объясняет вещи
более прозаическим образом. Так, говорят, «вместе с по-
воротом в ходе дел с 1859 г.» произошел поворот и в де-
лах «приятного собеседника» (бывшего незадолго перед

тем одним из главарей радикально съеденного и попавшего под уголовное следствие акционерного общества), и осмотрительные друзья пытались объяснить это тем, что одно итальянское акционерное горно-промышленное общество, из благодарности за «минералогические» заслуги Фогта, сделало ему крупный подарок в акциях, которые он реализовал (*versilbert*)¹ во время своего первого пребывания в Париже. Съедущие люди из Швейцарии и из Франции, совершенно незнакомые друг с другом, писали мне почти одновременно, что «приятный собеседник» имеет связанную с известными доходами должность по верховному надзору за поместьем «La Bergerie» у Ниона (в Баадте), вдовьей резиденцией, купленной Плон-Плоном для Ифигении из Турингии. Мне известно письмо, в котором один «ново-швейцарец», бывший в близких отношениях с Фогтом уже значительно позже «поворота 1859 г.», *на з в а л* в начале 1860 г. некоему П. Б. Б., 78 Fenchurchstreet, London, очень крупную сумму, которую его экс-приятель получил из центральной кассы в Париже, не взяткой, а авансом.

Такие и еще худшие слухи проникли в Лондон, но я, со своей стороны, ни гроша не дам за них. Я скорее верю на слово Фогту, когда он говорит, что

«никому нет дела до того, откуда я (Фогт) беру деньги. Я и впредь буду стараться добывать себе средства, необходимые для достижения моих политических целей, и я и впредь, в сознании своего доброго дела, буду брать их там, где я их сумею получить» («Главная книга», стр. 226), следовательно также и из парижской центральной кассы.

Политические цели! «Nugaris, cum tibi, Calve,
Pinguis aqualiculus propenso sesquipede extet».

[Пустое болтаешь ты, Кальв,
Фута на два у тебя отросло разжиревшее брюхо]

Доброе дело! Это — немецко-идеалистическое выражение для того, что грубо-материалистический англичанин называет «the good things of this world» [«блага мира сего»].

¹ Versilbern — значит серебрить, реализовать и дать взятку. Ред.

Что бы ни думал об этом д-р медицины Шайбле, почему не поверить на слово Фогту, когда он в той же самой «Главной книге», в заключение своих *охотничьих историй* о серной банде и т. д., столь же торжественно заявляет:

«Здесь заканчивается этот отдел одного периода *с временной историей*. Я сообщаю здесь не пустые фантазии, это — достоверные факты!» («Главная книга», стр. 182).

Почему же *его агентура* не должна быть столь же достоверной, как и рассказываемые в «Главной книге» факты?

Я, со своей стороны, твердо и непреклонно верю, что, в отличие от всех прочих пишущих, агитирующих, политизирующих, конспирирующих, пропагандирующих, рекламирующих, план-планирующущих, комплотирующих¹ и компрометирующих себя сочленов *декабристской банды*, единственно только Фогт, исключительно он один, смотрит на своего императора как на *«l'homme qu'on aime pour lui-même»* [на «человека, которого любят ради его самого»].

«Swerz nicht geloubt, der sündet» [«Кто не верит, тот грешит»], как говорит Вольфрам фон-Эшенбах, или же «кто не верит, тот заблуждается», как поется в современной песне.

¹ — устраивающих заговоры. Ред.

X. ПАТРОНЫ И СООБЩНИКИ¹

Principibus placuisse viris non ultima laus est.

[Тем, кто стоит над тобой, угодить — не великая доблесь.]

В качестве поручителей за свое «good behaviour» [«хорошее поведение»] экс-имперский Фогт выставляет «Кошуту» и «двух других мужей — Фази, воссоздателя Женевы, и Клапку, защитника Коморна», которых он «с гордостью называет своими друзьями» («Главная книга», стр. 213). Я называю их его патронами.

После битвы при Коморне (2 июля 1849 г.) Гергей узурпировал верховное командование над венгерской армией, вопреки приказу венгерского правительства, сместившего его. «Если бы во главе правительства стоял энергичный человек, — пишет полковник Лапинский, — продолжавший еще быть в этой своей работе приверженцем Кошути, — то уже тогда был бы положен конец всем интригам Гергая. Кошуту стоило только явиться в лагерь и сказать несколько слов армии, и вся популярность Гергая не спасла бы его от падения... Но Кошут не явился. У него нехватило силы выступить открыто против Гергая и, тайком интригую против генерала, он публично пытался оправдать его поступок» (стр. 125, 186. Th. Lapinski, «Feldzug der ungarischen Hauptarmee u. s. w.») [Т. Лапинский, «Поход венгерской главной армии и т. д.»]. О преднамеренном предательстве Гергая Кошту, по его собственному признанию, некоторое время спустя формально донес генерал Гуйон (см. David Urquhart, «Visit to the Hungarian Exiles at Kutayah») [Давид Уркарт, «Посещение венгерских эми-

¹ Mitstrolche.

грантов в Кутайсе]. «Кошут, правда, сказал в одной прекрасной речи в Сегедине, что если бы он знал о каком-нибудь предателе, то убил бы его собственными руками, причем он, может быть, имел в виду Гергеля. Но он не только не исполнил этой несколько театральной угрозы, но ни одному из своих министров ни разу даже не назвал человека, которого он подозревал; и в то время как с некоторыми из них он строил жалкие планы против Гергеля, он всегда с величайшим уважением говорил о нем и даже писал ему нежнейшие письма. Пусть поймет, кто хочет, но я не понимаю, как можно видеть спасение отечества в падении только одного спасного человека, пытаясь дрожащей рукой его убрать и в то же время поддерживать его другой рукой, создавая ему своим доверием приверженцев и почитателей и передавая ему таким путем в руки всю власть. В то время как Кошут был таким жалким в своих действиях то в пользу Гергеля, то против него, Гергель, более последовательный и твердый, чем он, выполнил свой черный план» (Т. Лапинский, там же, стр. 163—164). 11 августа 1849 г. Кошут, по приказанию Гергеля, издал, якобы из крепости Арад, официальный манифест об отказе от власти, в котором он передавал Гергелю «высшую гражданскую и военную правительственную власть» и заявлял: «После неудачной борьбы, которой господь в последние дни покарал нацию, не осталось уже надежды, что мы с расчетом на успех сумеем еще продолжать самооборону против обеих объединившихся великих держав». Объявив во вступлении дело Венгрии безнадежно погибшим, и притом вследствие кары господней, Кошут в дальнейшем тексте манифеста возлагает на Гергеля «ответственность перед богом за надлежащее использование для спасения» Венгрии врученной ему Кошутом власти. Он достаточно доверял Гергелю, чтобы вручить ему Венгрию, но слишком мало, чтобы поручить ему свою собственную особу. Его личное недоверие к Гергелю было настолько велико, что свое прибытие на турецкую территорию он ловко приурочил к моменту получения Гергелем его манифеста об отказе от власти. Поэтому его манифест и заканчивается словами: «Если смерть моя может послужить отечеству, то я с радостью принесу в жертву свою жизнь». На алтарь отечества он,

однако, передал в руки Гергеля лишь государственную сласть, титул которой он тотчас же снова узурпировал под защитой турок.

В Кутайе его превосходительство *gouverneur in partibus* [правитель в изгнании] получил первую Синюю книгу о венгерской катастрофе, представленную Пальмерстоном парламенту. Изучение этих дипломатических документов убедило его, — писал он Д. Уркарту, — что «Россия в каждом кабинете имеет своего шпиона, даже более того — своего агента» и что *Пальмерстон предал, в интересах России, dear Hungary [дорогую Венгрию]**. Между тем, первое публичное слово, которое он произнес, вступив на английскую землю в Соутгэмптоне, было: «*Palmerston, the dear friend of my bosom!*» [«Пальмерстон, мой дорогой, сердечный друг!»].

По окончании своего интернирования в Турции Кошут отплыл в Англию. По дороге туда, у Марселя, — где ему, однако, не разрешено было высадиться, — он выпустил манифест, написанный в духе и в стиле французской социал-демократии. В Англии он немедленно же *отрекся* от «этого нового социал-демократического учения, которое — правильно или неправильно — считают непримиримым с существующим порядком и не-прикосновенностью собственности. У Венгрии нет ни основания, ни желания связываться с этими учениями хотя бы по той бесспорной причине, что в Венгрии нет для них ни условий, ни малейшего повода» (ср. с этим письмо из Марселя). Во время первых двух недель своего пребывания в Англии он менял свой символ веры столько же раз, сколько давал аудиенций — всем и повсюду. Граф *Казимир Баттяни* так мотивировал свой тогдашний публичный разрыв с Кошутом:

«На этот шаг меня толкнули не только bêvues [ошибки], сделанные Кошутом за время его двухнедельного пребывания на свободе, но и весь накопившийся

* Кошут не понимал тогда, как разыгрываемая Пальмерстоном роль врага России «может» обмануть человека, обладающего здравым смыслом. *How could a man of any intellect for a single moment believe that the Minister who allowed Russia's intervention in Hungary, would give the word of attack against her?*» (Письмо из Кутайи от 17 декабря 1850 г. «Correspondence of Kossuth»).

у меня опыт, все то, что я видел, терпел, допускал, выносил — и как Вы помните — прикрывал и маскировал, сперва в Венгрии, потом в изгнании, словом — составленное мною убеждение об этом человеке... Позвольте мне заметить, что прошлые или будущие заявления Кошута в Соутгемптоне, Уисбиче или Лондоне, словом — в Англии, оставляют в силе все, что он сказал в Марселе. В стране «молодого великана» (Америка) он опять-таки заговорит на иной лад, так как, будучи во всем бессовестным (*unscrupulous*) и сгиаясь, точно тростинка, при каждом сильном дуновении ветра, он sans gène [не стесняясь] отказывается от своих собственных слов и без всяких колебаний прикрывается именами великих покойников, которых он погубил, как, например, именем моего бедного кузена Людвига Баттяни... Я не боюсь заявить, что еще раинше, чем Кошут покинет Англию, Вы будете иметь достаточно оснований сожалеть о почестях, так расточительно воздаваемых Вами столь недостойному человеку» (*«Correspondence of Kossuth», letter of Count Baththyani to Mr. Urquhart, Paris, 29 Oct. 1851.* [«Переписка Кошута», письмо графа Баттяни к Уркарту, Париж, 29 октября 1851 года.]

Гастроли Кошута в Соединенных Штатах, где на севере он говорил против невольничества, а на юге за него, остались после себя чудовищное разочарование и 300 бренных останков речей. Не останавливаясь подробнее на этом странном эпизоде, замечу лишь, что он горячо рекомендовал немцам в Соединенных Штатах, и в частности немецкой эмиграции, союз между Германией, Венгрией и Италией, исключая Францию (не только правительство государственного переворота, но и самое Францию, даже французскую эмиграцию и представляемые ею французские партии). Вскоре после своего возвращения в Лондон он пытался через посредство какого-то подозрительного субъекта, графа Сирмая, и полковника Киша в Париже завязать сношения с Луи Бонапартом (см. мое письмо в *«New York Tribune»* от 28 сентября 1852 г. и мое заявление там же от 16 ноября 1852 года).

Во время мадзиньевского émeute (мятежа) в Милане в 1853 г. на стенах этого города появилась прокламация

к стоявшему там гарнизону венгерских войск; прокламация призывала их примкнуть к итальянским повстанцам и была подписана: *Людвиг Кошут*. Едва лишь до Лондона дошло известие о поражении мятежников, как Кошут поспешил заявить в «Times» и в других английских газетах, что эта прокламация — поддельная, и, таким образом, публично опроверг заявление своего друга Мадзини. И, тем не менее, прокламация была подлинной. Мадзини получил ее от Кошути, имел ее рукопись, написанную собственноручно Кошутом, и действовал в согласии с последним. Убежденный, что падение австрийского самовластия в Италии возможно лишь при объединенных действиях Италии и Венгрии, Мадзини пытался сначала заменить Кошути более надежным венгерским вождем; но когда из-за раскола в венгерской эмиграции попытка эта потерпела неудачу, он простил своего неверного союзника и великодушно отказался от его разоблачения, которое уничтожило бы его в глазах общественного мнения Англии.

К тому же 1853 г. относится, как известно, начало военных действий между Россией и Турцией. 17 декабря 1850 г. Кошут писал из Кутайи Давиду Уркарту: «Без турецкой верховной власти Турция перестанет существовать. А при настоящем положении вещей *Турция настоятельно необходима для мировой свободы*». В письме к великому визирю *Решиду-паше* от 15 февраля 1851 г. его туркофильство проявляется еще более пылко. В высокопарных фразах предлагает он турецкому правительству свои услуги. Во время своей поездки по Соединенным Штатам он писал 22 января 1852 г. Д. Уркарту: «Не согласитесь ли Вы, — ведь никто лучше Вас не понимает, что интересы Турции и Венгрии тождественны, — защищать мое дело в Константинополе? Во время моего пребывания в Турции Порта не знала, кто я такой; мой прием в Англии и Америке и положение, созданное мне удачей — я готов даже сказать: прорицанием, — должны показать Порте, что я искренний и, может быть, не лишенный влияния друг Турции и ее будущего». 5 ноября 1853 г. он письменно предлагал *Кроосхею* (уркартисту) отправиться, в качестве союзника турок, в Константинополь, но «не с пустыми руками» (*not with empty hands*), и поэтому

просил Кроосхея раздобыть ему денег «путем конфиденциальных обращений к таким либеральным лицам, которые могли бы легко оказать просимую им помощь». В этом письме он говорит: «Я ненавижу, презираю искусство делать революции» (*I hate and despise the artifice of making revolutions*). Но в то время как перед уркартистами он изливался в ненависти к революции и в любви к туркам, он вместе с Мадзини выпускал манифесты, в которых требовалось изгнание турок из Европы и превращение Турции в своего рода «восточную Швейцарию», а равно подписывал воззвания так называемого Центрального комитета европейской демократии, призывающие к революции вообще.

Так как Кошут уже к концу 1853 г. бесцельно растратил деньги, собранные им в 1852 г. в Америке путем декламаций от имени Венгрии, и так как Кроосхей не отклинулся на его просьбы, то правитель отказался от плана рыцарского визита в Константинополь, послав, однако, туда с лучшими рекомендациями своего агента, полковника Иоганна Бандю*.

* Я сам познакомился в 1850 г. в Лондоне с Бандей и его тогдашним приятелем, теперь генералом Тюрром. Подозрения, вызванные во мне его плутнями со всевозможными партиями—орлеанистами, бонапартистами и т. д.—и его сношениями с полицейскими всех «национальностей», он рассеял простым способом, предъявив мне изготовленный собственноручно Кошутом патент, в котором он, бывший уже ранее временным президентом полиции в Коморне под начальством Клапки, назначался теперь президентом полиции *in partibus [за границей]*. В качестве тайного начальника полиции на службе герцогии он, естественно, должен был иметь «открытый» вход к полиции, находящейся на службе правительства. Летом 1852 г. я открыл, что он утаил рукопись, которую я передал ему для одного берлинского книгоиздателя, и доставил ее одному из немецких правительств. После того как я написал об этом эпизоде и о других давно бросавшихся мне в глаза особенностях этого человека одному венгерцу в Париже и загадке Банди, благодаря вмешательству третьей вполне осведомленной особы, была вполне решена, я в начале 1853 г. послал за своею полицью публичное разъяснение его в *New York Criminalzeitung*. Бандя в оправдательном письме, находящемся еще в моих руках, указывал на то, что я меньше всего имею оснований считать его шпионом, так как он всегда (и это была правда) избегал говорить со мной о моих собственных партийных делах. Хотя Кошут и его сторонники не дали тогда погибнуть Банде, все же мое разоблачение его в *Criminalzeitung* стало мешать его дальнейшим действиям в Лондоне, и он тем скорее

20 января 1858 г. в Черкесии заседал военный суд, который единогласно приговорил к смерти «Махмета-бей, бывшего Иоганна Бандю д'Глорфалеа, уличенного, на основании собственного признания и свидетельских показаний, в государственной измене и втайной переписке с врагом (русским генералом Филиппоном)», что никакого не помешало ему спокойно проживать до последнего момента в Константинополе. В представленном военному суду письменном признании Бандя между прочим говорит: «Моя политическая деятельность была целиком предписана мне вождем моей страны Людвигом Кошутом... Снабженный рекомендательным письмом от моего политического вождя, я прибыл 22 декабря 1853 г. в Константинополь». Он стал затем, как сам рассказы-

ухватился за случай, предоставленный ему восточной неразберихой для использования своих талантов на другом поприще. Вскоре после заключения Парижского мира (1856 г.) я прочел в английских газетах, что некий Махмуд-бей, полковник турецкой службы, известный прежде, как христианин, под именем Иоганна Банди, отплыл с отрядом польских эмигрантов из Константинополя в Черкесию, где он фигурировал в качестве начальника генерального штаба Сефер-паша и, до известной степени, в качестве «Симона Болизара» черкесов. В лондонской «Free Press», в большом количестве расходящейся в Константинополе, я указал на прошлое этого освободителя. 20 января 1858 г. Бандя, как указывается в тексте, был приговорен военным судом польского легиона в Адерби под начальством полковника Т. Лапинского к смертной казни за сознательную измену Черкесии. Так как Бандя был турецким полковником, то Сефер-паша считал исполнение этого приговора несомненным с уважением к Высокой Порте и поэтому переправил осужденного в Трапезунд, откуда тот, вновь освобожденный, вскоре прибыл в Константинополь. Между тем венгерская эмиграция в Константинополе горячо вступилась за Бандю против польской партии. Охраняемый русским посольством от Дивана (который, к тому же, должен был содержать его, как «полковника», вместе с его гаремом), защищаемый предвзятым мнением «воих земляков против поляков, Бандя хладнокровно опубликовал самоапологию в «Journal de Constantinople». Но прибытие черкесской депутатации положило конец этой истории. Венгерская эмиграция официально отступила от своего подзащитного, хотя и de très mauvaise grâce [с большим неудовольствием]. Все бумаги военного суда в Адерби, среди них и признание Банди, а также обмененные впоследствии в Константинополе документы, были пересланы тюшней польской эмиграцией в Лондон, где выдержки из них появились во «Free Press» (май 1858 г.). Более подробно эти документы были опубликованы мной в «New York Tribune» от 16 июня 1858 года.

вает, мусульманином и поступил на турецкую службу в чине полковника. «Мои (исходящие от Кошута) инструкции настойчиво рекомендовали мне тем или иным способом присоединиться к тем войсковым частям, которым будут поручены операции на черкесском берегу». Там он должен был стараться воспрепятствовать участию черкесов в войне с Россией. Он успешно исполнил свое поручение и к концу войны послал из Константинополя «Кошуту подробный отчет о положении Черкесии». Перед своей второй, предпринятой совместно с поляками, экспедицией в Черкесию он получил от Кошута приказание действовать совместно с определенно указанными ему венгерцами, между прочим, генералом Штейном (Ферад-пашой). «*Капитан Франкии*, — говорит он, — *военный секретарь русского посла*, присутствовал при различных наших совещаниях. Целью их было склонить Черкесию мирным, медленным, но верным путем в пользу России. Прежде чем экспедиция покинула Константинополь (в середине февраля 1857 г.), я получил письма и инструкции от Кошута, одобрявшего мой план действий». В Черкесии предательство Банди было раскрыто благодаря перехваченному письму его к генералу Филиппсону. «Согласно моей инструкции, — говорит Бандя, — я должен был завязать сношения с русским генералом. Я долго не решался на это, но, наконец, я получил столь определенные приказания, что не посмел больше колебаться».

Процесс в военном суде в Адерби и в особенности *признания* Банди вызвали сенсацию в Константинополе, Лондоне и Нью-Йорке. От Кошута неоднократно и настойчиво, между прочим и из Венгрии, требовали публичного объяснения, однако напрасно. О миссии Банди в Черкесии он до настоящего момента хранит трусливое молчание.

Осенью 1858 г. Кошут торговал в Англии и Шотландии лекциями по дешевым ценам против австрийского конкордата и Луи Бонапарта. С каким пламенным фанатизмом он предостерегал тогда англичан от предательских планов Луи Бонапарта, которого он называл тайным союзником России, можно увидеть, например, из «Glasgow Sentinel» (20 ноября 1858 г.). Когда Луи Бонапарт в начале 1859 г. раскрыл свои итальянские

планы, Кошут разоблачил его в мадзиниевском «Pensiero ed Azione» и предостерегал всех истинных республиканцев — итальянцев, венгерцев, даже немцев, убеждая их не дать себя использовать в качестве орудия империалистическому Квазимодо. В феврале 1859 г. Кошут стал уверять, что полковник Киш, граф Телеки и генерал Клапка, довольно давно уже принадлежавшие к красной камарилье Пале-Рояля, разработали с Плон-Плоном заговорнические планы восстания в Венгрии. Кошут пригрозил начать публичную полемику в английской печати, если его не допустят в «тайный союз». Плон-Плон был более чем готов раскрыть ему двери конклава. С английским паспортом под именем мистера Броуна Кошут поехал в начале мая в Париж, поспешил в Пале-Рояль и подробно изложил Плон-Плону свой план восстания в Венгрии. Вечером 3 мая красный принц в собственной карете проводил экс-правителя в Тюильри, чтобы представить его там спасителю общества. Во время этой встречи с Луи Бонапартом столь красноречивый в других случаях язык изменил Кошуту, так что Плон-Плон должен был взять слово и изложить в известной мере своему кузену программу Кошута. Кошут впоследствии признательно удостоверил почти дословную точность передачи Плон-Плона. Внимательно выслушав доводы своего кузена, Луи Бонапарт заявил, что принять предложения Кошута ему мешает только одно препятствие — республиканские принципы и республиканские связи Кошута. В ответ на это экс-правитель весьма торжественно отрекся от республиканских убеждений, заверяя, что он и теперь не республиканец и никогда раньше им не был, что только политическая необходимость и исключительное сцепление обстоятельств заставили его вступить в союз с республиканской партией европейской эмиграции. В доказательство своего анти-республиканизма он предложил Плон-Плону от имени своей страны венгерскую корону. Корона эта тогда еще не была упразднена. Кошут также не обладал потериальными полномочиями для ее продажи с молотка. Но кто следил с некоторым вниманием за его выступлениями за границей, знает, что он давно привык говорить о своей «dear Hungary» [«дорогой Венгрии»],

как провинциальный юнкер говорит о своем поместье*.

Его отрицание своего республиканизма я считаю искренним. Цивильный лист в 300 000 флоринов, потребованный им в Пеште для поддержания блеска исполнительной власти; передача своей собственной сестре патронажа над больницами, состоявшими в ведении австрийской эрцгерцогини; попытка присвоить нескольким полкам имя Кошута; его желание создать камарилью; упорство, с каким он цеплялся на чужбине за титул правителя, от которого он отказался в минуту опасности; все это дальнейшее поведение, которое было больше к лицу претенденту на престол, чем изгнанику,— все это указывает на тенденции, чуждые республиканизму.

После сцены устранения подозрений в республиканизме Кошут получил, в порядке договора, три миллиона франков в свое распоряжение. В этом договоре, как таковом, ничего зазорного не было; для военной организации венгерских эмигрантов нужны были деньги, и почему бы правительству было не брать от своих новых союзников субсидии с таким же правом, с каким все деспотические государства Европы получали субсидии от Англии во время англо-австро-турецкой войны? Авансом на личные издержки Кошут тут же получил 50 000 фр. и, кроме того, выговорил себе известные денежные выгоды, своего рода страховую премию на случай преждевременного прекращения войны. Финансовая прозорливость и мелодраматическая чувствительность несколько одну другую не исключают. Ведь Кошут уже во время венгерской революции — как это должен знать его бывший министр финансов Душек — благоразумно позаботился, чтобы его содержание выплачивалось ему не в кошутовских денежных знаках, а в серебре или в австрийских банкнотах.

Прежде чем Кошут покинул Тюильри, было условлено, что он начнет в Англии кампанию нейтралитета для нейтрализации мнимых «австрофильских тенденций»

* Неудивительно, что подобные веши выплывают на свет, особенно если иметь в виду, что здесь участвовали, по меньшей мере, две словоохотливые стороны. Факты эти были, между прочим, опубликованы в английских газетах во время пребывания Кошута в Лондоне (поздней осенью 1859 года).

министерства Дерби. Известно, с каким успехом он мог исполнить эту предварительную часть договора благодаря добровольной поддержке со стороны манчестерской школы и вигов. Серия лекций от Mansionhouse в Лондоне до Freetrade-Hall в Манчестере составляла как бы антитезу к его англо-шотландскому турнэ осенью 1858 г., когда он продавал, взимая по шиллингу с человека, свою ненависть к Бонапарту и Шербургу, как к «the standing menace to England» [«постоянной угрозе Англии»].

Значительнейшая часть венгерской эмиграции в Европе с конца 1852 г. отвернулась от Кошута, но перспектива нападения на Адриатическое побережье с французской помощью привлекла к нему снова большую ее часть. Его переговоры с военной частью вновь привлеченных сторонников не лишены были декабристского привкуса. Чтобы иметь возможность лучше оплачивать их французскими деньгами, он повышал их в чинах, производя, например, лейтенантов в майоры. Каждый получал сперва путевые издержки до Турине, затем богатую военную форму (форма майора обходилась приблизительно в 150 ф. ст.) и, наконец, жалованье за шесть месяцев вперед с обещанием годичной пенсии по заключении мира. Но вообще жалованье не было слишком высоким: 10 000 фр. — главнокомандующему (Клапке), 6 000 фр. — генералам, 5 000 — бригадным командирам, 4 000 — полковникам, 3 000 — майорам и т. д. Собравшиеся в Турине венгерские военные части состояли почти исключительно из офицеров, без рядовых, и по этому поводу мне приходилось неоднократно выслушивать горькие жалобы со стороны «низов» венгерской эмиграции.

Генерал Мориц Перцель, разглядевший эту дипломатическую игру, как было уже упомянуто, отказался от участия и публично заявил об этом. Клапка, несмотря на контрприказание Луи Бонапарта, настаивал на высадке у Фиуме, но Кошут удерживал венгерский эмигрантский корпус в предписанных ему директором театра сценических границах.

Лишь только в Турин пришло известие о заключении Виллафранкского мира, как Кошут, боясь, что его выдадут Австрии, сломя голову и тайно, за спиной своих

боинских частей, помчался в Женеву. Ни Франц-Иосиф, ни Бонапарт, ни кто другой не вызывал к себе столько ненависти в венгерском лагере в Турине, как Людвиг Кошут, и только комизм его последней выходки заставил критику до известной степени молчать. По возвращении в Лондон Кошут обнародовал письмо к своему ручному слону, некоему Мак-Адаму в Глазго, в котором заявлял, что считает себя разочарованным, но не обманутым, и заканчивал трогательным обращением, что ему негде преклонить голову, и все адресованные ему письма просил направлять на квартиру его приятеля Ф. Пульского, давшего приют изгнаннику. Более чем с англо-саксонской грубостью лондонская печать предложила Кошуту занять себе дом в Лондоне на бонапартистские субсидии; это убедило его, что на некоторое время его роль в Англии сыграна.

Кроме ораторского таланта, Кошут обладает великим талантом молчать, когда аудитория обнаруживает определенно недоброжелательное к нему отношение или же когда ему нечего сказать в свою защиту. Как солнцу, ему не чужды затмения. Что он хоть раз в жизни сумел быть последовательным, доказало его последнее письмо к Гарибальди, где он предостерегал последнего от нападения на Рим, чтобы не задеть чести императора французов, эту «единственную опору угнетенных национальностей».

Как Альберони в первую половину XVIII века называли «колossalным кардиналом», так Кошута можно назвать «колossalным *Лангеншварцем*¹. По существу он — импровизатор, получающий свои впечатления каждый раз от слушающей его аудитории, а не творец, навязывающий миру свои идеи. Как Блонден танцует на своем канате, так Кошут — на своем языке. Оторванный от атмосферы своего народа, он неизбежно должен был выродиться в виртуоза и впасть в пороки виртуозов. Характеризующая импровизатора неосновательность мышления неизбежно находит свое отражение в двусмысленных поступках. Если Кошут был некогда эоловой арфой, на которой шумно играл народный ураган,

¹ Известный немецкий импровизатор первой половины XIX века.
Ред.

то теперь он только дионисово ухо¹, передающее шепоты в таинственных скоях Пале-Рояля и Тюильри.

Было бы совершенно несправедливо на один уровень с Кошутом ставить второго патрона Фогта, генерала Клапку. Клапка был одним из лучших венгерских революционных генералов. Он, как большинство офицеров, собравшихся в 1859 г. в Турине, смотрит на Луи Бонапарта примерно так, как Франц Ракоци смотрел на Людовика XIV. Для них Луи Бонапарт представляет военную мощь Франции, которая может послужить на пользу Венгрии, но никогда — уже в силу одних географических условий — не может быть опасной для нее*. Но почему же Фогт ссылается на Клапку? Клапка никогда не отрицал, что он принадлежит к красной камарилье Плон-Плюна. Чтобы из «друга» Клапки сделать поручителя за «друга» Фогта? Клапка не обладает особым талантом в выборе своих друзей. Одним из его близких друзей в Коморне был полковник Ассерман. Послушаем об этом полковнике Ассермане полковника Лапинского, служившего под начальством Клапки до сдачи Коморна и отличившегося потом в Черкесии своей борьбой против русских.

«Вилагошская измена, — говорит Лапинский, — вызвала сильнейший испуг среди находившихся в Коморне

¹ Дионисово ухо — вид морских раковин, резонирующих шумы.
Ред.

* Хотя я и понимаю такую точку зрения со стороны Клапки, но я был неприятно поражен, найдя подобные же настроения в цитированном выше произведении Семере, и я откровенно сообщил ему свой взгляд по этому вопросу. Еще менее понимаю я его последнее заявление об австрийских уступках. Я знаю, что в общественных делах Семере неспособен действовать по мотивам частного характера, и он имел весьма веские основания для своего заявления, что венгерцы могут собственными силами справиться в Пеште, использовав Вену, что всякое восстание в Венгрии, вызванное извне, в особенности с помощью французов,inevitably повлечет за собой вмешательство России в венгерские дела, безразлично, за Австрию или против нее; наконец, что автономия, данная Трансильвании, Словакии и Крации, а также и Воеводине, обеспечит в данный момент, как и в 1848—1849 гг., венскому кабинету содействие этих «национальностей» против мѣдьяр. Все это верно, но все это можно было бы сказать иначе, не давая повода думать, что признаешь венгерскую конституцию в изуродованном в Вене издании *«in usum delphini»* [«в процензурном виде»].

и ничего не делавших многочисленных штабных офицеров... Эти надушенные господа с вышитыми золотом воротниками, из которых многие не умели держать ружья в руках и неспособны были командовать и тремя солдатами, бегали в панике друг к другу, придумывая способы любой ценой спасти свою шкуру. Отделившись под всевозможными предлогами от главной армии, чтобы в уютной безопасности неприступной крепости сидеть без всякого дела и только ежемесячно расписываться в правильном получении жалованья, они пришли в ужас от мысли, что придется защищаться не на жизнь, а на смерть... Эти негодяи лгали генералу, рисуя ему страшные картины внутренних беспорядков, бунтов и пр., чтобы склонить его как можно скорее сдать крепость при условии сохранить их жизнь и собственность. Последнее условие многие особенно близко принимали к сердцу, так как все их помыслы во время революции были направлены только на то, чтобы разбогатеть; кое-кому это и удалось. Отдельным лицам такое обогащение удавалось очень легко, так как многие отчитывались в полученных суммах не раньше, чем через полгода. Это создавало благоприятные условия для плутней и обмана, и иные, вероятно, запустили руки в кассу гораздо глубже, нежели способны были возместить... Перемирье было заключено; как же теперь его использовали? Из находившихся в крепости припасов, которых достаточно было на целый год, большое количество без всякой необходимости было вывезено в окружающие деревни, откуда, однако, не было ввезено никакого проvisionsa; было даже оставлено в ближайших деревнях сено и овес у крестьян, которые умоляли эти корма у них купить; несколько недель спустя казацкие лошади поедали крестьянское достояние, в то время как мы в крепости жаловались на недостаток фуражка. Значительная часть находившегося в крепости убойного скота была продана за город под тем предлогом, что для него нет достаточно корма. Полковник Ассерман, вероятно, не знал, что из мяса можно сделать солонину. Значительная часть зерна была также продана под тем предлогом, что оно становится затхлым; это делали открыто, еще больше тайно. В таком окружении, которое состояло из Ассермана и подобных ему субъектов,

Клапка, естественно, должен был отказываться от всякой хорошей мысли, приходившей ему в голову; они умели настоять на этом...» (Lapinski, там же, стр. 49).

Мемуары Гергеля и Клапки одинаково убедительно свидетельствуют об отсутствии у Клапки твердого характера и политической проницательности. Все совершенные им во время защиты Коморна ошибки вытекают из этого основного порока. «Если бы у Клапки, при его познаниях и патриотизме, была *еще собственная твердая воля* и если бы он действовал по собственному разумению, а не по внушению окружавших его тупоумных и трусливых людей, то защита Коморна блеснула бы в истории, как метеор» (там же, стр. 209).

3 августа Клапка одержал блестящую победу над осаждавшим Коморн австрийским корпусом, совершившю разгромил его и надолго сделал небоеспособным. Вслед за тем он взял Рааб и мог взять без труда даже Бену, но беспечно и в бездействии пробыл восемь дней в Раабе и вернулся затем в Коморн, где его ждало письмо от Гергеля и известие, что он сложил оружие. Неприятель просил о перемирии, чтобы сконцентрировать у Коморна разгромленный австрийский корпус и продвигавшихся с Римы-Изомбата русских, а затем преспокойно окружить крепость. Вместо того, чтобы напасть на сибиряки только вражеские силы и разбить их порознь, Клапка стал опять беспомощно колебаться, но все же отказывал австрийским и русским парламентерам в перемирии. Тогда, — рассказывает Лапинский, — «22 августа в Коморн прибыл адъютант императора Николая... Вы ведь не откажете нам, генерал, в двухнедельном перемирии, сказал русский Мefistoфель медоточивым голосом; всемилостивейший мой повелитель, его величество, просит Вас об этом! Это подействовало, как сильный яд. Что, несмотря на все усилия, не удавалось австрийским и русским парламентерам, того добился продувной адъютант немногими словами. Клапка не мог устоять перед его комплиментами и подписал двухнедельное перемирие. С этого дня и начинается падение Коморна». Самое перемирие, как уже было упомянуто, Клапка использовал через полковника Ассермана, чтобы в две недели убрать из крепости собранный в ней годовой провиант. По ист-

чении перемирия Граббе стал окружать Коморн со стороны Ваага, в то время как австрийцы, постепенно увеличившие свою армию до 40 000 человек, расположились на правом берегу Дуная. Гарнизон Коморна был деморализован праздной жизнью за окопами и стенами города. Клапка не предпринял ни одной вылазки против русского корпуса, еще не участвовавшего ни в одном сражении и насчитывавшего только 19 000 человек. Неприятелю ни на минуту не помешали в его подготовительных работах к осаде города. Со дня подписания перемирия Клапка фактически подготовлял все не для обороны, а для капитуляции. Вся развиваемая им энергия была полицейского характера и направлена была против храбрых офицеров, которые противились капитуляции. «Последнее время, — говорит Лапинский, — стало опасным говорить что-либо об австрийцах, ввиду возможного ареста». Наконец, 27 сентября произошла капитуляция. «Если принять во внимание наличные силы, отчаянное положение страны, возлагавшей свои последние надежды на Коморн, общее положение в Европе и бессилие Австрии, которая принесла бы величайшие жертвы ради Коморна, то условия капитуляции были исключительно жалкие». Они «помогали лишь скорее удрать из Коморна за границу», но не вытесняли никаких гарантий ни для Венгрии, ни даже для находившихся в руках австрийцев революционных генералов. К тому же они были в чрезвычайной спешности составлены так неясно и двусмысленно, что впоследствии обвинили Гайнау их нарушение.

Таков Клапка. Если Фогт лишен «характера», то уж менее всего мог бы его снабдить этим продуктом Клапка.

Третий патрон — «Джемс Фази, воссоздатель Женевы», как отзывается о нем его придворный шут Фогт. Нижеследующие письма Иоганна Филиппа Беккера, обращенные к тому же адресату, как и его вышеупомянутое письмо, содержат в себе слишком удачную характеристику Фази, чтобы портить ее добавлениями. Поэтому ограничусь лишь предварительным замечанием. Отвратительнейшая черта фогтовских так называемых «Исследований», это — ханжеский, лютеран-

ский, даже кальвинистский ужас перед «ультрамонтанской партией». Так, например, он преподносит Германии пошлую альтернативу протянуть руку Луи Бонапарту или же подпасть под власть австрийского конкордата, и «уж лучше, право, второй раз пережить период национального унижения» («Исследования», стр. 52). Гнусавым пуританским голосом он негодующе вопит против «ультрамонтанской партии, этого чудовища, этого наследственного врага всего человечества, высасывающего кровь» (там же, стр. 120). Он, очевидно, никогда не слышал о том, о чем поведал даже Дюпен старший в декабристском сенате, а именно, что «при Луи Бонапарте конгрегации, ассоциации и всякого рода учреждения, подчиненные непосредственно иезуитскому ордену, стали многочисленнее, чем при ancien régime [старом порядке], и что декабристское законодательство и администрация систематически отменяли все государственные ограничения, которые ставились ультрамонтанской пропаганде правительственные органами даже до 1789 года». Но что Фогт безусловно знает, это — что господство его местного Бонапарта, Джемса Фази, держится на многолетнем союзе между так называемой радикальной и ультрамонтанской партиями. Когда Венский конгресс выключил Женеву, старую резиденцию кальвинизма, в швейцарскую федерацию, то он присоединил к ее территории, вместе с некоторыми савойскими округами, католическое сельское население и спирки ультрамонтанского поповства. Союз с «этим наследственным врагом человечества, с этим чудовищем» и сделал из Фази диктатора Женевы, а из Фогта — советника Фази. Это предварительно.

Париж, 2 июля 1850 г.

Друг Р...!

Наконец, я должен удовлетворить Вашу просьбу и написать Вам свое мнение о господине Джемсе Фази...

Как государственные науки бесполезны без искусства применения их к жизни, так и искусство в государственных делах бесплодно, если оно не основывается на науке и философском мышлении. Одна наука не даст так называемому государственному мужу житейского опыта, и его неспособность очень скоро обнаружится.

Наоборот, человек с односторонним искусством государственного деятеля легче может скрывать недостаток знаний и умственного творчества, скорее сойдет за практического государственного деятеля и будет иметь на своей стороне широкую массу обывателей. Будет ли народ под управлением такого мужа в культурном отношении прогрессировать и создаются ли гарантии для беспрепятственного дальнейшего развития, не в состоянии судить слепо восторгающаяся им масса. Особенно, если по внешнему виду все идет хорошо и успешно и все делается во имя свободы и цивилизации!

В лице нашего *Джемса Фази* Вы имеете превосходный экземпляр этого «вида» (*species*) артистов в государственных делах. Этот ловкий человек обнаруживает не одно государственное искусство, а целый ряд государственных искусств, он проделывает всякого рода кунстштуки и *tours de force* [триюки] всякий раз, когда этого требует «общественное благо», но с привычным благородствием осторегается всякого сальто-мортале. Это мастер по закулисному распределению ролей, ловкий режиссер и суфлер, виртуозный комедиант до пес plus ultra [сверх всякой меры]. Можно было бы высоко ценить его «твёрдый характер», который не останавливается ни перед какими средствами, ведущими его к цели, если бы источником этой твердости не были его грязные цели. Но достаточно знать беспринципность и беззастенчивость этого человека, чтобы менее удивляться его остроумию в выборе средств и ловкости, с какой он их применяет. Все хорошее, происходящее или возникающее в жизни управляемого им народа, нагло прибирается этим артистом в государственных делах к рукам и потом преподносится от его имени толпе, которая слепо верит, что все сделано «папашей Фази» или произошло только благодаря ему. Так же ловко умудряется он свою инициативу во всем плохом и непопулярном сваливать с себя на чужую голову. В своем правительстве он не терпит людей самостоятельных; когда ему угодно, он дезавуирует своих коллег, и они же должны с ним разделить ответственность за его неудачные шаги. Терпя à discretion [без возражений] от его деспотической грубости, они всегда должны быть готовы стать козлами отпущения для блага народа и во славу своего президента. Подобно

коронованному владыке, который при всяком мероприятии — как бы оно ни было необходимо для блага народа — справляется, — прежде чем его величество «согодит», — не повредит ли оно династии, так и папаша Фази спрашивает себя по поводу всякого дела: «не грозит ли оно прочности моего президентского кресла?». Поэтому наш герой всегда принаршивает свою политику к обстоятельствам текущего момента, от случая к случаю: сегодня он проделывает какую-нибудь комедию в Правительственном совете, завтра какой-нибудь жонглерский фокус в Большом совете, а послезавтра производит трескучий эффект речью на народном собрании, и искусно обласканная им толпа, в свою очередь любящая господа бога, которого она может видеть и слышать, под действием его искусной лести становится доверчивой и верит, что шипят яйца на горячей сковороде, когда проливной дождь стучит по крыше. Я не хочу этим сказать, будто женевцы неразвиты и глупы; напротив, я убежден, что редко где можно найти более оживленную общественную жизнь, более могучее стремление к развитию гражданской свободы, чем здесь, на берегах Женевского озера. В дальнейшем я еще вернусь к вопросу, как это Фази удавалось так часто обеспечить себе большинство голосов.

Все, что за последние 15 лет было сделано в Женеве энергичным поколением, Фази через своих лакеев и поклонников приписывает своему управлению. Так, например, ему приписывается срытие укреплений, грандиозное расширение и украшение столицы кантона. Между тем, всякое правительство, в том числе и правительство Фази, было бы безжалостно сметено, если бы оно вздумало как-нибудь воспротивиться настойчивому желанию населения срыть бесполезные укрепления и увеличить размеры города, который вследствие крайней скученности людских масс становился все более и более антисанитарным. Таким образом, вопрос этот стал для Фази вопросом существования, и он — по заслугам ему и честь — энергично принялся и многое помог к общему удовольствию довести до конца. То, что создано сильнейшей потребностью времени при энергичном содействии целого поколения, не может отдельный человек, не одержимый безмерным самомнением, приписывать

своей инициативе и своему творчеству. Только все общество творит нечто цельное — да и то лишь относительно, — а каждый отдельный член его вносит сюда лишь большую или меньшую долю соответственно своему положению и силам. Слепая вера в авторитеты — особый вид суеверия и вредна для нормального развития.

Я прекрасно знаю, что наш Фази ничем не отличается от прочих сынов человеческих; что он делает лишь то, что не может оставить, и оставляет лишь то, что не может сделать; что он, как и весь животный мир, в стремлении к абсолютному выявлению своей индивидуальности, удовлетворяет свои потребности. От него так же нельзя требовать быть иным, как нельзя требовать от кошки, чтобы она добровольно бросилась в воду, или от лошади, чтобы она вскарабкалась на дерево. Он не был бы в этом случае Фази, а если бы он не был Фази, то он был бы, может быть, Луи Бонапартом или чем-нибудь в этом роде. Если, пользуясь своим авторитетом, водить народ на помочах, слепить ему глаза фокусами, не содействуя прогрессу его духовной и нравственной культуры, и следы своего существования закреплять лишь развращением общества, если это — величие, то, несомненно, и Фази велик и, не без основания, может служить предметом зависти для более могущественных тиранов.

Среди противоречий наш герой на редкость умеет лавировать, и из них сделан его волшебный компас, по которому он правит своим государственным суденышком. В одном случае радикализм доставляет ему экипаж, а ультрамонтанство — груз, в другом случае — наоборот, как нужно для вящего удобства кормчего. Государственная машина поэтому в постоянном движении, подобно маятнику часов, раскачивается взад и вперед. Чудесный результат! Радикалы клянутся, что дела идут вперед, ультрамонтаны веруют, что они идут назад. И то и другое верно; обе стороны блаженны в своей вере, а Фази, как господь бог, остается у руля.

Дорогой друг, удовольствуйтесь на сей раз этими строками.

С сердечным приветом

Ваш Иог. Фил. Беккер.

Париж, 20 июля 1860 г.

Дорогой Р...!

Итак, вы думаете, что я сгущил краски в своем портрете Фази. Нисколько, дорогой друг! Впрочем, человек не может думать и судить о вещах и людях, как он хочет, а думает так, как логически должен в меру своего понимания и внутреннего опыта. Кто о подобных вещах говорит иначе, чем думает, и поступает иначе, чем говорит, тот не верен самому себе и мерзавец.

Фази, получивший первоначальное воспитание в одном гернгутеровском заведении в Нейвиде и хорошо говорящий по-немецки, кажется, и теперь еще, в 65 лет, судит о Германии и немецком народе по впечатлениям от этого образцового учреждения. Все немецкое, даже из немецкой Швейцарии, ему не по вкусу и лишь в исключительных случаях пользуется его благоволением. В качестве прирожденного женевца и благодаря длительному пребыванию в свободных Штатах Северной Америки он отлично познакомился с республиканскими учреждениями, средствами агитации и в особенности с изворотами родственной его натуре интриги. Он больше демагог, чем демократ, и его главное государственное правило и его девиз — *laissez aller et laissez faire* [предоставьте события их свободному течению] — были бы не так плохи, если бы он мог удержаться и не совал своих рук всюду, где общество хочет создать что-нибудь и не милостью государства, не совал бы рук, чтобы либо добиться успеха ради своей славы, либо, если это невозможно, помешать начинанию, как это было, например, с Банком взаимного кредита, который был запроектирован Майером и другими, и с учреждением промышленного музея. Во время женевской революции 1846 г. Джемс руководствовался афоризмом: вдали от выстрелов воин доживает до старости, и поэтому больше думал о путях к бегству, чем о путях к победе. Он уже готовился тайком покинуть Женеву, когда Альберт Галеэр, душа всего движения, последним усилием решил бой, который долго шел с переменным счастьем, и сообщил ему о полной победе. Галеэр, для которого дело было все, а собственная слава — ничто, и который — тогда, по крайней мере, — твердо верил в искреннюю любовь Фази к пароду, не без удовлетворения смотрел, как во время спасенный от чрезмерно торопливого бегства герой дер-

жался победителем на устроенном тотчас после победы народном собрании. Галеер непосредственно по окончании революции не мог рассчитывать получить место в правительстве, потому что был не женевцем, а гражданином кантона Берна и по тогдашним федеральным законам не мог ни избирать, ни быть избранным. Правда, вскоре ему было даровано право гражданства, и тогда он был выбран в Большой совет и получил место переводчика государственных актов. Будучи притягательным центром для энергичной женевской молодежи, он стал твердой опорой радикального правительства. Благодаря ему все более приобретало уважение масс и Фази. Пользуясь фразеологией французского радикализма, которую он усвоил в качестве сотрудника «National» в Париже во время Луи-Филиппа, Джемс Фази агитировал вдоволь, маскируя в печати и на трибуне свои настоящие помыслы. Однако, несмотря на свое демагогическое искусство, он уже по истечении года был в различных кругах серьезно обвинен в тайных сношениях с главарями ультрамонтанства, а вскоре за этим и в франкофильстве. В немецкой Швейцарии, где о вещах судят спокойнее и хладнокровнее, скоро, повидимому, раскусили его интриги. В конце 1847 г., по окончании войны с Зондербундом, Джемс Фази пришел в канцелярию военного департамента, чтобы отдать визит генералу Оксенбейну; в канцелярии был лишь я один; Оксенбейн с прочими офицерами пошли в госпитали навестить раненых. Когда я доложил Оксенбейну по его возвращении о визите Фази, он с выражением презрения произнес: «Ах, этот фальшивый лицемер!». Бывший президент швейцарского Союза и бернского правительства генерал Оксенбейн, уже несколько лет получающий в Швейцарии пенсию от французского императора, теперь, может быть, питает лучшие чувства к своему старому коллеге. Во всяком случае замечательно, что Фази еще ни разу не был избран швейцарским Национальным собранием в Союзный совет, хотя он и его друзья усиленно этого добивались, тем более, что в этом собрании господствует фанатически проводимая тенденция обеспечивать важнейшим кантонам поочередное представительство в центральном правительстве. В отношении союзного правительства, в котором Фази никакой властью не пользо-

вался, по которое, тем не менее, ограничивало удобный для него кантональный суверенитет, он всегда проявлял непокорность и, где мог, вставлял ему палки в колеса.

Когда в начале 1849 г. союзная полиция решила преследовать меня за организацию сицилийского легиона, я отправился в Женеву, где Фази сказал мне, что я могу сколько угодно заниматься организацией и не обращать внимания на Союзный совет. Я отлично знаю, что Фази легко жертвует всяким человеком, если ему это нужно, даже тогда, когда на сторсне этой жертвы стоит закон; я это лично испытал впоследствии в одном случае, — материал слишком обширный для письма; об этом могут рассказать союзные комиссары — доктор Керн и Трог.

В делах с эмигрантами он, под предлогом гуманности, проявлял строптивость в отношении мероприятий Союзного совета, однако беспощадно и грубо преследовал лично неугодных ему эмигрантов. Особенно безжалостно преследовал он выдающихся лиц, близко стоявших к Галееру, в котором он видел будущего соперника. Мадзини должен был бояться его больше, чем союзной полиции. Долговязый Гейнцен был ему невыносим и должен был вскоре покинуть кантон: «он так тяжело ступает, точно земля принадлежит ему», — таков был единственный довод для его высылки, который Фази наивно приводил. Струве был без всякого приказа Союзного совета арестован на прогулке со своей женой и выслан в качестве *русского шпиона* в кантон Ваадт. Галеер во время поспешил к Фази, чтобы убедить его в ошибке. Между ними завязался долгий спор; Фази воображает, что он кажется тем правдивее, чем громче он кричит и чем более возмущенным он представляется. Струве должен был оставаться *русским шпионом*. Если память мне не изменяет, эта сцена произошла в *Hôtel des Bergues* у русского эмигранта Герцена, у которого охотно обедал женевский президент. Во всяком случае, этот господин не принимал никакого участия в неблаговидном заподозрении Струве. Несомненно, Фази больше руссофил, чем Струве; я слышал, как однажды, во время речи на одном празднестве, он сказал: «Произведения Жана Жака Руссо больше читают и лучше понимают в России, чем в Германии». Правда, он этим хотел,

главным образом, уязвить немецких приятелей Галеера и немцев вообще.

Галеер, который до этого в политических вопросах шел ногу в ногу с Фази и которого я встретил непосредственно после его стычки с последним по поводу Струве, сказал мне огорченно: «С Фази все покончено; откровенно заявляю: не могу больше иметь с ним дела; это подлинный политический монстр, настоящее животное по своим страстям; продолжать работать с ним совместно — значит помогать изнутри губить народное дело. Только когда противопоставишь ему решительную свою Содомысленную оппозиционную партию, он, чтобы спасти свое положение, бывает вынужден держать высоко знамя радикализма. Пока он будет иметь против себя только старую аристократию, дела будут идти все хуже; он давно уже заигрывает с ультрамонтанами и имеет возможность действовать по своему усмотрению. Впрочем, он вовсе не швейцарец по образу мыслей и охотнее обращает свои взоры в сторону Парижа, чем в сторону Берна. Я уже давно имел достаточно поводов порвать с ним; только привычка мешала этому, потому что я долгое время видел в нем дельного человека. Лишь беспрестанная внутренняя борьба и сегодняшнее столкновение по внешнему поводу помогли мне покончить с ним счеты».

Вокруг Галеера группировались все более независимые люди, в частности группа лиц, принадлежавших к молодой политico-экономической школе; «объединенные» таким образом решительные радикальные и социалистические элементы скоро стали называть демократической партией. Радикализм отныне — за редкими исключениями — состоял в сознательном и бессознательном раболепстве перед Фази, который нашел теперь свое настояще большинство в присоединенных с 1815 г. к Женеве католических сельских районах Савойи. Всесильные там попы, ультрамонтаны, заключили союз с этим «радикализмом», детищем Фази. Галеера самым низким образом оклеветали, подвергли преследованию и лишили места. Молодая демократическая партия не могла еще выставить к предстоявшим выборам своего собственного списка наряду с аристократической и объединенной старорадикальной и ультрамонтанской партиями. II

хотя Джемс Фази отказался включить в свой список несколько демократических имен, все же Галеер и его единомышленники отклонили все предложения аристократической партии и решили на этот раз голосовать за список Фази и ждать своей победы от будущего. Если бы Фази искренно думал о прогрессе и серьезном развитии страны, то он не цеплялся бы за мерзкое охвостье вечно озирающихся пазад ультрамонтанов. Для достижения большего успеха в своих инсинациях и гонениях на Галеера оруженоцы его превосходительства, «радикального» президента, основали особый пасквильный листок *«Revue de Genève»*, чтобы их хитроумному духовному вождю не нужно было марать своими ябедами свой *«Moniteur»*; тем обильнее стали появляться они в органе его молодцов, которых он мог в любой момент дезавуировать... Слабый здоровьем Галеер не выдержал этой низкой травли и умер в том же году (1852), 33 лет от роду. Как часто мне приходилось слышать в Женеве: *«Наш добный благородный Галеер пал жертвой беспощадной мести нашего иезуитского тирана!»*... На следующих выборах друзья Галеера приняли предложение аристократии о союзе тем охотнее, что последняя готова была довольствоваться падением Фази и очень скромной долей власти. Принципиальный Галеер отказался бы, вероятно, и теперь от этого союза; но, говорили его партийные единомышленники, ведь показал же нам Фази прекрасный пример своего союза с ультрамонтанами; почему же мы должны стыдиться приличного охвостья аристократии, если Фази не стыдится неприличного охвостья ультрамонтанов? Почему бы нам не ити вперед с образованной аристократией так же хорошо, как обещает итти Фази в союзе с невежественным ультрамонтанством?

Таким образом, на выборах (кажется, это было в ноябре 1853 г.), на которых многие радикалы, в том числе и товарищи Фази по правительству, перешли к демократам, наш герой 1846 г. подавляющим большинством был сброшен с президентского кресла. Растерянность обремененного долгами экс-президента была необычайно велика. В связи с этим я должен остановиться на некоторых подробностях его жизни.

Промотавший в кутежах и любовных похождениях

еще до своего вступления в правительство значительное наследство, по шею в долгах и безжалостно преследуемый кредиторами, Джемс Фази постарался, сделавшись президентом, как можно скорее отменить закон об аресте за долги, — конечно, «в интересах личной свободы». Так, в 1856 г. один замученный долгами женевец сказал мне: «Хорошо, что мы выбрали в президенты обремененного долгами человека: если не долги, то, по крайней мере, долговую тюрьму он отменил».

Но в начале 1850-х годов материальное положение Фази оказалось очень стесненным, так что «благодарный народ» должен был поспешить ему на помощь и выделить в подарок под застройку большой участок земли из освободившейся после срыва укреплений. И правильно. Ведь он помог убрать с этой площади укрепления: почему же ему не позволить было себе «аннектировать» клочок земли, когда и более крупные владельческие персоны без всяких колебаний так поступают? Теперь Фази оказался в состоянии продать много крупных участков для постройки домов и выстроить себе самому большой красивый дом. Но на беду он снова запутался в долгах и не мог уплатить занятым у него на постройке рабочим. В начале 1855 г. столяр, которому он должен был несколько тысяч франков, на улице кричал ему: «Уплати мне, негодяй, мне нужно хлеба купить детям!» При таких-то стесненных обстоятельствах он лишился президентского места, а в довершение всего на него обрушилась еще большая беда. Прекратило платежи радикальное кредитное учреждение *Caisse d'Escompte* [Учетная контора]. Друзья Фази, работавшие в этом учреждении и также отягощенные долгами, — вопреки уставу — выдали ему и себе ссуды, превышавшие средства банка. Директор банка, сидящий еще и теперь в тюрьме, позволил себе — «дурные примеры портят добрые права» — еще большие позаимствования из кассы. Таким образом, *Caisse d'Escompte* была накануне банкротства. Сбережениям сотен бережливых рабочих семейств грозила опасность. Нужно было помочь делу советом и делом во что бы то ни стало, иначе «фазизм» был бы развеян дефицитом, как мякина ветром. Разумеется, при наличных обстоятельствах нельзя было раздобыть денег для самой *Caisse d'Escompte*. Но как раз

тогда в Женеве зарождалось новое кредитное учреждение, Banque Générale Suisse [Главный швейцарский банк]. Надо было достать этому банку значительные суммы, чтобы он, со своей стороны, мог спасти Caisse d'Escompte от отлива денег, а Фази от прилива долгов. Фази должен был стать спасителем, чтобы быть спасенным. В случае удачи ему гарантировали приличное вознаграждение в виде определенного процента, а для Caisse d'Escompte — спасительный вспомогательный капитал. С этой целью Фази отправился *pro domo* [ради самого себя] и ради Banque Générale Suisse в Париж, где ему после многонедельного пребывания и — как передавала молва — при милостивом содействии «августейшего» удалось раздобыть в Crédit Mobilier спасительный фонд во много миллионов франков. Как раз тогда шли приготовления к новым правительенным выборам (ноябрь 1855 г.); поэтому спаситель еще до своего прибытия в Женеву написал, что в ближайшее время привезет с собой большие миллионы. Это было целительным пластырем для израненных сердецaccionеров Caisse d'Escompte и чудодейственным факелом для ультрамонтански-радикальных избирателей. На одной тогдашней карикатуре он с большим сходством был изображен в виде колоссального, нагруженного золотыми мешками лебедя, приплывающего по озеру в женевскую гавань. Один шутник рассказывал мне тогда, что за стаканом пива ему сообщили, будто Фази привез с собой 50 миллионов франков, за вином — 100, а за абсентом — 200 миллионов. Репутация чудотворной силы папаши Фази была снова вполне восстановлена в глазах его детей. Демократы, уверенные в победе на выборах, не сделали никаких особых усилий. Образовавшееся с недавнего времени общество молодых силачей — les fruitiers [зеленщики] — вело себя совершенно, как лейб-гвардия Фази, грубейшим образом терроризировало избирателей, и кумир их снова уселся в президентское кресло.

Но на этот раз ясно и недвусмысленно обнаружилось, что ультрамонтаны не даром посыпали своих многочисленных избирателей, что они также хотят платы за победу. В один прекрасный день изгнанный из Швейцарии после войны с Зондербундом епископ фрейбургский Марильи, вечный склочник и смутьян, приехал с высо-

кого соизволения Фази из Франции обратно в Женеву и начал служить «святые» мессы. По всему городу прошёлся крик недовольства, скоро нашедший отклик во всей Швейцарии. Это показалось чрезмерным даже самым слепым радикалам, самым преданным fruitiers. Тотчас же состоялось народное собрание, на котором был вынесен вотум недоверия президенту. Его коллега, правительственный советник Турт, хотя также один из молодцов Фази и его ученик, возымел рискованное желание эмансицироваться и стал беспощадно громить своего господина и патрона. Но Фази уехал еще до появления епископа, как всегда поступал в тех случаях, когда готовил своим коллегам кашу, которую они должны были одни расхлебывать. Марильи, разумеется, должен был немедленно покинуть Женеву и Швейцарию. А папаша Фази, устроив предварительно головомойку своим мятежным детям, написал из Берна, что его не поняли, что правительство совершило оплошность, что он действовал только в «интересах религиозной свободы», разрешив епископу просто лишь посетить город. Когда первая буря улеглась, тяжко оскорблённый папаша Фази вернулся. Несколько изречениями оракула, которые годятся на все случаи жизни и потому кажутся всегда истинными, ему тем легче удалось восстановить свой потрясенный авторитет и веру в свою чистую любовь к свободе и отечеству, что его коллеги имели любезность взять на себя главную вину. Фази же добился своей цели, показав своим друзьям ультрамонтанам, что *он всегда готов сделать для них все, что ему только возможно*. За последние годы Джемс Фази стал очень богатым человеком. Не только Banque Générale Suisse обеспечил ему в известной доле пожизненное участие в прибылях, но, в качестве правительенного президента, он на железнодорожном строительстве своего кантона и т. д. не забывал и своих собственных интересов. В его большом красивом доме (отель Фази на набережной Монблана) вращается в Cercle des Etrangers [клуб иностранцев] весь шикарный свет. А с тех пор, как Пьемонт нашел, что с его государственной моралью несовместимы «игорные притоны» савойских курортов, сострадательный президент женевской республики дал приют одному такому притону, как изгнанику, в своих просторных

залах. Да здравствует свобода! *Laissez aller et laissez faire! Allez chez moi et faites votre jeu!* [Предоставьте все своему течению! Идите ко мне и играйте!]

Чего ж тебе еще, мой дружок?

Твой Иоганн Филипп Беккер.

От патронов Фогта я спускаюсь к его сообщникам.

*Peace and goodwill to this fair meeting,
I come not with hostility, but greeting.*

[Любовь и мир сидящим в зале этом,
Пришел я не с враждою, а с приветом.]

Первой в ряду, из участников которого я упомяну лишь о некоторых наиболее выдающихся фигурах, нас встречает берлинская «Nationalzeitung» под командой Ф. Цабеля. Если сравнить подсказанную Эдуарду Симону самим Фогтом рецензию на «Главную книгу» в «Revue Contemporaine» с соответствующими статьями «Nationalzeitung», «Breslauer Zeitung» и т. д., то можно подумать, что «округленная натура» изготовила две программы — одну для обработки итальянской, другую для обработки аугсбургской кампании. Что же, в самом деле, заставило Ф. Цабеля, этого обычно столь скучного и осторожного проныру и жирного толстяка из «Nationalzeitung», пуститься во все тяжкие и перелагать уличные песенки Фогта на язык передовиц?

Первое подробное указание на «Nationalzeitung» встречается в № 205 «Neue Rheinische Zeitung» от 26 января 1849 г. в статье, начинающейся словами: «Указатель дороги на Шельду». Но рука указателя на дорожном столбе слишком длинная, чтобы отпечатать ее здесь. В статье «Neue Rheinische Zeitung» № 224 от 17 февраля 1849 г. мы читаем:

«Берлинская «Nationalzeitung» — тяжеловесно-содер-
жательное выражение бессодержательности. Вот не-
сколько новых образчиков. Дело идет о прусской цир-
кулярной ноте... Хотя, и но! Быть в состоянии и хотеть,
и казаться! Находить и хотеть, чтобы прусское прави-
тельство хотело! Каждая фраза, точно катаржник, несет
на ногах огромную тяжесть и безмерно тяжела. Каждое
«если», каждое «хотя», каждое «но», это — воплощен-
ный Dr. utriusque juris [доктор обоих прав]. А если вы
тщательно развернете всю эту христианско-германскую

пухлую ветошь, все это бумажное отрепье, в которое «Nationalzeitung», заботливо заворачивает свою мудрость, то что останется?.. Политиканская болтовня — черным по белому, как берлинская передовица, во всем своем блеске... «Nationalzeitung», очевидно, печатается для мыслящих читателей, как «Всемирная история» Роттека. У французов имеется удачное выражение для такого рода чисто словесного мышления: «Je n'aime pas les épinards et j'en suis bien aise; car si je les aimais, j'en mangerais beaucoup, et je ne peux pas les souffrir». [«Я же люблю шпината, и это очень хорошо; если бы я его любил, то ел бы его много, а я его не выношу.】 «Nationalzeitung» желает счастья Пруссии, а потому... и нового министерства. Но чего она желает при всяких обстоятельствах, это — министерства. Только насчет этого у патронов «Nationalzeitung» имеется полная ясность и осознанная решимость».

В № 296 «Neue Rheinische Zeitung» мы читаем:

«Берлин, 8 мая 1849 г.... Интересно наблюдать позицию, занятую берлинской печатью по отношению к саксонской революции. «Nationalzeitung» знает только одно чувство — страх запрещения». Но страх — жизненный элексир, как это доказала «Nationalzeitung» за десятилетнее правление Мантифеля.

«Nationalzeitung» подтвердила правильность слов Попа:

«Still her old empire to restore she tries,
For born a goddess Dulness never dies.*

[Ведь глупость, вечной будучи богиней,
За власть свою, как ветарь, стоит и ныне.]

Но царство dulness у Попа отличается от царства «Nationalzeitung» тем, что: «Теперь там правит Дунс второй, как прежде правил первый», между тем как здесь все еще правит старый Дунс, *Dunce the first*¹.

* Невозможно дать в переводе слово *dulness*. Оно означает больше, чем скуча, это — возведенная в принцип *еппнц* [скуча], усыпляющая безжизненность, отступившая ограниченность. В качестве свойства стиля *dulness* есть то, что «Neue Rheinische Zeitung» называет «тяжеловесно-содержательным выражением бесодержательности».

¹ Сатирическая поэма Попа «Dunciade» изображает современных ему поэтов в царстве *Dulness*. Дунс — дурак, болван, невежда; *Dunce the first* — можно перевести: «Болван первый». Ред.

За «Nationalzeitung» по пятам следует «Breslauer Zeitung», мечтающая теперь о гогенцоллерновском министерстве, как прежде мечтала о министерстве Мантейфеля. В начале 1860 г. я получил следующее письмо:

Бреславль, 27 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Я прочел в «Volkszeitung» твой адрес и твое заявление против «Nationalzeitung». Появилась и в «Breslauer Ztg.» за подписью ее ежедневного сотрудника д-ра Штейна такая же статья, как и в «Nat. Ztg.». Это тот самый д-р Штейн, который сидел в берлинском Национальном собрании вместе с д'Эстером на крайней левой и внес известное предложение против офицеров прусской армии. Этот великий Штейн, обладающий малым телом¹, был отстранен от своей преподавательской деятельности. Со времени существования нового министерства он поставил себе задачу агитировать за него, — не только в прошлом году во время выборов, но и теперь, — чтобы объединить саксонскую демократию с конституционалистами. Несмотря на это, теперешнее министерство отклонило — и не раз, а много раз — его ходатайство о разрешении ему частного преподавания. Ушедшее в отставку министерство молча терпело его преподавательскую деятельность, теперешнее же запретило ее как противозаконную. Он поехал за получением разрешения в Берлин, но безуспешно, как ты можешь подробно узнать из того самого номера «Volkszeitung», где помещено твое заявление. Д-р Штейн теперь вывел в Бреславльском клубе в шутовской процессии серную банду. Несмотря на это, д-р Штейн, Шлеган, Земрау и их компании из конституционалистов должны терпеть одно унижение за другим; но ведь этот сорт людей не позволяет сомневаться в их патриотизме. Что скажешь ты об этой милой компании?

Что могу я сказать о своем коллеге Штейне? Он был действительно моим коллегой. Дело в том, что я целых полгода (в 1855 г.) корреспондировал в «Neue Oderzeitung» — единственную немецкую газету, в которую я

¹ Здесь начинается игра слов с фамилией Штейн (Stein по-немецки — камень). Ред.

писал во время своего пребывания за границей. Очевидно, у Штейна каменное сердце, которого не может смягчить даже отказ в разрешении частного преподавания. «Neue Rh. Zeitung» долго обрубала этого Штейна [камень], чтобы вырубить из него бюст. Так, например, в № 225 мы читаем:

«Кёльни, 16 февраля 1849 года... Что касается в частности Штейна, то мы вспоминаем время, когда он выступал как фанатик-конституционалист против республиканцев, *формально до и о сил на представителей рабочего класса* в «Schlesische Zeitung» и *убедил доносить* одного родственного ему по духу школьного учителя, теперь члена «Общества законного порядка». Жалкой, как и собрание соглашателей, была так называемая демократическая фракция этого собрания. Можно было предвидеть, что теперь эти господа, чтобы быть *переизбранными*, признают *октроированную конституцию*. Для их позиции еще более характерно, что они *после* отрицают в демократических клубах то, что утверждали *до* выборов на избирательных собраниях. Эта мелкотравчатая либеральная хитрость никогда не была дипломатией настоящих революционеров.

Что «Rheinische Zeitung» обрубала Штейна не напрасно — он доказал, когда Мантейфель разоктроировал октроированную палату. Д-р Юлиус Штейн заявил тогда в «Главном демократическом обществе Бреславля»: «Мы (крайняя берлинская левая) с самого начала считали немецкое дело погившим... Теперь следует признать, что немецкое единство невозможно, пока существуют немецкие князья» («Neue Rh. Ztg.» № 295).

Действительно, душераздирающий, камнеразмягчающий факт: этот самый Штейн [камень], хотя уже не камень преткновения больше, однако Шверин неизменно отбрасывает его, не желая воспользоваться им как... строительным камнем.

Не знаю, видели ли мои читатели когда-нибудь журнал «Punch» — я имею в виду лондонский «Kladderadatsch». На титульном листе изображен сидящим Понч¹,

¹ «Понч» («Punch» — «петрушка») — название лондонского сатирического журнала; «Кладдерадач» — берлинский сатирический журнал. Ред.

против него стоит его пес Тоби с очень кислым видом, с пером за ухом: и то и другое — знаки прирожденного построчного писаки. Если позволительно сравнивать малое с большим, то Фогта можно было бы сравнить с Пончем, с Пончем, растерявшим свои остроты, — что произошло с ним в 1846 г. вместе с отменой хлебных законов. Но его товарища, пса Тоби, можно сравнить с самим собой или же с Эдуардом Мейеном. Эдуард Мейен, если он действительно когда-нибудь умрет, не нуждается в пифагорейском переселении душ. Об этом позабылся уже при его жизни Тоби. Я вовсе не хочу утверждать, что Эдуард Мейен служил моделью художнику при составлении им виньетки титульного листа. Но, во всяком случае, в жизни я никогда не видел большего сходства между человеком и псом. Впрочем, ничего удивительного. Э. Мейен от природы — построчный писака, а построчный писака от природы — Тоби. Э. Мейен всегда любил посвящать назойливую благодать своего проворного пера готовым партийно-организационно-литературно-издательским учреждениям. Пожалованная сверху программа избавляет от труда самостоятельного мышления, чувство связи с более или менее организованной массой заглушает сознание собственного несовершенства, а мысль о существовании походной кассы преодолевает на время даже профессиональную угрюмость Тоби. Так мы находим Эдуарда Мейена в свое время примазавшимся к злополучному демократическому центральному комитету, этому пустому ореху, выросшему в 1848 г. из немецкого демократического собрания во Франкфурте-на-Майне. В лондонском изгнании он был деятельнейшим изготовителем литографированных летучих листков, куда были отчасти ухлопаны деньги кинкелевского займа для фабрикации революции; это, конечно, нисколько не помешало тому же самому Эдуарду Мейену перекочевать со всеми своими пожитками в лагерь принца-регента, хныкать об амнистии и выклянчить себе пзволение из Вандсбека терзать «Hamburger Freischütz» статьями по иностранной политике. Фогт, вербовавший «тех, которые», — людей, готовых «следовать его программе» и поставлять ему статьи, — к тому же размахивавший перед их глазами тугу набитой походной мошной, во-время подоспел

для нашего Эдуарда Мейена, бегавшего тогда как раз без хозяина, так как по трудному времени никто не хотел платить собачьего налога. И какой яростный лай поднял Тоби при известии, что я собираюсь подорвать кредит фогтовского партийно-литературного предприятия и лишить заработка строчивших для него мопсов! *Quelle horreur!* [Какой ужас!] Фогт преподал своему Эдуарду Мейену столь же подробные указания об обязательной обработке его «Главной книги», как и своему Эдуарду Симону, и Эдуард Мейен действительно написал целых пять номеров «Freischütz» (№ 17—21, 1860 г.) неудобоваримой болтовней из «Главной книги». Но какая разница! В то время как Эдуард Симон исправляет оригинал, Эдуард Мейен искажает его. Элементарная способность, необходимая для объективного восприятия избестного материала, заключается несомненно в умении *списать* печатную вещь, но наш Эдуард Мейен совершенно не способен *списать* правильно и строчки. В характере Тоби недостает даже необходимой для списывания силы. Послушаем:

«Freischütz» № 17: «Газета (*Allgemeine Zeitung*)... теперь уличена в том, что она... также...ользовалась содействием революционной партии, которую Фогт клеймит как *серную банду немецких республиканцев*. Где и когда плетет Фогт о серной банде немецких республиканцев?

«Freischütz» № 18: «Либкнект выставил в «Allgemeine Zeitung» обвинение против Фогта, повторив там нападки, состряпанные Бискампом в лондонском «Volk»; но все свое значение эти нападки приобрели лишь тогда, когда Маркс переслав в «Allgemeine Zeitung» появившийся в Лондоне памфлет, авторство которого он приписал Блинду».

Фогт лгал смело и много. Но уже его адвокат Герман запретил ему ссылаться на ложь, будто *не* напечатанная в «Allgemeine Zeitung» статья Бискампа была «повторена» в ней Либкнектом. И Фогту не приходит в голову сказать, будто я переслав в «Allgemeine Zeitung» памфлет «Предостережение». Он, наоборот, определенно заявляет: «Клеветнический памфлет переслав в «Allgemeine Zeitung»... Либкнект» («Главная книга», стр. 167).

«Freischütz» № 19: «Блинд положительно отрекся от авторства памфлета, а типограф засвидетельствовал, что он не Блиндом был передан ему для напечатания. Но твердо установлено, что пасквиль тотчас же был перепечатан тем же самым набором в «Volk», что Маркс позаботился об опубликовании его в «Allgemeine Zeitung» и т. д.».

Фогт в «Главной книге» перепечатывает, с одной стороны, заявление Фиделио Холлингера, в котором последний свидетельствует, что памфлет *не набирался* в его типографии, а, с другой стороны, мое контр-заявление, что первоначальный набор стоял *еще* не разобраным у Холлингера, когда памфлет был снова напечатан в «Volk». И что за сумбур получается из всего этого у злополучного Тоби!

«Freischütz» № 19: «Что касается лиц (будто бы говорили Энгельс и я в письме Техова), то это чисто рассудочные люди, не знающие никакой национальности». Никакой *сентиментальности*, милейший Тоби, «никакой *сентиментальности*» — пишет Техов у Фогта:

«Freischütz» № 20: «Маркс... допустил, чтобы дуэлянты отправились стреляться в *Остенде*. Техов служил секундантом Виллиху и т. д. Техов после этого инцидента разошелся с Марксом и его союзом».

Эдуард Мейен не довольствуется тем, что читает *Остенде*, вместо *Антверпена*. Он, вероятно, слышал в Лондоне рассказ о том французе, который жаловался в Вестенде, что англичане пишут Лондон, а произносят Константинополь. Техова, который видел меня в период отправления своего письма всего один раз в своей жизни и к тому же определенно пишет, что вначале он хотел присоединиться ко мне и к моему союзу, Эдуард Мейен заставляет отказаться от меня и моего союза, к которому он никогда не принадлежал.

«Freischütz» № 21: «Этим инцидентом (центральным рабочим празднеством в Лозанне) и объясняются яростные нападки, которым подвергся Фогт в лондонском «Volk».

Сам Фогт определяет в «Главной книге» дату «яростных нападок» на него в «Volk» — 14 мая 1859 г. (памфлет появился в «Volk» 18 июня 1859 г.). Лозаннское же центральное празднество происходило 26 и 27 июня

1859 г., т. е. много времени спустя после вызванных им, согласно Мейену, «яростных нападок».

Но достаточно и этих избранных отрывков Тоби. Ничего удивительного, что Тоби, прочитав в книге Фогта все, чего там вовсе нет, вычитал там, между прочим: «Книга Фогта будет причислена к самым смелым, остротенным и полезным полемическим произведениям нашей литературы» (*«Freischütz»* № 17).

А теперь представьте себе этого злополучного Тоби, неспособного правильно списать и двух печатных строк, представьте себе этого Тоби, осужденного из своего Вандсбека ежедневно читать книгу всемирной истории, извлекать из нее ежечасно события дня, лишь бегло намеченные неясными начальными буквами, и фотографировать в *«Freischütz»* в натуральную величину *dis-solving views* [туманные картины] настоящего! Несчастный вандсбекский апостол! Счастливый гамбургский читатель *«Freischütz»*!

Несколько дней тому назад в лондонском *«Times»* была помещена облетевшая всю английскую печать заметка под заголовком: *«A man shot by a dog»* [«Человек, застреленный собакой»]. Повидимому, Тоби умеет стрелять, и поэтому нет ничего удивительного, если Эдуард Мейен поет в *«Freischütz»*: «Стрелком у регента на службе я».

«Kölnische Zeitung» ограничилась нескользкими злостными заметками и мелкими инсинациями в пользу Фогта. Восемь дней спустя после выхода «Главной книги» она на своих столбцах пустила слух, будто книга уже разошлась, — вероятно, для того чтобы самой не пришлось разойтись с фактами по ее поводу. Сколько, однако, юмора в жизни!

Мог ли я в 1848—1849 гг., когда издавалась *«Neue Rheinische Zeitung»* и мы ежедневно ломали копья с нашей кёльнской соседкой из-за Польши, Венгрии и Италии, мог ли я тогда подозревать, что в 1859 г. та же *«Kölnische Zeitung»* предстанет перед нами в роли рыцаря принципа национальности, а из простого *Юзеппа Дюмона* вылупится синьор Джузеппе дель-Монте! Но в то время еще не было никакого Луи Бонапарта, который ниспослал бы национальностям высшую

нравственно-либеральную благодать, а «*Kölnische Zeitung*» никогда не забудет, что Луи Бонапарт спас общество. С какой яростью она нападала тогда на Австрию, покажет нам «*Neue Rheinische Zeitung*» № 144.

«*Кёльн*, 15 ноября (1848 г.). В момент, когда по всей Германии пронесся крик негодования при известии, что какой-то Виндишгрец, кровавый слуга австрийских бандитов, осмелился приказать застрелить, как собаку, депутата *Роберта Блюма*, в такой момент своевременно остановиться на двух немецких газетах, из которых одна с редким вероломством старалась опозорить последние дни покойного, а другая в самую могилу провожает его своим нелепым кретинизмом. Мы говорим о «*Kölnische Zeitung*» и о «*Rheinische Volkshalle*» (в просторечии *Narthalles*) [зал дураков]... В № 262 «*Kölnische Zeitung*» писала: «22 октября *восторженные сожди* демократической партии покинули Вену; в том числе и... *Роберт Блюм*». «*Kölnische Zeitung*» сообщила это известие без дальнейших прибавлений, но зато жирным шрифтом напечатала выпад против Блюма, чтобы тем лучше запечатлеть его в памяти своих читателей. В позднейших номерах «*Kölnische Zeitung*» сделала еще лучше, она не постеснялась даже перепечатать у себя статьи самого черно-желтого листка *камарильи*, сообщения органа эрцгерцогини Софии, подлейшей из всех австрийских газет... (далее, между прочим, цитируется): «Роберт Блюм не пожал лавров в Вене..., в актовом зале он говорил о внутреннем враге, робости, недостатке мужества и выдержки; но если, кроме этого внутреннего врага, существуют *также и другие* враги — он надеется, что их не существует, — или если в городе еще имеются люди, предпочитающие победу военщины победе свободы, то борьба не на живот, а на смерть со стоящими перед городом полчищами должна обратиться и против них»... «В речи Блюма слышится безумие сентябрьста¹; если Блюм произнес эти слова, то он, — говорим это без обиняков, — *обесчестил себя*». Так пишет «*Kölnische Zeitung*».

¹ Здесь имеется в виду народный самосуд над содержавшимися в тюрьмах контрреволюционерами в сентябре 1792 г. в Париже (сентябрьские убийства). Ред.

Через искусно скрытую сеть труб все отхожие места Лондона спускают свои физические нечистоты в Темзу. Точно так же мировая столица спускает все свои социальные нечистоты через систему гусиных перьев в «одну большую бумажную центральную клоаку — «Daily Telegraph». Либих справедливо указывает на бессмысленное расточительство, которое лишает воды Темзы их чистоты и Англию ее навоза. Но *Леви*, собственник бумажной центральной клоаки, знает не только химию, но и алхимию. Превратив социальные нечистоты Лондона в газетные статьи, он превращает затем газетные статьи в медь и, наконец, медь в золото. На воротах, ведущих к центральной бумажной клоаке, написаны *di colore oscuro* [черным цветом] слова: «*hic... quisquam faxit oletum!*» или, как образно перевел это Байрон: «*Wandorèr stop and — piss!*»

Леви, подобно Аевакуму, est capable de tout [все может]. Он может написать передовицу в три столбца по поводу какого-нибудь случая изнасилования. В начале этого года он угощал свою многочисленную публику, гурманов, зловонным рагу, умело составленным из столь отвратительных, грязных подробностей одного судебного дела, что они заставили судью очистить судебный зал от женщин и детей. К несчастью, *Леви*, в качестве щерца для рагу, припел имя одной совершенно невинной собы. Возбужденное против него дело о клевете закончилось осуждением его английским судом и публичным позором для издаваемого им органа. Процессы о клевете, — подобно, впрочем, всем процессам, — в Англии, как известно, бессовестно дороги и составляют, до известной степени, привилегию *coffre fort* [того набитого кошелька]. Но вскоре какая-то компания безработных адвокатов в Сити открыла, что *Леви* — очень выгодная дичь; они объединились и в целях спекуляции стали предлагать безвозмездно свои услуги всякому, кто хотел бы начать против *Леви* дело о клевете. Самому *Леви* пришлось поэтому громко жаловаться в своей газете, что появился новый вид шантажных дел, обвинения *Леви* в клевете. С тех пор привлекать к суду *Леви* стало предосудительным. Это вызывает двусмысленные толки; подобно тому, как на стенах Лондона можно прочесть: Commit no nuisance [Здесь воспрещено]

щается бросать нечистоты], так на дворах английских судов можно прочесть: Commit Levy.

Политики называют «Daily Telegraph» «бульварным листком Пальмерстона», но левиевская навозная телега загружается политикой вообще лишь в качестве балласта. «Saturday Review» метко характеризовала его копеечную газету: «cheap and nasty» [«дешево и гнило»]. «Роковой симптом, — замечает она, между прочим, — в том, что он решительно предпочитает грязь оправданности; при всяких обстоятельствах он охотно откажется от самого важного сообщения, чтобы дать место грязной статейке».

Но и у Леви есть своя собственная pruderie [щепетильность]. Так, например, он порицает безнравственность театров и, второй цензор Катон, нападает на балерин за их одеяние, которое начинается слишком поздно и кончается слишком рано. Из-за таких приступов добродетели Леви попадает из огня в полымя. О логика! — восклицает лондонский театральный журнал «Player», о логика, где краска стыда у тебя? Как должен был плут (the rogue) смеяться себе в бороду!.. «Telegraph» в роли проповедника пристойности для женских театральных костюмов! Святой Юпитер, что будет дальше? По меньшей мере, надо ждать землетрясений и комет. Приличие! «I thank thee jew for teaching me that word» [«Благодарю, иудей, что ты научил меня этому слову»]. И «Player», как Гамлет Офелии, рекомендует Леви удалиться в монастырь, и притом в женский. «Get thee to a nunnery, Levy!» [«Уйди в женский монастырь, Леви!»] Леви в женском монастыре! Может быть, «nunnery» опечатка вместо Nonaria, и следует читать: «Уйди к Нонарии, Леви», и в этом случае каждый будет

«multum gaudere paratus,
Si Cinico (цинику Леви) barbam petulans Nonaria vellat».

[... готов от души посмеяться,
Если Нонария дергать за бороду Циника (т. е. циника
Леви) станет.]

«Weekly Mail» утверждала, что хотя Леви и не делает для своих читателей «Х» из «U», но зато пишет «Y» вместо «I», и, действительно, среди 22 000 левитов, которых Моисей насчитывал в пустыне, не было ни

одного Леви (Levy), который писал бы свое имя через У (Levy). Подобно тому как Edouard Simon хочет во что бы то ни стало причислить себя к романской расе, так Леви жаждет быть членом англо-саксонской расы. Поэтому он, по крайней мере, раз в месяц, нападает на неанглийскую политику Дизраэли, так как Дизраэли, эта «азиатская загадка» (the Asiatic mystery), не проходит, подобно «Telegraph», от англо-саксонской расы. Но какой смысл Леви нападать на Дизраэли и писать У вместо I, когда мать-природа уставными буквами вписала ему посредине физиономии его родословную? Нос таинственного незнакомца Стоукенбергиуса (см. Тристрам Шенди), раздобытвшего себе *finest nose* [великолепный нос] с *promontory of noses* [мыса носов], послужил в Страсбурге темой для беседы только на неделю, между тем как нос Леви — тема для бесед лондонского Сити на год. Олин греческий эпиграмматик описывает нос некого Кастора, служивший ему для всевозможных целей: в качестве лопаты, трубы, серпа, якоря и т. д. Он заканчивает свое описание словами:

«Οἵτως εὐχρήστου σκεύους Καστώρ τετέχυκε,
Ρίνα φέρων πλαγῆς ἄρμενον ἐργάζεται».

[Вот как снабжен был на диво полезным
орудием Кастор;
Носом владел он, для всякого дела в хо-
зяйстве пригодным.]

Но Кастор не угадал, для чего пользуется своим носом Леви. Английский поэт ближе к цели, когда он пишет:

«And'tis a miracle we may suppose.
No nastiness offends his skilful nose».

[И вот, кто в этом чуда не признает,
Зловонье чуткий нос не оскорбляет.]

Действительно, большое искусство носа Леви проявляется в любовном отношении к вонючим запахам, в умении за сотни миль разнюхивать их и притягивать. Таким образом, нос Леви служит «Daily Telegraph» в качестве слоновьего хобота, щупальца, маяка и телеграфа. Можно поэтому без всякого преувеличения сказать, что Леви носом пишет свою газету.

Этот чистоплотный «Daily Telegraph» был, разумеется, единственной английской газетой, в которой могла и

должна была появиться фогтовская Лаузиада. В газете Леви от 6 февраля 1860 г. появилась длинная, в два с половиной столбца, статья, озаглавленная «The Journalistic Auxiliaries of Austria» [«Газетные пособники Австрии»] и представлявшая в сущности простой перевод обеих передовиц берлинской «Nationalzeitung» на довольно зловонный английский язык. Для отвода глаз была пометка: «from an occasional correspondent. Frankfurt on the Main, February 2» [от случайного корреспондента. Франкфурт-на-Майне, 2 февраля]. Я, разумеется, знал, что единственный корреспондент «Telegraph» пребывает в Берлине, где нос Леви и открыл его с привычной виртуозностью. Я поэтому запросил одного из своих друзей в Берлине, не может ли он назвать мне имя корреспондента левиевской газеты. Но мой друг, — человек, ученость которого признавал даже А. Гумбольдт, — упорно утверждал, что в Лондоне не существует никакого «Daily Telegraph» и что, следовательно, нет никакого корреспондента его в Берлине. При таких обстоятельствах мне пришлось обратиться к другому приятелю, жителю столицы на Шпрее. Мне ответили: берлинский корреспондент «Daily Telegraph» существует и называется — Абелль. В этом я увидел злую мистификацию. Абелль был, очевидно, простым сокращением Цабеля. То обстоятельство, что Цабель не пишет по-английски, не могло меня сбить с толку. Если Абелль, в качестве Цабеля, редактирует «Nationalzeitung», не умея писать по-немецки, то почему же Цабелю, в качестве Абеля, не корреспондировать в «Telegraph», не умея писать по-английски? Итак, Цабель-Абелль, Абелль-Цабель? Как выпутаться из этого Вавилона (Babel)? Я еще раз сравнил мудрый берлинский орган с левиевским и открыл при этом в № 41 «Nationalzeitung» следующее место: «Либкнхт странным образом прибавляет: мы хотели заверить свои подписи в *магистрате* (?). Это место с магистратом и вопросительным знаком Цабеля напоминает того шваба, который, «как только он сошел в Азии с морского судна, спросил: нет ли здесь парня из Бебингена?» В газете Леви не только нет всего этого места, но нет даже и вопросительного знака, откуда неопровергимо следует, что корреспондент Леви не разделяет взгляда Ф. Цабеля на то, что лондонские по-

лицейские судьи или магистраты (magistrates) то же самое, что берлинский магистрат. Итак, Цабель не был Абелем и Абель не был Цабелем. Тем временем и другие мои берлинские знакомые услышали о моих поисках. Один из них написал мне: «Среди 22 000 Леви из четвертой книги Моисея имеется также один Абель, но он пишется Авихайл (Abihail)». Другой написал: «На этот раз Авель¹ убил Каина, а не Каин — Авеля». Таким образом я все больше и больше запутывался, пока, наконец, редактор одной лондонской газеты не уверил меня со свойственной англичанам суховатой серьезностью, что Абель отнюдь не миф, а некий берлинский литератор из евреев, по фамилии д-р К а р л А б е л ь. Этот милый юноша долгое время был при Штаде и Герлахе ревностным холопом «Kreuzzeitung», но с переменой кабинета переменил, если не кожу, то окраску. Назойливое рвение ренегата могло бы, по крайней мере, объяснить, почему берлинский корреспондент Леви считает, что свобода английской печати для того только существует, чтобы он мог публично через ее посредство продавать в розницу свои восторги перед министерством Гогенцоллерна. Таким образом, можно гипотетически признать, что, кроме Леви в Лондоне, существует еще и Абель в Берлине — *par nobile fratum* [знатная парочка братьев].

Абель доставляет свой товар Леви одновременно из всевозможных мест — из Берлина, Вены, Франкфурта-на-Майне, Стокгольма, Петербурга, Гонконга и т. д., что представляется еще большим фокусом, чем демостровское «voyage autour de ma chambre» [«Путешествие вокруг моей комнаты»]. Но под каким бы местным знаком ни писал Абель своему Леви, он пишет все же постоянно под зодиакальным знаком рака. В отличие от эхтернахской процесии, где делают два шага вперед, а один назад, статьи Абеля делают один шаг вперед и два назад.

«No crab more active in the dirty dance,
Downward to climb, and backward to advance».

(Popr.)

¹ Abel — Авель Ред.

[«Не мог бы рак резвой в грязи плясать,
Карабкался все вниз и порываясь всепять».

(Pop.)

Абель обладает бесспорным талантом посвящать своего Леви в государственные тайны континента. В «Kölnische Zeitung» появляется, например, какая-нибудь передовица, — скажем о русских финансах, — заимствованная, допустим, из «Baltische Monatsschrift». Абель пропускает месяц, а затем вдруг шлет напечатанную в «Kölnische Zeitung» статью из Петербурга в Лондон, причем дает, конечно, понять, что, если не сам царь и, может быть, также не русский министр финансов, то, во всяком случае, один из директоров Государственного банка сообщил ему *entre deux cigares* [между двумя сигарами] статистическую тайну, и, ликуя, восклицает: «I am in a position to state etc.» [«Я в состоянии сообщить и т. д.»]. Или официальная «Preussische Zeitung» выпускает министерское щупальце и касается, скажем, не имеющих официального значения идей фон-Шлейнича по кургессенскому вопросу. На этот раз Абель уже не ждет ни минуты, а пишет — и уже открыто и в тот же самый день — своему Леви о кургессенском вопросе. Через неделю он корреспондирует: «Preussische Zeitung», орган министерства, поместила следующую статью о кургессенском вопросе и «I owe to myself» [«Я считаю своей обязанностью»] обратить внимание на то, что еще неделю назад и т. д. Или же он переводит какую-нибудь статью из «Allgemeine Zeitung», датируя ее, скажем, Стокгольмом. Затем следует неизбежная фраза: «I must warn your readers» [«Я должен предостеречь ваших читателей»] не от списанной, а от какой-нибудь несписанной статьи из «Allgemeine Zeitung». Когда же Абелю приходится говорить о «Kreuzzeitung», то он крестится, чтобы не быть узнанным.

Что касается абелевского стиля, то его символически можно было бы представить как копию стилей Штерна Гешейдта, Исидора Берлинера и Якова Визенризлера.

С разрешения Абеля маленькое отступление. Оригинал. Штерн Гешейдт, — другой соратник Фогта, некий *L. B a m b e r g e r*, в 1848 г. редактор одного захолуст-

ного листка в Майнце, а теперь «на полном содержании» породившийся с Парижем *loup gagoi* [оборотень] и декабристский демократ «в простейшем смысле слова». Чтобы понять этот «простой смысл», надо знать тараскийский язык парижской биржевой синагоги. «Простая демократия Штерна Гешейдта — то же самое, что Исаак Нерейр называет *la démocratisation du crédit*, демократизацией кредита, которая состоит в том, что уже не отдельные круги нации, а всю нацию превращают в *игорный притон*, чтобы надуть ее *en masse* [оптом]. Если при Луи-Филиппе олигархический биржевой волк бессердечно охотился только за накопленным в руках высшей буржуазии национальным богатством, то под эгидой Луи Бонапарта все представляет *fish* [рыбу] для демократического биржевого волка, который вместе с римским императором восклицает: *non olet* [не пахнет], а вместе со Штерном Гешейдтом Бамбергером прибавляет: «*масса должна это сделать*». Такова демократия Штерна Гешейдта в ее великой «простоте». Штерн Гешейдт Бамбергер недавно стал известен под именем: «*Ура, в Италию!*» Во время кампании за имперскую конституцию он, наоборот, прислушивался к кличу: «*Прочь из Кирхгеймболанда!*» Удравший из Кирхгеймболанда и водивший за нос рейн-pfальцский добровольческий корпус Штерн Гешейдт Бамбергер, о геройских подвигах которого мне доверили ценную рукопись, был слишком смыслен [*gescheidt*], чтобы не почуять, что пропитанная кровью наносная мусорная земля декабря окажется золотоносной рудой для смысленных [*gescheidt*] кладоискателей. Он поэтому отправился в Париж, где по прекрасному выражению его друга Исидора Берлинерблау, alias [иначе] Г. Б. Оппенгейма, «чувствуешь себя свободнее, чем знаешь». Завертелся Штерн Гешейдт, у которого в 1858 г. началась «заминка в обращении» (см. статистическую таблицу *Banque de France* о денежном обращении 1858—1859 г.), когда мусорная земля декабря вдруг начала переливать яркими красками возвышенных идей. Столъ же ловкий (*gescheidt*), как и ярко-демократический, Штерн Гешейдт понял, что парижский потоп может унести не только мусорную землю декабря, но и Рго [доходные статьи] его «Главной книги», оставив только *Contra*

[расходные статьи]. Штерн Гешейдт Бамбергер увеличил, как известно, число греческих муз, прибавив к ним десятую, еврейскую, музы, «музу времени», как он называет бюллетень биржевых курсов.

Но вернемся к Абелю. Стиль Абеля насквозь пропитан необходимым для бумажной клоаки мировой столицы — «Daily Telegraph» — odor specificus [специфическим запахом]. Когда Леви бывает очень тронут ароматом абелевской корреспонденции, абелевской ученыстью и предприимчивым усердием, с которым Абель пишет одновременно с двадцати различных широт, в такие минуты глубокой растроганности Леви называет Абеля интимно-нежно своим «industrious bug» [«трудолюбивым клопом»].

Уже поэтическая справедливость требует, чтобы «округленная натура» не осталась в конце комедии вместе с Абелем в лондонском навозе. Но кто вытащит его из навоза? Кому же быть спасителем? Спасителем быть приходится грязному распутнику (Mistfinke), именно *барону фон-Финке*, дворянину из красной земли¹, рыцарю веселого образа, chevalier sans peur et sans gergoche [рыцарю без страха и упрека].

Как было сказано ранее, «Neue Rheinische Zeitung» уже в 1848 г. выявила тождество противоречий Фогта и Финке, и Фогт сам предчувствовал это в 1859 г., когда писал в своих «Исследованиях»: «Фон-Финке, в качестве апостола новой государственной свободы... положительно попадает в область смешного» (там же, стр. 21), — значит, в область Фогта. Но 1 марта 1860 г. Финке открыто произнес слово примирения, «иллюстрируя», как выражается Иог. Филипп Беккер, «скромную прусскую палату серной бандой». Ровно за год до того он рекомендовал той же самой палате памфлет «По и Рейн», серное происхождение которого он, не обладая посом Леви, не мог, разумеется, почуять. Когда же Финке стал, подобно Фогту, разыгрывать итальянца, когда Финке, подобно Фогту, стал поносить Польшу, когда Финке, подобно Фогту, стал требовать расчленения Германии, то братья-враги навсегда заключили друг друга в объятья.

¹ Красная земля — Вестфалия. Ред.

Известно, что одноименные полюсы взаимно отталкиваются. Таким же точно образом долгое время взаимно отталкивались Фогт и Финке. Оба страдают словесным слюнотечением, и поэтому каждому из них казалось, что другой не дает ему говорить.

Фогт, по свидетельству Раникеля, — великий зоолог, точно так же, как и Финке, что доказывает его свиноводство в Иккерне.

В испанских драмах на каждого героя приходится по два шута. Даже при святом Киприане — этом испанскомFaусте — имеются в пьесе Кальдерона Москон и Кларин. Точно так же во Франкфуртском парламенте реакционный генерал фон-Радовиц имел при себе двух комических адъютантов, своего арлекина Лихновского и своего клоуна Финке. Фогт же, этот либеральный противоклоун, должен был делать все один, что, разумеется, озлобляло его против Финке, так как Яков Венедей годился только для сентиментальной части роли Панталоне. Финке любил иногда снимать свой дурацкий колпак. Так, например, в заседании парламента 21 июня 1848 г. он заявил, что «ему иногда кажется, будто он находится скорее в театре, чем в подобном собрании». А во время празднества, устроенного франкфуртскими парламентскими ториями, он гастролировал в качестве *князя дураков* и, сидя на бочке, распевал:

«Ich bin der Fürst von Thoren¹
Zum saufen auserkoren».

[Над глупцами от дворянства
Избран князем я для пьянства.]

Это также было обидно его противнику. К тому же Фогт и Финке не могли запугать друг друга и поэтому считали совершенно безопасным нападать друг на друга. Фальстаф-Фогт знал цену рыцарю без страха и упрека, и vice versa [наоборот]. Вестфальский Баяр в свое время занимался в университете юридическими науками, меньше — римским Corpus juris; красноземельные предки, рассуждал он, не даром побили Вара. Тем усерднее принадлежал он на тевтонское право, особенно же на *бурушевский кодекс*, почву которого он исследовал по всем направлениям и прославил под именем *правоз-*

¹ Thoren — тории, игра слов. Ред.

сой почвы. Под влиянием такого казуистически-глубокого изучения буршевского кодекса он и впоследствии при всякой дуэли наталкивался на какой-нибудь дунескотовский¹ волос, который в решительный момент становился непреодолимой преградой между рыцарем и кровопролитием, как обнаруженный на брачном ложе меч между принцессой и locum tenens [заместителем мужа]. Эта казуистическая придирчивость появлялась всегда, с правильностью периодической лихорадки, начиная с истории с судейским асессором Бендор во время объединенного ландтага 1847 г. и кончая обратившей на себя не меньшее внимание историей с прусским военным министром в палате депутатов в 1860 году. Мы видим, таким образом, какую напрасливу взвели недавно на нашего рыцаря, обвиняя его, будто он потерял свою правовую почву. Не его вина, что его правовая почва вся состоит из ловушек. Более того, так как буршевский кодекс годится только для юридических дебатов высшего порядка, то наш остроумный юнкер заменяет его в повседневной парламентской практике палочным кодексом.

Во франкфуртском болоте Финке в бешенстве обозвал однажды своего противника Фогта «министром будущего». Когда же в Иккерне он узнал, что Фогт, помня изречение:

Nem Dich eines Aemptlein's an,
So heisst das Jahr durch Herr fortan

[Раздобудь себе лишь чин,
И вот ты на год господин]

стал не только имперским регентом, но и министром иностранных дел *in partibus* [в изгнании], то это его изорвало, и он стал недовольно ворчать о непризнанных притязаниях на повышение по старшинству. Ведь уже в Соединенном ландтаге 1847 г. Финке оппозиционно выступал против министерства в качестве фрондера и против буржуазной оппозиции в качестве представителя дворянства. Поэтому, когда вспыхнула мартовская революция, он считал себя более всех других предопределенным для спасения короны. Но министрами настоя-

¹ — т. е. на матейший предлог для казуистики (Дунескот — теолог и философ сколастик). Ред.

щего стали его противники, он же получил пост «министра будущего», каковой пост с неизменным успехом занимал до сих пор.

Из мести он отряхнул берлинский прах со своих ног и отправился во Франкфурт, в церковь св. Павла, где уселся на крайней правой, чтобы скандалить здесь, в качестве клоуна, клакера и забияки генерала Радовица.

Этот Финк¹ был фанатически преданным австрийцем, пока это встречало одобрение в глазах начальства. Точно одержимый, гремел он против *национальностей*. «На левой стороне, в зависимости от ряда, увлекаются всевозможными национальностями — итальянцами, поляками, — а теперь даже мадьярами» (заседание 23 октября 1848 г.). Три рыцаря — Финке, Лихновский и Арним — вели музыкальное трио:

Es brüllt der Ochs, es f... die Kuh,
es spielt der Esel den Bass hinz.

[П... корова, бык ревет,
И басом в тон осел поет.]

с такой виртуозностью против ораторов, говоривших в пользу Польши (заседание 5 июня 1848 г.), что даже колокольчик председателя выбился из сил, а когда Радовиц, исходя из военно-географических соображений, потребовал для Германской империи Минчио (заседание 15 августа 1848 г.), Финке — на потеху всей галлереи и к тайному восхищению Фогта — стал на голову и зааплодировал ногами. Главный клакер по резолюциям, которыми Франкфуртское лягушечье болото приложило печать немецкой народной воли к династическому порабощению Польши, Венгрии и Италии, юнкер из Красной земли возопил еще радостнее, когда пришлось пожертвовать притязаниями немецкой нации в позорном перемирии в Мальмэ. Чтобы обеспечить большинство для ратификации перемирия, дипломатические и другие зрители пробрались с галлереи на скамьи правых. Обман был обнаружен, и Раво потребовал нового голосования. Против него яростно выступил наш Финк, доказывая, что важно не кто голосует, а что голосуют (заседание 16 сентября 1848 г.). Во время франкфуртского сентябрьского восстания, вызванного ратификацией пере-

¹ Fink (вместо Vincke) — заблик, влюпок, гуляка, бабник. Ред.

мирия в Мальмэ, вестфальский Баяр бесследно исчез, чтобы, с объявлением осадного положения, выпадами свирепейшего реакционера отомстить за свой страх, которого никто не мог возместить ему.

Не довольствуясь своими выходками против поляков, итальянцев и венгерцев, он предложил выбрать в президенты временного центрального правительства австрийского эрцгерцога Иоганна (заседание 21 июня 1848 г.), но под покорнейшим условием, чтобы габсбургская исполнительная власть германского парламента не приводила в исполнение, не публиковала и вообще не принимала во внимание его плебейских резолюций. Он вышел из себя от бешенства, когда его товарищи из большинства, ради одного лишь разнообразия, голосовали за то, чтобы правитель империи — по крайней мере, в вопросах войны и мира и по договорам с иностранными державами — соизволял добиваться предварительного соглашения с парламентом (заседание 30 июня 1848 года). А ораторский пыл, с каким наш Финк старался вырвать у немецкого парламента вотум сдобрения имперскому министру Шмерлингу и К° в награду за их и правителя империи соучастие в подлом кровавом венском предательстве (заседание 24 октября 1848 г.), победоносно опровергая клевету Фишарта:

O wie erkältet Mäuler,
Sind Westfeling Mäuler!

[О, как бездушны рыла,
Земли Вестфальской рыла!]

Финке был по-соседски так дружественно настроен по отношению к Габсбургам, когда вдруг над парламентской Сахарой поднялась фатаморгана Малой Германии, и нашему юнкеру померещилось, что он уже увидел подмышкой пожизненный министерский портфель с зябликом (Fink). Так как у стен церкви св. Павла были необыкновенно длинные уши, то он мог льстить себя надеждой, что шум его парламентских излияний в лояльности и преданности династии Гогенцоллернов будет благосклонно воспринят в Берлине. Разве он не заявил 21 июня 1848 г. при переполненной церкви св. Павла: «Я послан своими избирателями не только для того, чтобы представлять права народа, но и права князей.

Я всегда восхищаюсь словами великого курфюрста, который однажды назвал нас, жителей Марки, своими по-корнейшими и вернейшими подданными. И мы в Марке гордимся этим». И Баляр из Марки перешел от фраз к действиям в той знаменитой ораторской битве, в которой он заслужил себе рыцарские шпоры (заседание 7 и 8 августа 1848 года). Так, когда Брентано, в связи с испрашиваемой амнистией для Фридриха Геккера, с высоты трибуны сделал какое-то двусмысленное замечание об одном из принцев гогенцоллерновского дома, с Финком случился припадок настоящего собачьего бешенства лояльности. Ринувшись со своего места на Брентано, он крикнул: «Долой, каналъя!» и стал стаскивать его с трибуны. Но Брентано устоял на своем месте. Спустя некоторое время юнкер снова кинулся на него и бросил ему — разумеется, имея в виду последующее зрелое размыщение над мыслимыми возможностями своей правовой почвы — в знак вызова свою рыцарскую перчатку, которую Брентано поднял со словами: «За стенами церкви вы можете мне сказать все, что вам угодно; здесь же оставьте меня, не то я дам вам пощечину». Юнкер порылся в своем ораторском колчане и метнул оттуда еще несколько ругательств по адресу левой, пока Рейхардт не крикнул ему: «Фон-Финке, вы — негодяй!» (заседание 8 августа 1848 г.). Дебаты о конфликте между министерством Бранденбурга и берлинским соглашательским собранием Финк пытался устраниТЬ предложением простого перехода к порядку дня. «Со временем победоносного вступления Врангеля в Берлин, — сказал он, — воцарилось спокойствие, бумаги поднялись..., берлинское собрание не имеет права выпускать воззвания к народу и т. д.». Едва были разогнаны соглашатели, как наш рыцарь без страха и упрека еще яростней набросился на них. «Для республики, — был он в заседании 15 октября 1848 г., — нам нехватает подготовительного политического воспитания; это нам показали представители бывшего берлинского собрания, которые принимали резолюции, вытекавшие из низкого личного честолюбия». Разразившуюся после этого бурю он пытался успокоить заявлением, что «готов защищать, как рыцарь, свой взгляд против всякого», но, прибавил предусмотритель-

ший рыцарь, «он не имеет в виду никого из данного собрания, а только членов разогнанного берлинского собрания».

Так гордо прозвучал вызов Баяра из Марки всему единству разогнанных соглашателей. Один из разогнанных услышал вызов, собрался с силами и добился действительно неслыханного происшествия, заставив юнкера из Красной земли явиться во плоти на поле битвы при Эйзенахе. Кровопролитие, казалось, стало неизбежным, когда наш Баяр в решительную минуту отыскал дун-скотовскую юридическую увертку. Его противник назывался Георгом Юнгом, а законы чести повелевали нашему рыцарю без страха и упрека сражаться с драконом, но ни в коем случае не с тезкой победителя дракона. Эту навязчивую идею нельзя уже было выбить из головы Финка. Лучше, клялся он торжественно, лучше, подобно японскому даймю, он сам себе вспорет живот, чем тронет хоть волос у человека, который называется Георгом и к тому же еще слишком молод (*jung*) для поединка. Но тем более беззастенчиво упорный дуэлянт неистовствовал в церкви св. Павла против Темме и других нападавших на правительство лиц, сидевших в Мюнстере под крепкими тюремными запорами (заседание 9 декабря 1848 года). Если, в своем желании угодить высоким местам, он не пренебрегал никакими мелочами, то своим усердием и лояльностью он перещеголял самого себя в своих колоссальных усилиях создать Малую Германию и большую прусскую корону. «Делатель королей» Уорик был ребенок в сравнении «с делателем императоров» Финке.

Баяр из Марки полагал, что от него уж не мало досталось неблагодарным мартовцам 1848 года. Когда деловое министерство пало, Финке исчез на время из церкви св. Павла и проявлял готовность быть использованным. То же самое повторилось, когда пало министерство фон-Пфуля. Но так как гора не шла к Магомету, то Магомет решил пойти к горе. Выбранный в каком-то гнилом местечке, рыцарь из Красной земли вынырнул вдруг в Берлине в качестве депутата октронированной палаты, исполненный страстного желания получить награду, ожидавшую его за франкфуртские подвиги. Кроме того, рыцарь прекрасно чувствовал себя

при осадном положении, не лишавшем его никаких парламентских свобод. Свист и насмешки, с которыми приветствовало его берлинское население, когда он, вместе с другими октронированными депутатами, ожидал перед замком приема в белом зале, он выслушивал с тем большим наслаждением, что Мантефель осторожно на-mekнул ему, будто в высоком месте — хотя бы из-за того, чтобы иметь вакантным один министерский портфель за известную заслугу, — склоняются к принятию малогерманской короны из рук франкфуртских «делателей императоров». Упоенный этими сладкими надеждами Финк пытался пока быть полезным кабинету в качестве его *dirty boy* [кухонного мальчишки]. По указанию «Kreuzzeitung» он составил проект адреса короны, бушевал против амнистии, соглашался принять октронированную конституцию только под условием, что она будет снова пересмотрена и очищена от всего мартовского «сильной государственной властью», поносил стравивших от осадного положения депутатов левой и т. д. и ожидал своего триумфа.

Катастрофа надвигалась. Франкфуртская депутация с предложением императорской короны прибыла в Берлин, и Финке 2 апреля (1849 г.) внес лояльнейшую поправку в проект поднесения императорской короны, за которую, в чистоте сердца, голосовал Мантефель. Тотчас же по окончании заседания Финке, как безумный, ринулся в ближайшую лавку старьевщика, чтобы купить там собственноручно портфель, портфель с черной карточкой покрышкой, с красной бархатной отделкой и позолотой по краям. Полный блаженства, торжествующе ухмыляясь, как фавн, сидел рыцарь веселого образа на следующее утро на своем кресле в центре, но вдруг раздалось: «Никогда, никогда, никогда». Губы Мантефеля иронически подергивались, а наш бесстрашный юнкер, с побледневшими губами, дрожа, как электрический угорь, от внутреннего волнения, с диким видом делал знаки своим друзьям: «удержите меня, не то я натворю бед». Чтобы удержать его, «Kreuzzeitung», указаниям которой Финке робко следовал на протяжении многих месяцев и которая видела в нем крестного отца своего проекта адреса от палаты, поместила на следующий день статью под заголовком: «Отечество в опасности»,

где, между прочим, было сказано: «Министерство остается, и король отвечает господам Финке и компании, что им нечего беспокоиться о вещах, которые их не касаются». А обманутый рыцарь без страха и упрека трусили рысцой из Берлина в Иккерн с более длинным носом, чем какой имел когда-либо Леви, с носом, который можно наставить только... министру будущего!

После того как Цинциннат из Красной земли долгие годы томился над своей практической зоологией в Иккерне, он в одно прекрасное утро проснулся в Берлине в качестве официального главы оппозиции в прусской палате депутатов. Так как ему не повезло во Франкфурте с правыми речами, то в Берлине он заговорил по-левому. Нельзя было в точности установить, представлял ли он оппозицию доверия или доверие оппозиции. Во всяком случае он и здесь переиграл свою роль. Он вскоре оказался столь необходимым кабинету на скамьях оппозиции, что ему запрещено было покинуть ее. Так и остался министром будущего юнкер из Красной земли.

При таких-то обстоятельствах Финк потерял терпение и заключил свой знаменитый иккернский договор. Фогт обещал ему черным по белому: лишь только Плон-Плон завоюет на немецком материке первый парламентский остров Баратарию, населит его Оппенгеймерами¹ и назначит своего Фальстафа его регентом, тотчас же Фогт назначит вестфальского Баяра своим премьер-министром, вручит ему верховную судебную власть в вопросах дуэли, сделает его действительным тайным генерал-строителем шоссейных путей², произведет его, сверх того, в княжеское достоинство с титулом князя от Глущцов и, наконец, отчеканит на жести², которая в островном фогстве обращается вместо денег, пару сиамских близнецов — направо Фогта как 'план-плоновского регента, налево

¹ В тексте — Sch-Oppenheimern — т. е. пьяницами. Ред.

* См. брошюру «Auch eine Characteristik des liberalen Abgeordneten von Vincke und erbauliche Geschichte des Sprochnövel-Elberfelder Wegbaues. Hagen 1849». [«Тоже характеристика либерального депутата фон-Финке и поучительная история Шпроттёфель-альберфельдского дорожного строительства».]

² Blech — жесть, а также вздор. Ред.

Финке как министра Фогта, — и вокруг объемистой двойной фигуры будет извиваться окруженная виноградом надпись:

Maul zu Maul mit Dir
Ford' ich mein Jahrhundert in die Schranken.

[С тобою рылом к рылу
На бой я вызываю современность.]

XI. ПРОЦЕСС

В конце января 1860 г. в Лондоне были получены два номера берлинской «Nationalzeitung» с двумя передовыми статьями, из которых одна была озаглавлена «Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung»» (№ 37), а другая: «Как фабрикуют радикальные памфлеты» (№ 41). Под этими различными заголовками **Ф. Цабель** выпустил обработанное *in usum delphini* [популярное] издание фогтовской «Главной книги». Последняя была получена в Лондоне значительно позже. Я решил тотчас же начать в Берлине против **Ф. Цабеля** дело о клевете.

Лишь в самых редких, исключительных случаях, — когда дело шло об интересах партии, как, например, в кёльнском процессе коммунистов, — отвечал я на бесчисленные ругательства, которыми меня осыпали в течение десяти лет в немецкой и немецко-американской печати. По моему мнению, печать имеет право оскорблять писателей, политиков, актеров и других лиц, подвигнувшихся на общественной арене. Когда же я считал нападение заслуживающим внимания, то придерживался в подобных случаях девиза: *Contre corsaire corsaire et demi* [с разбойниками по-разбойничьи].

Здесь дело обстояло иначе. **Цабель** обвинял меня в целом ряде *преступных и позорящих* деяний, обвинял перед публикой, склонной из партийных предрассудков верить самым нелепым вещам и, с другой стороны, — виду моего 11-летнего отсутствия из Германии, — не имевшей никакого критерия для суждения о моей личности. Не говоря уже о политических соображениях, я обязан был ради своей семьи, ради жены и детей,

подвергнуть судебному разбирательству *позорящие обвинения* Цабеля.

Предъявленный мною иск по характеру своему, само собой разумеется, исключал возможность какой бы то ни было судебной комедии ошибок, вроде процесса Фогта против «Allgemeine Zeitung». Если бы у меня даже возникло фантастическое намерение апеллировать против Фогта к тому самому суду Фази, который уже приостановил, в интересах Фогта, одно уголовное дело, то были крайне важные моменты, которые можно было выяснить *только* в Пруссии, а не в Женеве; наоборот, единственное утверждение Цабеля, подкрепления которому он мог бы искать у Фогта, основывается на мнимых документах, которые Цабель был в состоянии представить так же легко в Берлине, как его друг Фогт в Женеве. Моя «жалоба» против Цабеля содержала в себе следующие пункты:

1) В № 37 «Nationalzeitung» от 22 января 1860 г., в статье, озаглавленной «Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung»», Цабель утверждает:

«Фогт сообщает на стр. 136 и сл.: «Под именем *серой банды* или также *борстенгеймеров* была известна среди эмиграции 1849 г. группа лиц, которые сначала жили в различных местах Швейцарии, Франции и Англии, постепенно собирались в Лондоне и в качестве *своего видимого вождя* почитали *Маркса*. Политическим принципом этой компании была «диктатура пролетариата»; этой иллюзией они вначале вводили в заблуждение не только отдельные лучшие элементы эмиграции, но и рабочих из добровольческого корпуса Виллиха. В среде эмигрантов они продолжали дело «Rheinische Zeitung», которая в 1849 г. отговаривала от всякого участия в движении и постоянно нападала на всех членов парламента якобы за то, что движение имеет свою целью только имперскую конституцию. Серная банда подчинила своих приверженцев строжайшей дисциплине. Кто из них пытался каким-нибудь образом добиться успеха в буржуазном обществе, тот — уже в силу одного своего стремления стать независимым — сам по себе становился изменником революции, которая каждую минуту могла снова разразиться и поэтому должна была

держать наготове своих солдат, чтобы послать их в бой. Путем распространения слухов, корреспонденций и т. д. вызывались ссоры, драки, дуэли в этой заботливо поддерживаемой компании бездельников. Всякий подозревал в другом шпиона и реакционера, недоверие было у всех против всех. Одним из главных занятий серной банды было так компрометировать проживавших в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их. В Германию было послано не одно, а сотни писем, с угрозой разоблачить в причастности к тому или иному акту революции, если в определенный срок по указанному адресу не будет доставлена известная сумма. По принципу: «Кто не безусловно с нами, тот против нас», всякого, выступавшего против этих интриг, не только компрометировали среди эмигрантов, но и «губили» в печати. «Пролетарии» заполняли столбцы реакционной печати Германии своими доносами на тех демократов, которые не признавали их; они стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии». Для дальнейшей характеристики Фогт, между прочим, приводит длинное письмо бывшего лейтенанта Техова от 26 августа 1850 г., в котором описываются принципы, интриги, раздоры, борющиеся друг с другом тайные общества «пролетариев» и из которого можно видеть, как Маркс, с拿полеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, держит в ежовых руках серную банду».

Для понимания дальнейшего следует здесь же заметить, что Цабель, который в приведенном отрывке заставляет якобы Фогта «сообщать», начинает для дальнейшей иллюстрации серной банды уже от собственного имени приводить одно за другим — процесс Шервала в Париже, процесс коммунистов в Кёльне, мою брошюру об этом процессе, либкнхтовский революционный съезд в Муртене и установленную мною связь между Либкнхтом и «Allgemeine Zeitung», Оли, «тоже канал серной банды», наконец, письмо Бискампа в «Allgemeine Zeitung» от 20 октября 1859 г. и затем заканчивает словами: «Неделю спустя после Бискампа Маркс также написал в «Allgemeine Zeitung», предлагая

ей «судебный документ» против Фогта, о котором мы, может быть, поговорим еще в другой раз. Таковы корреспонденты «Allgemeine Zeitung».

Из всей этой передовицы № 1 я взял, в качестве объекта иска, только перепечатанный в виде первого пункта отрывок, и притом лишь следующие фразы оттуда:

«Одним из главных занятий (управляемой Марксом) серной банды было так компрометировать проживавших в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их. В Германию было послано не одно, а сотни писем, с угрозой разоблачить в причастности к тому или иному акту революции, если в определенный срок по указанному адресу не будет доставлена известная сумма».

Здесь я, разумеется, потребовал от Цабеля доказательства истинности его утверждений. В первом сообщении своему адвокату, юстицрату *Веберу* в Берлине, я писал, что требую от Цабеля не «сотен угрожающих писем», даже не одного письма, а хотя бы одной строки, уличающей кого-нибудь из моих партийных единомышленников в указываемом Цабелем позорном деянии. Ведь Цабелю достаточно обратиться к Фогту, чтобы немедленно получить дюжины таких «угрожающих писем». А если бы случайно Фогт не мог представить ни одной строки из сотен угрожающих писем, то он, во всяком случае, мог бы назвать несколько сот «лиц в отечестве», которые подвергались вышеуказанным вымогательствам. Так как эти лица находятся в «Германии», то они были во всяком случае более доступны берлинскому суду, чем женевскому.

Итак, моя жалоба против Цабеля за его передовицу № 1 ограничивалась одним единственным пунктом — политическим компрометированием проживающих в Германии лиц с целью вымогать деньги. В то же время для опровержения других его утверждений передовицы № 1 я привел ряд фактов. Здесь я не требовал доказательства истинности, а приводил доказательства лживости.

Вопрос о серной банде или также о бюрстенгеймерах был достаточно разъяснен письмом Иоганна Филиппа Беккера. Для характеристики Союза коммунистов и

моей причастности к нему можно было вызвать в Берлин, в качестве свидетеля, между прочим, Г. Бюргерса из Кёльна, одного из осужденных по кёльнскому процессу коммунистов, и взять с него на суде показание под присягой. Далее, Фридрих Энгельс нашел среди своих бумаг датированное ноябрем 1852 г. письмо, подлинность которого подтверждалась почтовыми штемпелями Лондона и Манчестера и в котором я сообщал ему о последовавшем, по моему предложению, роспуске Союза, а также и о содержащихся в резолюции о роспуске мотивах, — именно, что со времени ареста кёльнских подсудимых всякая связь с континентом оборвалась и что подобное пропагандистское общество вообще теперь несвоевременно. Что касается бесстыдного утверждения Цабеля о моих связях «с тайной полицией в Германии и Франции», то оно якобы доказывалось отчасти кёльнским процессом коммунистов, отчасти процессом Шервала в Париже. К последнему я еще вернусь позже. По поводу же первого я послал своему защитнику свои вышедшие в 1853 г. «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», обратив его внимание на то, что можно вызвать в Берлин, в качестве свидетеля, адвоката Шнейдера II из Кёльна и взять с него под присягой показания о моем участии в деле раскрытия тогдашних полицейских гнусностей. Утверждению Цабеля, будто я и мои партийные единомышленники «заполняли столбы реакционной печати доносами на тех демократов», которые «не признавали» нас, я противопоставил тот факт, что я *никогда* не писал из-за границы — ни прямо, ни косвенно — в германские газеты, за единственным исключением «*Neue Oder Zeitung*». На основании моих статей в этой газете — а, в случае необходимости, и показаний одного из ее редакторов, д-ра Эльснера, — можно будет доказать, что я *никогда* не считал стоящим труда упомянуть хотя бы имя того или другого «демократа». Что же касается корреспонденций Либкнехта в «*Allgemeine Zeitung*», то сотрудничество его в ней началось весной 1855 г., три года спустя после роспуска Союза и *без моего ведома*; кроме того, эти корреспонденции — как свидетельствуют годовые комплекты «*Allgemeine Zeitung*» — содержат соответствующее его партийной точке зрения изложение

английской политики, но ни звука о «демократах». Если же Либкнехт в мое отсутствие из Лондона послал в «Allgemeine Zeitung» появившийся в Лондоне памфлет против «демократа» Фогта, то он имел на это полное право; он знал, что издателем этого памфлета был «демократ», которого сам «демократ» Фогт приглашал к участию в его «демократической» пропаганде и, следовательно, считал «демократом», равным ему самому. Омешная выдумка Цабеля превратить меня самого в «корреспондента «Allgemeine Zeitung»» убедительно опровергается письмом, написанным мне Оргесом (см. приложение 10) за несколько дней до начала аугсбургского процесса, в котором он между прочим старается рассеять мои якобы «либеральные» предубеждения против «Allgemeine Zeitung». Наконец, ложь Цабеля, будто «неделю спустя *после* Бискампа и Маркс написал в «Allgemeine Zeitung»», отпадала сама собой, так как письмо Бискампа датировано 20 октября 1859 г., а не-многие препроводительные сроки при пересланном мной Оргесу, по его просьбе, «документе» находились уже 24 октября 1859 г. на судейском столе в Аугсбурге и, значит, не могли быть написаны 29 октября 1859 г. в Лондоне.

В интересах судебного разбирательства я счел необходимым присоединить к приводимым аргументам некоторые документы, отбрасывающие на клеветника тот уродливо-гнусный свет, который «демократ» Цабель пытался бросить на мое положение в эмиграции и на мой «интриги» за границей.

Первоначально, с конца 1843 до начала 1845 г., я жил в Париже, пока меня не выслал Гизо. Для характеристики своего положения во французской революционной партии в свое пребывание в Париже я послал своему защитнику письмо *Флокона*, отменявшее от имени временного правительства 1848 г. распоряжение Гизо о моей высылке и приглашавшее меня вернуться из Бельгии во Францию (см. приложение 14). В Брюсселе я жил с начала 1845 до конца февраля 1848 г., когда Рожье выслал меня из Бельгии. Впоследствии бельгийские муниципальные власти сместили полицейского комиссара, арестовавшего, в связи с этой высылкой, мою жену и меня. В Брюсселе существовало междуна-

родное демократическое общество, почетным председателем которого был старый генерал *Меллине*, спасший Антверпен от голландцев. Председателем его был адвокат *Жоттран*, бывший член бельгийского временного правительства; товарищем председателя для Польши был *Лелевель*, бывший член польского временного правительства; товарищем председателя для Франции был *Эмбер*, назначенный после февральской революции 1848 г. комендантом Тюильри, а товарищем председателя для Германии был я, избранный на этот пост на публичном собрании, состоявшем из членов немецкого рабочего общества и всей немецкой эмигрантской колонии в Брюсселе. Одно письмо Жоттрана ко мне из эпохи основания «*Neue Rheinische Zeitung*» (Жоттран принадлежит к так называемой американской школе республиканцев, т. е. к чуждому мне направлению) и несколько самих по себе незначащих строк моего друга Лелевеля достаточно показывали мое положение в демократической партии в Брюсселе. Я поэтому приложил их к документам защиты (см. приложение 14).

После того как весной 1849 г. я был выслан из Пруссии, а в конце лета 1849 г. из Франции, я отправился в Лондон, где, после распуска Союза (1852 г.) и после отъезда большинства моих друзей из Лондона, я живу в стороне от *всяких* легальных и нелегальных обществ и даже вообще от всякого общества, хотя — с разрешения «демократа» Цабеля — и позволяю себе время от времени читать бесплатные лекции по политической экономии избранному кругу рабочих. *Лондонское немецкое рабочее просветительное общество*, из которого я вышел 15 марта 1850 г., праздновало 6 февраля 1860 г. двадцатилетие своего существования; я был приглашен на это празднество, на котором была единогласно принята резолюция «заклеймить как клевету» утверждение Фогта, будто я «эксплоатировал» немецких рабочих вообще и живущих в Лондоне в частности. Тогдашний председатель рабочего общества Мюллер дал заверить эту резолюцию 1 марта 1860 г. в полицейском управлении Bow Street. Вместе с этим документом я послал своему адвокату письмо английского адвоката и вождя чартистской партии Эрнеста Джонса (см. приложение 14), в котором он выражает свое нетодование

по поводу «infamous articles» [«гнусных статей»] «Nationalzeitung» (Эрнест Джонс, родившийся и воспитывавшийся в Берлине, знает немецкий язык лучше, чем Цабель) и, между прочим, упоминает о моем много-летнем бесплатном сотрудничестве в лондонских органах чартистской партии. Я могу здесь упомянуть также, что когда в конце 1853 г. в Манчестере был рабочий конгресс, то только Луи Блан и я из членов лондонской эмиграции получили приглашение на него в качестве почетных членов.

Наконец, так как по уверениям честного Фогта я «живу потом рабочих», от которых я никогда не получил и не требовал ни сантима, а, по утверждению «демократа» Цабеля, политически «так компрометировал» «проживающих в отечестве лиц», что «они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их», я попросил Чарлза А. Дана, managing editor [издателя] «New-York Tribune» — первой англо-американской газеты, насчитывающей 200 000 подписчиков и поэтому почти столь же распространенной, как бильский «Коммивояжер» или цабелевский орган демократии, — прислать письменное удостоверение о всем платном десятилетнем сотрудничестве в «Tribune», в «Cyclopaedia Americana» и т. д. Его лестное для меня письмо (см. приложение 14) было последним документом, которое я считал необходимым послать своему адвокату в противовес фогто-цабелевским вонючим снарядам № I.

2) В цабелевской статье № II «Как фабрикуют радикальные памфлеты» (№ 41 «Nationalzeitung» от 25 января 1860 г.) мы читаем:

Откуда шли деньги для этой даром раздававшейся газеты (т. е. «Volk»), знают боги; что у Маркса и Бискампа нет лишних денег, знают люди.

Рассматриваемый изолированно этот отрывок мог бы иметь значение искреннего выражения удивления, как если бы я, например, сказал: «Только богам известно, как некий толстяк, которого я в студенческие годы в Берлине знал как материально и духовно беспризорного балбеса, — он был владельцем детского приюта, и его литературная деятельность до революции 1848 г.

ограничивалась только несколькими анонимными работами для одного захолустного беллетристического журнальчика, — только боги знают, как вышеназванный толстый болван превратился в главного редактора «Nationalzeitung», ее пайщика и «имеющего лишние деньги демократа». Люди же, прочитавшие известный роман Бальзака и изучившие эпоху Мантефеля, могут об этом догадываться».

Но замечание Цабеля следует за его заявлением о моих сношениях с тайной полицией во Франции и Германии, о всем полицейско-заговорщиком шантажировании людей угрожающими письмами, примыкая к 3-му пункту — о «массовой фабрикации фальшивых ассигнаций», — и поэтому приобретает особенно злоказпенный смысл. Надо было прозрачно намекнуть, что я доставлял «Volk» деньги каким-то бесчестным путем.

Для опровержения Цабеля на суде послужил раздобытый в Манчестере *affidavit* [показание под присягой] от 3 марта 1860 г., согласно которому все переданные мной в «Volk» деньги — за исключением некоторой суммы, уплаченной мной лично, — получились не «с той стороны канала», как думает Фогт, а из Манчестера, из кармана моих друзей (см. Аугсбургскую кампанию).

3) «Для характеристики «талки» «партии «пролетариев» под главенством Маркса» Ф. Цабель в статье № II, между прочим, рассказывает:

«В таком виде в 1852 г. был затеян против швейцарских рабочих кружков постыднейший заговор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций; подробности см. у Фогта и т. д.».

Так Цабель обрабатывает утверждение Фогта об авантюре Шервала, превращая меня в морального виновника и преступного соучастника «массовой фабрикации фальшивых ассигнаций». Собранный мной фактический материал для опровержения этого утверждения «демократа» Цабеля охватывал весь период от вступления Шервала в «Союз коммунистов» до его бегства из Женевы в 1854 г. *Affidavit*, данное Карлом Шаппером 1 марта 1860 г. перед полицейским управлением Bow Street, свидетельствовало о том, что вступление Шер-

гала в Союз в Лондоне предшествовало моему вступлению туда, что, находясь в Париже, где он проживал с лета 1850 до весны 1852 г., он вступил в сношение не со мной, а с враждебным мне контраюзом Шаппера и Виллиха, что после своего мнимого побега из тюрьмы St. Pélagie и своего вторичного прибытия в Лондон (весной 1852 г.) он вступил в тогдашнее легальное «Немецкое рабочее просветительное общество», к которому я не принадлежал уже с сентября 1850 г., пока, наконец, его не разоблачили, не объявили бесчестным и не выгнали. Далее, адвокат Шнейдер II из Кёльна мог бы засвидетельствовать под присягой, что сделанные во время кёльнского процесса коммунистов разоблачения относительно Шервалья, его отношения к прусской полиции в Лондоне и т. д. исходили от меня. Мои опубликованные в 1853 г. «Разоблачения» показывают, что по окончании процесса я публично изобличил его. Наконец, письмо Иоганна Филиппа Бекера сообщало сведения о женевском периоде жизни Шервалья.

4) После того как «демократ» Ф. Цабель в статье № II с логикой круглого дурака нагородил столько вздора по поводу направленного против Фогта памфлета «Предостережение» и всячески старался заподозрить достоверность присланного мной в «Allgemeine Zeitung» свидетельства Фегеле о происхождении памфлета, он заканчивает следующим образом:

Он (Блинд), очевидно, не член узкого кружка партии Маркса. Нам кажется, что *последнему* было не очень трудно сделать его козлом отпущения, а чтобы выставленное против Фогта обвинение имело вес, оно должно было исходить от какого-нибудь определенного лица, которое взяло бы на себя ответственность за него. Кружок партии Маркса очень легко мог взвалить на Блинда авторство памфлета вследствие того и после того, как он в разговоре с Марксом и в статье для «Free Press» высказался в аналогичном духе. Воспользовавшись содержанием и формой заявления Блинда, можно было так с фабриковать памфлет, чтобы он выглядел, как его изделие... Каждый может, по желанию, считать автором памфлета Маркса или Блинда и т. д.

Цабель обвиняет меня здесь в том, что я *сфабриковал от имени Блинда* документ, памфлет «Предостережение», и что позже, послав в «Allgemeine Zeitung» ложное свидетельство, я указал на Блinda как на автора *сфабрикованного памфлета*. Судебное опровержение этих обвинений «демократа» Цабеля было столь же убийственно, как и просто. Оно состояло из цитированного выше письма Блinda к Либкнехту, статьи Блinda в «Free Press», обоих *affidavit* Вие и Фегеле (см. приложение 12 и 13) и печатного заявления д-ра мед. Шайбле.

Фогт, который, как известно, насмеялся в «своих «Исследованиях» над баварским правительством, возбудил преследование против «Allgemeine Zeitung» в конце августа 1859 года. Уже в сентябре «Allgemeine Zeitung» должна была хлопотать об отсрочке судебного дела, но, несмотря на данную отсрочку, дело все-таки разбиралось *24 октября 1859 года*. Если подобные вещи происходят в *темном царстве*, в *Баварии*, то чего же — не упоминая уже о поговорке «есть еще судьи в Берлине» — можно было ожидать от *светлого царства — Пруссии*.

Мой адвокат *юстицрат Вебер* формулировал мою жалобу следующим образом:

Редактор «Nationalzeitung» д-р Цабель несколько раз клеветал меня публично в статьях, помещенных в текущем году в №№ 37 и 41 этой газеты, и в частности обвинил меня: 1) в том, что я добываю и добывал деньги бесчестным и преступным путем; 2) в том, что я сфабриковал анонимный памфлет «Предостережение» и не только заведомо, вопреки истине, указал «Allgemeine Zeitung», как на его автора, на некоего Блinda, но и пытался представить доказательство этого с помощью документа, в ложном содержании которого я должен был быть убежден.

Юстицрат Вебер выбрал сначала *путь обжалования в порядке надзора*, т. е. сообщил о клевете Цабеля прокурорскому надзору, чтобы против Цабеля было возбуждено преследование в административном порядке. 18 апреля 1860 г. последовало нижеследующее «постановление»:

Подлинное д-ру Карлу Марксу через юстицрата Вебера с сообщением, что не усматривается *публичного интереса*, дающего повод для вмешательства (статья XII вводного к уголовному кодексу закона от 14 апреля 1851 года). *Берлин*, 18 апреля.

Прокурор королевского городского суда.

Подпись: *Липпе.*

Мой защитник апеллировал к верховному прокурору и 26 апреля 1860 г. получил следующее второе «*постановление*»:

Королевскому юстицрату Веберу как доверенному лицу д-ра Карла Маркса из Лондона, здесь. Вам, вместе с жалобой от 20 апреля касательно иска, учиненного д-ру Цабелю, возвращаются и приложенные к ней документы с замечанием, что единственным соображением, которым должен руководствоваться прокурорский надзор при использовании дискреционной власти, данной ему статьей XVI вводного к уголовному кодексу ганкона, служит вопрос, требуется ли возбуждение преследования каким-нибудь очевидным публичным интересом? В данном случае я должен, в согласии с королевским прокурором, ответить на этот вопрос отрицательно, почему и отказываю в Вашей жалобе. *Берлин*, 26 апреля 1860 г.

Верховный прокурор при королевском апелляционном суде.

Подпись: *Шварк.*

Оба эти отказа прокуроров *Липпе* и *Шварка* я нашел вполне правомерными. Во всех государствах на свете, а значит, и в прусском государстве, под публичным интересом понимается *правительственный интерес*. Прусское правительство не видело и не могло видеть «*какого-либо очевидного публичного интереса*» в возбуждении *преследования* против «*демократа*» Цабеля за клевету. Интерес заключался скорее в противоположном. К тому же прокурор не обладает правом судьи обсуждать; он обязан слепо следовать — даже против своих взглядов и убеждений — предписаниям своего начальства, в конечном счете *министра юстиции*. Поэтому я по существу вполне согласен с решениями

т. Липпе и Шварка, но сомневаюсь в юридической правильности ссылки Липпе на статью XII вводного к уголовному кодексу закона от 14 апреля 1851 года. Ни один пункт прусского законодательства не обязывает прокурорский надзор указывать мотивы, почему он *не* пользуется своим правом возбуждения преследования. В статье XII, на которую ссылается Липпе, кроме того, нет ни звука об этом. В таком случае зачем же на нее ссылаться?

Тогда мой адвокат прибегнул к гражданскому порядку иска, и я свободно вздохнул. Если у прусского правительства не было публичного интереса преследовать Ф. Цабеля, то тем более живой частный интерес самозащиты имел я. И теперь я выступил от своего собственного имени. Каков будет *приговор*, мне казалось неважным, только бы удалось привлечь Ф. Цабеля к публичному суду. Но представьте себе мое удивление! Обсуждался, как я узнал, не порядок судебного рассмотрения моего иска, а порядок рассмотрения вопроса, имею ли я право *чинить иск* к Ф. Цабелю.

Я узнал, к своему ужасу, что, согласно прусскому судоустройству, всякий истец, прежде чем судья установит порядок рассмотрения иска, т. е. даст ему ход, должен так изложить свое дело судье, чтобы последний убедился, что вообще имеется *право иска*. При этом предварительном разборе документов судья может потребовать нового доказательного материала, или же установить часть старого материала, или же найти, что вообще нет *права иска*. Если судье угодно будет признать наличие права иска, то он дает ход иску, начинается состязательный процесс, и дело решается вынесением *приговора*. Если же судья отрицает право иска, то он отказывает истцу просто *reg. decretum*, в порядке распорядительного *постановления*. Такой порядок присущ не только делам об оскорблении, а гражданскому процессу вообще. Поэтому может случиться, что иск по поводу оскорблении — как и всякий другой гражданский иск — будет отвергнут всеми инстанциями путем подобного административного *постановления* и, значит, никогда не будет рассмотрен.

Надо признать, что законодательство, не признающее *права жалобы* частного лица в его собственных частных

делах, нарушает элементарнейшие основные законы гражданского общества. Право жалобы превращается из само собою разумеющегося права самостоятельного частного лица в привилегию, раздаваемую государством через своих чиновников-судей. В каждом отдельном правовом споре государство становится между частным лицом и дверью суда как своей *частной собственностью* и по своему усмотрению открывает или закрывает ее. Сперва судья *постановляет* в качестве чиновника, чтобы потом решать в качестве судьи. Тот самый судья, который, не выслушав обвиняемого, без состязательного процесса предрешает, имеется ли право жалобы, который, скажем, становится на сторону жалобщика, т. е. решает до некоторой степени в пользу правомерности жалобы, следовательно до некоторой степени против обвиняемого, — этот самый судья должен потом на самом процессе *беспристрастно решать* в пользу жалобщика или обвиняемого, т. е. должен перерешать свое собственное предварительное решение. *Б.* дал пощечину *А.* *А.* не может жаловаться на обидчика, прежде чем не выхлопочет разрешение на это у чиновника-судьи. *А.* отказывается возвратить *Б.* участок земли. *Б.* для защиты на суде своих собственнических прав нуждается в предварительном разрешении, которое он может получить или не получить. *Б.* возводит публично в печати клевету на *А.*, а чиновник-судья, возможно, «постановляет» втихомолку, что *А.* не имеет права преследовать *Б.* Легко понять, к каким чудовищным несообразностям должен приводить такой порядок в чисто гражданском процессе. Что уж говорить о случаях клеветы в печати одних политических партий на другие! Во всех странах и даже в Пруссии суды, как известно, такие же люди, как все. Недаром даже один из товарищей председателя королевского прусского верховного суда, д-р Геце, заявил в прусской палате господ, что сmuta 1848, 1849 и 1850 гг. произвела замешательство в прусской юриспруденции, которой потребовалось некоторое время для ориентировки! Кто поручится д-ру Геце, что он не просчитался во времени, необходимом для ориентировки! Что в Пруссии право жалобы — например на клеветника — зависит от предварительного «постановления» чиновника, которого к

тому же правительство может (см. временное распоряжение 10 июля 1849 г. и дисциплинарный закон 7 мая 1851 г.) наказать за так называемое «нарушение служебных обязанностей», сделав ему выговор, наложив на него денежный штраф, переведя его против его воли на другое место или даже с позором уволив со службы в судебном учреждении, — как умудриться все это, не скажу, объяснить англичанам, но хотя бы представить как нечто правдоподобное.

Дело в том, что я собираюсь написать английскую брошюру о своем *casus contra F. Zabel* [процесс против Ф. Цабеля]. Чего бы ни дал Эдмон Абу, когда он писал свою «Пруссию в 1860 г.», за указание, что нигде во всей прусской монархии не существует *права жалобы*, кроме Рейнской провинции, «благодетельствованной» Кодексом Наполеона! Страдать от судов людям приходится повсюду, но лишь в немногих странах им запрещено *жаловаться*.

При таком положении вещей ясно, что *мой процесс* против Цабеля в *прусском суде* незаметно должен был превратиться в *мой процесс с прусскими судами* по *цюводу Цабеля*. Но, оставив в стороне вопрос о теоретической красоте законодательства,бросим взгляд на практическую прелесть его применения.

8 июня 1860 г. королевский городской суд в Берлине вынес следующее *постановление*:

«*Постановление о жалобе от 5 июня 1860 г. по делу об оскорблении Marx contra Zabel* [Маркс против Цабеля]. М 38 de 1860.

1) В иске отказать за *отсутствием состава преступления*, так как обе инкриминируемые передовые статьи здешней «Nationalzeitung» излагают *только политическую позицию Augsburger Allgemeine Zeitung* и *историю возникновения* анонимного памфлета «*Предостережение*», а содержащиеся в них заявления и утверждения, поскольку они высказываются самим автором и не состоят из простых цитат других лиц, не перступают границ *дозволенной критики*, а потому, на основании § 154 уголовного кодекса, не могут считаться наказуемыми, так как к тому же ни из формы этих

заявлений, ни из обстоятельств, при которых они последовали, не явствует *намерение оскорбить*.

Берлин, 8 июня 1860 г.

Королевский городской суд, уголовное отделение.

Комиссия I по вопросам об оскорблении.

M. П.».

Итак, городской суд запрещает мне привлечь к суду Ф. Цабеля и избавляет его таким образом от неприятности отвечать за свою публичную клевету. А почему? «За отсутствием состава преступления». Прокуратура отказалась выступить в мою пользу против Цабеля *за отсутствием явного публичного интереса*. А городской суд запрещает мне самолично выступить против Цабеля за отсутствием *состава преступления*. А почему нет состава преступления?

Во-первых: «Потому что обе статьи «Nationalzeitung» касаются только политической позиции «Allgemeine Zeitung»».

Так как Цабель предварительно облыжно превратил меня в «корреспондента «Allgemeine Zeitung», он имеет право сделать меня и козлом отпущения в своей конкурентской сваре с «Allgemeine Zeitung», а я не имею даже права подавать жалобы на это «постановление» всесильного Цабеля! Серная банда, бюрстенгеймеры, complot franço-allemand [франко-немецкий заговор], революционный съезд в Муртене, кёльнский процесс коммунистов, фабрикация ассигнаций в Женеве, «дело «Rheinische Zeitung» и т. д. и т. д. — все это *касается т о л ь к о политической позиции «Allgemeine Zeitung»*».

Во-вторых: Цабель не имел «намерения оскорбить». Конечно нет! Добрый малый имел только намерение политически и морально убить меня своей ложью¹.

Если «демократ» Ф. Цабель утверждает в «Nationalzeitung», что я массами изготавливал фальшивые ассигнации, фабриковал от имени третьих лиц документы, компрометировал проживающих в Германии людей, угрозой разоблачения вымогая у них деньги и т. д., —

¹ Вместо «*todt legen*» (уложить мертвым) — близкое по звучанию: «*todt lügen*» («оболгать до смерти, убить ложью») — игра слов. Ред.

то, юридически говоря, Цабель имел при этом целью одно из двух: либо клеветать меня, либо разоблачить. В первом случае Цабель подлежит наказанию по суду, во втором он обязан доказать на суде истинность своих утверждений. Какое мне дело до прочих намерений «демократа» Цабеля?

Цабель клевещет, но «без намерения оскорбить». Он лишает меня чести, подобно тому турку, который отрезал греку голову без намерения причинить ему боль.

Специфическое «намерение» Цабеля «оскорбить», — если только по поводу гнусностей, облыжно приписываемых мне «демократом» Ф. Цабелем, можно говорить об «оскорблении» и «намерении оскорбить», — злостное намерение доброго Цабеля так и пытает из всех пор его статей № I и № II.

«Главная книга» Фогта, вместе с приложениями, содержит не менее 278 страниц. А. Ф. Цабель, привыкший «to draw out the thread of his verbosity finer, than the stable of his argument» [«тоньше вытягивать нить своего многословия, чем нить своих аргументов»], размашистый Цабель, глупец Цабель умудряется из этих 278 страниц сотворить пять небольших газетных столбцов, не пропустив ни одной клеветы Фогта против меня и моей партии. Из самых грязных частей книги Ф. Цабель отбирает букеты, из не столь бьющих в нос — указатель содержания. Ф. Цабель, привыкший две мыслишки-молекулы растягивать на 278 страниц, сгущает 278 страниц в две передовицы без потери в этом процессе даже одного атома подлости. *Ira facit poëtam* [гнев делает поэтом]. Сколько же злости должно было быть, чтобы страдающую водянкой голову Цабеля точно волшебством превратить в гидравлический пресс с такой силой давления!

С другой стороны, злоба так затуманивает его взор, что он приписывает мне настоящую чудотворную силу, лишь бы только прибавить еще одну подлую инсинуацию.

Начав в первой статье с описания серной банды под моей командой и удачно превратив меня и моих партийных единомышленников в «союзниковтайной полиции во Франции и Германии», рассказав между прочим, что «этые люди» ненавидели Фогта, потому что он напе-

рекор им постоянно спасал Швейцарию, Цабель продолжает: «Когда Фогт в прошлом году возбудил свое дело против «Allgemeine Zeitung», последняя получила письмо из Лондона от другого сообщника, Бискампа... Бесстыднейшим образом автор этого письма предлагал свое перо в качестве второго корреспондента наряду с Либкнхтом. Неделю спустя после Бискампа Маркс также написал в «Allgemeine Zeitung», предлагая «судебный документ» как доказательство против Фогта, «о котором (доказательстве, документе или Фогте?) мы, может быть, поговорим в другой раз». Это обещание Цабель дает 22 января, а 25 января он его уже выполняет в № 41 «Nationalzeitung», где мы читаем: «Таким образом, Блинд отказывается быть автором памфлета; он становится им... впервые в письме Бискампа в «Allgemeine Zeitung», датированном 24 октября... В целях дальнейшей защиты авторства Блинда Маркс пишет 29 октября в «Allgemeine Zeitung».

Таким образом, Ф. Цабель приписывает мне не однажды, а дважды — сперва 22 января, а потом 25 января, имея три дня для размышления, — чудодейственную силу, дающую мне возможность написать в Лондоне 29 октября 1859 г. письмо, которое оказывается в окружном суде в Аугсбурге 24 октября 1859 г., и оба эти раза он приписывает мне эту чудодейственную силу для того, чтобы установить связь между посланным мной в «Allgemeine Zeitung» «документом» и зазорным письмом Бискампа в «Allgemeine Zeitung», чтобы изобразить мое письмо как *pedissequus* [шедшее по стопам] письма Бискампа. Что же, кроме злобы, самой оголтелой злобы, могло сделать этого Цабеля болваном, способным поверить в чудо?

Но, «продолжает свою защиту» городской суд, в статье Цабеля № II предметом обсуждения служит только история анонимного памфлета «Предостережение». Предметом? Следует сказать предлогом.

Эйзеле-Бейзеле, скрывшиеся на этот раз под именем «друзей отечества», послали, повидимому, в ноябре 1859 г., «Национальному обществу» «открытое письмо», перепечатанное в реакционной «Neue Hannoversche Zeitung». «Открытое письмо» превысило меру цабелевской «демократии», уравновешивающей его львиное муже-

ство против династии Габсбургов раболепием перед династией Гогенцоллернов. Для «*Neue Preussische Zeitung*» «открытое письмо» послужило поводом для отнюдь не оригинального открытия, что если демократия на чем-нибудь начинается, то она не кончается непременно на — Ф. Ца́бель и его «органе демократии». Ца́бель рассвирепел и написал статью № II: «*Как фабрикуют радикальные памфлеты*». «Приглашая, — говорит наш тяжеловесный Ца́бель, — приглашая «*Kreuzzeitung*» просмотреть с нами историю возникновения памфлета («*Предостережение*»), руководствуясь сообщенными Фогтом документами и разъяснениями, мы надеемся добиться от нее, в конце концов, признания, что мы все-таки были правы, говоря восемь недель назад, что открытое письмо Национальному обществу годится для нее, а не для нас, что оно было составлено для ее столбцов, а не для наших». Таким образом, radikaliter [радикально] посвященный Фогтом в тайны радикализма, «демократ» Ца́бель собирается, со своей стороны, просветить и «*Kreuzzeitung*» в тайну, «как фабрикуют радикальные памфлеты», или же, как выражается городской суд, «*сделать предметом обсуждения только историю памфлета «Предостережение»*». Как же принимается за это дело Ца́бель?

Он начинает с «тактики» «партии пролетариев» «под началом Маркса». Сперва он рассказывает, как «пролетарии под началом Маркса» от имени одного рабочего общества, но за его спиной, ведут переписку из Лондона с заграничными рабочими обществами, «скомпрометировать» которые имеется в виду, пускают в ход «интриги», организуют тайный союз и т. д. и, наконец, фабрикуют «документы», «неизбежно навлекающие преследования полиции» против обществ..., «которые имеется в виду скомпрометировать». Итак, чтобы просветить «*Kreuzzeitung*» о том, «как фабрикуют радикальные памфлеты», Ца́бель объясняет сначала, как «партия «пролетариев» под началом Маркса» фабрикует полицейского характера «корреспонденции» и «произведения печати», а вовсе не «памфлеты». Чтобы рассказать, «как фабрикуют радикальные памфлеты», он рассказывает далее, как «пролетарии под началом Маркса» *массами* фабриковали в 1852 г. в Женеве «фальшивые

ассигнации», т. е. опять-таки не «радикальные памфлеты». Чтобы рассказать, «как фабрикуют радикальные памфлеты», он сообщает, как «пролетарии под началом Маркса» прибегали в 1859 г. на лозаннском объединенном празднестве к враждебным Швейцарии и ком- прометирующем рабочие общества «маневрам»; это также не «радикальные памфлеты»; оповещает, как «Бискамп и Маркс» на средства, источники которых только «богам» известны, стали выпускать «Volk», опять-таки не «радикальный памфлет», а еженедельную газету; и, после всего этого, он старается замолвить благожела- тельное словечко за незапятнанную чистоту фогтовского вербовочного бюро, которое опять-таки не было «ради- кальным памфлетом». Так заполняет он (из 3 1/4) 2 столбца статьи: «Как фабрикуют радикальные памфлеты». Та- ким образом, для этих двух третей его статьи *история анонимного памфлета* служит только *предлогом*, чтобы взяться за фогтовские гнусности, о которых «друг» и соучастник Ф. Цабель не поведал еще под рубрикой: «*Политическая позиция «Allgemeine Zeitung»*». Лишь в самом конце Дунс I добирается до искусства «фабри- ковать радикальные памфлеты», именно до «истории» памфлета «Предостережение».

«Блинд отказывается быть автором памфлета: его впервые нагло называет таковым Бискамп в письме в «Allgemeine Zeitung» от 24 октября... Чтобы в даль-нейшем отстаивать авторство Блинда, Маркс пишет 29 октября в «Allgemeine Zeitung»: «Я раздобыл прила- гаемый документ, так как Блинд отказался поддержать заявления, сделанные им мне и другим».

Подлинность этого документа кажется Цабелю подо- зрительной, так как Либкнехт... «удивительным обра- зом» прибавляет: «Мы хотели заверить подлинность на-ших подписей у магистрата (?)» (этот вопросительный знак стоит в тексте у Цабеля), — а Цабель раз навсегда решил не признавать никаких других магistratov, кроме берлинского. Цабель сообщает далее содержание заявления Фегеле, на основании которого Блинд послал в «Allgemeine Zeitung» свидетельства Холлингера и Вие в доказательство того, что *памфлет не был набран в типографии Холлингера*, а значит не был *составлен* Блин- дом, и продолжает: «Всегда находчивый Маркс отвечает

в «Allgemeine Zeitung» 15 ноября». Цабель перечисляет различные пункты моего ответа. Маркс говорит то... Маркс говорит это... «*к р о м е т о г о*, Маркс ссылается». Значит, так как я «*кроме того*» ничего не говорю, то Цабель, конечно, сообщил своим читателям *все* пункты моего ответа? Тут виден Цабель! Он утаскивает, скрывает, *утаивает* решающий пункт моего ответа. В своем заявлении от 15 ноября я привожу под номерами ряд различных пунктов, т. е.: «1)..., 2)..., наконец, 3)». «...Случайно памфлет был перепечатан в «Volk» с набора, стоявшего еще в типографии Холлингера. Таким образом, можно было бы *без всяких свидетельских показаний*, путем простого сличения памфлета и его перепечатки в «Volk» *доказать на суде, что памфлет был набран в типографии Холлингера*. Это решает все дело, сказал себе Цабель, этого не должны узнать мои читатели. И вот он убирает из моего ответа убедительнейшее место, приписывая мне зато подозрительную находчивость. Так Цабель рассказывает «историю памфлета», два раза умышленно фальсифицируя сперва хронологию, а затем содержание моего заявления от 15 ноября. Путем *этой двойной фальсификации* он приходит к заключению, что я «*сфабриковал* памфлет», притом так, что он «выглядел как изделие» Блinda и что, следовательно, я вполне *сознательно* послал в «Allgemeine Zeitung» фальшивое свидетельство Фегеле. Обвинение в фабрикации документов «с намерением навязать ее третьему лицу» не «преступает», по мнению берлинского *городского суда*, «границ дозволенной критики» и еще менее содержит в себе «намерение оскорбить».

В конце своего рецепта «как фабрикуют радикальные памфлеты» Цабель вспоминает вдруг, что он не поведал еще об *одной* бесстыдной выдумке Фогта, и он живо за своей статьей № II насpxех набрасывает такого рода заметку: «В 1850 г. «пролетариям» Германии была, если память не изменяет Фогту, разослана другая, составленная парламентским Вольфом, alias [он же] *казематным Вольфом*, циркулярная депеша, подсунутая *одновременно* в руки ганноверской полиции». Сообщив этот милый полицейский анекдот об одном из бывших редакторов «Neue Rheinische Zeitung», толстяк и демократ Цабель, ухмыляясь, раскланивается со своими читате-

лями. Слова «alias [он же] казематный Вольф» принадлежат не Фогту, а Ф. Цабелю. Его силезские читатели должны были отлично знать, что речь идет об их земляке *B. Вольфе*, бывшем соредакторе «*Neue Rheinische Zeitung*». Как заботливо добрый Цабель старается до мелочей установить сношения «*Neue Rheinische Zeitung*» с полицией во Франции и Германии! Его силезцы могли бы, пожалуй, подумать, что речь идет о его, Цабеля, собственном Б. Вольфе, о его естественном начальнике (*natural Superior*), который, как известно, исправно телеграфирует всемирную историю в «тайном союзе» с известными фабрикантами лживых депеш — *Рейтером* в Лондоне и *Гавасом* в Париже. Известный тайный полицейский агент Зигмунд Энглендер — душа бюро Рейтера, а значит, одухотворяющее единство троицы *B. Вольф-Рейтер-Гавас*.

Вопреки всему этому и вопреки намерению демократа Цабеля не оскорблять, берлинский *городской суд* заявляет, что в обеих статьях Цабеля все-таки «содержатся заявления и утверждения», которые «преступают границы дозволенной критики», значит «наказуемы» и уже, во всяком случае, могут стать *объектом жалобы*. Так где же Цабель! Подать мне сюда Цабеля, чтобы он корчился от страха перед судом! Стоп! — восклицает *городской суд*. Сделанные в обеих статьях «заявления и утверждения», говорит городской суд, «поскольку они высказываются самим автором (Цабелем) и не состоят из одних цитат других лиц», не преступают «границ дозволенной критики», не «наказуемы», и поэтому Цабеля не только нельзя наказать, но и нельзя подать на него жалобы; «дело подлежит прекращению, издержки а сonto [за счет] истца». Итак, клеветническая часть «заявлений и утверждений» Цабеля представляет «*простые цитаты*. Voyons! [Посмотрим!]

Из вводной части этого отдела вы помните, что мое обвинение в клевете основывается на четырех пунктах из обеих статей Цабеля. В пункте о денежных источниках «*Volk*» (второй из вышеприведенных пунктов жалобы) сам Цабель не говорит, что он цитирует, и действительно, он не цитирует:

Цабель («Nat. Z.» № 41)

«Откуда брались деньги, необходимые для широко раздававшейся газеты («Volk»), знают боги; что у Маркса и Бискампа нет лишних денег, знают люди».

Фогт («Главная книга», стр. 212)

«Постоянный корреспондент «Allg. Ztg.» сотрудничает в этой газете («Volk»), основанной на неизвестные суммы, так как ни у Бискампа, ни у Маркса нет необходимых для этого средств (именно для того, чтобы основать на *неизвестные суммы газету?*)».

Во втором инкриминируемом месте (выше, пункт 4), где на меня взваливают фабрикацию одного документа от имени Блинда, Цабель даже категорически заявляет, что *о н* говорит от *своего*, Цабеля, имени, а не от имени Фогта.

«*H a m* — как властелин в царстве Dulness [глупости]¹, Цабель пользуется, разумеется, pluralis majestatis [множественным числом августейших особ] — «*и а м* кажется, что последней (партии Маркса) было не очень-то трудно сделать его (Блинда) козлом отпущения... ; воспользовавшись содержанием и формой заявления Блинда, можно было так сфабриковать памфлет, чтобы он *выглядел как его* (Блинда) изделие» («Nat. Ztg.» № 41).

Третье инкриминируемое мной место (выше, пункт 3) я должен съзнова «прочитировать» целиком:

«Таким образом в 1852 г. против швейцарских рабочих обществ был затеян постыднейший заговор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций (*подробности см. у Фогта*), заговор, который причинил бы швейцарским властям величайшие неприятности, если бы он не был во-время раскрыт».

Разве это «*п р о с т а я ц и т а т а*», как утверждает городской суд, и вообще цитата ли это? Это отчасти пла-гиат из Фогта, но *ни в коем случае не цитата*.

Прежде всего сам Цабель утверждает, что он не цитирует, а говорит от собственного имени, указывая в скобках своему читателю: «*подробности см. у Фогта*». А теперь посмотрим это место. В Женеве знали, что

¹ См. примечание на стр. 314. Ред.

Шерваль прибыл в Женеву только весной 1853 г., что его «заговор» и бегство произошли весной 1854 года. Поэтому Фогт в Женеве не осмеливается говорить, что «заговор» был «затеян... в 1852 году». Эту ложь он предоставляет добруму Цабелю в Берлине. Далее Фогт говорит: «Сам Ньюджент (Шерваль) уже готовил для этой цели («фабрикации фальшивых банкнот» и т. д.) различные каменные и медные клише» («Главная книга», стр. 174). Итак, различные каменные и медные клише *уже* были сделаны для изготовления фальшивых денег, но *еще* не были сфабрикованы банкноты и казначейские билеты. У Цабеля, напротив, уже произошла — и притом «массовая» — «фабрикация фальшивых ассигнаций». Фогт говорит, что, согласно уставу, «целью» заговора Шервала была «борьба с деспотизмом его же собственными средствами, — именно массовой фабрикацией фальшивых банкнот и казначейских знаков» (там же). Цабель вычеркивает борьбу с деспотизмом, ограничиваясь только «массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций». Итак, у Цабеля простое уголовное преступление, даже не прикрашенное перед членами «тайного союза» ложной ссылкой на политические цели. Так вообще Цабель *«цитирует»* «Главную книгу». Фогту пришлось составлять из своих охотничих историй «книгу». Поэтому он детализирует, плетет, делает кляксы, пачкает, красит, мажет, возится, развивает, запутывает, мотивирует, сочиняет, *fa del cul trumpetta* [зад в трубу превращает], — а душа Фальстафа так и просвечивает всюду сквозь мнимые факты, которые он бессознательно своим же собственным повествованием обращает в их первоначальное ничто. Цабель же, который должен был сжать книгу до размера двух передовиц и старался не пропустить ни одной подлости, отбрасывает все, кроме *сарут mortuum* [остающегося осадка] каждого мнимого «факта», нанизывает рядами эти сухие кости клеветы одну за другой и потом с фарисейским усердием снова перебирает эти четки.

Для примера возьмем рассматриваемый нами случай. К открытому мною впервые факту, что Шерваль был тайным полицейским агентом и провокатором (*agent provocateur*) и состоял на жалованье у различных посольств, Фогт пристегивает свои выдумки. Вот что он

между прочим пишет: «*Уже* были изготовлены для этой цели (для подделки денег) самим Ньюджентом (Шервальем) различные каменные и медные клише, *уже* были намечены легковерные члены тайного союза, которые должны были отправиться с пакетами этих (еще не сформированных) фальшивых банкнот во Францию, Швейцарию и Германию; но *уже последовали и доносы в полицию*, которыми постыдно опутаны были рабочие общества и т. д.» («Главная книга», стр. 175). Таким образом у *Фогта Шерваль уже доносит* полиции о своих собственных операциях, когда он еще *только* изготовил необходимые для гравирования фальшивых денег каменные и медные клише, до того, как достигнута цель его заговора, как имеется налицо *cognis delicti* [состав преступления] и никто, кроме него самого, еще не скомпрометирован. Но *фогтовский Шерваль спешит* «постыдно втянуть в свой заговор» рабочие общества. *Иностранные посольства*, пользующиеся услугами Шервалья, так же глупы, как Шерваль, и так же поспешно «в секретных запросах обращают внимание федеральной полиции на то, что в рабочих обществах ведутся какие-то политические интриги и т. д.». В то же самое время эти простодушные посланники, не имеющие терпения дать созреть заговору, который по их же поручению высаживает Шерваль, и в своем детском нетерпении бесполезно компрометирующие своего агента, расставляют на «границах» жандармов, чтобы, — «если дело зашло так далеко», как они не дали ему зайти, — поймать шервалевских эмиссаров с «фальшивыми банкнотами», изготовлению которых они помешали, и «использовать эту историю для общей травли, в которой масса невинных должна была бы расплачиваться за проделки нескольких негодяев». Когда *Фогт далее* говорит: «план всего этого заговора был плохо обдуман», то каждый согласится с ним, что он был задуман *чрезвычайно глупо*, а когда Фогт хвастливо заканчивает: «не отрицаю, что я сделал все *с ущесстvennoe*, чтобы разрушить эти *дьявольские планы*», то всякий поймет *pointe* [соль] этого замечания и не преминет расхохотаться над нашим веселым малым. Сравним теперь с этим сухую, как летопись монаха, версию Цабеля! «Таким образом, в 1852 г. против швейцарских рабочих обществ был затеян постыднейший за-

говор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций (подробности см. у Фогта), заговор, который причинил бы швейцарским властям величайшие неприятности, если бы он не был своевременно раскрыт». Здесь на протяжении всего одной только короткой фразы стиснута целая куча столь же сухих, сколь и позорных фактов: «постыднейший заговор» с датой 1852 г.; «массовая фабрикация фальшивых ассигнаций», т. е. обычное уголовное преступление; умыщенное компрометирование «швейцарских рабочих обществ», т. е. предательство по отношению к собственной партии; «величайшие неприятности» в перспективе для «швейцарских властей», т. е. agent provocateur [provokator] в интересах континентальных деспотов против швейцарской республики; наконец, «своевременное открытие заговора». Здесь критика теряет все опорные пункты, имевшиеся в фогтovском изложении,— они просто припрятаны. Нужно верить или не верить. Таким же образом Цабель обрабатывает всю «Главную книгу», поскольку дело идет обо мне и моих партийных единомышленниках. Гейне прав, говоря, что ни один человек не опасен так, как взбесившийся осел.

Наконец, четвертый из инкриминируемых мной пунктов (выше, пункт 1), которым открываются в статье № I разоблачения о «серной банде», Цабель начинает следующими словами:

«Фогт сообщает на стр. 136 и сл.». Цабель не говорит здесь, резюмирует ли он или цитирует. Он осторегается употреблять кавычки. В действительности он не цитирует. Этого и следовало ожидать, так как Цабель сжимает 136, 137, 138, 139, 140 и 141 страницы «Главной книги» в 51 строку приблизительно по 48 букв каждая, не оставляет никаких пропусков, спрессовывает предложения одно с другим, точно голландские селедки, и к тому же находит на 51 строке место для собственного творчества. Там, где он встречает особенно грязное утверждение, он его берет в свой узелок почти в неизменном виде. Впрочем, эти выдержки он размещает вперемежку, не в порядке страниц «Главной книги», а так, как ему для его целей нужно. Голову одной фогтovской фразы он слабжает хвостом другой фразы. Иногда для составления одного предложения он пользуется сло-

бечками из дюжины Фогтовских фраз. Там, где у Фогта стилистический мусор мешает ярко осветить клевету, там Цабель убирает этот мусор. *Фогт*, например, говорит: «Компрометировать соотечественников с таким расчетом, чтобы они не противились шантажу и должны были платить деньги». Цабель же говорит: «так компрометировать, что они должны были платить деньги». В других случаях Цабель изменяет то, что ему кажется двусмысленным в Фогтовской путанице. Так, Фогт говорит, «...что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила компрометирующую их тайну». Цабель же пишет: «чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их». Наконец, Цабель вставляет целые фразы собственного изготовления, как, например: «Серная банда держала своих приверженцев в строжайшей дисциплине», и «они» — именно «эти молодцы..., продолжавшие в эмиграции дело «Rheinische Zeitung», — «стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии».

Итак, из четырех инкриминируемых мной мест три, по словам самого же Цабеля, принадлежат Цабелю, между тем как четвертое, якобы «цитата», хотя и перемешана с цитатами, отнюдь не цитата, и тем менее «простая цитата», как уверяет городской суд, и уже менее всего цитата «других лиц», во множественном числе, как утверждает тот же самый городской суд. Наоборот, во всех «заявлениях и утверждениях» Цабеля обо мне имеется далеко не одна строчка, которая содержит «критику и суждения» («дозволенные» или «недозволенные»).

Но допустим, что фактическая предпосылка городского суда настолько же истинна, насколько она в действительности ложна; допустим, что Цабель только цитировал свои клеветнические заявления. Разве это обстоятельство действительно дает городскому суду законное право запретить мне подать жалобу на Ф. Цабеля? В «постановлении», которое я сейчас приведу ниже, королевский русский апелляционный суд, наоборот, разъясняет, что

«в вопросе о составе преступления, согласно § 156 уголовного кодекса, ничего не меняется от того, окажутся ли приводимые в названных статьях факты собственными

утверждениями автора или же цитатами из утверждений третьих лиц.

Таким образом, цитата или не-цитата, но «демократ» Цабель ответственен за свои «утверждения». *Городской суд уже разъяснил*, что Цабель высказал обо мне «наказуемые» сами по себе утверждения, но *только* они представляют цитаты и потому стоят вне пределов досягаемости. Долой этот юридически ложный предлог! — восклицает *апелляционный суд*. Итак, наконец, я могу поймать Цабеля, дверь суда раскроется, *Italiam, Italiam!* [в Италию, в Италию!]

Мой адвокат подал в *аппеляционный суд* жалобу на постановление *городского суда* и получил 11 июля 1860 г. следующее «решение»:

«В помещенных в номерах 37 и 41 «Nationalzeitung» от 22 и 25 января текущего года статьях под названиями «Карл Фогт и «Allgemeine Zeitung»» и «Как фабрикуют радикальные памфлеты» невозможно найти клевету на истца, д-ра Карла Маркса из Лондона. Хотя в составе преступления, согласно § 156 уголовного кодекса, ничто не меняется от того, окажутся ли приводимые в названных статьях факты собственными утверждениями автора или утверждениями третьих лиц, все же нельзя препятствовать печати подвергать обсуждению и критике деятельность партий и их публицистические споры, поскольку в форме полемики не проглядывает *намерение оскорбить, чего нельзя предположить* в рассматриваемом случае.

В упомянутых статьях преимущественно освещены конфликт между д-ром Карлом Фогтом и «Augsburger Allgemeine Zeitung» по вопросу о вмешательстве в интересах итальянцев или в интересах австрийцев в связи с последней войной, участие в этом конфликте так называемой *немецкой эмиграции* в Лондоне, ставшей на сторону «Augsburger Allgemeine Zeitung», а также вообще *партийные раздоры* и интриги этих эмигрантов друг против друга.

Если в ходе этого изложения в круг рассматриваемых вопросов привлечены отношение *истца* к этим партиям и его частичное участие в их домогательствах, особенно его старания помочь «Augsburger Allgemeine Zeitung» в ее полемике с Фогтом предоставлением фактического

материала, то соответствующие указания в обеих статьях находят в приводимых самим истцом в его жалобе фактах скорее подтверждение, чем опровержение, которого он добивается. И его утверждение, что он в оскорбительной для его чести форме идентифицирован с партийными интригами, которые в названных статьях резко клеймятся как эксцентрические, безобразные и бесчестные, — утверждение это нельзя признать обоснованным. В самом деле, если первая статья указывает на сообщение Фогта, что «эмиграция 1849 г. постепенно собралась в Лондоне и там в качестве видимого главы почитала Маркса», и из письма Техова заимствует «можно видеть, как Маркс с нацеленовским высокомерием, в сознании своего умственного превосходства, держит в ежовых рукавицах серную банду», то здесь по существу только характеристика так называемой Фогтом «серной банды», а не выпад против Маркса, который, наоборот, изображается здесь как человек благоразумный и способный обуздить других; и менее всего статья связывает его с теми людьми, которые обвиняются в вымогательстве и доносительстве. Точно так же во второй статье нигде не говорится, что истец приписывал авторство памфлета «Предостережение» Блинду, будучи убежден в противном, и переслал в «Augsburger Allgemeine Zeitung» заведомо неверные свидетельства третьих лиц. Но что свидетельство наборщика Фегеле подвергалось оспариванию, это признает и сам истец в своей жалобе, приводя противоположные утверждения типографа Холлингера и наборщика Вие. Кроме того, по его собственным показаниям, автором памфлета признал себя впоследствии некий Шайбле, притом лишь *после того, как* появились обе статьи «Nationalzeitung».

Поэтому жалоба от 21-го прошлого месяца на официальное постановление королевского городского суда от 8-го того же месяца должна быть признана необоснованной, и настоящим в ней отказывается. За отказ в необоснованной жалобе следует внести немедленно — под страхом принудительного взыскания — 25 зильбергрошей в кассу сборов местного городского суда.

Уголовный сенат королевского
апелляционного суда. II отделение.

Берлин, 11 июля 1860 г.

Гутшильдт. Шульце».

Д-ру фил. Карлу Марксу через юстицата Вебера,
здесь.

Когда я получил это «решение» от своего адвоката, я при первом чтении проглядел вступление и заключение и, ввиду своего незнания с прусским правом, решил, что предо мной копия *возражения*, посланного «демократом» Ф. Цабелем в апелляционный суд. То, что Цабель, — говорил я себе, — приводит о «взглядах (см. приложение 15) д-ра Карла Фогта и «Augsburger Allgemeine Zeitung» об «интересах итальянцев и интересах австрийцев», попало в его *plaidoyer* [возражение], конечно, по ошибке из статьи, подготавливавшейся им для «Nationalzeitung».

Однако «демократ» Ф. Цабель *ни одним звуком не обмолвился* об этих взглядах и интересах в посвященных мне четырех столбцах обеих его статей, в которых всего едва наберется шесть столбцов. Цабель говорит в своем *plaidoyer* [возражении], что я «помог аугсбургской «Allgemeine Zeitung» в ее *полемике* с Фогтом предоставлением фактического материала». *Процесс Фогта против «Allgemeine Zeitung»* он называет *полемикой «Allgemeine Zeitung» против Фогта*. Если бы процесс и полемика были тождественными вещами, то разве мне нужно было бы разрешение прокурора, городского суда, судебной палаты и т. д. для моей «полемики» с Цабелем? Но Цабель даже уверяет, будто «соответствующие указания» в обеих его статьях о моих отношениях к «Allgemeine Zeitung» находят в приводимых мной самим «фактах скорее *подтверждение*, чем опровержение, которого я добивался». *Скорее — чем?* *Jus* [право] знает только: или — или. Какие же это были «соответствующие указания» Цабеля? «Соответствующие указания» Цабеля в статье № I на мои отношения к «Allgemeine Zeitung» были:

1) Либкнехт сделался, в результате официально выданного ему мною свидетельства, корреспондентом «Allgemeine Zeitung». В своей жалобе я уличал Цабеля во лжи, но считал лишним приводить другие «факты» об этой нелепице. 2) Цабель утверждает, что я послал 29 октября из Лондона в «Allgemeine Zeitung» «судебный документ», который 24 октября находился на столе аугсбургского окружного суда, и он нашел подтвержде-

ние этого «указания» в приводимых мной «фактах»! Из приводимых в моей жалобе фактов Цабель усмотрел, конечно, что — независимо от каких бы то ни было политических соображений — посылка мной документа, касающегося *происхождения* памфлета «Предостережение», стала необходимой, после того как Фогт еще до начала процесса пытался *публично* навязать мне авторство этого памфлета. 3) «Указание» Цабеля, будто я один из корреспондентов «Allgemeine Zeitung», я опроверг подлинными документами. Цабелевская статья № II «Как фабрикуют радикальные памфлеты» содержала — как уже раньше указано — о моих отношениях к «Allgemeine Zeitung» лишь те «соответствующие указания», что я сам сработал «Предостережение», приписал его Блинду и при помощи ложного свидетельства Фегеле пытался доказать, что это — стяпня Блинда. Нашли ли эти «соответствующие указания» в приведенных «в моей жалобе» фактах скорее подтверждение, чем опровержение, которого я добивался? Сам Цабель признается в обратном.

Мог ли Цабель знать, что Шайбле был автором памфлета «Предостережение»? Должен ли был Цабель верить, что «оспариваемое», по моему собственному указанию, свидетельство наборщика Фегеле верно? Но каким же образом я внушил Цабелю эту осведомленность или эту веру? Моя жалоба имеет, «наоборот», отношение к «соответствующим указаниям» Цабеля, будто я так «сработал» памфлет, чтобы он *выглядел как его* (Блинда) изделие, и будто я пытался потом, при помощи свидетельства Фегеле, доказать авторство Блинда.

Наконец, я наткнулся на одно место в возражении Цабеля, которое показалось мне, по меньшей мере, интересным.

«Если, — говорит он, — он (истец Маркс) утверждает, что его в *оскорбительной для его чести форме идентифицируют* с партийными интригами (серной банды), которые в названных статьях (передовых статьях Цабеля) резко клеймятся как *эксцентрические* или как *бездобразные и бесчестные*, то утверждение это нельзя признать обоснованным... Менее всего статья связывает его с теми

людьми, которые обвиняются в вымогательстве и доносительстве.

Цабель не принадлежит, очевидно, к тем римлянам, о которых сказано: «memoriam quoque cum voce perdidimus» [«вместе с языком мы потеряли и память»]. Память он потерял, но не язык. Цабель превращает не только серу, но и серную банду из кристаллического состояния в жидкое, а из жидкого в парообразное, чтобы красными парами затуманить мне голову. Серная банда, — утверждает он, — «партия», с «интригами» которой он никогда не «идентифицировал» меня и с «вымогательствами и доносительством» которой он никогда не связывал даже «связанных» со мной людей. Придется превратить серные пары в серный цвет.

В статье № I («Nationalzeitung» № 37, 1860 г.) Цабель начинает свои «соответствующие указания» о *серной банде* с того, что называет «Маркса» ее «видимым глазом». Второй член серной банды, которого он, правда, «для дальнейшей характеристики ее» не называет, но которого отмечает, — Фридрих Энгельс. Он ссылается как раз на то письмо, где Техов рассказывает о своей встрече с Фр. Энгельсом, К. Шраммом и мной. На обоих последних Цабель указывает для иллюстрации «серной банды». Тут же он упоминает о *Шервале*, как о лондонском эмиссаре. Затем очередь доходит до Либкнехта. «Этот Либкнехт, in nomine otien [как указывает самое имя], — один из работавших¹ приверженцев Маркса... Либкнехт немедленно по своем прибытии поступил на службу к Марксу и полностью удовлетворил своего хозяина». Вслед за Либкнехтом идет «Оли», «так же капитан серной банды». Наконец, «другой лондонский молодец Бисками». Все эти сообщения следуют одно за другим в передовице № I, но в конце передовицы № II упоминается еще один член серной банды, *B. Вольф* — «парламентский Вольф, alias [иначе] казематный Вольф», — которому поручено важное дело: «рассыпать циркулярные депеши». Итак, согласно «соответствующим указаниям» Цабеля, *серная банда* состоит из:

¹ Вторая часть фамилии Liebknecht — Knecht — означает «раб», «холоп». Ред.

главы серной банды — Маркса, иллюстрации серной банды — Фр. Энгельса, лондонского эмиссара серной банды — Шервала, одного из работавнейших приверженцев Маркса — Либкнехта, «также канала серной банды — Оли», «другого» лондонского «молодца» — Бискампа, наконец, составителя депеш серной банды — Вольфа.

Составленная таким образом *серная банда* фигурирует у Цабеля на первых 51 строках под различными *названиями*: «серная банда или также бюрстенгеймеры», «молодцы, продолжавшие в эмиграции дело «Rheinische Zeitung», «пролетарии» или, как говорится в статье № II, «партия пролетариев» под началом *Маркса*.

Таковы персонал и названия серной банды. *Организацию* ее Цабель дает в своих «соответствующих указаниях» коротко и метко. «Маркс» — «глава». Самая «серная банда» образует круг его «очень близких» приверженцев или, как говорит Цабель во второй статье, «узкий кружок партии Маркса». Цабель приводит даже признак, по которому можно узнать «узкий кружок партии Маркса». Член узкого кружка партии Маркса должен был хоть раз в своей жизни увидеть Бискампа. «Он, — говорит Цабель в статье № II, — он (Блинд) заявляет, что в жизни своей не видел Бискампа, — очевидно, он не член узкого кружка партии Маркса». Таким образом, «узкий кружок партии Маркса», или собственно серная банда, — своего рода *pairie* [пэрство] партии, которую нужно отличать от третьей категории, от толпы «приверженцев» или от «этой заботливо поддерживаемой компании бездельников». Итак, вначале глава Маркс, затем собственно «серная банда» или «узкий кружок партии Маркса» и, наконец, толпа «приверженцев» или «компания бездельников». Серная банда, разделенная на эти три категории, живет в условиях чисто спартанской дисциплины. «Серная банда, — говорит Цабель, — применяла к своим приверженцам строжайшую дисциплину», в то время как, с другой стороны, «Маркс... держит в ежовых рукавицах серную банду». Само собой разумеется, что в столь хорошо организованной «банде» характеризующие ее «интриги», ее «основные занятия», подвиги, совершаемые ею как бандой, делаются по приказанию ее

главы и действительно изображаются Цабелем как дела этого, держащего в ежовых рукавицах, главы. Каковы же были, так сказать, профессиональные занятия банды?

Одним из главных занятий серной банды было так компрометировать проживавших в отечестве лиц, что они должны были платить деньги, чтобы банда хранила тайну и не компрометировала их. В Германию было послано не одно, а сотни писем с угрозой разоблачить в причастности к тому или иному акту революции, если к определенному сроку по указанному адресу не будет доставлена известная сумма... Всякого выступающего против *этых* интриг не только компрометировали среди эмигрантов, но и губили в печати. «Пролетарии» заполняли столбцы реакционной печати Германии *своими доносами* на тех демократов, которые не признавали их, они стали *союзниками* тайной полиции во Франции и Германии и т. д. («Nationalzeitung» № 37).

Начав эти «соответствующие указания» относительно серной банды замечанием, что я ее «видимый глава», перечислив «главные занятия» серной банды, т. е. вымогательство денег, доносы и т. д., Цабель заканчивает свое общее описание серной банды следующими словами:

«...они стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии. Для дальнейшей характеристики Фогт приводит письмо бывшего лейтенанта Техова от 20 августа 1850 г..., из которого можно видеть, как Маркс с наполеоновским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства держит в ежовых рукавицах серную банду.»

После того как Цабель в начале своего описания серной банды заставил «почтать» меня в качестве «видимого главы», его охватывает опасение, что читатель может подумать о существовании за видимым главой еще и невидимого или же что я, как Далай-лама, довольствуюсь «почтанием». Поэтому он превращает меня в конце своего описания (говоря уже *своими* словами, а не словами Фогта) из «видимого» только главы в главу с ежовыми рукавицами, из Далай-ламы в Напо-

леона «серной банды». Именно это он цитирует в своем *plaidoyer* [возражении] в *доказательство* того, что он не «идентифицировал» меня с «партийными интригами» серной банды, которые он резко клеймит «как *экспен-трические, безобразные и бесчестные*». Нет же, не совсем так! Он меня «идентифицировал», но не в «оскорбительной для моей чести форме». Он, «наоборот», оказал мнё честь, произведя меня в Наполеона вымогателей, шантажистов, шпионов (*touchards*), провокаторов (*agents provocateurs*), фальшивомонетчиков и т. д. Цабель заимствует, очевидно, свои понятия о чести из лексикона *декабристской банды*. Отсюда и этот эпитет — «наполеоновский». Но я и привлекаю его к суду как раз за эту честь, которую он оказал мне! Я *доказал* приведенными в моей жалобе «фактами», — настолько убедительно, что Цабель ни за что не хочет последовать моему приглашению явиться в суд, — я *доказал*, что все его «соответствующие указания» о серной банде — лживые выдумки Фогта, на которые Цабель только «указывает», чтобы «почитать» меня как Наполеона этой серной банды. Но разве он не изображает меня человеком «благородным и обуздывающим» других? Разве я не держу у него банду в *дисциплине*? Он сам рассказывает, в чем заключалось обуздывание, превосходство, *дисциплина*.

«Серная банда держала своих приверженцев в строжайшей дисциплине. Кто из них каким-нибудь образом пытался добиться обеспеченного положения, тот — уже в силу одного своего стремления стать независимым — был сам по себе изменником революции... Путем распространения слухов, корреспонденций и т. д. вызывались ссоры, драки, дуэли в этой заботливо поддерживаемой компании бездельников».

Но Цабель не ограничивается этим общим описанием «партийных интриг» серной банды, с которыми он меня с почтением «идентифицирует».

«Известный член партии Маркса» Либкнехт, «один из наиболее приверженцев Маркса, полностью удовлетворивший своего хозяина», умышленно компрометирует рабочих в Швейцарии «революционным съездом

в Муртене», где он, ликуя, «предает их в руки» поджигающих «жандармов». Этому «некоему Либкнехту приписывалось во время кёльнского процесса составление фальшивой книги протоколов» (Цабель забывает, разумеется, сказать, что лживость этой выдумки Штибера была официально доказана еще во время разбирательства дела). Вольф, бывший соредактор «Neue Rheinische Zeitung», посыпает из Лондона «циркулярную депешу пролетарию», которую он «одновременно подсовывает ганноверской полиции».

Изображая столь «заведомо» связанных со мной людей агентами тайной полиции, Цабель, с другой стороны, связывает меня с «известным» тайным полицейским агентом, agent provocateur [привокатором] и фальшивомонетчиком Шервalem. Непосредственно после общего описания серной банды «несколько человек», в том числе Шерваль, «в двойственной роли революционеров-сватителей рабочих и союзников тайной полиции» отправляются у него из Лондона в Париж и создают там «так называемый процесс коммунистов» и т. д.

В передовице № II он рассказывает далее:

«Таким образом в 1852 г. был затеян постыднейший заговор с массовой фабрикацией фальшивых ассигнаций (подробности см. у Фогта)» и т. д.

Если читатель «Nationalzeitung» последует настоятельно приглашению Цабеля и посмотрит подробности у Фогта, то что он там найдет? Что Шерваль был послан мной в Женеву, затеял под моим непосредственным руководством «постыднейший заговор с фальшивыми ассигнациями» и т. д. Читатель, направленный Цабелем к Фогту, найдет также: «Однако личные отношения Маркса в данном случае совершенно неважны, потому что, как уже было указано, совершенно безразлично, делает ли что-нибудь Маркс сам или через какого-нибудь члена своей банды; он неограниченно управляет своими людьми».

Но Цабель все еще не доволен своей работой. Его подмывало шепнуть в конце своих статей последнее словечко на ухо своему читателю. Он говорит:

«Он (Блинд) заявляет, что никогда в своей жизни не видел Бискампа; очевидно, он не член узкого кружка

партии Маркса. Нам кажется, что последнему (узкому кружку партии Маркса) не очень трудно было сделать его (Блинда) козлом отпущения. *Партия Маркса* могла очень легко взвалить на Блинда авторство шамфлета, так как... он в разгворе с Марксом и в статье в «Free Press» высказался в аналогичном смысле; воспользовавшись содержанием и формой заявления Блинда, можно было так сfabриковать памфлет, чтобы он выглядел как *его* (Блинда) изделие».

Итак, значит, «*партия Маркса*» или «узкий кружок партии Маркса», alias [она же] серная банда, так «сфабриковала» памфлет, что он выглядел как изделие Блинда? Изложив эту гипотезу, Цабель сухо резюмирует смысл ее в следующих словах: «*Каждый может, по желанию, считать автором памфлета Маркса или Блинда*».

Итак, не партия Маркса или Блинд и не Блинд или тесный кружок партии Маркса, vulgo [в просторечии] серная банда, а Блинд или Маркс, Маркс sans phrases [без оговорок]. *Партия Маркса*, узкий кружок партии Маркса, серная банда и т. д. были только пантегистическими названиями *Маркса*, скобы Маркса. Цабель не только «идентифицирует» Маркса с «партией» серной банды, он персонифицирует серную банду в Марксе. И этот же Цабель осмеливается утверждать перед судебными инстанциями, что в своих статьях он не «идентифицирует» «истца» Маркса... «в оскорбительной для его чести форме» с «интригами» серной банды. Он бьет себя в грудь и клянется, что «менее всего» «связывал мою особу с теми людьми», которых он «обвиняет в вымогательстве и доносительстве». Какую фигуру, думал я про себя, будет представлять Цабель на публичном заседании суда! Какую фигуру! С этим радостным восклицанием я еще раз взял в руки присланный мне моим адвокатом документ, снова прочел его; мне показалось, что в кснце я увидел имена, вроде Мюллер и Шульце, но тут же убедился в своем заблуждении. То, что лежало предо мной, не было вовсе plaidoyer [возражением] Цабеля, а — «решением» апелляционного суда за подписью Гитшидта и Шульце, решением, лишившим меня права жалобы на Цабеля

и, сверх того, налагавшим на меня за мою «жалобу» штраф в 25 зильбергрошей, которые надлежало немедленно уплатить в кассу сборов берлинского городского суда, то избежание принудительного взыскания. Я был действительно *attonus* [вшеломлен]. Но изумление мое улеглось при повторном, зрелом прочтении «решения».

Пример 1.

Цабель печатает в передовице «Nationalzeitung» № 37, 1860 г.:

«Фогт сообщает на стр. 136 и сл.: Под именем серной банды или также бюрстенгеймеров была известна среди эмиграции 1849 г. группа людей, которые жили сначала в разных местах Швейцарии, Франции и Англии, а потом постепенно сбрасывались в Лондоне и здесь в качестве своего видимого главы почитали Маркса».

Господа Гутшиидт и Шульце читают в передовице «Nationalzeitung» № 37, 1860 г.:

«В самом деле, если первая статья указывает на сообщения Фогта, что эмиграция 1849 г. постепенно собралась в Лондоне и там в качестве своего видимого главы почитала Маркса».

Цабель говорит: известная среди эмиграции 1849 г. под именем серной банды или также бюрстенгеймеров группа лиц и т. д. постепенно собралась в Лондоне и там меня почитала в качестве своего видимого главы. У Гутшиидта же и Шульце Цабель говорит: эмиграция 1849 г. постепенно собралась в Лондоне (что не верно, так как значительная часть эмиграции собралась в Париже, Нью-Йорке, Джерсее и т. д.) и почитала меня в качестве своего видимого главы, честь, которой мне не оказывали и Цабель и Фогт не приписывали. Гутшиидт и Шульце здесь не резюмируют, они цитируют, помещая в кавычки, нигде ненапечатанную Цабелем фразу как его *указание* в первой статье «на сообщение Фогта». Очевидно, перед Гутшиидтом и Шульце находилось совершенно неизвестное мне и читающей публике *тайное издание* № 37 «Nationalzeitung». Этим объясняются все недоразумения.

Тайное издание № 37 «Nationalzeitung» отличается от общедоступного издания того же самого номера не только разноточением отдельных предложений. Весь

контекст первой статьи в общедоступном издании не имеет — за исключением нескольких слов — ничего общего с контекстом в тайном издании.

Пример II.

Произведя меня в главу серной банды, Цабель печатает в № 57

«Nationalzeitung»:

«Эти молодцы (серная банда)... продолжали в эмиграции дело «Rheinische Zeitung». Одним из главных занятий серной банды было такое компрометирование проживавших в отечестве лиц, что они должны были платить деньги... «Пролетарии» заполнили столбы реакционной печати Германии своими доносами... они стали союзниками тайной полиции во Франции и Германии. Для дальнейшей характеристики (этой «серной банды» или «пролетариев») Фогт приходит... письмо Техова, в котором описываются принципы, интриги и т. д. «пролетариев» и в котором можно увидеть, как Маркс, с拿破仑овским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, держит в ежовых руках серную банду».

Гуттмидт и Шульце «тайном» в № 37 «Nationalzeitung» после того как Цабель произвел меня

в главу эмиграции 1849 г.: «и если она (первая статья «Nat. Ztg.») говорит далее о письме Техова: «в котором можно увидеть, как Маркс, с拿破仑овским высокомерием и сознанием своего умственного превосходства, держит в ежовых руках серную банду».

Если уж судьи обладают полномочиями предоставлять частным лицам право жалобы или лишать их его, то Гуттмидт и Шульце не только имели право, но были обязаны отказать мне в праве жалобы на Цабеля. Сообщенное ими в письме [вкратце] содержание статьи № 37 тайного издания «Nationalzeitung» совершенно исключает какой бы то ни было *sorgis delicti* [состав преступления]. Действительно, что печатает Цабель в этом тайном издании? Во-первых, он оказывает мне незаслуженную честь, заставляя все собравшуюся в Лондоне эмиграцию 1849 г. «почтать» меня в качестве «ви-

димого главы». Неужели за это мне его «привлекать к суду»? А, во-вторых, он оказывает мне столь же не-заслуженную честь, утверждая, что я «держу в ежовых рукавицах» какую-то всеве не связанную со мной *серную банду*, как я, скажем, в 1848—1849 гг. держал в ежовых рукавицах Цабеля и К°. И за это мне Цабеля «привлекать к суду»?

Какая получается путаница, когда законодательство разрешает судьям-чиновникам «решать», и притом *какайне*, «решать», имеет ли или не имеет известное лицо право привлекать к суду другое лицо, например, за клевету в *Nationalzeitung*. Истец *приносит свою жалобу* на основании распространенного, может быть, в 10 000 экземпляров общедоступного издания № 37 *Nationalzeitung*, а судья *решает* на основании изготовленного для него *одного* тайного издания того же номера. Как мало обеспечено при такой процедуре даже одно только тождество вещественных доказательств!

Подчиняя право жалобы частного лица в каждом отдельном случае усмотрению судьи, прусское законодательство исходит из взгляда, что государство, как отеческая власть, должно опекать и регулировать частную жизнь граждан — детей государства. Но даже с точки зрения прусского законодательства «решение» *апелляционного суда* кажется странным. Прусское законодательство хочет, очевидно, устраниТЬ возможность пустых жалоб. Если я правильно понимаю дух прусского законодательства и с достаточным основанием предполагаю, что оно не ставит себе целью систематический отказ в правосудии, то оно, очевидно, хочет пресечь поступление необоснованных жалоб и поэтому предоставляет судье право отклонять жалобу, но только если *prima facie* [уже на первый взгляд] нет предмета жалобы, если, следовательно, жалоба *prima facie* не обоснована. Применимо ли это к данному случаю? Городской суд признает, что статья Цабеля содержит в себе *фактически* «оскорбительные для чести» и потому «наказуемые» утверждения обо мне. Он защищает Цабеля против моей законной мести лишь потому, что Ф. Цабель «только цитировал» свои клеветнические утверждения. *Апелляционный суд* заявляет: цитированные или нецитированные, оскорбительные для чести утверждения,

с точки зрения закона, одинаково наказуемы; однако, он, со своей стороны, *отрицает*, что в передовицах Цабеля вообще содержатся оскорбительные для чести заявления о моей особе — цитированные или нецитированные. Таким образом, у городского суда и у апелляционного суда не только различные, но даже прямо противоположные взгляды на самый состав преступления. Один находит оскорбительные заявления обо мне там, где другой их не видит. Самое противоречие во взглядах судей на состав преступления убедительно доказывает, что здесь *rgina facie* [уже на первый взгляд] предмет жалобы налицо. Если Папиниан и Ульпиан говорят: это напечатанное заявление оскорбительно для чести, а Муций Сцевола и Манилий Брут, наоборот, утверждают: это напечатанное заявление не оскорбительно для чести, то что подумает народ квиритов? Почему народу не думать, вместе с Ульпианом и Папинианом, что Цабель опубликовал в №№ 37 и 41 «Nationalzeitung» оскорбительные для моей чести заявления? Если я стану уверять народ квиритов, что Муций Сцевола и Манилий Брут дали мне тайное свидетельское показание, согласно которому «оскорбительные для чести» заявления и утверждения Цабеля нисколько не касаются меня, то народ квиритов пожмет плечами, как бы говоря: à d'autres! [говорите другим!].

Так как апелляционный суд решает в последней инстанции вопрос о составе преступления, т. е. в данном случае должен был решать в последней инстанции, содержится ли по существу дела в обеих статьях Цабеля оскорблении моей чести и имеется ли намерение оскорбить меня; так как апелляционный суд отрицает этот состав преступления, то для апелляции к *в е р х о в н о м у суду* оставался открытм только вопрос, не основывается ли по существу дела решение апелляционного суда на юридической ошибке? Ведь *самый апелляционный суд по существу дела установил* в своем «решении», что Цабель приписывает *серной банде* «безобразные и бесчестные интриги», «доносительство и вымогательство денег», приписывает той самой серной банде, которую тот же Цабель в той же статье прямо характеризует как «партию Маркса» или «узкий пружок партии Маркса» с Марксом в качестве ее види-

мого и держащего ее в ежовых рукавицах «главы». Имел ли апелляционный суд *законное* право не усмотреть в этом оскорблении моей чести? Мой защитник юстиц-рат Бебер, в своей жалобе *верховному суду*, между про-чим, замечает по этому поводу:

«Правда, нигде прямо не сказано (Цабелем), что Маркс вымогал деньги, занимался доносительством и изготовлением фальшивых денег. Но разве нуждается в дальнейших пояснениях заявление, утверждающее: Маркс был главой партии, которая преследовала указанные преступные и безнравственные цели? Ни один человек в здравом рассудке и непредубежденный не будет в состоянии отрицать, что глава общества, цель и преимущественная деятельность которого посвящена совершению преступлений, не только одобряет махинации этого общества, но сам распоряжается ими, руководит ими и пользуется плодами их; и глава этот, бесспорно, вдвойне ответственен, не только как участник, но и как идейный инициатор, даже если бы нельзя было уличить его ни в одном действии, доказывающем его непосредственное участие в выполнении определенного преступления. Высказанный в оспариваемом решении (апелляционного суда) взгляд способен привести к тому, что добрею имя человека окажется беззащитным перед тем, кто захочет погубить его. Вместо того, чтобы должно утверждать об А, что он совершил убийство, клеветнику достаточно будет только сказать, что там-то существует банда, занимающаяся убийствами, и что А — главарь этой банды. Взгляд апелляционного суда гарантирует этому клеветнику полную безнаказанность. Правильно будет, если кара постигнет клеветника независимо от того, назовет ли он третье лицо, вопреки истине, разбойником или атаманом разбойников».

С точки зрения здравого человеческого смысла фактически налицо клевета. Имеется ли она с точки зрения прусского законодательства? Апелляционный суд говорит — нет, мой защитник говорит — да. Если апелляционный суд, вопреки мнению городского суда, решил, что *форма цитаты не освобождает клеветника от преследования*, то почему бы верховному суду, вопреки мнению

судебной палаты, не решить, что не освобождает его от преследования и *форма солитера?* По поводу этого юридического момента, по поводу этой совершенной апелляционным судом в вопросе о составе преступления юридической ошибки и апеллировал мой защитник к *верховному суду*, в известной мере к *ареопагу*. Верховный суд «решил»:

«I) В Вашей жалобе от 23 августа сего года на постановление уголовного сената королевского апелляционного суда в деле об оскорблении д-ра К. Маркса редактором «Nationalzeitung» д-ром Цабелем от 11 июля сего года, по рассмотрении соответствующих документов, как необоснованной, Вам отказывается. II) Королевский апелляционный суд не усмотрел в обеих инкриминируемых статьях «Nationalzeitung» объективного оскорбления чести истца и не нашел, чтобы при этом имелось намерение оскорбить последнего, и поэтому правильно отказал в разрешении направить жалобу об оскорблении. Вопрос же о том, имеется ли объективное оскорбление чести и существовало ли намерение оскорбить, требует по существу фактических определений, на которые можно подать жалобу в королевский верховный суд лишь тогда, когда в решении апелляционного судьи по этому пункту допущена юридическая ошибка. III) Но в данном случае такой ошибки не было. IV) Издержки по этому постановлению в размере 25 зильбергрошей Вам надлежит внести в течение 8 дней в кассу сбора местного королевского суда.

Берлин, 5 октября 1860 г.

Королевский верховный суд.
Фон-Шликман.

Юстицрату Веберу, здесь».

Для более удобного обзора я перенумеровал составные части «решения» верховного суда.

В пункте I) фон-Шликман рассказывает, что в жалобе на апелляционный суд «отказано». В пункте II) фон-Шликман исходит о взаимных отношениях компетенции апелляционного суда и верховного суда — дидактическое отступление, не относящееся, очевидно, к делу.

В пункте IV) Веберу приказывается внести в течение 8 дней 25 зильбергрошей в кассу сборов берлинского городского суда, что представляется следствием «решения», но, конечно, не основанием его.

Где же, однако, содержится обоснование «отказывающего» решения? Где ответ на весьма подробную жалобу моего защитника? А вот:

Пункт III) «Но такой (юридической) ошибки в данном случае *не было*».

Если из этой фразы пункта (III) выкинуть словечко *не*, то мотивировка будет гласить: «Но такая (юридическая) ошибка в данном случае *была*». А тогда было бы аннулировано решение апелляционного суда. Таким образом оно остается в силе только благодаря словечку *«не»*, с помощью которого фон-Шликман «отказывает» от имени верховного суда в жалобе юстицрату Веберу.

Автотхос ёсъ [сам сказал]. Нет! Г-н фон-Шликман не опровергает юридических соображений, развитых моим защитником, он *не* обсуждает их, он *даже их не упоминает*. У фон-Шликмана, разумеется, были достаточные основания в пользу его «решения», но он умалчивает о них. Нет! Доказательная сила этого словечка состоит исключительно в авторитете, в иерархическом положении лица, произносящего его. Само по себе «нет» ничего не доказывает. «*Nest!*» Автотхос ёсъ [сам сказал].

Таким образом, и верховный суд запретил мне прислать к суду «демократа» Ф. Цабеля.

Так закончился мой процесс с прусскими судами.

XII. ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Высылка Шили из Швейцарии

Из-за недостатка места я могу, к сожалению, привести лишь выдержки из письма Шили о его высылке из Швейцарии, в котором на примере иллюстрируется обращение с эмигрантами, нечленами парламента. Письмо начинается рассказом о том, как два немецких эмигранта, Б. и И., приятели Шили, уехавшие из Женевы, были арестованы во время своего путешествия по Швейцарии; потом их Дрюэ снова освободил, и они вернулись обратно в Женеву.

«По их поручению, — продолжает Шили, — я отправился к Фази, чтобы узнать, будут ли их преследовать, и получил от него успокоительное заверение, что со стороны кантональных властей их инкогнито не будет нарушено, со стороны же союзных властей не получилось никакого требования на их счет; будет, впрочем, хорошо, если я — ссылаясь на его заявление — обращусь к начальнику ведомства юстиции и полиции, г. Жирару. Я так и поступил, добился почти такого же успеха и оставил свой адрес на случай каких-нибудь требований со стороны союзных властей. Несколько недель спустя ко мне заявляется полицейский чиновник с требованием сообщить адрес Б. и И. Я отказался сделать это, побежал к названному Жирару и указал ему — в ответ на его угрозу выслать меня, если я не сообщу ему адреса, — что я, согласно нашему прежнему договору, готов явиться в роли посредника, но отнюдь не доносчика. На это он сказал мне: «Вы, как будто, собираетесь взять на себя роль посланника между мной и этими эмигрантами, чтобы вести переговоры на положении двух равноправных держав». Я ответил: «У меня нет честолюбивых помыслов стать аккредитованным посланником при вас». И действительно, я был отпущен

без всякого подобающего послем церемониала. На обратном пути домой я узнал, что оба, Б. и И., были только что разысканы, арестованы и уведены, и, таким образом, я мог считать ликвидированной вышеприведенную угрозу. Но я не принял в расчет 1 апреля; в этот злополучный день 1852 г. мне на улице было предложено полицейским чиновником последовать за ним в здание городского самоуправления, где меня будто бы хотят о чем-то спросить. Здесь государственный советник Турт, женевский комиссар по делам о высылке эмигрантов, *adlatus* [прикомандированный] к бывшему тогда в Женеве союзному комиссару по тем же делам Трогу, заявил мне, что я высылаюсь и он должен поэтому отправить меня немедленно в Берн, к величайшему своему сожалению, так как со стороны кантональных властей ничего против меня не имеется, но на моей высылке настаивает союзный комиссар. На мою просьбу препроводить меня к последнему я получил ответ: «Нет, мы не желаем, чтобы федеральный комиссар занимался здешними полицейскими делами». Но этим он противоречил своим прежним словам и вообще вышел из своей роли женевского государственного советника, состоявшей в том, чтобы с либеральным же-манством сопротивляться требованиям о высылке со стороны союзных властей и уступать только силе, но с радостью или со смирением поддаваясь даже легкому најиму. Другая особенность этой роли заключалась в том, чтобы за спиной высланного говорить, что он шпион, что его пришлось убрать в интересах «правого дела»... Так, Турт после рассказывал эмигрантам, что он должен был удалить меня, так как я был вговоре с союзным комиссаром и вместе с ним строил козни против *его* (Турта) мероприятий, имеющих в виду защиту эмигрантов, т. е. что я конспирировал с тем самым комиссаром, который — к великому сожалению *Турта* — распорядился о моей высылке! Что за дичь! Что за ложь и противоречие! И все это для капельки *aiga popularis* [популярности]. Конечно, только держа нос по ветру, этот господин делает свою карьеру. Этого члена женевского большого совета и женевского государственного советника, члена пивейцарского сословного или национального совета, прирожденного советника пу-

таницы, недостает только в Союзном совете, чтобы гарантировать Швейцарии спокойствие; недаром написано: Providentia Dei et confusione hominum Helvetia salva fuit [божьим произволением и человеческой путаницей была спасена Гельвеция].

По приезде в Лондон Шили послал в женевский «*Indépendant*», находившийся под влиянием Резена, — о нем см. ниже, — заявление против клеветы Турга, где резко клеймил клеветнические удары ослиных копыт, которыми «либеральные деляги выгоняли эмигрантов из Швейцарии»; заявление это не было помещено.

«Из здания женевского городского самоуправления, — продолжает Шили, — пришлось отправиться в тюрьму, а оттуда на следующий день, на почтовых, в сопровождении полицейских, в Берн, где Дрюэ держал меня в течение двух недель под строгим арестом в так называемой старой башне...»

Дрюэ в своей переписке с заключенным Шили — о которой речь будет ниже — валил всю вину на женевский кантон, между тем как Турт, со своей стороны, уверял, что виновны во всем союзные власти, что *женевские кантональные власти решительно ничего не имеют против Шили...* Такие же заверения незадолго до того сделал ему женевский судебный следователь Резен. О последнем Шили, между прочим, пишет следующее:

«Во время происходившего летом 1851 г. в Женеве федерального стрелкового празднества Резен взял на себя редактирование издававшегося на французском и немецком языках «Journal du tir fédéral» и пригласил меня сотрудничать в этом издании, пообещав гонорар в 300 фр.; моя работа состояла, между прочим, и в том, что я должен был *flagranti delicto* [на месте преступления] записывать немецкие приветственные и прощальные речи председателя комитета Турта; задача эта — вездем ему благодарность, хотя и запоздалую — очень облегчалась для меня тем, что он каждый раз обращался почти с одинаковыми восторженными словами к различным депутатиям стрелков, варьируя их слегка,

в зависимости от того, приветствовал ли он Мишку из Берна, бычка из Ури или какого-нибудь иного сочлена конфедерации; поэтому, когда начинался припев: «Если же настает день опасности, то мы и т. д.», я мог спокойно класть перо и на вопрос *Резена*, почему я это делаю, отвечать: «Это припев об опасности, я его знаю наизусть». Но вместо заслуженных мной в поте лица 300 фр. гонорара я с охами и вздохами получил у *Резена* только 100 фр. с обещанием, однако, дальнейшего сотрудничества, именно в политическом журнале, который он собирался основать в Женеве, чтобы иметь возможность, независимо от всех существующих партий, вести борьбу на всех фронтах и особенно против тогдашнего «либерального» правительства Фази-Турта, хотя он и сам принадлежал к нему. Он вполне годился для такого дела, готовый, как бывало хвалился, «с кого угодно содрать шкуру»... В этих видах он поручил мне завязать во время путешествия по Швейцарии, предпринятого мной после моих трудов с федеральным тиром, необходимые для этого предприятия сношения, — что я и исполнил и о чем я ему сделал по своему возвращении письменный доклад. Но за это время успел подуть совсем другой ветер, пригнавший его из корсарской экспедиции на всех парусах в спокойную гавань существующего правительства. На мою долю, таким образом, достались только издержки и неполученный гонорар, по поводу которого я тщетно беспокоил его и тщетно беспокою до сих пор, хотя он стал богатым человеком... Незадолго до моего ареста он клялся мне, что нет и речи о моей высылке, как в этом его уверил его друг Турт, — что мне нечего предпринимать никаких предупредительных мер против угрозы Жирара и т. д... На письмо, которое я ему послал de profundis [из глубины] старого тюремного замка, прося у него небольшой суммы в счет следуемых мне денег и разъяснения о происшествии (моем аресте и т. д.), он упорно молчал, хотя уверил лицо, передавшее ему мое письмо, что исполнит все мои просьбы...

...Что моя высылка была делом рук беглых членов парламента, мне писал несколько месяцев спустя К., человек надежный и непредубежденный, и это настойчиво подтверждалось в нескольких строках, приложенных

к этому письму *Раникеlem*. Эту же мысль высказывали многие сведущие люди, с которыми я, после имел случай лично беседовать об этом инциденте... А, между тем, я ведь не был собственно парламентоедом, подобно гиене *Рейнаху*, который изо дня в день поедом ел блаженной памяти имперского регента *Фогта* из имперской могилы за обеденным столом в Берне, где тот сам сидел во плоти, точно «скованный Прометей», а за десертом, ко всеобщему ужасу, жадно проглатывал как мумию, так и воплощение. Правда, я не был поклонником парламентских подвигов. Напротив! Но неужели эти господа собирались отомстить мне за это изгнанием из империи, — причисляя Швейцарию к империи, потому что в ней погребена имперская конституция вместе с последним протоколом решений имперского сейма? Я готов скорее поверить, что такое подозрение о предпринятом ими против меня преследовании возникло в связи с упомянутым в моем прежнем письме возмущением парламентариев против женевского эмигрантского комитета, образованного мной, Беккером и несколькими женевскими гражданами... Среди этих господ не было единодушия по вопросу о том, почему, собственно, они хотели узурпировать право распределения денег среди эмигрантов. Одни из них — в том числе Денцель из маленькой баденской палаты — хотели в отличие от *нашей* практики, имевшей в виду помочь особенно нуждающимся рабочим, помогать *преимущественно* профессиональным страстотерцам, героям революции, сыном отечества, выдавшим лучшие дни... *Is fecit, cui prodest* [Кому выгодно, тот и сделал] — говорят ремесленники. А так как моя деятельность была действительно неудобна для этих господ, то зародилось подозрение, что они использовали свое влияние в руководящих кругах для моего устрания. Было известно, что они использовали *aurem principis* [ухо начальства], что они, во всяком случае, стояли достаточно близко к этому уху, чтобы напомнить кое-что о моем *беспокойном* характере, и что они, в частности, не раз собирались вокруг *princeps'a* Туerta...»

Рассказав о своей отправке из старой бернской башни через Базель и французскую границу, Шили замечает:

«Что касается расходов по высылке эмигрантов, то я считаю надежду, что издержки эти покрываются отнюдь не из федеральной казны, а за счет Священного союза. А именно, однажды, спустя некоторое время после, нашего перехода на швейцарскую территорию, великая княжна Ольга сидела за табльдотом одного бернского отеля с тамошним русским поверенным в делах. За десертом (николько не похоже на ужасного Рейнхага) высочайшая особа сказала своему собеседнику: «Ну что, барон, у вас здесь еще много эмигрантов?» «Не мало, ваше высочество, — ответил тот, — хотя мы уже многих отправили отсюда. Дрюэ делает все, что в его силах, и, если мы получим новые фонды, то еще многих вышлем». Этот разговор слышал и передал мне прислуживавший при этом кельнер, бывший в кампанию за имперскую конституцию добровольцем под моим командованием».

Во время отправки Шили таинственно и бесповоротно исчезли его дорожные вещи.

«До сих пор остается загадочным, как могли они внезапно исчезнуть в Гавре из багажного хаоса в поезде немецких переселенцев (в Базеле мы были включены в этот поезд при посредстве переселенческого агента Кленка, которому союзные власти сдали в подряд нашу доставку до Гавра, причем все вещи эмигрантов и переселенцев совершенно перемешались между собой); это не могло произойти иначе, как по списку эмигрантов и их вещей. Может быть, об этом больше знает федеральный консул в Гавре, негоциант Ваннер, к которому мы были направлены для дальнейшей отправки. Он обещал нам полное возмещение. Дрюэ впоследствии подтвердил мне это обещание в письме, которое я отправил адвокату Фогту в Берне для защиты своего иска перед Союзным советом. Но до сих пор я не мог получить от него ни этого письма обратно, ни вообще ответа на все посланные мной ему письма. А летом 1856 г. я получил решительный и грубый отказ от Союзного совета без какой бы то ни было мотивировки этого решения...»

Но все это и вообще все высылки с их жандармами, ручными калдалами и т. п. — пустяки по сравнению с отправками на родину так называемых менее тяжких

преступников из числа баденцев, отправками, практикуемыми с своеобразным добродушием под предлогом дружественно-соседского соглашения: последние получают особо приготовленные для этого путевые паспорта с предписанием явиться по прибытии на родину к местным властям, где, вместо занятия своим делом, их ждут всякого рода неожиданные мытарства. Неслыханные страдания выданных таким образом людей (именно выдача — здесь самое подходящее слово) ожидают еще своего историка и истителя.

Честь и слава человеку, «который не перестает быть великим оттого, что указаны его недостатки», говорит швейцарский Тацит о Швейцарии. В материале для таких похвал недостатка нет. Талии похвалами не повредить... Кто сильно любит, тот жестоко наказывает; я, со своей стороны, в общем пытаю на самом деле неизменную симпатию к Швейцарии. И страна и народ мне очень нравятся. Всегда готовый искусно употребить в дело свое старинное ружье, сохраняемое среди домашнего скарба, для защиты благозвучных исторических традиций и полезных в хозяйстве завоеваний современности, швейцарец в моих глазах — весьма почтенное явление. Он заслуживает чужих симпатий, потому что сам симпатизирует чужой борьбе за лучшую долю. «Я предпочел бы, чтобы у нашего господа бога издохла его лучшая пара ангелов», — сказал один швейцарский сельский хозяин с досады по поводу неудачи южно-германского восстания. *Собственной* запряжкой он для этого дела, может быть, не рискнул бы, — скорее, собственной шкурой и старинным ружьем в придачу. Таким образом, швейцарец в глубине души не *нейтрален*, хотя и сохраняет нейтралитет на основе своего наследственного владения и для его защиты. Впрочем, эта старая кора нейтральности, скрывающая его лучшее ядро, не выдержит всего тонота чужих ног, — а ведь в этом сущность нейтралитета, — скоро даст трещину и сломается, а это очистит воздух».

Так пишет Шили. В бернской Tour de Prison [тюрьмой башне] он не мог добиться личного свидания с Дрюэ, но обменялся с ним письмами. На письмо, в котором Шили спрашивал его о мотивах своего ареста и

просит разрешить ему юридическую консультацию с бернским адвокатом Биссоном, Дрюэ ответил *13 апреля 1852 года*.

«... Женевские власти постановили выслать Вас из кантона, приказали арестовать Вас и отправить в Берн в распоряжение моего департамента, потому что Вы оказались одним из самых неспокойных эмигрантов и старались скрыть И. и Б., которых Вы обязались представить властям. Ввиду этого и ввиду того, что Ваше дальнейшее пребывание в Швейцарии могло бы повредить международным отношениям конфедерации, федеральный совет постановил выслать Вас из пределов Швейцарии и т. д... Так как Ваш арест не имел целью предать Вас уголовному или административному суду, а представляет меру высших полицейских органов..., то для Вас нет необходимости советоваться с адвокатом. Впрочем, прежде чем... разрешить испрашиваемое Вами свидание с адвокатом Биссоном, я хотел бы знать цель этого свидания».

Письма, которые Шили после многократных ходатайств получил, наконец, разрешение писать своим женевским друзьям, должны были предварительно идти на просмотр к Дрюэ. В одном из этих писем Шили употребил выражение: «*Vae victis*» [«Горе побежденным»]. По этому поводу Дрюэ пишет ему *19 апреля 1852 года*.

«В записке, посланной Вами г. И., встречаются слова: «*vae victis*»... Значит ли это, что федеральные власти обращаются с вами, как с побежденными? Если бы это было так, то это было бы лживым обвинением, против которого я должен был бы протестовать».

Шили ответил всесильному Дрюэ *21 апреля 1852 г.*, между прочим, следующее:

«Не думаю, господин федеральный советник, чтобы эта характеристика принятых по отношению ко мне мер заслуживала упрека в лживом обвинении; во всяком случае, подобный упрек не может заставить меня отказаться от мысли, что со мной обращаются сурово; наоборот, подобный ответ заключенному со стороны того,

кто держит его в заключении, кажется мне лишней жестокостью».

В конце марта 1852 г., незадолго до ареста Шили и высылки других *nепарламентских* эмигрантов, реакционный «Journal de Genève» напечатал всячего рода вздорные сплетни о коммунистических заговорах, затеваемых в Женеве среди немецких эмигрантов: Трог будто бы залит выемкой немецкого коммунистического гнезда с выводком из 84 коммунистических драконов и т. д. Наряду с этой реакционной женевской газетой бернский писака, принадлежавший к парламентской банде, — это был, надо думать, *Карл Фогт*, так как в «Главной книге» он неоднократно приписывает себе честь спасения Швейцарии от коммунистических изгнанников, — распространял подобные же небылицы во «Frankfurter Journal», подписывая их буквами -ss-. Он писал, например, что состоявший из коммунистов женевский комитет помощи немецким эмигрантам свергнут за неправильное распределение денежных сумм и заменен комитетом из частных людей (парламентариев), которые вскоре положат конец всем этим безобразиям; далее, что женевский диктатор, повидимому, подчиняется, наконец, распоряжениям федеральных комиссаров, и недавно два принадлежащих к коммунистической фракции немецких эмигранта были арестованы и перевезены из Женевы в Берн и т. д. Выходящая в Базеле «Schweizerische Nationalzeitung» поместила в № 72 от 25 марта 1852 г. ответ из Женевы, где мы, между прочим, читаем:

«Всякий непредубежденный человек знает, что, подобно тому как Швейцария занимается только укреплением и конституционным развитием своих политических заведений, так и слабые остатки местной немецкой эмиграции заняты только добыванием хлеба насущного и совершенно невинными делами и что рассказы о коммунизме измышляются только мещанскими духовидцами и политически или лично заинтересованными доносчиками».

Назвав бернского парламентского корреспондента «Frankfurter Journal» одним из этих доносчиков, статья заканчивается следующими словами:

«Местные изгнанники думают, что между этими доносчиками имеются многие так называемые «честные люди» типа блаженной памяти «имперских Бидерманов и Бассерманов», которые, тоскуя по отечественным горшкам с мясом, пытаются снискать себе милость своих отцов-государей подобными реакционными гнусностями; им желают счастливого пути, чтобы они более не компрометировали эмиграции и дающего им прибежище правительства».

Беглые *парламентарии* знали, что Шили — автор этой статьи. Последняя появилась в базельской «Nationalzeitung» 25 марта, а 1 апреля произошел ничем не мотивированный арест Шили. «Tantae ne animis celestibus irae?» [«Не таков ли гнев небожителей?»]

2. Революционный съезд в Муртене

После муртенского скандала немецкая эмиграция в Женеве, за исключением беглых *парламентариев*, выпустила протест по адресу «верховного федерального департамента юстиции и полиции». Я приведу оттуда лишь одно место:

«...Монархи не удовольствовались своими прежними дипломатическими успехами. Чтобы очистить Швейцарию от эмигрантов, они бряцали оружием по ее адресу, угрожали ей военной оккупацией; по крайней мере, Союзный совет высказал в одном официальном документе свои опасения насчет этой опасности. И вот снова последовали высылки, на этот раз мотивированные известным муртеновским съездом и утверждением, будто, в результате произведенного розыска, напали на след политической пропаганды. Имеющиеся факты решительно опровергают это утверждение... В правовом же отношении следует указать, что повсюду, где существует законный порядок, могут быть только *законные наказания за предусмотренные законом наказуемые действия*; это относится и к высылке из страны, если эта высылка открыто не превращается в акт полицейского произвола. Или, может быть, в данном случае в отношении нас станут превозносить значение *дипломатии* и

скажут, что пришлось поступить таким образом из *внимания к иностранным державам* для сохранения международных отношений? Но если так, то пусть скроется *fедеральный крест* перед *турецким полумесяцем*, который стучашему в ворота¹ сыщику показывает свои рога, а не приносит повинную (*zu Kreuze kriecht*); если так, пусть дадут нам паспорта в *Турцию* и пусть, захлопнув за нами двери, передадут ключи швейцарских свобод, как *feudum oblatum* [лен] *Священному союзу*, чтобы впредь носить их на правах лена от него, как камергерские знаки отличия с девизом: *Finis Helvetiae!* [Конец Швейцарии!]

3. Шерваль

Из письма Иоганна Филиппа Беккера я увидел, что упоминаемый имперским Фогтом «сподвижник Маркса» или «сподвижник» Шервала не может быть никем иным, как проживающим теперь в Лондоне *Штегером*. До сих пор я не имел чести быть лично знаком с ним, хотя слышал много лестного о его крупном и всестороннем художественном таланте. Благодаря письму Беккера мы встретились с ним. Нижеследующее — письмо моего «сподвижника» ко мне.

«Лондон, 17, Sussex Street, W. G., 14 октября 1850 г.

Дорогой Маркс!

Я охотно дам Вам некоторые разъяснения по вопросу о *Ньюдженте* (Шервале-Кремере), упоминаемом в брошюре Фогта, из которой Вы любезно посыпали мне выдержки. В марте 1853 г. я возвращался из путешествия по Италии и заехал в Женеву. Приблизительно в то же самое время приехал в Женеву Ньюджент, с которым я познакомился в одном литографском заведении. Я тогда только что начал заниматься литографированием и, так как Ньюджент обладает обширными сведениями в этом деле и очень любезный, энергичный и трудолюбивый человек, то я принял его предложение работать совместно с ним в одном ателье. Рассказ Фогта о машина-

¹ Pforte — также Порта. Ред.

циях Ньюджента в Женеве соответствует приблизительно тому, что я уже слышал тогда об этом, если отбросить обычные преувеличения фельетониста или памфлетиста. Успех был крайне ничтожный. Я знал только одного из этой компании, добродушного и трудолюбивого, но вместе с тем чрезвычайно легкомысленного молодого человека; а так как он был одним из главных персонажей, то легко можно попять, что Н. был в компании всем, а прочие были только любопытными слушателями. Я убежден, что не были изготовлены ни каменные, ни медные клише, но я слышал, что Н. говорил о подобных вещах. Моими знакомыми были, по большей части, женевцы и итальянцы. Я знал, что позднее Фогт и другие немецкие эмигранты, с которыми я не был знаком, считали меня шпионом. Но я мало беспокоился по этому поводу, — ведь истина всегда обнаруживается; я даже не сердился на них, ведь так легко было вызвать подозрение, так как не было недостатка в шпионах и не всегда было легко их распознать. Я почти убежден, что Ньюдженгт не переписывался ни с кем в Женеве после того, как был выслан оттуда. Позднее я получил от него два письма; он приглашал меня приехать в Париж, чтобы взять на себя выполнение одной работы по средневековой архитектуре, что я и сделал. В Париже Ньюдженгт жил в стороне от политики и не вел переписки. На основании вышеизложенного можно сделать только один вывод, что под «сподвижником Маркса» могли иметь в виду меня, так как я не видел и не слышал ни о ком другом, кого Ньюдженгт пригласил бы в Париж. Фогт, конечно, не мог знать, что я никогда — ни прямо, ни косвенно — не был в сношениях с Вами и, возможно, никогда не завязал бы их, если бы не поселился в Лондоне, где, благодаря случаю, имел возможность познакомиться с Вами и с Вашим почтенным семейством.

Сердечный привет Вам и Вашим уважаемым дамам.

Г. Карл Штегер.

4. Кёльнский процесс коммунистов

Приведенные мной в этой главе сообщения о прусском посольстве в Лондоне и о его переписке с прусскими властями на континенте во время кёльнского

процесса основываются на опубликованных *A. Вильхелмом* в «New Yorker Criminalzeitung» (апрель 1853 г.) признаниях сидящего теперь в гамбургской тюрьме Гирша под заглавием: «Жертвы шпионажа, оправдательная записка Вильгельма Гирша»; последний был главным орудием полицейского лейтенанта Грейфа и его агента Флери и по их поручению и под их руководством сфабриковал представленную на процессе коммунистов Штибера фальшивую книгу протоколов. Я привожу здесь некоторые выдержки из мемуаров Гирша.

«За немецкими обществами (во время промышленной выставки) следили сообща члены полицейского триумвирата — полицейский советник Штибер для Пруссии, некий Кубеш для Австрии и начальник полиции Хунтель из Бремена».

Гирш в следующих словах описывает свою первую встречу с секретарем прусского посольства в Лондоне *Альбертсом*, после того как он предложил свои услуги в качестве шпиона:

«Свидания, назначаемые прусским посольством в Лондоне своим тайным агентам, происходят в приспособленном для этого помещении. Трактир The Cock, Fleetstreet, Temple Bar бросается так мало в глаза, что если бы золотой петух в качестве вывески не указывал входа, то человек, который не стал бы специально его искать, с трудом бы его заметил. Через узкий вход я вошел во внутреннее помещение этой старо-английской таверны, и на мой вопрос о м-ре Чарлзе мне представился под этой фамилией плотный господин с такой любезной улыбкой, точно мы оба были уже старыми знакомыми. Представитель посольства, каковым он и был, казался очень весело настроенным, а бренди с водкой так подняло его настроение, что он на время как будто забыл о цели нашей встречи. М-р Чарлз, или, как он тотчас же называл себя настоящим именем, *секретарь посольства Альбертс*, осведомил меня прежде всего, что он, собственно, не имеет никакого отношения к полицейским делам, но готов взять на себя посредничество... Второе свидание имело место на тогдашней его квартире Brewerstreet, 39, Golden Square; здесь я впервые позна-

комился с полицейским лейтенантом Грейфом. Это был человек чисто полицейского образца, среднего роста, с темными волосами и того же цвета по-казенному подстриженной бородой, причем усы переходили в бакенбарды, и с бритым подбородком. Его глаза, которые менее всего обнаруживали ум, приобрели, повидимому, от постоянного обращения с мошенниками и ворами какое-то напряженное выражение... Грейф представился мне первоначально под тем же псевдонимом, что и Альбертс, назвавшийся м-ром Чарлзом. Но новый м-р Чарлз был, по крайней мере, более серьезно настроен; он хотел, повидимому, сперва проэкзаменовать меня... Наша первая встреча закончилась на том, что он поручил мне составить ему точный отчет о всей деятельности революционной эмиграции... В следующий раз Грейф представил мне, как он выразился, «свою правую руку», «одного из своих агентов». Это был высокий, изящно одетый молодой человек, представившийся мне оять-таки под именем м-ра Чарлза; вся политическая полиция, повидимому, присвоила это имя в качестве псевдонима. Таким образом, мне приходилось теперь иметь дело с тремя Чарлзами. Но новоприбывший заслуживал, казалось, наибольшего внимания. «Он также», как он говорил, «был революционером; все можно сделать, мне нужно только ити вместе с ним». Грейф уехал на некоторое время из Лондона и, прощаясь с Гиршем, «прямо заявил ему, что новый м-р Чарлз действует постоянно по его поручению и что я могу спокойно ему довериться, хотя бы кое-что и казалось мне странным; я не должен этим смущаться». Для большей ясности он добавил: «Министерство нуждается иногда в том или другом предмете; главное, это — документы; если их нельзя раздобыть, то надо уметь как-нибудь помочь этому горю!» Гирш рассказывает дальше: последний из Чарлзов был Флери, «работавший прежде в экспедиции «Dresdener Zeitung», которая выходила под редакцией Й. Виттига. В Бадене он, на основании доставленных им рекомендаций из Саксонии, был послан временным правительством в Пфальц, чтобы заняться там организацией ландштурма и т. д. Когда пруссаки вступили в Карлсруэ, он был взят в плен и т. д. Появился он вдруг снова в Лондоне в конце 1850 или в начале 1851 года.

Здесь он сначала живет под фамилией де-Флери, среди эмигрантов, с виду, по крайней мере, в тяжелом положении; живет вместе с ними в устроенной эмигрантским комитетом казарме и получает денежную помощь. В начале лета 1851 г. его положение впевзанно улучшается, он поселяется в приличной квартире и женится в конце этого года на дочери английского инженера. Впоследствии мы его застаем, в качестве полицейского агента, в Париже... Настоящая его фамилия — *Краузе*: он сын сапожника Краузе, который лет 15—18 тому назад был казнен в Дрездене вместе с Бакгофом и Безелером за убийство в Дрездене же графини Шемберг и ее горничной... Флери-Краузе часто рассказывал мне, что он работал для правительства уже с четырнадцатилетнего возраста».

Это тот самый *Флери-Краузе*, о котором Штибер заявил в публичном заседании кёльнского суда как о непосредственно подчиненном Грейфу прусском тайном полицейском агенте. В своих «*Разоблачениях о процессе коммунистов*» я говорю о Флери: Флери, конечно, не *fleur de Marie* полицейской проституции, но он цветок и даст цветки, хотя это будет только *Fleurs de Lys*¹. Это в известной мере исполнилось. Несколько месяцев спустя после процесса коммунистов Флери был приговорен в Англии по делу о подлоге к нескольким годам каторжных работ.

«В качестве правой руки полицейского лейтенанта Грейфа, — продолжает Гирш, — Флери, в отсутствие его, ссыпался прямо с прусским посольством. С Флери был связан Макс Рейтер, совершивший кражу писем у Освальда Дитца, бывшего тогда хранителем архива шаппер-виллиховского союза. Штибер, — говорит Гирш, — был извещен агентом прусского посланника в Париже Гаффельда, пресловутым *Шервальем*, о письмах, которые последний сам писал в Лондон, и через Рейтера разунал о их местонахождении, после чего Флери, по по-

¹ *Fleurs de Lys* — называются во Франции выжженные на клейменых преступниках буквы T. F. (*Travail forcé* — каторжные работы). Ред.

ручению Штибера, совершил с помощью Рейтера эту кражу. Это — украденные письма, о которых Штибер не постыдился дать на суде присяжных в Кёльне показания «как о таковых...». Осенью 1851 г. Флери, вместе с Грейфом и Штибера, был в Париже; еще до этого Штибер, через посредство графа Гацфельда, вступил в сношения с этим Шервальем или, правильнее, Йосифом Кремером, при помощи которого он надеялся создать заговор. С этой целью Штибер, Грейф, Флери, а также два других полицейских агента, Бекман и Зоммер, устроили свидание в Париже совместно с знаменитым французским шпионом *Люсьеном де-ля-Оддом* (под фамилией Дюпре) и дали соответственные инструкции Шервалью, по которым он должен был выкраивать свою переписку. Флери очень часто забавлялся при мне этой провокированной борьбой между Штибера и Шервальем; а тот Шмидт, который появился в основанном Шервальем *по полицейскому приказу* обществе в качестве секретаря одного революционного союза в Страсбурге и Кёльне, был не кто иной, как де-Флери... Флери был в Лондоне, несомненно, единственным агентом прусской тайной полиции, и все предложения и планы, преддавшиеся прусскому посольству, проходили через его руки... Штибер и Грейф во многих случаях полагались на его мнение». Флери сообщает Гиршу: «Грейф сказал вам, как надо действовать... Центральная полиция во Франкфурте сама того мнения, что прежде всего необходимо обеспечить существование политической полиции, безразлично, какими мы этого добьемся средствами; шаг в этом направлении уже сделан сентябрьским заговором в Париже». Грейф возвращается в Лондон, выражает свое удовлетворение работой Гирша, но требует большего, именно отчетов о «тайных союзных заседаниях партии Маркса». «Мы должны, — сказал полицейский лейтенант, — во что бы то ни стало дать отчеты о заседаниях союза; делайте это, как знаете, но только не переступайте границ правдоподобия, сам же я слишком занят. Де-Флери будет работать вместе с вами от моего имени». Тогдашнее занятие Грейфа заключалось, по словам Гирша, в переписке через посредство де-ля-Одда-Дюпре с Мопа насчет устройства минимого побега Шервала и Гиппериха из тюрьмы *Sainte*

Félagie. Ввиду уверений Гирша, что «Маркс в Лондоне никакого нового центрального общества не основал...», Грейф договорился с Флери, что при данных обстоятельствах мы должны пока сами изготовить отчеты о заседаниях союза; он же, Грейф, возьмет на себя заботу о защите подлинности этих документов, а то, что он предлагает, будет во всяком случае принято. Итак, Флери и Гирш принялись за работу. «Содержание» их отчетов о проведенных мною тайных заседаниях союза, по словам Гирша, «сводилось к тому, что устраивались различные дискуссии, принимались новые члены союза, основывалась в каком-нибудь уголке Германии новая община, устраивалась какая-нибудь новая организация, в Кёльне у заключенных друзей Маркса были или не были виды на освобождение, приходили письма от тех или иных лиц и т. д. Что касается последнего, то Флери обыкновенно обращал при этом внимание на тех лиц в Германии, которые были уже на подозрении на основании политического розыска или проявленной каким-нибудь образом политической активности; но очень часто им должна была приходить на помощь и фантазия, и тогда в союз попадали члены с именами людей, быть может, совсем не существовавших на свете. Но Грейф полагал, что отчеты хороши и что нужно во что бы то ни стало их создавать. Часть их Флери взялся составить один, но в большинстве случаев я должен был помогать ему, так как он не умел даже мелкие заметки написать надлежащим стилем. Так были сочинены отчеты, а Грейф без колебаний взял на себя гарантию их подлинности». Гирш рассказывает далее, как он и Флери посетили А. Руге в Брайтоне и Эдуарда Мейена (тобиевой памяти) и украли у них письма и литографированные корреспонденции. Но это не все. Грейф-Флери наяли в типографии Стенбери, Fetter Lane, литографский станок и вместе с Гиршем сами стали фабриковать радикальные прокламации. Здесь есть чему поучиться «демократу» Ф. Цабелю. Пусть послушает: «Первая составленная мной (Гиршем) прокламация была названа, по предложению Флери, «К сельскому пролетариату»; удалось получить несколько хороших оттисков ее. Грейф послал эти оттиски, как исходящие от партии Маркса, а для большей правдоподобности прибавил в сfabрико-

ванных вышеуказанным образом отчетах о так называемых заседаниях союза несколько слов о рассылке такой прокламации. Подобное же произведение было изготовлено под заглавием «*К детям народа*»; я не знаю, кому приписал его на этот раз Грейф. Эта литографская работа потом прекратилась, главным образом потому, что поглощала много денег». — После своего мнимого побега Шерваль прибыл в Лондон; здесь он первое время работает при Грейфе за плату в 1 ф. 10 шилл. в неделю; «за это он обязан был представлять отчеты о сношениях между немецкой и французской эмиграцией». Но публично разоблаченный в рабочем обществе и выгнанный из него, как шпион, «Шерваль, по весьма естественным основаниям, стал изображать немецкую эмиграцию и ее органы как совершенно не заслуживающие внимания; с этой стороны он лишился всякой возможности доставлять какие бы то ни было сведения. Но зато он представил Грейфу отчет о не-немецкой революционной партии, в котором превзошел небылицы Мюнхгаузена».

Гирш возвращается затем к кёльнскому процессу:

«Грейфа уже не раз запрашивали о содержании изготовленных Флери, по его поручению, отчетов о союзе, поскольку они касались кёльнского процесса... По этому делу были и определенные задания. Так, в одном случае Маркс будто бы переписывался с Лассалем по адресу «питейного дома», и государственный прокурор желал, чтобы были произведены соответствующие разыски... Наивнее кажется просьба государственного прокурора, в которой он выражает желание получить точные разъяснения о денежной помощи, оказанной Лассалем из Дюссельдорфа заключенному Резеру в Кёльне... деньги должны были бы, собственно говоря, получаться из Лондона».

В главе III, 4 было уже упомянуто, как Флери должен был, по поручению Гинкельдея, разыскать в Лондоне человека, который согласился бы представлять на кёльнском суде исчезнувшего свидетеля Х. и т. д. Подробно изложив этот эпизод, Гирш продолжает:

«Между тем, Штибер настойчиво требовал от Грейфа доставить по возможности оригиналы присланных им

протоколов заседаний союза. Флери говорил, что если иметь в своем распоряжении людей, то можно бы изготавливать оригинальные протоколы. Но для этого необходимо иметь *почерки некоторых друзей Маркса*. Я воспользовался этим замечанием и отверг, со своей стороны, это предложение; Флери только раз вернулся еще к этому вопросу, но затем молчал об этом. Вдруг около этого времени Штибер выступает в Кёльне с книгой протоколов заседающего в Лондоне центрального органа союза... Я еще более был поражен, когда в сообщенных газетами выдержках из протоколов узнал переданные почти дословно сфабрикованные Флери, по поручению Грейфа, отчеты. Таким образом, Грейф или сам Штибер как-то раздобыли копии *почерков*, так как протоколы этого *мнимого оригинала* были снабжены подписями, *протоколы же, переданные Флери, никогда их не имели*. От самого Флери я по поводу этого удивительного явления только узпал, что «Штибер все умеет делать; история произведет фурор!».

Когда Флери узнал, что «Маркс» заверил подлинные подписи лиц, подписавших *мнимые* протоколы (Либкнехта, Рингса, Ульмера и т. д.) в лондонском полицейском управлении, он составил следующее письмо:

«Высшему королевскому полицейскому управлению в Берлине. Лондон. Маркс и его друзья, намереваясь показать, что подписи, значащиеся под протоколами союза, фальшивые, собираются засвидетельствовать здесь подписи, которые затем будут представлены суду присяжных в качестве подлинных. Всякий, знакомый с английскими законами, знает также, что в этом отношении ими можно вертеть в разные стороны и что тот, кто гарантирует подлинность, по существу, собственно, не дает настоящего поручительства. Лицо, делающее это сообщение, не боится назвать свое имя для дела, где речь идет об установлении истины. Беккер, 4, Litchfield Street». Флери знал адрес немецкого эмигранта Беккера, жившего в том же доме, что и Виллих, так что впоследствии подозрение могло бы легко пасть на Виллиха как на противника Маркса... Флери уже заранее настрадался скандалом, который должен был от этого произ-

зойти. Письмо, думал он, будет, конечно, прочитано так поздно, что вопрос о подлинности его может быть разрешен лишь тогда, когда процесс уже закончится... Письмо за подписью Беккера было направлено в *полицейское управление в Берлине*, но оно пошло не в Берлин, а «к полицейскому чиновнику Гольдгейму, Франкфуртское подворье в Кёльне», а конверт от этого письма пошел в Берлин с заметкой на вложенной в него записке: «Штибер из Кёльна даст точные сведения о назначении сего»... Штибер не использовал письма; он не мог его использовать, так как вынужден был отказаться от всей книги протоколов.

Относительно последнего Гирш рассказывает:

«Штибер заявляет (на суде), что получил ее две недели тому назад и раздумывал, прежде чем ее использовать; далее он заявляет, что она получена с курьером в лице Грейфа... Таким образом, Грейф привез ему свою собственную работу; но как согласовать это с письмом Гольдгейма? Гольдгейм пишет посольству: «Книгу протоколов представили так поздно лишь для того, чтобы избежнуть результата запросов о ее подлинности»... В пятницу 29 октября Гольдгейм прибыл в Лондон. Штибер, конечно, понимал, что невозможно защищать подлинность книги протоколов; он поэтому отправил посланца переговорить на месте с Флери; ставился вопрос, нельзя ли каким-нибудь образом раздобыть доказательство подлинности. Переговоры остались без результата, и он уехал, оставив Флери в отчаянии; чтобы не компрометировать высших чинов полиции, Штибер решил предать его. Что это было причиной тревоги Флери, я понял из последовавшего вскоре затем заявления Штибера. В полном расстройстве Флери ухватился за последнее средство: он принес мне рукопись, по которой я должен был скопировать заявление и, снабдив его именем Либкнхта, присягнуть потом перед лорд-мэром Лондона в том, что я — Либкнхт... Флери сказал мне, что почерк рукописи принадлежит тому лицу, которое написало книгу протоколов, и что привез ее (из Кёльна) Гольдгейм. Но если Штибер получил книгу протоколов из Лондона через курьера Грейфа, то как мог Гольдгейм привезти из Кёльна рукопись мнимого протоколиста в то время, когда Грейф уже вновь был в Лон-

доне?.. То, что Флери мне дал, состояло только из нескольких слов и подписи... Гирш скопировал по возможности точно почерк и составил заявление, что нижеподписавшийся — Либклехт — объявляет засвидетельствованную Марксом и К^о его подпись ложной и признает единственно правильной и подлинной только эту его подпись. Закончив свою работу и держа в своих руках рукопись (переданную ему Флери для копирования), которая, по счастью, находится еще и теперь в моем распоряжении, я, к немалому изумлению Флери, высказал ему свои опасения и решительно отклонил его просьбу. Сперва он был безутешен, но затем заявил, что даст присягу сам... Ради большей верности он намеревался скрепить свою подпись у прусского консула и поэтому сперва отправился в его канцелярию. Я ожидал его в одной таверне. Когда он вернулся, у него уже была скрепа консула, после чего он отправился к лорд-мэру для принесения присяги. Но здесь дело не пошло так гладко; лорд-мэр потребовал других поручителей, которых Флери не мог доставить, и дело с присягой лопнуло... Поздно вечером я встретился еще раз — и уже в последний раз — с де-Флери. Как раз в этот день он получил неожиданную неприятность, прочитав в «Kölnische Zeitung» касающееся его заявление Штибера. «Но я знаю, что Штибер не мог поступить иначе, в противном случае ему пришлось бы скомпрометировать самого себя», утешал себя совершенно правильными соображениями де-Флери... «В Берлине грянет гром, если кёльнцы будут осуждены», сказал мне де-Флери в одну из наших последних встреч.

Последние встречи Гирша с Флери происходили в конце октября 1852 г., признания Гирша датированы концом ноября 1852 г., а в конце марта 1853 г. «грянул гром в Берлине» (заговор Ладендорфа).

¹ Читателю интересно будет познакомиться с аттестацией, которую дает сам Штибер своим двум сообщникам, Флери-Краузе и Гиршу. О первом в Черной книге (т. II, стр. 69) сказано следующее:

¹ Из приложения к «Enthüllungen...» в лейпцигском издании 1875 г. Ред.

«№ 345. Краузе, Карл Фридрих Август из Дрездена, сын казненного в 1834 г. за участие в убийстве графини Шенберг в Дрездене Фридриха Августа Краузе, бывшего эконома, затем (после его казни?) хлебного маклера, и еще живой в настоящее время вдовы его, Иоганны Розины, рожденной Гельниц; родился 9 января 1824 г., возле Косвига, недалеко от Дрездена. С 1 октября 1832 г. он посещал школу для бедных в Дрездене, в 1836 г. был принят в сиротский дом в Антонштадте, у Дрездена, и в 1840 г. конфирмирован. Затем он поступил в обучение к купцу Груле в Дрездене, но уже в следующем году был под следствием и осужден городским судом в Дрездене за *неоднократные кражи* к отсидке в тюрьме с зачетом предварительного заключения. По освобождении он без всяких занятий жил у своей матери. В марте 1842 г. он опять был арестован и предан суду за кражу со взломом и был присужден к *четырехлетнему заключению в каторжной тюрьме*. 23 октября 1846 г. он вышел из тюрьмы и вернулся в Дрезден, где *вращался среди самых отъявленных воров*. В нем принял участие общество попечения об отбывших наказание преступниках и поместило его в сигарную мастерскую. Там он без перерыва работал до марта 1848 г., получая спносное содержание. Но скоро он опять отдался своей страсти к безделью, стал посещать политические общества (в качестве правительственного шпиона, как он сам говорил Гиршу в Лондоне; см. выше). В начале 1849 г. он сделался разносчиком «Dresdener Zeitung», которую редактировал живущий в настоящее время в Америке литератор-республиканец Е. Л. Виттиг из Дрездена; в мае 1849 г. командовал баррикадой на Sophienstrasse во время Дрезденского восстания и, когда оно было подавлено, бежал в Баден, где получил полномочия от временного баденского правительства от 10 и 23 июня 1849 г. организовать ландштурм и реквизировать продовольствие для инсургентов. Он был арестован прусскими войсками и 8 октября 1849 г. бежал из Раштатта (совершенно так же, как впоследствии «бежал» Шерваль из Парижа. Но дальше следует настоящий полицейский букет — не надо забывать, что это было напечатано через два года после кёльнского процесса). Согласно появившемуся в № 39 «Berliner Publizist» от

*

15 мая 1853 г. сообщению, заимствованному из напечатанной в Нью-Йорке книги торгового служащего Вильгельма Гирша «Жертвы шпионажа» (о ангел веший, Штибер!), Краузе появился в конце 1850 г. или в начале 1851 г. в Лондоне под именем Шарля де-Флери в качестве политического эмигранта. Сначала его условия жизни были очень стесненные, но с 1851 г. его положение улучшилось, когда после его приема в Союз коммунистов (приема, выдуманного Штибера) он стал служить агентом у различных правительств; при этом, однако, попадался в различных мошеннических проделках».

Так Штибер отблагодарил своего друга Флери, который, впрочем, как уже было упомянуто выше, через несколько месяцев после кёльнского процесса за подлог был присужден в Лондоне к нескольким годам заключения в каторжной тюрьме.

О почтенном Гирше (там же, стр. 58) сказало:

«№ 265. Гирш, Вильгельм, торговый служащий из Гамбурга. Он, повидимому, отправился в Лондон добровольно, а не в качестве эмигранта (к чему эта совершенно бесцельная ложь? — ведь Гольдгейм хотел его арестовать в Гамбурге!). Там он постоянно вращался среди эмигрантов и примкнул к партии коммунистов. Он играл двойственную роль. С одной стороны, он принимал участие в деятельности революционной партии, с другой же стороны, он предлагал континентальным правительствам свои услуги в качестве шпиона как против политических преступников, так и против фальшивомонетчиков. В этом своем последнем качестве он шел на самые гнусные мошенничества, совершал обманы, подлоги, так что его необходимо было сильно остерегаться. В союзе с такими же субъектами он подделывал даже бумажные деньги, чтобы только за высокое вознаграждение якобы раскрывать полицейским властям фабрики фальшивых денег. Мало-помалу его разведали обе стороны (как полицейские, так и неполицейские фальшивомонетчики?). Из Лондона он переехал в Гамбург, где живет в большой нужде».

Так пишет Штибер о своих лондонских подручных, за «правдивость и надежность» которых он неустанно клятвенно ручается. При этом особенно интересна абсолютная невозможность для этого образцового пруссака сказать чистую правду. Он совершило не в состоянии удержаться, чтобы не подсунуть хотя бы бесцельных небылиц к верным или неверным фактам, заимствованным из документов. На основании показаний таких профессиональных лжецов,— а их в настоящее время больше, чем когда-либо,— сотни людей приговариваются к тюрьме. В этом и заключается то, что в настоящее время называют спасением государства.

5. Клевета

По окончании кёльнского процесса коммунистов стали усиленно распространяться — особенно в немецко-американской прессе — клеветнические вымыслы в стиле Фогта об «эксплоатации» мною рабочих. Некоторые из моих проживающих в Америке друзей — И. Вейдемайер, д-р А. Якоби (практикующий врач, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов) и А. Клусс (чиновник адмиралтейства Соединенных Штатов в Вашингтоне) опубликовали 7 ноября 1853 г. в Нью-Йорке подробное опровержение этой нелепости, оговорившись при этом, что я имею право молчать о своих личных делах, поскольку дело идет о благосклонности филистера. «Но, в противовес всякому сброду, филистерам и деморализованным бездельникам, мы полагаем, что это вредно для дела, и мы нарушаем молчание».

6. Война мышей и лягушек

В цитированном мною раньше памфлете «Рыцарь и т. д.», на странице 5, напечатано:

«...20 июля 1851 г. было основано Агитационное общество, а 27 июля 1851 г.— немецкий Эмиграционный клуб. С этого дня... начинается... по обеим сторонам скеана борьба между «Эмиграцией» и «Агитацией», великая война мышей и лягушек».

Wer giebt die Worte mir und wer die Stimme
Das Grösste gross und würdig zu berichten?
Denn stolzerer Kampf geführt mit wilderem Grimme,

Ward seit der Welt Beginn gesehn mit Nichten;
Die andern Schlachten, wenn auch noch so schlimme,
Sind Veilchen nur und Rosen, und in Dichten
Versaet mir, wo Bravour und Ehrenglorie
Gleich herrlich strahlt in dieses Kampfs Historie.

(Nach Bojardo. Orlando Inammorato. Canto 27.)

[Кто голос даst, слова кто мне подскажет
Великое оповестить достойно.
Славней борьбы никто нам не укажет
С начала мира ни в одну из войн.
Бои жестокие хотя бывали,
Финалки то и розы Стих тускнеет,
Где доблесть и величие блестали
И где геройской славы знамя рдæт.

(По Боярдо. Влюбленный Орланд. Песнь 27.)

В мои задачи отнюдь не входит вдаваться здесь в подробности «dieses Kampfs Historie» [«истории этой борьбы»], а также о достигнутом 13 августа 1852 г. между Готфридом Кинкелем, от имени Эмиграционного клуба, и А. Гегом, от имени Революционного союза Старого и Нового Света, «предварительном соглашении относительно договора Союза (verbotenus [дословно] и под этим названием опубликовано во всей немецко-американской печати). Я замечу только, что вся парламентская эмиграция принимала с той или другой стороны участие в маскараде, за немногими исключениями (лиц, броде К. Фогта, избегала тогда каждая партия из одного только чувства приличия).

Страстоцвет немецкого филистерства Готфрид Кинкель под конец своего революционно-агитационно-увеселительного турне по Соединенным Штатам высказал в «Записке о немецком национальном зайде для содействия революции (Эльмира, в штате Нью-Йорк, 22 февраля 1852 г.)» взгляды, ценные, по меньшей мере, своей крайней простотой. Готфрид полагает, что с устройством революций дело обстоит так же, как со строительством железных дорог. Если только имеешь деньги, то имеешь в одном случае железную дорогу, а в другом — революцию. В то время как нация должна носить в груди жажду революции, устроители революции должны иметь наличные деньги в кармане, и все поэтому сводится к «небольшому, хорошо вооруженному отряду,

богато снаженному деньгами. Вот к каким идейным блужданиям меркантильный ветер Англии приводит даже мелодраматические головы. Если все здесь делается на акциях, даже «общественное мнение», то почему бы не быть и акционерному обществу «для содействия революции»?

Во время одной публичной встречи с Кошутом, который тогда также вел революционную агитацию в Сหениенных Штатах, Готфрид очень эстетично выразился: «Даже из ваших чистых рук дарованная свобода была бы, правитель, для меня черствым куском хлеба, который я смочил бы *слезами своего стыда*». Поэтому Готфрид, так внимательно смотревший даровому коню в зубы, уверял правителя, что если тот преподнесет ему «революцию с Востока», то он, Готфрид, со своей стороны, вручит правительству в качестве эквивалента «революцию с Запада». Семь лет спустя, в основанном им самим «Негманн», тот же Готфрид уверяет, что он человек редкой последовательности, и как он провозгласил перед военным судом в Раштатте принца-регента императором Германии, так он постоянно и придерживался этого девиза.

Один из первоначальных трех распорядителей и кассир революционного займа граф Оскар Рейхенбах опубликовал под датой *Лондон, 8 октября 1852 г.* денежный отчет с заявлением, в котором он отрекается от предприятия, причем добавляет: «Во всяком случае, я не могу передать и не передам денег гражданам Кинкелю и т. д.». В то же время он предлагал акционерам получить по времененным заемным квитанциям находившиеся в кассе деньги. К отказу от заведывания кассой и т. д., говорит он, «меня побуждают политические и юридические соображения... Предположения, на которых основывалась идея займа, не оправдались. Сумма в 20 000 долларов, по реализации которой только и надо было бы приступить к займу, не была поэтому собрана... Предложение основать периодический орган для идейной агитации не встречает отклика. Только политические шарлатаны или помешанные на революции могут считать теперь осуществимой идею займа и допускать в данный момент возможность одинаково справедливой по отношению ко всем фракциям, следовательно беспри-

страстной, действительно-революционной затраты денег». Но революционную веру Готфрида не так легко было поколебать, и он раздобыл для этого случая «постановление», давшее ему возможность продолжать дело под другой фирмой.

В отчете Рейхенбаха содержится любопытное указание: «За взносы, — говорит он, — уплаченные комитетами позднее *не мне, а другим лицам*, нельзя сделать ответственными поручителей, на что при инкассировании квитанций и производстве расчетов я и прошу комитеты обратить свое внимание». Доходы составляли, по его отчету, 1 587 ф. 6 ш. 4 п., из которых на долю Лондона падают 2 ф. 5 ш., а на долю Германии — 9 ф. Расходы в сумме 584 ф. 18 ш. 5 п. состоят из следующих статей: *путевые издержки Кинкеля и Хильгернера* 220 ф.; *путевые издержки других лиц* 54 ф.; *литографский станок* 11 ф.; *изготовление временных квитанций* 14 ф.; *литографированная корреспонденция, расходы по пересылке* и т. д. 106 ф. 1 ш. 6 п.; *по указанию Кинкеля и т. д.* 100 ф.

Революционный заем закончился 1 000 фунтами, которые Готфрид Кинкель держит в Вестминстерском банке наготове как первые деньги для ближайшего немецкого временного правительства. А временного правительства все нет, как нет! Повидимому, Германия думает, что с нее достаточно 36 наличных правительств.

Некоторые американские суммы по займу, не попавшие в лондонскую центральную кассу, нашли в отдельных случаях патриотическое применение, как, например, 100 ф., переданные Готфридом Кинкелем весной 1858 г. г. Карлу Блинду для превращения их в «Радикальные прокламации» и т. д.

7. Полемика о Пальмерстоне

Council Hall, Sheffield, May 6th. 1856.

Doctor,

The Sheffield Foreign Affairs Committee instruct me to convey to you an expression of their warm thanks for the great public service you have rendered by your

admirable *exposé* of the Kars-Papers published in the «People's Paper».

I have the honour, etc.

Wm. Cycles, *Secretary.*

Dr. Karl Marx.

[Совет, Шеффильд, 6 мая 1856 г.

Доктор!

Шеффильдский комитет по иностранным делам поручил мне выразить вам горячую благодарность за крупную общественную услугу, оказанную вами вашим замечательным *exposé* [обзором] документов о Карсе, опубликованным в «People's Paper».

Имею честь и т. д.

В. Сайпльс, *секретарь.*

Д-ру Карлу Марксу.]

8. Заявление А. Шерцера

А. Шерцер, начиная с 30-х годов принимавший почетное участие в рабочем движении, писал мне 22 апреля 1860 г. из Лондона:

Многоуважаемый гражданин!

Я не могу не протестовать против одного, касающегося меня лично места среди отвратительной лжи и гнусных наветов фогтской брошюры. Именно, в помещенном в «Schweizer Handelscourier» (№ 150, июнь, приложение) документе № 7 напечатано: «Нам известно, что в настоящее время в Лондоне предпринимаются новые шаги. Письма за подписью А. Ш... посыпаются оттуда обществам и отдельным лицам и т. д.». Эти «письма», повидимому, дали К. Фогту повод написать в другом месте своей книги: «В начале этого года (1859) появилась как будто новая почва для политической агитации. Немедленно же этим обстоятельством воспользовались, чтобы по возможности снова приобрести некоторое влияние. В этом отношении тактика за много лет не изменилась. Комитет, о котором, как поется в старой песенке, «никто ничего не знает», рассыпает через совершенно неизвестного также председателя или секретаря письма и т. д. и т. д. Когда, таким образом, позондирована почва, в

районе появляются «странствующие братья», которые немедленно принимаются за организацию тайного союза. Самое общество, которое собираются скомпрометировать, ничего не знает об этих махинациях, составляющих сепаратное покушение нескольких лиц; даже переписка, ведущаяся от имени общества, в большинстве случаев совершенно ему неизвестна; в письмах, однако, всегда говорится «наше общество» и т. д. И преследования полиции, которые неизбежно за этим следуют и опираются на определенные документы, обращаются всегда против всего общества и т. д.».

Почему К. Фогт не *перепечатал* *всего письма*, на которое он ссылается в документе № 7? Почему он не «*позондировал*» источника, из которого исходил? Он без труда узнал бы, что открыто существующее Лондонское рабочее просветительное общество в публичном заседании назначило Комитет связи, в который я имел честь быть избранным. Если Фогт говорит о неизвестных секретарях и т. п., то мне очень приятно быть неизвестным ему, но я с удовлетворением могу заявить, что меня знают тысячи немецких рабочих, которые приобретали научные знания у людей, которых он теперь оклеветал. Времена переменились. Период тайных обществ прошел. Нелепо говорить о тайном союзе или сепаратном покушении, когда дела открыто разбираются в рабочем обществе и на каждое заседание в качестве гостей туда приходят посторонние. Подписанные мною письма составлялись так, что из-за них ни у кого и волос не мог упасть с головы. Нам, немецким рабочим в Лондоне, важно было только узнать настроение рабочих обществ на континенте и основать газету, которая защищала бы интересы рабочего класса и боролась бы с наемными перьями враждебного лагеря. Ни одному немецкому рабочему не приходило, конечно, в голову действовать в интересах Бонапарта, на что способен только какой-нибудь Фогт или ему подобные. Мы ненавидим австрийский деспотизм, наверное, не меньше Фогта, но мы не стремимся к его поражению чужим деспотом. Каждый народ должен сам себя освободить. Не странно ли, что Фогт считает себя в праве прибегать к тем средствам, использование которых в борьбе против его интриг он нам вменяет в преступление? Если Фогт утверждает, что

он не состоит на жалованье у Бонапарта, а деньги для основания газеты получил только из демократических рук, и этим хочет обелить себя, то как он, при всей своей учености, может проявлять столько тупости, чтобы обвинять и заподозревать рабочих, которые пекутся о благе своей родины и ведут пропаганду в пользу основания газеты?

С полным уважением

A. Шерцер.

9. Статья Блinda в «Free Press» от 27 мая 1859 г.

The Grand Duke Constantine to be King of Hungary.

A Correspondent, who encloses his card, writes as follows:

Sir,—Having been present at the last meeting in the Music Hall, I heard the statement made concerning the Grand Duke Constantine. I am able to give you another fact:

So far back as last summer, Prince Jerome Napoleon detailed to some of his confidants at Geneva a plan of attack against Austria, and prospective rearrangement of the map of Europe. I know the name of a Swiss senator to whom he broached the subject. Prince Jerome, at that time, declared that, according to the plan made, *Grand Duke Constantine was to become King of Hungary.*

I know further of attempts made, in the beginning of the present year, to win over to the Russo-Napoleonic scheme some of the exiled German Democrats, as well as some influential Liberals in Germany. Large pecuniary advantages were held out to them as a bribe. I am glad to say that these offers were rejected with indignation.

[Перевод в тексте см. стр. 131.]

10. Письма Г. Оргеса

Милюстивый государь!

Сегодня я получил от г. Либкнекта сообщение, что вы имеете доброе намерение любезно предоставить в наше

распоряжение судебный документ о памфлете против Фогта, относящийся к истории его происхождения. Убедительно прошу вас переслать мне его и по возможности скорее, чтобы мы могли представить его на суде. Прошу вас прислать этот документ заказной почтой и все расходы поставить нам в счет. К тому же, милостивый государь, либеральная партия недооценивает иногда «Allgemeine Zeitung»; мы (редакция) выдержали все испытания огнем и водой на верность политическим убеждениям. Если вы будете судить не на основании той или иной отдельной статьи, а всей нашей работы в целом, то убедитесь, что ни одна немецкая газета так не работает, без торопливости, но и неустанно, для единства и свободы, для могущества и культуры, для умственного и материального прогресса, для подъема национального сознания и нравственности немецкого народа, что ни одна из них не добилась большего, чем мы. Вы должны судить о нашей деятельности по ее результатам. Еще раз убедительнейше прошу о любезном исполнении своей просьбы.

С полным уважением всецело преданный вам

Герман Оргес.

Аугсбург, 16/10.

Второе письмо от того же числа было только выдержанной из первого, «посланной», как выражается Оргес, «ради вящей осторожности»; в нем также содержится просьба о «скорейшей пересылке любезно предоставляемого вами, как пишет г. Либкнехт, в наше распоряжение документа о происхождении известного памфлета против Фогта».

11. Циркуляр против К. Блинда

Из своего английского циркуляра против Блинда от 4 февраля 1860 г. я приведу здесь только заключительные строки.

Now, before taking any further step, I want to show up the fellows who evidently have played into the hands of Vogt. I, therefore, publicly declare that the statement of Blind, Wiehe and Hollinger, according to which the anonymous pamphlet was *not* printed in Hol-

linger's office, 3, Litchfield Street, Soho, is a *deliberate lie*. First, Mr. Voegle, one of the compositors, formerly employed by Hollinger, will declare upon oath that the said pamphlet *was* printed in Hollinger's office, was written in the hand-writing of *Mr. Blind*, and partly composed by Hollinger himself. Secondly, it can be judicially proved that the pamphlet and the article in «*Das Volk*», have been taken off the same types. Thirdly, it will be shown that Wiehe was *not* employed by Hollinger for eleven consecutive months, and, especially, was *not* employed by him at the time of the pamphlet's publication. Lastly, witnesses may be summoned in whose presence Wiehe himself confessed having been persuaded by Hollinger to sign the *wilfully false declaration in the Augsburg Gazette*. Consequently, I again declare the above said *Charlie's Blind* to be a *deliberate liar*.

Karl Marx.

[Теперь, прежде чем предпринять дальнейшие шаги, я должен разоблачить молодцов, которые сыграли на руку Фогту. Поэтому я заявляю публично, что утверждение Блinda, Вие и Холлингера, согласно которому анонимный памфлет *не* был напечатан в типографии Холлингера, 3, Litchfield Street, Soho — *предумышленная ложь*. Во-первых, г. Фегеле, работавший прежде у Холлингера, готов заявить под присягой, что названный памфлет *печатался* в типографии Холлингера, был написан рукой г. Блinda и был набран частично самим Холлингером. Во-вторых, судебным порядком может быть доказано, что памфлет и статья в «*Volk*» напечатаны с одного и того же набора. В-третьих, будет показано, что Вие *не* работал у Холлингера одиннадцать месяцев подряд и что, в частности, он *не* работал у него во время издания памфлета. Наконец, можно вызвать свидетелей, в присутствии которых сам Вие признавался, что Холлингер убедил его подписать *умышленно ложное заявление* в «*Аугсбургскую Газету*»¹. Поэтому я еще раз заявляю, что вышеизванный *Карл Блind умышленно лжет*.

Карл Маркс.]

¹ «Augsburger Allgemeine Zeitung». Ред.

From the London «Times», February 3rd.

Vienna, January 30th.—The Swiss Professor Vogt pretends to know that France will procure for Switzerland Faucigny, Chablais and the Genevese, the neutral provinces of Savoy, if the Grand Council of the Republic will let her have the free use of the Simplon.

[*Из Лондонского «Times» от 3 февраля.*

Вена, 30 января.—По сведениям швейцарского профессора Фогта, Франция предоставит Швейцарии нейтральные области — Савойю, Фосиньи, Шабле и Женевское графство, если Большой совет республики предоставит ей свободное пользование Симплоном.]

12. Affidavit Фегеле

I declare herewith:

that the German flysheet «Zur Warnung» (A Warning) which was afterwards reprinted in No. 7 (d. d. 18th June 1859) of «Das Volk» (a German paper which was then published in London) and which was again reprinted in the «Allgemeine Zeitung» of Augsburg (the Augsburg Gazette)—that this flysheet was composed partly by Mr. Fidelio Hollinger of 3, Litchfield Street, Soho, London, partly by myself, who was then employed by Mr. Fidelio Hollinger, and that the flysheet was published in Mr. F. Hollinger's Printing office, 3, Litchfield Street, Soho, London; that the manuscript of the said flysheet was in the hand-writing of Mr. Charles Blind; that I saw Mr. F. Hollinger, give to Mr. William Liebknecht of 14, Church Street, Soho, London, the proofsheet of the flysheet «Zur Warnung»; that Mr. F. Hollinger hesitated at first giving the proofsheet to Mr. W. Liebknecht, and that, when Mr. Liebknecht had withdrawn, he, Mr. F. Hollinger, expressed to me, and to my fellow workman J. F. Wiehe, his regret for having given the proofsheet out his hands.

Declared at the Police Court, Bow Street, in the County of Middlesex, the eleventh day of February 1860, before m-r *J. Henry*, one of the Police Magistrates of the Metropolis.

L. S.

A. Voegele.

[Сим заявляю:

что немецкий памфлет «Предостережение», который был потом напечатан 18 июня 1859 в № 7 «Volk» (немецкой газеты, выходившей тогда в Лондоне) и снова перепечатан в «Augsburger Allgemeine Zeitung», — что он был набран отчасти г. Фиделио Холлингером, 3, Litchfield Street, Soho, London, отчасти мной самим, работавшим тогда у г. Фиделио Холлингера, и что памфлет этот был издан в типографии г. Ф. Холлингера, 3, Litchfield Street, Soho, London, что рукопись названного памфleta была написана рукой г. Карла Блinda, что я видел, как г. Холлингер дал г. Вильгельму Либкнехту, 14, Church Street, Soho, London, корректурные листы памфleta «Предостережение» и что, когда г. В. Либкнехт ушел, си, Ф. Холлингер, выразил мне и моему товарищу, рабочему И. Ф. Вие, свое сожаление, что он выпустил из своих рук корректурные листы.

Заявлено в полицейском управлении Bow Street, в графстве Мидлсекс, 11 февраля 1860 г. в присутствии полицейского судьи столицы г. Дж. Генри.

M. П.

A. Фегеле.]

13. Affidavit Вие.

One of the first days of November last—I do not recollect the exact date—in the evening between nine and ten o'clock I was taken out of bed by Mr. F. Hollinger, in whose house I then lived, and by whom I was employed as compositor. He presented to me a paper to the effect, that, during the preceding eleven months I had been continuously employed by him, and that during all that time a certain German flyer «Zur Warnung» (A Warning) had not been composed and printed in Mr. Hollinger's Office, 3, Litchfield Street, Soho. In my perplexed state, and not aware of the importance of the transaction, I complied with his wish, and copied, and signed the document. Mr. Hollinger promised me money, but I never received anything. During that transaction Mr. Charles Blind, as my wife informed me at the time, was waiting in Mr. Hollinger's room. A few days later, Mrs. Hollinger called me down from dinner and led me into her husband's room,

where I found Mr. Charles Blind alone. He presented me the same paper which Mr. Hollinger had presented me before, and entreated me to write, and sign a second copy, as he wanted two, the one for himself, and the other for publication in the Press. He addéd that he would show himself grateful to me. I copied and signed again the paper.

I herewith declare the truth of the above statements and that:

1) During the 11 months mentioned in the document I was for *six* weeks *not* employed by Mr. Hollinger, but by a Mr. Ermani.

2) I did not work in Mr. Hollinger's Office just at that time when the flysheet: «Zur Warnung» (A Warning) was published.

3) I heard at the time from Mr. Voegele, who then worked for Mr. Hollinger, that he, Voegele, had, together with Mr. Hollinger himself, composed the flysheet in question, and that the manuscript was in Mr. Blind's handwriting.

4) The types of the pamphlet were still standing when I returned to Mr. Hollinger's service. I myself broke them into columns for the reprint of the flysheet (or pamphlet) «Zur Warnung» (A Warning) in the German paper «Das Volk» published at London, by Mr. Fidelio Hollinger, 3. Litchfield Street, Soho. The flysheet appeared in Nr. 7 d. d. 18th June, 1859, of «Das Volk» (The People).

5) I saw Mr. Hollinger give to Mr. William Liebknecht of 14, Church Street, Soho, London, the proofsheet of the pamphlet «Zur Warnung», on which proofsheet Mr. Charles Blind with his own hand corrected four or five mistakes. Mr. Hollinger hesitated at first giving the proofsheet to Mr. Liebknecht, and when Mr. Liebknecht had withdrawn, he, F. Hollinger, expressed to me and my fellow workman Voegele his regret for having given the proofsheet out of his hands.

Declared and signed by the said Johann Friedrich Wiehe at the Police Court, Bow Street, this 8th day of February, 1880, before me Mr. J. Henry, Magistrate of the said court.

L. S.

Johann Friedrich Wiehe.

[Перевод в тексте см. стр. 138—139.]

14. Из документов процесса

Gouvernement Provisoire

République Française. Liberté, Égalité, Fraternité.

Au Nom du Peuple Français.

Paris, 1 mars, 1848.

Brave et loyal Marx,

Le sol de la République française est un champ d'asile pour tous les amis de la liberté. La tyrannie vous a banni, la France libre vous ouvre ses portes, à vous et à tous ceux qui combattent pour la cause sainte, la cause fraternelle de tous les peuples. Tout agent du gouvernement français doit interpréter sa mission dans ce sens. Salut et fraternité.

Ferdinand Flocon, Membre du Gouvernement Provisoire.

Bruxelles, le 13 mai, 1848.

Mon cher Monsieur Marx,

J'entends avec un grand plaisir par notre ami Weerth que vous allez faire paraître à Cologne une «Nouvelle Gazette Rhénane» dont il m'a remis le prospectus. Il est bien nécessaire que cette feuille nous tienne au courant en Belgique des affaires de la démocratie allemande, car il est impossible d'en rien savoir de certain ici par la «Gazette de Cologne», la «Gazette Universelle d'Augsbourg» et les autres gazettes aristocratiques de l'Allemagne que nous recevons à Bruxelles, non plus que par notre «Indépendance Belge» dont toutes les correspondances particulières sont conçues au point de vue des intérêts de notre aristocratie bourgeoise. M. Weerth me dit qu'il va vous joindre à Cologne pour contribuer à l'entreprise de la «Nouvelle Gazette Rhénane»; et il me promet en votre nom l'envoi de cette feuille en échange du «Débat Social» que je vous enverrai de mon côté. Je ne demande pas mieux aussi que d'entretenir avec vous une correspondance sur les affaires communes à nos deux pays. Il est indispensable que les Belges et les Allemands ne restent pas trop étrangers les uns aux autres, dans l'intérêt commun des deux pays: car il se prépare en France des événements qui ne tarderont pas à mettre en jeu des ques-

tions qui toucheront les deux pays ensemble. Je reviens de Paris où j'ai passé une dizaine de jours que j'ai employés de mon mieux à me rendre compte de la situation de cette grande capitale. Je me suis trouvé, à la fin de mon séjour, juste au milieu des affaires du 15 mai. J'assistais même à la séance où s'est passé le fait de l'irruption du peuple dans l'assemblée nationale.

... Tout ce que j'ai compris, à voir l'attitude du peuple parisien et à entendre parler les principaux personnages qui sont en ce moment dans les affaires de la République française, c'est qu'on s'attend à une forte réaction de l'esprit bourgeois contre les événements de février dernier; les affaires du 15 mai précipiteront sans doute cette réaction. Or, celle-ci amènera indubitablement dans peu de temps un nouveau soulèvement du peuple... La France devra bientôt recourir à la guerre. C'est pour ce cas là que nous aurons à aviser, ici et chez vous, sur ce que nous aurons à faire ensemble. Si la guerre se porte d'abord vers l'Italie nous aurons du répit... Mais si elle se porte sur-le-champ vers ce pays-ci je ne sais pas trop encore ce que nous aurons à faire, et alors nous aurons besoin du conseil des allemands... En attendant j'annoncerai dans le «Débat Social» de dimanche la publication prochaine de votre nouvelle feuille... Je compte aller à Londres vers la fin du mois de juin prochain. Si vous avez occasion d'écrire à Londres à quelques amis, veuillez les prier de m'y faire accueil. Tout à vous cordialement.

L. Jottrand. Avt.

Bruxelles, 10 Févr., 1860.

Mon cher Marx,

N'ayant pas de vos nouvelles, depuis très longtemps, j'ai reçu votre dernière avec la plus vive satisfaction. Vous vous plaignez du retard des choses et du peu d'empressement de ma part de vous répondre à la question que vous m'aviez faite. Que faire: l'âge ralentit la plume; j'espère cependant que vous trouverez mes avis et mon sentiment toujours les mêmes. Je vois que votre dernière est tracée à la dictée par la main de votre secrétaire intime, de votre adorable moitié: or Madame Marx ne cesse de se rappeler du vieux hermite de

Bruxelles. Qu'elle daigne recevoir avec bonté mes salutations respectueuses.

Conservez moi, cher confrère, dans vos amitiés. Salut et fraternité.

Lelewel.

5, Cambridge Place, Kensington, London, Feb. 11th, 1860.

My dear Marx,

I have read a series of infamous articles against you in the «National Zeitung» and am utterly astonished at the falsehood and malignity of the writer. I really feel it a duty that every one who is acquainted with you, should, however unnecessary such a testimony must be, pay a tribute to the worth, honour and disinterestedness of your character. It becomes doubly incumbent in me to do so, when I recollect how many articles you contributed to my little magazine, the «Notes of the People», and subsequently to the «People's Paper», for a series of years, utterly gratuitously; articles which were of such high value to the people's cause, and of such great benefit to the paper. Permit me to hope that you will severely punish your dastardly and unmanly libeller.

Believe me, my dear Marx, most sincerely, yours

Dr. Karl Marx.

Ernest Jones.

Tribune Office, New York, March 8th, 1860.

My Dear Sir,

In reply to your request I am very happy to state the facts of your connection with various publications in the United States concerning which I have had a personal knowledge. Nearly nine years ago I engaged you to write for the «New York Tribune» and the engagement has been continued ever since. You have written for us constantly, without a single week's interruption, that I can remember; and you are not only one of the most highly valued, but one of the best paid contributors attached to the journal. The only fault I have had to find with you has been that you have occasionally exhibited too German a tone of feeling for an American newspaper. This has been the case with refe-

rence both to Russia and France. In questions relating to both, Czarism and Bonapartism, I have sometimes thought that you manifested too much interest and too great anxiety for the unity and independence of Germany. This was more striking perhaps in connection with the late Italian war than on any other occasion. In that I agreed perfectly with you: *sympathy with the Italian people*. I had as little confidence as you in the sincerity of the French Emperor, and believed as little as you that *Italian liberty* was to be expected from him; but I did not think that Germany had any such ground for alarm as you, in common with other patriotic Germans, thought she had.

I must add that in all your writings which have passed through my hands, you have always manifested the most cordial interest in the welfare and progress of the labouring classes; and that you have written much with direct reference to that end.

I have also at various times within the past five or six years been the medium through which contributions of yours have been furnished to «Putnam's monthly», a literary magazine of high character; and also to the «New American Cyclopaedia», of which I am also an editor, and for which you have furnished some very important articles.

If any other explanations are needed I shall be happy to furnish them. Meanwhile I remain, yours very faithfully,

Charles A. Dana, Managing Editor of the «N. Y. Tribune».

Dr. Charles Marx.

[*Временное правительство. Французская республика. Свобода, Равенство и Братство. От имени французского народа.*]

Париж, 1 марта 1848 г.

Мужественный и честный Маркс!

Французская республика — место убежища для всех друзей свободы. Тирания вас изгнала, свободная Франция открывает вам свои двери, вам и всем тем, кто борется за святое дело, за братское дело всех народов.

Всякий агент французского правительства должен исполнять свою миссию в этом духе. Привет и братство.

Фердинанд Флокон, член Временного правительства.

Брюссель, 13 мая 1818 г.

Дорогой Маркс! Я с большим удовольствием узнал от нашего друга Веерта, что вы собираетесь издавать в Кёльне «Новую Рейнскую Газету», объявление о которой он мне доставил. Необходимо, чтобы эта газета держала нас в Бельгии в курсе дел немецкой демократии, так как здесь невозможно знать ничего достоверного об этом по «Kölnische Zeitung», по «Allgemeine Augsburger Zeitung» и по другим аристократическим немецким газетам, которые мы получаем в Брюсселе, а также по нашей «Indépendance Belge», все специальные корреспонденции которых составлены с точки зрения интересов нашей буржуазной аристократии. Веерт сказал мне, что он собирается ехать к вам в Кёльн, чтобы принять участие в организации «Новой Рейнской Газеты». Он обещал мне от вашего имени присыпать эту газету в обмен на «Débat Social», которую я, со своей стороны, буду посыпать вам. Я очень рад, что буду иметь возможность поддерживать с вами переписку о делах, общих обеим нашим странам. В интересах обеих стран необходимо, чтобы бельгийцы и немцы не оставались отчужденными друг от друга, так как во Франции подготовляются события, которые неизбежно затронут интересы, касающиеся обеих наших стран. Я вернулся из Парижа, где провел с десяток дней, стараясь по возможности лучше выяснить себе положение этой великой столицы. В конце моего пребывания там я оказался в самой гуще событий 15 мая. Я присутствовал даже на заседании Национального собрания, во время которого народ ворвался в зал заседаний... Наблюдая занятую парижским народом позицию и выслушивая речи главных современных деятелей французской республики, я понял, что ожидается сильная реакция в настроениях буржуазии против февральских событий; история 15 мая, без сомнения, ускорит эту реакцию. А последняя, несомненно, очень скоро приведет к новому восстанию народа... Франция должна будет вскоре при-

бегнуть к войне. На этот случай мы и должны здесь и у вас обдумать наши совместные действия. Если война будет сначала с Италией, то у нас будет передышка... Но если она немедленно будет направлена против нашей страны, то я не знаю еще, что нам придется делать, и в этом случае нам понадобится совет немцев... А пока я в воскресенье анонсирую в «Débat Social» о предстоящем вскоре выходе вашей новой газеты... Я расчитываю поехать в Лондон в конце июня этого года. Если вам представится случай писать в Лондон своим друзьям, то благоволите просить их принять меня. Сердечно вам преданный

Л. Жоттран, адвокат.

Брюссель, 10 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Не получая очень долго от вас вестей, с живейшим удовлетворением прочел ваше последнее письмо. Вы жалуетесь на то, что все идет так медленно и что я не торопился ответить на ваш вопрос. Что делать, с возрастом перо становится все ленивее. Но я надеюсь, что вы найдете мои чувства и мои мысли всегда одними и теми же. Я вижу, что ваше последнее письмо написано под вашу диктовку рукой вашего интимного секретаря, вашей очаровательной супруги. Г-жа Маркс, вероятно, вспоминает еще старого брюссельского отшельника. Да благоволит она принять мой почтительный привет.

Не забывайте, дорогой собрат, вашей дружбы ко мне. Привет и братство.

Лелевель.

5, Cambridge Place, Kensington,
Лондон, 11 февраля 1860 г.

Дорогой Маркс!

Я прочел ряд гнусных статей против вас в «Nationalzeitung» и крайне поражаюсь лживости и злорадству их автора. Я считаю обязанностью каждого, кто знаком с вами, — как ни излишни подобные свидетельства, — воздать должное вашей доблести, честности и бескорыстию. На мне этот долг лежит еще вдвое; я вспоминаю, как много статей вы дали для моего небольшого журнала «Notes of the People», а впоследствии «People's Paper», за целый ряд лет совершенно безвозмездно, —

статей, которые были так важны для дела народа и так цепы для газеты. Позвольте мне надеяться, что вы сурово накажете вашего низкого и трусливого пасквилянта.

Примите, мой дорогой Маркс, искреннейшее уверение в моей преданности.

Д-ру Карлу Марксу.

Ваш Эрнест Джонс.

Редакция «Трибуны», Нью-Йорк, 8 марта 1860 г.

Дорогой сэр!

В ответ на ваш запрос я очень счастлив установить факт вашей связи с различными появившимися в Соединенных Штатах изданиями, относительно которых у меня есть личные сведения. Лет девять тому назад я пригласил вас в «Нью-Йоркскую Трибуну», и с тех пор это предложение неизменно повторялось. Вы писали для нас постоянно, без перерыва даже на одну неделю, насколько я помню. И вы не только один из наиболее ценимых, но и один из наилучше оплачиваемых сотрудников газеты. Единственный недостаток, который я мог бы отметить у вас, это то, что вы иногда обнаруживали слишком немецкие для американской газеты симпатии. Это имело место как в отношении России, так и Франции. В вопросах, касавшихся царизма и бонапартизма, мне по временам казалось, что вы обнаруживаете слишком много интереса и слишком много опасений за единство и независимость Германии. Может быть, особенно резко это обнаруживалось в связи с последней итальянской войной. Я вполне был солидарен с вами в *симптиях к итальянскому народу*; я так же мало доверял, как и вы, искренности французского императора и так же мало, как и вы, думал, что от него можно ожидать *итальянской свободы*, — но я не думал, что у Германии есть такие основания для тревоги, как думали это вы вместе с другими немцами-патриотами.

Я должен прибавить, что во всех ваших статьях, прошедших через мои руки, вы всегда обнаруживали живейший интерес к благополучию и прогрессу трудящихся классов и что многие ваши труды имели прямое отношение к этому вопросу.

Я был также не раз за последние пять-шесть лет по-
средником, через которого проходили ваши работы,
предназначавшиеся для «Putnam's Monthly», очень со-
зидного литературного журнала, а также для «New Amer-
ican Cyclopaedia», издателем которой я также состою
и для которой вы прислали несколько очень важных
статей.

Если вам потребуются другие объяснения, то я буду
счастлив дать их вам. А пока остаюсь искренне ваш

Чарлз А. Дана, редактор-издатель «New York Tribune».
Д-ру Карлу Марксу.]

15. Памфлеты Данту

Я показал, что памфлеты Данту служат источником, откуда немецкий Да-Да черпал свою мудрость в области всемирной истории вообще и «спасительной политики Наполеона» в частности. «Спасительная политика Наполеона» — выражение, заимствованное из одной новейшей статьи «демократа» Ф. Цабеля. О том, что думают и знают *сами французы* об этих памфлетах, можно составить себе представление по следующей выдержке из парижского еженедельника «Courrier du Dimanche» № 42 от 14 октября 1860 года.

Pour ce qui regarde le moment actuel, prenez dix brochures au hasard, et vous reconnaîtrez que neuf au moins ont été pensées, élaborées, écrites... par qui? par des romanciers de profession, par des chansonniers, par des vaudevillistes, par des sacristains!

Parle-t-on dans les gazettes de mystérieuses entre-
vues entre les puissances du Nord, de la Sainte-Alliance qui ressuscite? Vite voilà un faiseur agréable de couplets assez littéraires, et même (jadis) passablement libé-
raux, qui court chez l'inévitable *M. Dentu* et lui ap-
porte sous ce titre ronflant: La coalition, une longue et
fade paraphrase des articles de M. Grandguillot. L'alliance anglaise semble déplaire parfois à M. Limayrac? Vite, un *M. Châteler*, chevalier de l'ordre de Grégoire
le Grand, et qui doit être sacristain quelque part si
j'en crois son style, publie ou republie un long et ri-

dicule factum: *Crimes et délits de l'Angleterre contre la France*. Déjà l'auteur du *Compère Guillery* (Edmond About) avait jugé à propos de nous édifier sur les arcanes politiques de la monarchie prussienne, et avait donné du haut de ses chutes théâtrales, des conseils de prudence aux chambres de Berlin. On annonce que M. Clairville va prochainement élucider la question de l'isthme de Panama, si fort embrouillée par M. Belly; et sans doute quelques jours après la conférence royale du 21 Octobre, on verra paraître à toutes les vitrines de nos libraires une splendide brochure rose qui portera ce titre: *Mémoire sur l'entrevue de Varsovie par le corps de ballet de l'Opéra*.

Cette invasion, en apparence inexplicable, des questions politiques par les *dii minores* de la littérature, se rattache à bien des causes. Nous en citerons ici une seule, mais qui est la plus immédiate et la plus incontestable.

Dans le marasme presque universel d'esprit et de cœur, ces messieurs, qui font le triste métier d'amuseurs publics, ne savent plus par quel moyen secouer et réveiller leurs lecteurs. Les vieilles gaîtés de leurs refrains et de leurs anecdotes leur reviennent sans cesse. Eux-mêmes se sentent aussi mornes, aussi tristes, aussi ennuyés que ceux qu'ils entreprennent de déridier. Voilà pourquoi à bout de ressources ils se sont mis, en désespoir de cause, à écrire les uns des mémoires de courtisanes, les autres des brochures diplomatiques.

Puis, un beau matin, un aventurier de la plume, qui n'a jamais fait à la politique le sacrifice d'une heure sérieuse d'étude, qui n'a pas même au coeur le semblant d'une conviction, quelle qu'elle soit, se lève et se dit: «J'ai besoin de frapper un grand coup! Voyons! que ferai-je pour attirer sur moi l'attention générale qui me fuit d'instinct? Ecrirai-je un opuscule sur la question Léotard ou sur la question d'Orient? Révélerai-je au monde surpris le secret des boudoirs où je n'entrai jamais, ou celui de la politique russe qui m'est plus étrange encore? Dois-je m'attendrir en prose voltaïenne sur *les femmes éclaboussées*, ou en prose évangélique sur les malheureuses populations maronites traquées, dépouillées, massacrées par le fanatisme mahométan? Lance-

rai-je une apologie de mademoiselle Rigolboche ou un plaidoyer en faveur du pouvoir temporel? Décidément, j'opte pour la politique. J'amuserai encore mieux mon public avec les rois et les empereurs, qu'avec les lorettes». Cela dit, notre surnuméraire de la littérature bohème compulse le «Moniteur», hante quelques jours les colonnades de la Bourse, rend visite à quelques fonctionnaires et sait enfin de quel côté souffle le vent de la curiosité à la ville, ou celui de la faveur à la cour; il choisit alors un titre que ce vent puisse enfler d'une façon suffisante et se repose content sur ses lauriers. Aussi bien son oeuvre est faite désormais: car aujourd'hui, en matière de brochure, il n'y a que deux choses qui comptent, le titre et les relations que l'on suppose entre l'écrivain et «de hauts personnages».

Est-il nécessaire de dire, après cela, ce que valent les brochures qui nous inondent? Ramassez un jour tout ce que vous avez de courage, tâchez de les lire jusqu'au bout et vous serez effrayé de l'ignorance inouïe, de la légèreté intolérable, voir même de l'amoindrissement de sens moral qu'elles décèlent dans leurs auteurs. Et je ne parle pas ici des plus mauvaises... Et chaque année nous courbe plus bas, chaque année voit apparaître un nouveau signe de décadence intellectuelle, chaque année ajoute une honte littéraire nouvelle à celles dont il faut déjà rougir. De telle sorte que les plus optimistes se prennent quelquefois à douter de demain, et se demandent avec angoisse: Sortirons-nous de là?

[Что касается текущего момента, то возьмите наугад десять брошюр, и вы увидите, что, по крайней мере, девять из них были задуманы, обработаны и написаны — кем? — профессионалами-романистами, песенниками, вожевилистами, пономарями!]

Заговорят ли в газетах о таинственных свиданиях между северными державами, о воскресающем Священном союзе, и вот немедленно какой-нибудь приятный сочинитель довольно литературных — и даже (в свое время) изрядно юберальных — куплетов бежит к неизбежному *Дантю* и приносит ему под звучным названием «Коалиция» длинное и пощюое переложение ста-

тей Грангильо. Или покажется, что английский союз как-то не понравился Лимераку, и тотчас какой-нибудь Шатле, кавалер ордена Григория Великого, который, судя по его стилю, должен быть где-нибудь пономарем, печатает или перепечатывает длинный и смехотворный доклад «*Крупные и мелкие преступления Англии против Франции*». Уже автор пьесы «*Кум Гильри*» (Эдмон Абу) счел необходимым просветить нас насчет политических тайн прусской монархии и с высоты своих театральных прозвалов преподал советы благоразумия берлинским палатам. Сообщают, будто Клервиль собирается в ближайшее время выяснить вопрос о Панамском перешейке, столь запутанный господином Белли, и несомненно, через несколько дней после свиданий высочайших особ 21 октября в витринах всех наших книжных лавок появится великолепная розовая брошюра под заглавием *«Записки о варшавском свидании, составленные кордебалетом Оперы»*.

Этот на первый взгляд необъяснимый захват области политики *малыми богами* литературы проистекает от многих причин. Мы здесь остановимся только на одной, наиболее близкой и бесспорной.

В обстановке почти всеобщего маразма ума и чувства эти господа, занимающиеся печальной профессией увеселять публику, не знают, как им встряхнуть и разбудить своих читателей. Они неизменно повторяют свои старые забавные куплеты и анекдоты. Их самих так же снедает тоска, печаль и уныние, как и тех, кого они собираются развлекать. Вот почему за отсутствием ресурсов они с отчаяния принялись писать — кто мемуары куртизанок, кто дипломатические брошюры.

А затем, в одно прекрасное утро какой-нибудь авантюрист пера, никогда не пожертвовавший политике и часом серьезных занятий, не имеющий за душой и тени какого бы то ни было убеждения, поднимается и говорит себе: «Я должен произвести большое впечатление! Что же мне сделать, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание, инстинктивно избегающее меня? Написать брошюру о деле Леотара или о восточном вопросе? Раскрыть перед изумленным светом тайны будуаров, где я никогда не бывал, или тайны русской политики, которая мне еще более чужда? Излить в вольтеровской прозе

свою скорбь об оклеветанных женщинах или же в евангельской прозе скорбь о несчастных маронитах, преследуемых и истребляемых фанатиками-магометанами? Написать апологию мадемуазель Ригельбош или защиту светской власти папы? Я решительно выбираю политику. Я сумею развлечь свою публику гораздо лучше царями и императорами, чем легкомысленными женщинами». Сказавши это, наш сверхштатный член литературной богемы копается в «*Moniteur*», посещает несколько дней колоннаду биржи, делает визиты некоторым чиновникам и узнает, наконец, в какую сторону дует ветер столичного любопытства или придворных настроений; тогда он выбирает заглавие, которое этот ветер может надуть надлежащим образом, и довольный почивает на своих лаврах. Теперь его работа уже готова; ведь в наше время в брошюре важны только две вещи: заглавие и предполагаемые отношения между автором и «высокими особами».

Нужно ли после этого говорить, чего стоят брошюры, которыми нас засыпают? Сберите когда-нибудь все свое мужество, попытайтесь прочесть их до конца, и вы будете поражены неслыханным невежеством, нестерпимым легкомыслием, даже падением нравственного чувства, которое обнаруживают их авторы. Я уже не говорю здесь о худших из них... Каждый год пригибает нас еще ниже, с каждым годом обнаруживается новый признак интеллектуального вырождения, каждый год прибавляет новый литературный позор к тем, от которых нам приходится краснеть. Дело доходит до того, что даже крайние оптимисты начинают иногда сомневаться в завтрашнем дне и спрашивают себя с тревогой: выберемся ли мы из этого положения?]

Выше я цитировал выражение «спасительная политика Наполеона» из «Nationalzeitung». Странным образом парижский корреспондент «Manchester Guardian»—газеты, известной во всей Англии точностью своей информации,— сообщает следующую любопытную вещь:

Paris, November, 8... Louis Napoleon spends his gold in vain in supporting such newspapers as the «Nationalzeitung».

[Париж, 8 ноября... Луи-Наполеон напрасно тратит свои деньги, поддерживая такие газеты, как «Nationalzeitung» («Manchester Guardian» от 12 ноября 1860 г.)]

Впрочем, я думаю, что вообще хорошо осведомленный корреспондент «Manchester Guardian» на этот раз ошибается. Ф. Цабель перебежал будто бы в бонапартистский лагерь, чтобы доказать, что он не подкуплен Австрией. По крайней мере, так мне сообщили из Берлина. Совсем как в Дунсиаде!

16. Дополнение

а) Карл Фогт и «La Cimentaire» [О-во «Цемент»]

Во время печатания последних листов мне случайно попался в руки октябрьский номер (1860 г.) «Stimmen der Zeit». Прежний издатель органа беглых парламентариев «Deutsche Monatsschrift» и, следовательно, до некоторой степени, литературное начальство «беглого имперского регента», *A. Колачек*, рассказывает на странице 37 о своем друге Карле Фогте:

Женевское акционерное общество «La Cimentaire» [*«Цемент»*], в дирекцию которого входил не кто иной, как сам Карл Фогт, было основано в 1857 г., а в 1858 г. акционеры не имели уже ни копейки, и прокуратура упрытала одного из директоров в тюрьму по обвинению в подлоге. В момент этого ареста Фогт был в Берне. Он спешно вернулся назад, арестованный был выпущен, процесс был замят, чтобы не вызвать скандала, но акционеры шотеряли все. По этому примеру нельзя утверждать, что в Женеве собственность достаточно защищена, и ошибка Карла Фогта в этом отношении тем более странная, что он, как мы сказали, был *одним из директоров названного общества*; между тем даже во Франции в подобных процессах ищут виновных даже среди директоров и сажают в тюрьму, удовлетворяя их имуществом гражданские иски акционеров.

Пусть сравнят с этим то, что говорит И. Ф. Беккер в своем письме (глава X) о банковской истории, бросившей Джемса Фази в объятия декабризма. Подобные де-

тали очень помогают при решении загадки, как Napoléon le Petit [«Наполеон маленький»] стал величайшим человеком своей эпохи. Как известно, самому Napoléon le Petit [«Наполеону маленькому»] пришлось выбирать между государственным переворотом и... Клиши [тюрьма для должников в Париже].

6) Кошут

Нижеследующие выдержки из записки о беседе с Кошутом убедительно доказывают, как хорошо Кошут знает, что главную опасность для Венгрии составляет Россия. Автор этой записки — один из виднейших радикальных депутатов теперешней *House of Commons* [Палаты общин].

Memorandum of a conversation with M. Kossuth on the evening of May 30th, 1854 at...

«... A return to strict legality in Hungary (said he, viz. Kossuth) might renew the union of Hungary and Austria, and would prevent Russia, from finding any partisan in Hungary. He (Kossuth) would not offer any opposition to a return to legality. He would advise his country-men to accept with good faith such a restoration, if it could be obtained, and would pledge himself not in any way to be an obstacle to such an arrangement. He would not himself return to Hungary. He would not put himself forward such a course of Austria as he had no belief in Austria's return to legality, except under pressure of dire necessity. He gave me authority to say, such were his sentiments, and if appealed to, he should avow them, though he could not commit himself to any proposal, as he should not, expect Austria to abandon her traditional scheme of centralisation till forced to do so... He would have consented in 1848 to Hungarian troops being sent to resist attacks of the Piedmontese, but would not employ them to coerce Austrian Italy, as he would not consent to foreign troops in Hungary».

[Записка о беседе с Кошутом вечером 30 мая 1854 г. в...]

«...Возврат в Венгрии к строгой законности (сказал он, т. е. Кошут) может возродить союз Венгрии с Австрией и помешает России найти союзников в Венгрии. Он (Кошут) никак не будет противиться возвращу к законности. Он готов посоветовать своим землякам принять с доверием такое восстановление, если его можно добиться, и, со своей стороны, никоим образом не будет препятствовать такому обороту дела. Сам он не намерен вернуться в Венгрию. Он сам не собирается содействовать Австрии взять такой курс, так как не верит в поворот Австрии к законности, разве только ее принудит к этому суровая необходимость. Он разрешил мне сказать, что таково его мнение и что если потребуется его свидетельское показание, то он открыто его подтвердит, хотя сам не выступит ни с каким предложением, так как не ожидает, чтобы Австрия добровольно отказалась от своих старых централистских тенденций... Он согласился бы в 1848 г., чтобы послали венгерские войска для отражения пьемонтцев (Кошут в 1848 г. пошел дальше этого, добившись своей горячей речью в пештском рейхстаге посылки венгерских войск против итальянских «мятежников». — К. М.), но не воспользовался бы этими войсками, чтобы силой удерживать австрийскую Италию, как не согласился бы допустить иноzemные войска в Венгрию.]

Мифотворческая сила народной фантазии во все времена проявлялась в изобретении «великих людей». Поразительнейший пример этого рода, бесспорно, представляет Симон Боливар. Что касается Кошути, то его, например, прославляют как человека, уничтожившего в Венгрии феодализм. Между тем он совершенно непричастен к трем великим мероприятиям — установлению всеобщего обложения, уничтожению феодально-крестьянских повинностей и безвозмездной отмене церковной десятины. Законопроект о *всеобщем обложении* (дворянство прежде было свободно от налогов) был внесен Семере; законопроект об уничтожении барщины и т. д. — Бонисом, депутатом из Сабольча, а духовенство само, в лице депутата каноника Иекельфалушки, добровольно отказалось от десятины.

в) Эдмон Абу: «Пруссия в 1860 году»

В конце главы VIII я высказываю мнение, что памфлет Э. Абу «*La Prusse en 1860*» [«*Пруссия в 1860 г.*»] или, как он первоначально назывался, «*Napoléon III et la Prusse*» [«*Наполеон III и Пруссия*»] представляет обратно переведенную на французский язык выдержку из переведенных Да-Да-Фогтом на немецкий язык памфлетов Дантю. Единственное соображение против этого предположения было совершенное незнакомство провалившимся комедийного писателя Э. Абу с немецким языком. Но разве *compère Guillery* [кум Гильри] не мог отыскать в Париже какую-нибудь *compère allemande* [немецкую куму]? Но кто такая эта *compère* [кума] — оставалось предметом догадок. «*La Prusse en 1860*» [«*Пруссия в 1860 г.*»] была, как известно, опубликована как *vademecum* [руководство] к поездке Луи Бонапарта в Баден-Баден; она должна была предварить его предложения принцу-регенту и разъяснить Пруссии, что, как говорится в заключительных словах памфлета, Пруссия имеет в лице режима 2 декабря «*un allié très utile*» [«очень полезного союзника»], *qui est peut-être appelé à lui* (Пруссии) *rendre grands services, pourvu qu'elle s'y prête un peu* [«который призван, может быть, оказать ей (Пруссии) крупные услуги, лишь бы она согласилась на это»]. Переведенное на немецкий язык это «*rouvru qu'elle s'y prête un peu*» [«лишь бы она согласилась на это»] означало: «При условии, что Пруссия продаст Франции Рейнскую провинцию»; секрет этот Э. Абу выдал по-французски (см. главу IX, Агентура) уже весной 1860 г. в «*Opinion Nationale*». При подобных отягчающих обстоятельствах я не имел права, исходя из простых догадок, указывать на Э. Абу как на немецкого суфлера провалившегося сочинителя комедий и памфлетиста Дантю. Но теперь я имею право заявить, что немецкая *compère* [кумà] гùма (*compère*) Гильри — никто иной, как нежная Кунигунда Фогта — Людвиг Симон из Трира. Об этом вряд ли догадывался немецкий эмигрант в Лондоне, написавший известный ответ на памфлет Абу!

**ПРИЛОЖЕНИЯ
ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП(б)**

**1. ИЗ ПИСЬМА МАРКСА ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ
В БЕРЛИН ОТ 6 НОЯБРЯ 1859 г.**

Дорогой Лассаль!.. Относительно Фогта. Ты, вероятно, удивился сообщению «Augsburger Allgemeine Zeitung» о процессе Фогта и о странной компании, в которой я там фигурирую.

Вкратце дело заключается в следующем:

Наряду с «Hermann» здесь существовала так называемая рабочая газета «Die Neue Zeit»; ее редактировал в последнее время Эдгар Бауэр. В этой газете сотрудничал Бискамп, занимавший в деревне место школьного учителя. Газета находилась в принципиальном, с позволения сказать, противоречии к «Hermann'у». Эдгар Бауэр считал своевременным разыгрывать из себя коммуниста. Я, конечно, не имел с этим ничего общего. Чтобы избавиться от конкурента, — так писал Бауэр Бискампу, — Кинкель передал печатание своего листка типографщику, печатавшему «Die Neue Zeit», а эта последняя зависела от кредита этого типографщика и была всецело в его власти. Получив это письмо, Бискамп бросается в Лондон и находит не только, что Кинкель уничтожил «Hornisse» путем передачи печатания своего листка, но и что Эдгар Бауэр, редактор так называемой «Рабочей Газеты», перешел в редакцию «Hermann'a» на сторону Кинкеля.

Об этом Бискамп вкратце скажу следующее. Он был когда-то редактором журнала «Hornisse». Он редактировал «Wochenbericht Tageschronik» совместно с Дулоном и Руге. В Швейцарии он вступил в «Союз Коммунистов». Ввиду его связи с Руге мы ни разу не видались с ним за время его пребывания в Лондоне. Я не обращал на него никакого внимания, но он, при случае, делал полемические замечания по моему адресу. Этот человек — любопытная смесь благородных инстинктов, природной (и физической) слабости, аскетизма и бездельничанья, кантовского морального сознания и бесактальных капризов. При его нервной возбудимости он в состоянии пожертвовать «из принципа» любой позиции, внезапно попасть в самое беспомощное положение, некоторое время пассивно и stoически сносить его, а затем вдруг выкинуть какую-нибудь глупость, граничащую с подлостью. Конечно, я изо-

бражаю тебе этого человека не на основании личного знакомства. Я изображаю его облик, который постепенно вырисовывался у меня на основании того, что я узнавал о нем.

Возвращаюсь к своему рассказу. Бискамп тотчас же бросает свое место учителя и, чтобы «повести борьбу труда с капиталом» (то есть с Кинкелем), основывает газету «Volk», не располагая никакими средствами, кроме субсидий одного рабочего союза и т. д. Пока продолжалась эта история, он, разумеется, голодал. Несколько газетных корреспонденций, которые он себе раздобыл в Германии, он потерял, как только прошел слух о его новой функции. Несколько частных уроков давали ему возможность кое-как вести жизнь богемы.

Я должен еще заметить, что с 1851 года я не состою в какой-либо связи ни с одним из официальных рабочих обществ, даже с так называемым коммунистическим. Единственные рабочие, с которыми я встречаюсь, — это 20—30 избранных, которым я *частным образом* читаю лекции по политической экономии. Либкнехт же — председатель рабочего общества, с помощью которого Бискамп основал «Volk».

Через несколько дней после основания этой газеты Бискамп пришел ко мне вместе с Либкнехтом и пригласил меня сотрудничать в ней. Тогда я решительно отклонил это предложение, отчасти вследствие недостатка времени, отчасти потому, что я собирался на продолжительное время покинуть Лондон. Я пообещал только добыть кое-какие денежные суммы от живущих в Англии друзей, что и было сделано. В тот же день я рассказал им обоим то, что однажды сообщил мне о Фогте с величайшим моральным негодованием Блинд, и тут же назвал им источник моей информации. Как я впоследствии узнал, Бискамп воспользовался этим материалом для статьи. Во время моего отсутствия он перепечатал в «Volk» анонимный памфлет Блинда, печатавшийся в той же типографии, что и «Volk». В то же самое время Либкнехт послал копию памфлета в «Augsburger Allgemeine Zeitung», которую он снабжает английскими статьями. (По поводу этого последнего обстоятельства следует заметить, что здешние эмигранты пишут во всех без различия газетах. Мне кажется, я единственный человек, составляющий в этом отношении исключение, так как я не пишу *ни в одной* немецкой газете. Замечу, между прочим, что через *прусское* посольство, которое в свою очередь использовало в качестве своего орудия английского издателя Вильямса, Пальмерстон пытался удалить Либкнехта из «Augsburger Allgemeine Zeitung» за его антиправительственное направление.)

После моего возвращения в Лондон «Das Volk» получила от меня и Энгельса несколько статей, не имевших никакого отношения к делу Фогта. Кроме нескольких полемических статей против дипломатических циркуляров Шлейниза, я послал туда только несколько шутливых замечаний, с грамматической точки зрения, об эстетических проповедях Кинкеля в «Негшапп'е». Лондонская жизнь слишком тяжела, чтобы хоть раз за восемь лет не позволить себе такого развлечения.

Газета внезапно перестала выходить, главным образом вследствие недостатка денег. Бискамп, не имевший никаких средств

к существованию, заболел к тому же мучительной болезнью и должен был лечь в немецкий госпиталь. Когда он вышел оттуда, ему буквально пришлось бы умереть с голоду, если бы я не оковал ему поддержку. В это время он обращался в несколько немецких газет, прося место корреспондента, но безуспешно. Наконец, он получил письмо из редакции «Augsburger Allgemeine Zeitung», в ответ на которое он отправил ей свое постыдное послание, конечно, скрыв это от своих друзей. Он, разумеется, думал, что пишет частное письмо. В настоящее время этот осел до крайности подавлен и уже два дня не ест и не спит. Не знам, что с ним станет. Все это я рассказал тебе с такими подробностями не для того, чтобы оправдать, а для того, чтобы объяснить поведение этого человека. Если бы он был таким же продажным человеком, как большинство здешних «демократов», то он не поставил бы себя в положение, которого он не в силах вынести.

Что касается моего заявления в «Augsburger Allgemeine Zeitung», то дело обстоит следующим образом.

Ты знаешь, что Блинд напечатал разоблачение, направленное против Фогта. Одновременно с этим в газете «London Free Press» (газета Уркарта) появилась его анонимная статья в основном того же содержания — я прилагаю ее в настоящем письме, — хотя и не упоминающая имени Фогта и некоторых деталей. Когда Фогт возбудил обвинение против «Augsburger Allgemeine Zeitung» и она обратилась к Либкнехту, Либкнехт, ответственный перед «Augsburger Allgemeine Zeitung», естественно обратился ко мне, а я к Блинду. Но Блинд не захотел нести ответственность за свои слова. Все основано, мол, на недоразумениях. Все это дело его не касается. Он дошел даже до того, что дал честное слово, что не имеет ничего общего с анонимным памфлетом. Повторные требования не привели ни к чему. Такое поведение было тем более подлым, что, как было известно этому филястеру, Фогт в Лондоне частным образом, а в Швейцарии публично, указывал на меня как на источник разоблачений, и изображал все дело, как результат враждебного завистничества коммуниста к «великому демократу» и «бывшему имперскому регенту». Поэтому я прежде всего обратился к Колету, который заявил без всяких околичностей, что статью в «Free Press» написал Блинд. Затем я раздобыл показания наборщика, набиравшего памфлет. Вероломство Блинда заслуживало наказания. Я совсем не хотел таскать капитаны из огня для этого «республиканца». Да и кроме того, истина выяснился только тогда, когда я заставил Фогта и его выступить друг против друга. Наконец, «Augsburger Allgemeine Zeitung», как и всякая газета, печатающая подобные разоблачения, заслуживала, чтобы ей были даны все объяснения относительно обстоятельств дела.

Вся вульгарная демократия Германии обрушится теперь на меня, и глупость Бискампа будет ей на-руку. Конечно, я не собираюсь грызться во всяких газетках со всеми этими собаченками, но господина Эдуарда Мейена из «Freischütz» я все же считаю нужным проучить, чтобы не повадно было другим. Я посыпал один экземпляр в «Augsburger Allgemeine Zeitung» и один в гамбургскую «Reform». Было бы очень хорошо, если бы посыпаемый тебе экземпляр был опубликован в какой-либо берлинской газете...

2. ЗАЯВЛЕНИЕ МАРКСА ОТ 7 НОЯБРЯ 1859 г.,
НАПЕЧАТАННОЕ В «DIE REFORM» № 139
ОТ 19 НОЯБРЯ 1859 г.

ИОД ЗАГЛАВИЕМ: «К ПРОЦЕССУ КАРЛА ФОГТА,
ИРОТИВ «AUGSBURGER ALLGEMEINE ZEITUNG»

Из № 132 «Freischütz», который мне прислал один приятель из Гамбурга, я усматриваю, что Эдуард Мейен счел себя обязанным со всем своим веским авторитетом вмешаться в дело Фогта. Лояльная, или, вернее сказать, ослиная сила его логики сконцентрирована в замечательном суждении: так как он был в дружеских отношениях с Блиндом, а Блинд не прислал ему копии анонимного памфлета, то посланный мною в «Augsburger Allgemeine Zeitung» подлинный документ непременно подложенный. При своей мелкой хитрости он, разумеется, остегается сказать это прямо; он говорит это косвенно.

Междум прочим, я хотел бы, чтобы г. Эдуард Мейен доказал, что мое время ничего не стоит и что я могу поэтому его тратить, занимаясь нападками на немецкую вульгарную демократию.

С конца 1850 г. я порвал всякие отношения с немецкой лондонской эмиграцией, которая тотчас распалась, когда я вырвал у нее из-под ног единственную объединявшую ее почву — оппозицию против меня. Процесс ее распада был особенно ускорен стараниями таких агентов, как Мейен, который, напр., открыто агитировал за фракцию Кинкеля против фракции Руге. В течение 9 лет, которые протекли с тех пор, я был все время сотрудником «Нью-Йоркской Трибуны», газеты, насчитывающей 200 000 подписчиков, — круг читателей приблизительно такой же, как у «Freischütz». Назвал ли я хоть раз кого-нибудь из немецких вульгарных демократов, удостоил ли я хотя бы одним словом те грязные нападки, направленные против меня, которыми эти доблестные мужи в течение 5 лет заполняли немецкую и особенно немецко-американскую печать?

Правда, я за это время нападал, но не клеветал на «великих» демократов, перед которыми из чувства долга преклоняется г. Эдуард Мейен. Так, я нападал на великого демократа лорда Пальмерстона. И моя вина была тем более непростительна, что моя «клевета» была не только перепечатана английскими газетами самых различных направлений — от чартистской «People's Paper» до органа г. Уркarta «Free Press», — но она же без какого-либо участия с моей стороны была переиздана отдельным памфлетом по меньшей мере в 15 000 экземпляров в Лондоне, Шеффилде и Глазго. Я разоблачал в это же время великого демократа Луи Бонапарта — сперва в немецкой брошюре («18-ое брюмера Луи Бонапарта»), которая на германской границе была повсюду конфискована, но широко распространялась в Соединенных Штатах и в выдержках появилась в тогдашнем лондонском органе чартистов. Клеветать на «великого демократа» Луи Бонапарта я продолжаю в «Трибуне» до настоящего дня, подвергая анализу его финансовую систему, его дипломатию, его способы ведения войны, его idées napoléoniennes (наполеоновские

идей). *Луи Бонапарт* прислал в «New York Times» официальное благодарственное письмо за ее выступления против этих «клеветнических» нападок. 7 лет тому назад я изобличил даже «великого демократа» Штибера в брошюре «Разоблачения о процессе коммунистов», которая была уничтожена на баденско-швейцарской границе. Это г. Мейен мне уж как-нибудь простит. Теперь эта клевета демократична, так как она «с высокого соизволения начальства». Как часто я за это время ошибался, доказывает наряду с органом г. Эдуарда Мейена также и орган г. Иосифа Дюмона в Кёльне. Когда я в 1848 и 1849 гг. взял на себя смелость выступить в «Новой Рейнской газете» за венгерскую, итальянскую и польскую нации, кто больше шипел и поднимал вой, чем орган г. Иосифа Дюмона в Кёльне. Правда, тогда еще *Луи Наполеон Бонапарт* не приобщал национальностей к «либеральной» благодати. Что бывшие редакторы «Новой Рейнской газеты» остались верны своим взглядам, об этом даже бывший г. Иосиф Дюмон, ныне Джузеппе Дельмонте, знает из памфлета «По и Рейн», опубликованного в начале войны Фридрихом Энгелисом. Что же касается эдвард-мейенской демократии «в узком смысле слова», то после того как я ее игнорировал в течение 9 лет, я только дважды и притом недавно нарушил молчание: один раз против Кошута и другой раз против г. Готфрида Кинкеля. Действительно, я опубликовал в «Das Volk» несколько заметок к эстетическим излияниям Кинкеля в «Hermann» с чисто грамматической точки зрения. Это было все, что я написал в «Das Volk», кроме статьи о Виллафранкском мире под заглавием Qui pro quo. Но по представлениям Эдуарда Мейена «добрый демократ» имеет, повидимому, такое же право нарушать «деспотические» правила синтаксиса, как и перебегать из республиканского лагеря в роялистский.

В конце этого послания я нахожусь в затруднении, противоположном тому, в каком находился Гегель в начале своей Логики. Он хочет там перейти от «бытия» к «ничто», я — от «ничто» к «бытию», т. е. от Эдуарда Мейена к делу, к делу Фогта. Чтобы не тратить лишних слов, поставлю Карлу Блинду следующие вопросы:

1) Не сделал ли мне Блинд 9 мая на трибуне во время Уркартовского митинга несколько сообщений о Фогте, по содержанию целиком совпадающих с памфлетом «Предостережение»?

2) Опубликовал ли Блинд в лондонской «Free Press» от 27 мая анонимную заметку, под заглавием: «Великий князь Константин — будущий король Венгрии», передающую в основном содержание памфлета «Предостережение», только без упоминания имени Фогта?

3) Не заказал ли Блинд напечатать названный памфlet за свой счет в Лондоне, в типографии г. Ф. Холлингера, Litchfieldstreet, Soho, 3?

Вопреки всем уверткам мейеновской демократии и даже на перекор великолюному неизнакомцу, «превосходному юристу» г. Иосифу Дюмону, все вертится вокруг вопроса: кто заказал напечатать памфлет «Предостережение». Только за перепечатку этого памфleta привлечена к ответственности «Augsburger Allgemeine

Zeitung. Только от обвинений, содержащихся в этом памфлете, Фогт счел себя обязанным очиститься перед миром. Перед издателем памфлета, как выразился бы Роберт Пиль, «three courses open to himself» (лежали три пути). Либо он сознательно лгал. Этого я о *Карле Блинде* не думаю. Либо он впоследствии убедился, что сведения, давшие ему право напечатать памфлет, были ложные. Тогда он тем более обязан дать объяснение. Либо, наконец, доказательства у него в руках, но из личных соображений он хочет замять все дело и с великодушием и смирениемносит гнилые яйца, которыми будут бросать в меня, а не в него. Но не должны ли все личные соображения отпасть в таком важном деле, как выяснение отношений между германским имперским регентом *in partibus* (в изгнании) и императором французов *de facto* (на троне)?

Карл Маркс.

3. ИЗ ПИСЬМА МАРКСА ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ В БЕРЛИН ОТ 14 НОЯБРЯ 1859 г.

Дорогой Лассаль!.. По отношению к Фогту для нашей партии — в противоположность вульгарной демократии — дело идет о том, чтобы заставить его поднять перчатку, брошенную Блиндом. Оба они, повидимому, одинаково трусливо стараются быть подальше друг от друга. Фогт поступил очень ловко, когда он превратил меня в источник разоблачения, а во-вторых, напал не на издающийся в Лондоне «Volk», а на Аугсбургскую «Allgemeine Zeitung». Поскольку речь идет обо мне, он все может объяснять местью, хотя бы из-за былой вражды к нему «Neue Rheinische Zeitung». (Ты, конечно, знаешь, что когда Лупус попал в Франкфуртское национальное собрание, он выступил против благородственного адреса Уланда регенту Иоганну. Фогт воспользовался случаем, чтобы излить свой яд. Он произнес бранную речь против «Neue Rheinische Zeitung» вообще и против Лупуса в частности. Лупус вызвал его на дуэль. Но Фогт заявил, что его шкура слишком необходима отечеству, чтобы подвергать ее такой опасности. В ответ на это Лупус пригрозил угостить его публично, на улице, пощечиной. С тех пор Фогт стал появляться не иначе, как в сопровождении своей сестры, с одной стороны, и знакомой своей сестры — с другой. Лупус же был слишком вежлив и т. п.). Кроме того, господин Фогт знал, что германская вульгарная демократия видит во мне своего злейшего врага. Далее, если бы он привлек к суду не «Allgemeine Zeitung», а «Volk», то Блинд и прочие были бы вынуждены дать присягу на суде, и дело *неизбежно* выяснилось бы. Наконец, сразиться с революционной газетой — совершенно иное дело, чем с реакционной «Allgemeine Zeitung». Забавно было наблюдать, как «благородный Фогт» (выражение «округленный» Фогт, как его называл его защитник, к нему более подходит) нападал на меня в своем «Biseler Handelskuriere». Я нахожусь, мол, в связи с «полицией», живу за счет рабочих и т. п. глупости.

Что касается Кошута, то все подробности его сделки с Бонапартом *мне* сообщил Семеро (бывший венгерский премьер-ми-

нистр, живущий в настоящее время в Париже). Я послал ему мою статью в «Tribune» против Кошута и перешлю ее тебе, как только он вернет мне эту вырезку обратно из Парижа. Забавнее всего при этом то, что агент Кошута Пульский состоит лондонским корреспондентом «Tribune»... Привет.

Твой К. М.

**4. ЗАЯВЛЕНИЕ МАРКСА ОТ 15 НОЯБРЯ 1859 г.,
НАПЕЧАТАННОЕ В «AUGSBURGER ALLGEMEINE
ZEITUNG», № 325 ОТ 21 НОЯБРЯ 1859 г.**

Фогт, который знает свою братию, сделал очень ловкий маневр, переместив *первоисточник* направленных против него разоблачений из так называемого демократического лагеря в социалистический. Но я, в свою очередь, никакого не заинтересован помогать этому qui pro quo и не могу поэтому оставить без ответа заявление Блинда в № 133 «Allgemeine Zeitung».

1) 9 мая, во время Уркартовского митинга, Блинд сообщил мне на эстраде все обвинения, выдвинутые против Фогта в памфлете «Предостережение». Эти же подробности он рассказывал и другим, напр., Фрейлиграту. При полном тожестве, по содержанию и языку, его устного рассказа и печатного памфлета, его *de prime abord* (с первого же момента), естественно, считали автором памфлета.

2) В лондонской «Free Press» от 27 мая появилась анонимная статья Блинда под заглавием «The grand Duke Constantine to be King of Hungary» («Великий князь Константин — будущий король Венгрии»), которая в основном предвосхищает памфлет «Предостережение». В этой статье Блинд заявляет, что ему известны либералы в Германии и демократы в Лондоне, которым были предложены «large bribes» («крупные взятки») за бонапартистскую пропаганду. Когда процесс Фогта стал темой дня, меня посетил ответственный редактор «Free Press», Д. Колет, и *от имени* Блинда просил меня не пользоваться своей осведомленностью об авторе названной статьи. Я ответил г. Колету, и он нашел это вполне правильным, что я не беру на себя никаких обязательств и что моя скромность будет зависеть от поведения Блинда.

3) Заявление Фиделио Холлингера просто смешно. Фиделио Холлингер знает, что он формально нарушил английский закон, издав памфлет *без указания места его печатания*. Он самочинно выдает себе свидетельство в его непричастности к этому греху. Случайно перепечатка памфлета в «Das Volk» была сделана с набора, еще сохранившегося в типографии Холлингера. Таким образом и без свидетельских показаний, посредством простого сравнения памфлета с его перепечаткой в «Das Volk», можно было бы доказать на суде, что памфлет «вышел из типографии Ф. Холлингера». Перенесение судебного процесса из Аугсбурга в Лондон вообще раскрыло бы всю тайну Блинда — Фогта.

Карл Маркс.

5. ЗАЯВЛЕНИЕ МАРКСА, АДРЕСОВАННОЕ
РЕДАКТОРУ «FREE PRESS» ОТ 4 ФЕВРАЛЯ 1860 г.
ПОД ЗАГЛАВИЕМ «ПРОЦЕСС ПРОТИВ
АУГСБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ». ¹

Милостивый Государь,

В «Free Press» от 27 мая 1859 г., как Вы помните, появилась статья под заглавием «Великий князь Константин — будущий король Венгрии». В этой статье г. Фогт из Женевы, хотя его имя и не было названо, был изображен в понятной для немецких эмигрантов форме, как бонапартистский агент, который в начале итальянской войны предлагал «крупные взятки» либералам в Германии и немецким демократам в Лондоне. Автор выражает свое восхищение по поводу того, что эти попытки подкупа встретили негодующий отпор. Я утверждаю, что составитель этой заметки — Карл Блинд. Вы можете опровергнуть меня, если я ошибаюсь. Некоторое время спустя в Лондоне распространялся анонимный немецкий памфлет, озаглавленный «Zur Warnung» (Предостережение), который по существу дела можно рассматривать как воспроизведение статьи в «Free Press»; он только приводит больше подробностей и имя Фогта. Этот анонимный памфлет был перепечатан в немецкой лондонской газете «Das Volk» (Народ) и оттуда перешел на столбцы «Augsburger Allgemeine Zeitung» (Аугсбургской газеты), которую Фогт и привлек к судебной ответственности за клевету. Тем временем я получил от наборщика Фегеле, работавшего тогда у издателя газеты «Das Volk» Холлингера, письменное заявление о том, что памфлет печатался в типографии Холлингера и был написан Карлом Блиндом. Это заявление, как я в свое время сообщил вам, было переслано «Аугсбургской газете». После того, как Аугсбургский суд отказался вынести решение по этому делу, Блинд выступил, начиная с «Аугсбургской газете». Не довольствуясь категорическим отрицанием того, что он автор анонимного памфлета, он самым решительным образом заявил, что памфлет *вовсе не был выпущен типографией Холлингера*. В доказательство этого последнего утверждения он опубликовал заявление, подписанное Холлингером, им самим и неким Вие, наборщиком, который, по его словам, работал у Холлингера одиннадцать месяцев без перерыва. На это совместное заявление Блинда, Холлингера и Вие я ответил в «Аугсбургской газете»; но Блинд в свою очередь выступил вторично со своим утверждением и снова сослался на свидетельство Холлингера и Вие. Фогт, который с самого начала из своих личных целей указывал на меня, как на тайного автора памфлета, опубликовал тогда *брошуру* с самыми подлыми клеветническими выпадами против меня.

Прежде чем предпринять дальнейшие шаги, я хочу раскрыть молодцов, которые явным образом сыграли на руку Фогту. С этой целью я публично заявляю, что показания Блинда, Вие и Холлингера, будто анонимный памфлет *не был напечатан в типографии Холлингера, 3, Litchfieldstreet, Soho — преднамеренная ложь*.

¹ Появилось отдельной листовкой. Ред.

Во-первых, один из бывших наборщиков Холлингера, Фёгеле, заявил под присягой, что указанный памфлет был напечатан в типографии Холлингера, был написан рукой Блinda и частью набран самим Холлингером. Во-вторых, в судебном порядке может быть доказано, что этот памфлет и статья в «Das Volk» набраны были одним и тем же шрифтом. В-третьих, будет показано, что Вы не работали у Холлингера одиннадцать месяцев подряд и, в частности, не работали у него в то время, когда печатался памфлет. Наконец, могут быть вызваны свидетели, в присутствии которых Вы сам признали, что Холлингер уговорил его подписать заведомо ложное заявление, напечатанное в «Аугсбургской газете». На основании всего этого я снова заявляю, что вышеупомянутый Карл Блind — гнусный лжец.

Если я не прав, он может без труда меня опровергнуть, обратившись в английский суд.

Карл Маркс.

6. ЗАЯВЛЕНИЕ МАРКСА РЕДАКТОРУ «DAILY TELEGRAPH» ОТ 6 ФЕВРАЛЯ 1860 г.¹

В Вашем сегодняшнем номере Вы печатаете письмо под заглавием «Газетные пособники Австрии», полное клеветнических и позорящих меня обвинений. Это письмо, написанное якобы во Франкфурте-на-Майне, вероятно, составлено в Берлине и в сущности лишь неуклюже воспроизводит две статьи, помещенные в «Berg-Liner Nationalzeitung» от 22 и 25 января. Этой газете придется ответить за свою клевету перед прусским судом. Свой пасквиль против меня Форт выпустил под ложным предлогом, будто я являюсь автором анонимного немецкого памфлета «Zur Warnung» («Предостережение»), который сперва был распространен в Лондоне, а затем перепечатан в «Augsburger Allgemeine Zeitung». Из прилагаемого газетного сообщения Вы увидите, что я предложил моим проповедникам передать этот вопрос на рассмотрение английского суда.

В заключение я требую, чтобы Вы, если не желаете предстать перед судом в качестве обвиняемого в клевете, в следующем же номере поместили извинения за легкомыслие, с которым Вы осмелились позорить человека, личный характер, политическое прошлое, литературные произведения и социальное положение которого — Вы должны это признать — Вам совершенно не известны.

Ваш покорный слуга *Д-р Карл Маркс.*

Лондон.

7. ЗАЯВЛЕНИЕ МАРКСА В РЕДАКЦИЮ «KÖLNISCHE ZEITUNG» ОТ 6 ФЕВРАЛЯ 1860 г., НАПЕЧАТАННОЕ В «KÖLNISCHE ZEITUNG» 10 ФЕВРАЛЯ 1860 г.

Настоящим заявляю, что мною сделаны подготовительные шаги для привлечения к суду берлинской «Nationalzeitung» по обвине-

¹ В газете не было опубликовано; печатается по черновику заявления Маркса. Ред.

нию ее в клевете за передевые статьи в №№ 37 и 41 по поводу памфлета Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung». Фогту я отвечу в печати позднее, так как для этого потребуется опросить ряд лиц, находящихся за пределами Европы.

Поэтому ограничусь пока следующим:

1) Судя по цитатам в «Nationalzeitung» — самой книжки Фогта мне не удавалось до сих пор достать в Лондоне ни у книгопродавцев, ни у знакомых, которым прежде Фогт присыпал свои так называемые «Исследования», — страницы Фогта лишь дальнейшее развитие статьи, опубликованной им девять месяцев назад в его личном «Moniteur», в «Bielemer Handelskuriere». Тогда я дал перепечатать его пасквиль в Лондоне без комментариев. Здесь, где знают людей и их взаимоотношения, этого простого мероприятия было достаточно для характеристики господина профессора.

2) Предлогом, под которым г. Фогт открыл против меня свой поход, как и предлогом итальянского похода, служит «идея». Именно, я якобы автор анонимного памфлета «Предостережение». Из опубликованного мною на английском языке циркуляра, который я при сем прилагаю, вы увидите, как я нашел способ заставить г. Блинда и его присных, чтобы они или признали своим молчанием, что этот предлог — ложь, или были уличены во лжи английским судом.

Карл Маркс.

Лондон, 6 февраля 1860 г.

8. ЗАЯВЛЕНИЕ МАРКСА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «AUGSBURGER ALLGEMEINE ZEITUNG» ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1860 г.¹

В одном из двух писем, полученных мною 16 октября 1859 г. от редакции «Augsburger Allgemeine Zeitung», дословно говорится:

«Будьте уверены, что мы с особой признательностью воспользуемся всяkim случаем, чтобы выразить Вам, глубокоуважаемый г. Маркс, нашу благодарность».

Что я не ждал и не желал от «Augsburger Allgemeine Zeitung» ни «благодарности», ни «особой признательности», достаточно ясно доказывает мое ответное письмо от 19 октября. Но чего я ожидал специально в этом случае — это хотя бы самой обыкновенной справедливости, в которой не решится отказать ни одна английская газета, какого бы направления она ни была.

«Особая признательность» и «благодарность» проявились в следующем:

1) Мое первое заявление не было напечатано. Вместо него было напечатано наглое заявление Блинда вместе с двумя ложными свидетельскими показаниями, полученными по предварительномуговору; Гамбургская «Reform» напечатала мое заявление немедленно.

¹ Не было опубликовано в газете; печатается по черновику заявления Маркса. Ред.

2) Мне пришлось прибегнуть к некоторому насилию, чтобы добиться помешания моего ответного заявления против Блинда. При этом, вопреки моему законному требованию, оно не появилось там же, где были помещены нападки Блинда, т. е. в основном выпуске газеты.

3) «Augsburger Allgemeine Zeitung» помещает второе заявление Блинда, в котором он имеет наглость называть мои слова грубой ложью и опять ссылаться на два свидетельских показания Вие и Холлингера, которые представляют уголовно наказуемые действия. Газета заявляет, что считает вопрос исчерпанным, и лишает меня возможности ответить.

4) 6 февраля я посыпаю в «Augsburger Allgemeine Zeitung» свое последнее заявление вместе с английским циркуляром. Достопочтенная редакция откладывает его в сторону и вместо этого печатает заявление Блинда, которое было вызвано моим циркуляром. Газета, правда, поостереглась перепечатать «любовную записочку», приложенную этим великим дипломатом. Далее, она печатает заявление Бискампа, датированное тремя днями позже моего (а именно: Лондон, 9 февраля). Наконец, после того, как газета убедилась, что мое заявление давно напечатано в «Kölnische Zeitung», «Volkszeitung» и т. д., она решилась напечатать его, но... при этом любезно взяла на себя смелость подвергнуть меня цензуре и внести в него произвольные изменения. В 1842—1843 году я подвергался в Кёльне двойной королевско-прусской цензуре, но никогда не предполагал, что в 1860 г. мне еще придется попасть под цензуру д-ра Кольба и К°.

Я считаю совершенно бесполезным давать более подробную характеристику подобному поведению.

R. Маркс.

9. ПИСЬМО МАРКСА ФЕРДИНАНДУ ФРЕЙЛИГРАТУ В ЛОНДОН ОТ 23 ФЕВРАЛЯ 1860 г. ИЗ МАНЧЕСТЕРА

Дорогой Фрейлиграт! Пишу тебе еще раз, притом в последний раз, по делу Фогта. Ты даже не подтвердил получения моих первых двух писем, что ты сделал бы по отношению к любому филистеру. Я не могу понять, как мог ты вообразить, будто я хочу добиться от тебя письма с целью его опубликования. Тебе известно, что у меня имеется не менее двух сотен твоих писем, в которых достаточно материала, чтобы — в случае надобности — установить твое отношение ко мне и к партии.

Я пишу тебе это письмо потому, что ты, как поэт, да еще к тому же заваленный делами, ошибаешься, повидимому, относительно значения процессов, возбужденных мною в Лондоне и Берлине. Они имеют решающее значение для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии; берлинский процесс в особенности, потому что одновременно с ним будет разбираться процесс Эйхгофа-Штибера, в центре внимания которого будет кёльнский процесс коммунистов.

Претензии, которые ты можешь иметь ко мне:

- 1) Я злоупотребил твоим именем (как ты сказал Фаухеру).
- 2) Я устроил тебе в твоей конторе нечто вроде «сцены».

К п. 1. Я сам *никогда* не называл твоего имени и только в «Augsburger Allgemeine Zeitung» я заявил, что Блинд рассказал тебе приблизительно то же самое, что и мне. *Это факт*. Я с самого начала сознавал, как важно указать на *истинное происхождение* памфлета, и я имел право сослаться на свидетеля, слышавшего слова Блинда.

Что касается письма *Либкнехта* в редакцию «Augsburger Allgemeine Zeitung», в котором он ссылается на тебя и на меня (по поводу Блинда), то в случае надобности он *клятвенно* подтвердит, что сделал это *без моего ведома*; точно так же *без моего ведома, во время моего пребывания в Манчестере*, он послал в «Augsburger Allgemeine Zeitung» памфлет «Zur Warnung» («Предостережение»). Когда «Augsburger Allgemeine Zeitung», привлеченная Фогтом к ответственности, обратилась к Либкнехту, он еще сомневался, не воспользоваться ли я возможностью дезавуировать его, и даже удивился, когда я ему сразу же заявил, что всемерно буду помогать ему.

В *посланном тебе письме* я встал на его защиту, высказавшись против того, что ты ему писал, просто потому, что мне показалось невеликодушным с твоей стороны, со стороны человека с именем и общественным положением, обрушившись в стол резкой форме на безвестного и ютившегося в мансарде члена партии, с которым ты был до того в самых хороших отношениях.

Что же касается раздраженного тона моего письма, то объяснялось это различными обстоятельствами.

Прежде всего меня глубоко задело, что ты, повидимому, веришь Блинду больше, чем мне.

Во-вторых, из твоего письма ко мне по поводу «Morning Advertiser» (в связи со статьей о шиллеровских торжествах), письма, написанного в весьма раздраженном тоне, как будто вытекало, что ты считаешь меня способным на такую гнусность, чтобы я не только тайком втиснул в статью Блинда оскорбительное для тебя место, но и изобразил это затем тебе, как выходку Блинда. Право же не знаю, чем мог я заслужить такое позорящее меня подозрение.

В-третьих, мое личное письмо к тебе ты показал Блинду.

Наконец, я вправе был ожидать, в особенности после статьи в «Gartenlaube», что ты в своем заявлении в «Augsburger Allgemeine Zeitung» хотя бы одним намеком рассеешь видимость того, что оно знаменует личный разрыв со мной и публичное отречение от партии. Не могло меня порадовать и то, что второе твое заявление появилось вместе с заявлением Блинда и что твое имя прикрывало его лживые утверждения и искажения. Как бы то ни было, даю тебе честное слово, что *все* заявления Либкнехта в «Augsburger Allgemeine Zeitung» были мне совершенно неизвестны до появления их в газете.

К п. 2. Как раз в тот день, когда я заходил в твою контору, мною были получены из Берлина оба номера «Nationalzeitung» (в первом были напечатаны появившиеся впоследствии в «Tele-

graph гнусные выдержки и комментарии). Дома были все крайне возбуждены, и состояние моей бедной жены было действительно ужасно. В то же время я получил из Германии письмо, в котором мне сообщали, что, кроме твоих заявлений, появившихся в «Augsburger Allgemeine Zeitung», в подлой книге Фогта также имеется твое письмо, из которого видны твои близкие отношения с Фогтом и выясняется, что твое имя — это единственное значительное имя, на котором Фогт наживает политический капитал и которое придает вес его гнусностям в глазах публики. Представь себя в моем положении и спроси себя, не бросилась ли бы и тебе кровь в голову и не потерял ли бы и ты в этот момент самообладание?

Повторяю еще раз: в письме этом речь идет не о *частных интересах*. В лондонском процессе я могу без твоего разрешения добиться обязательного для тебя вызова в суд в качестве свидетеля. Для берлинского процесса я имею в своем распоряжении твои письма, которые в случае надобности могу приобщить к делу. Во всем этом деле я отнюдь не одинок. Во всех странах — в Бельгии, Швейцарии, Франции и Англии — постыдное нападение Фогта создало мне неожиданных союзников, даже в лице людей, принадлежащих к совершенно иным направлениям.

Но в интересах обеих сторон и в интересах самого дела лучше бы действовать в согласии.

С другой стороны, откровенно говорю тебе, что я не могу решиться из-за незначительных недоразумений потерять одного из тех немногих, кого я любил, как друга в подлинном смысле этого слова.

Если я чем-либо перед тобой виноват, то я во всякое время готов признаться в моей ошибке. *Nihil humanum a me alienum puto* (ничто человеческое мне не чуждо).

Наконец, я вполне понимаю, что в твоем нынешнем положении всякая история вроде этой не может не быть тебе противной.

Но ты, со своей стороны, не можешь не согласиться с тем, что поставить тебя совершенно вне этого дела *невозможно*.

Во-первых, потому уже, что Фогт наживает на твоем имени политический капитал и делает вид, что он с твоего одобрения заbrasывает грязью всю партию, которая гордится тем, что считает тебя в своих рядах.

К тому же из членов бывшего кёльнского центрального комитета случайно *единственный* ты проживал с конца 1849 г. до весны 1851 г. в Кёльне, а с тех пор находишься все время в Лондоне.

Если мы оба сознаем, что мы, каждый по-своему, отбрасывая всякого рода частные интересы и из самых чистых побуждений, в течение долгих лет несли знамя «класса, наиболее обремененного трудом и нуждой», подняв его на недосягаемую для филистеров высоту, то я счел бы за недостойное прегрешение против истории, если бы мы разошлись из-за пустяков, которые все в конце концов сводятся к недоразумениям.

С искреннейшей дружбой

твой Карл Маркс.

10. ИЗ ПИСЬМА МАРКСА ФЕРДИНАНДУ ФРЕЙЛИ-
ГРАТУ В ЛОНДОН ОТ 29 ФЕВРАЛЯ 1860 Г.
ИЗ МАНЧЕСТЕРА

Дорогой Фрейлиграт!.. *Мой процесс против «Nationalzeitung».* Прежде всего замечу, что с тех пор, как в ноябре 1852 г. по моему предложению «Союз» был распущен, я больше никогда не принадлежал и не принадлежу к какому-либо тайному или легальному обществу, следовательно, партия в этом совершенно эфемерном смысле слова перестала для меня существовать вот уже восемь лет. Лекции по политической экономии, которые я читал после выхода моей работы (с осени 1859 г.) некоторым избранным рабочим, в том числе и бывшим членам Союза, не имели ничего общего с закрытым обществом, даже менее, например, чем доклады г. Герстенберга в шиллеровском комитете.

Ты помнишь, что я получил от руководителей довольно разветвленного Нью-Йоркского Коммунистического Союза (в числе их был и Альбрехт Комп, директор Генерального Банка, 44 Exchange Place, Нью-Йорк) прошедшее через твои руки письмо, в котором меня в известной мере просили реорганизовать старый «Союз». Прошел целый год, прежде чем я ответил, а затем я написал, что с 1852 года я не состою в связи ни с какими объединениями и что я глубоко убежден в том, что мои теоретические работы более полезны для рабочего класса, нежели участие в объединениях, время которых на континенте прошло. После этого в Лондонской «Neue Zeit» г. Шерцера не раз помещались резкие нападки на меня за эту «бездейственность», хотя я и не назывался там по имени, но было вполне ясно, о ком идет речь.

Приехавший (в первый раз) из Дюссельдорфа Леви, который и тебя тогда часто посещал, вздумал даже меня соблазнить восстанием фабричных рабочих в Изерлоне, Лозингене и пр. Я резко высказался против такой бесполезной и опасной глупости. Кроме того, я ему заявил, что не принадлежу больше ни к какому «Союзу» и безусловно *не могу* вступать в такого рода объединения, в частности, ввиду опасности, которой такое объединение угрожает живущим в Германии. Леви вернулся в Д[юссельдорф] и, как мне вскоре оттуда написали, высказывался там с большой похвалой о тебе, одновременно всячески обличая мое «доктринерское» безразличие.

Итак, о «партии» в том смысле, в каком ты о ней пишешь, я ничего не знаю, начиная с 1852 года. Если ты — *поэт*, то я — *критик*, и, право, с меня хватит опытов, проделанных с 1849 по 1852 год. «Союз», так же как «Общество времен года» в Париже, как сотни других обществ, был лишь эпизодом в истории партии, повсюду стихийно вырастающей на почве современного общества.

В Берлине мне нужно доказать две вещи (я имею в виду старую и уже устаревшую историю с «Союзом»):

Во-первых, что с 1852 г. не существует общества, членом которого я бы состоял.

Затем, что г. Фогт — *гнуснейший клеветник*, раз он еще хуже Теллеринга забрасывает грязью существовавшее до 1852 г. общество коммунистов.

Относительно последнего пункта *ты*, несомненно, сам свидетель, и твое письмо к Руге (помеченнное летом 1851 г.) служит доказательством того, что в течение периода, о котором здесь только и идет речь, ты рассматривал подобного рода нападки, как направленные и против тебя лично.

Заявления в «Morning Advertiser», «Spectator», «Examiner», «Leader», «People's Paper» были подписаны и тобою. Одна из копий этих заявлений находится среди судебных материалов ёльинского процесса.

К тому же ты не сделал никаких возражений, когда об этом было вновь упомянуто в моих «Разоблачениях» (стр. 47 бостонского издания¹).

Ты фигурировал также в качестве казначея в наших печатных возвозиях по сбору пожертвований в пользу осужденных.

Впрочем, едва ли нужно напоминать об этом.

Но совершенно необходимо, чтобы мой берлинский адвокат имел в руках следующее мое письмо Энгельсу, которое служит официальным документом, так как было послано без конверта и на нем имеются оба почтовых штемпеля — Лондона и Манчестера.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 19 ноября 1852 г.

Дорогой Энгельс! В прошлую среду «Союз» по моему предложению распустил себя, а также объявил несвоевременным дальнейшее существование «Союза» на континенте. Впрочем, на континенте он фактически уже не существует со времени ареста Бюргерса и Резера. Прилагаю заявление для английских газет и т. д. Кроме того, я пишу литографированную корреспонденцию (вместо нее я выпустил впоследствии у Шабелица брошюру) с подробным изложением полицейских безобразий и пр., а для Америки возвозание о пожертвованиях в пользу арестованных и их семейств. Казначей — Фрейлиграт. Подписано всеми нашими товарищами. (Остальные несколько строк не имеют значения.)

Твой К. М.

В таком документе я, разумеется, не могу вычеркнуть ни одного имени. Это единственный случай, когда я пользуюсь твоим именем с целью установления факта, а именно факта распуска «Союза», поскольку твое имя случайно встречается в моем письме от 1852 г. Я не вижу в этом ничего для тебя компрометирующего.

Одно твое письмо, написанное в 1851 г., я хотел бы использовать для брошюры, которая выйдет после процесса. В нем нет абсолютно ничего компрометирующего в юридическом смысле. Но так как это продлится еще много недель, то я переговорю с тобой по этому вопросу лично.

Из высказанного следует:

«Собрания, постановления и выступления партии» после 1852 г. относятся к мирам сновидений, о чем ты, впрочем, мог знать и

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 536, изд. ИМЭЛ. Ред.

без моих уверений и, судя по твоим весьма многочисленным письмам ко мне, повидимому, знал.

Единственная деятельность, которую я вместе с некоторыми единомышленниками по ту сторону океана продолжал и после 1852 г., пока это было нужно, т. е. до конца 1853 г., была «система презрительных насмешек», как окрестил ее г. Людвиг Симон в 1851 г. в «Tribune», «насмешек над демократическим эмигрантским исульничеством и герой в революцию». Твое стихотворение, направленное против Кинкеля, так же, как и твоя переписка со мной в течение того времени, доказывают, что ты был в этом со мной вполне солидарен.

Впрочем, это не имеет никакого отношения к предстоящим процессам.

Теллеринг, Бандя, Флери и др. никогда не принадлежали к «Союзу». Что в бурю поднимается пыль, что во время революции не пахнет розовым маслом и что времена от времени кто-нибудь оказывается забрызганным грязью — это несомненно. Или — или. Однако, если принять во внимание направленные против нас огромные усилия всего официального мира, который, чтобы нас погубить, не только слегка нарушал Уголовный кодекс, но прямо-таки глубоко в нем увязал; если принять во внимание грязную клевету «Демократии глупости», которая не может простить, что у нашей партии больше ума и характера, чем у нее самой; если знать историю всех остальных партий того же периода; если, наконец, спросить себя, какие же факты (а не гнусности какого-нибудь Фогта и Теллеринга, которые можно опровергнуть перед судом) могут быть выдвинуты против всей партии, — то приходишь к заключению, что в нашем XIX столетии наша партия выделяется своей чистоплотностью.

Разве в буржуазном обиходе или в торговых делах возможно избежать грязи? Только там она на своем естественном месте. Пример — сэр Р. Карден (см. парламентскую Синюю Книгу о подкупах на выборах); пример — Г. Клапка, о личности которого я теперь получил самые точные сведения. Клапка ни на иоту не лучше, пожалуй даже хуже, чем «Бандя», которому, впрочем, он и Кошут, несмотря на его черкесские подвиги и на мои публичные разоблачения, до сих пор протежируют в Константинополе только потому, что он слишком близко заглянул им в карты. В личном отношении Бандя был приличнее, чем Клапка. Он содержал любовницу; Клапка же долгие годы сам жил на содержании у своей любовницы и т. д. Пусть чистота Беты уравновешивает грязь Теллеринга, и пусть даже распутство Рейфа находит свой эквивалент в целомудрии Паулы, которая, во всяком случае, не была членом партии, да и не выдавала себя за него.

Респектабельную подлость или подлуюrespектабельность патетически способной (впрочем, и это, как показывает всякий торговый кризис, лишь с весьма двусмысленными оговорками) морали я не ставлю ни на грани выше перспективальной подлости, от которой не были вполне свободны ни первые христианские общины, ни «Клуб Якобинцев», ни наш покойный «Союз». Только в буржуазном обществе постепенно теряешь чувствительность к респектабельной подлости или подлой respектабельности.

3. Особое дело Фогта-Блинда

После Affidavit Фегеле и Вие (ложные Affidavit, как известно, караются ссылкой на поселение) и после вынужденных этими показаниями объяснений Блинда в «Augsburger Allgemeine Zeitung» и Шайбле (в «Daily Telegraph» от 15 февраля) дело настолько *выяснилось*, что теперь твое показание по этому вопросу стало совершенно *излишним*.

В деле Блинда меня смущает только слишком большое обилие данных (*embarras de richesse*).

По этому делу я обратился к Эриству Джонсу, с которым я уже два года не встречался из-за его глупого отношения к Брайту, Джильтину и пр., от которого он теперь *публично* отказался. Я обратился к нему, во-первых, потому, что он по собственному почину — как и многие другие, в том числе совершенно неизвестные мне лица — немедленно по выходе «Telegraph» от 6 февраля выразил мне свое глубокое возмущение по поводу гнусности Фогта, который имеет наглость утверждать, что «Союз Коммунистов» был основан — и действовал в этом направлении с 1849 по 1852 год — с целью *вымогать деньги у скомпрометированных в Германии лиц, угрожая им доносами*, и, на основании моего «родства» с фон-Вестфаленом, делает вывод о моей «близости» с «Neue Preussische Zeitung» (последнему заявлению я обрадовался за свою жену, так как от дам нельзя требовать, чтобы они были нечувствительны к политическим неприятностям и так как они обычно измеряют степень серьезности или несерьезности дружбы как раз по катастрофам); во-вторых, потому, что я не хотел по поводу *весьма сомнительного в юридическом отношении дела* Блинда обратиться к *настоящему английскому адвокату* — не из-за самого Блинда, а из-за его жены и детей. По этим же соображениям я не отсыпал *английского циркуляра* в «Morning Advertiser» и вообще ни в одну *английскую* газету, кроме «[Daily] Telegraph».

Джонс сказал мне следующее: «Ты можешь — в случае надобности я сам пойду с тобой в суд — на основании Affidavit Вие, немедленно добиться приказа об аресте Блинда по обвинению его в злонамеренном словоре. Однако, имей в виду, что это — *уголовное преследование*, и, коль скоро оно будет начато, приостановить его ты уже не будешь в состоянии».

Тогда я спросил Джонса (который может тебе все это подтвердить; адрес его: 5, Cambridge Place, Kentington, W), не может ли он предостеречь Блинда и таким образом заставить его рассказать все, что он знает о Фогте, и сознаться в ложности сделанных им в «Augsburger Allgemeine Zeitung» показаний.

Джонс ответил: «В случаях злоумышленного словоре, ввиду его уголовного характера, всякая попытка со стороны адвоката содействовать улажению дела или компромиссу сама уголовно наказуема».

Джонс выступит в деле с «Telegraph» в качестве моего адвоката.

После сказанного Джонсом я очутился в затруднительном положении, так как, с одной стороны, я перед *своей семьей* обязан заставить «[Daily] Telegraph» напечатать опровержение, а с другой

стороны, я не хотел предпринимать никаких шагов, которые могли бы повредить семье Блинда в правовом отношении. Я нашел выход, послав Луи Блану, другу Блинда, копию обоих Affidavit вместе с письмом, в котором написано, между прочим, буквально следующее:

«Я буду очень сожалеть, не ради самого г. Блинда, который вполне заслужил это, а ради его семьи, если я буду вынужден возбудить против него уголовное преследование».

Этот мой шаг привел к появлению заявления Шайбле (бедняжка!) точно так же, как мой печатный циркуляр, который я немедленно по его выходе послал Блинду, вызвал в тот же день его заявление против Фогта в «Augsburger Allgemeine Zeitung». Блинд с его баденскими увертками позабыл, что он имеет дело с человеком, который бывает беспощаден, когда дело идет о его личной чести или чести его партии.

Положение теперь таково: дело против «Daily Telegraph» возбуждено, но мой адвокат будет затягивать его, пока не кончится процесс против «Nationalzeitung». Если бы Шайбле открыто сообщил мне все, что он знает о Фогте (Шайбле, конечно, простое орудие в руках Блинда), то после его заявлений от 15 февраля в «[Daily] Telegraph» мне было бы совершенно незачем передавать в лондонский суд эти Affidavit. В Берлине же, где это не может иметь никаких судебных последствий для Блинда, избежать этого, конечно, нельзя. Является ли Шайбле подлинным (в литературном смысле) автором «памфлета» или нет, — это не может изменить установленных на основании Affidavit фактов, что приведенные Блиндом в «Augsburger Allgemeine Zeitung» свидетельские показания ложны, что они добыты путем злоумышленногоговора, что памфлет был набран в типографии Холлингера, написан рукой Блинда и передан им Холлингеру для напечатания.

Все эти вещи, конечно, противны, но не более противны, чем вся история Европы, начиная с 1851 года, во всем ее развитии в области дипломатии, военного дела, литературы и кредита.

«Наперекор всему» мы всегда предпочитаем лозунг «Долой филистеров» (Philister über mir!) лозунгу «Да здравствует филистер» (Unter dem Philister!).

Я открыто высказал тебе свой взгляд и надеюсь, что в основном ты его разделяешь. Кроме того, я постарался рассеять недоразумение, будто под «партией» я разумею «Союз», окончивший свое существование восемь лет тому назад, или редакцию газеты, двенадцать лет тому назад прекратившую свое существование. Под партией я понимал партию в великом историческом значении.

Твой искренний друг К. Маркс.

11. ИЗ ПИСЬМА МАРКСА ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ В БЕРЛИН ОТ 3 МАРТА 1860 г. ИЗ МАНЧСТЕРА

Дорогой Лассаль! Отвечаю тебе немедленно, но пишу кратко (надеюсь, однако, ясно), так как по горло занят двумя процессами.

1. Относительно моего процесса против «Nationalzeitung».

О результатах процесса ты не можешь судить потому, что не знаешь, во-первых, какими документами я располагаю, а во-вто-

рых, насколько необоснованы лживые измышления Фогта. Но за *атаку* ты должен был стоять с самого начала. Второй процесс ведется против лондонской газеты «Daily Telegraph» из-за статей из «Nationalzeitung», которые она воспроизвела и размазала. «Daily Telegraph» — *гнуснейшая* газета в Лондоне (а это кое-что значит), но отнюдь не *маленькая* газетка. Из *всех* лондонских газет у неё *самый большой* тираж. Она специально субсидируется *Пальмерстоном*, вот почему в ней так охотно поместили эту мерзость *против меня*. «Рыцаря благородного сознания» ты получиши.

2. «Гордый жест» существует только в твоем воображении, а вот то, что в обоих твоих письмах ко мне, которые я показал Энгельсу, Вольфу и моей жене, по их *единогласному* мнению, видно некоторое смущение из-за мерзкой брошюры Фогта, — это, повидимому, несомненно, если только *tres faciunt collegium* [«трое составляют коллегию»].

Я послал тебе эту записку и пр., чтобы наглядно продемонстрировать тебе, в какую ярость ты придешь, имея дело с этакой мерзостью, даже если она *не напечатана* и не может сравниться с клеветническими измышлениями Фогта¹.

Фогт инкриминировал мне *уголовно-наказуемые* проступки. В твоих письмах я не заметил никакого негодования по отношению к этому филистеру, которому мне еще якобы следовало принести публичные извинения. Если бы Фогт знал о твоих отношениях со мной и имел записку Висса, то он напечатал бы ее в качестве аутентичного документа из истории «Серной банды». Твое предположение, что я до сих пор где-то (помимо одного письма к тебе) публично упоминал о доказательствах, имеющихся у Блинда против Фогта, — легкомысленно. Что [Фогт] — *бонапартистский агент*, мне стало совершенно ясно из его книги. Когда Виллих (Техов написал лишь то, что напечатал ему Виллих в 1850 г.) в 1853 г. обливал меня подобной же грязью в *Соединенных Штатах*, Вейдемайер, д-р Якоби и Клусс сами, прежде чем я узнал об этом, открыто объявили все это бесчестной клеветой. В Германии ни один из моих друзей не заявил ни единого слова протesta против этих неслыханных нападок; вместо этого — письма с отеческими увещаниями по моему адресу.

Поэтому было вполне уместно, послав тебе эту записку и пр., поставить тебя в *мое положение* или, вернее, сделать так, чтобы ты составил себе правильное, несколько более пристрастное и менее доктринерское представление о моем положении.

Твой К. М.

Еще одно. Ты советовал мне подождать с «подачей жалобы», пока я сам не прочту книги Фогта. Но разве выдержки в «Nationalzeitung» были не достаточны? Разве кто-либо *integer vitae scelerisque purus* [безупречной жизни и чистый от преступлений] мог после этого ждать?

¹ К письму Маркса к Лассалю от 23/II 1860 г. была приложена записка д-ра Висса к Клуссу, содержавшая ряд обвинений против Лассаля как личного, так и общественного порядка. Ред.

12. ПИСЬМО МАРКСА ИЗ МАНЧЕСТЕРА
ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1860 г. В РЕДАКЦИЮ «DIE REFORM»
В ГАМБУРГ; НАПЕЧАТАНО В № 29 ОТ 7 МАРТА 1860 г.

На излияния г. Эдуарда Мейена в «Freischütz» № 17—21 отвечаю лишь следующее:

Для судебного освещения памфлета Фогта будет вполне достаточно того процесса, который мною начат против берлинской «Nationalzeitung» по обвинению ее в клевете. Его соучастник Эдуард Мейен не может претендовать на подобную же честь. Все, что я могу сделать для Эдуарда Мейена, это — в брошюре, которая выйдет после процесса, отвести г. Эдуарду Мейену место, соответствующее его размерам.

Карл Маркс.

Манчестер 28 февраля 1860 г.

13. ЗАЯВЛЕНИЕ МАРКСА ОТ 24 НОЯБРЯ 1860 г.
В «AUGSBURGER ALLGEMEINE ZEITUNG»,
НАПЕЧАТАННОЕ В № 336 ОТ 1 ДЕКАБРЯ 1860 г.

Редакция «Allg. Ztg.» любезно опубликовала в начале февраля 1860 г. мое заявление, начинавшееся следующими словами: «Настоящим заявляю, что мною сделаны подготовительные шаги для привлечения к суду берлинской «Nationalzeitung» по обвинению в клевете за передовые статьи в №№ 37 и 41 по поводу памфлета Фогта «Мой процесс против «Allg. Ztg.». Фогту я отвечу в печати позднее».

В феврале 1860 г. я возбудил в Берлине дело о клевете против ответственного редактора «Nationalzeitung» Ф. Цабеля. Мой адвокат, юстицрат Бебер, выбрал сначала *путь обжалования в порядке надзора*. Постановлением от 18 апреля 1860 г. государственный прокурор отказался от «вмешательства» против Ф. Цабеля, так как *отсутствие публичного интереса* не давало для этого повода. 26 апреля 1860 г. его отказ был подтвержден верховым государственным прокурором.

Тогда мой адвокат возбудил *гражданский иск*. Королевский городской суд постановлением от 9 июня 1860 г. *отказал* мне в *иске*, так как действительно оскорбительные «заявления и утверждения» Ф. Цабеля состоят *только из цитат* других лиц; к тому же в них нет «намерения оскорбить». Королевский апелляционный суд объявил со своей стороны, постановлением от 11 июля 1860 г., что якобы форма *цитат* ничего не изменяет в вопросе о наказуемости статей, но что содержащиеся в них оскорбительные места *не относятся* к моей «личности». Кроме того «в подлежащем случае» «нельзя предположить» намерения оскорбить. Королевский апелляционный суд подтвердил таким образом обжалованное постановление городского суда. Королевский *верховный трибунал* постановлением от 5 окт. 1860 г., полученным мною 23 окт. с. г., нашел, что «в подлежащем случае» никакой судебной ошибки «со стороны королевского апелляционного суда *не усматри-*

сается». Отказ в иске против Ф. Цабеля остался таким образом в силе, и до публичного судебного разбирательства дело не дошло.

Мой ответ Фогту появится на этих днях.

Карл Маркс.

**14. ЗАМЕТКА МАРКСА В «DER VOLKSSTAAT»,
НАПЕЧАТАННАЯ В № 31 ОТ 15 АПРЕЛЯ 1871 г.
ПОД ЗАГЛАВИЕМ «ГОСПОДИН ФОГТ» (без подписи)**

В официально опубликованных по приказу французского правительства «Papiers et correspondance de la famille impériale» («Бумаги и переписка императорской фамилии»), в алфавитном перечне *получателей бонапартовских денег* под буквой *V* буквально значится:

«Vogt; il lui est remis en août 1859 40 000 frs.» — что значит: «Фогт; получил в августе 1859 г. 40 000 франков».

**15. СТАТЬЯ ЭНГЕЛЬСА, НАПЕЧАТАННАЯ
В «DER VOLKSSTAAT» № 38 ОТ 10 МАЯ 1871 г.
ПОД ЗАГЛАВИЕМ: «ЕЩЕ РАЗ ГОСПОДИН ФОГТ»
(без подписи)**

Со времени аугсбургской кампании 1859 г., принесшей Фогту столько жестоких ударов, он, повидимому, пресытился политикой. Он со всей энергией занялся естественными науками, в которых уже раньше сделал такие, по его собственному выражению, «изумительные» открытия. Так, — в то самое время, когда Кюхенмейстер и Лейкардт вскрыли в высшей степени сложную историю развития глистов, сделав этим действительно большой шаг вперед в науке, — он сделал изумительное открытие, что глисты состоят из двух классов: из круглых червей, которые круглы, и плоских червей, которые плоски. Теперь он добавил к этому огромному достижению другое, еще большее. Многочисленные находки исконаемых человеческих костей из доисторических времен создали моду на сравнительное изучение черепов различных человеческих рас. Черепа стали измерять по всем направлениям, сравнивали, спорили и ни к каким результатам не пришли, пока, наконец, Фогт не возвестил с обычной уверенностью в победе решение загадки, гласившее, что все человеческие черепа распадаются на два класса: на продолговатые (длинноголовые, долихоцефалы) и округлые (короткоголовые, брахицефалы). Того, чего не могли добиться долголетним, кропотливым трудом самые внимательные и усердные наблюдатели, Фогт достиг путем простого применения своего червячного принципа (*Würmerprinzip*). Если к этим изумительным открытиям прибавить еще открытие нового вида в области политической зоологии, именно открытие серной банды, то и самый требовательный человек должен будет признать, что Фогт для одной человеческой жизни достаточно сделал.

Но великий дух нашего Фогта не знает покоя. Политика сохранила свою непреодолимую привлекательность для этого человека, который и в пивных свершил не мало великих дел. Удары, полу-

ченные в 60-м году, были благополучно изжиты, марксовского «Господина Фогта» не достать в книжной лавке, все скверные истории основательно травой заросли, наш Фогт совершил лекционное турне под аплодисменты немецких филистеров, шумно выступал на всех съездах естествоиспытателей, на этнографических и антикварных конгрессах и втерся в общество действительно крупных ученых: он мог, стало быть, опять почувствовать себя человеком более или менее «приличным» и призваным вдалбливать в голову немецкого филистера не только естествознание, но и политику. Происходили большие события: Наполеон Маленький капитулировал при Седане, пруссаки стояли под Парижем, Бисмарк требовал Эльзаса и Лотарингии. Для Фогта наступила самая пора сказать свое веское слово.

Это слово называется: «Политические письма Карла Фогта к Фридриху Кольбу, Биль, 1870 г.»; двенадцать писем, которые сначала появились в венской «*Tagespresse*» и, кроме того, были перепечатаны в фогтовском «*Moniteur*», в «*Bieler Handelskourier*». Фогт высказывается здесь против аннексии и против опружения Германии, но вся кровь вскипает у него от злости при мысли, что в этом случае он только рабски подражает ненавистным социал-демократам, т. е. «серой банде». На общем содержании памфлета я считаю излишним останавливаться, так как совершенно безразлично, как думает какой-нибудь Фогт о подобных вопросах. К тому же приводимые им аргументы не что иное, как вульгарная болтовня политика-филистера; только на этот раз в Фогте представлен не немецкий, а швейцарский филистер. Нас интересует только привлекательная личность самого г. Фогта, как она издается на всех своих разнообразных изломах и излучинах.

Итак, возьмем вышеизданную брошюру и сравним с нею злополучную книгу Фогта «Исследования современного положения Европы, 1859 г.», книгу, за которой следовали длительные и тяжкие послеродовые боли. При всем духовном родстве и совершенно одинаковой нерешивости слога, — на стр. 10 Фогт доходит до своих «воззрений» «собственными ушами», повидимому, совсем особыми ушами, — при всем этом мы найдем, что в настоящее время Фогт говорит прямо противоположное тому, что он проповедывал одиннадцать лет назад. «Исследования» имели целью уговорить немецкого филистера, что у Германии нет интереса вмешиваться в войну, которую Луи Бонапарт замышлял тогда против Австрии. Для этой цели приходилось изображать Луи Наполеона освободителем народов, «роковым человеком», и брат его под защиту против ходячих нападок республиканцев и даже некоторых буржуазных либералов, и минимум республиканец Фогт ишел и на это — правда, с весьма кисло-сладкой миной и, повидимому, не без колик в животе, но все же он это сделал. Злые языки и представители «серой банды» не стеснялись утверждать, что честный Фогт несет с гримасами все это бремя на своих плечах только потому, что получил от бонапартистов то, что англичане называют «consideration» [вознаграждение], т. е. наличные деньги. И в самом деле происходило много подозрительного. Фогт предлагал разным лицам деньги, если они согласятся выступать в печати в его духе, т. е. во славу нароoodосвободительной

миссии Луи Бонапарта. Г. Брасс, добродетели которого, с тех пор как он стал главным редактором «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», как известно, вне всяких сомнений,— даже сам г. Брасс публично отверг «французское кормовое корыто, которое ему хотел подстать Фогт». Но не будем распространяться об этих неприятных историях и допустим пока, что колики в животе и гримасы — характерная наследственная черта Фогта. Но вот с тех пор случилось несчастье при Седане, а вместе с этим и для Фогта все изменилось. Сам освободитель народов, император французов, еще трактуется с некоторой сдержанностью; о нем только сказано, что «революция уже сидела у него на шее. И без войны империя не встретила бы нового 1871 г. в Тюильри» (стр. 1). Но его жена! Послушайте только:

«Конечно, если бы победила Евгения (эта необразованная испанка, не умеющая даже грамотно писать, находится, или, вернее, находилась, на поле сражения со своим змеиным охвостью из фанатических попов и крестьян), если бы она победила, положение в тот же момент стало бы еще ужаснее», чем после прусских побед, и т. д.

Итак, когда в 1859 г. французы победили австрийцев, то победил освободитель народов Бонапарт; а если бы они в 1870 г. победили пруссаков, то победила бы необразованная Евгения со своим змеиным охвостью. Прогресс очевиден.

Еще хуже приходится змеиному охвостю Луи Бонапарта, так как теперь оказывается, что и у него есть такое охвостье. Уже на стр. 2 речь идет о «страшном расточительстве империи»; на стр. 16 — о «сволочи, стоявшей во главе императорской армии и управления». Это расточительство и эта сволочь пышно расцвели уже в 1859 г. и даже задолго до этого. Фогт, не замечавший этого тогда, видит это теперь вполне отчетливо: это тоже прогресс. Но этого мало. Если даже сам Фогт прямо и не поносит своего прежнего освободителя, то он все-таки не может не процитировать письма французского ученого, в котором сказано: «Если вы пользуетесь каким-нибудь влиянием, то постарайтесь отвратить от нас величайший позор — celle de ramener l'infâme (возвращение этого подлеца). Лучше Генриха V, Орлеанов, какого-нибудь Гогенцоллерна, кого угодно — лучше, чем этого коронованного бандита, который отравлял все, к чему прикасался» (стр. 13).

Как ни плохи, однако, экс-император и его необразованная супруга вместе с их змеиными охвостями, все же Фогт утешает нас тем, что в семье есть еще один, который составляет исключение: принц Наполеон, более известный под именем Плон-Плона. Как сообщает Фогт на стр. 33, Плон-Плон сам говорил Фогту, что «он не уважал бы южных немцев, если бы они поступили иначе» (т. е., если бы они не приняли участия в войне против французов), и что он будто бы был убежден в несчастном исходе войны и не скрывал этого. Кто станет после этого обвинять Фогта в неблагодарности? Не трогательно ли видеть, как он, «республиканец», протягивает братскую руку «принцу», хотя и попавшему в беду, и выдает ему свидетельство, на которое тот может сослаться в случае объявления большого конкурса на заместителя «подлеца».

В «Исследованиях» неизменно расхваливается Россия и русская

политика: со временем отмены крепостного права эта страна «скорей союзница освободительного движения, чем его противница»; Польша на верном пути к слиянию с Россией (как это доказало восстание 1863 г.!), и Фогт находит вполне естественным, что Россия «представляет тот опорный пункт, вокруг которого все больше стремятся сосредоточиться славянские народности». То обстоятельство, что тогда, в 1859 г., русская политика шла рука об руку с Луи Наполеоном, было, разумеется, в глазах Фогта огромной заслугой. Теперь все это переменилось — теперь мы читаем: «Я ни одной минуты не сомневаюсь, что предстоит конфликт между славянским и германским миром... и что Россия встанет во главе одной из сторон» (стр. 30, 31). Далее доказывается, что после аннексии Эльзаса Франция тотчас же встанет в этом конфликте на сторону славян и даже будет всемерно ускорять взрыв этого конфликта, чтобы вернуть себе Эльзас; таким образом тот самый русско-французский союз, который в 1859 г. был, повидимому, счастьем для Германии, изображается теперь как страшный призрак, как пугало. Но Фогт знает своего немецкого филистра. Он знает, что может что угодно ему преподносить, хоть десять раз себе противоречить. Невольно, однако, возникает вопрос, как мог Фогт одиннадцать лет назад дойти до такого бесстыдства, чтобы раззвонить о союзе между Россией и бонапартистской Францией, как о лучшей гарантии для свободного развития Германии и Европы.

А что сказать о Пруссии? В «Исследованиях» Пруссии ясно дается понять, что она должна косвенно поддерживать планы Луи Бонапарта против Австрии и ограничиться защитой территории Германского союза, чтобы затем «при позднейших мирных переговорах получить вознаграждение в Северо-германской низменности». На границы Северо-германского союза — Рудные горы, Майн и море — он указывал Пруссии уже тогда, как на лакомый кусок. А в послесловии ко второму изданию, выпущенному во время итальянской войны, когда бонапартисты уже сгорали от нетерпения и больше нельзя было терять ни минуты на болтовню и намеки, — Фогт вдруг выпаливает без обиняков, призывает Пруссию начать гражданскую войну в Германии для создания единой центральной власти, для включения Германии в Пруссию: это объединение Германии потребует, по его уверениям, меньше недель, чем итальянская война месяцев. Хорошо. Ровно семь лет спустя, и также по соглашению с Наполеоном, Пруссия в точности выполняет нашептывания бонапартистов, которые Фогт повторял, как попугай: она бросается в гражданскую войну, получает предварительное вознаграждение в Северо-германской низменности, создает, по крайней мере, на севере единую центральную власть, — а Фогт? Теперь Фогт вдруг стал скрупулено жаловаться, что «война 1870 г. была необходимым, неизбежным последствием войны 1866 г.» (стр. 1). Он сетует на ненасытную завоевательную политику Пруссии, которая всегда «клевала на предложенное завоевание, как акула на кусок сала» (стр. 20); «никогда и нигде не видел я государства и народа, более заслужившего это название (разбойниччьего государства), чем Пруссия» (стр. 35). Он оплакивает включение Германии в Пруссию, как величайшее несчастье, какое только

могло обрушиться на Германию и Европу (8-е и 9-е письмо). Вот что получил Бисмарк за то, что последовал совету Фогта, и вот что получил Фогт за то, что дал совет Бисмарку.

Однако до сих пор все, казалось, шло еще хорошо для нашего Фогта. Старые неблагородные делишки были действительно забыты филистером, «Исследования» совершенно исчезли с горизонта, Фогт мог снова выдавать себя за почтенного гражданина и довольно спокойно демократа и даже немножко прихвастинуть тем, что эти его «Политические письма» шли против банального филистерского течения в Германии. Даже роковое единомыслие с социал-демократами в вопросе об аннексии могло только послужить к его чести; раз Фогт не примкнул к серной банде, то, очевидно, банда перешла на сторону Фогта. Но тут вдруг наш взгляд падает на узкую, тонкую строчку в недавно опубликованных ведомостях по расходованию секретных фондов Луи Наполеона:

«Vogt — il lui a été remis en août 1859 40 000 fr.»

[«Фогт — в августе 1859 г. ему было выдано 40 000 франков.】

Фогт? Кто такой Фогт? Какое несчастье для Фогта, что при этом нет более точного указания. Вот если бы было написано: профессор Карл Фогт из Женевы, с указанием улицы и номера дома, — тогда Фогт мог бы сказать: это не я, это мой брат, моя жена, мой старший сын, все, только не я, — но теперь? Просто Фогт, без примет, без имени и адреса, это может быть только один Фогт, всемирно известный великий ученый, открывший круглых и плоских червей, длинные и короткие черепа и серную банду, — человек, имя которого настолько известно даже полицейским, заведующим секретными фондами, что всякое более точное указание было бы совершенно излишним. И далее — разве существует другой Фогт, который оказал бонапартистскому правительству в 1859 г. такие услуги, что оно уплатило ему за них в августе этого года (*а Фогт был как раз тогда в Париже*) 40 000 франков? Что вы, г. Фогт, эти услуги оказали, это общезвестно; ваши «Исследования» служат тому доказательством; эти «Исследования» вышли первым изданием весной, вторым — летом. Что вы с первого апреля 1859 г. и летом предлагали многим лицам за плату выступать в интересах бонапартизма, это вы сами признали; *в августе 1859 г., по окончании войны, вы были в Париже* — неужели же мы после этого поверим, что просто Фогт, которому Бонапарт в августе 1859 г. приказал уплатить 40 000 франков, какой-то другой, никому неведомый Фогт? Нет, это невозможно. Клянемся всеми круглыми и плоскими червями: пока вы не докажете нам обратное, мы будем вынуждены считать, что вы — этот самый Фогт.

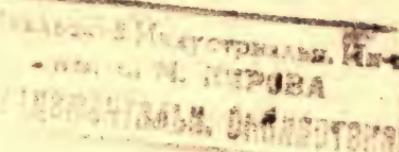
Но ведь это утверждение, скажете вы, может быть основано всего лишь на заявлении нынешнего французского правительства, т. е. коммунаров или, что то же, коммунистов, иначе называемых серной бандой; кто станет верить подобным людям? На это можно ответить, что «Correspondance et papiers de la famille impériale» [«Корреспонденция и бумаги императорской фамилии»] были опубликованы «правительством национальной обороны», что это опубликование было его официальным актом, за который оно отвечает. А как вы относились к этому правительству, к Жюлю Фавру, Трошю и т. д. — «Люди, поднятые теперь на вершину,

никому не уступают по уму, энергии и испытанным взглядам, — но они не в силах сделать невозможное», — это вы о них говорите на стр. 52. Да, г. Фогт, невозможное они не в силах сделать, но они могли бы, по крайней мере, не оглашать вашего имени в благодарность за такое теплое признание, которое так редко выпадало на их долю!

Между тем, как вы сами, г. Фогт, говорите, «деньги — это эквивалент за ущерб, который индивидуум терпит как личность» (стр. 24), — и если ваша ценная личность понесла «ущерб» — надо надеяться, только моральный — то будьте любезны утешиться этим «эквивалентом».

Когда прошлым летом поднялась военная шумиха, вы были «убеждены, что весь этот спектакль инсценирован французским правительством с единственной целью прикрыть мнимыми вооружениями страшное расточительство империи. При Луи Филиппе для этой цели служили древесные черви — внебюджетные секретные расходы записывались в счет лесных поставок на флот, — во времена империи древесных червей всего земного шара нехватило бы для покрытия дефицита» (стр. 4). Итак, мы опять встретились с нашими любезными червями, на этот раз с древесными. К какому классу относятся эти последние, к круглым червям или к плоским? Кто мог бы решить этот вопрос? Вы один, г. Фогт, и вы действительно его решили. Согласно «Correspondance» и т. д. вы сами принадлежите к «древесным червям», и «внебюджетные секретные расходы» съедены также и вами на сумму в 40 000 франков. А что вы «круглый червь», это известно всякому, кто вас знает.

29473



УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

АБЕЛЬ, Карл, д-р (род. в 1837 г.) — филолог и публицист, берлинский корреспондент «Daily Telegraph» — 276—280.

АБТ — немецкий демократ, редактор «Freiburger Kirchen-Zeitung», эмигрант в Женеве — 31—32, 34—35, 38, 39, 49.

АБУ, Эдмон (1828—1885) — французский писатель и публицист, бонапартист — 128, 176, 201, 204, 226, 233, 304, 377, 384.

АГАССИС, Луи (1807—1873) — зоолог, палеонтолог, геолог (теория глетчеров); профессор в Невшателе (1831—1846), затем в Северной Америке; в последние годы своей жизни окосточенный антидарвинист — 40.

АЛЕКСАНДР I (1777—1825) — русский император (1801—1825) — 149, 152, 153, 154, 159.

АЛЕКСАНДР II (1818—1881) — русский император (1855—1881) — 149—153, 159, 167.

АЛЬБЕРОНИ, Джузеппе (1664—1752) — кардинал и министр в Испании; неограниченно правил государством; был ярким представителем завоевательной политики — 247.

АЛЬБЕРТС — 346.

АЛЬТЕГЕФЕР (правильно Альтенгейфер), *Август-Иосиф* (1804—1876) — немецкий журналист, один из редакторов аугсбургской «Allgemeine Zeitung» — 119.

АННА ИОАННОВНА (1693—1740) — русская императрица (1730—1740) — 153.

АПОЛЛОНИЙ РОДОССКИЙ — эпический поэт и грамматик (род. ок. 270 г. до н. э.), написал поэму об аргонавтах в четырех книгах — 218.

АРИДТ, Эрнст-Мориц (1769—1860) — немецкий поэт и публицист, поборник национального объединения Германии и освобождения от французской зависимости при Наполеоне I, член Франкфуртского национального собрания — 144.

АРНИМ, Адольф-Генрих, граф Бойценбург (1803—1868) — прусский государственный деятель, защитник интересов земельного дворянства, представитель феодальной реакции — 283.

АССЕРМАН — полковник венгерской революционной армии, служивший под командой Клапки — 248—250.

Б

БАДЕНГЕ — прозвище Наполеона III по имени рабочего-каменщика, в одежде которого Н. бежал из крепости Гам (25 мая 1846 г.)—45, 170, 174, 188.

БАЗАНКУР, Цезарь (1810—1865) — французский романист и военный писатель, бонапартист—178.

БАЙРОН, Джордж-Гордон (1788—1824) — английский поэт, романтик—273.

БАКФИШ — 39.

БАКГОФ — 348.

БАЛЬЗАК, Оноре де (1799—1850) — французский писатель-романист, давший в серии своих романов, объединенных общим заглавием «Человеческая комедия», «самую замечательную реалистическую историю французского общества с 1816 до 1848 г.» (Энгельс)—298.

БАМВЕРГЕР, Людвиг (1823—1899) — немецкий писатель, политический деятель и финансист, участник революции 1848 г., бежал в Париж, где в 1853—1867 гг. управлял делами большого банкирского дома; после амнистии (1866 г.) депутат рейхстага, национал-либерал—278, 280.

БАНДЯ, Иоганн (1817—1868) — венгерский офицер и журналист, начальник тайной полиции в правительстве Кошута, в эмиграции тайный агент одновременно австрийской, французской и прусской полиции, впоследствии офицер и начальник полиции на турецкой службе—241—243.

БАРАГЭ Д'ИЛЬЕ, Луи (1764—1812) — французский генерал, участник важнейших кампаний Наполеона I—177.

БАРРОДЖО — эмигрант, член безансонской боевой колонны, бывший под командой Виллиха—85.

БАРОШ, Пьер-Жюль (1802—1870) — французский адвокат и государственный деятель, член правой Учредительного собрания 1848 г., затем приверженец Луи-Наполеона; занимал при последнем посты министра внутренних дел, юстиции и народного просвещения—213.

БАРРО, Камилл-Одилон (1791—1873) — французский государственный деятель, вождь династической оппозиции при Луи-Филиппе и премьер первого министерства при Наполеоне III—111.

БАРТЕЛЕМИ, Эмманюэль (ок. 1820—1855) — французский революционер, бланкист; в 1855 г. казнен в Лондоне—86.

БАССЕРМАН, Фридрих-Даниэль (1811—1851) — баденский либерал, член Франкфуртского национального собрания, рьяный противник крайней левой—111, 343.

БАТТЬЯНИ, Казимир, граф (1807—1854) — министр иностранных дел в венгерском революционном правительстве 1848 г.—238.

БАТТЬЯНИ, Людвиг (1809—1849) — брат предыдущего, в 1848 г. глава конституционного министерства Венгрии; расстрелян военным судом 6 октября 1849 г.—239.

БАУЭР, Эдгар (1820—1866) — немецкий публицист, младогогельянц, редактор лондонской «Neue Zeit»—125.

БАЙР, Пьер Террайль де (1476—1524) — французский рыцарь, принимавший участие в многочисленных походах. Легенда приписывала ему исключительную храбрость и благородство — «рыцарь без страха и упрека» — 281, 285, 286, 288.

БЕЗЕЛЕР — 348.

БЕККЕР, Иоганн-Филипп (1809—1886) — немецкий революционер, по профессии щеточник, с 30-х годов жил в Швейцарии, деятельный участник революции 1848 г. и кампании за имперскую конституцию, член Интернационала — 47, 57—63, 83, 251, 252—264, 280, 293, 299, 344, 381.

БЕККЕР, Макс-Иозеф — инженер из Рейнской области, участник баденского восстания, эмигрант в Швейцарии, позднее в Америке — 20, 24, 78, 338, 352.

БЕККЕР, Готфрид — старший сын и соратник И.-Ф. Беккера, позднее журналист и участник гражданской войны в Америке — 59.

БЕЙМАН — прусский полицейский агент в Париже, корреспондент «Kölnerische Zeitung» — 53, 349.

БЕЛЛИ — 377, 379.

БЕНДА, Роберт (1816—1899) — немецкий либеральный публицист, с 1843 г. асессор в Потсдаме, позднее член рейхстага, национал-либерал — 282.

БЕНЦ — 47.

БЕРЛИНЕРБЛАУ, Исидор — 278.

БЕРРЬЕ, Пьер-Антуан (1790—1868) — французский адвокат и политический деятель, монархист-легитимист и анти-бонапартист — 171.

БЕРТЕН — 21.

БИДЕРМАН, Карл (1812—1901) — немецкий политический деятель, историк, публицист, член Франкфуртского национального собрания, позднее депутат рейхстага, национал-либерал — 343.

БИСКАМП, Элард — немецкий журналист, демократ — 125, 136, 269, 292, 295, 307, 309, 312, 321—322, 326.

БЛАНН, Луи (1811—1882) — французский социалист, журналист и историк, сторонник кооперативной организации труда с помощью государства («Организация труда», «История десяти лет» и др.), член временного правительства 1848 г., в 1848—1870 гг. в эмиграции (в Бельгии и Англии) — 70, 297.

БЛАНКИ, Огюст (1805—1881) — французский революционер, сторонник насилиственного захвата власти организацией заговорщиков и революционной диктатуры — 70.

БЛАНШНЭ, Луи (1800—1881) — ваадтский правительственный советник, в 1861—1873 гг. управлявший таможней — 217.

БЛИНД, Карл (1826—1907) — немецкий публицист, участник баденского восстания, эмигрировал в Англию — 123—124, 125, 127, 130—141, 203, 270, 299—300, 307, 309—312, 318, 320, 326, 360, 365—367.

БЛОНДЕН, Шарль (1824—1897) — знаменитый французский акробат, неоднократно переходивший по канату через Ниагару — 247.

БЛЮМ, Роберт (1807—1848) — немецкий мелкобуржуазный публи-

цист, вождь крайней левой Франкфуртского национального собрания, расстрелян Виндишгреем после падения Вены—32, 72, 74, 210, 272.

БЛЮНЧЛИ, Иосиф-Каспар (1808—1881) — известный швейцарский юрист, член цюрихского Большого совета, вождь консервативной партии, участник клерикального переворота 1839 г. и организации сепаратного союза кантонов («Зондербунда»), автор известного доклада «Коммунисты в Швейцарии» (1843 г.), где предлагал выслать всех иностранцев, подозреваемых в пропаганде коммунизма—80.

БОБЦИН, Фридрих (род. в 1826 г.) — часовщик из Шверина, член Демократического общества в Брюсселе (1847 г.), участник баденско-pfальцского восстания, эмигрант в Лондоне—25.

БОГАРНЕ, Эжен (1781—1824) — генерал Наполеона I, первый герцог Лейхтенбергский—156.

БОЛИВАР и ПОНТЕ, Симон (1783—1830) — глава освободительного движения южно-американских колоний против Испании (1810—1829). См. специальную статью о нем К. Маркса, т. XI, часть VI, стр. 617—630.

БОНАПАРТ, Луи-Наполеон (1808—1873) — французский император (1852—1870)—17, 58, 101, 116, 142, 144, 148, 151, 163, 167—180, 182—183, 186—192, 194—200, 203, 208—210, 213—214, 217—219, 220, 223, 225, 239, 243—248, 252, 255, 271, 362—363, 376, 380—382, 383; характеристика—27—30. См. также Баденге.

БОНАПАРТ, Жером (1784—1860) — брат Наполеона I—131, 363.

БОНИС, Самюэль (Bonis) (1810—1879) — венгерский юрист, политический деятель, участник революции 1848—1849 гг., сторонник Кошута—383.

БОНИФАС, Демаре (род. в 1805 г.) — французский публицист, сотрудник «Constitutionnel», бонапартист—204, 233.

БОРКГЕЙМ, Сигизмунд-Людвиг (1825—1885) — немецкий публицист, демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Швейцарии и Англии—19—24, 34, 37, 59.

БОЯРДО, Маттео-Мария, граф (1434—1494) — знаменитый итальянский поэт, создавший «романтическую поэму», певец рыцарства—358.

БРАНДЕНБУРГ, Фридрих-Вильгельм,graf (1792—1850) — прусский генерал, министр-президент в ноябре 1848 г.—285.

БРАСС, Август (род. в 1818 г.) — немецкий публицист, демократ, издатель «Neue Schweizer Zeitung» в Женеве, впоследствии сторонник Бисмарка—205.

БРЕНТАНО, Лоренц (1812—1891) — мангеймский адвокат, член Франкфуртского национального собрания, в мае 1849 г. глава баденского революционного правительства, затем эмигрант, типичный представитель мелкобуржуазной демократии, трусивой и вероломной, «способной лишь погубить всякое движение, которое вверяется ее руководству» (Энгельс)—47, 102, 285.

БРИЛЬЯ-САВАРЕН, Ансельм (1755—1826) — французский писатель, монархист, автор «Физиологии вкуса», трактата о пи-

тации, с афоризмами, анекдотами и лирическими стихотворениями—216.

БРОУН — псевдоним Людвига Кошути (см.).

БРУННОВ, Филипп Иванович, граф (1797—1875) — русский дипломат—158.

БУАШО, Жан-Батист (род. в 1820 г.) — французский публицист и революционер, эмигрант—50.

БУСС, Франц-Иосиф (1803—1878) — профессор во Фрейбурге, один из вождей баденской ультрамонтанской партии и энергичный противник прусской гегемонии, с 1874 г. член рейхстага, ярый клерикал—113.

БУТЕНЕВ, Аполлинарий Петрович (1787—1866) — русский дипломат, полномочный министр в Константинополе (1830—1842) и посланник в Риме (1843—1856); после Крымской войны и до 1859 г. посланник в Константинополе—156.

БУХЕР, Лотар (1817—1892) — немецкий радикал, член Прусского национального собрания, после революции эмигрант, лондонский корреспондент берлинской «Nationalzeitung»; с 1864 г. сотрудник Бисмарка—91, 123.

БЫЮТ, Джон-Стюарт, лорд (1713—1792) — английский государственный деятель, тори, премьер-министр (1761—1763)—145.

БЮЛЬЕ (Bullier) — французский публицист времен Наполеона III, бонапартист—204.

БЮРГЕРС, Генрих (1820—1878) — немецкий коммунист, один из приговоренных в кёльнском процессе—294.

В

ВАЛЕВСКИЙ, Флориан, граф (1810—1868) — побочный сын Наполеона I, дипломат, министр иностранных дел при Луи Бонапарте (1855—1860)—211.

ВАЛЛО — 33.

ВАЛЬТЕР фон-дер ФОГЕЛЬВЕЙДЕ (ок. 1170—1230) — средневековый немецкий поэт-лирик (миннезингер)—116.

ВАННЕР — швейцарский негоциант, федеральный консул в Гавре—339.

ВАР, Публий-Квинтилий — римский военачальник, известный своей жадностью; в качестве наместника грабил сначала Сирию, затем Германию (при Августе); погиб в войне с восставшими германцами—281.

ВАРВИК — см. **ЮРИК**.

ВЕБЕР — юстицрат, поверенный Маркса в процессе против «Nationalzeitung»—293, 300, 301, 319, 331, 332.

ВЕЕРТ, Георг-Людвиг (1822—1856) — немецкий пролетарский поэт, член Союза коммунистов, соредактор «Новой Рейнской Газеты»—369, 373.

ВЕЗЕНДОНК, Гуго — адвокат из Дюссельдорфа, член Франкфуртского национального собрания—112.

ВЕЙДЕМЕЙЕР, Иосиф (1818—1866) — вестфальский социалист, член Союза коммунистов, с 1851 г. журналист в Америке, друг Маркса и Энгельса—100, 357.

ВЕЙТЛИНГ, Вильгельм (1808—1871) — немецкий коммунист-утопист и писатель, по профессии портной—80.

ВЕНЕДЕЙ, Якоб (1805—1871) — немецкий радикальный публицист, член умеренной левой Франкфуртского национального собрания—70, 109, 116, 128, 129, 281.

ВЕРМУТ — прусский полицейский чиновник, полицей-президент в Ганновере—55.

ВЕРОН, Луи-Дезире (1798—1867) — французский журналист, собственник бонапартистской газеты «Constitutionnel» в Париже—29.

ВЕСТФАЛЕН, Фердинанд, фон (1799—1876) — брат Женни Маркса, с 1850 по 1858 г. прусский министр внутренних дел—74.

ВЕЦЦИ РУСКАЛЛА — итальянский публицист, автор брошюры «La Nazionalità di Nizza», член итальянского Национального союза—217.

ВИЕ, Иоганн-Фридрих — наборщик из типографии Холлингера в Лондоне—135, 137—140, 300, 318, 365—368.

ВИЗЕНРИЗЛЕР, Якоб — 278, см. *ЛАССАЛЬ*.

ВИЛЛИХ, Август (1810—1878) — немецкий офицер, член Союза коммунистов, участник баденского восстания и американской гражданской войны; глава антимарксовой фракции Союза в Лондоне—25, 33, 40, 46, 65, 82—88, 89, 93, 101, 291, 299, 346, 352.

ВИЛЬСОН, Джемс (1805—1860) — английский экономист, фритредер, основатель известного лондонского журнала «Economist»; в 1859 г. канцлер по делам Индии—174.

ВИНДИШГРЕЦ, Альфред-Фердинанд (1787—1862) — австрийский фельдмаршал, подавивший революцию 1848 г. в Венгрии—84, 272.

ВИНКЕЛЬРИД, Арнольд — полулегендарный герой эпохи борьбы швейцарских кантонов за независимость, крестьянин; согласно преданиям, геройским самоожертвованием обеспечил победу в бою при Земпахе (1386 г.)—217.

ВИСС (Wyss) — адвокат в Берне—341.

ВИТТИГ, Л. — немецкий публицист, редактор «Dresdener Zeitung»—347, 355.

ВЛАДИМИРЕСКО — один из вождей восстания 1821 г. в Валахии—154.

ВОЛЬФ, Бернгард (1811—1879) — основатель и владелец известного телеграфного агентства, главный владелец берлинской «Nationalzeitung»—310, 311.

ВОЛЬФ, Вильгельм (1809—1864) — учитель из Силезии, член Союза коммунистов и соредактор «Новой Рейнской Газеты»; принимал деятельное участие в революционном движении, после 1848 г. эмигрант в Швейцарии, позднее в Англии в Бреславле, близкий друг Маркса и Энгельса—51, 73—74, 81, 112—117, 122, 127, 310, 311, 321, 325.

ВОЛЬФРАМ фон-ЭШЕНБАХ — средневековый немецкий поэт, живший в XII и в начале XIII столетия—235.

ВРАНГЕЛЬ, Фридрих, граф (1784—1877) — прусский фельдмаршал, предводитель реакционных королевских войск в Берлине в 1848—1849 гг.—285.

ВЮРТ из Зигмарингена — член Франкфуртского национального собрания—116.

ВЮРТЕМБЕРГСКИЙ герцог — см. УЛЬРИХ.

Г

ГАБСБУРГИ — австрийская династия (1282—1918) — 116, 161, 162, 209, 284.

ГАВАС, Огюст (ум. в 1889 г.) — сын основателя известного телеграфного агентства в Париже, с 1858 г. владелец агентства — 311.

ГАГЕН, Карл (1810—1868) — профессор истории в Гейдельберге, член крайней левой Франкфуртского национального собрания — 106, 115.

ГАГЕРН, Генрих-Вильгельм (1799—1880) — немецкий политический деятель, монархист, президент Франкфуртского национального собрания — 106, 116, 167.

ГАЙНАУ, Юлий-Якоб (1786—1853) — австрийский фельдмаршал, разгромил революцию в Италии и Венгрии, запятнав себя чудовищными зверствами, массовыми казнями, конфискациями имуществ и т. п. («бритва Радецкого», «брешинская гиена», «кровопийца», «мясник») — 251.

ГАКЛЕНДЕР, Фридрих-Вильгельм фон (1816—1877) — популярный немецкий писатель-беллетрист — 201.

ГАКСТГАУЗЕН, Август, барон (1792—1866) — прусский чиновник, исследователь аграрных отношений в Пруссии и России, занимался изучением русской общины и издал «Исследование внутренних отношений, народной жизни и в особенностях сельских учреждений России» — 158.

ГАЛЕЕР, Альберт (1819—1852) — швейцарский политический деятель, член Большого совета Женевы, до 1848 г. сторонник Фази, впоследствии глава радикальной оппозиции — 22, 256—260.

ГАЛЕЕР, Оскар — брат Альберта Г., студент — 22.

ГАНСАРД — издатель отчетов английского парламента «Parliamentary Debates» — 124.

ГАРИБАЛЬДИ, Джузеппе (1807—1882) — вождь партизанского национально-освободительного движения в период борьбы за объединение Италии, выразитель интересов мелкой и средней буржуазии; в 1859 г. во главе повстанческих отрядов участвовал в войне Пьемонта и Франции против Австрии — 247.

ГАРНИ, Джордж-Дэсслиан (1817—1897) — лидер левого крыла чартизма, популярный народный оратор, редактор «Northern Star», «Red Republican» и «Friend of the People» — 89.

ГАРРИС, Эдварт (1808—1888) — английский дипломат, в 1859 г. посол в Берне — 193—194, 196, 211, 213.

ГАРТМАН, Мориц (1821—1872) — австрийский писатель, поэт и политический деятель, участник революции 1848 г. — 202.

ГАРТМАН, фон-АУЭ (1170—1210) — немецкий средневековый поэт, автор рыцарских поэм «Егес» и «Iwein» — 202.

ГАУГ, Эрнст — революционный генерал римской республики 1848 г., в лондонской эмиграции приверженец Кинкеля, редактор эмигрантской газеты «Космос» — 91.

ГАФИЗ (или Хафиз) — персидский поэт-лирик, живший в XIV столетии — 39.

ГАЦФЕЛЬД, Максимилиан, князь (1813—1859) — прусский дипломат, посланник в Париже—53.

ГЕБЕРТ, А. — немецкий ремесленник, коммунист, эмигрант в Швейцарии, в лондонской эмиграции примыкал к фракции Виллиха—49.

ГЕГ, Аманд (1820—1897) — немецкий демократ, член баденского революционного правительства 1849 г., эмигрант в Англии, Америке и Швейцарии; пацифист—104, 358.

ГЕЙДЕН, Логин Петрович (1772—1850) — русский адмирал, с 1834 г. ревельский военный губернатор—155.

ГЕЙЗЕ, Герман (1820—1860) — немецкий демократ и публицист—126.

ГЕЙНЕ, Генрих (1799—1856)—121, 315.

ГЕЙНЦЕН, Карл (1809—1880) — немецкий радикальный публицист, в 1842—1843 гг. сотрудник «Рейнской Газеты», с 1844 г. эмигрант в Бельгии, затем в Швейцарии, где стал в резкую оппозицию по отношению к коммунистам и Марксу, с 1850 г. эмигрировал в Америку, редактор бостонского «Pionier»—258.

ГЕККЕР, Фридрих (1811—1881) — руководитель майского восстания 1848 г. в Бадене, эмигрант в Швейцарии и Америке—33, 285.

ГЕЛИОГАБАЛ — римский император (212—222), олицетворение безумной расточительности, необузданного разврата и деспотизма—46, 208.

ГЕНРИ, Джо. — судья полицейского управления на Bow-Street в Лондоне—139, 366, 367.

ГЕРГЕЙ, Артур (1818—1912) — венгерский революционный генерал, с конца марта 1849 г. главнокомандующий; после поражения при Вилагоше интернирован в Клагенфурте—160, 236, 237, 238, 250.

ГЕРЛАХ, Эрнст-Людвиг (1795—1877) — прусский реакционный публицист и политический деятель; основатель «Neue Preussische Zeitung» («Kreuzzeitung») — 277.

ГЕРМАН, Карл, д-р (1801—1875) — адвокат Фогта в процессе против «Allgemeine Zeitung»—18, 25, 134, 269.

ГЕРФЕЛЬ, Густав — австрийский эмигрант в Париже, полицейский агент на французской службе, деятельный член «Революционного комитета»—90, 91, 104.

ГЕРЦЕН, Александр Иванович (1812—1870)—258.

ГЕТЕ, Иоганн-Вольфганг (1749—1832)—201.

ГЕФНЕР, Леопольд (род. в 1820 г.) — венский журналист, в 1848 г. редактор левой газеты «Constitution», после революции эмигрант, активный член провокаторского «Революционного комитета» в Париже—90, 91, 104, 206.

ГЕДЕ, Вильгельм-Август (род. в 1792 г.) — товарищ председателя прусского Верховного суда—303.

ГИЗ, Генрих (1614—1664) — герцог лотарингский—28.

ГИЗО, Франсуа-Пьер (1787—1874) — французский историк и государственный деятель, выразитель интересов крупной финансовой буржуазии, министр иностранных дел и премьер-министр (1840—1848)—29, 81, 295.

ГИНКЕЛЬДЕЙ, Карл-Людвиг (1805—1856)—начальник берлинской полиции, с 1853 г. директор департамента полиции в министерстве внутренних дел—64, 67, 91, 351.

ГИППЕРИХ, Иосиф (Испертинг)—портной из прирейнской Пруссии, член Союза коммунистов в Париже, в 1852 г. осужден на 8 лет тюремного заключения, после чего бежал в Лондон; примыкал к фракции Виллиха—349.

ГИРШ, Вильгельм—приказчик из Гамбурга, агент прусской полиции в Лондоне, орудие Штибера—346—356.

ГНЕЙЗЕНАУ, Август, граф (1760—1831)—прусский генерал и государственный деятель, в 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания—158.

ГОГЕНЦОЛЛЕРНЫ—немецкая династия, правившая в Бранденбурге и Пруссии с 1415 г. и в Германской империи с 1871 по 1918 г.—209, 277, 284, 308.

ГОЛИЦЫН, Александр Михайлович, князь (1718—1783)—генерал-фельдмаршал, участник Семилетней войны, позднее посланник в Саксонии—145.

ГОЛЬДГЕЙМ—prusский полицейский чиновник—55, 353.

ГОТФРИД—см. КИНКЕЛЬ.

ГОФМАН, д-р—233.

ГРАББЕ, Павел Христофорович (1789—1875)—русский генерал, участвовал в подавлении польского восстания 1831 г. и венгерского 1848 г. и в осаде Коморна—251.

ГРАНГИЛЬЮ—французский публицист, сотрудник бонапартистской газеты «Constitutionnel»—193, 204, 376, 379.

ГРАНЬЕ-де-КАССАНЬЯК—см. КАССАНЬЯК.

ГРЕЙНЕР—баденский капитан, член революционного правительства во время баденско-pfальцского восстания 1849 г.—107, 117.

ГРЕЙФ—prusский полицей-лейтенант—52, 54—55, 346—353.

ГРУНИХ—немецкий демократ, участник революции 1848 г., эмигрант в Лондоне; вращался в эмигрантских кругах, руководимых г. Струве—25.

ГУДСОН, сэр Джемс (1810—1885)—английский посланник в Турине—213.

ГУЙОН, Рихард (1812—1856)—венгерский революционный генерал—236.

ГУМБОЛЬДТ, Александр, фон (1769—1859)—известный немецкий натуралист и путешественник—34, 183, 194, 201, 276.

ГУТШМИДТ—prusский судебный чиновник—319, 327, 328.

ГЮГО, Виктор (1802—1885)—известный французский писатель—романтик и публицист, в 1848—1852 гг. член Учредительного и Законодательного собраний, республиканец—208.

Д

ДА-ДА—арабский публицист, по поручению алжирских властей переводивший бонапартистские памфлеты на родной язык—143, 200—202, 204, 205, 227, 233, 376, 384.

ДАНА, Чарльз (1819—1897)—американский журналист, до 1862 г. редактор «New York Daily Tribune», издатель «New American

Cyclopaedia, в годы гражданской войны занимал ряд крупных постов в военном министерстве; с 1868 г. издатель нью-йоркской газеты «Sun»—297, 371—372, 375—376.

ДАНТЕ, Алигьери (1265—1321) — знаменитый итальянский поэт — 75, 76, 106.

ДАНТИО — парижское книгоиздательство — 145, 146, 147, 149—151, 166, 175—176, 177, 180, 188, 190, 197, 200, 376, 378.

ДЕЛЬ-МОНТЕ, Джузеппе — см. **ДЮМОН**.

ДЕ-ЛЯ-ОДД, Люсьеи (1808—1865) — французский журналист, агент тайной полиции при Луи-Филиппе и в период второй республики; после Февральской революции помощник Коссидье в префектуре полиции — 52, 74, 349.

ДЕЛИМАРР, Теодор-Казимир (1796—1870) — французский банкир, издатель и собственник «Patrie» — 228—229, 230.

ДЕЛИРАГА, Луи-Анри (1807—1891) — ваадтский радикал, фурьерист, член Большого совета Женевы, редактор журнала «Nouvelliste» — 217.

ДЕМОСФЕН (383—322 до н. э.) — греческий политический деятель, знаменитый оратор — 69.

ДЕНЦЕЛЬ — участник баденской революции 1848 г., эмигрант в Женеве — 338.

ДЕНЦЕР — эмигрант в Женеве — 35.

ДЕРБИ, Эдуард (1799—1869) — английский государственный деятель, проделал путь от вигов к тори; в 1858—1859 гг. — премьер-министр консервативного кабинета — 194, 246.

ДЖОНС, Эрнест (1819—1869) — английский поэт и публицист, один из лидеров чартистского движения, редактор «People's Paper» — 124, 297, 371, 374—375.

ДЖУСТИ, Джузеппе (1809—1850) — итальянский поэт-сатирик, пламенный сторонник объединения Италии — 223.

ДИЗРАЭЛИ, Бенжамен, лорд Биконсфилд, граф (1804—1881) — английский политический деятель, консерватор, министр финансов (1852, 1858, 1859 и 1866—1868), премьер-министр (1868 и 1874—1880) — 275.

ДИОГЕН (414—323 до н. э.) — греческий философ, родом из Синопа, циник — 41.

ДИФЕНБАХ, Эрнст (1811—1855) — профессор геологии в Гессене — 233.

ДИЦ, Освальд — висбаденский архитектор, член Центрального комитета Союза коммунистов, хранитель архива виллих-шапперовского союза — 348.

ДИЦЕЛЬ, Густав (1827—1864) — немецкий правовед, профессор Кёльнского университета — 231.

ДОЛГОРУКОВ, Петр Владимирович, князь (1816—1868) — писатель, эмигрант; в упоминаемом Марксом произведении «La vérité sur la Russie» (1860) высказывался за введение конституционного образа правления в России — 152.

ДОН-МИГЕЛЬ — см. **МИГЕЛЬ**.

ДРОНКЕ, Эрнст (1812—1891) — немецкий публицист, член Союза коммунистов и соредактор «Neue Rheinische Zeitung», эмигрант — 34, 40, 99.

ДРИЮЭ, Анри (1799—1855) — швейцарский политический деятель,

глава Федеральной юстиции и полиции; с 1850 г. президент швейцарской Федерации—38, 40, 48—50, 51, 336, 340.

ДУНС-СКОТ, Иоганн (прибл. 1274—1308) — средневековый философ, хомяктик—286.

ДЭСТЕР, Карл-Людвиг (1811—1859) — немецкий врач, член Союза коммунистов; в революцию 1848 г. член Пруссского национального собрания, участник баденско-pfальцского восстания и член временного правительства—107, 266.

ДЮГАМЕЛЬ, Александр Осипович (1801—1880) — русский генерал, сенатор; участвовал в походе 1831 г. против поляков, в 40-х годах организатор царских происков в Молдавии и Валахии—155.

ДЮИ (Duy) — директор женевской полиции—220.

ДЮКОММЕН, Эми (1833—1906) — швейцарский публицист и государственный деятель; редактор «Revue de Genève», пацифист и филантроп—219.

ДЮЛОН, Рудольф (1807—1870) — пастор из Бремена, участник революции 1848 г.—91.

ДЮМОН, Иосиф (1811—1861) — немецкий журналист, издатель «Kölnische Zeitung»—271.

ДЮПЕН Старший (1783—1865) — французский адвокат и политический деятель, орлеанист, после Февральской революции президент Законодательного собрания, с 1857 г. бонапартист—252.

ДЮПРЕ — псевдоним Де-ля-Одда (см.).

ДЮФОР, Арман (1798—1881) — французский политический деятель, в 1848 г. член Учредительного собрания и министр внутренних дел, несколько раз был министром и премьером.—171.

ДУШЕК, Франц (1797—1873) — венгерский министр финансов в правительстве Кошути—245.

Е

ЕКАТЕРИНА II (1729—1796) — русская императрица (1762—1796)—149, 153, 154.

ЕЛЛАЧИЧ, Иосиф (1801—1859) — хорватский бан и генерал хорватского ополчения, присоединившегося к реакционной австро-венгерской армии Виндишгреца для подавления венгерской революции—84.

Ж

ЖИРАРДЕН, Эмиль (1806—1881) — французский публицист, редактор ряда крупных газет, в 1848—1851 гг. буржуазный республиканец, позднее бонапартист—228.

ЖИРАР (Girard) — швейцарский полицейский чиновник—334, 337.

ЖОТТРАН, Люсъен-Леопольд (1804—1887) — белгийский адвокат и публицист, республиканец, в 1847—1848 гг. редактор «Le Débat social»—296, 369—370, 373—374.

ЖУРДАН, Луи (род. в 1810 г.) — французский журналист, сторонник Луи-Наполеона, редактор «Siècle» и ряда других журналов—204, 226, 233.

ЗАУЭРНГЕЙМЕР — немецкий ремесленник, участник революции 1848 г., в эмиграции председатель Женевского рабочего союза—32, 40.

ЗАХАРИЭ, Генрих-Альберт (1806—1875) — немецкий юрист, член Франкфуртского национального собрания—109, 115.

ЗЕДТ — заместитель кёльнского государственного прокурора, обвинитель в известном процессе коммунистов 1852 г.—66.

ЗЕЙДЕНШТИКЕР, Георг-Фридрих (1797—1863) — немецкий публицист и политический деятель, участник движения 1831 г. в Геттингене, эмигрант, редактор немецкой газеты «Philadelphia Demokrat»—102.

ЗЕМРАУ (Semrau)—266.

ЗИГЕЛЬ, Франц (1842—1902) — баденский лейтенант, главнокомандующий баденской революционной армии, позднее участвовал в гражданской войне в Америке—101—102.

ЗИГЕЛЬ — баденский офицер, брат Ф. Зигеля—101—102.

ЗОММЕР — прусский полицейский агент—52, 349.

И

ИЕКЕЛЬФАЛУШ — венгерский каноник—383.

ИМАНДТ, Петр — учитель из Крефельда, коммунист, эмигрант в Женеве, позднее в Денди—32, 34, 37, 39.

ИОАНН III (1440—1505) — великий князь московский—208.

ИОГАНН, Иосиф-Фабиан (1782—1859) — эрцгерцог австрийский, сын Леопольда II; в 1848 г. был избран Франкфуртским собранием временным правителем Германии—55, 114—116, 146, 284.

ИОСИФ II (1741—1790) австрийский император (1765—1790)—161, 162.

ИПСИЛАНТИ, Александр (1793—1828) — сын молдавского господаря; в 1821 г. руководитель неудачного восстания против Турции в Дунайских княжествах—154.

К

КАВЭ, Этьенн (1788—1856) — французский коммунист-утопист, автор сочинения «Путешествие в Икарию»—93.

КАВЕНЬЯК, Луи-Эжен (1802—1857) — французский реакционный генерал и военный министр, подавивший июньское восстание 1848 г. в Париже—52, 167—168.

КАВУР, Камилло-Бензо, граф (1810—1861) — итальянский государственный деятель, умеренный монархист-националист; в 1852—1859 и в 1860 гг. президент совета министров в Пьемонте—50, 198, 213, 214.

КАЛЬДЕРОН де-ла Барка, Педро (1600—1681) — испанский поэт и драматург—18, 281.

КАМБАСЕРЕС, Жан-Жак де-Реджи (1753—1824) — французский государственный деятель, министр юстиции во время директории; при Наполеоне I второй консул империи, один из соавторов «Code civil» [«Кодекса Наполеона»]—216.

КАММ — щеточник из Бонна, участник революции 1848 г., эмигрант в Швейцарии — 32, 39.

КАМОЭНС, Луис-Вас-де — крупнейший португальский поэт XVI в., автор «Os Lusiadas» — 101.

КАПОДИСТРИЯ, Иоганн, граф (1776—1831) — русский и греческий государственный деятель; в 1816—1822 гг. русский министр иностранных дел, с 1827 г. и до смерти правитель Греции — 155.

КАРАМЗИН, Николай Михайлович (1766—1826) — русский писатель и историк, ярый приверженец самодержавия, реакционер, крепостник, сторонник политики захватов («собирания Руси») — 152.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ (742—814) — король франков, с 779 г. германский император; в его время франкское государство достигло наибольшего могущества — 164.

КАРЛ X (1757—1836) — французский король (1824—1830) — 157.

КАРЛ СМЕЛЫЙ (1433—1477) — герцог бургундский (1467—1477). В тексте везде подразумевается Карл Фогт — 46—52, 116, см. также **ФОГТ**.

КАРЛЬЕ, Пьер (1799—1858) — французский полицейский чиновник, префект полиции при Наполеоне III — 52.

КАССАНЬЯК, Гранье-де (1806—1880) — французский журналист и историк, бонапартист — 29, 233.

КАСТЕЛЛА (Castella) — швейцарский политический деятель, член фрейбургского правительства 1850 г. — 49.

КАТАКАЗИ, Гавриил (1794—1867) — русский дипломат — 155.

КАТИЛИНА, Люций-Сергий (108—62 до н. э.) — римский политический деятель, глава демократического движения против римских патрициев-землевладельцев, поднявших в 63—62 гг. (до н. э.) неудачное восстание — 56, 68, 197.

КАТОН Старший, Марк-Порций (234—149 до н. э.) — римский писатель и политический деятель; прославился в качестве цензора («цензора нравов»), ревниво оберегавшего чистоту и простоту старого быта, и своей непримиримой ненавистью к Карфагену — 274.

КАУЛИ, Генри (1804—1884) — английский дипломат, посол в Париже (1852—1867) — 172, 175, 192, 211, 213, 215.

КАУНИЦ, Венцель-Антон (1711—1794) — австрийский государственный деятель, во второй половине XVIII в. один из главных руководителей австрийской внешней политики, сторонник союза с Россией и Францией против Пруссии — 145.

КЕРН, Иоганн-Конрад (1808—1888) — швейцарский государственный деятель, президент правительства кантона Тургау, с 1857 г. федеральный полномочный министр в Париже — 50, 192, 213, 215, 258.

КЕСТЛБРИ, Стиоарт, лорд (1769—1822) — английский дипломат и государственный деятель, тори; военный министр (1805—1809), министр иностранных дел (1812—1822) — 146.

КИНГЛЭЙК, Александр-Вильям (1809—1891) — английский политический деятель и историк, с 1857 г. член парламента, либерал — 187, 230.

КИНКЕЛЬ, Готфрид (1815—1882) — немецкий поэт, мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания; будучи осужден, бежал из тюрьмы и эмигрировал в Лондон—48, 90, 91, 100, 104, 358, 359, 360.

КИСЕЛЕВ, Павел Дмитриевич (1788—1872) — русский генерал, в 30-х годах, после турецкой войны, был проводником царской политики в Молдавии и Валахии, с 1856 г. посол в Париже—153, 155.

КИШ (Kiss) — венгерский полковник, агент Кошути—239, 244.

КЛАПКА, Георг (1820—1892) — генерал венгерской революционной армии, автор записок о венгерской революции 1848 г.—207, 216, 217, 236, 241, 244, 246—251.

КЛЕНК (Klenk)—339.

КЛЕРВИЛЬ, Луи-Франсуа (1811—1879) — французский писатель-сатирик—377, 379.

КЛОСМАН, А. (ум. в конце 70-х годов) — баденский офицер, участник революции 1848 г., эмигрант в Швейцарии—206.

КЛУС, Адольф — член Союза коммунистов в Майнце, по профессии инженер, после эмиграции чиновник адмиралтейства в Вашингтоне—357.

КОЛАЧЕК, Адольф — австрийский радикальный публицист, издатель «Stimmen der Zeit» и «Deutsche Monatsschrift»—106, 136, 381.

КОЛЕТ, Чарлз-Добсон — английский радикал, уркартист, редактор «Free Press» в Лондоне—132.

КОЛЬБ, Густав-Эдуард, д-р (1798—1868) — немецкий публицист, один из трех редакторов «Allgemeine Zeitung», привлеченных Фогтом к суду—133.

КОНГЕЙМ, Макс — немецкий демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Женеве, затем в Лондоне—20, 24, 25, 47.

КОНСТАНТИН, великий князь (1827—1892) — сын Николая I—123, 131, 166.

КОРН — берлинский аптекарь и химик, участник баденского восстания, эмигрант в Женеве—20, 24, 47.

КОШУТ, Людвиг (1802—1894) — венгерский революционер, лидер либерального дворянства, в 1848 г. глава Комитета национальной обороны и революционного правительства; после поражения Гергеля бежал в Турцию; в 50-х годах вел сношения с Наполеоном, надеясь с его помощью вновь получить политическую роль в стране—161, 162, 179, 207, 236, 244, 359, 382, 383; характеристика—246, 247; антиреспубликанизм—243, 245; сношения с Наполеоном, подкупность—245—246.

КРАУЗЕ — см. ФЛЕРИ.

КРАУЗЕ — отец Флери-Краузе (см.)—348, 355—356.

КРЕМЕР — настоящее имя Шервалья (см.).

КРООСХЕЙ — английский публицист, уркартист—240—241.

КЮДЕНЕР, Варвара-Юлия, баронесса (1764—1825) — великосветская проповедница мистики и «пророчица»; современники приписывали ей идею Священного союза—149.

КУБЕШ — австрийский полицейский чиновник—346.

КУЗА, Александр-Иоанн I (1820—1873) — с 1859 г. князь Мол-

давии и Валахии, позднее первый князь объединенной Румынии (1861—1866)—153, 154, 176, 177, 179.

КЭМПБЕЛ, Арчикалд, граф Аргайл (ум. в 1865 г.) — один из предков Женни Вестфален, виг, возглавлял оппозицию против реакционной клики Якова II, казнен на площади в Эдинбурге — 74.

КЛОВЬЕ, Жорж (1769—1832) — знаменитый французский натуралист, установивший систему классификации животного мира по анатомическим признакам — 74.

Л

ЛАДЕНДОРФ, Август, д-р — немецкий революционер, член Союза коммунистов, соредактор швейцарского журнала «Fell-eisen», в 1853 г. был приговорен берлинским судом к пяти годам тюремного заключения — 66, 67, 354.

ЛАЙА, Александр (род. в 1809 г.) — парижский адвокат, с 1840 г. — главный редактор «L'Ordre»; в эмиграции по приглашению Фази (см.) читал лекции по праву в Женевском университете — 62.

ЛАМАРТИН, Альфонс (1790—1869) — французский государственный деятель, историк и поэт, глава временного правительства 1848 г.—228.

ЛАНГЕНШВАРЦ, Максим — немецкий поэт-импровизатор; в своей вышедшей в 1834 г. работе «Arithmetik der Sprache» пытался дать научную теорию импровизации — 247.

ЛАПИНСКИЙ, Теофил (1827—1886) — польский полковник, служивший в венгерской революционной армии под командой генерала Клапки, автор сочинений «Feldzug der ungarischen Hauptarmee im Jahre 1849», позднее перешел на турецкую службу, где был известен под именем Тиффик-бэя — 160, 236, 237, 242, 248, 250, 251.

ЛАССАЛЬ, Фердинанд (1825—1864) — 351.

ЛАФАЙЕТ, Мари-Жозеф (1757—1834) — французский политический деятель, вождь умеренно-либеральной буржуазии; начальник национальной гвардии во время буржуазной революции во Франции конца XVIII века; в 1830 г. содействовал приходу власти Луи-Филиппа — 97.

ЛЕВИ, Иосиф-Моисей (1812—1888) — английский журналист, основатель и собственник известной лондонской газеты «Daily Telegraph» — 273 — 278, 280, 288.

ЛЕДРИЮ-РОЛЛЕН, Александр-Огюст (1808—1874) — французский публицист, лидер демократической мелкой буржуазии, член временного правительства 1848 г. и вождь парламентской «Горы» в Учредительном и Законодательном собраниях — 168.

ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ, Максимилиан, герцог (1817—1852) — сын Эжена Богарнэ (см.); с 1839 г. после брака с дочерью Николая I, Марией, жил в России — 156.

ЛЕЛЕВЕЛЬ, Иоахим (1786—1861) — польский историк и политический деятель, принимал участие в восстании 1830 г., член временного правительства, эмигрант в Бельгии — 296, 371, 374.

ЛЕННИНГ, д-р (Löning) — издатель во Франкфурте — 129, 202.

ЛЕОНИД — царь спартанский, согласно преданиям погиб в войне против персов (480 г. до н. э.), защищая проход в Грецию через Фермопильское ущелье, был предан изменником Эфиальтом, который указал персам обходный путь — 225.

ЛЕОТАР — 377, 379.

ЛИВИХ, Юстус (1803—1873) — знаменитый немецкий химик, творец агрономической химии, главным образом учения о минеральных удобрениях — 273.

ЛИБКНЕХТ, Вильгельм (1826—1900) — 22, 47—49, 120—121, 125, 127, 130—132, 134, 136, 139, 269, 276, 292, 295, 300, 309, 319, 321, 324, 332, 363, 367, 368.

ЛИМЕРАК (1817—1868) — французский литератор, соредактор «Constitutionnel», бонапартист, награжден орденом почетного легиона — 376.

ЛИНДХОРСТ, Джон-Синглтон (1772—1863) — английский юрист и государственный деятель, рьяный консерватор, лорд-канцлер (1827, 1834—1835 и 1841—1846) — 146.

ЛИППЕ, Леопольд, граф (1815—1889) — прусский юрист, с 1860 г. первый прокурор королевского городского суда в Берлине, позднее министр юстиции — 301.

ЛИХНОВСКИЙ, Феликс (1814—1848) — прусский офицер, член правой Франкфуртского национального собрания, убит повстанцами в сентябре 1848 г. — 108, 281, 283.

ЛОММЕЛЬ, Георг — немецкий демократ, эмигрант в Швейцарии, составитель отчета о празднестве рабочих союзов в Лозанне — 68, 72.

ЛОНГИН, Дионисий-Кассий (III в.) — древний писатель, неоплатоник — 128.

ЛУИ-НАПОЛЕОН — см. БОНАПАРТ, ЛУИ.

ЛУИ-ФИЛИПП (1773—1850) — французский король в период между революциями 1830 и 1848 гг. — 53, 151, 158, 191, 192, 211, 257, 279.

ЛУКУЛЛ (около 110—56 до н. э.) — римский полководец, известный своим богатством, обилием и роскошью своих пиршеств — 216.

ЛЮДВИГ — см. ХЛОДВИГ.

ЛЮДОВИК XIV (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 145, 248.

ЛЮДОВИК XV (1710—1774) — французский король (1715—1774) — 29, 164.

ЛЮДОВИК XVIII (1755—1824) — французский король (1814—1824) — 154.

ЛЯ-ГЕРРОНЬЕР, Луи-Этьен (1812—1875) — французский публицист, сторонник Наполеона III; после переворота 2 декабря придворный журналист, обер- цензор французской печати — 120, 149, 204, 227—230, 233.

М

МАГОМЕТ (570—632) — 33, 286.

МАДЗИНИ, Джузеппе (1805—1872) — итальянский политиче-

ский деятель, глава мелкобуржуазной демократической организации «Молодая Италия», боролся за объединение Италии на основе демократической республики; после революции 1848 г. эмигрант в Лондоне, глава Демократического комитета, ставившего своей целью объединение всех республиканских движений Европы — 166, 198—199, 240, 241, 258.

МАЙЕР, Карл из Эсслингена (1819—1889) — немецкий писатель, член левой Франкфуртского национального собрания и комиссар имперского регентства в Бадене, затем эмигрант, владелец ювелирной фабрики в Невшателе; с 1863 г. снова в Германии, член рейхстага (1881—1887) — 128, 224, 225, 226, 256.

МАК-АДАМ из Глазго — 247.

МАЛЬСБЕРИ, Джесемс, граф (1807—1884) — английский политический деятель, консерватор, министр иностранных дел (1852 и 1858—1859), позднее лорд-хранитель печати — 145, 194, 195, 196, 198, 211.

МАНТЕЙФЕЛЬ, Отто-Теодор (1805—1882) — прусский государственный деятель, министр внутренних дел в кабинете Бранденбурга; с 1850 г. стал во главе министерства и вел реакционную политику бюрократического абсолютизма — 265, 267, 286, 287, 298.

МАРИЛЬИ, Этьен (1804—1889) — епископ фрейбургский — 263.

МАРКС, Женни (1814—1881) — жена К. Маркса — 74, 290, 370, 374.

МАРКС, Карл (1818—1883) — 17, 19, 25, 34—36, 55—59, 62—63, 73, 80, 87—88, 90, 92—93, 95—97, 104—105, 120, 133, 136, 137, 140, 266, 269, 270, 297, 299, 307, 309, 321, 322, 327, 328, 344—345, 361, 365, 369—376; причины ответа Фогту в печати — 15—17; «Rheinische Zeitung» — 118, 305, 316, 322; Демократическое общество в Брюсселе — 296, 297; высылка из Франции, Бельгии, Пруссии — 81—82, 112, 296, 297; Союз коммунистов — 79—83 (см. также предметный указатель); «Neue Rheinische Zeitung» — 51, 94, 108—112, 264, 267, 271, 296, 310, 325; перед судом присяжных в Кёльне — 95; «Revue der Rheinischen Zeitung» — 83, 94, 95, 96, 100, 101, 107, 116, 122; кёльнский процесс коммунистов — 65—67, 349, 350, 351—353; «процесс с прусскими судами» (против «Nationalzeitung») — 15, 290, 300—305, 311—312, 329—333; Фогт и бонапартистская клика о Марксе — 44—47, 97—98, 290—293.

МАРТЕН — французский писатель, бонапартист, сотрудник «Constitutionnel» — 204.

МАССОН, Август (1800—1883) — французский драматург и мелкобуржуазный публицист — 169.

МАХМУД II (1785—1839) — турецкий султан (1808—1839) — 154.

МЕЙЕН, Эдуард (1812—1870) — немецкий демократ, в молодостилевогегельянец, позднее национал-либерал — 101, 268—269, 350.

МЕЛЛИНЕ, Франсуа (1768—1852) — бельгийский генерал, участник революции 1830 г., почетный председатель Международного демократического общества в Брюсселе — 296.

МЕСТР Касье де (1763—1852) — французский офицер на рус-

ской службе, реакционный публицист, автор «Путешествия вокруг моей комнаты» (1794) — 277.

МЕТТЕРНИХ, Клеменс, князь (1773—1859) — австрийский канцлер; после заключения Священного союза стоял во главе европейской реакции и вплоть до мартовской революции был вдохновителем всех реакционных союзов — 146, 162.

МАХМЕД-БЕЙ — турецкое имя И. Банди (см.).

МИГЕЛЬ, Мария-Эварест (1802—1866) — король Португалии (1828—1834) — 155.

МИСКОВСКИЙ, Генрих — польский офицер, участник восстания 1830 г., эмигрант в Лондоне; погиб от пожара в 1854 г. — 86.

МОЛЛЕ, Луи-Матье, граф (1781—1855) — французский государственный деятель, с 1836 по 1839 г. реакционный министр-президент и министр внутренних дел — 158.

МОЛЛЬ, Иосиф (ум. в 1849 г.) — часовщик из Кёльна, член лондонского Центрального комитета Союза коммунистов, участники баденского восстания; погиб в битве при Мурге — 81.

МОНТАЛАМБЕР, Шарль-Форб де-Трион (1810—1870) — французский политический деятель, оратор и писатель, вождь католической партии, член Национального и Законодательного собраний (1848) — 171.

МОНА, Шарлемань-Эмиль де (1817—1888) — французский полицейский чиновник, префект парижской полиции при Луи-Филиппе, с 1852 по 1853 г. министр общей полиции — 349.

МОРНИ, Шарль де (1811—1865) — брат и приближенный Наполеона III, в 1851—1852 гг. министр внутренних дел, один из организаторов бонапартистского переворота 2 декабря; в 1854—1856 и 1857—1865 гг. председатель Законодательного корпуса — 28, 173.

МИЛЛЕР — председатель немецкого Рабочего просветительного общества в Лондоне — 296.

МИЛЬНЕР, Амадей (1774—1829) — немецкий драматург и критик — 127.

МИОНХГАУЗЕН, Карл, барон (1720—1797) — автор рассказов о его собственных невероятных приключениях, положивших начало ряду «Приключений Мюнхгаузена» разных авторов — 351.

Н

НАПОЛЕОН, принц Жозеф (Плон-Плон) (1822—1891) — кузен Наполеона III, глава «левых» бонапартистов — 33, 46, 55, 57, 123, 160, 185, 190, 205—208, 211—212, 216, 217, 226, 227, 233—234, 244, 248, 288.

НАПОЛЕОН I (1769—1821) — французский император (1804—1815) — 29, 97, 146, 148, 154, 160, 177, 178, 208, 224, 324.

НАПОЛЕОН III — см. БОНАПАРТ ЛЮИ.

НЕЙ, Мишель (1769—1815) — маршал Наполеона I — 31.

НИКОЛАЙ I (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 150, 152, 154—157, 160.

НЭППИР, сэр Чарлз (1782—1853) — английский адмирал — 145.

О

ОКСЕНБЕЙН, Ульрих (1811—1890) — швейцарский генерал и государственный деятель, радикал, в 1847 г. был союзным президентом Швейцарии — 257.

ОЛИ (Ohli) — лондонский корреспондент «Allgemeine Zeitung» — 119—120, 322.

ОЛИФАНТ, Лоренс (1829—1888) — английский путешественник и писатель, в Крымскую кампанию военный корреспондент «Times» — 197.

ОЛЬГА (1822—1892) — русская великая княжна, дочь Николая I, замужем за наследным принцем Бюргенбергским — 339.

ОППЕНГЕЙМ, Генрих-Бернгард (1819—1880) — мелкобуржуазный немецкий демократический публицист, эмигрант — 101, 279.

ОРГЕС, Герман, д-р (1821—1874) — немецкий публицист, соредактор аugsбургской «Allgemeine Zeitung», привлеченный Фогтом к суду вместе с Кольбом и Альтенгегером — 133, 231, 295, 363, 364.

ОРСИНИ, Феличе (1809—1858) — итальянский патриот-террорист, совершивший покушение на Наполеона III (14 января 1858 г.) — 171.

ОСВАЛЬД — немецкий мелкобуржуазный демократ, эмигрант в Лондоне, член антимарксовой эмигрантской клики — 25.

ОУЭН, Роберт (1771—1858) — английский писатель, педагог и общественный деятель, один из основоположников утопического социализма — 92.

П

ПАЛЕСТРИНА — парижский полицейский чиновник — 230, 233.

ПАЛЬМЕРСТОН, Генри, виконт (1784—1865) — английский политический деятель, виг; с 1830 г. министр иностранных дел, с 1855 г. премьер либерального кабинета — 124, 147, 150, 155, 172—173, 174, 196, 238, 274, 360.

ПАПИНИАН (ок. 140—212) — римский юрист — 330.

ПЕЛИСЬЕ, Жан-Жак (1794—1864) — французский маршал и политический деятель, в 1855 г. главнокомандующий французской армии в Крыму, впоследствии генерал-губернатор Алжира — 171.

ПЕРЕЙР, Исаак (1806—1880) — французский банкир и писатель, в молодости сен-симонист, основатель «Crédit Mobilier» — 279.

ПЕРСИ, Генрих Хотспер — сын графа Генриха Нортумберлендского (конец XIV в.); как литературный персонаж фигурирует в драмах Шекспира; в нарицательном значении — пылкий нрав, горячая голова и благородная натура — 89.

ПЕРСИНИЙ, Жан (1808—1872) — французский политический деятель, бонапартист, участник переворота 2 декабря, министр внутренних дел при Наполеоне III — 190.

ПЕРЦЕЛЬ, Мориц (1811—1899) — генерал венгерской революционной армии — 161, 246.

ПЕРЬЕ, Джон — швейцарский политический деятель, член Большого совета; в 1852 и 1856—1860 гг. приспешник Фази — 215, 217—219.

ПЕТЕТЭН, Ансельм (1807—1873) — французский публицист и дипломат; 1860—1861 гг. — префект Савойи — 211.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ (1672—1725) — первый русский император (1682—1725) — 124, 153.

ПИЙ IX (1792—1878) — римский папа (1846—1878), поборник светской власти пап, провозгласил непогрешимость пап и резко осуждал все завоевания науки после средневековья — 152.

ПИНДАР, Питер — псевдоним английского поэта-сатирика Джона Уолкота (1738—1819) — 105.

ПИТТ, Вильям Младший, граф Чатам (1759—1806) — один из реакционнейших английских государственных деятелей; будучи премьером, организовал интервенцию против французской революции, подавил ирландское восстание и провел ряд реакционных мер против рабочего движения — 56, 146.

ПЛОН-ПЛОН — прозвище Жозефа Бонапарта, кузена Наполеона III — см. **НАПОЛЕОН**, принц Жозеф-Шарль-Поль.

ПЛЮМИКЕ, З. К. — немецкий военный писатель — 65.

ПОП, Александр (1688—1744) — английский поэт-сатирик, представитель псевдоклассицизма и провозвестника рационалистического просвещения XVIII в., автор поэм «Rap of the Lock» и «Dunciad» — 265, 277, 278.

ПОЦЦО-ДИ-БОРГО, Карл-Андрей (1764—1842) — корсиканец родом; с 1803 г. на русской службе; после реставрации во Франции — русский посол в Париже и Лондоне — 157.

ПРУДОН, Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский публицист, представитель мелкобуржуазного социализма, анархист — 93, 171.

ПУЛЬСКИЙ, Франц (род. в 1814 г.) — венгерский археолог, публицист и общественный деятель, сторонник Кошула — 247.

ПФУЛЬ, Эрнст (1779—1866) — прусский генерал, в революцию 1848 г. военный губернатор Берлина, затем министр-президент и военный министр Пруссии — 286.

ПЬЕТРИ, Жозеф-Мари (1820—1902) — префект полиции при Наполеоне III — 45, 46.

Р

РАБЛЭ, Франсуа (1494—1553) — французский писатель эпохи Возрождения, автор романов «Пантагрюэль» и «Гаргантюа», в которых высмеивает обскурантизм церкви, защищает свободу научного исследования; яркий представитель гуманизма и идеолог буржуазии — 25.

РАВО, Франц (1810—1851) — немецкий демократ, вождь умеренной левой Франкфуртского национального собрания и член баденского революционного правительства; присужденный к смертной казни, эмигрировал — 283.

РАДЕМАХЕР, Иоганн-Готфрид (1772—1849) — немецкий врач; был известен своеобразной классификацией болезней по сред-

ствам борьбы с ними, долженствовавшей, по его мнению, радикально изменить воззрения на медицину — 26.

РАДЕЦКИЙ, Иоганн-Иосиф (1766—1858) — австрийский фельдмаршал, реакционер, наместник в Италии, известен своими зверскими расправами в борьбе против освободительного итальянского движения — 147.

РАДОВИЦ, Иосиф (1797—1853) — прусский генерал и государственный деятель, вождь крайней правой во Франкфуртском национальном собрании — 281, 283.

РАКОЦИ, Франц (1676—1735) — венгерский князь, ставший во главе восстания против Габсбургов за освобождение Венгрии — 248.

РАНИКЕЛЬ — ремесленник из Бингена, участник революции 1848 г., эмигрант в Женеве — 32, 33, 39, 41, 51, 62, 77—79, 128, 211, 226, 227, 281, 338.

РАСПАЙЛЬ, Франсуа-Бенсан (1794—1878) — французский естественник и публицист, член Учредительного собрания 1848 г., монтаньяр, республиканец, проповедывал «социализм чувства», впоследствии левый радикал — 70.

РЕДЗ — австрийский демократ, эмигрант в Лондоне — 91.

РЕЗЕН, Пьер (1820—1870) — член Большого совета Женевы, редактор женевской газеты «Journal du tir fédéral» — 336—337.

РЕЗЕР, Петер-Гергард (1814—1856) — немецкий ремесленник, руководитель кёльнского комитета Союза коммунистов, осужден в Кёльнском процессе и отбыл наказание; в тюрьме, под следствием, давал предательские показания; позднее — ласальянец — 351.

РЕЙНАХ, Арнольд — немецкий демократ, эмигрант в Швейцарии — 128, 338—339.

РЕЙТЕР, Макс — полицейский шпион на службе прусского правительства — 348.

РЕЙТЕР, Юлиус, барон (1821—1899) — основатель известного телеграфного агентства — 311.

РЕЙХАРДТ, Иосиф (1803—1872) — член левой Франкфуртского национального собрания, член баденско-pfальцского правительства, позднее эмигрант в Америке — 285.

РЕЙХЕНБАХ, Оскар, граф (1815—1893) — бреславльский демократ, член Франкфуртского национального собрания; в эмиграции приверженец Кинкеля — 359, 360.

РЕМЮЗА, Франсуа-Шарль, граф *de* (1797—1875) — французский политический деятель и писатель, в 1840 г. министр внутренних дел в кабинете Тьера — 53.

РЕСЛЕР, Густав-Адольф (1818—1855) — учитель из Эльса, член левой Франкфуртского национального собрания, эмигрант в Швейцарии и Америке — 104.

РЕШИД-ПАША, Мустафа (1802—1858) — турецкий государственный деятель, великий визирь (1846—1852 и 1856—1857) — 162, 240.

РИНГС — коммунист, эмигрант в Лондоне — 352.

РИССЕР, Габриэль (1806—1863) — адвокат в Гамбурге, в 30-х годах выступал в печати с требованием равноправия для еврейства, член и вице-президент Франкфуртского собрания, сторонник конституционной монархии — 116.

РИШЕЛЬЕ, Арман (1766—1822) — французский герцог, бежавший в эпоху буржуазной революции во Франции конца XVIII века в Россию, где вскоре занял пост генерал-губернатора г. Одессы и Новороссийского края; будучи умеренным роялистом, во время реставрации, Р. снова вернулся во Францию и занимал пост премьера при Людовике XVIII — 154.

РОЖЬЕ, Шарль-Латур (1800—1885) — бельгийский государственный деятель, умеренный либерал, защитник конституционной монархии; в 1847—1853 гг. министр внутренних дел — 295.

РОЗЕНБЛЮМ, Эдуард — немецкий демократ, участник баденского восстания, эмигрант в Женеве и в Лондоне — 20, 22, 24, 25, 47.

РОЗИНА, Иоганна, урожд. Гельниц — жена Ф. А. Краузе (см.) — 355.

РООС — меховщик из Парижа, эмигрант — 128.

РОССЕЛЬ, Джон, лорд (1792—1878) — английский государственный деятель, виг; с 1846 по 1852 г. премьер-министр, в 1865—1866 гг. министр иностранных дел — 193, 215.

РОТТЕК, Карл-Венцеслав (1775—1840) — немецкий политический деятель и историк, либерал, кантинец — 265.

РУГЕ, Арнольд (1802—1880) — немецкий радикальный публицист, левогегельянец, в 1841 г. издавал «Deutsche Jahrbücher» и в 1844 г. вместе с Марксом — «Deutsch-Französische Jahrbücher»; с 1866 г. сторонник Бисмарка — 91, 101, 102, 104, 350.

РУССО, Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель, педагог и философ, просветитель, идеолог французской мелкой буржуазии, дал теоретическое оружие якобинцам французской буржуазной революции конца XVIII века — 258.

РЭ, Теодор — адвокат, член Франкфуртского национального собрания — 113, 114.

С

САЗОНОВ, Николай Иванович (1815—1862) — русский журналист, эмигрант во Франции и Швейцарии — 35.

САЙПЛС, Вильям — секретарь шеффильдского комитета по иностранным делам в 1856 г. — 361.

СЕМЕРЕ, Бартоломей (1812—1869) — венгерский писатель и политический деятель, министр внутренних дел в революционном правительстве 1848 г. — 37, 161, 248.

СЕН-СИМОН, Анри-Клод (1760—1825) — французский писатель, один из крупнейших представителей утопического социализма — 92.

СЕФЕР-ПАША — 242.

СИМОН БОЛИВАР — см. БОЛИВАР.

СИМОН, Людвиг (1810—1872) — адвокат из Трира, член левой Франкфуртского национального собрания — 230, 384.

СИМОН, Эдуард (род. в 1824 г.) — французский публицист, уроженец Берлина; знакомил французов с положением в Германии, редактор «Mémorial diplomatique»; шпион и провокатор — 35, 36, 97, 98, 119—120, 227—233, 264, 275.

СИРМАЙ, граф — один из потомков известной аристократической фамилии Венгрии, агент Кошути в эмиграции — 239.

СОССЮР, Теодор де (1824—1903) — швейцарский писатель, филолог и художник, лидер аристократической оппозиции во время правительства Фази — 218.

СОФИЯ (1805—1872) — эрцгерцогиня австрийская, вдохновительница реакционной ультрамонтанской камарилии — 245, 272.

СТЕНБЕРИ — типограф в Лондоне — 350.

СТЕФФЕН, В. — бывший пехотный лейтенант в Кёльне, преподаватель дивизионной школы; свидетель защиты в Кёльнском процессе коммунистов — 89, 90.

СТРУВЕ, Густав (1805—1870) — немецкий демократ, член баденского временного правительства, которое вело характерную для мелкобуржуазной демократии трусивую и предательскую политику выжиданий и оттягиваний в самые решительные моменты революции 1848 г.; эмигрант в Лондоне и Америке, в 1863 г. вернулся в Германию — 25, 47, 50, 258.

СУЛУК (1782—1867) — президент республики Гаити, подавивший восстание 1848 г. и в 1849 г. провозгласивший себя императором; по происхождению негр — 29.

Т

ТАУЗЕНАУ, Карл (1808—1873) — австрийский журналист, в 1848 г. президент Демократического союза в Вене, эмигрант, один из руководителей мелкобуржуазного Агитационного общества в Лондоне — 102.

ТАЦИТ, Публий-Корнелий (ок. 55—120 гг.) — известный римский историк — 169.

ТЕЛЕКИ, Ладислав, граф (1811—1861) — венгерский политический деятель, юрист и писатель, в 1848 г. — депутат парламента, посол революционной Венгрии в Париже — 244.

ТЕММЕ, Иодокус (1798—1881) — немецкий юрист, демократ, член крайней левой Франкфуртского и Берлинского национальных собраний — 286.

ТЕХОВ, Густав-Адольф (1812—1893) — прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник февральской революции в Берлине и баденского восстания, впоследствии эмигрант в Лондоне и в Австралии — 76—78, 79, 86—89, 91—98, 100—102, 104—105, 270, 292, 318, 321, 328.

ТРОГ, д-р — швейцарский союзный комиссар по высылке эмигрантов — 258, 335, 342.

ТУВЕНЕЛЬ, Эдуард-Антуан (1818—1866) — французский политический деятель; в 1849—1850 гг. посланник в Афинах, после переворота Бонапарта призван в Париж и в 1860—1862 гг. министр иностранных дел — 192, 213—215, 216.

ТУККЕР, Э. — немецкий издатель в Лондоне, уркартист — 124.

ТУМ — башмачник в Женеве, друг В. Шили — 78.

ТУРТ — швейцарский дипломат, посланик в Турине, в 50-х годах женевский правительственный советник, комиссар по высылке эмигрантов — 52, 214, 263, 335—338.

ТИОРР, Стефан (1825—1903) — венгерский революционный офицер, участник баденского восстания и сицилийской экспедиции Гарибальди — 241.

У

УДИНО, Шарль (1791—1863) — французский генерал, политический деятель и писатель; в 1842 г. член палаты депутатов, примыкал к группе Тьера; в 1849 г. командующий войсками, посланными Наполеоном для усмирения Римской республики — 168.

УЛАНД, Людвиг (1787—1862) — немецкий поэт и историк литературы, романтик, глава так называемой Швабской школы; член Франкфуртского национального собрания, представитель южногерманской мелкой буржуазии, либерально-республиканских убеждений — 113, 115.

УЛЛОА, Джироламо (1810—1891) — неаполитанский артиллерийский офицер и военный писатель, в 1848 г. участник национального освободительного движения в Венеции, затем эмигрант в Париже — 33.

УЛЬМЕР — рабочий, член Союза коммунистов, с 1850 г. эмигрант в Лондоне — 352.

УЛЬПИАН (ок. 170—228 гг.) — римский юрист — 330.

УЛЬРИХ (1487—1550) — герцог Вюртембергский, стоял во главе войск против крестьянского восстания 1514 г.; позднее, в войне с Швабским союзом, изгнанный из пределов герцогства, пытался опереться на восставших крестьян — 225.

УРКАРТ, Давид (1805—1877) — английский политический деятель и публицист; противник внешней политики Пальмерстона, его руссофильства и предательства интересов народов Азии; сторонник союза Зап. Европы против России; Маркс и Энгельс считали полезным поддерживать его внешнеполитические установки и пользовались его материалом для своих статей по вопросам международной политики, не отказываясь выступать против него по вопросам внутренней политики — 123, 124, 131, 160, 162, 236, 238—240.

УОРРИК (Warwick), Ричард-Невиль (1428—1471) — участник борьбы за английский престол Ланкастерского и Йоркского домов, так называемых «Белой и Алой Розы», возвел на престол сначала Эдуарда IV (из Йоркского дома), а затем, поссорившись с ним, — Генриха VI (ланкастерца); прозван «делателем королей» (Kingmaker) — 286.

Ф

ФАЗИЛ, Джемес (1796—1878) — буржуазный женевский политический деятель и публицист, тип американского дельца; основатель «Revue de Genève»; с 1843 г. член Большого совета, в 1846 г. глава временного правительства кантона, с 1847 г. постоянный член Большого совета и его президент — 22, 50, 75, 120, 123, 205—207, 210, 211, 212, 214, 215, 218—223, 227, 236, 251—263, 291, 334, 337, 381.

ФАЛЬМЕРАЙЕР, Якоб-Филипп (1790—1861) — немецкий писатель, историк и путешественник — 121.

ФАУХЕР, Юлий (1820—1878) — немецкий публицист, вульгарный экономист, левогегельянец, сторонник свободной торговли — 125, 127.

ФЕГЕЛЕ, Август — наборщик из типографии Холлингера в Лондоне — 127, 132—135, 136—140, 300, 309, 310, 318, 320, 365, 366—367, 368.

ФЕРАД-ПАША — турецкое имя Максимилиана Штейна (см.).
ФЕРДИНАНД VII (1784—1833) — испанский король (1808 и 1813—1833)— 154.

ФИАЛЕН — см. **ПЕРСИНЬИ**.

ФИЛИПСОН, Григорий Иванович (1809—1883) — русский генерал — 242, 243.

ФИНК, д-р — немецкий эмигрант в Швейцарии — 50.

ФИНКЕ, Георг-Эрист фон (1811—1875) — вестфальский барон, в 1848 г. один из вождей правой Франкфуртского национального собрания — 59, 108, 109, 280—288.

ФИШАРТ, Иоганн (1547—1590) — немецкий публицист, сатирик и поэт — 26, 70, 284.

ФЛЕРИ (настоящая фамилия Краузе), *Карл* (род. в 1824 г.) — прусский полицейский агент и шпион в Лондоне, орудие Грейфа в деле о Союзе коммунистов — 52, 66, 346—356; см. также **ШМИДТ**.

ФЛОКОН, Фердинанд (1800—1866) — французский радикальный публицист и политический деятель; в 1845—1848 гг. редактор республиканской газеты «Réforme», член временного правительства 1848 г.; после переворота Луи Бонапарта изгнан из Франции — 295, 369, 373.

ФОГТ, Густав (1829—1901) — брат Карла Фогта, чиновник в Берне, позднее профессор гражданского права в Цюрихе, редактор «Neue Zürcher Zeitung» — 220, 223.

ФОГТ, Карл (1817—1895) — 18—19, 23, 25—26, 32—36, 37—38, 43, 44—46, 47, 49, 51—53, 54, 55, 57, 58—59, 62—66, 73, 74, 75, 76—79, 97, 98, 101, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 115, 116, 118—133, 136—137, 139, 140, 141—146, 147—154, 156—160, 162—167, 175, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 230—235, 236, 243, 251, 252, 264, 268—271, 278, 280—283, 288, 290—295, 296—298, 306—308, 312—316, 317—319, 323, 324, 325, 327, 342, 344—345, 358, 361—366, 384; плагиатор — 32; представитель целого направления — 16—17; во Франкфуртском собрании — 108, 109, 115, 116—117, 232; отзывы «Новой Рейнской Газеты» — 51; регентство — 70, 106, 117, 338; деятельность в Швейцарии — 51, 57, 68, 71—73, 344—345, 381; «Программа» (1859) — 202—203, 210; бонапартистский характер пропаганды — 66, 69, 166, 167—170, 173, 175, 176—178, 179—188, 189, 191, 192—195, 196—210, 211, 214, 216—217, 220; характеристика его «Исследований о состоянии Европы» — 145, 200—201; процесс против аугсбургской «Allgemeine Zeitung» — 127, 128, 134, 300; см. также **КАРЛ СМЕЛЫЙ**.

ФОГТ, Филипп (1786—1860) — отец Карла Фогта, д-р медицины в Гиссене — 63—64, 223.

ФОГТ — адвокат в Берне — 339.

ФОСКОЛО, Николо-Уго (1778—1827) — итальянский поэт-патриот, республиканец — 223.

ФРАНК — псевдоним Шервала (см.).

ФРАНК, Герман, д-р (ум. в 1855 г.) — издатель «Allgemeine

Deutsche Zeitung в Лейпциге; после 1848 г. эмигрант, друг А. Руге — 91.

ФРАНКИНИ, Виктор Антонович (1820—1892) — генерал-лейтенант, участник Крымской и Кавказской войн, военный секретарь русского посла в Константинополе, первый губернатор Карской области — 243.

ФРАНЦ-ИОСИФ I (1830—1916) — австрийский император с 1848 г. — 148, 187, 189, 247.

ФРАНЦИСК I (1494—1547) — французский король (1515—1547) — 190.

ФРЕБЕЛЬ, Юлиус (1805—1898) — немецкий радикальный публицист, участник революции 1848 г., совладелец издательства в Цюрихе, позднее немецкий консул в Алжире — 124, 139.

ФРЕЙЛИГРАТ, Фердинанд (1810—1876) — немецкий поэт, был членом Союза коммунистов — 123.

ФРЕЙ, Фридрих-Эрзее (1801—1873) — швейцарский государственный деятель, в 1860 г. союзный президент — 193, 213, 217.

ФРИДРИХ II (Великий) (1712—1786) — король прусский (1740—1786) — 70, 145.

ФРИЦ — золотых дел мастер из Бюргемберга — 61, 62.

ФУРЬЕ, Шарль-Луи (1772—1837) — один из представителей французского утопического социализма — 31, 92.

ФЮРСТЕНБЕРГ, Карл-Эгон, князь (1820—1896) — сын Карла-Эгона, вице-президент баденской палаты; в 1849 г. его имущество, находившееся в замке Донау Эшинген, было реквизировано отступавшей баденской армией под командой Ф. Зигеля — 102.

X

ХЕМДЕН, Джон (1594—1643) — английский политический деятель времена английской буржуазной революции XVII века, лидер пуританской оппозиции — 171.

ХИЛЬГЕРТИН, Георг (1823—1865) — немецкий демократ, эмигрант — 380.

ХЛОДВИГ (466—511) — король франков, основатель династии Меровингов — 167.

ХЛУДОВИГ — см. ЛУИ БОНАПАРТ.

ХОЛЛИНГЕР, Фиделио — собственник типографии в Лондоне, печатавшей большинство немецких эмигрантских газет — 127, 130, 132, 134—135, 137, 138—141, 270, 309—310, 318, 364—368.

ХОЛЛИНГЕР, г-жа — жена предыдущего — 138.

ХОРСМАН, Эдуард (1807—1876) — английский государственный деятель, виг, с 1855 по 1867 г. главный секретарь по делам Ирландии — 172.

ХУНТЕЛЬБ — полицей-директор в Бремене — 346.

Ц

ЦАБЕЛЬ, Фридрих (1802—1875) — немецкий публицист, редактор политического отдела и ответственный редактор берлинской *Nationalzeitung*, ответчик в процессе Маркса против газеты — 264, 276, 290—291, 292—302, 304—313, 314—317, 319—333, 350, 376, 381.

ЦИММЕРМАН, Эрнст — бургомистр из Шпандау, член левой Франкфуртского национального собрания — 109, 116.
ЦИНЦИННАТ, Люций-Квинций (I в. до н. э.) — римский государственный деятель, один из вождей патрициев в борьбе против плебеев; считался образцом римской простоты и доблести — 288.

ЦИЦ, Франц (1803—1877) — адвокат из Майнца, член крайней левой Франкфуртского национального собрания, участник баденско-пфальцского восстания, эмигрант — 104.

ЦИЦЕРОН, Марк-Туллий (106—43 до н. э.) — знаменитый римский оратор и политический деятель, идеолог аристократической партии. В тексте подразумевается Карл Фогт — 56—57, 68, 71—72.

Ч

ЧАРЛЗ — общий псевдоним лондонских полицейских агентов Штибера — 346—347.

ЧЕЛСИ (Chelsea) — английский дипломат в Париже — 175.

ЧИРНЕР, Самуэль-Эрдман (1812—1870) — адвокат, в 1848—1849 гг. вождь демократической крайней левой партии в Саксонии, после дрезденского восстания эмигрировал в Швейцарию, председатель мелкобуржуазной «Революционной централизации» в Цюрихе — 99.

III

ШАВЕЛИЦ, Жак (1827—1899) — радикальный издатель и книгопродавец в Базеле; до 1848 г. жил в Лондоне, один из редакторов «Deutsche Londoner Zeitung», член общества «Братских демократов» — 54, 65.

ШАЙБЛЕ, Карл (1824—1899) — немецкий врач, участник баденской революции 1848 г., в 50-х годах эмигрант в Англии, преподаватель языков — 140—142, 235, 300, 318, 320.

ШАЛЛЕР, Юлий (1807—1871) — швейцарский политический деятель, в 1848—1856 гг. глава фрайбургского правительства — 49.

ШАШПЕР, Карл (1813—1870) — немецкий революционер, один из руководителей Союза справедливых и член Центрального комитета Союза коммунистов; в 1850 г. вместе с А. Виллихом стал во главе антимарксовой фракции Союза коммунистов; через несколько лет после раскола III, будучи председателем Лондонского рабочего просветительного общества, вновь перешел на сторону Маркса — 46, 82, 88, 298.

ШАТЛЛЕ (Châtelec) — 376, 379.

ШАТОБРИАН, Франсуа-Огюст (1768—1848) — французский писатель-романтик, дипломат и политический деятель, глава католической и роялистской реакции — 154.

ШАФАРИК, Павел-Иосиф (1795—1861) — чешский филолог, историк и славяновед, оставил многочисленные труды: «Slovanské Starozitnosti» («Славянские древности»), «Slovanský Narodopis» («Славянское народоведение») и др. — 164.

ШВАРК — чиновник прусского королевского апелляционного суда — 301.

ШВЕРИН, Максимилиан, граф (1804—1872) — прусский юрист и политический деятель, умеренный либерал, входил в кабинет Кампгаузена министром культов, позднее — национальный либерал — 267.

ШЕКСПИР, Вильям — знаменитый английский поэт-драматург, живший в XVI в. — 31.

ШЕМБЕРГ, графиня, убита в 1834 г. в Дрездене — 348.

ШЕН (Schön) — эмигрант, член Безансонской колонны под командой Виллиха — 84.

ШЕНЮ, Адольф (род. в 1816 г.) — участник тайных заговорщических организаций 30-х годов, провокатор и агент тайной полиции — 74.

ШЕРВАЛЬ, Франк-Юлиус (настоящая фамилия Кремер) — известный еще под фамилией Ньюджент, по профессии литограф, шпион и провокатор — 38, 52—58, 60—63, 106, 126, 197, 292, 294, 298, 299, 313—314, 321—322, 325, 344—345, 348—349, 351, 355.

ШЕРЦЕР, Андрей (1807—1879) — портной из Баварии, член Союза справедливых; в 1852 г. за подпольную деятельность приговорен к трем годам тюремного заключения, позднее эмигрант в Лондоне, издатель «Neue Zeit» и сотрудник «Volk» — 125—126, 361—363.

ШИЛИ, Виктор (1810—1875) — адвокат в Трире, потом в Бармене, участник баденского восстания, эмигрант в Швейцарии и во Франции (Париж) — 32, 34, 35, 50, 51, 59, 77—79, 107, 334, 336, 338—343.

ШИЛЛЕР, Иоганн-Фридрих (1759—1805) — 32, 33, 72, 210.

ШИММЕЛЬПФЕННИГ, Александр (1824—1865) — прусский офицер, член Союза коммунистов, участник баденского восстания и американской гражданской войны; в лондонской эмиграции был одним из деятельности членов мелкобуржуазного кинкелевского Эмиграционного общества — 76, 77, 87—92, 95, 97, 101, 104—105.

ШИСС, Иоганн-Ульрих (1813—1883) — швейцарский союзный канцлер — 196, 212.

ШЛЕГАН (Schlehan) — 266.

ШЛЕЙНИЦ, Александр (1807—1885) — прусский государственный деятель, министр иностранных дел в реакционных кабинетах Кампгаузена и Бранденбурга — 278.

ШЛЕФФЕЛЬ, Фридрих-Вильгельм (1800—1870) — силезский фабрикант, член Франкфуртского национального собрания — 114.

ШЛЕФФЕЛЬ, Густав-Адольф (Младший) (1828—1849) — сын предыдущего, студент; в 1848 г. противник С. Борна; будучи арестован, бежал в Венгрию, где участвовал в революции и погиб в бою — 112.

ШЛИКМАН — прусский судебный чиновник — 332, 333.

ШМЕРЛИНГ, Антон (1805—1893) — австрийский политический деятель, либерал, министр иностранных и внутренних дел в имперском министерстве эрцгерцога Иоганна; в 1860—1865 гг. премьер-министр Австрии, эволюционировавший в сторонника централизованной монархии — 284.

ШМИДТ — псевдоним Флери — 349.

ШНЕЙДЕР, Карл (Шнейдер II) — немецкий адвокат, защитник в Кельнском процессе коммунистов — 54, 294, 299.

ШРАММ, Конрад (1822—1858) — шлезвиг-гольштинский демократ, в лондонской эмиграции член Союза коммунистов, издатель «Обозрения Новой Рейнской Газеты» — 87—89, 321.

ШТАЛЬ Фридрих-Юлий (1802—1861) — прусский реакционный политик и публицист — 277.

ШТЕЙН, Максимилиан (1811—1860) — венгерский революционный генерал, позднее генерал турецкой армии (Ферад-паша) — 243.

ШТЕЙН, Юлиус (род. в 1813 г.) — бреславльский демократ, член левой Берлинского национального собрания, редактор «Neue Oder-Zeitung» — 266—267.

ШТЕМПФЛИ, Яков (1820 — 1879) — швейцарский государственный деятель, финансист; в 1856 и в 1859 — 1862 гг. союзный президент — 196, 211, 212, 222, 223.

ШТЕРН-ГЕШЕЙДТ — 278, см. **БАМБЕРГЕР, Людвиг**.

ШТЕХЕР, Карл — баденский эмигрант в Женеве, бывший директор реального училища — 60 — 62, 344 — 345.

ШТИБЕР, Вильгельм (1818—1882) — директор прусской политической полиции; в 1852 г. организатор Кёльнского процесса коммунистов; во время войн 1866 и 1870—1874 гг. стоял во главе контрразведки — 48, 52, 53, 54—55, 56, 65, 67, 68, 325, 346, 348—349, 351—357.

ШУЛЬЦЕ — прусский судебный чиновник — 319, 326—328.

ШУРЦ, Карл (1829—1906) — немецкий демократ, сторонник Кинкеля, в 1850 г. освободил его из тюрьмы в Шпандау; с 1852 г. эмигрант в Америке, видный деятель республиканской партии США, посол в Испании (1860—1862), министр внутренних дел (1877—1881) — 90, 91, 101, 104.

ШЮЛЕР, Эрнст (1807—1881) — эмигрант 30-х годов, участник баденского восстания, редактор «Bieler Handelscourier» — 126.

Э

ЭЙЗЕНМАН, Готфрид (1795—1867) — врач, член Франкфуртского национального собрания — 109.

ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ — прусский полицейский агент — 70.

ЭЙХОФФ, Вильгельм (1833—1895) — прусский социалист, в конце 50-х годов разоблачивший в печати шпионскую деятельность Штибера и привлеченный к суду; позднее — редактор ряда социал-демократических газет в Германии — 65.

ЭЛЬСНЕР, Карл (1809—1894) — доктор, член Прусского национального собрания, соредактор «Neue Oder-Zeitung» — 294.

ЭМБЕР, Жак (1793—1851) — французский революционер, бланкист, вице-президент Международного демократического общества в Брюсселе, после февральской революции комендант Тюильри — 296.

ЭНГЕЛЬС, Фридрих (1820—1895) — 22, 25, 87, 89, 92, 93, 94, 101, 121—122, 126, 294, 321—322; начало сотрудничества с Марксом — деятельность в Брюсселе и Союз коммунистов — 81, 82; эльберфельдское восстание — 112; в Бадене — 107; позиция по вопросу о Кургессене (1850 г.) — 83.

ЭНГЛЕНДЕР, Зигмунд — австрийский эмигрант, в 1850 г. сотрудник «Deutsche Monatsschrift» Колачека, тайный полицейский агент — 311.

ЭРМАНИ — издатель и книгопродавец в Лондоне — 139, 368.

ЭФИАЛЬТ (V в. до н. э.) — см. **ЛЕОНИД**.

ЭШЕНБАХ — см. **ВОЛЬФРАМ фон-ЭШЕНБАХ**.

10

ЮНГ, Георг (1814—1885) — немецкий публицист, один из основателей «Рейнской Газеты», в 1848 г. — левый член Пруссского национального собрания, позднее национал-либерал — 266.

Я

ЯКОВ II (1663—1701) — английский король (1685—1688) — 74.

ЯКОБИ, Абрахам — врач в Кёльне, член Союза коммунистов и один из обвиняемых в Кёльнском процессе, эмигрант в Америке — 357.

ЯН, Фридрих-Людвиг (1778—1852) — немецкий педагог, член правой Франкфуртского парламента, известен своей деятельностью в области физического воспитания, прозван отцом гимнастики — 144.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

А

АВВАКУМ (Библия) — 273.
АВЕЛЬ (Библия) — 276—277.
АВИХАЙЛ (Библия) — 277.
АРГОНАВТЫ — 218, 219.

Б

БАХУС (или *ВАРХ*) — 208, 226.

Г

ГАМЛЕТ (Шекспир, «Гамлет, принц датский») — 208, 274.
ГАРГАНТЮА (Горгеллянтуа) (Франсуа Рабле, «Гаргантюа» и
«Пантагрюэль») — 25.
ГЕНРИХ IV (Шекспир) — 75.
ГИЛЬРИ — герой народной французской песенки «Кум Гильри» —
377, 379, 384.
ГУДИБРАС (Сэмьюэл Бутлер) — 208.

Д

ДЖЕК — см. *ФАЛЬСТАФ*, *Джон* — 34, 44.
ДОН-КИХОТ *Ламанчский* (Сервантес) — 208.

И

ИФИГЕНИЯ — 234.

К

КАИН — 277.
КАСТОР — 275.
КВАЗИМОДО (В. Гюго, «Собор парижской богоматери») — 231.
КИПРИАН Святой — действующее лицо из произведения Кальдерона «El Magico Prodigioso» («Необыкновенный чародей»);
займствовано из древней легенды о договоре дьявола с человеком — 281.
КЛАРИН и *МОСКОН* (Кальдерон, «Необыкновенный чародей») — 281.

КОБЕС I, Кёльнский — насмешливое прозвище, данное Я. Венедею; заимствовано из стихотворения Гейне — 70, 116.
КРЕВЕЛЬ (Бальзак, «Кузина Бетта») — 29.

Л

ЛАЗАРИЛЬО (де-Тормес) — герой анонимной повести того же названия, появившейся в Сарагоссе в 1652 г.; тип интригана, мошенника — 201.
ЛЕПОРЕЛЛО — 34, 208.

М

МОИСЕЙ (Библия) — 274, 277.
МОСКОН — см. КЛАРИН.

О

ОРЛАНД *Влюбленный* («Orlando innamorato») (Боярдо) — 358.
ОРФЕЙ — 218.
ОФЕЛИЯ (Шекспир, «Гамлет, принц датский») — 274.

П

ПАРОЛЬ (Шекспир, «Конец — делу венец»); см. примечание в тексте — 33.
ПЕРСИ, Хотспер — см. именной указатель.
ПОЗА (Шиллер, «Дон Карлос») — 206.
ПОЛОНИЙ (Шекспир, «Гамлет, принц датский») — 66.
ПРИЮДОМ, Жозеф — герой комедии Ари Монье — 227.

С

САЙКС, Билл (Диккенс, «Оливер Твист») — 71.
САВЛ — 79.
СИЛЕН — 226.
СЛОУКЕНБЕРГИУС, Гафен (Лоренс Стерн, «Жизнь и убеждения Тристрама-Шенди») — 275.
СФИНКС — 217.

Т

ТЕЛЛЬ (Шиллер, «Вильгельм Телль») — 33.
ТРИСТАН (Готфрид Страсбургский) — 169.
ТРИСТРАМ-ШЕНДИ (Лоренс Стерн, «Жизнь и убеждения Тристрама-Шенди») — 274.

Ф

ФАЛЬСТАФ, Джон (Шекспир, «Генрих IV» и «Виндзорские проказницы») — 19, 31, 44, 56, 70, 71, 74, 137, 160, 216, 223, 227, 233, 281, 313.
ФАУСТ (Гёте) — 281.

III

ШПИГЕЛЬБЕРГ и ШУФТЕРЛЕ (Шиллер, «Разбойники») — 23.

Э

ЭГЕРИЯ — 207, 216, 217.

ЭДИС — 217—218.

ЭЙЗЕЛЕ и БЕЙЗЕЛЕ — см. примечание на стр. 141.

Ю

ЮПИТЕР — 274.

Я

ЯНУС — 208.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

АВСТРАЛИЯ, значение открытия золота — 170.
АВСТРИЯ — 122, 150, 155 — 159, 165, 187 — 190, 223, 248; история взаимоотношений с Англией — 145 — 149; характеристика внешней политики с XVIII в. — 156—157; господство в Италии — 122.
АГИТАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО (Руге) — 91, 101—104, 357—358.
АМЕРИКА и **ЕВРОПА**, значение открытия золотых россыпей в Калифорнии — 96, 171.
АНГЛИЙСКИЙ БАНК — см. **БАНК АНГЛИИ**.
АНГЛИЯ — 359; внешняя политика — 145—148, 173; падение кабинета Пальмерстона — 172.
АРЕОПАГ — 332.
АРИСТОКРАТИЯ — 93, 94.

Б

БАНК АНГЛИИ — 148.
БАРЩИНА в Венгрии, законопроект об уничтожении — 383.
БЕЛЬГИЯ и **ФРАНЦИЯ** — 157, 158, 185, 190, 191; политика Луи Бонапарта — 170—171.
БЕССАРАБИЯ, превращение в русскую провинцию — 153—154; Б. и Дунайские княжества — 180.
БОГЕМИЯ (и Моравия) — 162—163, 185—186; язык — 164; стратегическое значение — 164; Б. и Россия — см. в разделе **РОССИЯ**.
БОЛГАРИЯ, восстание 1848 г.; Б. и Россия — 155.
БОНАПАРТИЗМ — характеристика режима и «государственного аппарата» — 28—31; непрочность бонапартовского режима — 171—172; политика Луи Бонапарта и политика Наполеона I — 177—178; законодательство — 253; внешняя политика — 122—170; промышленное процветание Франции — 170; б. и отмена крепостничества в России — 152; национальный вопрос — 167—168, 176, 177—178, 180; итальянская война (1859 г.) — 183—187; политика в отношении Италии — 122—123; страсбургский путч Луи Бонапарта — 27; б. и люмпен-пролетариат — 27, 168; см. также **ОБЩЕСТВО 10 ДЕКАБРЯ**.

БОНАПАРТИСТСКАЯ АГЕНТУРА — 70, 202—203, 232, 234—235; в Париже — 229—230; в Швейцарии — 210—216, 217—219, 381; см. также в именном указателе — **ФОГТ, КАРЛ.**
БОНАПАРТИСТСКАЯ ПРЕССА — 205—206, 218—219, 228—231, 233.

БУРЖУАЗИЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ — 95—96; после революции 1848 г. — 45; в Швейцарии — 51, 336, 337; см. также **ЛИБЕРАЛИЗМ**.

БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ — см. **ПЕЧАТЬ**.

БУХАРЕСТСКИЙ МИР (1812 г.) — 153.

БЮРСТЕНГЕЙМЕРЫ — 31—43, 58, 291, 293; см. также **СЕРНАЯ БАНДА** и **РАБОЧИЕ ОБЩЕСТВА**.

В

ВАЛАХИЯ (и Молдавия) — см. **ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА**.
ВАРШАВСКИЙ КОНГРЕСС (1830 г.) — 157.

ВЕНГРИЯ, политика Наполеона I — 177—178; В. и Австрия — 161—162, 382—383; В. и Россия — 159—161, 382; см. также **РЕВОЛЮЦИЯ** 1848 г. и **ФЕОДАЛИЗМ**.

ВЕНЕЦИЯ — 146—148; политика Наполеона I — 177—178.

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС (1815 г.) — 146, 160, 252.

ВЕРОНСКИЙ КОНГРЕСС (1822 г.) и русская политика в Испании — 154.

ВИЛЛАФРАНКСКИЙ МИР (1859 г.) — 146, 189, 246.

Г

ГАЛИЦИЯ — 159—161, 162, 163, 165; международное значение во время войны 1859 г. — 159.

ГЕРМАНИЯ; Г. и Франция — 122; Г. и Россия — 158; защита границ и Италия — 122; значение положения Богемии и Моравии — 163—165, см. также **АВСТРИЯ, ПРУССИЯ**.

ГЕТЕРИЯ — 154.

ГОСУДАРСТВО и ПРАВО — см. **ПРАВО**.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО и законодательство — 303.

ГРЕЦИЯ — 155; конституционная революция 1843 г. и русская политика — 155.

Д

ДВОРЯНСТВО, русское и отмена крепостного права — 151—152; молдавское, характеристика — 179—180.

ДЕКАБРИЗМ — см. **БОНАПАРТИЗМ и ОБЩЕСТВО 10 ДЕКАБРЯ**.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА 1848 г. — 110; см. также **ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МАРТОВСКИЙ СОЮЗ**.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ (1848 г.), характеристика — 268.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В БРЮССЕЛЕ (1847 г.) — 295—296.

ДЕСЯТИНА, церковная в Венгрии, отмена — 383.

ДИВАН — 242.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА, русская политика в Молдавии и Валахии и независимость румынской национальности — 153—154, 176; восстание Владимиреско (1820 г.) — 154; национальная политика Луи Боналарта — 180.

Е

ЕГИПЕТ — 147—148, 185, 190, 200; французская экспедиция — 147.

З

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, прусское — 302—304, 329—331.
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ, феодальное — 95.

И

ИНДИЯ — см. ОСТ-ИНДИЯ.

ИСК ГРАЖДАНСКИЙ — 302, см. также ПРАВО ИСКА.

ИСПАНИЯ — 147—148, 154; положение в Европе — 96.

ИТАЛИЯ — 96, 155, 158.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА (1859 г.) — 179—180, 184, 186; положение Европы перед войной — 153, 173—175; отношение России — 158, 172; см. также ВИЛЛАФРАНКСКИЙ МИР, САВОЙЯ и НИЦЦА.

К

КАЛИФОРНИЯ — см. АМЕРИКА.

КАРБОНАРИИ — 25.

КАРИПТИЯ — 165.

КАРС — см. КРЫМСКАЯ ВОЙНА.

КЕЛЬЯНСКИЙ ПРОЦЕСС КОММУНИСТОВ — см. СОЮЗ КОММУНИСТОВ.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА в России и внешняя политика — 151—152.

КЛАССЫ — 94—95; классовые противоречия и промышленное развитие — 92—94; см. также БУРЖУАЗИЯ и ПРОЛЕТАРИАТ.

КОДЕКС НАПОЛЕОНА — 304.

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ — 97.

КОММУНИЗМ — 80, 92.

КОММУНИСТЫ — см. СОЮЗ КОММУНИСТОВ.

КОМОРЫ, осада и сдача — 160, 248—251.

КРАКОВ — см. ПОЛЬША.

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО В РОССИИ, борьба за освобождение — 152; влияние на агрессивность России — 151—152.

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО В РУМЫНИИ — 180.

КРЕСТЬЯНСТВО, мелкое во Франции — 169.

КРИЗИС, торговый 1857—1859 гг. — 97, 170—171.

КРЫМ, присоединение к России — 153.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА — 157, 176, 178, 179; падение Карса — 124, 178; Парижский мир и итоги кампании — 178, 179, 241.

Л

ЛАУЗИАДА — 105.

ЛЕВИТЫ — 274.

ЛИБЕРАЛИЗМ — 50, 95, 154; Л. и реакция — 68.
ЛОМБАРДИЯ — 156; присоединение к Пьемонту — 146, 148.
**ЛОНДОНСКОЕ НЕМЕЦКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ РАБОЧЕЕ
ОБЩЕСТВО** — см. **РАБОЧИЕ ОБЩЕСТВА**.
ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТ — 168.

M

МАДЬЯРЫ — 161.
МАРИАННА — 45.
МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ — см. **БУРЖУАЗИЯ**.
МОЛДАВИЯ — см. **ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА**.
МОРАВИЯ — см. **БОГЕМИЯ и МОРАВИЯ**.
МУРТЕНОВСКИЙ СЪЕЗД РАБОЧИХ ОБЩЕСТВ (1850 г.) — 46—52, 343—344.

N

НАДЗОР, прокурорский в Пруссии — см. **ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР**.
НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ — см. **ФРАНЦИЯ**.
НЕВШАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО (1856 г.) — см. **ШВЕЙЦАРИЯ**.
НЕМЕЦКИЕ РАБОЧИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА — см. **РАБОЧИЕ ОБЩЕСТВА**.
НЕМИРОВСКИЙ КОНГРЕСС (1737 г.) — 153.

O

ОБЩЕСТВО, 10 декабря — 171, 179, 324; характеристика и история — 26—28.
ОБЩИНА, крестьянская в России — 152.
ОРГАНИЧЕСКИЙ СТАТУТ 1831 г. (*Réglement organique*) — 153, 180.
ОСТ-ИНДИЯ — 147.

P

ПАНСЛАВИЗМ — 164, 167.
ПЕЧАТЬ БУРЖУАЗНАЯ, отношение Маркса к ее нападкам — 290; либеральная немецкая — 15, 67; продажность — 204, 233—234; см. также **БОНАПАРТИЗМ**, **БОНАПАРТИСТСКАЯ ПРЕССА**.
ПЛОМБЕРСКИЙ ДОГОВОР (1858 г.) — 198, 210, 216.
ПОЗНАНЬ — см. **ПРУССИЯ**.
ПОЛИЦИЯ — 44—45, 68, 276—277; германская — 50, 53, 54; французская — 53, 219; швейцарская — 51, 220, 343; полицейская агентура в Лондоне — 345—357.
ПОЛЬША, политика царской России в Польше — 153, 157, 158—160; П. и Англия — 124; захваты Кракова — 149; П. и итоги Крымской кампании — 178—179.
ПОРТА ВЫСОКАЯ — 240, 242.
ПОРТУГАЛИЯ, положение в Европе — 96.
ПРАВО, исковое — 302—304, 329—330; публичный интерес и государство — 302—304.

ПРАВОСУДИЕ, буржуазное — см. СУД.
ПРЕССА, буржуазная — см. ПЕЧАТЬ.
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, в Пруссии — 300—302, 305.
ПРОЛЕТАРИАТ, ПРОМЫШЛЕННЫЙ, предпосылка пролетарской революции — 95; п. и переустройство общества — 92—93; п. и партия после революции 1848—1849 гг. — 45—46.
ПРОЦЕСС, гражданский — 302—303.
ПРУССИЯ — 300, 384; политика Луи Бонапарта — 188—190; П. и Англия — 145—146; П. и Россия — 157—158, 159—160; значение отторжения Познани и других частей — 159.
ПЬЕМОНТ — 146, 148—149, 156, 180, 186, 193.

Р

РАБОЧИЕ ОБЩЕСТВА, тайные во Франции — 46; р. о. в Женеве — 32, 48, 64; см. также БЮРСТЕНГЕЙМЕРЫ и СЕРНАЯ БАНДА; немецкое просветительное в Лондоне — 53, 82, 125, 296; в Брюсселе — 81; праздник р. о. в Лозанне (1859 г.) — 68—73; см. также МУРТЕНОВСКИЙ СЪЕЗД РАБОЧИХ ОБЩЕСТВ.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ (тайное эмигрантское общество в Швейцарии) — 76—77; история — 97—98; проект договора с Союзом коммунистов — 98—99.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА — 97.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ СТАРОГО И НОВОГО СВЕТА — 98—99.

РЕВОЛЮЦИЯ, в понимании мелкобуржуазной демократической эмиграции — 358—359.

РЕВОЛЮЦИЯ БУРЖУАЗНАЯ — 94—95.

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ, условия — 94.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 гг. — 45; в Венгрии — 236, 248, 251, 382—383; в Германии — 47, 109, 111, 285—289; см. также ФРАНКФУРТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ; в Италии и ее поражение войсками Луи Бонапарта — 167—169; во Франции и открытие золота в Австралии и Калифорнии — 170.

RÉGLEMENT ORGANIQUE — см. ОРГАНИЧЕСКИЙ СТАТУТ.

РЕЙН, вопрос о границах — 188—225, 225—227.

РОССИЯ — 143, 144, 146, 148, 149—152, 159—160, 162—163, 382; положение после 1815 г. — 159; внешняя политика — 152—161, 171; Р. и Польша — см. ПОЛЬША; военное значение господства в Богемии — 163, 166; см. также КРЕПОСТНОЕ ПРАВО, ОБЩИНА, КРЫМСКАЯ ВОЙНА.

«RUMMELTIPUFF» (эмигрантская еженедельная газета в Женеве) — 23.

С

САВОЙЯ и НИЦЦА, вопрос о присоединении к Франции — 190, 229; значение для швейцарского нейтралитета — 195—199, 209—215, 217—228; в международной дипломатии — 198, 199, 214—215; договор о передаче С. и Н. Франции — 215; см. также ПЬЕМОНТ.

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ — 149, 339.
СЕРБИЯ, восстание 1843 г. и Россия — 155.
CERCLE SOCIAL — см. **СОЦИАЛЬНЫЙ КЛУБ**.
СЕРНАЯ БАНДА — 18—20, 31, 38—42, 43, 58, 201, 292—293; история — 20—25; см. также главу **ПРОЦЕСС** — 200 и сл.
СИРИЯ — 148, 149.
СЛАВЯНСТВО — 161, 162, 164, 181; см. также **БОГЕМИЯ** и **МОРАВИЯ**.
СЛОВАКИЯ — 248.
СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — 304, 330, 332.
СОЦИАЛИЗМ, французско-английский — 80, 81; утопический — 93.
СОЦИАЛЬНЫЙ КЛУБ (Cercle Social, 1790 г.) — 42.
СОЮЗ КОММУНИСТОВ — 46; история — 79—80; революция 1848 г. — 81; раскол — 46, 81, 82, 88; кёльнский процесс — 52—55, 84—88, 82, 293, 298, 345—357.
СОЮЗ МЕРТВЫХ (Todtentbund) — 65.
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ, роль в древности и в средние века — 96; интересы России — 150.
СУД — 302, 303, 307, 320; Королевский городской в Берлине — 304, 307, 311, 312, 316, 326—327, 330; Апелляционный прусский — 317, 318, 326—327, 329, 330; Королевский верховный в Пруссии — 330—333.
СУДОПРОИЗВОДСТВО, в Пруссии — 327—333.
СУДОУСТРОЙСТВО, прусское — 305.

Т

ТОРГОВЛЯ, мировая — 96.
ТУРЦИЯ, европейские планы раздела Т. и Россия — 124, 155, 157, 180.

У

УЛЬТРАМОНТАНСТВО в Швейцарии — 252.

Ф

ФАНАРИОТЫ — 181, 201.
ФЕОДАЛИЗМ, уничтожение в Венгрии — 383, см. также **КРЕПОСТНОЕ ПРАВО**.
ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО и буржуазия — 94; землевладение — 95; феодальные крестьянские повинности — 383.
ФИНЛЯНДИЯ и Россия — 154.
ФОКШАНСКИЙ КОНГРЕСС (1772 г.) — 153.
ФРАНКФУРТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ — 108 — 118, 281, 282; дебаты по национальному вопросу — 283; по поводу конфликта между министерством Бранденбурга и Берлинским собранием — 285; по поводу воззвания к народу — 113, 115.
ФРАНЦИЯ — 122, 150, 157—158, 190; население и классовый состав — 168—169; экспорт и открытие золота в Калифорнию и Австралии — 170; положение перед войной 1859 г. — 122, 171; см. также **САВОЙЯ** и **НИЦЦА**, **РОССИЯ**, **ГЕРМАНИЯ**.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА, БОНАПАРТИЗМ.
ФРОНДА — 28.

Ц

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ — см. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МАРТОВСКИЙ СОЮЗ (1848 г.) — 110, 111.

Ч

ЧЕРКЕСИЯ — 124, 242, 243.

III

ШВЕЙЦАРИЯ — 48, 49, 334—344; война с Зондербундом — 192;
Невшательское дело — 191; бонапартистская политика и
пропаганда в Ш. — 193—198, 214; бонапартистская агентура в Ш. — см. БОНАПАРТИЗМ; см. также САВОЙЯ
и НИЦЦА.

ШВЕЦИЯ и Крымская война — 178.
ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТИНИЯ — 157.

Э

ЭМИГРАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО (Кинкеля) — 91, 101—104,
119, 358.

ЭМИГРАЦИЯ, демократическая 1848—1849 гг. — 16; характеристика — 15; немецкая — 34, 50, 52, 83, 334, 351; см. также
СЕРНАЯ БАНДА и БЮРСТЕНГЕЙМЕРЫ; венгерская —
240, 242, 245, 246; см. еще в именном указателе КОШУТ и
БАНДЯ; французская — 239, 351.

Я

ЯЗЫК, славянский в Европе — 164; немецкий — 164; лужицко-
венденский — 164; польский — 164; Богемский — 165.
ЯКОБИНЦЫ — 42, 56.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА, УПОМИНАЕМЫХ В НАСТОЯЩЕМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. — «Манифест коммунистической партии» (1-е немецкое издание, Лондон, февраль 1848 г. — Сочинения, т. V, стр. 483) — 81, 92—95.

МАРКС К. — «Нищета философии» (французское издание, Париж и Брюссель 1847 г. — Сочинения, т. V, стр. 295) — 93.

— «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (напечатано в журнале «Die Revolution», Нью-Йорк 1852 г., изд. И. Вейдемейера — Сочинения, т. VIII, стр. 321) — 26.

— «Рыцарь благородного сознания» (памфлет на немецком языке — Нью-Йорк 1853 г. — Сочинения, т. VIII, стр. 559) — 86, 357.

— «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (одновременно Бостон и Базель 1853 г. — Сочинения, т. VIII, стр. 503) — 44, 46, 52, 64—67, 299.

— «Пальмерстон и Польша» (перепечатано из «New York Tribune» в виде памфлета, Лондон, Туккер, 1853 г. — частично по-русски напечатано в Сочинениях, т. IX, стр. 487 и сл.) — 150.

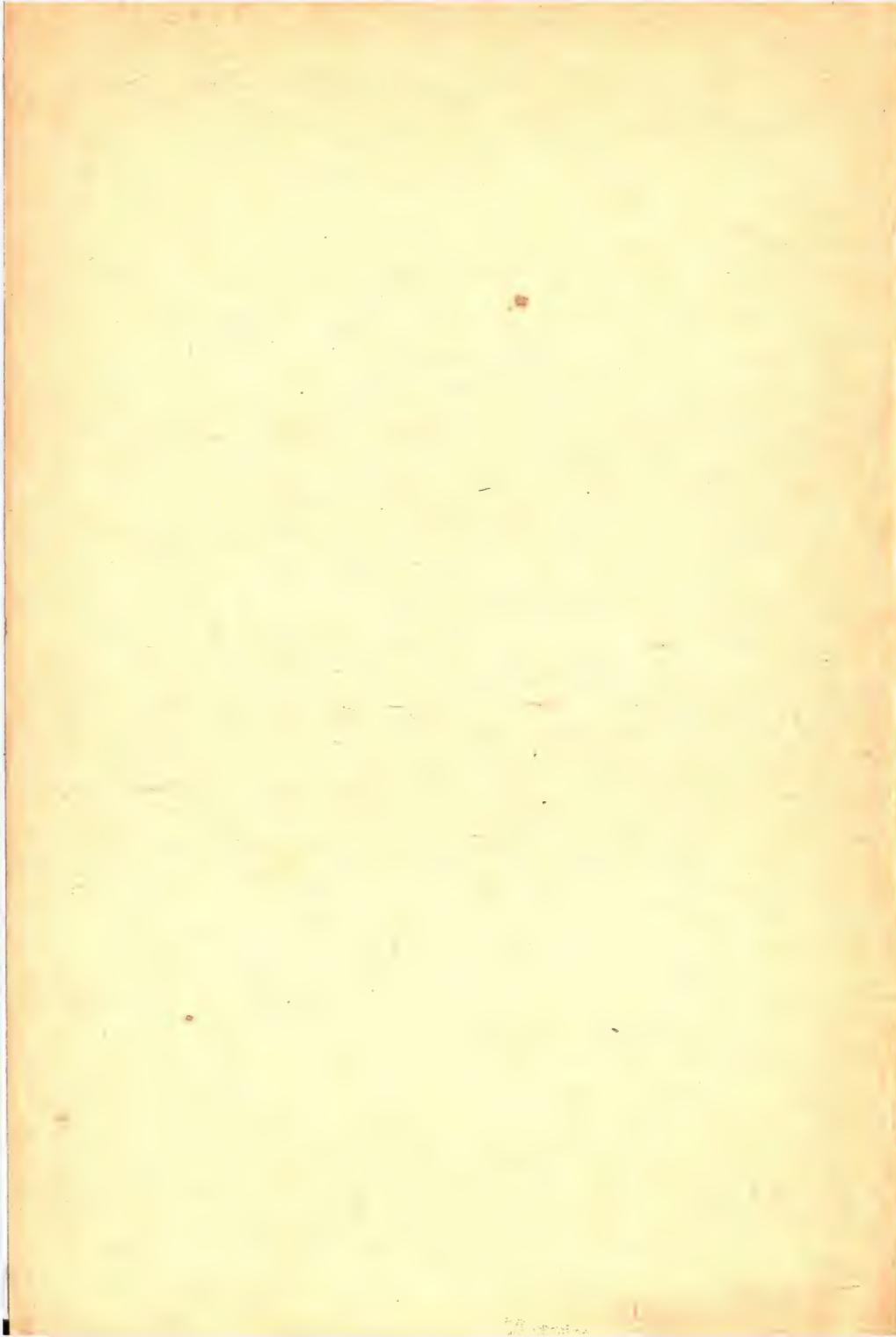
— «Разоблачение дипломатической истории XVIII столетия» (напечатано в шеффильдской, затем в лондонской «Free Press» 1855 — 1856 гг.) — 125.

ЭНГЕЛЬС Ф. — «Положение рабочего класса в Англии» (1-е немецкое издание, Лейпциг 1845 г., 2-е там же, 1848 г. — Сочинения, т. III, стр. 293) — 94.

— «Борьба за имперскую конституцию» (четыре статьи из «Обозрения Новой Рейнской Газеты»: I. «Рейнская Пруссия»; II. «Карлсруэ»; III. «Пфальц»; IV. «Умереть за республику», Гамбург 1850 г., № 1—3 — Сочинения, т. VII, стр. 399) — 101.

— «По и Рейн» (1-е немецкое издание, Берлин 1859 г. — Сочинения, т. XI, ч. 2) — 122.

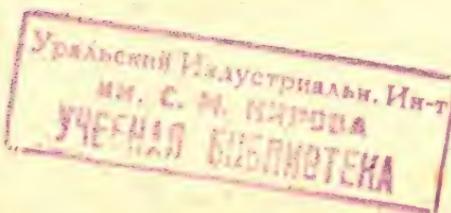
— «Савойя, Ницца и Рейн» (1-е немецкое издание, Берлин 1860 г. — Сочинения, т. XII, ч. 1) — 122.



СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИНСТИТУТА МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	15
I. СЕРНАЯ БАНДА	18
II. БЮРСТЕНГЕЙМЕРЫ	31
III. ПОЛИЦЕЙЩИНА	44
1. Собственное признание	—
2. Революционный съезд в Муртене	46
3. Шерваль	52
4. Кёльнский процесс коммунистов	64
5. Центральное празднество немецких рабочих просветительных обществ в Лозанне (26 и 27 июня 1859 г.)	68
6. Разное	73
IV. ПИСЬМО ТЕХОВА	76
V. ИМПЕРСКИЙ РЕГЕНТ И ПФАЛЬЦГРАФ	106
VI. ФОГТ И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»	108
VII. АУГСБУРГСКАЯ КАМПАНИЯ	118
VIII. ДА-ДА ФОГТ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ (STUDIEN) . .	143
IX. АГЕНТУРА	202
X. ПАТРОНЫ И СООБЩНИКИ	236
XI. ПРОЦЕСС	290
XII. ПРИЛОЖЕНИЯ	334
1. Высылка Шили из Швейцарии	—
2. Революционный съезд в Муртене	343
3. Шерваль	344
4. Кёльнский процесс коммунистов	345
5. Клевета	357
6. Война мышей и лягушек	—
7. Полемика о Пальмерстоне	360
8. Заявление А. Шерцера	361

9. Статья Блинда в «Free Press» от 27 мая 1859 г.	363
10. Письмо Г. Оргеса	—
11. Циркуляр против К. Блинда	364
12. Affidavit Фегеле	366
13. Affidavit Вие	367
14. Из документов процесса	369
15. Памфлеты Дантю	376
16. Дополнение	381
ПРИЛОЖЕНИЯ ИНСТИТУТА МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА	
при ЦК ВКП(б)	385
УКАЗАТЕЛИ	411—451
1. Указатель имен	411
2. Литературные и мифологические персонажи	441
3. Предметный указатель	444
4. Указатель произведений Маркса и Энгельса, упоминаемых в настоящем произведении	451



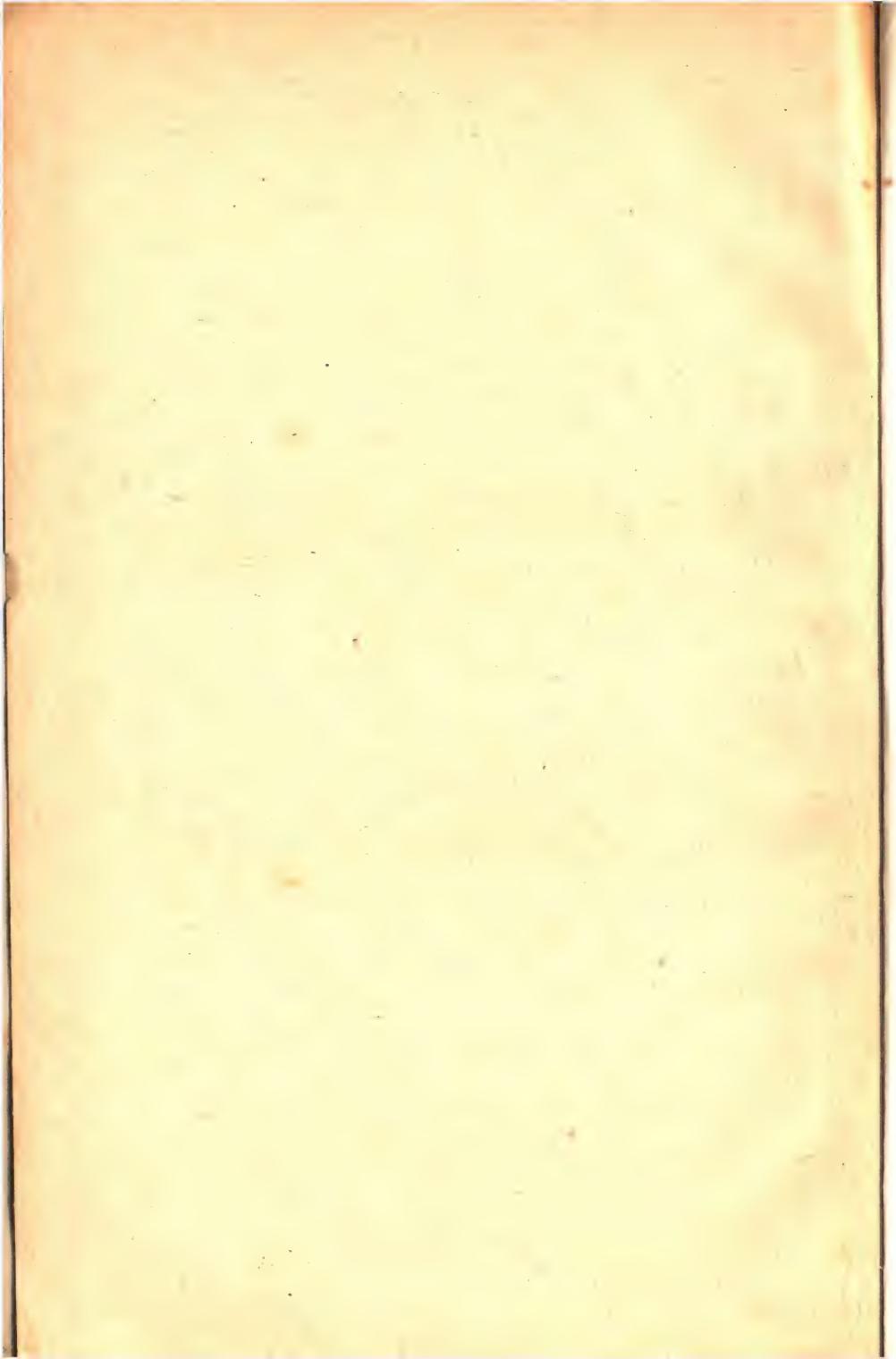
Отв. корректор А. Виноградова.

Техн. редактор И. Галактионов.

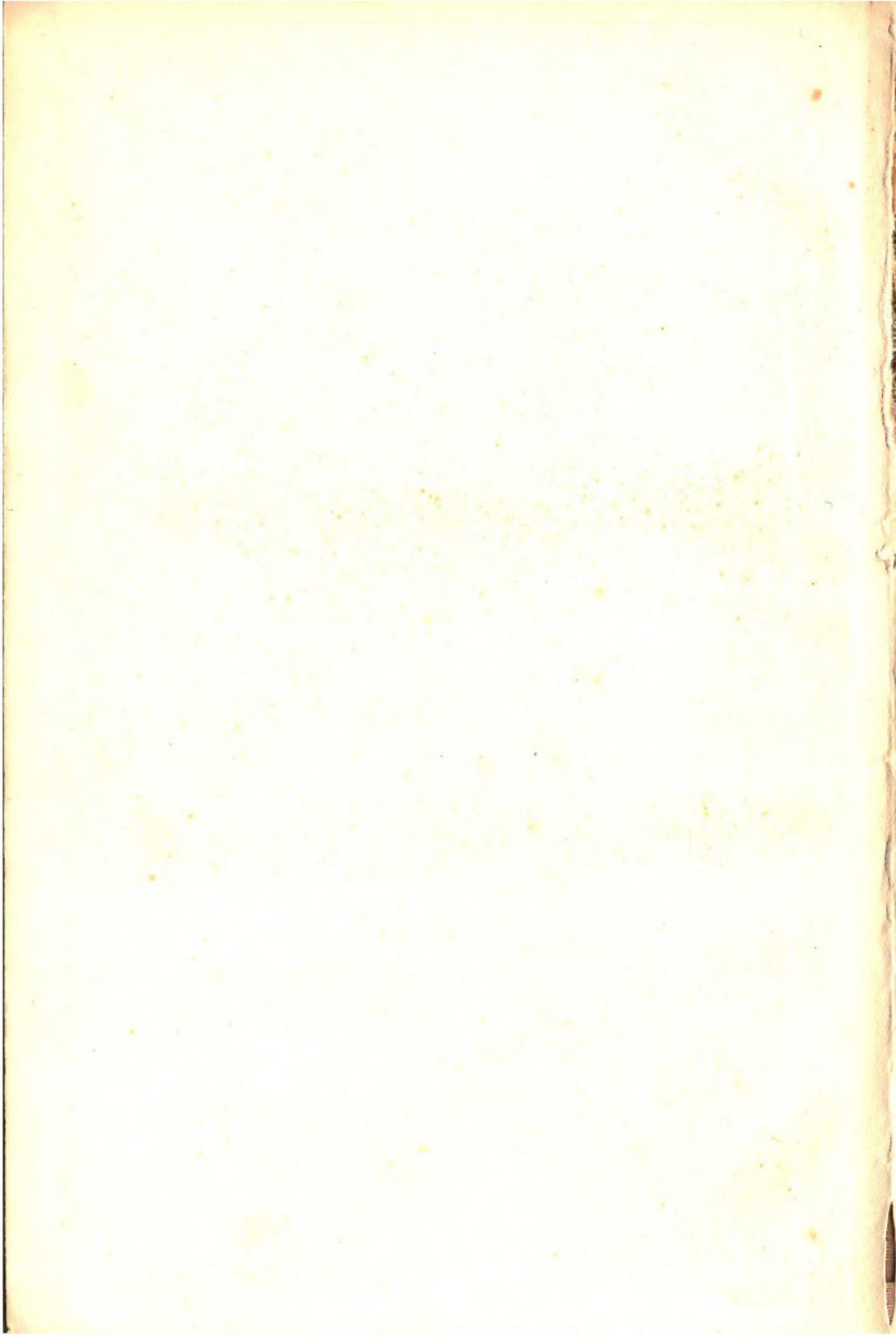
Подписано к печати 29/XI 1938 г. Леноблгортит № 4120. Государственное Издательство Политической Литературы № 1551. Заказ № 590. Формат 82×108, 28¹/₂ изч. л. (144800 п. зн. в 1 бум. листе). 7¹/₈ бум. листа, бум. для текста фабрики „Сокол“. Тираж 50.000 экз. Цена 4 р. 50 к., переплет 1 р.

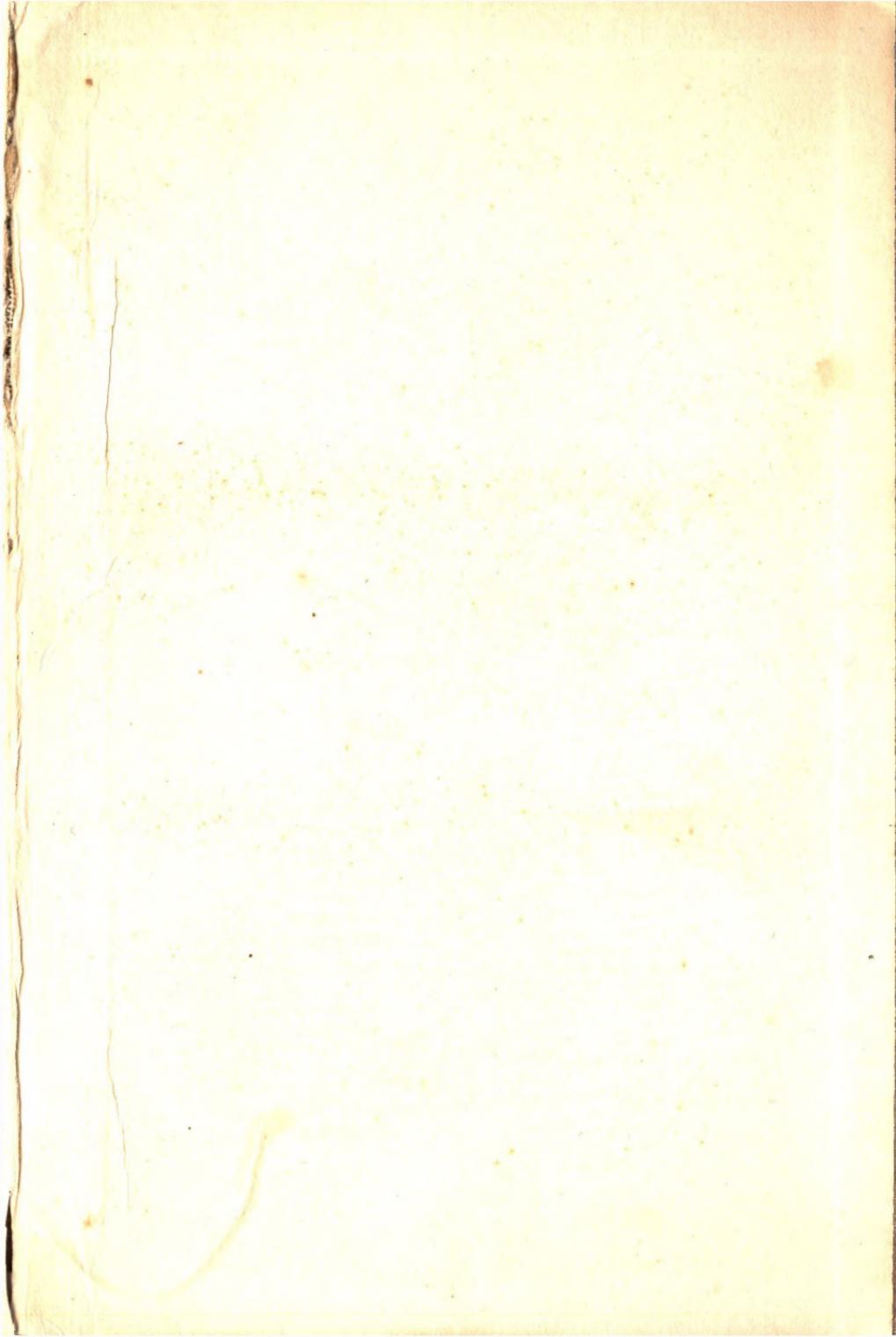
Набор и матрицы 1-й типогр. Машгиза НКМ. Ленинград, ул. Моисеенко, д. 10.

Отпечатано во 2-й типографии ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“ им. А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.



143





5p. 50k.

КАРЛ
МАРКС

ГОСПОДИН
ФОГТ

1938